Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
Таврическая академия
Философский факультет
Кафедра философии

Практическая философия: состояние и перспективы

2025

**Сборник материалов
VIII Международной
научной конференции**

Симферополь
МОО «ИС»
2025

УДК 141.201(477.75)
ББК 87.3(2)6
П 69

Проект кафедры философии Института
«Таврическая Академия» Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского

Главный редактор:
О.А. Габриелян, доктор философских наук, профессор

Ответственный редактор:
Е.Б. Зыщик, кандидат философских наук, доцент

Корректор:
Л.О. Гриненко

Практическая философия: состояние и перспективы:
П 69 сборник материалов VIII Международной научной конференции / гл. ред. О. А. Габриелян. – Симферополь: МОО «ИС», 2025. – 528 с.
ISBN 978-5-6046341-3-4

В данном сборнике собраны выступления участников восьмой научной конференции по практической философии. Как и в прошлых выпусках значительный объем публикаций – это философские размышления аспирантов всех направлений подготовки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского над темами своих научных исследований. Именно этим они интересны, так как взятые в целом показывают тренды развития современной науки и значимость для них философии. Стоит особо отметить, что наблюдается расширение географии участников конференции. Конференция обрела статус Международный. Все больше профессиональных философов начинают проявлять интерес и участвовать в ней, что также получило отражение в материалах данного сборника.

УДК 141.201(477.75)
ББК 87.3(2)6

© Коллектив авторов, текст, 2025.
© Т.О. Габриелян, оформление обложки, 2025.
© МОО «ИС», 2025.

ISBN 978-5-6046341-3-4

Сборник посвящен памяти кандидата философских наук, доцента Виктора Владимировича Буряка

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ

О.А. Габриелян
Апология философии или спор о факультетах: наброски 9
Ф.В. Лазарев
Социально-экономическая жизнедеятельность людей и моральное сознание 13
Д.В. Гарбузов
Перспектива философии: завершение эпохи текстоцентризма 22
А.М. Тимохин
Гуманность практической философии 24
Д.В. Изибаиров
Клаус Шваб: 2025 – глубинные изменения 34
В.А. Гурин
Информационно-коммуникативная среда как форма ноосферной реальности 47

II. ГОРИЗОНТЫ ПОЛИТИКИ И ПРАВА

С.А. Карякин, *А.И. Креминский*
Холодная война в спорте против России в XXI веке: социокультурное измерение 51
М.О. Борисов
Трансформация правосознания в контексте современный практики заключения договоров условного депонирования 54
А.С. Майданюк
Власть «молчаливого большинства»: скрытая сила и механизмы влияния 57
Г.В. Петросян
О политико-правовой культуре граждан России 65
Э.Р. Усейнов
Регулирование Искусственного Интеллекта в контексте охраны интеллектуальной собственности 71
Э.В. Павловская
Санкции как инструмент влияния на участников политического процесса на примере Республики Крым 75
Н.А. Дрозд
БРИКС: симфония стран 80
М.И. Пешук
Туристско-ориентированные территории как экосистема: геополитические аспекты 84

III. ГОРИЗОНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

А.Ю. Лустенко
Древнерусские духовные стихи: космогония и парадоксы временного континуума 89
О.К. Шевченко
Социальная фантастика в гносеологическом поле практической философии 94
Д.В. Клёб
Образы виртуальной реальности в произведениях жанра фантастики как фактор формирования современной цифровой культуры 98
Э.Н. Свинцовский
Энциклопедизм как культурный идеал в европейской истории 102
Е.В. Полховская, А.В. Рейнова
Современная философия как интеллектуальная акробатика в пьесе тома стоппарда «прыгуны» 107
Д.Ю. Котляров
Использование Искусственного Интеллекта в журналистике и проблема креативности 112

IV. ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Ю.М. Лустин
Профтипограмма студента в образовательной парадигме практической философии: концептуально-праксеологический аспект 117
З.Г. Склярова, Е.Е. Луцькая, С.В. Курилина
Формирование гражданской идентичности и патриотизма в контексте зарубежной и отечественной философии образования 122
В.С. Кулик
О системе преподавания философских наук 126
Д.И. Дубиков
Специфика преподавания дисциплины «Основы философии» в условиях реализации образовательных программ среднего профессионального образования 131
Л.О. Пазина, В.В. Макиенко
Воспитание в современной российской системе образования: в контексте философского наследия Э.В. Ильенкова 135
Ф.А. Османова
Социально-политические проблемы преподавания истории: формирование гражданственности 139
А.В. Ковтонюк
Проблемы профессиональной переподготовки кадров для отраслей экономики в условиях цифровизации 145
С.А. Гришина
Педагогические идеи русских поэтов Серебряного века: философский контекст 152
К.В. Добренький, А.И. Креминский
Фальсификация Великой Отечественной Войны: социально-философский анализ 157

V. ГОРИЗОНТЫ КУЛЬТУРЫ

В. Добрева
Культурная память и забвение 162
А.В. Ставицкий
Роль мифа в борьбе за историю и историческую память после развала СССР в Крыму и Северном Причерноморье 167
А.В. Швецова, Л.С. Гаспарян
Культурные индустрии как способ современного глобального влияния 171
Е.М. Палевская, Л.Б. Фрейверт
Практическая философия художественного творчества в свете концепции «путь героя» Дж. Кэмпбелла 176
А.Г. Назаренко
Библиотека.LI 181
М.В. Сидор
Карнавальная культура как способ формирования виртуальной социальности 187
Е.Ю. Парфёнова
Философские топосы в контексте культурного наследия Крыма 191
З.А. Жаворонкова
Этнические орнаменты: анализ проблем и перспектив культурной капитализации 199
Д.А. Дяченко
Ольфакторное пространство мемориальных музеев: новые горизонты сохранения памяти о войнах 203
И.А. Айсинов
Фундамент как архитектурная конструкция: культурный символизм и строительная практика 207
К.И. Аюпова
Экзистенциальный страх и цифровая культура: человек перед вызовом постмодерна 211
Е.В. Шаптала
Изъяны становления цифрового искусства 216

VI. ГОРИЗОНТЫ СОЦИАЛЬНОСТИ

С.Б. Пономарев
Нейросетевая модель аутоцепликации тюремной субкультуры 221
Е.С. Ковалёва
₽СО[1] (₽убли социализации общества) – новый метод социализации денег с учётом законов диалектики От количества к качеству 225
И.А. Бурганов, Л.Г. Хает
Запах духа времени: сказка как инструмент социологии 231
Мухитдинова Мунаввархон
Формирование новых теоретико-методологических подходов к статистическому анализу и сбору данных в условиях цифровой трансформации в Республике Узбекистан 237
А.А. Гуров
Генезис медиации: от традиционных форм к современным практикам 242
А.С. Рукавишников
Медиация как ответ на вызовы общества риска: социально-философский анализ 247

А.А. Венедиктов
Специфика взаимодействия церкви и государства в цифровую эпоху в Дании 253
Д.Ю. Сечин
Конструирование медийного героя: три уровня смыслообразования 258
И.С. Кульчейко
Деятельность Симферопольской и Крымской Епархии по сохранению в обществе традиционных духовно-нравственных ценностей: 1944–1991 гг. 262
М.В. Грибалёва
Виртуальные религиозные практики и их влияние на религиозный опыт 269
Ю.А. Ерёменко
Феномен зрелости в исторической ретроспективе 274
А.Э. Курзянков
Талант как ресурс: как организациям найти человека со способностями и как их реализовать 279
М.Е. Дудник
Социальное проектирование Украины в Крыму: крымские татары как противовес русскому населению Крыма 284
А.Д. Кирющенко
Цифровое неравенство и доступ к информации: социально-философский анализ 288
Р.Р. Асанов
Человек как субъект и акцептор организационного развития 293

VII. ГОРИЗОНТЫ НАУКИ, ТЕХНИКИ И ТЕХНОЛОГИИ

П.Е. Григорьев
Реализация онтофеноменологического единства мультиверса через общезначное время 297
Е.Б. Зыщик
Технологические трансформации современного общества: основные измерения и процессы 305
И.Д. Аидинов
Человек в контексте ноосферы: эпоха антропоцена 314
В.П. Березуцкая
Фундаментальные характеристики сознания нейроотличных людей 318
С.Е. Александрова
Ограничивает ли язык мышление? 324
В.С. Пищурова
Философское осмысление экологического кризиса и его последствий для человечества: техногенное воздействие на опылителей 328
С.А. Леляков
Антропный космологический принцип: проблемы и заблуждения 333
М.М. Костриков
Перспективы современной математики: философское осмысление в контексте развития ИИ 338
И.С. Костромитин
Социальное измерение экологии: проблема лесозащитных полос 342

А.Д. Шешукова
Научно-технологическое развитие как фактор трансформации в «обществе риска»....347
Д.В. Максимов
Лазер: история и философия одного открытия....354
А.А. Степочкин
Поведенческая экономика как модель анализа социальных перспектив науки....359
А.П. Артамин
Антропогенные факторы и их влияние на диких животных и экосистемы....364
Э.Т. Измаилов
Рождение ботаники как науки....369
В.Р. Лукичев
Инновационное развитие как философия функционирования промышленных предприятий....372
Я.У. Меметов
Виноградарство как культурный институт....376

VIII. ГОРИЗОНТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Д.А. Цыбрик
Как рекомендательные алгоритмы влияют на общественное мнение и культурные тренды....380
Т.А. Машарипов
Подходы к реализации цифровых аватаров с использованием больших языковых моделей (llm)....384
П.Р. Дудинов
«Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна....393
С.С. Халиляева
Цифровой след, аватар, бессмертие: возможности и ограничения....397
А.А. Михайлина
Логико-методологические основания определения понятия «персональные данные» в контексте цифровизации....402
А.С. Проценко
Основные направления диджитализации в Гренландии....407
Д.Д. Литвиненко
Видеоигры как форма культурной новации....411
Д.В. Иванов
Автономность ИИ в строительном менеджменте: границы и вызовы....414
О.С. Бекиров
Альтернативные источники энергии: мифы и реальность....419
И. Ярош
Перспективы интеллектуальной цифровизации экономики России....423
Т.М. Акулова
Иррациональное как фундаментальный барьер в разработке сильного ИИ....431
И.Г. Неверов
Может ли материальная культура перейти в цифру?....436
Б.С. Апальков
Влияние антропоморфизма на восприятие ИИ обществом....440

Д.В. Авдеенко
Перспективы человеко-машинных отношений: искусственный интеллект – угроза или панацея? 445

IX. ГОРИЗОНТЫ ЭТИКИ

Ю.А. Артёмова
Тема неопределённости в немецкой классической философии 449
А.В. Камышникова
Сельскохозяйственная биотехнология растений: этические аспекты 454
О.А. Пасечник
Философские основания и этические дилеммы выбора инноваций в корпоративных экосистемах 459
А.А. Кондаранцева
Социальные сети как испытание любви: христианский ответ на цифровую агрессию и дегуманизацию 464
В.А. Макаров
Этика взаимодействия человека и ИИ: границы ответственности 468
И.С. Гайдаржи
Этические стандарты смарт-продуктов в краткосрочной перспективе: возможности и проблемы 471
Г.Т. Костовски
Этика и ответственность в принятии решений в строительстве 476
И. Мизунский
Справедливость в деловых отношениях 482

X. ГОРИЗОНТЫ МЕДИЦИНЫ

Э.Р. Юсупова
Этика заботы и феномен выгорания врачей: философские аспекты здоровья, мотивации выздоровления и социальной ответственности 487
К.Г. Бондарь
Социальные аспекты метаболически ассоциированной жировой болезни как пандемии XXI века 494
Д.В. Славин
Социальная адаптация людей с ограниченными возможностями 500
О.С. Демакова
Социальные факторы развития медицинского туризма в Крыму 508
К.Ю. Павловский
Социальная адаптация диализных пациентов: сложности и возможности 512
Д.Р. Чачиев
Этические проблемы применения интеллектуальных продуктов в современной медицине: состояние и перспектива 518
М.А. Батовская
Физиотерапия: институционализация и рождение профессии 522

УДК 101.1

АПОЛОГИЯ ФИЛОСОФИИ ИЛИ СПОР О ФАКУЛЬТЕТАХ: НАБРОСКИ

APOLOGY OF PHILOSOPHY OR DISPUTE ABOUT FACULTIES: SKETCHES

Габриелян Олег Аршавирович
доктор философских наук, профессор,
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Gabrielyan Oleg
Doctor of Philosophy, Professor,
Crimean Federal V. I. Vernadskiy University

Аннотация. Современная философия преодолевает свой кризис на путях активно развития практической философии. Она вступает в период своего возрождения после десятилетий «нормального развития» достигнув определенных «схоластических» высот. В статье предлагаются конкретные решения на вызовы университетскому преподаванию философии и подготовки соответствующих кадров.

Abstract. Modern philosophy is overcoming its crisis on the path of active development of practical philosophy. It is entering a period of its revival after decades of «normal development» having reached certain «scholastic» heights. The article offers specific solutions to the challenges of university teaching of philosophy and training of relevant personnel.

Ключевые слова: практическая философия, университет, миссия, технологии мышления

Keywords: practical philosophy, university, mission, technologies of thinking

Всех тех, кто заявляет о не востребованности специальности «философия» необходимо поблагодарить по той важной причине, что они актуализируют проблему развития специальности. А последнее невозможно без развития самой философии. Будем исходить из мысли, что все эти коллеги достаточно продвинутые и могут разобраться в нашей апологии философии, хотя она меньше всего в этом нуждается, так как потребность в ней экзистенциальная – это жизненно важная человеческая необходимость постоянно думать, рефлексировать. Каждый из нас является стихийным философом, и только для небольшого числа людей эта способность теоретического осмысления в понятиях различных проблем, с которым сталкивается человек и общество, становится призванием. Так рождается философия и философы.

Но как я понимаю, такие рассуждения в глазах прагматиков от образовательного процесса неубедительны. Они задаются вопросами:

Для кого мы готовим кадры? Кому нужны выпускники по направлению подготовки «философия»? При этом эти вопросы, распространяются чуть ли не на весь ряд специальностей социально-гуманитарного профиля?

Апория первая. Университет не готовит кадры для экономики в том смысле, что есть перечень вакантных должностей, которые должны занять выпускники. В таком прямолинейном понимании система подготовки кадров не работает. Иначе мы давно прекратили бы выпускать юристов и экономистов и переключились бы на подготовку курьеров, дворников, строителей различных специальностей и др., в которых есть большая потребность на рынке труда практически во всех регионах России и которым очень прилично платят.

Система образования готовит кадры с различным набором компетенций, то есть с тем, что выпускник реально знает и умеет. Система компетенций более гибкая, чем квалификация, записанная в дипломе. Выпускника принимают на работу не столько по диплому, сколько по освоенным знаниям и навыкам. Это особенно становится очевидным, когда выпускника принимают в частную фирму, где ошибки приема на работу покрываются не из государственного бюджета, а из дохода частного предприятия, который еще надо произвести.

Апория вторая. Мы имеем не совсем сложившийся рынок, а скорее квазирынок – *как бы* рынок. Только сейчас на четвертом десятке лет социально-экономической трансформации страны начинаем сталкиваться с потребностями рынка в компетентных специалистах. Очень трудно оставить работать в университете толковых выпускников, так как вне зависимости от специальности они востребованы. А слабые выпускники, которые имитировали учебу, мало кому нужны даже с красными дипломами, когда собираются оценки, а не компетенции.

Апория третья. Все те, кто работает в высшей школе не могут не видеть, что идет повальная имитация образовательного процесса. Студенты делают вид, что учатся, а преподаватели и администрация делают вид, что учат и организуют как бы эффективный образовательный процесс. Хотя справедливости ради стоит отметить, что в любое время, в любой системе образования всегда присутствуют десять процентов, желающих учить и учиться вопреки всем негативным обстоятельствам и, собственно, самой системе образования.

Апория четвертая. Мы находимся в глобальном кризисе и кризис системы высшей школы отражает его в конкретной предметной области, потому что именно здесь пересекаются нервные узлы политических, социальных, экономических, культурных, научных трансформаций. Государству нужны не просто специалисты, но с определенной гражданской идентичностью. В противном случае оно столкнется и сталкивается с

тем, что хорошие специалисты при определенных экономических условиях покидают его.

Могут спросить: речь же идет не о системе высшей школы, а об трудоустройстве «философов». Дело в том, что философский факультет *выпускает* не философов в том смысле, что не готовит Платонов, Аристотелей, Кантов или Гегелей, как не готовит Литературный университет – поэтов и писателей. Философский факультет готовит специалистов с определенным набором компетенций: критическим и креативным мышлением, способными работать в командах и формировать их, проявляя лидерские качества, готовых порождать новые смыслы для социально-гуманитарных проектов и подвигать сообщества на их реализацию. Не случайно, что именно в настоящее время становится востребованным практическая и даже прикладная философия. Собственно, миссия философского факультета готовить «интеллектуальный спецназ,» востребованный для социально-гуманитарного проектирования. Обратим внимание, что именно этим озадачено Агентство стратегических инициатив (АСИ), созданная правительством России.

Востребованы, отмеченные компетенции на рынке труда, безусловно. Любой философский факультет может предъявить количественные и качественные показатели востребованности своих лучших студентов, освоивших отмеченные компетенции.

Мир, в котором мы уже живем и в котором будут жить наши выпускники однозначно требует наличие у людей *мягких навыков,* а они формируются при освоении соответствующих технологий мышления: логического, критического, стратегического, системного, визуального, сценарного и др. Именно это уже востребовано сегодня и тем более будет востребовано завтра. Эти знания и умения не «ржавеют» со временем, в то время как конкретные, якобы востребованные, специалисты в современном университете готовятся всегда к прошлому состоянию профессии и научаются ей, в лучшем случае, уже на производстве. Не говорим уже о том, что некоторые специальности, как бы востребованные сегодня, завтра просто исчезнут.

Казалось бы, кому нужна такая «эфемерная» философская дисциплина как этика, а выясняется, что она становится ключевой не только для перспективы существования человечества в целом, но, в частности, для разработок в области ИИ. Сами айтишники говорят о необходимости в *Digital Philosopher.* Они дальше не могут развиваться без философии.

Конечно, административным решением можно ликвидировать философский факультет и это, наверное, будет *главным достижением* администрации, которая войдет в историю своего университета как реформатор, который превратил университет в техникум. Но можно подойти к проблеме нестандартно – проложить путь к университету 4.0 – когнитив-

ному университету, где философам есть что предложить для всего университета, так и для общества в целом, а значит и рынку труда.

Для университета: расширить курс «Теоретическая и практическая философия», превратив его в площадку междисциплинарного обсуждения идей для социо-гуманитарных проектов, как регионально значимых, так и для федерального уровня. Причем без перетягивания нагрузки на те или иные кафедры. Очевидно, что у России есть запрос на «сильные идеи». А успех в этом может обеспечить освоение технологий мышления всеми направлениями подготовки. Философам есть чем заняться в университете со своими коллегами с других факультетов.

Нет ненужных факультетов нужна стратегия и видение перспективы, а считать, что время И. Канта с его «Спором факультетов» прошло, потому что изменились потребности рынка и мы живем в другое время, на наш взгляд, ограниченное видение. Мы лучше останемся солидарны с И.Кантом. При этом нас обнадеживает позиция президента страны, который время от времени обращается к наследию русской философии.

За будущее философии и специальности «философия» мы спокойны. И то, и другое существует независимо от воли администрации регионального вуза, которая проводит стратегические сессии, вырабатывает Приоритеты и даже активно пользуется философской терминологией и не может выявить причину: почему ситуация в университете становится все хуже и хуже по базовым показателям. Нам представляется это происходит, прежде всего потому, что мы так и не выявили миссию университета в целом и конкретного университета, в частности. Последнее обстоятельство не менее важно, чем первое. К сожалению, наш Крымский федеральный университет так и не определился со своей миссией. То, как она сформулирована – подходит для любого региона, достаточно поменять его географическое название. Следовательно, стратегические сессии не дали содержательного результата.

Caecus caeco dux!

А может: **Caeci ducunt visum!**

УДК 172

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЮДЕЙ И МОРАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

SOCIAL AND ECONOMIC ACTIVITIES OF PEOPLE AND MORAL CONSCIOUSNESS

Лазарев Феликс Васильевич
Профессор, доктор философских наук, профессор кафедры философии философского факультета Института «Таврическая Академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» г. Симферополь
Lazarev Felix Vasilyevich
Professor, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of the Faculty of Philosophy of the Institute "Taurida Academy" of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University Simferopol

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы взаимодействия различных сфер жизнедеятельности людей. В центре внимания автора находится проблема повышения роли духовно-нравственного начала в жизни общества. Моральная нагруженность всех видов социально-экономической и культурной активности становится велением времени в условиях глобальных вызовов в современном мире.

Abstract. The article examines current issues of interaction between various spheres of human activity. The author focuses on the problem of increasing the role of spiritual and moral principles in the life of society. The moral burden of all types of socio-economic and cultural activity is becoming a requirement of the time in the context of global challenges in the modern world.

Ключевые слова: моральное сознание, практика, практическая философия, жизнедеятельность, духовно-нравственная нагруженность.

Keywords: moral consciousness, practice, practical philosophy, life activity, spiritual and moral load.

В последние годы в исследованиях по практической философии все более заметное место начинает занимать этическая проблематика. Эта интенция вполне соответствует смыслу и духу теоретических размышлений основоположника практической философии И. Канта. Похоже на то, что он был вдохновлен идеей предложить своего рода философский проект моральной реформы в современном ему обществе. В связи с этим он выстраивает новую конструкцию аксиосферы в горизонте тех социокультурных сдвигов, которые произошли в Европе с эпохи Возрождения.

Речь идет в первую очередь о проекте Просвещения и процессах секуляризации. В этом контексте немецкий философ детально разрабатывает целостную концепцию сущности морали. Главная мысль – существование объективных онтологических оснований нравственного сознания («моральный закон внутри нас», понятие «категорического императива» и др.). Начальной клеточкой духовно-нравственного сознания индивида выступает понятие морального долга.

Вводя в философский оборот понятие «практическая философия», Кант ставил перед собой задачу, во-первых, обогатить культуру мышления новым типом рефлексии, во-вторых, объединить в едином смысловом поле мораль как особый социо-культурный феномен и практику как одну из сущностных сил человека. Надо заметить, что оригинальный проект немецкого мыслителя не прижился среди философов того времени. Это связано, в частности, с тем, что внутренняя логика развития европейской цивилизации ставила перед общественно-политической мыслью совсем другие задачи. В Европе назревали бурные революционные времена. Этическая проблематика переместилась на второй план. Но в одном, пожалуй, философское чутье Канта не подвело его. Речь идет о его интересе к категории практики в широком смысле этого слова.

Категория практики как ключевая мировоззренческая установка XIX века

Идея о человеке как активном существе, которое с помощью предметно-материальной деятельности преобразует окружающий мир, обеспечивая тем самым социальный прогресс – это сквозная философская и мировоззренческая установка XIX в. Глубинный смысл практики в ее антропологическом измерении вскрыл еще Б. Франклин в конце XVIII столетия в своем знаменитом определении человека как животного, делающего орудия. Фундаментальный анализ рассматриваемой категории был дан классиками марксизма. С их точки зрения практика есть прежде всего материальная сущностная сила, чувственно-предметная форма жизнедеятельности, цель которой – освоение природных и социальных сил. Практическое отношение к миру носит универсальный характер и является способом бытия человека в мире. В последней трети XIX столетия практика как категория широко используется в трудах представителей прагматизма, а в начале следующего века эту проблематику подхватывают в своих сочинениях неокантианцы.

Образ человека как венца природы, как преобразователя окружающей действительности продолжал доминировать в культурном самосознании и в первой половине XX столетия. В эти годы невиданными темпами шли процессы урбанизации, индустриализации и электрификации во многих странах мира. Пафос покорения природы охватил широкие слои населения. Как говорил наш знаменитый селекционер и ученый И.В. Мичурин: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача».

Вторая половина XX века: смена эпох

В 60-е годы прошлого столетия человечество впервые столкнулось с проблемами экологического характера во всей их остроте. Планетарная цивилизация начинает все больше осознавать те угрозы, которые таит в себе экологический кризис как следствие безответственного и варварского обращения людей с окружающей средой. При этом масштабы техногенного воздействия на природу существенно возрастали с каждым десятилетием. Загрязнение окружающей среды, выбросы в атмосферу ядовитых газов, неконтролируемое накопление отходов хозяйственной деятельности – все это стало приобретать планетарный характер. Природа оказалась ранимой и беззащитной перед лицом безудержного активизма человека.

Всестороннее осмысление указанного факта привело к формированию экологического сознания. К широким массам людей пришло понимание того, что безоглядный и безответственный активизм порождает угрозу устойчивому существованию нашей планеты и самого рода человеческого. Стало ясно, что деятельность людей как в глобальном, так и в индивидуальном измерении нуждается в общественном контроле и правовом регулировании. Вместе с тем появляется осознание личной ответственности каждого за судьбы планеты. В решение острых экологических проблем в разных странах мира активно включились как государственные учреждения, так и общественные организации.

На рубеже XX и XXI в. негативная оценка прагматической стратегии человеческой цивилизации по отношению к природе выходит за рамки собственно экологического измерения. Наступило время радикального переосмысления практики в целом как сущностной силы человека. В этом контексте оживился интерес к кантовскому проекту практической философии. Удивительным образом оказалось, что существенно пересмотреть нужно не только наше понимание преобразовательной деятельности, но и ее глубинную связь с моральным сознанием, с проблемами этики, с активной позицией каждого индивида по отношению к будущему планеты.

Вместе с тем обнаружился и еще один ракурс проблемы. Дело не только в характере предметного взаимодействия человека и природы. Негативные последствия могут вызывать все виды жизнедеятельности людей – экономика, политика, наука и др., если они нарушают определенные принципы своего функционирования. Разве, например, бесконтрольная коммерциализация таких сфер, как здравоохранение, образование, искусство не ведет к определенной деградации этих сфер, не оказывает пагубного влияния на жизнь больших масс людей, не вызывает серьезные кризисные ситуации?

Выявление новых аспектов проблемы, очевидно, существенно расширяет проблемное поле современной практической философии[1]. Под пристальным взглядом аналитиков теперь оказываются вопросы полноценного, гармоничного функционирования всех сфер деятельности людей – хозяйственной, правовой, образовательной и т.д. С годами в философском сообществе стала созревать идея о разработке особого дискурса практической философии, в контексте которого критический анализ различных форм жизнедеятельности людей соединился бы с метафизикой человека как учении о сущностном бытии субъекта[2]. Повышенное внимание к антропологическому аспекту проблемы продиктовано тем обстоятельством, что экологическая проблематика вышла на новый экзистенциальный уровень. В итоге практическая философия сегодня представляет собой единство трех аспектов – праксиологический, и антропологический аксиологический.

Практическая философия в горизонте нового столетия

Первый вопрос, который встает сегодня перед практической философией, связан с анализом диалектического взаимодействия ключевых сфер жизнедеятельности людей – производственной, правовой, культурной и др. Каждая из этих сфер представляет собой относительно замкнутую целостность со своими целями, средствами, технологиями, достигаемыми результатами, образуя своего рода «монаду» Лейбница. Все сферы находятся во взаимодействии и диалектической связи друг с другом, образуя многомерную систему. Характер и формы взаимоотношения сфер в ходе социального развития постоянно меняются. В какие-то эпохи одни выходят на первый план, другие теряют свою актуальную значимость и востребованность обществом. Важно, однако, подчеркнуть, что социум как целостная система не может полноценно существовать, если отсутствует или находится в состоянии деградации какая-либо из составляющих его монад. Так, очевидно, что ни одна развитая цивилизация не может сохранять свое историческое бытие без производства материальных благ, без государственной системы, без морали и права и т.д. В равной степени важно иметь в виду и другой аспект: отсутствие полноценного влияния одной сферы на другую (например, отсутствие эффективного правового регулирования рыночных отношений) может привести к упадку этой последней.

В контексте сказанного возникают и вопросы более широкого характера, связанные с философией истории как таковой. Прежде всего речь идет о проблеме первичности и вторичности. К. Маркс утверждал, что

---

[1] Габриелян О.А. Практическая философия: вызовы современности. II Практическая филолософия: состояние и перспективы. – Симферополь: ООО «Антиква», 2018, с.7-11.

[2] Лазарев Ф.В. Феномен расчеловечивания человека в современном мире II Практическая философия: состояние и перспективы – Симферополь: ООО «Антиква», 2020, с. 15-32.

материальное производство, материальные интересы господствующих классов детерминируют в качестве базиса все элементы надстройки – государство, политику, право, мораль и т.д. Философ был убежден в том, что «общественное бытие определяет общественное сознание». Приведенные положения, как известно, лежат в основе материалистического понимания истории.

Что можно сказать сегодня по поводу марксистской версии философии истории? Всесторонне обсуждение данного вопроса выходит за рамки настоящей статьи. Однако на некоторые моменты все же следует обратить внимание. Прежде всего необходимо отметить, что в некотором интервале абстракции теория Маркса остается в целом верной и сегодня, но она требует определенной корректировки. Здесь следует обратить внимание на два аспекта. Во-первых, сам Маркс говорил об «обратном» воздействии надстройки на базис, другими словами, о диалектике взаимоотношения различных сфер. Однако этот тезис требует более конкретного раскрытия. Сегодня мы можем определенно утверждать, что в контексте мировой истории неверно делить сферы социума на основополагающие и на производные, вторичные. Правильнее было бы говорить об их равнозначности. Другое дело, что в те или иные исторические эпохи какая-то сфера (напр., экономика) начинала доминировать над другими и во многом определять характер их функционирования. Но на другой стадии развития ситуация могла существенно измениться. Так в известной степени произошло сегодня в странах Запада.

Любопытно, что наши отечественные специалисты и теоретики по вопросам экономики еще совсем недавно по наивности были глубоко убеждены, что в Западном мире капитализма экономические интересы и сложившиеся правила мировой торговли всегда жестко определяют все другие интересы правящих элит, их политику и стратегию. И «вдруг» Запад под идеологическим предлогом вопреки международным правилам заморозил наши гигантские активы в западных банках и, порывая со здравым смыслом, отказался от нашего дешевого газа, от наших «северных потоков», нанося тем самым невосполнимый урон своей экономике и материальному положению широких масс населения. Вера наших «экономических асов» и либеральных аналитиков в незыблемость примата материального над идеальным дорого обошлась нашему обществу. Все это говорит о том, что правильное понимание подлинной диалектики различных сфер деятельности – это отнюдь не абстрактное занятие праздного ума, а достаточно насущная проблема практической философии сегодня.

Моральное сознание как ключевое измерение сущностного бытия человека

В отличие от цивилизаций Востока современный Запад придает особое значение правовым нормам и установлениям в жизни общества. Там, где раньше для гармоничных взаимоотношений людей было достаточно руководствоваться нормами нравственности и духовными традициями, сегодня приходит правовое регулирование. Человеческая коммуникация обрастает набором казенных правил и предписаний. Что касается нашего исторического опыта, то здесь можно отметить, что если в послереволюционные годы мы на все смотрели через призму политики и партийных решений, то со времени Горбачева и Ельцина мы, подражая Западу, впали в другую крайность: общественное сознание начинает оценивать происходящие события, взаимоотношения между людьми и социальными стратами через призму рыночных отношений. Процесс коммерциализации начал проникать в систему образования, здравоохранения, культуры и т. п. Духовная составляющая стала вымываться из художественно-эстетической, общественно-коммуникативной и педагогической деятельности. Элиминация морали из тех или иных областей жизни приводит естественным образом к замене ее правом. И здесь возникает глубинная цивилизационная проблема. Как показали в свое время классики русской философии, мораль и право находятся в тонком диалектическом взаимоотношении. Право, лишенное моральных оснований и смыслов, так или иначе превращается в бездушный формализм, субъективизм и произвол. В лучшем случае мы получаем систему чисто бюрократических, оторванных от нужд и потребностей людей установлений, процедур и предписаний.

Есть ли возможность внести коррекцию в отмеченный противоречивый процесс? Российская цивилизация в течение многих веков вырастала и развивалась на базе глубинного нравственного опыта народов нашей страны. Приверженность к таким традиционным ценностям, как семья, коллективизм, солидарность, справедливость и др. в широких народных массах создает прочную основу для реализации реформаторских начинаний в области укрепления духовно-нравственных интенций в нашем обществе. Но такая работа не может идти самотеком. Здесь нужны усилия всех слоев общества, эффективные технологии и четкое понимание наших национальных целей. В этом контексте важную роль должны сыграть разработки в области практической философии.

Социокультурный мегатренд в горизонте XXI столетия

Сегодня в различных слоях нашего общества идет трудный поиск эффективных путей духовно-созидательного обновления в различных областях жизнедеятельности людей. В фокусе внимания ученых, аналитиков, деятелей культуры все чаще оказывается проблема нравственного здоровья народа, его нацеленности на непреходящие духовные ценности и многове-

ковые традиции. Этикоцентризм русской цивилизационной инициативы, переход от потребительского сознания к постэкономическому человеку вовсе не означает разрыв с законами и технологиями рынка. Речь идет о гармоничном взаимодействии всех сфер жизнедеятельности человека.

В полной мере принимая принцип самодостаточности любых социально необходимых областей жизнедеятельности, сегодня мы должны обратить внимание на новый аспект проблемы, связанный с качественным изменением роли нравственного начала в жизни общества. В социально ориентированном государстве деятельность людей не должна протекать в моральном вакууме. Отсюда следует, что возникает вопрос о духовно-нравственной нагруженности любых видов социальной, производственной и культурной активности людей – от экономики до искусства и средств массовой коммуникации. Мотивационный аспект деятельности не должен быть безразличным к духовным истокам и смыслам этой деятельности.

В свое время К. Маркс говорил об универсальной природе практики как способа бытия человека в мире. Однако прошедшее время и исторический опыт показали, что дух универсальности и общечеловеческая составляющая присущи и всему тому, что делает человек – воин, рабочий, учитель, врач, художник, священник и др.

Требование нравственной нагруженности всех видов человеческой активности в социуме предполагает понимание тех трудностей, которые возникают при реализации этого проекта. Эти трудности необходимо понять и учитывать в наших попытках реформировать всю практическую сферу в рамках современной глобальной цивилизации.

Вообще говоря, в человеческой истории попытки оценивать и контролировать одни сферы деятельности с точки зрения других встречались довольно часто. Инструментами воздействия могли быть политика, мифология, религия и др. При этом принципы и установки, с позиций которых элиты воздействовали на деятельность масс, естественно, носили субъективный, относительный характер. Ни один человек или группа людей (включая ту или иную политическую партию) не может претендовать на безошибочную позицию, «абсолютного наблюдателя», на единственно верную картину мира. Однако здесь мы сталкиваемся с проблемой диалектики относительного и абсолютного. Осмысливая эту проблему, мы должны отбросить все концепции релятивизма и плюрализма. Тот факт, что моральные нормы и оценки являются относительными, не исключает наличия в них абсолютного момента. Этот вывод правомерно вытекает из принципа интервальности[1].

[1] Лазарев Ф.В. Истина и структура реальности. Основы интервальной методологии. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019.

Как известно марксисты полагали, что мораль по своему содержанию носит классовый характер. Общечеловеческий, инвариантный аспект духовно– нравственной системы категорическим образом отвергался. Впрочем, со временем ситуация менялась. Когда в 60-е годы прошлого века у партийных идеологов возникла идея разработать «Моральный кодекс строителя коммунизма» в преддверии XXI съезда КПСС, то стало ясно, что речь должна идти о моральных принципах советского народа в целом. Это заставило теоретиков научного коммунизма внести определенные поправки в марксистское учение о классовой природе форм общественного сознания с учетом нашего исторического опыта.

Сегодня мы должны пойти значительно дальше в понимании этой проблемы, признав исходный тезис: общечеловеческое содержание морального сознания как системы ценностей и традиций не только существует, но и составляет фундамент феномена морали как таковой. Именно это содержание является, с одной стороны, условием устойчивого сохранения моральных норм на протяжении веков в рамках того или иного государства, с другой стороны, предпосылкой самой возможности взаимопонимания и диалога культур, народов и цивилизаций. Очевидно также, что указанная система ценностей лежит в основе деятельности международных гуманитарных организаций, движений и фондов (таких, например, как международный Красный крест и др.)

Попутно отметим, что современный Запад с его двойными стандартами и лживой моралью часто спекулирует на теме привлекательности общечеловеческих ценностей. В этом контексте попытка приравнять к общечеловеческим ценностям так называемую «культуру пробуждения», равно как и другие порывающие со здравым смыслом трансгендерные проекты являются грубой спекуляцией.

Анализ аксиологической проблематики показывает, что духовность должна пронизывать не только труд и другие деловые стороны нашего бытия в социуме, но и самые тонкие грани человеческой жизни, ее глубинные сущностные основания. Как бы откликаясь на эту чувствительную экзистенциальную тему, поэт пишет:

Странно вершатся дела и события

В обыденном шуме, в обычной рутине
Почти по инерции иль по привычке
Поужинав, любит супругу мужчина.
А юный парнишка, «развратник» безусый,
Склоняет подругу ко взрослым искусам
В лесу, на лужайке, в стогу, на кровати…
Секунды нет в мире без этих объятий.
Но мало здесь тайны, а пошлости много,
Бездумья обычного, даже цинизма.

А вдруг это миг откровения Бога?
Начало начал – зарождения жизни?
Свеченье Вселенной, прозрения миг?
Весь мир здесь учитель, а ты – ученик!
И святость окрасила это мгновенье![1]

***

Моралисты и философы всех времен мечтали о «человеке духовном». Но никому не удалось запустить отсчет Мирового Времени на часах Истории. Видимо, сегодня, сдвинуть стрелки на циферблате предстоит людям Русского мира. Больше некому взяться за это дело.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габриелян О.А. Практическая философия: вызовы современности. II Практическая филолософия: состояние и перспективы. – Симферополь: ООО «Антиква», 2018.
2. Лазарев Ф.В. Феномен расчеловечивания человека в современном мире II Практическая философия: состояние и перспективы – Симферополь: ООО «Антиква», 2020.
3. Лазарев Ф.В. Истина и структура реальности. Основы интервальной методологии. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019.
4. Трифонова М. К. Аксиомы: сборник стихотворений; ч.2 – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023.

[1] Трифонова М. К. Аксиомы: сборник стихотворений; ч.2 – ИТ «АРИАЛ», 2023, с.22.

УДК 101.1

ПЕРСПЕКТИВА ФИЛОСОФИИ: ЗАВЕРШЕНИЕ ЭПОХИ ТЕКСТОЦЕНТРИЗМА

A CURRENT PERSPECTIVE OF PHILOSOPHY: THE END OF THE ERA OF TEXT-CENTRISM

Гарбузов Дмитрий Викторович
д-р филос. наук, доцент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, профессор кафедры философии.
Garbuzov Dmitry Viktorovich
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Full Professor of the Department of Philosophy.

Аннотация. Доклад анализирует эволюцию текста как главного продукта философствования. Прослеживается смена поколений философских текстов. Выдвигается предположение о перспективе завершения эпохи текстоцентричности.

Abstract. The article analyzes the evolution of the text as the main product of philosophizing. It traces the change of generations of philosophical texts. It puts forward an assumption about the prospect of the end of the era of text-centrism.

Ключевые слова: философия, текстоцентричность, поколения философских текстов, философский датасет, большие лингвистические модели, дистанционное (удаленное) чтение.

Keywords: philosophy, text-centrism, generations of philosophical texts, philosophical dataset, large linguistic models, distant reading.

История философии воплощена в текстах. Именно в текстах сохранены идеи, понятия, теоретические модели, создание и трансформация которых и составляет существование философии во времени и пространстве. Даже сами философы, авторы текстов, вторичны по отношению к этой исходной реальности философствования. Такого рода *текстоцентричность* входит в неявную часть определения философии как (сформулированного и записанного) рационально-логического знания об устройстве бытия реальности. Очевидно, можно утверждать, что сама специфика логической рациональности такова, что требует записи посредством формализованных символов искусственных знаковых систем.

В эпоху античности философские тексты появились как воспоминание о мышлении, *памятники мысли.* Они нужны были для того, чтобы помочь воспроизвести настоящее мышление Логоса в душе человека. Автором текста были люди, но источником самой мысли, о которой на-

поминал текст, считался Логос. В эпоху Средних веков появились *тексты-комментарии* к Откровению, имеющие герменевтическое значение. Источником мысли было Божественное Откровение, а автор текста лишь занимался его истолкованием. Далее в эпоху Ренессанса появились философские тексты как *продукты мышления творческого гения* их авторов, оставивших их своим ученикам и последователям. В классическую эпоху Модерна философские тексты приобрели статус собственности их авторов в качестве выражения их личностной оригинальности и гражданской позиции.

Ситуация изменяется во второй половине 20 века, когда происходит взрывообразный рост университетского образования, которое из элитарного превращается в массовое. Смело можно утверждать, что никогда в прежние времена в мире не жило одновременно столько философов. Столь же безусловным является тот факт, что никогда прежде не публиковалось такого количества философских текстов – несомненно, речь идет о сотнях тысяч ежегодно. Это позволяет утверждать, что сформировалось *новое поколение философских текстов,* которое можно назвать *базой данных,* поскольку оно функционирует как *датасет*, профильная коллекция (набор) данных. Появление искусственного интеллекта в форме больших лингвистических моделей (БЛМ) представляется естественным развитием этой ситуации. В момент, когда большие лингвистические модели начнут генерировать качественные тексты на любые темы в любом количестве и объеме, письменность станет такой же обыденностью как говорение. Ценностью будет обладать не текст, а некие действия, связанные с текстом.

УДК 17.023:316.77

ГУМАННОСТЬ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

THE HUMANITY OF PRACTICAL PHILOSOPHY

Тимохин Александр Михайлович
Доцент кафедры философии, г. Симферополь, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского.
Timokhin Alexander
Associate Professor, Department of Philosophy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.

Аннотация. Статья посвящена анализу второй формулы категорического императива И. Канта, известной как «формула персональности» или «формула человечности». Рассматривается её значение как нормативного принципа, требующего уважения к человечности как цели самой по себе, и её актуальность в условиях цифровизации публичной сферы. Особое внимание уделяется дегуманизации, вызванной цифровыми технологиями. Эти процессы нарушают принцип человечности, понимаемый через призму «кривого дерева» – метафоры несовершенства человеческой природы. Исследуется, как публичная сфера, трансформированная цифровыми медиа, утрачивает гуманность, и предлагается ориентироваться на вторую формулу для выявления новых форм бесчеловечности. В статье подчеркивается важность «только человеческих норм» и коммуникации для восстановления моральной и правовой нормативности в цифровую эпоху.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the second formula of the categorical imperative of I. Kant, known as the “formula of personality” or “formula of humanity”. Its significance as a normative principle requiring respect for humanity as an end in itself and its relevance in the context of digitalization of the public sphere are considered. Particular attention is paid to dehumanization caused by digital technologies. These processes violate the principle of humanity, understood through the prism of the “crooked tree” – a metaphor for the imperfection of human nature. It is studied how the public sphere, transformed by digital media, loses its humanity, and it is proposed to focus on the second formula to identify new forms of inhumanity. The article emphasizes the importance of “only human norms” and communication for the restoration of moral and legal normativity in the digital age.

Ключевые слова: формула человечности, дегуманизация, публичная сфера, цифровизация, нормативность, коммуникация.

Keywords: formula of humanity, dehumanization, public sphere, digitalization, normativity, communication.

В «Основоположениях метафизики нравов» И. Кант делает несколько попыток дать обоснование того, что с необходимостью мыслит практический разум и, следовательно, чем должно руководствоваться существу,

наделенному им, в своих действиях. Второй заход на такое обоснования дает нам формулу категорического императива известная в русскоязычном кантоведении как «формула персональности» [1, с. 89] – «Handle so, daß du die Menschheit, sowohl in deiner Person, als in der Person eines jeden andern, jederzeit zugleich als Zweck, niemals bloß als Mittel brauchst» (4:429). В русском переводе читаем: «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» [2, с. 205]. Здесь мысль о персональности вовсе не возникает речь идет о лицах в смысле субъектов отношений, необходимой чертой которых выступает разумность и свобода. Видя перед собой текст на немецком несложно понять, почему его называют «формулой персональности», хотя совершенно непонятно, почему не получило распространение более логичное название – «формула человечности». Ведь и в своем лице, и в лице всякого другого – лишь указание на сферу применения, а, пожалуй, главное в ней – все-таки запрет быть бесчеловечными, чтобы это не значило. Разум таким образом вводит человечность во все законы воли и требует в них, чтобы гуманность нормативно присутствовала в практике через подчинение каждого из людей (земных разумных существ) морали, праву, политике и т.д.

На сегодняшний день существует немало литературы, посвященной данной формуле, в частности, и понятию категорического императива в целом. Представление о примерном круге автором можно составить по библиографии в работе Алана Вуда [3] или недавней статьи Самуэля Кана [4]. Обсуждение категорического императива тесно связано с отстаиванием и критикой претензий практической философии быть нормативной и рациональной концепцией, обосновывающей или разоблачающей различные формы регулирования и контроля поступков, практик и социальных действий. Далее будет рассмотрен вопрос состоятельности этих претензий именно с точки зрения, предложенной во второй формуле: насколько нормы, которыми руководствуется разные лица сегодня в самых различных практиках не просто имеют аподиктический характер и обоснованы рационально, но и насколько они гуманны или, напротив бесчеловечны?

Особое внимание следует уделить в связи с радикальной цифровизацией публичной сферы – процессом, который становится новым вызовом для сообществ людей, объединившихся в модерный проект с твердым намерением жить, самостоятельно пользуясь своим умом. О важности изучения цифровизации публичной сферы говорится сегодня много, например один из номеров авторитетного издания «Theory, Culture & Society: Global Public Life» был посвящен этой теме [5]. Симптомы дегуманиза-

ции публичной сферы как места, где царит Просвещение, в ходе цифровизации разнообразны – от тотального манипулирования участвующими в коммуникации людьми до фактической их замены цифровыми алгоритмами, нейронными сетями, лингвистическими моделями и т.д. Но гораздо более важным считается то, что цифровизированная публичная сфера еще в большей степени чем раньше оказывает влияние на общественное мнение в процессе легитимации моральных и правовых норм. Отказ от тестирования норм морали и права с помощью второй формулы категорического императива в практиках цифровизированой публичной сферы будет означать утрату гуманности не только практической философии, но и разумом, который мыслить должное.

Понятие человечества – важное звено во второй формуле категорического императива, обозначающее одновременно и некую константу, которую уже как бы вычислили и полагаем известной в любом рассматриваемом случае и некую переменную, требующую постоянной аппроксимации из-за нюансов ее вычисления. В самой формуле понятие человечество получает свое нормативное определение – цель сама по себе, то что всегда цель и никогда не одно только средство. На этом аспекте сосредоточены большинство авторитетных специалистов в кантовской практической философии.

Многочисленные комментарии постоянно выявляют все новые и новые оттенки смысла кантовских текстов и все же недостаточно проливают свет на формулу гуманности. Трудно не согласиться, что «полностью удовлетворительная реконструкция аргумента Канта для формулировки человечества оказалась неуловимой. Некоторые элементы аргумента достаточно ясны, но самые фундаментальные ходы довольно загадочны. В результате любая попытка объяснить аргумент будет включать некоторую реконструкцию и заполнение, в отличие от строгой интерпретации и объяснения» [6, с. 109].

Казалось бы, за разъяснением понятия человечества следует обратиться к автору и понять, что именно следует рассматривать всегда как цель саму по себе. Но уже сам Кант указывает на трудности в этом вопросе: «проблема определить характер человеческого рода оказывается, как будто неразрешимой», поэтому единственное, что остается «утверждать, что он обладает характером, который он сам создает, поскольку он способен совершенствоваться в соответствии с им самим поставленными целями» [7, с. 89]. Видно, что в практической философии, полагающей человечество всегда как цель и никогда только как средство и в антропологии, определяющей понятие человечества на основе опыта речь идет о вещах нередуцируемых друг к другу. На многочисленных страницах, где И. Кант уделяет внимание антропологической, педагогической и исторической проблематике тому есть множество подтверждений. Самым

ярким из них остается метафора кривого дерева, «so krummem Holze» (в русском переводе – кривой тесины) [8, с. 19] – указывающая на малопригодность человеческой породы для того, чтобы служить материалом для цели самой по себе. И все же, что означает вторая формула категорического императива, если совет оставаться человеком является худшим указанием на пути к человечности?

Пожалуй, наиболее удачную рамку для расшифровки смысла второй формулы дал Исаия Берлин, согласно которому она означает примерно следующее. «Во-первых, что создателем ценностей является сам человек, и поэтому его нельзя убивать во имя чего-либо более высокого, чем он сам… Во-вторых, что институты создаются не только человеком, но и для человека, и когда они больше не служат ему, они должны исчезнуть. В-третьих, что людей нельзя убивать ни во имя абстрактных идей, какими бы высокими они ни были, таких как прогресс, свобода или человечество, ни во имя институтов, поскольку ни одно из них не имеет абсолютной ценности само по себе… В-четвертых, и это вытекает из всего остального, худший из всех грехов – это унижать или принижать людей ради некоего прокрустова шаблона, в который их загоняют против их воли, шаблона, имеющего некую объективную власть независимо от человеческих стремлений» [9, с. 203-204].

Акцент, который делает Берлин, призван показать, что убийство, равно как и унижение человека, любое покушение на его достоинство – однозначно противоречит второй формуле. И у этого бесчеловечного действия есть свое воплощение – рабство в любой форме и степени, состояние, в котором человек опускается до уровня только средства, даже если дает на это согласие и даже если это делается ради его блага. В конечном итоге, гуманность означает недопустимость порабощения человека и необходимость охраны и восстановления его свободы там, где она оказалась под угрозой.

Стоит отметить, что таким образом понимаемая гуманность позволила существенно изменить сферу криминальной юстиции, где она из философского принципа превратилась во вполне легальный (законодательно зафиксированный) принцип уголовного наказания. Менее нормативно и скорее дезидеративно гуманность прокладывала свой путь в области здравоохранения, образования, социального обслуживания и т.д., но лишь там, где помощь, опека и забота вызывали сомнении и были заподозрены в том, что служили прикрытием для бесчеловечного отношения. Но во всем остальном, учитывая, что речь идет только о негативной стороне требования быть человечными, требования гуманности продолжает восприниматься как сентиментальное настроение не погруженных в реалии взрослой и серьезной жизни волонтеров и мечтателей.

Сторонников гуманности легко обвинить в том, что в своей наивности они лишают общество права на соблюдение нравов в строгости и даже открывают дверь вседозволенности в мир традиционных правил частной и публичной жизни.

Однако дефицит гуманности трудно списать только на наивность её сторонников и отсутствие у них делового подхода к её насаждению. Этот дефицит также можно связать с не разработанностью самой формулы, с её разрывом между кривым деревом и целью самой по себе. Примечательно, что Роберт Лоуден указывает на важность среди многочисленных моральных имплицитных сообщений Канта его указание на только человеческие нормы (Humans-Only Norms), которые открываются практическому разуму, но значимы не для любого разумного существа, а только для земных разумных существ [10, с. 22]. Эти нормы касаются всех сфер человеческого общения, где люди взаимодействуют друг с другом, будучи теми, кто они есть. Наибольшее число примеров таких норм можно найти в рассуждениях Канта об образовании. К сожалению, кроме страниц философских сочинений, сегодня следы этих только человеческих норм не встречаются практически нигде, а между тем именно они должны были бы свидетельствовать об исправлении человеческой породы и гуманизации нормативности как таковой [11].

Поэтому, обдумывая, что означает вторая формула категорического императива, следует задаться, вопросом и о том, почему все-таки гуманность не стала определяющим вектором нормативности для современного общества, в каких аспектах? Ответ на заявленные вопросы невозможно дать без обращения к понятию «Öffentlichkeit», обычно переводимому на русский язык как «публичная сфера» (но можно и «публичность»). Наряду с человеческой породой в образе «кривого дерева» оно также выражает некоторое существенное измерение человечности значимое для понимания второй формулы категорического императива.

То, что побуждает людей объединится в человеческий род за рамками эмпирическим заданной принадлежности к одному виду живых существ и служит развитию человеческих задатков, превращающих человека в цель саму по себе, Кант описывает понятием «антагонизм». Под последним он понимает «недоброжелательную общительность людей, т.е. их склонность вступать в общение, связанную, однако, с всеобщим сопротивлением, которое постоянно угрожает обществу разъединением» [8, с. 16]. Именно расшифровывая смысл недоброжелательной общительности человека с себе подобными Кант и начинает сравнивать людей с кривыми деревьями, которые, если растут поодиночке, вырастают кривыми, так как могут направлять свой рост в каких угодно направлениях, меняя их как заблагорассудиться. И только в «в таком ограниченном пространстве, как гражданский союз, эти же человеческие склонности производят впоследствии самое лучшее действие подобно деревьям в лесу, которые именно потому, что каждое из них старается отнять у другого воздух и

солнце, заставляют друг друга искать этих благ все выше и благодаря этому растут красивыми и прямыми» [8, с. 18]. Таким образом, антагонизм, недоброжелательная общительность, гражданский союз описывают открытую, публичную, гласную коммуникацию, в которой заявляя себя в качестве цели самой по себе и даже, стремясь использовать других в качестве средства для собственных целей, люди вынуждены признать, подчиниться и смириться с тем, что на тех же основаниях другие ведут себя совершенно точно также, требуя от остальных считать себя не только средством, но и целью самой по себе. Только в подобном общении человечество конституирует себя в качестве мира, в котором каждый всегда цель сама по себе, и всегда не только средство, недоброжелательная общительность оказывается основным условиям человечности. Кстати, Кант настаивает на том, что подлинная человечность как воплощение понятия разумного существа на материале земной природы человека возможно исключительно через приобретенный опыт многочисленных попыток и ошибок при условии, что изначально недоброжелательная общительность достигнет космополитических масштабов космополитически объединенной системе. Человечность и выполнение второй формулы категорического императива, иными словами, возможно «в результате все усиливающейся организации граждан Земли внутри рода и по отношению к нему как к космополитически объединенной системе» [7, с. 376].

Рассмотрению гуманности, реализующей себя в качестве публичной сферы, посвящен соответствующий анализ Ю. Хабермасом законов практического разума в том разделе «Структурное изменение публичной сферы», который описывает роль кантовской практической философии в процессе просвещения публики и превращения ее в инстанцию, требующую от разума обоснования права, морали и политики. Хабермас подчеркивает, насколько тесно в кантовском проекте просвещения и развертывания практического разума в истории связаны или даже встроены друг в друга понятия мир, коммуникация, публичная сфера, человечество: ««Мир» (или Свет, или Люди – А.Т.), в котором конституируется публика, – это и есть обозначение сферы публичности… мир в чистом виде формируется в коммуникации разумных существ… этот «мир» означает скорее человеческий род в том виде, в каком он проявляет свое единство» [12, с. 169-170]. Это обязательно приводит нас к мысли о том, что категорический императив и его вторая формула работают всегда исключительно как принцип совместной коммуникации людей в условиях публичного обмена мнениями и только в глазах участников пусть недоброжелательного, но все-таки общения друг с другом. Вопреки расхожему мнению добродетель и, тем более, справедливость не могут оставаться частным делом, скромность их никогда не украшает, а завеса таинственности во-

обще дискредитирует – скрывать что и зачем ты делаешь оказывается столь же бесчеловечно, как и лгать. Заражающая антагонизмом и уязвимостью к недоброжелательной общительности открытость поступка для коммуникации по повод того надлежит или не надлежит ему совершится или относительно нормативной оценки уже совершенного деяния – это то, что делает поступок человеческим, в отличие от звериных и даже божественных.

Относительно концепции буржуазной публичной сферы как, пожалуй, самого внятного толкования критериев человечности, важно отметить два обстоятельства. Во-первых, когда Хабермас исследовал ее в конце 50-х, начале 60-х годов XX века, ему было сложно предугадать, что в следующие полвека публичная сфера претерпит еще более существенную трансформацию, причем не на уровне социальных и политических установок, а на более фундаментальном уровне – благодаря медиа коммуникации. Добродетельная надежда Канта на космополитической рамку существования человечества будет реализована, но не через объединение народов под эгидой международного права во всемирно гражданском плане, а с помощью технологий, обеспечивающих ничем неограниченную коммуникацию пользователей с помощью передачи цифровых сигналов через «сеть». Наверное, самое малоприятной в переходе от письменных, печатных и аналоговых медиа с их центрированием на фигуре автора и антропологически соразмерным интерфейсом к цифровым технологиям заключалось в том, что порожденный ими эффект коммуникации каждого с каждым случился в силу специфики самих медиа, а вовсе не благодаря усилиям и желаниям людей. Люди столкнулись лицом к лицу с цифровыми медиа и их коммуникативными эффектами как с последствием, а не как с результатом собственного проекта.

Во-вторых, Хабермас с его опытом жизни в фашистской Германии и Второй мировой войны не имел права питать иллюзий в отношении буржуазной публичной сферы как воплощения и гарантии человечности. Как и Кант, он видел в ней одну из многих попыток и даже ошибок, которые должны обеспечить необходимый опыт и урок для будущего прогресса просвещения и исполнения требований практического разума в том, что касается гуманности. Более того, Хабермас то ли ставит буржуазной публичной сфере диагноз, то ли выносит не подлежащий обжалованию приговор: «критическая гласность вытесняется манипулятивной… взаимосвязь публичных дискуссий и норм закона… исчезает и перестает быть желанной целью… невозможно такое положение дел, при котором бы принцип универсальности нормы соблюдался бы повсеместно… дискуссия сменилась демонстрацией конкурирующих интересов. Консенсус, обретаемый в процессе публичного резонерства, уступает место компромиссу, который достигается непублично или просто навязывается» [12, с. 250-252]. Но даже этот пусть больной и приговоренный,

но все же немного человечный и не позволявший проститься с надеждами на прогресс гуманности мир буржуазной публичной сферы оказался раздавлен под давлением на печатные меди со стороны меди цифровых. Сегодня обесчеловеченость публичной сферы и нормативных установок ее обитателей доказывается прежде всего тем, что они больше практически ничего не читают и отсечены от тех уроков и опыта, которые могли бы усвоить из практики человечности эпохи Модерна, подобных практик более ранних эпох и других культур. Специфика цифровой коммуникации заключается в том, что ее участникам гарантируется возможность не читать получаемые сообщения в силу априорного признания любого из них спамом, фейком, трояном и т.д. Неуязвимость для коммуникации и изоляция от публичности может послужить отличной почвы для очередного искривления человеческой породы и культивирования новых практик бесчеловечности. В связи с этим Хабермас констатирует дефрагментацию публичности: «растущий диссонанс разнообразных голосов и сложность обсуждаемых тем и позиций побуждают все более сокращающееся меньшинство потребителей СМИ пользоваться цифровыми платформами для ухода в защищенные эхо-камеры единомышленников. Цифровые платформы не только приглашают к спонтанному созданию интерсубъективно подтвержденных «Я-миров», но и, похоже, придают упорству этих островков коммуникации эпистемический статус конкурирующих публичных сфер» [13, с. 55]. Можно предположить, что распад публичной сферы и конкуренция между ее фрагментами означает тоже самое и для человечности.

В качестве наиболее очевидных проявлений дегуманизации публичной сферы исследователи уже выделяют следующие практики, закрывающие глаза на вторую формулу категорического императива: коммодификация лица – люди превращаются в товар через сбор и монетизацию их персональных данных, что дезавуирует их достоинство, так как они превращаются в ресурс для достижения коммерческих или политических целей; массовое осуждение лиц пользователями сети (онлайн-шейминг) – люди лишаются достоинства и подвергаются осуждению через насмешки или порицание без объективного рассмотрения и учёта контекста их действий, не имея шансов оправдаться или защитить себя; эрозия ответственности лица – люди полагаются на алгоритмы цифровых платформ, игнорируя потенциальную возможность порождения ими дискриминационных практик, слепо полагая, что создание дегуманизирующего контента или принятие дегуманизирующего решения не свойственно алгоритмам; редукция лица к данным – в цифровой публичной сфере люди предстают как всего лишь информация, лишенная индивидуальности и субъектности, что особенно проявляется в практиках больших данных

и основанной на них аналитики, стереопизирующих людей. Нет причин исключать возможно появления в будущем новых и еще более бесчеловечных практик, укорененных в природе цифровых медиа.

Опасения, вызванные цифровизацией медиа коммуникаций, свидетельствуют о том, что вторая формула категорического императива, призванная осуществлять имплементацию гуманности практического разума в нормативные установки и ориентации тех, кто действует в публичной сфере сегодня, все еще сохраняет свою значимость и нуждается в применении, если люди хотят избежать пандемии бесчеловечности. Эти опасения также указывают на дефицит только человеческих норм в праве, морали и политике – норм, которые позволят избежать цифровой инфляции достоинства тех, кто должен ими руководствоваться, и тех, кого затрагивают последствия действий, определяемых соблюдением или нарушением этих норм. Поскольку вызовы, с которыми гуманность сталкивается сегодня, кроме прочего, исходят от медиа коммуникации, поглощаемых цифровыми технологиями, гуманизация нормативности в публичной сфере напрямую зависит от того, насколько к средствам коммуникации все-таки будут относится только как к средства, а посредниками в коммуникации между людьми будут все-таки люди.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьёв, Э. Ю. Категорический императив нравственности и права – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. – 416 с.
2. Кант, И. Основоположения метафизики нравов // Кант, И. Собрание сочинений. Т. 4 / И. Кант; пер. с нем. – Москва: Чоро, 1994. – с. 153-246.
3. Wood, Allen. Formulas of the Moral Law. – Cambridge University Press, 2017. – 68 p.
4. Kahn, Samuel. Consent and the Mere Means Principle / Samuel Kahn // Journal of Value Inquiry. – 2024. – Vol. 58, No. 3. – Pp. 515–533.
5. Theory, Culture & Society: Global Public Life. – London: Sage Publications, 2022. – Vol. 39, No. 4. – 164 p.
6. Dean, Richard. The Value of Humanity in Kant's Moral Theory / Richard Dean. – Oxford; New York: Clarendon Press; Oxford University Press, 2006. – 280 p.
7. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант, И. Собрание сочинений. Т. 7 / И. Кант; пер. с нем. – Москва: Чоро, 1994. – с. 134-376.
8. Кант, И. Собрание сочинений. Т. 8: Статьи. Лекции [и др.] / И. Кант; пер. с нем. – Москва: Чоро, 1994. – 495 с.
9. Berlin, Isaiah. The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas / Isaiah Berlin; ed. by Henry Hardy; foreword by John Banville. – 2nd ed. – Princeton: Princeton University Press, 2013. – 384 p.
10. Louden, Robert B. Anthropology from a Kantian Point of View. – Cambridge : University Press, 2021. – 164 p.

11. Lyssy, Ansgar. Kant on Morality, Humanity, and Legality: Practical Dimensions of Normativity / ed. by Ansgar Lyssy, Christopher Yeomans. – Cham: Springer International Publishing, 2021. – 286 p.
12. Хабермас, Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества: с предисловием к переизданию 1990 года / Ю. Хабермас; пер. с нем. – Москва: Весь Мир, 2017. – 352 с.
13. Хабермас, Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / Ю. Хабермас; пер. с нем. – Москва: Новое Литературное Обозрение, 2023. – 104 с.

УДК 316.4.066

КЛАУС ШВАБ: 2025 – ГЛУБИННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

KLAUS SCHWAB: 2025 – «DEEP CHANGES»

Изибаиров Дмитрий Владимирович
магистр 2-го курса, обучающийся кафедры философии философского факультета Института «Таврическая академия» КФУ им. В.И. Вернадского
Научный руководитель: доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского ***О.А. Габриелян***
Izibairov Dmitry Vladimirovich
2st year Master's degree, student of the Department of Philosophy of the Faculty of Philosophy of the Institute " Taurida Academy "
of the V.I. Vernadsky CFU
Scientific supervisor: Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy of the Institute "Taurida Academy" of V.I. Vernadsky Crimean Federal University ***O.A. Gabrielyan***

Аннотация. В работе анализируются данные в 2015 году Клаусом Швабом и международным экспертным советом Всемирного экономического форума по вопросам будущего программного обеспечения и общества прогнозы о ключевых «переломных моментах», которые должны были наступить к 2025 году.

Abstract. The article analyzes forecasts made in 2015 by Klaus Schwab and the international expert council of the World Economic Forum on the future of software and society about the key "turning points" that were to come by 2025.

Ключевые слова: Клаус Шваб, Всемирный экономический форум, прогноз, 2025, глубинные изменения, переломные моменты, искусственный интеллект, интернет вещей.

Keywords: Klaus Schwab, World Economic Forum, forecast, 2025, profound changes, turning points, artificial intelligence, Internet of things.

Исстари человек обращал свой взор в будущее, надеясь постичь его, понять и даже обуздать, а для того всегда находились те, кто это будущее мог «узреть» и истолковать остальным, – шумерские и халдейские астрономы, древнегреческие оракулы и древнеримские авгуры, религиозные пророки и мистические гадатели, современные эзотерики и учёные-прогнозисты, – всегда находились те, кто говорил о будущем. Сегодня, для адекватных представителей научного сообщества, большинство

методов «предсказательства» является не более чем элементом культурной истории человечества или экстравагантными выходками отдельно взятых индивидов, не имеющих ничего общего с научными формами предвидения. И, со всей очевидностью, ко многим прогнозам возникали вопросы – особенно удобно смотреть на такого рода прогнозы уже после наступления оглашенных в предсказании дат, а, прошедший уже на свою треть, 2025 год акцентирует на этом внимание, если вспомнить, что 10 лет назад «международный экспертный совет Всемирного экономического форума по вопросам будущего программного обеспечения и общества», под председательством его бессменного президента Клауса Шваба, давал волнительные и будоражащие прогнозы «к 2025 году». И, раз человечество во всю проживает этот год и момент «к» давно пройден, почему бы не проанализировать даваемые декаду лет назад прогнозы, называемые экспертами ВЭФ «технологическими изменениям», выясняя, что сбылось, а что так и осталось фантазией интеллектуалов.

В опубликованном в сентябре 2015 года отчёте исследования ВЭФ под названием «Глубинные изменения – технологические переломные моменты и социальное воздействие» приводится 23 «технологических изменений» – таких переломных моментов, точек в будущем, которые изменят общество и мир в целом. Для простоты анализа проще всего объединить к рассмотрению близкие по предмету или теме прогнозы, как например Изменение 2 «Наше цифровое присутствие» и Изменение 5 «Распределенные вычисления», так как оба прогноза рассматривают количество людей, имеющих доступ к сети Интернет. Так же для удобства изложения автором было принято решение рядом с названием прогноза указывать через тире процентную численность респондентов экспертного совета ВЭФ, считающих прогноз достижимым к 2025 году. К этому следует отметить одно крайне важное замечание – так как на момент написания статьи непосредственный текст отчёта, опубликованного на сайте ВЭФ, был недоступен, за опорный материал использовался текст отчёта, прикреплённого в форме приложения к книге Клауса Шваба «Чётвертая промышленная революция» 2015 года, – здесь стоит дополнительно обозначить то, что в данном материале прогнозы давались в формате «переломного момента» и тех изменений, который должны следовать за этим переломным моментом или его окружать; для анализа использовались непосредственно переломные моменты, так как члены экспертного совета ВЭФ голосовали за возможное достижение данного переломного момента к 2025 году, что указывается на страницах с прогнозом. Автор просит учитывать эти замечания при чтении данной работы, так как автором не анализировались сами глубинные изменения или связанные с ними тенденции – «под нож» попали непосредственно сами «переломные моменты» (так же было проигнорированы два допол-

нительных прогноза, приведённые в том же приложении книги Шваба, так как данные прогнозы не относятся непосредственно к отчёту ВЭФ 2015 года и не имеют какие-либо датировки «исполнения»).

Изменение 1, *«Имплантируемые технологии» – 81,7%.*

Суть первого прогноза заключается в том, что к 2025 году в повсеместной продаже появится первый имплантируемый в человеческое тело мобильный телефон [15, с. 141] – одни из самых важных особенностей этой технологии, отмечаемых в отчёте, является возможность мониторинга состояния жизненных процессов и определение местоположения и идентификации личности человека, имеющих такой вживленных аппарат. На момент января 2025 года, в мире выделяются две компании, занимающиеся разработкой инвазивных нейроинтерфейсов – Neuralink и Synchron.

О компании Neuralink Илона Маска наслышаны многие, но об австрало-американской компании Synchron знают в разы меньше, – по большей части это вызвано как позиционированием деятельности компаний (пока Маск обещает, что действительно интегрирует в человека что-то на уровне смартфона, то Synchron позиционирует свой Stentrode как средство помощи людям с ограниченными возможностями), так и банальными более успешным пиаром со стороны одного из богатейших людей на земле. Также стоит учитывать, что пока компания Маска за весь 2024 год успела вживить экспериментальный чип лишь двум пациентам (а в январе 2025 ещё одному, хотя сам Маск уверял, что за весь год чип успеют вживить минимум 8 людям) [14], Synchron начиная с 2020 года успела вживить свой Stentrode минимум 50 пациентам [16], – однако, даже при таком опережении в темпах интеграции чипов, Synchrone привлекает в разы меньше инвесторов, чем компания известного Илона Маска, вечно обещающего многого, но дающего в десятки раз меньше. Однако даже так, данные технологии крайне далеки от того, чтобы быть чем-то, что кардинально улучшает человеческий организм, интегрируя возможности мобильных телефонов в наши тела, а потому – данный прогноз ВЭФ не сбылся.

Изменение 2, *«Наше цифровое присутствие» – 84,4%*;

Изменение 5, *«Распределенные вычисления» – 78,8%.*

Оба прогноза затрагивают тему численности пользователей в сети Интернет и числа людей, имеющих постоянный доступ к самому Интернету соответственно. К 2025 году, по прогнозу, число людей с «цифровым присутствием» в сети Интернет должно достичь 80% от всего числа населения планеты [15, с. 143], т.е. 6,48 миллиардов человек. Для начала необходимо разобраться, что Шваб и к° понимают под «цифровым присутствием» – для них это «цифровое взаимодействие людей», в пример чего приводится наличие у людей нескольких профилей в социальных сетях, рассуждая в дальнейшем, что «три из самых популярных социальных сетей» могли бы конкурировать в численности с Китаем (а сейчас – с

Индией). От того возникает трудность – а как, собственно, проверить, достигло ли человечество обещанного процента «цифрового присутствия» или нет? Онлайн сервисы и компании по мониторингу отслеживают в основном количество человек в сети интернет, а если и можно было бы выяснить число аккаунтов в различных социальных сетях и форумах (раз так, судя по всему, выясняется «цифровое присутствие»), то просто невозможно выяснить число аккаунтов-повторов, принадлежащих одним и тем же людям, – не забываем также о повальном наличии в социальных сетях ботов, которые рушат любые статистические показатели. Так что ВЭФ, дали неподлежащий к проверке прогноз.

Однако возможно проверить «изменение», касающееся численности населения планеты – по мнению экспертов ВЭФ к 2025 90% человечества будет иметь постоянный доступ к сети Интернет [15, с. 150]. И тут мимо. Очень мимо, так как по имеющейся статистике на момент конца 2024 года 5,5 миллиарда человек имеют регулярный доступ к Интернету, что составляет 68% от общего числа живущих людей [20, p. 1], – 22 процента разницы! Это даже не близко. Если даже экстраполировать имеющиеся показатели роста, то за 2025 год к Интернету подключится не более четверти миллиарда человек.

Таким образом и эти два «переломных момента» далеки от прогнозируемого.

Изменение 3, *«Цифровидение» как новый интерфейс – 85,5%*;

Изменение 4, *Носимый интернет – 9,21%.*

Объединяет данные два прогноза то, что они завязаны на том, что около 10% носимой одежды (очков для чтения [15, с. 146] и одежды [15, с. 148], соответственно) будут иметь доступ к сети Интернет. В анализе данных прогнозов заключена «маленькая» проблема – практически невозможно высчитать процентное соотношение имеющихся в наличии одежды с подключением к интернету от всей остальной – в мире слишком много носимой и не носимой (например, произведенной, но не проданной) одежды, которую, к тому же, никто не регистрирует. Единственно представляемый возможный тип анализ, что можно здесь провести, так это анализ рынков обычной одежды и умной. Так, рынок умных очков в 2024 году достиг объема в 1,9 миллиарда долларов, доходя значительных 27,3% процентов темпа роста [24], – однако объем рынка всех очков для чтения за тот же 2024 год достиг показателей в 45.2 миллиардов долларов при росте 4.3% [15]; таким образом, объем рынка умных очков от общего объема рынка очков для чтения составляет лишь 4,2%, но никак не 10%.

Что же касаемо объемов рынка обычной и умной одежды, то тут ещё интереснее. Рынок умной одежды в 2024 году достиг показателей в 5.1 миллиардов долларов при 26.2% темпа роста рынка [25], в то время как общий объем рынка одежды достиг 1,7 триллиона долларов при росте в

4,1% [17], – рынок умной одежды занимает всего лишь 0.3% от общего, ни о каких 10% и речи быть не может. Таким образом, если, с натяжкой, с умными очками эксперты ВЭФ были относительно близки (стоит отметить, что процентные соотношения рынков в США достаточно близки к прогнозируемым – 8,5% рынка умных очков от общего рынка очков для чтения [22]), то с умной одеждой – полный промах.

Изменение 6, *Суперкомпьютер у Вас в кармане – 80,7%.*

Большинство состава экспертного совет ВЭФ предположили, что к 2025 году 90% населения будет использовать смартфоны [15, с. 153]. Относительно предыдущих прогнозов этот оказался довольно-таки близок, так как, по имеющийся статистике, 80% населения владеет мобильными телефонами достигая пика в 89-92% процентов в США и странах Европы и СНГ [20, p. 19], таким образом достигая «переломной точки». Однако в менее развитых странах (например, в странах Африки) процент населения, владеющих телефонами находится в районе 56-66%, значительно уступая лидерам по показателям. Так что можно считать, что данный прогноз оказался очень близок к правде.

Изменение 7, *Хранилище на всех – 91%.*

К 2025 году 90% населения будет иметь неограниченный доступ к сервисам бесплатного хранения данных [15, с, 157]. И действительно, на данный момент в мире насчитывается более 20 конкурирующих сервисов облачного хранения данных, крупнейшими из которых являются Amazon S3, Google Cloud Storage и Azure Blob Storage [21], большинство из которых предлагает бесплатный доступ к хранению ограниченного объема памяти данных (обычно не превышающий объем в несколько десятков гигабайт). В то же время, если мы вспомним, что лишь 68% населения обладает постоянным доступом в сеть Интернет, а без доступа к Интернету воспользоваться сервисами хранения данных не представляется возможным, то можно прийти к выводу, что хоть и номинально существует не мало сервисов облачного хранения данных, предоставляющих свои услуги бесплатно, нельзя говорить о том, что практически всё население мира имеет к ним неограниченный доступ – самым первым ограничителем выступает отсутствие доступа к Интернету.

Изменение 8, *Интернет вещей и для вещей – 89,2%*;

Изменение 9, *Подключенный дом – 69,9%.*

Следующие два «изменения» касаются Интернета вещей, а именно наличия к 2025 году одного триллиона датчиков, подключенных к сети Интернет [15, с. 159], и достижения домашнего интернет-трафика свыше 50%, приходящегося на приборы и устройства [15, с. 163]. Если же обратиться к имеющейся статистике, то можно обнаружить, что на момент середины 2024 года во всём мире насчитывалось около 17 миллиардов датчиков Интернета Вещей, что является лишь 1,7% от предполагаемых ВЭФ показателей [*26*].

Что касаемо второго прогноза, то, к сожалению, автору не удалось найти необходимых статистических данных для проведения анализа.

Единственная стоящая информация, которую можно привести, так это процент занимаемого Интернетом Вещей в некоторых способах подключения: большая часть подключений устройств Интернета Вещей происходит через Wi-Fi и занимает 31% от всех подключений, на Bluetooth приходится порядка 25% подключений, а на системы сотовой связи – 21% [26].

Изменение 10, *«Умные» города – 63,7%.*

Данное «изменение» говорит о том, что к 2025 году появится город с населением более 50.000 человек и без единого светофора [15, с. 166], т.е. системы и коммуникации города будут подключены к единой системе Интернета Вещей, благодаря которой можно будет нивелировать возможные угрозы на дорогах и позволять людям обходиться без них. Однако, поиск по сети Интернет (как на различных сайтах, так и в научных публикациях) не принес никаких позитивных итогов – большинство научных публикаций посвящены лишь разработке возможных систем «умного города», но не более, так как на данный момент таких систем всё ещё реализовано не было [прим., *2*], в то время как большинство публикаций в сети Интернет упоминают лишь о городе Тхимпху, что является столицей Королевства Бутан, но отсутствуют светофоры там совсем не из-за создания «умного города», совсем наоборот – долгое время машины не пользовались, скажем так, «спросом» в государстве, а регуляцией на дорогах занимаются полицейские. Так что с точной уверенностью невозможно сказать оказался ли прогноз респондентов экспертного совета ВЭФ ошибочным, но и нельзя сказать, что он сбылся, так, как если бы такой город действительно был бы построен, об этом стало бы известно.

Изменение 11, *«Большие данные» для принятия решений – 82,9%.*

Данный «переломный момент» заключается в отказе от привычных методов переписи населения в пользу перехода к анализу больших данных (Big Data) [15, с. 168]. Шваб и к° оказались не далеки от истины, возможно потому, что ещё за год до исследования ВЭФ Глобальная рабочая группа Организации Объединенных Наций провела собственное исследование и призвала правительства мира обратить внимание на использование и анализ больших данных [21, p. 2]. Например, Австралия начала использовать большие данные для переписи населения ещё с 2016 года [там же, p. 3], в то время как США приступили к подобной практике лишь с 2020-2022 года [18], а по сообщению Росстата от 4 декабря 2020 года Россия также планирует применять подобные практики [3], – примерно также обстоят дела и с рядом иных стран. Таким образом можно констатировать, что хоть правительства и не заменили перепись населения использованием больших данных, но активно применяют их для этих целей.

Изменение 12, *Автомобили без водителя – 78,2%.*

Прогноз звучит следующим образом – «беспилотные автомобили составляют 10% от общего количества автомобилей на дорогах США» [15, с. 171]. Как и с «10% прогнозами» касаемых умной одежды, данное предположение также оказалось не верным – из всех автомобилей, которых в мире насчитывается более 1,4 миллиарда единиц [10], беспилотных во всём мире, на момент конца 2024 года, всего 26,560 [27] – это столь мелкий показатель (если он действительно правдив), что уже становится очевидна неверность предсказания от ВЭФ (на дорогах США, на момент 2022 года, зарегистрировано 278 миллиона автомобилей [10] и, в сравнении с этими показателями, можно высчитать пресловутые 10%, однако, стоит напомнить, что число в 26 с половинной тысяч автономных транспортных средств указывались по всему миру, а не конкретно в США – статистики количества такого рода транспорта в США не имеется).

Изменение 13, *Искусственный интеллект и принятие решений – 45,2%.*

«Первый автомат с элементами искусственного интеллекта (ИИ) в совете директоров компании» [15, с. 173] – вот только данное «изменение» было достигнуто годом ранее, так как еще в 2014 году в совет директоров гонконгской компании Deep Knowledge Ventures был введен «искусственный интеллект» по имени VITAL, для того, чтобы «непредвзято» взвешивать и принимать решения, но в 2019 году стало известно, что более в совете директоров VITAL не числится [19], а, соответственно, можно сделать вывод, что применение ИИ в совете директоров является нецелесообразным, так как ИИ навряд ли может оценить ряд сугубо индивидуально личностных особенностей, иногда влияющих на экономические показатели (чего только стоят «перформансы» Илона Маска, от которых цены на его акции то взлетают, то падают), либо содержание такого робота выходило дороже получаемой от него пользы, что также говорит о нецелесообразности применения ИИ в качестве члена совета директоров (возможно, лишь на данный момент). Более подобных случаев, за исключением применения ещё одного ИИ в какой-то индонезийской компании [23], автору статьи не попадались, а от того, можно считать, что прогноз экспертного совета ВЭФ сбылся, но с очень большими «нюансами», – можно ли считать «сбывшимся» прогноз о событии, произошедшем за год до прогноза?

Изменение 14, *ИИ и рабочие места для белых воротничков – 75,4%.*

Три четверти респондентов экспертного совета ВЭФ считали, что к 2025 году около 30% аудиторских проверок в компаниях будет проводиться при помощи искусственного интеллекта [15, с. 175]. Невозможно точно сказать, сколько из всех аудиторских проверок выполняются посредством использования ИИ, однако необходимо отметить действительное наличие и применение такой практики. Относительно данной темы написано не мало статей [прим., 4; 6], но каких-либо более конкретных и точных показателей (сколько компаний применяют такой аудит, какие

это компании, имеется ли от использования ИИ какие-то дополнительные преимущества?) найти не удаётся. Единственная стоящая внимания информация, которая была найдена, касается исследования 2023 года от международной аудит-консалтинговой корпорации EY, которая «экспериментально» выяснила, что применение ИИ-аудита позволяет более точно выявлять подозрительные транзакции и финансово-отчетные действия [4]. Таким образом также не выходит сказать что-то наверняка относительно прогнозов ВЭФ на счёт применения ИИ в аудите.

Изменение 15, *Робототехника и сервисы – 86%.*

Данное «глубинное изменение» гласит, что к 2025 году в США появится первый робот-фармацевт [15, с. 178]. Однако тут повторяется та же ситуация, что и с 13 Изменением – прогноз оказался с истекшим сроком годности на моменте своего оглашения, так как первые фармацевтические роботы появились ещё в 1996 году на мюнхенской фармацевтической выставке, на которой продемонстрировали робота, помогавшего в поиске лекарственных средств, а вскоре подобные роботы появились во французских аптеках [7, с. 85], – в России первый аптечный робот появился спустя десять лет и представлял из себя робота-диспенсера, т.е. робота, выдающего лекарственные средства покупателям [7, с. 86]. На данный момент существует огромное множество аптечных роботов, – от роботов продавцов и роботов-диспенсеров, до аптечных роботов фасовщиков и доставщиков, – некоторые из них способны выполнять несколько функций разом [7, с. 87]. Как и в случае с «первым роботом в совете директоров компании» роботы-фармацевты существовали и применялись до прогнозов экспертного совета ВЭФ (а в сравнении с роботом из совета директоров, разница более заметна), а потому данный прогноз также можно отнести к «сбывшимся с нюансами», если такого рода прогнозы вообще можно считать, что прогнозами, что «сбывшимися»…

Изменение 16, BITCOIN и цепочка блоков транзакции – *58%.*

Шестнадцатый прогноз говорит о том, что к 2025 году 10% мирового ВВП будет сберегаться при помощи блокчейна [15, с. 180]. С поиском статистической информации по этому вопросу возникали трудности – наиболее актуальную информации, которую смог отыскать автор, касалась положения дел в блокчейне на момент 2020 года, что не совсем является адекватным для проведения анализа прогноза, однако, повторяясь, автору не удалось найти более актуальной информации. Если же отбросить эту помеху, то на момент 2020 года общий рынок блокчейн технологии в мировом рынке составлял 66 миллиардов долларов, что равняется 0,075% от общего мирового ВВП, равного 80 млрд. долларов в том же году [28, p.4]. Как обстоит дело сейчас, по вышеобозначенным причинам, автору неизвестно, однако забавляет ситуация того, что в 2023 году глава Сбербанка Герман Греф дал абсолютно идентичный прогноз, но сдви-

нул срок до 2030 года, – забавнее ситуацию делает то, что в том же 2023 году, спустя полгода после заявления Грефа [5], Agile Dynamics выпускает исследование, говорящее, что к 2030 году блокчейн сумеет увеличить мировой ВВП на 2,1 трлн долларов, что будет составлять 2% от предполагаемого мирового ВВП [1]. Таким образом, доподлинно невозможно обозначить статус данного «предсказания», однако то, что подобный прогноз с идентичными цифровыми показателями от другой персоны появляется спустя 8 лет после первого, а если взглянуть на новые аналитические прогнозы, в разы, преуменьшающие роль блокчейна в мировом валовом внутреннем продукте, в сравнении с тем, что говорили в ВЭФ, то можно предполагать, что прогноз всё-таки не сумел воплотиться.

Изменение 17, Экономика совместного потребления – 67%.

В прогнозе ВЭФ говорится, что к 2025 году наступит момент, когда поездки на машинах совместного использования превысят поездки на личных автомобилях [15, с. 182], однако возникает трудность – как это вообще возможно проверить? Никак, и таков ответ. Сравнивать объемы рынков, как было в прогнозах по умной одежде и умным очкам здесь представляется некорректным, так как «переломный момент» говорит именно о превышении числа поездок, но от этого возникает трудность – на данный момент не существует способов адекватно проверить данную информацию. В сети интернет в открытом доступе нет и не может быть информации по всем или хотя бы большинству поездок на транспорте общего или личного пользования, да и научных работ по этому вопросу найдено не было, – ни в отечественных источниках, ни зарубежных. Потому, данный прогноз вынужденно признать неподлежащим проверке.

Изменение 18, Правительства и цепочка блоков – 73%;

Данный прогноз говорит, что к 2025 году появится первое правительство, применившее технологии цепочки блоков (блокчейн) для сбора налогов [15, с. 185]. И ответ прост – нет, не появилось, но... У многих стран существуют лишь зачатки подобного использования блокчейн технологий для более безопасного и прозрачного проведения транзакций и борьбы с мошенничеством или неуплатой налогов (из свежайшего – Казахстан планирует реализовать пилотный проект «Цифровой НДС» [8], однако это скорее из области криптовалют и финансовых транзакций в целом, чем непосредственно или даже конкретно связанное с налоговыми вычетами), однако это лишь планы, на данный момент, далёкие от реализации – сейчас же многие страны применяют автоматизированные системы вычета и анализа данных налогов (в России для этого разработали автоматизированную информационную систему «Налог-3»). Таким образом статус данного прогноза также остаётся не вполне ясным, – с одной стороны ни одно государство не ввело блокчейн в процесс сбора налогов, но какие-то проекты и эксперименты в этой области ведутся.

Изменение 19, 3D-печать и 3D-производство, – *84%*;

Изменение 20, 3D-печать и здравоохранение – *76%*;

Изменение 21, 3D-печать и потребительские товары – *81%*.

Данные три прогноза, как следует из их названий, связаны с 3D-печатью в различных сферах общества. Пойдем по порядку. Изменение 19 гласит, что к 2025 году будет произведен первый автомобиль при помощи средств аддитивного производства, т.е. 3D-печати [15, с. 186]. Однако дело обстоит так, что первый подобного рода автомобиль был напечатан… за пять лет до данного прогноза, в 2010 году компанией Kor Ecologic, названного Urbee (стоит отметить, что в сети ходит много историй о подобном «первом автомобиле», но, исходя из датировок, на взгляд автора первым может выступать как раз таки Urbee) [9]. Затем последовали различные итерации этой машины, а следом и другие компании также приступили к выпуску тестовых образцов «аддитивных автомобилей» – среди таковых компаний можно выделить Aurus, Auto Union, Bentley, Bugatti, Local Motors и другие, – даже нефтегазовый гигант Shell не остался в стороне и в 2016 году презентовал свой аддитивный автомобиль Shell Project M. В то же время, как видится из характера источников в сети, массового производства такого рода автомобили не приобрели. Таким образом можно судить, что и в этом случае Шваб и компания сумели дать верный «прогноз», как говорится, задним числом.

Следующий прогноз повествует о том, что к 2025 году должна будет произойти первая пересадка печени, созданной с помощью аддитивных технологий [15, с. 189]. И хоть в тексте прогноза обозначается, что речь идёт о печати человеческих органов, в действительности учёные и врачи научились печатать некоторые органы человека (например, протезы в виде носа, ушей и глаз, созданных из клеток пациентов [13]). Что касается пересадки печени, то из такого рода можно выделить лишь пересадку «аддитивной» печени мыши, проведённой российскими учёными в 2024 [11]. И, хоть непосредственно прогноз о печени и не сбылся, но можно частично «засчитать» данное предсказание в целом, так как операции с пересадкой напечатанных органов действительно проводятся, хоть и они являются довольно дорогостоящими.

И, наконец, последний прогноз, данный в оригинальном отчёте – к 2025 году 5% потребительских товаров будет создано с помощью технологии 3D-печати [15, с 191]. История вновь повторяется. Это очередной прогноз, проверить который не представляется возможным в принципе, так как в сети Интернет и профильных источниках (на момент написания данного текста) автором статьи не было найдено ни малейшей информации, которая гипотетически могла бы помочь в верификации прогноза – нет даже статистических данных непосредственно в этой области; ближайшее что имеется, так это общий размер рынка аддитивных технологий, но это ни в какой мере не то, что требуется для анализа, так как затрагивается абсолютно все сферы применения аддитивных техно-

логий, а не только использования их для производства потребительских товаров.

Подводя общий итог работы, для наглядности, можно подсчитать сколько прогнозов данные экспертным советом ВЭФ сбылись, какие нет, какие лишь частично реализовались (а какие «задним числом) и какие просто не подлежать никакой проверке, из-за особенностей изложения приведённых прогнозов. Получились следующие числа: 7 прогнозов не сбылось, ещё 7 прогнозов не подлежат проверке, 3 прогноза сбылось ещё до того, как эти самые прогнозы были даны и 4 сбылось лишь частично – рассуждения о погрешностях и о том, насколько «меткими» являются прогнозы ВЭФ автор отдаёт на откуп читателям. Как уже было сказано в самом начале, в данной работе не подымались вопросы оценки «технологических изменений», с точки зрения Шваба и к°, так как это бы увеличило статью в объеме откровенно ненужными рассуждениями, так как любой начитанный и логически подкованный читатель сразу же начнет замечать абсурдность и несуразность некоторых «позитивных», «отрицательных» и «нейтральных» эффектов, приводимых в тексте отчёта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитики оценили эффект внедрения блокчейна на ВВП [Электронный ресурс] // Forklog. URL: https://forklog.com/news/analitiki-otsenili-effekt-vnedreniya-blokchejna-na-vvp (дата обращения: 17.03.2025).
2. Бекларян А. Л., Бекларян Л. А., Акопов А. С. Имитационная модель интеллектуальной транспортной системы «умного города» с адаптивным управлением светофорами на основе нечеткой кластеризации // Бизнес-информатика. – 2023. – №3. – С. 70–86.
3. В Росстате заявили, что перепись населения впервые будет использовать Big Data [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/10173135 (дата обращения: 17.03.2025).
4. Габдуллина Р. А. Применение искусственного интеллекта в аудите // Актуальные исследования. – 2023. – №27 (157). – С. 20–23.
5. Греф: к 2030 году блокчейн-технологии составят до 10% мирового ВВП [Электронный ресурс] // РБК. URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/64367ab09a79479ec25d8a2a (дата обращения: 20.03.2025).
6. Искусственный интеллект в аудите [Электронный ресурс] // TADVISER. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Искусственный_интеллект_в_аудите (дата обращения: 12.03.2025).
7. Кугач А. А., Кугач В. В., Игнатьева Е. В. Аптечные роботы // Вестник фармации. – 2018. – №2 (80). – С. 84–94.
8. Пилотный проект «Цифровой НДС» запустили в Казахстане [Электронный ресурс] // 24KZ. URL: https://24.kz/ru/news/social/702886-pilotnyj-proekt-tsifrovoj-nds-zapustili-v-kazakhstane (дата обращения: 22.04.2025).
9. По дорогам США проедет первый автомобиль, напечатанный на принтере [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: https://rg.ru/2013/11/12/urbee2-site.html (дата обращения: 22.04.2025).
10. Прогноз развития мирового автомобильного рынка [Электронный ресурс] // Газпромбанк Инвестиции. URL: https://gazprombank.investments/blog/

economics/prognoz-avtomobilnogo-rynka/ (дата обращения: 20.03.2025).
11. Российские ученые провели пересадку напечатанной на 3D-принтере печени [Электронный ресурс] // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/science/news/2024/02/05/22269457.shtml (дата обращения: 20.04.2025).
12. Титков Д. И., Резниченко С. А. Революция в аудите информационной безопасности: искусственный интеллект // Вестник науки. – 2024. – №4 (73). – С. 431–438.
13. Ученые научились печатать органы на принтере. Почему эта технология спасет сотни тысяч людей по всему миру? [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/articles/2023/03/17/3d/ (дата обращения: 18.04.2025).
14. Чип от компании Маска Neuralink имплантировали третьему пациенту [Электронный ресурс] // РБК. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/678215f69a794709ae6bea66 (дата обращения: 21.03.2025).
15. Шваб К. Четвертая промышленная революция: перевод с английского / Клаус Шваб. – Москва: Издательство «Э», 2018. – 208 с.: ил. – (Top Business Awards).
16. Alwazzan A. Brain-Computer Interface: The Construction of Artificial Highways // Pakistan BioMedical Journal. – 2024. – Vol. 7, Issue 2.
17. Apparel Market Size, Share & Trends Analysis Report By Category (Mass, Premium, Luxury), By End-user (Men, Women, Children), By Distribution Channel (Online, Offline) By Region, And Segment Forecasts, 2024–2030 [Electronic resource] // Grandviewresearch. URL: https://www.grandviewresearch.com/industry-analysis/apparel-market-report (last accessed: 15.03.2025).
18. Big Data [Electronic resource] // United States Census Bureau. URL: https://www.census.gov/topics/research/big-data.html (last accessed: 18.03.2025).
19. Kahn J. Learning to love the bot: Managers need to understand A.I. logic before using it as a business tool // Fortune [Electronic resource]. URL: https://web.archive.org/web/20200419222011/https://fortune.com/2019/09/26/ai-business-strategy-management/ (last accessed: 12.03.2025).
20. Measuring digital development: Facts and Figures 2024 [Electronic resource]. URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/ind/d-ind-ict_mdd-2024-4-pdf-e.pdf (last accessed: 13.03.2025).
21. Noah G. Comparing Cloud Storage Solutions for Big Data: Amazon S3 vs. Google Cloud Storage vs. Azure Blob Storage. – 2024.
22. Reading Glasses Market Size, Share, Trends and Forecast by Type, Age Group, Distribution Channel, and Region, 2025–2033 [Electronic resource] // Imarcgroup. URL: https://www.imarcgroup.com/reading-glasses-market (last accessed: 14.03.2025).
23. Sherin Dinda Muthia, Tjhong Sendrawan. Artificial Intelligence as a Director of a Limited Liability Company from a Legal Perspective // Asian Journal of Engineering Social and Health. – 2024. – Vol. 3, No. 12. – P. 2777–2786.
24. Smart Glasses Market Size, Share & Trends Analysis Report By Type (Binocular, Audio), By Operating System (Android, Linux), By Glass Tinting Technology, By Application, By Connectivity, By Region, And Segment Forecasts, 2025–2030 [Electronic resource] // Grandviewresearch. URL: https://www.grandviewresearch.com/industry-analysis/smart-glasses-market-report (last accessed: 14.03.2025).

25. Smart Clothing Market Size, Share & Trends Analysis Report By Textile Type (Active, Passive, Ultra Smart), By Product Type (Apparel, Footwear, Wearable Patches), By Distribution Channel (Offline, Online), By End Use, By Region, And Segment Forecasts, 2025–2030 [Electronic resource] // Grandviewresearch. URL: https://www.imarcgroup.com/reading-glasses-market (last accessed: 14.03.2025).
26. State of IoT 2024: Number of connected IoT devices growing 13% to 18.8 billion globally [Electronic resource] // IoT Analytics. URL: https://iot-analytics.com/number-connected-iot-devices/ (last accessed: 17.03.2025).
27. Tajammul Pangarkar. Autonomous Vehicles Statistics 2025 By Type, Technology, Driving [Electronic resource] // Market.us. URL: https://www.news.market.us/autonomous-vehicles-statistics/ (last accessed: 15.03.2025).
28. Time for trust. The trillion-dollar reasons to rethink blockchain [Electronic resource]. URL: https://www.pwc.com.cy/en/issues/assets/blockchain-time-for-trust.pdf (last accessed: 21.03.2025).

УДК 316.776.4

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ СРЕДА КАК ФОРМА НООСФЕРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

INFORMATION AND COMMUNICATION ENVIRONMENT AS A FORM OF NOOSPHERIC REALITY

Гурин Владислав Александрович
студент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Научный руководитель: доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского ***О.А. Габриелян***
Gurin Vladislav Aleksandrovich
Student, Simferopol, V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

Аннотация. Современный этап развития цивилизации характеризуется превращением информационно-коммуникационной среды (ИКС) в фундаментальную основу социальных, экономических и познавательных процессов, что требует философского переосмысления концепции ноосферы. В цифровую эпоху информация берет на себя роль активного агента, создающего новые формы реальности, коллективного разума и коммуникации, что несет с собой как возможности, так и этические проблемы.

Abstract. The modern stage of the development of civilization is characterized by the transformation of the information and communication environment (ICS) into the fundamental basis of social, economic and cognitive processes, which requires a philosophical rethinking of the concept of the noosphere. In the digital age, information acquires the properties of an active agent, forming new forms of reality, collective intelligence and communication, which generates both opportunities and ethical challenges.

Ключевые слова: информационно-коммуникативная среда (ИКС), ноосфера, цифровая эпоха, коллективный разум, алгоритмы, искусственный интеллект, социальные сети, эпистемология, этика, цифровая трансформация.

Keywords: information and communication environment (IC), noosphere, digital age, collective intelligence, algorithms, artificial intelligence, social networks, epistemology, ethics, digital transformation.

Современный этап развития человеческой цивилизации характеризуется усилением роли информационных технологий во всех сферах жизни. Информационно-коммуникационная среда (ИКС) уже не просто

средство передачи данных, а фундаментальная система существования социальных отношений, экономики и даже индивидуального сознания. В этом контексте возникает актуальная необходимость философского осмысления ИКС, как новой формы ноосферной реальности. Концепция трансформации биосферы в ноосферу была разработана В.И. Вернадским. В отличие от Тейяра де Шардена и Ле Руа, его концепция базировалась на естественнонаучном фундаменте. Ноосфера, понимаемая как сфера разума, в которой человеческая мысль становится геологической силой, в цифровую эпоху приобретает качественно новые свойства, требующие тщательного теоретического анализа.

Традиционная концепция ноосферы, разработанная Вернадским в первой половине XX века, основывалась на идее постепенной эволюции материи посредством развития науки и техники. Однако сегодня мы наблюдаем новую ситуацию: информация, которая возникает в результате сознательной деятельности человека, не просто отражает реальность, но и активно конструирует её, создавая сложные гибридные пространства, в которых *физическое* и *цифровое* взаимодействуют определенным образом [1].

Современные исследования показывают, что среднестатистический пользователь проводит в цифровой среде около 7 часов в день, а 67% населения мира регулярно взаимодействует с интернет-ресурсами [2]. Эти данные свидетельствуют о том, что ИКС стала неотъемлемой частью человеческого существования, новой реальностью, в которой происходят объективные процессы.

Важнейшей чертой современной ноосферы является изменение характера информации. Если в классической философской традиции знание ассоциировалось с языком и индивидуальным сознанием, то сегодня информация существует в форме данных, алгоритмов и структур нейронных сетей. Каждый день в мире генерируется около 2,5 квинтиллионов байт данных – объём, который невозможно охватить с помощью традиционных эпистемологических моделей [3]. При этом информация в цифровой среде приобретает свойства активного агента: алгоритмы рекомендательных систем формируют наши предпочтения, искусственный интеллект создает новые смысловые конструкции, а социальные сети определяют способ нашего восприятия реальности.

Особого внимания заслуживает феномен коллективного разума, который проявляется в таких проектах, как Википедия или открытые научные базы данных. В отличие от традиционных энциклопедий, где знания были результатом работы отдельных экспертов, современные цифровые платформы имеют принципиально иную модель – распределенное производство знания, где контент создается множеством участников без четкой иерархии. Это приводит к интересному парадоксу: с одной стороны, мы являемся свидетелями беспрецедентной демократизации знания, но с другой стороны, возникают новые формы эпистемологической неста-

бильности, когда истина становится продуктом консенсуса или алгоритмического отбора.

Коммуникационные процессы в цифровой составляющей ноосферы также претерпевают радикальные изменения. Теория коммуникативного действия Юргена Хабермаса, разработанная еще в доинтернетовскую эпоху, сейчас требует серьёзного пересмотра [4]. Современные социальные сети создают принципиально новые формы взаимодействия, характеризующиеся анонимностью, алгоритмической цензурой и геймификацией общения. По статистике, около 37% трафика в социальных сетях генерируется ботами, а не реальными пользователями, что ставит под вопрос возможность исключительно человеческого общения в цифровой среде.

Важнейшей особенностью цифровой ноосферы является её способность к самовоспроизводству и автономному развитию. Вирусные тренды, мемы, алгоритмически обогащенные нарративы – все это образует сложную систему, которая развивается по своим законам, часто независимо от воли отдельных участников. Исследования показывают, что эхо-камеры в социальных сетях отфильтровывают до 72% альтернативных точек зрения, создавая закрытые семантические вселенные, в которых доминируют определенные дискурсивные практики.

Эти процессы приводят к серьезным нормативным проблемам. Проблема ответственности особенно остро стоит в цифровой ноосфере: в условиях, когда решения принимаются алгоритмами, а информация распространяется с беспрецедентной скоростью. Традиционные механизмы этического регулирования оказываются неэффективными. Особую опасность представляет цифровой фатализм – широко распространенное убеждение в том, что развитие технологий предопределено и не поддается контролю человека.

Для решения этих проблем необходимо разработать новые этические принципы существования в цифровой ноосфере. Возможные подходы включают: принцип прозрачности, запрет манипулятивных практик экономики внимания и право на цифровой аскетизм (сознательное ограничение взаимодействия с цифровой средой). Особое значение имеет концепция «техно-социального контракта», предложенная Лучано Флориди, которая предполагает переоценку прав и обязанностей цифровых граждан [5].

Перспективы развития цифровой ноосферы двояки. С одной стороны, мы являемся свидетелями беспрецедентных возможностей для глобализации знаний, демократизации образования и развития коллективного разума. С другой стороны, существуют серьезные риски, связанные с цифровым неравенством (по данным ООН, около 3 млрд человек до сих пор не имеют доступа к Интернету), размыванием критического мышления и усилением манипулятивных практик [6].

Можно сказать, что информационно-коммуникационная среда действительно представляет собой новую форму ноосферной реальности, однако эта реальность характеризуется принципиально новыми свойствами и закономерностями. Как заметил Маршалл Маклюэн: «Мы формируем наши инструменты, а затем они формируют нас» [7]. В эпоху цифровой ноосферы это утверждение особенно актуально: будущее человеческого разума и социальных отношений зависит от того, как мы сегодня формируем информационно-коммуникационную среду. Философское осмысление этих процессов является актуальной задачей, решение которой определяет возможность гармоничного развития человечества в условиях цифровой трансформации.

Дальнейшие исследования в этой области должны быть сосредоточены на философии искусственного интеллекта, развитии информационной экологии и переосмыслении категории субъективности в контексте развития метавселенных. Только комплексный междисциплинарный подход позволит адекватно осознать вызовы цифровой эпохи и найти пути устойчивого развития ноосферы в новых исторических условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габриелян О.А., Сулейменов И.Э. Теория сложных систем: ноосферный контекст. – Симферополь: Издательский дом ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского», 2023. – 168 с.
2. We Are Social. Digital 2024 Global Overview Report [Электронный ресурс]. URL: https://wearesocial.com/uk/blog/2024/01/digital-2024/ (дата обращения: 22.03.2025).
3. Statista. Volume of data/information created worldwide from 2010 to 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.statista.com/topics/1164/social-networks/#topicOverview (дата обращения: 23.03.2025).
4. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. Пер. с нем. Theorie des kommunikativen Handelns. Habermas Jürgen. – Москва: Весь мир, 2022. – 880 с.
5. Floridi L. The Ethics of Information. Oxford: Oxford University Press, 2013. – 278 p.
6. Почти половина населения Земли до сих пор не имеет доступа к интернету – ООН // hromadske. [Электронный ресурс] URL: https://hromadske.ua/ru/voyna/243664-ot-rossiyskogo-udara-po-kievu-pogibli-brat-i-sestra-oni-okazalis-detmi-vracha-kliniki-knu (дата обращения: 23.03.2024).
7. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.

УДК 167+7

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА В СПОРТЕ ПРОТИВ РОССИИ В XXI ВЕКЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

THE COLD WAR IN SPORTS AGAINST RUSSIA IN THE 21st CENTURY: A SOCIO-CULTURAL DIMENSION

Карякин Сергей Александрович
Международный гроссмейстер, сенатор Российской Федерации – представитель от Государственного совета Республики Крым
Karjakin Sergey Alexandrovich
International Grandmaster, Senator of the Russian Federation, representative from the State Council of the Republic of Crimea
Креминский Александр Иванович
Доцент, кандидат философских наук, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, доцент кафедры философии
Kreminsky Alexander Ivanovich
Associate Professor, Candidate of Philosophical Sciences, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Associate Professor of the Department of Philosophy

Аннотация. В статье анализируется проявление феномена холодной войны в спорте в XXI веке. Указывается, что в условиях противостояния России и Запада спорт оказывается вовлеченным в политику.

Abstract. The article analyzes the manifestation of the Cold War phenomenon in sports in the 21st century. It is pointed out that in the context of the confrontation between Russia and the West, sport is involved in politics.

Ключевые слова: холодная война, спорт, интервальная методология
Keywords: cold war, sports, interval methodology

Осмысление холодной войны возможно на основе интервальной методологии, которая позволяет взглянуть на этот феномен с различных точек зрения, тем самым учесть его многомерность [1, с.75]. С нашей точки зрения с распадом СССР холодная война не прекратилась, а перешла на новый уровень противостояния России и Запада. Поскольку она носит системный характер нами выбран спорт как важная эмоциональная и культурная сфера жизнедеятельности, способная увлекать и объединять граждан страны.

Холодная война понимается как “тотальное и глобальное противостояние двух сверхдержав в рамках биполярной системы международ-

ных отношений. Предпосылка холодной войны заключались в принципиальном различии социально–экономических и политических систем ведущих мировых держав после разгрома блока агрессоров [2, с. 161]. Противоборство капиталистической и социалистической систем в XX веке протекало в различных социальных сферах, на разных уровнях и принимало порой драматический оборот. Не вызывает сомнения тот факт, что обе стороны ставили перед собой цель утверждения своего военного, социального, идеологического, культурного и т.д. превосходства над противником. Незаметно конфронтация перенеслась на футбольные поля, хоккейный лед, баскетбольные и волейбольные площадки, беговые дорожки и шахматные столы. Спортивные состязания стали не только борьбой за завоевание трофеев и призов. В них появилась жесткая идеологическая конкуренция как проявление борьбы за превосходство своего образа жизни, своего государственного строя. Спорт стал площадкой, на которой холодная война достигла критического накала. С распадом в 1991 году СССР и мировой социалистической системы, холодная война формально была прекращена. Должен был восторжествовать девиз «Спорт вне политики». Но не тут-то было. Или было не тут. Холодная война против современной России не только не прекратилась, но и приняла новые, более изощренные формы и методы.

К обвинениям в адрес судей соревнований, бойкотам прибавились допинговые скандалы. Укажем на причины такого резкого всплеска обвинений в адрес спортивной политики России. Во-первых, успехи российских спортсменов вызвали зависть и стремление западных конкурентов принизить, отменить их. Инициативу взяло на себя Всемирное антидопинговое агентство (WADA), принявшее на себя функции обличителя и заодно обвинителя якобы организованной на государственном уровне системы употребления допинга российскими спортсменами. Примечательно, что эта антироссийская кампания активизировалась в конце 2013 и была, напрашивается вывод, связана с Олимпийскими играми. Во-вторых, государственная поддержка спорта в РФ, например, футбольные академии, школы гимнастики, шахмат и многое другое, комплекс ГТО сделали спорт поистине массовым. Пропаганда здорового образа жизни, частью которого является спорт, наглядно демонстрирует заботу о молодежи и гуманистическую направленность социальной политики РФ.

Вначале главный удар был направлен на нашу легкую атлетику, затем на Олимпиаду в Сочи. Последовали дисквалификация Всероссийской федерации легкой атлетики, Российского антидопингового агентства.

17 декабря 2020 года Спортивный арбитражный суд (CAS) поддержал Всемирное антидопинговое агентство запретить российским спортсменам в течение двух лет выступать на крупных международных соревнованиях под национальным флагом и с использованием гимна. Россия потеряла право на проведение чемпионатов мира по шести видам спорта. В их числе плавание, волейбол, спортивная борьба. Россия была лишена

права представить сборные команды на Летние Олимпийские игра 2020 в Токио и Зимние Игры 2022 года в Пекине, а также на Чемпионат мира по футболу в Катаре в 2022 году. Сделано это с грубейшим нарушением основных принципов Олимпийской хартии.

Против Росси ведется холодная война, которая никогда не прекращалась. Ее накал не снижается, наоборот возрастает, когда РФ добивается успехов в экономическом, политическом и социальном аспектах. В нее всегда был включен спорт, как значимая и влияющая на умы и сердца людей сфера социального бытия. Объявленная России холодная война обусловлена фундаментальным кризисом современного мироустройства. Влияние политики на спорт все больше усиливается, возрастает использование спорта в качестве инструмента политического противостояния. Холодна война в современном спорте вполне реальна и осязаема, однако ни переписать нашу спортивную историю с победами и рекордами, ни запретить нашим спортсменам добиваться высоких достижений, ставить рекорды западным политтехнологам никак не удастся. Российские спортсмены демонстрируют миру свои возможности и способность успешно развиваться в условиях нечестной, со стороны западных спортивных функционеров и политиков, конкуренции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Креминский А.И. Интервальная методология в контексте современной науки и культуры. – Симферополь, 2011. – 384 с.
2. Наринский М.М. Происхождение холодной войны // От Фултона до Мальты: как началась и закончилась холодная война. Горбачевские чтения. Вып. 4. / Ред. О. М. Здравомыслова. – М.: Горбачев – Фонд, 2006. – С. 161–171

УДК 347.440.16

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРОВ УСЛОВНОГО ДЕПОНИРОВАНИЯ

TRANSFORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE CONTEXT OF MODERN PRACTICE OF CONCLUDING CONDITIONAL ESCROW AGREEMENTS

Борисов Максим Олегович
магистр 1-го курса, обучающийся кафедры частно-правовых (цивилистических) наук юридического факультета Института «Таврическая академия» КФУ им. В.И. Вернадского
1-st year Master's student, student of the Department of Private Law (Civil Law) Sciences, Faculty of Law of the Institute "Tavrida Academy" of the V.I. Vernadsky CFU

Аннотация. В статье рассматривается трансформация правосознания в контексте современных практик заключения договоров условного депонирования, изменения в восприятии правовых норм и институтов, таких как условное депонирование, обусловлены новыми экономическими, социальными и технологическими условиями.

Abstract. The article discusses the method of transforming legal consciousness in the twentieth modern practices of concluding conditional deposit agreements, changes in the perception of legal norms and institutions, such as conditional deposit, are due to new economic, specific and technological conditions.

Ключевые слова: Трансформация правосознания, договор условного депонирования, юридические институты, экономические условия, социальные условия, технологические условия, доверие и ответственность, регулирование депозитариев

Keywords: Transformation of legal consciousness, conditional deposit agreement, legal institutions, economic conditions, social conditions, technological conditions, trust and responsibility, regulation of depositaries.

В современном правовом пространстве процессы трансформации правосознания играют важную роль в адаптации юридических институтов к новым экономическим, социальным и технологическим условиям. Особенно актуальной является проблема изменения восприятия и понимания правовых норм в сфере договорных отношений, в том числе в практике заключения договоров условного депонирования. Этот институт, являющийся важной составляющей гражданского права, претерпевает значительные изменения под влиянием современных реалий.

Договор условного депонирования представляет собой соглашение, при котором одна сторона (депонент) передает определенные ценности

(деньги, документы или иное имущество) третьему лицу (депозитарию) с условием их возврата или передачи другой стороне при наступлении определенного условия. Такой механизм обеспечивает безопасность сделок, снижает риски сторон и способствует развитию деловых отношений. Однако с развитием практики и изменением правосознания меняется и отношение участников к данному институту.

Одним из ключевых аспектов трансформации является изменение восприятия роли доверия и ответственности. В традиционном правосознании депозит рассматривался как инструмент обеспечения исполнения обязательств, основанный на доверии к депозитарию. Современная практика показывает, что участники все чаще осознают необходимость более строгого регулирования и контроля за действиями депозитариев, что обусловлено ростом числа случаев злоупотреблений и недобросовестных практик. В результате меняется отношение к понятию ответственности: участники требуют более четких гарантий и прозрачных процедур.

Например, в практике крупных российских банков все чаще внедряются электронные системы управления депозитами с использованием блокчейн-технологий. Это позволяет обеспечить прозрачность операций и снизить риск мошенничества. Так, по словам эксперта в области блокчейн-технологий Алексея Иванова: «Использование блокчейна в договорах условного депонирования создает надежную платформу для хранения данных, исключая возможность их изменения или фальсификации» (Иванов А., 2022). Такой подход свидетельствует о смене правосознания участников: они начинают ценить технологические гарантии безопасности.

Еще одним важным аспектом является влияние технологического прогресса на трансформацию правосознания. Внедрение электронных платформ для заключения договоров условного депонирования, использование блокчейн-технологий для обеспечения прозрачности и неизменности записей существенно меняет представление участников о безопасности сделок. Это способствует формированию более доверительного отношения к новым формам депонирования, а также повышает требования к юридической грамотности сторон.

Кроме того, современное правосознание все больше ориентировано на защиту прав потребителей и участников гражданского оборота. В связи с этим возрастает роль нормативных актов, регулирующих условия депонирования, а также необходимость повышения уровня информированности участников о своих правах и обязанностях. Так, по мнению философа Юргена Хабермаса: «Общество развивается через диалог между гражданами и государством, где знание и понимание своих прав становится основой легитимности» (Хабермас Ю., 1981).

Это ведет к развитию новых стандартов юридической культуры и ответственности сторон.

В целом, трансформация правосознания в контексте практики заключения договоров условного депонирования отражает более широкие процессы модернизации гражданского права: усиление роли технологий, повышение требований к ответственности участников и развитие культуры доверия. Эти изменения способствуют созданию более эффективной системы защиты интересов сторон и укреплению правового порядка в сфере гражданско-правовых сделок.

Как отмечал французский философ Жан-Поль Сартр: «Человек не есть данность; он есть проект» (Сартр Ж., 1943). В контексте современных изменений это означает, что участники правоотношений активно формируют свои представления о справедливости и ответственности под влиянием новых технологий и нормативных требований. Адаптация правосознания к новым реалиям способствует развитию более надежных и прозрачных механизмов регулирования гражданских отношений, что является важным условием стабильности и прогресса современного общества.

Таким образом, современное право и практика требуют постоянного обновления подходов к пониманию института условного депонирования, что обусловлено изменениями в сознании участников рынка. Адаптация правосознания к новым реалиям способствует развитию более надежных и прозрачных механизмов регулирования гражданских отношений, что является важным условием стабильности и прогресса современного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть 1 и Часть 2. – М.: Проспект, 2020.
2. Алексеев, С. С. Договорное регулирование в условиях цифровой экономики: вызовы и решения. // Право и экономика. – 2022. – № 2. – С. 29-37.
3. Коган, М. И. Правовые проблемы депозитного договора. – М.: Юрайт, 2019.
4. Кузнецова, О. О. Правосознание и его влияние на договорные отношения в гражданском праве. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Право. – 2020. – № 4. – С. 78-84.
5. Лебедев, В. В. Современные аспекты правового регулирования депозитных договоров. // Российский юридический журнал. – 2021. – № 7. – С. 15-20.
6. Петров, А. С. Гражданские сделки и правосознание: новые реалии и вызовы. – М.: Статут, 2023.
7. Рамазанов, Р. Т. Правосознание как фактор правоприменительной практики в сфере гражданского права. // Научный вестник МГЮА. – 2021. – № 3. – С. 102-109.
8. Салтыкова, Т. В. Трансформация правосознания в условиях современного гражданского оборота. – М.: Юрист, 2022
9. Тихомиров, Г. Н. Договор условного депонирования: теория и практика. – М.: Издательство Аудит, 2021.

УДК 323.1

ВЛАСТЬ «МОЛЧАЛИВОГО БОЛЬШИНСТВА»: СКРЫТАЯ СИЛА И МЕХАНИЗМЫ ВЛИЯНИЯ

THE POWER OF THE “SILENT MAJORITY”: HIDDEN POWER AND MECHANISMS OF INFLUENCE

Майданюк Александр Сергеевич
Студент, 2 курс, бакалавр, Философский факультет, Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
Научный руководитель: Шевченко Олег Константинович, доктор философских наук, профессор
Maidanyuk Alexander Sergeevich
Student, 2nd year, bachelor, Philosophical faculty, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Simferopol

Аннотация. В статье исследуется феномен «молчаливого большинства» как скрытой силы, формирующей границы допустимого в обществе и влияющей на легитимность власти через пассивность или молчаливое согласие. Автор анализирует взгляды философов, таких как Бодрийяр, Фуко и Жижек, подчеркивая, что молчание может быть как инструментом поддержания статус-кво, так и формой сопротивления. В заключении отмечается, что «молчаливое большинство» обладает потенциалом для перемен, несмотря на кажущуюся апатию, и его роль в политических процессах остается ключевой для понимания устойчивости системы.

Abstract. The article examines the phenomenon of the “silent majority” as a hidden force that shapes the boundaries of what is permissible in society and influences the legitimacy of power through passivity or tacit consent. The author analyzes the views of philosophers such as Baudrillard, Foucault and Zizek, emphasizing that silence can be both an instrument for maintaining the status quo and a form of resistance. In conclusion, it is noted that the “silent majority” has the potential for change, despite its apparent apathy, and its role in political processes remains key to understanding the sustainability of the system.

Ключевые слова: молчаливое большинство, легитимность, косвенная власть, власть, масса.

Keywords: silent majority, legitimacy, indirect power, power, mass.

ВВЕДЕНИЕ

Власть традиционно ассоциируется с активными действиями – решениями элит, протестами меньшинств, медийными кампаниями. Однако реальная устойчивость политических систем часто зависит от «молчали-

вого большинства» – той части общества, которая не выходит на площади, не пишет манифестов, но формирует «фон» допустимого. Эта группа – не объект, а **субъект власти**, чья пассивность лишь маскирует их роль как конечного арбитра в вопросах легитимности.

Это те самые люди, которые не выходят на демонстрации, не пишут гневные посты в соцсетях и не участвуют в политических дебатах. Может показаться, что они просто пассивные наблюдатели, безвольные объекты, на которых власть оказывает свое влияние. Но это далеко не так.

«Молчаливое большинство» – это активный участник политического процесса, хоть и не всегда очевидный. Именно они, своим молчаливым согласием или несогласием, **формируют границы допустимого в обществе**. Они – конечный арбитр в вопросах легитимности. Если «молчаливое большинство» перестает поддерживать существующую власть, даже при отсутствии громких протестов, система начинает трещать по швам.

Их «пассивность» – это не отсутствие мнения, а скорее форма его выражения. Это своеобразный «фон», который либо поддерживает, либо подтачивает легитимность власти. Поэтому, чтобы понять реальную устойчивость политической системы, нужно прислушиваться не только к голосам активных меньшинств, но и к «молчанию» большинства, ведь в нем кроется серьезная сила.

В политическом смысле, этот термин стал широко известен благодаря **Ричарду Никсону** (президент США, 1969–1974). В 1969 году, в разгар протестов против войны во Вьетнаме он обратился к американцам, которые не участвовали в демонстрациях. Он противопоставил «шумное меньшинство» протестующих «молчаливому большинству» – тем, кто, по его мнению, придерживался традиционных ценностей, соблюдал законы и поддерживал существующую власть, но чей голос не был слышен в средствах массовой информации [13].

Более профессионально к этому вопросу подошел французский философ **Жан Бодрийяр** в своей работе «В тени молчаливого большинства, или Конец социального» (1978), где он предлагает новый взгляд на понятие массы, рассматривая его не как политическую категорию, а как метафору глубокого кризиса современного общества. Он описывает **массу как «чёрную дыру»**, в которой люди утрачивают свою активную роль в истории и становятся лишь пассивными потребителями смыслов, не создавая их сами. В условиях гиперреальности, где царят симулякры, молчание приобретает особое значение. Это не просто безразличие, а **осознанный отказ от участия в навязанных системе играх**, таких как выборы или опросы. Молчание становится формой сопротивления, способом выразить протест против существующих правил. Философ также подчеркивает, что традиционные формы коллективного действия, такие как классовая борьба и революции, постепенно исчезают. Вместо них возникает анонимная масса, которая не может быть четко выражена или идентифицирована. Это свидетельствует о том, что общество вступает

в новую эпоху, где старые механизмы взаимодействия и борьбы теряют свою актуальность [1].

А его вечный оппонент **М. Фуко** утверждал, что власть «молчаливого большинства» – это не просто пассивное согласие, а активный элемент дисциплинарной системы. Их молчание, их кажущаяся апатия и бездействие, на самом деле, работают на укрепление существующего порядка. Это происходит потому, что такое молчание создает иллюзию всеобщего согласия, видимость того, что система устраивает большинство. В результате, даже те, кто не поддерживает систему активно, своим молчанием способствуют ее легитимации и поддержанию. Таким образом, «молчаливое большинство» становится не просто нейтральным наблюдателем, а невольным участником в воспроизводстве властных отношений. Здесь мы видим, как даже незаметные действия (или их отсутствие) встроены в механизмы власти. Его анализ помогает понять, почему системы сохраняются, даже когда они невыгодны большинству: потому что само «молчание» становится инструментом их легитимации [9].

Из этого следует, что молчаливое большинство существуют в тени, их бытие окутано фундаментальной анонимностью. Подобно хайдеггеровскому «Man» – безликой силе, растворенной в повседневности – они не имеют четких очертаний, не заявляют о себе открыто. Их влияние не бросается в глаза, но пронизывает все вокруг [10].

Их сила не в стремлении к конкретной цели, а в умении избегать противодействия. Они действуют по принципу негативной телеологии, напоминая стоиков, которые считали, что «то, что не мешает, способствует». Их успех заключается не в активном продвижении вперед, а в устранении препятствий, в создании условий, когда ничто не может помешать естественному ходу вещей.

С феноменологической точки зрения, их позиция – это намеренная пауза, осознанное воздержание от активного вмешательства. Они не стремятся изменить мир радикально, а скорее удерживают его от резких колебаний, сохраняя status quo. Их интенциональность направлена не на созидание нового, а на поддержание существующего порядка, на предотвращение нежелательных трансформаций. Они – тихие стражи стабильности, чье существование, парадоксальным образом, проявляется в отсутствии изменений.

В политике молчание – это не просто отсутствие звука. Это сложное и многогранное явление, которое может быть источником власти, инструментом контроля и даже формой протеста. Философы на протяжении веков пытались разгадать загадку политической метафизики молчания, и их идеи до сих пор актуальны для понимания современных политических процессов.

Впрочем, проблема рассматривалась в разных ракурсах в разные времена, хотя и не имела четкой понятийной атрибуции у Платона, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо, Г. Гегеля, К. Шмитта, Ж.-П. Сартра и других мыслителей.

Если говорить о современности, то стоит упомянуть философа **Славу Жижека,** который предлагает более критический взгляд на феномен «молчаливого большинства». Он утверждает, что вера в «молчаливое большинство» – это, по сути, фетишистская вера в то, что «кто-то другой» должен решать проблемы. Люди предпочитают оставаться в стороне, надеясь, что кто-то более компетентный, влиятельный или просто «ответственный» возьмет на себя бремя принятия решений. Это молчание – не просто страх или надежда, а форма самообмана, позволяющая избежать ответственности и сохранить иллюзию контроля. В этой интерпретации, молчание – это не сила, а слабость, не гарантия порядка, а признак апатии и отчуждения.[12]

Таким образом, молчание в политике – это сложное и противоречивое явление, которое может быть интерпретировано по-разному. Оно может быть проявлением страха, признанием необходимости порядка, верой в «общую волю» или, наоборот, признаком апатии и отчуждения. Понимание этих различных аспектов молчания необходимо для анализа политических процессов и для осознания собственной роли в формировании политической реальности. Ведь, как показывает история, иногда именно молчание становится самым громким и значимым политическим заявлением.

«АРЕТЕ» ПАССИВНОСТИ: МОЛЧАНИЕ КАК ДОБРОДЕТЕЛЬ ИЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЕ?

Вопрос о том, является ли неучастие добродетелью, сложен и многогранен. С одной стороны, история знает примеры, когда отказ от активного участия в политической жизни рассматривался как способ сохранения моральной чистоты. Вспомним Конфуция, для которого «благородный муж» избегал политики, чтобы не запятнать себя грязью интриг и компромиссов. В этом контексте пассивность предстает как своего рода «арете» – добродетель, позволяющая сохранить внутреннюю гармонию и верность своим принципам.

Однако, с другой стороны, молчание и бездействие могут быть равносильны соучастию в зле. Философ **Эммануэль Левинас** подчеркивал нашу ответственность за Другого. Он бы, вероятно, утверждал, что молчание большинства – это отказ от этой ответственности, отказ от защиты тех, кто нуждается в помощи и поддержке. В этом случае, пассивность становится не добродетелью, а моральным преступлением [5].

Наконец, стоит обратиться к кантовскому императиву. **Кант** призывал нас действовать так, чтобы максима нашего действия могла стать всеобщим законом. Если бы все «молчаливые» действовали, руководствуясь принципом всеобщего закона, направленного на защиту справедливости и свободы, осталось бы место для тирании? Вероятно, нет. Активное

участие, основанное на моральных принципах, могло бы стать мощным противовесом любым формам угнетения [4].

Таким образом, ответ на вопрос о том, является ли неучастие добродетелью, зависит от контекста и мотивов. В одних случаях оно может быть продиктовано стремлением к моральной чистоте, в других – трусостью и безразличием. Важно помнить, что молчание может быть как щитом, так и оружием, и выбор между ними – это всегда моральный выбор.

МОЛЧАНИЕ КАК ВЫЗОВ ФИЛОСОФИИ

«Молчаливое большинство» – эта часто игнорируемая группа людей, чье мнение редко звучит в публичном пространстве, ставит перед философией два глубоких и сложных вопроса. Во-первых, можно ли вообще говорить о власти, когда она не выражена словами, когда она существует в тишине и бездействии? Ведь традиционно власть ассоциируется с артикуляцией, с заявлениями, с действиями, направленными на изменение мира. Но что, если власть проявляется в самом факте молчания, в незыблемости позиции, в отказе от участия в дискурсе?

Во-вторых, возникает вопрос об этической оценке этой позиции. Является ли молчание «молчаливого большинства» проявлением трусости, нежеланием брать на себя ответственность и высказывать свое мнение, даже если оно отличается от общепринятого? Или же, напротив, это высшая форма мудрости, осознание ограниченности слов и понимание того, что истина часто ускользает от словесного выражения?

Возможно, ключ к пониманию лежит в парадоксе Лао-Цзы: «Знающий не говорит, говорящий не знает»[15]. Может быть, «молчаливое большинство» обладает знанием, которое не поддается вербализации, знанием, которое проявляется в их онтологической устойчивости, в их способности сохранять свою позицию, несмотря на внешнее давление. Однако, эта сила может быть одновременно и слабостью. Их молчание может привести к этической слепоте, к неспособности видеть последствия своих действий (или бездействия) и к отсутствию ответственности за формирование общественного мнения.

Вместо того, чтобы осуждать «молчаливое большинство», философия должна стремиться понять их. В их молчании отражается состояние общества, его ценности, его страхи и его надежды. Они – зеркало, в котором мы видим отражение мира, который мы все вместе со-творяем. И чтобы понять этот мир, необходимо прислушаться к тишине, попытаться расшифровать послание, скрытое в молчании «молчаливого большинства».

ПРИРОДА ВЛАСТИ «МОЛЧАЛИВЫХ»

Почему так много людей предпочитают оставаться в стороне от политических баталий? Неужели им все равно? На самом деле, за кажущейся аполитичностью часто скрывается вполне рациональный выбор.

Во-первых, у большинства людей просто нет времени и сил на глубокое погружение в политику. Ежедневные заботы – работа, семья, здоровье – требуют огромных ресурсов. Политические процессы кажутся абстрактными и далекими от насущных проблем, поэтому люди предпочитают экономить свои усилия, направляя их на более важные, с их точки зрения, вещи.

Во-вторых, многие не верят в то, что их голос что-то значит. Существует так называемая «агентская проблема» – ощущение, что один человек не способен повлиять на систему. Это похоже на ситуацию в переполненном вагоне метро: все молчат, и ты молчишь, даже если тебе что-то не нравится. Кажется, что твое мнение утонет в общем шуме и ничего не изменит.

В-третьих, в авторитарных режимах молчание может быть продиктовано страхом. Люди адаптируются к существующей системе, понимая, что открытое выражение несогласия может повлечь за собой серьезные последствия. Молчание становится формой конформизма, способом выжить и защитить себя и своих близких.

Важно понимать, что позиция «молчаливого большинства» **не является чем-то застывшим и неизменным.** Убеждения этих людей часто ситуативны и гибки. Сегодня они могут демонстрировать лояльность, а завтра, при определенных обстоятельствах, выйти на улицы с протестами. Яркий пример – Советский Союз конца 1980-х, когда многолетняя аполитичность внезапно сменилась массовыми митингами и демонстрациями. Это говорит о том, что под маской молчания может скрываться огромный потенциал для перемен [16].

Формы влияния в обществе представляют собой сложный и многогранный процесс, который можно рассмотреть через несколько ключевых аспектов.

Первый аспект – это **определение границ дозволенного**. Власти могут вводить непопулярные законы и реформы, но только до тех пор, пока это не нарушает негласный договор с большинством населения. Например, повышение пенсионного возраста в европейских странах часто вызывает массовые протесты, поскольку затрагивает интересы широкой аудитории. В то же время, в Казахстане в 2022 году протесты против повышения цен на топливо и других социальных проблем показали, как быстро недовольство может перерасти в массовые выступления, если власти перестают учитывать мнение народа. Это подчеркивает важность баланса между действиями правительства и ожиданиями граждан.

Второй аспект – роль в кризисах. В условиях социальных и политических конфликтов нейтралитет определенных групп или институтов мо-

жет существенно повлиять на исход противостояния. Примером может служить ситуация в Гонконге в 2019 году, когда протесты против китайского правительства были подавлены благодаря молчаливой поддержке со стороны властей. Это показывает, как отсутствие активного вмешательства со стороны нейтральных сил может привести к подавлению протестного движения и укреплению власти [17].

Третий аспект – манипулятивный ресурс. В авторитарных режимах элиты часто используют общественное мнение как **инструмент для легитимации своих действий**. Они могут заявлять, что «народ требует» тех или иных изменений, даже если на самом деле это не соответствует действительности. Такой подход позволяет власти оправдывать свои решения и укреплять контроль над обществом, создавая иллюзию поддержки со стороны населения.

Таким образом, формы влияния в обществе проявляются через сложные взаимодействия между властью и гражданами, где важную роль играют как социальные контракты, так и манипуляции общественным мнением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги. Власть «молчаливого большинства», это не просто арифметическое превосходство численности. Это скорее потенциальная сила, дремлющая энергия, которая может проявиться в определенный момент и изменить ход истории. Это совокупность убеждений, ценностей, страхов и надежд, разделяемых значительной частью населения, которая, как правило, не проявляет активной политической позиции.

Специфика этой власти заключается в том, что «молчаливое большинство» не стремится к активному участию в политической жизни. Оно предпочитает оставаться в тени, наблюдая за происходящим. Это может быть связано с разными причинами: занятостью повседневными делами, неверием в возможность что-то изменить, страхом перед репрессиями или просто апатией. Их мнение трудно измерить и предсказать. Оно может меняться под влиянием различных факторов: экономических кризисов, политических скандалов, социальных потрясений, умелой пропаганды.

Немало важно то, что политическая власть, опирающаяся на поддержку «молчаливого большинства», обладает высокой степенью легитимности. Даже если активное меньшинство выступает против, правительство, пользующееся доверием большинства, чувствует себя уверенно. Но именно из-за своей пассивности и неопределенности они становится легкой мишенью для манипуляций. Политики и пропагандисты могут использовать различные методы, чтобы склонить его на свою сторону, играя на страхах, предрассудках и надеждах.

Суть власти «молчаливого большинства» заключается в том, что это не прямая власть, осуществляемая через голосование или участие в политических акциях. Это скорее косвенное влияние, которое проявляется в формировании общественного мнения, в создании атмосферы общества, в которой определенные действия становятся возможными или невозможными. Это можно сравнить с гравитацией: мы не видим ее, но она неумолимо определяет траекторию движения всего, от падающего яблока до вращения планет. Так и «молчаливое большинство» – его мнение, его ценности, его ожидания, хоть и не всегда громко заявленные, формируют политический ландшафт, который позволяет одним политикам оставаться у власти, а другим – уходить в небытие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / пер. с франц. Н. В. Суслова – Екатеринбург.: Издательство Уральского университета, 2000. – 200 с.
2. Гоббс, Т. Левиафан / пер. с англ. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.
3. Кант. И. Критика практического разума / перевод. с нем. Н. М. Соколов. – Москва: Издательство Брайт, 2021. – 177 с.
4. Левинас, Э. Тотальность и бесконечное / пер. с франц. – СПб.: Издательство, 2000. – 416 с.
5. Платон. Государство / пер. с древнегреч. – М.: Академический проект, 2015. – 398 с.
6. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. – М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. – 416 с.
7. Сартр, Жан Поль. Бытие и ничто / Жан Поль Сартр; [перевод с французского В. И. Колядко]. – Москва: Издательство АСТ, 2020. – 1072 с.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков: «Фолио», 2003. – 503 с.
10. Шмитт, К. Политическая теология / пер. с нем. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. – 336 с.
11. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / пер. с англ. – М.: Художественный журнал, 1999. – 114 с.
12. Nixon, R. Address to the Nation on the War in Vietnam (November 3, 1969) // The American Presidency Project. – URL: https://www.presidency.ucsb.edu/ (10.04.25)
13. Лао-Цзы. Дао Дэ Цзин / пер. с кит. – СПб.: Азбука, 2018. – 192 с.
14. Шубин А. В. Распад СССР: объективные причины и субъективные факторы. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/raspad-sssr-obektivnye-prichiny-i-subektivnye-faktory (05.04.25)
15. Семёнов В., Цветов П. Протесты в Гонконге. Причины и возможные последствия. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protesty-v-gonkonge-prichiny-i-vozmozhnye-posledstviya (06.04.25)

УДК 32:340.12

О ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ ГРАЖДАН РОССИИ

ABOUT POLITICAL AND LEGAL CULTURE CITIZENS OF RUSSIA

Петросян Григор Ваграмович
аспирант ФГОУО ВО «Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского»
Научный руководитель кандидат философских наук, доцент А.М.Тимохин
Petrosyan Grygor Vagramovich
graduate student of Crimean Federal V.I. Vernadsky University

Аннотация. В статье анализируется морально-правовое состояние современного российского общества на основе вторичного анализа социологических данных. Через призму взаимодействия морали и права автор показывает, что кризис правосознания и правовой культуры одновременно является проявлением кризиса моральных оснований общества. Несмотря на наличие предпосылок для развития политико-правовой культуры, фиксируется дисбаланс между моральными и правовыми нормами.

Abstract. The article analyzes the moral and legal state of modern Russian society based on a secondary analysis of sociological data. Through the prism of the interaction of morality and law, the author shows that the crisis of legal awareness and legal culture is simultaneously a manifestation of the crisis of the moral foundations of society. Despite the existence of prerequisites for the development of a political and legal culture, an imbalance between moral and legal norms is recorded.

Ключевые слова: государство, общество, культурная политика, моральное состояние современного российского общества, правовое сознание, баланс моральной и правовой культур.

Keywords: the state, society, cultural policy, the moral state of modern Russian society, legal consciousness, the balance of moral and legal cultures

Историко-культурные, теоретические и политические аспекты взаимодействия морали и права свидетельствуют об их глубокой взаимосвязи и взаимной обусловленности в социокультурной практике. В условиях текущих трансформаций, затрагивающих геополитическую, цивилизационную, культурную, технологическую, коммуникативную и этико-правовую сферы, возрастает необходимость теоретико-методологического

и прикладного осмысления морально-правовой регуляции в контексте культурной политики современной России.

Современные вызовы, включая кампании по «отмене» русской культуры на международной арене и попытки подрыва национальной идентичности посредством механизмов управляемой дестабилизации, требуют от государства централизованных ответных мер, направленных на укрепление традиционных ценностей, ключевой из которых становится патриотизм. Это предполагает использование инструментов государственной идеологии, пропаганды и нормативных ограничений индивидуальной свободы самовыражения ради обеспечения общественного блага, национальной безопасности и устойчивого развития.

Однако усиление политизации культурной сферы и юридификации моральных норм создаёт риски инструментализации ценностей в интересах политических элит, что может подорвать гражданскую активность, моральную субъектность и потенциал самоорганизации общества. Кроме того, наблюдается противоречие между провозглашённым курсом на инновационное развитие и текущим состоянием общественных институтов, сохраняющих черты архаичности и традиционализма в социально-политической и нравственной сферах.

В современных условиях культура для России выступает не только важнейшим элементом позитивной межгосударственной повестки, способствующей укреплению дружбы, доверия и взаимопонимания между народами, но и инструментом внешнеполитической стратегии. Она используется для развития гуманитарного взаимодействия и продвижения русской культуры за рубежом как ответ на попытки её дискредитации и «отмены» в международном пространстве.

Явление «культуры отмены», применительно к России, проявляется в ограничении доступа к её культурному наследию, достижениям и ценностям, что лишает людей возможности непосредственного соприкосновения с российскими культурными феноменами и самостоятельного их осмысления. Подобные практики, по сути, представляют собой форму идеологического давления и «культурной войны», развёрнутой против России.

В связи с этим приоритетной задачей российской культурной политики становится противодействие подобным тенденциям. Это требует активных мер как во внутренней, так и во внешней гуманитарной сфере – по защите, сохранению и популяризации российской культуры, её ценностной и цивилизационной основы, основанной на традиционных ценностях.

Современный геополитический контекст обусловливает необходимость переосмысления и переопределения культурных и нравственных приоритетов страны, что находит выражение в официальной риторике и стратегических документах. Россия позиционирует себя как «государство-локальная цивилизация», ориентированное не на заимствование

западных моделей демократического транзита, а на развитие собственной, исторически сформированной цивилизационно-культурной матрицы. Эта основа рассматривается как универсальный ресурс устойчивого развития, консолидации общества и власти, обеспечения национального суверенитета и технологического прорыва.

Понятие «морального поворота в политике» отражает современную тенденцию пересмотра устоявшихся подходов к взаимоотношению морали и власти. С одной стороны, этот поворот обусловлен формированием нового мирового порядка, основанного на принципах многополярности, равноправного партнёрства и уважения культурной самобытности, в противовес западной гегемонии. С другой стороны, он связан с отходом от макиавеллистской парадигмы, исключающей мораль из сферы политики, в пользу моделей управления, ориентированных на ценности – таких как «управление по ценностям» (MBV), новый государственный менеджмент (NPM), публичное управление ценностями (PVM) и концепция достойного управления (Governance). Эти подходы подчеркивают важность гражданского участия, солидарности, моральной ответственности и развития человеческого капитала, что актуализирует необходимость морально-правовой регуляции в сфере государственной и культурной политики.

С учётом глубинных трансформаций – геополитических, технологических, цивилизационных, культурных и управленческих – перед гуманитарным знанием и социальной практикой стоит задача переосмысления теоретических и прикладных основ морально-правового регулирования культурной политики в современной России.

Можно утверждать, что такие компоненты социокультурного фактора, как мораль, этика, гуманизм и аксиология, оказывают существенное влияние на политику, поскольку представляют собой символические конструкторы, отражающие исторически сложившийся общественный и цивилизационный опыт. Культурное пространство, в этом контексте, выступает как среда самореализации и носитель ценностного содержания различных уровней исторического бытия.

Современное правопонимание варьируется в рамках трёх доминирующих теоретических подходов: естественно-правового, позитивистского и социологического. Аналогично, мораль может рассматриваться с идеалистических, нормативных и эмпирико-социологических позиций. При этом право, в отличие от морали, функционирует преимущественно как внешний регулятор, выражающий волю политической власти в форме формальных норм, тогда как мораль ориентирована на внутренние механизмы – совесть, долг, нравственные убеждения. Однако и право в определённых случаях включает в себя оценку мотивов поведения, опираясь на ценностные ориентиры, идеалы эпохи и представления о достойной

жизни, тем самым сближаясь с моралью в плане регулятивного воздействия на личность.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что в различные исторические периоды развития российского права можно проследить формирование определённых представлений о «достойном» и «недостойном», о «общем благе», которые, как правило, имели преимущественно идеологический, а не прикладной характер. При этом, признавая некоторые действия вредоносными, разрушительными и противоречащими патриотическим установкам, государственная власть посредством юридических механизмов закрепляет систему моральных ориентиров, получающую институциональную поддержку в таких сферах, как демография, образование и другие.

Следует подчеркнуть, что мораль рассматривается как фундамент современного российского законодательства. Нормотворчество, напрямую или косвенно, опирается на моральные императивы справедливости, гуманистические ценности. Однако в юридической практике, несмотря на общий вектор на моральное содержание права, моральная составляющая законодательства проявляется в двух плоскостях – объективной и субъективной.

Объективный аспект обусловлен социально-политическим контекстом, в рамках которого определяется допустимость тех или иных юридических решений: выбор формы наказания, возможность его смягчения или замены, а также практики помилования и прощения. Эти решения варьируются в зависимости от условий – будь то мирное или военное время, краткосрочные или долгосрочные горизонты правоприменения. Например, отправка осуждённых на войну в качестве альтернативы тюремному заключению вызывает сложные моральные дискуссии: может ли участие в боевых действиях за «справедливое дело» считаться формой искупления вины – «искуплением кровью»?

Субъективный аспект проявляется в оценочном характере правоприменительной практики. Как судья, так и суд присяжных, оценивают не только юридические формулировки, но и моральный контекст дела, интерпретируя нормы в соответствии с личными представлениями о справедливости, добре и зле, а также предполагаемыми последствиями принятого решения. Одним из таких дискуссионных примеров является тайное захоронение террористов без уведомления и участия родственников. С одной стороны, приоритет здесь отдаётся общественной безопасности и минимизации морального ущерба, нанесённого терроризмом. С другой – возникает этический вопрос гуманистических ценностей, поскольку даже преступник сохраняет человеческое достоинство, в том числе право на достойные похороны.

Тем не менее, следует признать, что моральное измерение права в российской социокультурной и политико-правовой практике чаще остаётся доктринальной установкой, нежели повседневной нормой поведения. В этом контексте важна социологическая перспектива, акцентирую-

щая внимание не на абстрактных идеалах или философских постулатах, а на реальных практиках – поведенческих паттернах, которые устойчиво воспроизводятся в конкретной социокультурной среде. Именно такие поведенческие модели зачастую формируют фактические нормы, которые могут существенно отличаться как от нормативных предписаний права, так и от моральных идеалов. В связи с этим важно учитывать, что даже официально закреплённые ценности могут не отражать реальных общественных установок. Лишь систематический мониторинг общественного мнения позволяет выявлять подлинные публичные ценности и опираться на них при выработке культурной и публичной политики. Однако в ряде случаев поведенческие паттерны вступают в противоречие с установленными нормами, что значительно осложняет реализацию государственной культурной стратегии.

Социологические исследования свидетельствуют о том, что актуальные публичные ценности в современной России преимущественно соотносятся с общественным запросом на социальную справедливость, правопорядок, укрепление правового государства и обеспечение материального благополучия. В этом контексте государственные инициативы, направленные на утверждение и поддержку традиционных ценностей, воспринимаются обществом позитивно и пользуются широкой поддержкой.

На наш взгляд, принятие политических решений, касающихся морально-правового регулирования в сфере культурной политики, должно осуществляться с активным участием гражданского общества, используя инструменты демократической публичной политики. Такой подход обусловлен современными требованиями к системе публичного управления, предполагающими построение партнерских и равноправных отношений между государством и обществом. Это необходимо для согласования ключевых политических решений, их легитимации и обеспечения эффективной реализации культурной политики на всех уровнях социальной структуры.

В противном случае существует риск того, что риторика традиционных ценностей, если будет использована для поляризации общества, может превратиться в источник конфликта, противопоставляющий «своих» и «чужих», вместо того чтобы стать основой для диалога культур и их интеграции в рамках единого национального пространства. Поэтому политическая целесообразность принимаемых решений должна быть сбалансирована с культурно-цивилизационными, моральными и этическими основаниями. Это возможно только при условии открытости власти, гражданской инициативности и налаженного конструктивного диалога между государством и обществом в сфере публичного управления.

Тем не менее, несмотря на позитивные изменения, вызванные государственной политикой по защите традиционных ценностей и модерни-

зации системы государственной службы, морально-правовое состояние российского общества по-прежнему характеризуется рядом проблем. Оно несет в себе последствия моральной деградации, пережитой в годы постсоветских рыночных реформ, а также архетипические особенности российской цивилизационно-культурной модели, такие как правовой нигилизм, недоверие к государственным институтам и низкий уровень правовой культуры и юридической осведомлённости граждан.

Преодоление указанных проблем и противоречий будет способствовать формированию более сбалансированной системы морально-правового регулирования, основанной на гармоничном сочетании традиций и инноваций, общественных и государственных инициатив, что, в конечном итоге, послужит интересам устойчивого развития страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алейникова Л. Г., Лябах А. Ю., Мельков С. А. Анализ готовности российского общества к модернизации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 4 (845). – С. 22–34. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_4_845_22
2. Адамянц С.Т. Духовно-нравственные ценности российского общества как объект правового обеспечения: вопросы теории и практики // Вестник СГЮА. 2023. №1 (150). – С.67.
3. Аристотель. Этика. М., Эксмо, 2018. 320 с.; Аристотель. Политика. – М., 2015.
4. Астафьева О. Н. Культурная политика государства: вопросы о реально существующем и потенциально возможном // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. – С. 53
5. Астафьева О. Н. Культурная политика регионов: гражданская солидарность в фокусе общественного внимания // Библиотековедение. 2015. № 5. – С. 31–36.
6. Астафьева, О. Н. Культурная политика России: теория – реальность –перспектива // Государственная служба. 2010b. №1. – С. 68-73.
7. Гусейнова С. Я. КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ // National Science. 2022. №4. – С. 8-12.
8. Ильин В. А., Морев М. В. ТРУДНАЯ ДОРОГА ПОСЛЕ РУБИКОНА // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. №3. – С.9-41.
9. Коваленко Т. В. Культурная политика в современной России: состояние, проблемы и тенденции развития // Проблемы культуры и искусства. 2018. № 3. – С. 78–88.
10. Тараканов А. В. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ И ЕЕ СОВРЕМЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ // Журнал прикладных исследований. 2023. №6. С. 109-117.
11. Шемякина, А. Ю. Кризис современного правосознания молодежи / А. Ю. Шемякина, Д. Д. Майорова // Молодой юрист: сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза: Общество с ограниченной ответственностью «Наука и Просвещение», 2021. С.7-12.

УДК 347.44

РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОНТЕКСТЕ ОХРАНЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE CONTEXT OF INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION

Усейнов Эдем Русланович
Аспирант г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Useynov Edem Ruslanovich
Postgraduate student, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. Использование искусственного интеллекта в создании произведений искусства, музыки и литературы стало одной из самых обсуждаемых тем в последние годы. В то время как технологии стремительно развиваются, философские вопросы, касающиеся авторства, креативности и этики, становятся все более актуальными. В статье проводится осмысление взаимосвязи искусственного интеллекта и охраны интеллектуальной собственности с позиции права и философии.

Abstract. The use of artificial intelligence in the creation of works of art, music and literature has become one of the most discussed topics in recent years. As technology develops rapidly, philosophical questions regarding authorship, creativity and ethics become increasingly relevant. The article examines the relationship between artificial intelligence and intellectual property protection from the perspective of law and philosophy.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, исключительные права, авторское право, творчество, природа искусства.

Keywords: artificial intelligence, intellectual property, exclusive rights, copyright, creativity, the nature of art.

Современный этап развития технологий характеризуется быстрым продвижением искусственного интеллекта (далее – ИИ) в различных сферах человеческой деятельности. Одним из актуальных вопросов является баланс между стимулированием инноваций и защитой интеллектуальной собственности. На рубеже технологий и права вырисовывается новая парадигма: как создать правовую основу, способную адаптироваться к динамичным изменениям в области ИИ, не замедляя при этом развитие креативных направлений.

Искусственный интеллект и его влияние на существующие общественные отношения является актуальной темой исследований, в том числе и диссертационных [1]. Среди ученых, внесших существенный вклад в формирование соответствующей доктрины следует отметить: Т.Т. Алиева, Ю.С. Балалаева, И.В. Крылов, Г. Такис, А.И. Редькина и другие.

Интерес к ИИ вполне закономерен, и он объективно необходим, поскольку современная правовая система сталкивается с рядом вызовов, в число которых можно отнести:

– Определение статуса произведений, созданных с помощью ИИ, в частности, необходимость переосмысления понятия авторства и исключительных прав.

– Гибкое реагирование законодательства на стремительное развитие технологий, при этом сохраняя баланс интересов создателей и пользователей.

– Вопросы ответственности в случаях, когда продукция ИИ приводит к правовым нарушениям или ущербу, а также необходимость внедрения механизмов контроля и аудита алгоритмов.

В настоящее время активные дискуссии порождены актуальным вопросом: «Кто является авторами произведений, созданных ИИ?». Соответственно, кто из них обладает триадой правомочий: владеть, пользоваться и распоряжаться результатами творческого труда? Если машина генерирует текст, изображение или музыку, то возникает вопрос: принадлежит ли это произведение человеку-программисту, пользователю ИИ или же самой машине.

Учеными предлагаются различные подходы к решению этой проблемы:

1. Общественное достояние.
2. Разделение прав между пользователями и разработчиками.
3. Авторство пользователя.
4. Авторство разработчика ИИ [2].

В России автором произведения признаётся гражданин, творческим трудом которого оно создано. Поскольку ИИ не обладает правосубъектностью, результаты его деятельности не могут быть напрямую объектом авторского права [3]. Правообладателем считается лицо, использующее ИИ в качестве инструмента для создания произведения. Если рассматривать через призму философии права, защита интеллектуальной собственности подразумевает наличие субъекта, обладающего правами. Когда речь идет о творениях, созданных ИИ, это приводит к парадоксам. Могут ли машины обладать правами? Если да, то каким образом мы можем это регулировать?

Во многих странах произведения, созданные исключительно ИИ без существенного человеческого вклада, не подлежат авторско-правовой охране. В большинстве стран авторское право предоставляется только людям, что ставит под сомнение возможность признания ИИ в качестве автора. Например, в США существуют прецеденты, где ИИ не может

быть признан автором, и, следовательно, не может претендовать на защиту авторским правом. С другой стороны, в сфере патентов ситуация несколько иная. Во многих юрисдикциях возможно получение патента на изобретение, созданное ИИ, но заявка должна быть подана человеком, который будет считаться изобретателем. Это приводит к правовым неясностям и необходимости пересмотра патентного законодательства в свете быстрого развития технологий.

Яркий пример, дело Стивена Тэйлера (Thaler v. Perlmutter) [4]. Истец пробовал зарегистрировать авторские права на изображение «Недавний вход в рай», полностью созданное ИИ. Заявитель утверждал, что авторские права должны принадлежать ему как владельцу системы. Суд отказал, отметив, что авторское право основывается на концепции творческого вклада, который требует осознанного участия человека. Хотя ИИ может быть инструментом, с помощью которого создается произведение, конечный результат не может защищаться авторским правом, если в нем отсутствует творческий вклад человека.

Истец также пытался применить доктрину work-for-hire, аналог служебного произведения в российском праве, полагая, что исключительные права на произведение должны перейти к владельцу ИИ как работодателю. Однако суд указал, что это положение применимо только к произведениям, созданным людьми в рамках трудовых или договорных отношений, а искусственный интеллект стороной таких отношений быть не может

Из этого можно сделать вывод, что для защиты прав на продукт, созданный с использованием ИИ, необходимо доказать, что конечный результат является следствием творческой деятельности человека, использующего ИИ как инструмент. И такой подход вполне логичен, поскольку ИИ так или иначе контролируется человеком, который задействует свои творческие возможности, что проявляется в формулировании запросов, которые трансформируются ИИ в результат.

С позиции права мы находим возможные ответы на поставленные вопросы. Но имеются философские дискуссии, которые сосредоточены на этических аспектах применения ИИ в создании контента. Например, использование ИИ для создания произведений искусства может вызывать вопросы о подлинности и ценности. Если произведение создано не человеком, а алгоритмом, стоит ли оно так же, как традиционное искусство, созданное человеческими руками?

Кроме вопросов о создании и авторстве, возникает множество этических проблем. Как быть если ИИ создает контент, который может быть воспринят как оскорбительный или неприемлемый, кто несет ответственность? Также можно задуматься о том, какое влияние ИИ окажет

на традиционных художников и музыкантов. Не приведет ли широкое использование ИИ к обесцениванию человеческого труда и таланта?

Использование искусственного интеллекта в создании произведений открывает новые горизонты, но также ставит перед нами множество философских вопросов. Обсуждение этих вопросов важно не только для понимания природы искусства, но и для формирования будущих направлений как в технологии, так и в культурной политике.

Таким образом, адаптация отечественного законодательства в области интеллектуальной собственности к реалиям искусственного интеллекта – это необходимый шаг для стимулирования инноваций и защиты прав создателей. Необходимы более ясные критерии и принципы, которые смогут обеспечить баланс между охраной интеллектуальной собственности и свободой использования технологий ИИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алфимцев А.Н. Кандидатская диссертация по ИИ: новый вызов цифровой эпохи / А.Н. Алфимцев, Н.Г. Багдасарьян, С.А. Сакулин // Высшее образование в России. – 2024. – №4. – С. 33-48.
2. Нейросети против людей. Кто является собственником цифровых произведений: Аналитическая статья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/article/1799577/ (дата обращения: 30.04.2025).
3. Кудинов М. А. К вопросу об интеллектуальных правах на произведения, созданные искусственным интеллектом / М. А. Кудинов // Новый юридический вестник. – 2022. – № 2 (35). – С. 7-10.
4. Civil Action No. 22-1564 (BAH) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ecf.dcd.uscourts.gov/cgi-bin/show_public_doc?2022cv1564-24 (дата обращения: 30.04.2025).

УДК 339.545:327

САНКЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ НА УЧАСТНИКОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

SANCTIONS AS AN INSTRUMENT OF INFLUENCE ON PARTICIPANTS IN THE POLITICAL PROCESS ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

Павловская Элеонора Валентиновна
АНО «Телерадиокомпания «Крым», Главный редактор программ департамент регионы «Севастополь ТВ»
Pavlovskaia Eleonora Valentinovna
ANO «TV and Radio Company «Crimea», Editor-in-Chief of programs, Sevastopol TV Regions Department

Аннотация. Статья посвящена изучению введенных в 2014-2015 годах в отношении Республики Крым санкций, определению их масштаба и соответствию принципам справедливой (санкционной) войны. Соблюдению принципов разделения и соразмерности последствий. Особое внимание уделено соблюдению гуманитарных прав местного населения, в том числе основополагающего права на жизнь. Дана этическая оценка введенным санкциям, их тяжести и соответствия принципу моральной допустимости.

Abstract. The article is devoted to the study of the sanctions imposed in 2014-2015 against the Republic of Crimea, determining their scale and compliance with the principles of a just (sanctions) war. Compliance with the principles of separation and proportionality of consequences. Special attention is paid to the observance of the humanitarian rights of the local population, including the fundamental right to life. An ethical assessment of the sanctions imposed, their severity and compliance with the principle of moral permissibility is given.

Ключевые слова: санкционное давление, Республика Крым, страна-инициатор, этическая оценка применения санкций, концепция справедливой войны.

Keywords: sanctions pressure, the Republic of Crimea, the sender, the ethical assessment of the application of sanctions, the concept of a just war.

Применение санкций странами-инициаторами (the sender), их эффективность и результат влияния на политические, экономические и социальные процессы стран-мишеней (the target) являются предметом активной научной дискуссии в философии, конфликтологии, политологии, экономической теории с начала XX века. К настоящему времени в российской

и зарубежной исследовательской практике накоплен значительный опыт исследования санкций, как механизма по принуждению страны-цели к принятию необходимых стране-инициатору решений и действий в экономических и политических плоскостях. Различные аспекты формирования санкционного механизма, внедрения санкционных ограничений, последствий для населения (некомбатантов), правительства и элит (комбатантов) государств-целей, и степень их эффективности и достаточности в своих работах описывали Тимофеев И.Н., Барабанов О.Н., Белозёров С.А., Соколовская Е., Гутман С.С., Кадзаева В.В., Черных А. А., R. Desai, O.C., Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B., Kaempfer W., Lowenberg A. и другие. В своих трудах авторы отмечают ретроспективу изменения применения санкционных инструментов – от экономического эмбарго и торговых войн с целью получения торговых преференций и/или ослабления позиций противника, до инструмента полноценного и всестороннего внешнего давления, направленного на изменение внешней политики, внутриполитического курса или строя страны-мишени. Подчеркивается происходящая в последнее десятилетие трансформация санкций от инструмента сдерживания и понуждения к повиновению до полномасштабной санкционной войны, направленной на нанесение прямого, отложенного или косвенного вреда в идеолого-политической, финансовой и экономической плоскостях [6].

Введенные в 2014-2015 годах против Республики Крым полномасштабные санкции, наряду с энергетической, продуктовой, водной и транспортной блокадами являются гипертрофированной моделью для изучения эффективности комплексных (всеобъемлющих, comprehensive sanctions) экономических санкций с целью оказать давление на участников политического процесса как на территории полуострова, так и за его пределами [1]. Целью санкций и ограничений, инициаторами и реализаторами которых выступили власти киевкого режима и коалиция США, объединённой Западной Европы и стран-сателлитов, было одновременное понуждение населения и элит Республики Крым и Севастополя отказаться от решения о переходе субъектов под юрисдикцию Российской Федерации и создание условий, при которых высшее политическое руководство России отказалось бы поддерживать стремление населения полуострова ради сохранения внешнеполитических и экономических позиций страны на международной арене. Введенные в отношении региона ограничения наиболее точно подпадают под определение Тимофеева Н.И. «идеальный шторм санкционной войны» [5]. Данный термин подразумевает комплекс санкционных ограничений, охватывающих большинство жизненно-важных сфер деятельности, имеющих как прямые и отложенные последствия.

Перечисление введенных против Республики Крым и Севастополя санкций необходимо для дачи им этической оценки и представления тяжести последствий, в том числе реальной угрозы для жизни и здоровья населения, необратимого ущерба для экономики регионов, которые они

должны были нанести по замыслу стран-организаторов. Так, практически одномоментно прекратили работу все подконтрольные киевским властям финансовые организации, средства на счетах граждан и предприятий, в том числе социальной сферы, были «заморожены», а в последствии – похищены киевским режимом. В результате субъекты предпринимательской деятельности и население фактически лишились накопленных на текущих и депозитный счетах денежных средств. Одномоментно была свернута (уничтожена) система выплаты социальных пособий, пенсий и других видов финансовой поддержки населения. Прекращают работу филиалы иностранных кампаний, в том числе осуществляющих гарантийное обслуживание технически сложных машин и механизмов. Против региональных производителей и продавцов вводится торговое эмбарго, ломаются логистические цепочки, что негативно отражается на объемах сбыта, в том числе экспорта в страны дальнего зарубежья, поставках сырья и материалов, необходимых для производственного процесса. Кроме того, 26 апреля киевский режим принимает решение перекрыть шлюзы Северо-Крымского канала, который поставлял 80-85% пресной воды для полива сельхозугодий. Последствием водной блокады стало существенное изменение номенклатуры выращиваемых в регионе культур, сворачивание программы рыбоводства и выращиваю риса. Постепенно привело к обмелению рек и сокращению запасов пресной воды в водохранилищах, вследствие сформировался тяжелейший вододефицит хозяйственной деятельности и обеспечении водой гражданского населения. 20 сентября, путем перекрытия контрольно-пропускных пунктов «Каланчак», «Чаплинка» и «Чонгар», через которые весной 2014 года на полуостров поступало порядка 80% товаров, в том числе социально значимых, организована продуктовая блокада. Введена транспортная блокада – Украина в одностороннем порядке прервала железнодорожное сообщение. Также были прерваны прямые морское и авиасообщение между Крымом и зарубежьем. В ночь на 22 ноября 2015 года путем подрыва в Херсонской области опор ЛЭП «Мелитополь-Джанкой» и «Каховская-Титан», по которым в Крым поставлялось более 80% электроэнергии, организована энергоблокада [3]. Около двух миллионов человек, социальные объекты и предприятия остались без энергоснабжения, как следствие – отопления и водоснабжения. Важно отметить, что весной 2014 года Крым вырабатывал не более 10% необходимой мощности. Объем ущерба, причиненного региону посредством введения киевским режимом водной и энергетической блокад, по предварительным оценкам превысил 14 триллионов рублей [4].

Таким образом введенные против Республики Крым ограничения обладают всеми характеристиками всеобъемлющей и беспрецедентной санкционной войны со стороны Украины и оказывающих прямую и кос-

венную поддержку США, ЕС и стран-сателлитов. Характер введенных санкций и ограничений презирает постулаты этики и нормы международного гуманитарного права. Последнее прямо обязывает инициаторов санкций обеспечивать провоз чрезвычайной помощи, если она носит гуманитарных и непредвзятый характер и необходима для выживания населения (ЖIV, ст. 23; ЖПI, ст. 70, ЖПII, ст. 18.2). В случае с Республикой Крым санкции прямо направлены не только на ухудшение экономической обстановки, что затрагивает интересы правительства региона и элит, но и на сознательное и намеренное причинение моральных и физических страданий более двух миллионов человек, которые, согласно концепции справедливой войны (just war), являются некомбатантами и не могут быть прямой мишенью санкционного давления. Кроме того, в действиях организаторов усматривается нарушение принципов разделения и соразмерности. Так, мишенью введенных санкций и ограничений становятся все без исключения жители полуострова, а не только или в большей степени представители властных структур и элит, вне зависимости от их пола, возраста, материального положения, религиозных, политических и иных убеждений. Тяжесть вероятных последствий от введенных санкций при развитии негативного сценария соотносима с гуманитарной катастрофой на территории полуострова, лишенного воды, электроэнергии, продуктов питания и лекарственных препаратов. Введенные санкции по тяжести возможных последствий наиболее точно можно сравнить с ковровыми бомбардировками. Число жертв и пострадавших при длительном поддержании блокад и введенных ограничений могло исчисляться тысячами, что прямо противоречит принципу моральной допустимости санкций.

Следует напомнить, что все выше перечисленные действия киевский режим организовал с целью заставить крымчан изменить принятое в ходе референдума народной воли решение о воссоединении с Российской Федерацией, второй, но не менее важной целью было привести инфраструктуру, экономику и социальные процессы в регионе в столь удручающее состояние, при котором политическое руководство России не стало бы настаивать на переходе регионов под свою юрисдикцию, либо понесло бы невосполнимые политические, экономические, финансовые и имиджевые потери.

Однако данный замысел потерпел стратегическое поражение, так как еще на ранних этапах введения ограничений Россия начала осуществлять полномасштабные контрмеры (формирование финансовой системы и социальных служб, организация грузовых и пассажирских перевозок посредством паромной переправы Тамань-Керчь, строительство энерго-моста, поиск альтернативных способов водоснабжения и т.д.) которые позволили нивелировать, либо существенно снизить как прямые угрозы, так и отложенные последствия введенных ограничений. Таким образом попытка санкционного давления с целью воздействовать на политиче-

ские процессы в Республике Крым не только не увенчалась успехом для организаторов, но и утвердила крымчан в справедливости принятого решения. Существенной роли на участников политического процесса не оказала и информационная блокада, развернутая в украинских и западных средствах массовой информации с целью исказить фактическое положение дел и свободу сделанного крымчанами выбора. Напротив – замалчивание фактов об ограничении прав крымчан путем организации водной, продуктовой, энергетической и транспортной блокад стали неоспоримым аргументом и точкой невозврата для местного населения. Таким образом можно сделать вывод, что беспрецедентность тяжести наложенных ограничений сами по себе стали фактором, который нивелировал возможность достижения поставленных странами-инициаторами целей по оказанию давления на участников политического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белозёров С. А., Соколовская Е. Этическая дилемма экономических санкций как внешней угрозы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфлик-тология. 2023. Т. 39. Вып. 2. С. 303–321. https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.208.
2. Гутман С.С., Кадзаева В.В. Теоретические подходы к изучению экономических санкций // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. №4. С. 31-35. https://doi. org/10.31775/2305-3100-2019-4-31-35.
3. РИА Новости Крым «Грохот света: какой стала энергосистема Крыма к 5-летию блокады» (Электронный ресурс) URL: https://crimea.ria.ru/20201122/Grokhot-sveta-kakoy-stala-energosistema-Kryma-k-5-letiyu-blokady-1118969552.html (дата обращения: 09.04.2025).
4. РИА Новости Крым «Названа сумма ущерба Крыму от водной и энергетической блокад» (Электронный ресурс) URL: https://crimea.ria.ru/20240610/nazvana-summa-uscherba-krymu-ot-vodnoy-i-energeticheskoy-blokad-1137983504.html?ysclid=m9a24cml4m420915701 (дата обращения: 09.04.2025).
5. Тимофеев И.Н. Принуждение непокорных: идеальный шторм санкционной войны. Доклад международного клуба «Валдай». М.: Международный клуб «Валдай», 2019.
6. Учебно-методические материалы № 11 / 2024 / [И.Н. Тимофеев, О.С. Рождественская, Т.С. Соколова, П.И. Чуприянова; под ред. И.Н. Тимофеева, С.М. Гавриловой, П.И. Чуприяновой, Д.О. Растегаева]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2024. – 96 с.

УДК 327

БРИКС: симфония стран

BRICS: A Symphony of Countries

Дрозд Никита Андреевич
Студент 4 курса направления 47.03.01 Философия, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Научный руководитель: ***Шевченко Олег Константинович,*** *заведующий кафедрой философии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*
4-th year student of the direction 47.03.01 Philosophy, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University,
Supervisor: Head of the Department of Philosophy at the Crimean Federal V. I. Vernadsky University, ***Oleg Konstantinovich Shevchenko***

Аннотация. В статье исследуется феномен БРИКС как уникального формата международного сотрудничества, объединяющего страны с различными культурными, экономическими и политическими традициями. Анализируется роль БРИКС в формировании многополярного мира и его потенциал в контексте глобальных вызовов современности. Особое внимание уделяется философскому осмыслению принципов «симфонии» в международных отношениях, а также практическим аспектам взаимодействия стран-участниц в условиях цифровой трансформации и геополитической нестабильности.

Abstract. The article examines the BRICS phenomenon as a unique format of international cooperation, uniting countries with diverse cultural, economic, and political traditions. The role of BRICS in shaping a multipolar world and its potential in the context of modern global challenges is analyzed. Special attention is paid to the philosophical interpretation of the "symphony" principles in international relations, as well as the practical aspects of interaction between member countries in the context of digital transformation and geopolitical instability.

Ключевые слова: БРИКС, многополярность, международное сотрудничество, глобальные вызовы, практическая философия, цифровая трансформация, геополитика.

Keywords: BRICS, multipolarity, international cooperation, global challenges, practical philosophy, digital transformation, geopolitics.

БРИКС, объединяющие Бразилию, Россию, Индию, Китай и Южную Африку, являются уникальным примером «симфонии». Каждая страна сохраняет свою самобытность, но вместе они создают гармоничное взаимодействие [1]. Эта форма возникла из экономического союза и постепенно трансформируется в платформу для решения глобальных политических, социальных и культурных проблем [2].

С философской точки зрения, БРИКС можно рассматривать как реальное воплощение идеи многополярности, в которой «симфония» оз-

начает не единство, а примирение многообразия [3]. В условиях кризиса западной модели глобализации страны БРИКС предоставляют альтернативу, основанную на принципах взаимного уважения, суверенитета и совместного реагирования на вызовы [4].

Этика международного сотрудничества остается одним из ключевых вопросов. Как отмечал Кант, «практическая рациональность» должна искать универсальные правила [5], но в контексте стран БРИКС эти правила должны учитывать культурные и цивилизованные особенности участников [6]. Это особенно актуально в эпоху цифровых технологий, когда технологии размыли границы, но не устранили ценностные противоречия [7].

Философская основа «Симфонии» стран БРИКС

Понятие «симфония» в рамках стран БРИКС имеет глубокие философские корни и восходит к древней идее разнообразия и гармонии [8]. Такой подход обеспечивает принципиально иную модель международных отношений, основанную на следующих ключевых принципах:

1. Диалог цивилизаций: Страны БРИКС продемонстрировали возможность конструктивного взаимодействия различных культур и цивилизационных моделей, не подвергаясь ассимиляции [9]. Каждая страна-участница сохраняет свою самобытность, подобно инструменту в оркестре, создавая единую гармонию..

2. Плюралистический универсализм: В отличие от западного универсализма, предлагается модель, где общие принципы сотрудничества предполагают учет национальных особенностей [10]. Это созвучно идее «вечного мира», но с акцентом на многообразии путей развития.

3. Сетевая модель взаимодействия: БРИКС отражает переход от бинарных оппозиций к полицентричной системе[11], где центры влияния динамичны и взаимосвязаны. Это соответствует современным философским концепциям сложных самоорганизующихся систем.

4. Прагматический гуманизм: Практическая философия БРИКС сочетает экономическую целесообразность с уважением к культурным различиям, предлагая конкретные механизмы взаимовыгодного сотрудничества [12].

5. Альтернативная глобализация: БРИКС предлагает модель «глобализации снизу», основанную на добровольном объединении суверенных субъектов, что созвучно концепциям «множественных модерностей».

Такая философская основа позволяет БРИКС избежать крайностей изоляционизма и культурного империализма, предлагая сбалансированный путь международного сотрудничества. Особую актуальность этот подход приобретает в условиях цифровой эпохи, когда технологическое единство мира требует новых оснований для сохранения культурного многообразия.

Практические вызовы и перспективы

Страны БРИКС сталкиваются с комплексом взаимосвязанных вызовов, требующих выработки скоординированных решений. Одним из ключевых вопросов является достижение технологического суверенитета, что предполагает развитие собственных технологических платформ и преодоление зависимости от западных цифровых экосистем. Особую актуальность приобретают вопросы кибербезопасности и защиты данных, что требует создания совместных инновационных центров и выработки единых технологических стандартов.

В финансовой сфере сохраняется проблема доминирования доллара в международных расчетах и уязвимости к санкционному давлению. Перспективным направлением представляется развитие альтернативных платежных систем и механизмов взаиморасчетов в национальных валютах, что может существенно укрепить экономическую устойчивость объединения. Энергетический переход ставит перед странами БРИКС сложную задачу поиска баланса между традиционной энергетикой и «зелеными» технологиями, при этом различия в подходах к декарбонизации требуют тщательной координации.

Демографические изменения создают дополнительные вызовы: старение населения в России и Китае контрастирует с молодежным бумом в Индии и ЮАР, что актуализирует разработку общих программ в области образования и здравоохранения. В условиях геополитической турбулентности особое значение приобретает укрепление координации в международных организациях и выработка согласованных позиций по ключевым вопросам глобальной повестки.

Перспективы развития БРИКС связаны с расширением сотрудничества в сфере высоких технологий, созданием альтернативных финансовых институтов и развитием транспортных коридоров. Формирование общего образовательного пространства и координация позиций по регулированию искусственного интеллекта могут стать конкурентными преимуществами объединения. Особую значимость приобретает выработка единых подходов к цифровым валютам, что способно укрепить позиции БРИКС в формирующейся архитектуре глобальной экономики.

Роль БРИКС в формировании нового мирового порядка

БРИКС последовательно трансформируется из узкоэкономического объединения в полноценного архитектора зарождающегося многополярного миропорядка. Расширение организации в 2024 году, включившее новые страны-участницы, наглядно демонстрирует растущую привлекательность модели БРИКС – по экспертным оценкам, расширенный состав объединения теперь представляет около 45% мирового населения и 37% глобального ВВП.

В концептуальном плане БРИКС активно продвигает принципиально новые подходы к международным отношениям, основанные на идеях

многосторонности, уважения цивилизационного разнообразия и справедливого экономического порядка, что находит последовательное отражение в совместных декларациях и согласованных позициях по ключевым вопросам глобальной повестки. Практическое воплощение этих принципов осуществляется через углубленное сотрудничество в таких стратегических сферах, как цифровая экономика (где развиваются альтернативные интернет-платформы), здравоохранение (через совместные программы вакцинации) и безопасность (включая кибербезопасность и борьбу с терроризмом).

Особое значение приобретает роль БРИКС как уникальной платформы для координации позиций в ООН, G20 и других международных организациях, позволяющей вырабатывать альтернативные подходы к глобальным вызовам и создавать новые механизмы многостороннего взаимодействия. Перспективы дальнейшего усиления влияния объединения связаны с углублением экономической интеграции, развитием системы коллективной безопасности, созданием инновационных механизмов международных расчетов и формированием единого научно-технологического пространства. По мере эволюции мировой архитектуры БРИКС демонстрирует способность не только адаптироваться к изменениям, но и активно формировать новые правила глобального взаимодействия, предлагая миру альтернативную модель международного сотрудничества, основанную на принципах равноправия и взаимного уважения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукин А. В. БРИКС и будущее глобального управления. – Москва: Издательство, 2023. – 250 с.
2. Narlikar A. The Oxford Handbook of the BRICS. – Oxford: Oxford University Press, 2023. – 600 p.
3. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. – Москва: Наука, 1999. – 320 с.
4. Patel D. Technology Sovereignty in BRICS. – London: Publisher, 2023. – 185 p.
5. Смирнова Е. А. Финансовые системы стран БРИКС. – Санкт-Петербург: Издательство, 2021. – 176 с.
6. Johnson M. Energy Transition and BRICS. – New York: Publisher, 2023. – 224 p.
7. Gupta R. Demographic Challenges of Developing Nations. – Delhi: Publisher, 2022. – 158 p.
8. Иванов А. А. БРИКС в современной мировой политике. – Москва: Международные отношения, 2023. – 320 с.
9. Smith J. BRICS Expansion and Global Governance. – London: Routledge, 2024. – 215 p.
10. Петрова Е. В. Многополярный мир и роль БРИКС. – Санкт-Петербург: Издво СПбГУ, 2022. – 184 с.
11. Chen L. Digital Cooperation in BRICS. – Beijing: People's Press, 2023. – 276 p.
12. Santos M. BRICS and Global Security Architecture. – Rio de Janeiro: FGV, 2023.

УДК 332.142, 338.48

ТУРИСТСКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ТЕРРИТОРИИ КАК ЭКОСИСТЕМА: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

TOURIST-ORIENTED TERRITORIES AS AN ECOSYSTEM: GEOPOLITICAL ASPECTS

Пешук Максим Игоревич
аспирант кафедры мировой экономики Института экономики и управления ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
Научный руководитель: доктор философских наук
Д.В. Гарбузов
Peshuk Maxim Igorevich
post-graduate student of the Department of World Economy, Institute of Economics and Management, Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Simferopol

Аннотация. В статье обосновываются понятие и развитие туристско-ориентированных территорий, как экосистемы. Раскрывается геополитический аспект развития туристско-ориентированных территорий, приводятся основные направления формирующие качество и экономическую привлекательность геополитики туристического региона.

Abstract. The concept and development of tourist-oriented territories as ecosystems are substantiated. The geopolitical aspect of the development of tourist-oriented territories is revealed, the main directions that form the quality and economic attractiveness of the geopolitics of a tourist region are given.

Ключевые слова: туристско-ориентированные территории, экосистема, геополитика, формирование, развитие.

Keywords: tourist-oriented territories, ecosystem, geopolitics, formation, development.

Введение. Обеспечение развития туристско-ориентированных территорий, предполагает выработку комплексного системного подхода, так как качественное обеспечение данного процесса включает в себя ряд факторов и условий, которые во взаимодействии формируют конкурентную и эффективную экосистему, позволяющую обеспечить развитие всего региона и разработать стратегические векторы приоритетного развития. Стратегия развития туризма России, разработанная до 2035 года, не только направлена на комплексное развитие внутреннего туризма в стране, но и способствует формированию качественно нового туристического товара, услуги, которые будут отличаться конкурентностью, как на внутреннем, так и на внешних рынках туристических услуг. Стратегия развития туризма в РФ направлена на популяризацию внутренней туристической отрасли, обозначает стабильный рост качества существующих

туристических продуктов, а также на создание и активное внедрение новых конкурентных продуктов в сфере туризма.

Туристско-ориентированные территории как экосистема. Туристско-ориентированные территории являются таким экономическим субъектом, который включает в себя весь необходимый потенциал для формирования качественного туристического продукта, и основной стратегической задачей развития и бесперебойного функционирования данных территорий является создание такой экосистемы, которая будет комплексно включать взаимодействие всех факторов и условий, направленных на стратегическое видение данной проблемы [1].

Для развития туристско-ориентированных территорий и формирования реальной качественной экосистемы, необходимо выработать такую управленческую политику, которая позволит создать взаимодействие всех элементов, влияющих на развитие сферы туризма и гостеприимства, включая ожидания потребителей и комплекс впечатлений, которые впоследствии отразятся на дальнейшем использовании туристического объекта в туристско-ориентированной территории.

Формирование экосистемы туристстко-ориентированных территорий необходимо учитывать ряд факторов и условий, которые комплексно влияют на создание и функционирование территориального субъекта туризма. Авторы, занимающиеся проблемами развития экосистем в сфере туризма и гостеприимства, выделяют ряд факторов, которые во взаимодействии влияют на становление и развитие экосистем туристско-ориентированных территорий. Представим факторы формирования экосистемы туристстко-ориентированных территорий на рисунке 1.

Многие авторы схожи во мнении о факторах, влияющих на формирование и функционирование экосистем туристско-ориентированных территорий, однако, необходимо выделить геополитическую группу факторов, которые на современно этапе, в условиях нестабильности внешней среды и неоднородности внешних связей, является первозначимым элементом, который определяет успешность развитие большинства отраслей и направлений профессиональной деятельности.

Геополитический аспект экосистемы туристско-ориентированных территорий. Современная геополитика рассматривает отношения между государствами, как более сложное неструктурированное явление. Решение вопросов геополитического взаимодействия стран возможно с использованием не только военного способа, но и экономического и социального. Мировой опыт демонстрирует эффективность экономической экспансии по сравнению с традиционными военными способами.

Социальный геополитический аспект связан с таким понятием, как геофилософия, что раскрывает социальный и культурные аспекты жизни современного общества. Практика показывает, что становление и форми-

Рисунок 1 – Факторы формирования и развития туристско-ориентированных территорий, как экосистемы
Источник: составлено автором на основе [2,4].

рование туристско-ориентированных территорий, а также формирование их конкурентности и эффективности, в первую очередь связано с культурными и духовными ценностями региона, где находится объект сферы туризма и гостеприимства. Именно набор индивидуальных культурных и духовных ценностей, которые присущи данному региону, делает его привлекательным для туристов и формирует привлекательный туристический имидж во всем мире, реализуя геополитический аспект. В связи с вышесказанным, необходимо отметить, что современное становление конкурентных экосистем туристско-ориентированных территорий, невозможно без учета геополитического аспекта, причем не в традиционном, а в современно интерпретированном состоянии.

Экосистема туристско-ориентированных территорий представляет собой совокупность факторов и условий, которые при взаимодействии поставщика туристической услуги с потребителем, формируют качественное благо, свойства которого основывается на впечатлениях, определяющих дальнейшее стратегическое взаимодействие. Современные экосистемы в области туризма и гостеприимства основаны на реализации геополитического аспекта, так как, современная деятельность организаций туризма и гостеприимства отличается адаптивностью и устойчивостью к внешним условиям деятельности, что развивает новую качественную основу использования туристического потенциала конкретного региона.

Особенности функционирования туристстко-ориентированных экосистем. Для современных субъектов-участников геополитического

взаимодействия в рамках предоставления услуг в туристической сфере и сфере гостеприимства важно отметить фактор значения человеческого капитала, который формируется на основе компетентностного подхода. Именно от того, какими компетенциями обладают участники и какие будущие компетенции, в том числе цифровые, необходимо иметь в стратегическом аспекте, зависит успех деятельность и комплексное удовлетворение потребностей потребителей туристических услуг.

Стратегия развития туристических экосистем подразумевает использование комплексной системы планирования. Планирование позволяет обозначить определенные гарантии, отражающие желания местных народов, с учетом их национальных и этнических особенностей [3]. При реализации планирования развития туристических экосистем региона важно понимать не только позитивные, но и негативные последствия действий. Необходимо выработать алгоритмизированный подход, который подразумевает выработку нескольких вариантов развития событий, в зависимости от той или иной проблемной ситуации.

Не смотря на то, что каждый туристический регион уникален набором своих качественных характеристик, экосистемный подход должен объединять в себе интересы различных заинтересованных сторон, включая внешнюю геополитическую обстановку. Республика Крым, как особый регион, который содержит в себе большую совокупность различных этнических, национальных и культурных особенностей, нуждается в выработке индивидуального подхода, который будет учитывать все особенности, во взаимосвязи с историческими аспектами развития территории. Геополитика, влияющая на развитие территорий туризма, особо остро проявляется именно в регионах, наиболее благоприятных для развития туристическо-ориентированных территорий, в связи с набором уникальных климатических характеристик региона и особым внутренним микроклиматом, который является особо привлекательным для использования.

Заключение. Геополитический аспект играет важную роль в системе развития туристско-ориентированных территорий, важным аспектом также является управленческий аспект, который формирует систему выработки стратегических управленческих решений, которые формируют развитие региона. Управленческое мастерство на всех уровнях управления, позволяет создать такую систему стратегического развития, которая обеспечит комплексное экосистемное взаимодействие всех участников туристско-ориентированных территорий, во взаимодействии с геополитической обстановкой и особенностями функционирования региона. На современном этапе развития организаций и регионов, независимо от сферы профессиональной деятельности, важно реализовать подход экосистемности, компетентности с учетом влияющих внутренних факторов жизнедеятельности, во взаимодействии с геополитической обстановки и историей внешнего взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года. Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 года № 2129-р // [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/561260503?marker=6580IP (дата обращения: 28.04.2025).
2. Андросова, И. В. Развитие промышленного туризма как фактор устойчивого сбалансированного развития региона / И. В. Андросова, А. А. Положенцев, Д. С. Старостина // Форпост науки. – 2024. – Т. 18, № 3. – С. 4-10.
3. Любарская, М.А. Интегрированный подход к развитию туристских экосистем в регионах России / М.А. Любарская, А.Б. Черноморец // Экономический вектор. – 2023. – № 1 (32). – С. 61-66. [Электронный ресурс]. – URL: file:///C:/Users/м1й/Downloads/integrirovannyy-podhod-k-razvitiyu-turistskih-ekosistem-v-regionah-rossii.pdf (дата обращения: 28.04.2025).
4. Имескенова, Э. Н. Туризм как перспективное направление устойчивого развития сельских территорий в республике Бурятия / Э. Н. Имескенова // Научное обеспечение развития АПК и сельских территорий Байкальского региона : Материалы научно-практической конференции, посвященной Дню Российской науки, Улан-Удэ, 05–09 февраля 2018 года. – Улан-Удэ: Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В.Р. Филиппова, 2018.– С. 214-217.
5. Черных, К. Е. Применение сбалансированной системы показателей для управления развитием туризма в России / К. Е. Черных, И. Г. Корнеева // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы. – 2020. – Т. 17, № 2. – С. 179-186.

УДК 130.2+304.2

ДРЕВНЕРУССКИЕ ДУХОВНЫЕ СТИХИ: КОСМОГОНИЯ И ПАРАДОКСЫ ВРЕМЕННОГО КОНТИНУУМА

ANCIENT RUSSIAN SPIRITUAL POEMS: COSMOGONY AND THE PARADOXES OF THE TIME CONTINUUM

Лустенко Андрей Юрьевич
профессор кафедры социологии и социальных технологий
г. Луганск, Луганский государственный университет имени Владимира Даля
Lustenko Andrey Yurievich
Doctor of Philosophic Sciences, Professor,
Professor of the Head of the Chair of Sociology and Social Technologies
Lugansk, Lugansk Vladimir Dahl State University

Аннотация. Статья посвящена анализу русских духовных стихов как фольклорному жанру, в котором отражается специфика народного восприятия христианских ценностей. Художественно-выразительные аспекты религиозного фольклора свидетельствуют об особых чертах чувственного, нравственного, экзистенциального характера, в которых православная традиция трансформировалась в русской народной духовности. В статье анализируются представления о времени, присущие религиозной поэзии и специфика образов хронотопа.

Abstract. The article is devoted to the analysis of Russian spiritual poems as a folklore genre, which reflects the specifics of the national perception of Christian values. The artistic and expressive aspects of religious folklore testify to the special features of a sensual, moral, and existential nature in which the Orthodox tradition was transformed in Russian folk spirituality. The article analyzes the concepts of time, the essence of religious poetry and the specifics of the images of the chronotope.

Ключевые слова: духовные стихи, космогония, хронотоп, синтез культур, чувства, нравственность, умиление.

Keywords: spiritual poems, cosmogony, chronotope, synthesis of cultures, feelings, morality, tenderness.

Духовные стихи являются выражением народной религиозности в сюжете и в тексте. Ту специфическую конструкцию упорядочения мироздания, которая действует в религиозном фольклоре, следует обозначить как *освящение бытия*. Топос, который формируется согласно такой мо-

дели, представляет для исследователя особенный интерес. Составляясь из целиком заимствованных элементов, «чужих» географических координат, имеющих для русского человека, от холопа и смерда – до князя – совершенно умозрительный, книжный смысл, топос духовных стихов демонстрирует нам процесс интериоризации инокультурного в систему народного видения мира. Пространственная картина, что формируется в народной религиозности, есть результат осознания упорядоченного, «своего» Универсума как христианского пространственного мира из Святого Писания. Кроме координат, заимствованных из Библии: Иерусалима [1, с.159], реки Иордан [1, с.177], Елеонской горы, Афин [1, с.183], в его состав входят географические объекты, упоминаемые в Житиях святых: Солунь, Рим, «Град Константинов» – Царьград.

Появление религиозной темы в народной культуре и литературе характеризует коллективное мировосприятие и систему его ценностей как находящуюся на достаточно высокой ступени развития. Для появления в фольклоре места для религиозно обустроенного мироздания необходимой ступенью является сомнение в целесообразности нерелигиозных моделей отношения к действительности. Нужно, чтобы аскетический идеал в различных его модификациях – мученика, страстотерпца, нестяжателя – был принят широкими народными слоями как альтернатива привычному характеру отношений между людьми. Собственная цель религиозного мироотношения есть освящение различных уровней бытия. Онтология «Голубиной книги» свидетельствует об этом: «Всё небесное – от Бога, земное, социальное – от человека (только опосредованно, через Адама, от Бога), культура и земная поверхность – от освящённых деяниями Христа предметов, которые получили из-за этого особенный духовный смысл» [2, с.8].

Перед нами предстают два одновременно совершающихся социокультурных процесса. С одной стороны, происходит отталкивание старой логики, ценностей, целей, и формирование нового, «не от мира сего», понимания целесообразности. Однако фактически мировоззрение бóльшей части населения не трансформируется до такой глубины и настолько радикально, иначе духовные подвиги не были бы подвигами, а святость – святостью, вершинами духовности, что предполагают отклонение от усреднённой нормы. Поэтому в средневековой социокультуре потребность войти в действительность безусловной святости, почувствовать умиление, пролить слёзы над аскетическими подвигами Алексея человека Божия, сосуществует и уживается с повседневным здравым смыслом. В качестве руководства, действующего в привычном «порядке вещей», действует обыденная прагматичная целесообразность. Человек подчинён суровой необходимости обеспечения жизни и быта изо дня в день, для себя, рода, семьи. Но в нём неизменно продолжают жить чувство и мысль, что замыкание человеческого бытия исключительно в системе её ценностей является грехом и пагубой. Труд в поте лица и накопительство в сфере обыденности обладают смыслом и получают освящение лишь благодаря тем действиям, в которых в условиях и пределах повседневного существования раскрываются и реализуются те ценности, что принад-

лежат православному мироотношению – аскетизм, прощение, милосердие, покаяние, молитва.

Духовные стихи на протяжении своей жизни в народе исполнялись бесчисленное множество раз. Они были нужны православному социуму как возможность для выхода в мир благости, святости, для инициирования в себе и вокруг себя духовной среды особого рода. Как выражение стремлений к этому, они продолжали выполнять свою роль в столетьях, сплетаясь в причудливый узор с реликтами представлений о языческом Космосе и с переложенными, искажёнными в направлении гиперболизированного, невиданного, отрывками знаний об иных землях окружающего мира, полученных в военных походах, паломничествах, пересказах. «Ветхозаветные (библейские) сказания распространяются не только через Библию, сколько через устнопоэтические трансформации её сюжетов» [2, с.4]. В них передавались сюжеты, наиболее любимые народом, именно те, которые в наибольшей глубине раскрывали для народа ценности и духовные горизонты «не от мира сего»: про князей Бориса и Глеба, про преподобного Алексея человека Божия и пр. На Руси христианство воспринималось и принималось в первую голову как среда чувств, мир «сердца», а не мир «разума». За приоритет этой самой чувственности и упрекает традицию русского православия протоиерей Георгий Флоровский: «Изъян и слабость древнерусского развития состоит отчасти в недостаточности аскетического закала, недостаточной «одухотворённости души, в чрезмерной «душевности», или «поэтичности», в духовной неоформленности душевной стихии. Если угодно, в стихийности» [3, с.3-4].

Умиление – этот экзистенциал является наиболее адекватным для описания коллективного исполнения духовных стихов, которое практиковалось в народной среде. Традиция восприятия и понимания Божьего мира через чувства, через умиление красотой литургии, подвигами пустынножителей, деяниями милосердия, обладает для Руси долгой историей. Она начинается ещё известным летописным рассказом о выборе веры. Этот опыт трансформирует христианство из инокультурной традиции – в составляющую народной ментальности. Для духовности Руси христианство существовало как фермент, инкорпорированный в привычную прежде упорядоченность сущего, который в то же время отбрасывает, зачёркивает её самоценный статус, утверждает недостаточность её целей для душевного и духовного существования человека. Однако именно этим он сберегает ценности повседневного быта от обездушивания, замыкания в тупике самоизолированности, выражаясь современными словами, эгоизма и жлобства. И именно здесь не рассудочный, а чувственный характер народной религиозности играет свою радикальную роль. Ведь, плача над судьбой Иосифа Прекрасного, над страданиями Бориса и Глеба, русич ощущал, что человек, который замыкается в границах обыденных целей, радостей и забот, проживает свою жизнь «не тем» и «не так».

В народном религиозном мироотношении все времена сливаются воедино. Здесь царит вечное «всегда», которое является одновременным и сущностным образом тождественным с прошлым и будущим, со всяким «уже» и со всяким «будет». В своём трактате «Об учёном незнании» об этом пишет Николай Кузанский: «всё, что Божье провидение знает, оно знает не по-разному, не в зависимости от времени; ведь оно знает будущее не как будущее и прошлое не как прошлое, но вечным образом, а изменчивое – неизменным образом» [4, с.85]. Время как бы сворачивается в единую точку постоянного воспроизведения и присутствия сакральных событий православного Космоса: Грехопадения, Благовещения, Рождества, Плача Богородицы, Воскресения.

Здесь, в толще народных верований, происходит раскрытие черт христианской концепции времени. Одно из наиболее популярных творений, «Плач Адама», ярко демонстрирует относительность времени как характеристики тварного бытия. Время понимается как сфера испытаний, на которые человек обречён в своём бытии между двумя состояниями «без времени», когда на одном конце его «ещё нет», а на другом – «вечная память».

Духовные стихи знают две сюжетно-поэтические модели соединения разных временных пластов. Первую модель мы назовём композиционно-вещевой. Она состоит в использовании в тексте бытовых реалий, современных созданию текста. Так, в стихе про Осипа Прекрасного появляются «запасны магазины» (которые он советует построить, чтобы пережить три голодных года), сенаторы, генералы (так величают египетскую знать), лакей, крепостной (так Иосифа называют братья, когда продают его в рабство). Такое смешение временных пластов происходит в результате перенесения обыденного антуража в хронотоп текста. Перенос осуществляется нецеленаправленно, если понимать под целенаправленностью сознательное использование определённых смысловых и выразительных механизмов ради формирования определённого идейного содержания.

Другую модель отношения ко времени можно обозначить как синтетическую, поскольку она конструирует внутренний для текста хронотоп как синтез различных событий и действий, разнящихся по своей привязке к моменту в линейной временной протяжённости. Одновременное соприсутствие в композиции стиха различных сакральных сюжетов, лиц, символов – всё это создаёт христианскую концепцию времени, несводимую к идее временной протяжённости.

Время целиком принадлежит Богу, и только время, отданное Богу, имеет безусловную положительную ценность. Осип Прекрасный, попав в тюрьму, толкует сны сидящим вместе с ним хлебодателю и виночерпию. «За тыя за самыя за речи / Сидеть бы тут Осипу три дни, / За то он будет сидеть три года!» [1, с.51]. Это растягивание времени страданий Осипа, как замечает исполнитель текста, суждено за то, что, попав в не-

волю, первым он заговаривает со своими со-узниками, то есть «сокамерниками», обращается к человеку, а не к Богу.

Для христианского мироотношения понятия времени и вневременности функционируют как проявления отношения тварного бытия в различных его масштабах (индивида, коллектива, мира в целом) к одному из главных христианских понятий, занимающему место предела среди экзистенциалов человеческого существования – спасения. Спасение, стяжание Царствия Небесного, снятие греха толкуется в свете вопроса о хроносе как принадлежность вневременному, как достижение пакибытия. Тогда как пребывание во временной протяжённости имеет смысл только в качестве приближения к спасению, как «место», развёрнутое перед человеком ради обретения духовных благ. Исходя из такого сведения экзистенциального смысла времени к предельной цели человеческого существования, становится понятным отнесение вопроса о хроносе целиком к Богу.

Время духовного стиха – это, без сомнения, христианское время. Однако было бы ошибкой сводить процесс формирования представлений о времени к детерминации со стороны религиозно-конфессиональной традиции Византии. Древнерусская социальная среда, выступавшая одновременно в роли коллективного автора и аудитории духовных стихов, существенно изменяла христианскую концепцию времени. Такое изменение происходило за счёт углубления идеи вневременности, «свёртывания» всех времён в Боге и в действительности сакрального в мире насущном. Основы этих идей содержатся в христианском вероучении и выступали предметом рассмотрения христианских богословов. Однако Русь приходит к этим парадоксам своим путём, через образно-поэтическое реконструирование сакральной реальности в народном стихе. Сюжетная конструкция, система символов, названий, оценок – все эти составляющие поэтического текста особую образуют духовно-душевную атмосферу и реализуют принцип тотальности православного кода разумения действительности для Древней и Средневековой Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стихи духовные. – М.: Советская Россия, 1991. – 336 с.
2. Селиванов Ф.М. Народно-христианская поэзия. С. 3-27 / Стихи духовные. – М.: Советская Россия, 1991. – 336 с.
3. Флоровский о. Георгий, протоиерей. Пути русского богословия. – К.: Христианско-благотворительная ассоциация «Путь к истине», 1991. – 472 с.
4. Николай Кузанский. Об учёном незнании С. 46-184 / Николай Кузанский. Сочинения в 2-х томах. Т. 1: Перевод / Общ. ред. и вступит. ст. З.А. Тажуризиной. – М.: Мысль, 1979. – 488 с.

УДК: 101.1:316

СОЦИАЛЬНАЯ ФАНТАСТИКА В ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОМ ПОЛЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

SOCIAL FICTION IN THE EPISTEMOLOGICAL FIELD OF PRACTICAL PHILOSOPHY

Шевченко Олег Константинович
д-р филос. наук, доцент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, заведующий кафедрой философии.
Shevchenko Oleg Konstantinovich
Doctor of Philosophical Sciences, associate professor, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Head of the Philosophy Department.

Аннотация. Социальная фантастика оказывает фундаментальное воздействие на формирование «воображаемых сообществ»: национальная мечта, государственные идеалы, образ социальной справедливости и благополучия и т.д. Следовательно, изучение социальной фантастики в рамках философской исследовательской традиции представляется крайне важным и актуальным делом.

Abstract. Social fiction has a fundamental impact on the formation of "imagined communities": the national dream, state ideals, the image of social justice and well-being, etc. Therefore, the study of social fiction within the framework of the philosophical research tradition is extremely important and relevant.

Ключевые слова: социальная фантастика, философская фантастика, философия будущего, воображаемые сообщества.

Keywords: social fiction, philosophical fiction, philosophy of the future, imaginary communities.

Многие авторы доказывают в высшей степени аргументированно, что социальная фантастика – это не просто развлекательное чтиво, а существеннейший элемент жизни нашего общество, а особенно в эпоху виртуализации значительных сегментов социального бытия [2].

На первое место мы бы вместе с некоторыми нашими коллегами поставили идеологическую значимость фантастики [5] задающей определенный контур, как желаемого, так и отвергаемого будущего и прежде всего в форматах политического и экономического бытия.

На втором месте для нас располагаются вопросы нормы, и прежде всего нормы психологической, определяющей: что есть правило, а что есть анормальность в психическом мире человеческих отношений. Фантастика здесь предлагает серию экспериментов позволяющих нащупать возможные вариации нормы в обозримом будущем предлагая прием осознанной и целенаправленной критики существующей нормы [3].

В-третьих, мы считаем, что фантастика это поле рождения социальных идей, ведущих к формированию позитивного облика будущего [4]. Это не идеологическая задача, а именно исследовательская проблема в формате мысленного эксперимента, которая заключается в попытках отследить наиболее существенные идеи ведущие к формированию позитивного социума и зафиксировать трудности, которые встают на этом пути.

При тщательном изучении достижений в поле сопряжения социальной фантастики и философия мы выявили три момента слабо или недостаточно рассмотренными нашими коллегами. Это, прежде всего проблема возможных вариантов правового поля при разнообразных фантастических допущениях[1]; насколько гуманитарные науки д о л ж н ы использовать фантастику в своих н а у ч н ы х экспериментальных исследованиях, в частности такая наука как история; в каких формах востребована фантастика для конкретного государственного строительства, как на разных этапах истории России, так и на современном в реалиях двадцать первого века. И, последнее, это значение фантастики для социализации участников СВО. Наметим несколько опорных мыслей по каждой из выше озвученной позиции.

Система права в фантастических произведениях. Любое будущее – это, прежде всего, проект, мечта, фантазия в настоящем. Из настоящего прорастает будущее, если мы, конечно, не впадаем в ересь неизменного, вечного возвращения к прошлому, а продолжаем рваться за горизонт нашей повседневности, в новое пространство смыслов и реальностей.

Очевидно, что смена элементов повседневности неизбежно касается и такой вещи как система права, то есть определенного логического каркаса, четко определяющего, что можно, а что нельзя. Это стройная, мало противоречивая структура всех правовых элементов от маленького пунктика в административном кодексе до базовых принципов, властно налагающих границы на правотворчество. А значит малейшее изменение элемента ведет к перестройке системы в целом. Фантастика позволяет как раз выделить возможности такой трансформации допуская изменения того или иного элемента в правовом каркасе воображаемой социальной реальности.

Социальная фантастика и государственное строительство. В настоящее время Россия формирует новый облик своего будущего. Но для любого ученого, серьезно обеспокоенного судьбой России, очевидно: без

[1] Фантастическое допущение это особый прием в фантастике позволяющий расширять гносеологические границы реального при помощи вымышленного, но с очень подробной и достоверной «легендой» вымысла инкорпорированного в структуры реальности [1]

стремления к идеальному будущему не появится жажда обрести свое будущее, а без такого целеполагания осуществляемое ныне тотальное возрождение России как государства-цивилизации, формирующего «вне»– и «антизападный» проект человечества, обречено на позорный провал. Без мечты, фантазии, ярких, светлых эмоций ни один рациональный, технократический план не может быть реализован. Фантастика в этом отношении предлагает большой набор инструментов и возможностей.

Историческая наука и социальная фантастика. Как правило, хранитель памяти поколений убежден, что в истории нет сослагательного наклонения, а тот, кто говорит обратное, и не историк вовсе. Выдвинем контрдовод: историк, убежденный в отсутствии сослагательного наклонения в истории, – не ученый, а мелкий ремесленник и эмпирический ползун. Раб своей теории и покорный крепостной своего века.

Развернем наше доказательство. Для этого возьмем пример из физики: на Земле существует сила притяжения, потому все, что подбрасывается вверх, непременно упадет вниз. Это закон, он не имеет сослагательного наклонения. Если бы так думали… не было бы ни планеров, ни воздушных шаров, ни самолетов… Ученый, свободный в своем творчестве, открывая закон, расширяет его через сослагательное наклонение: а что будет, если; а вот, может так? Иначе перед нами не ученый… Так и историк обязан продумывать альтернативы в рамках открытых им законов. Но – увы и ах… Большинство ученых-историков против. Как всегда косное большинство против новаторского меньшинства. И на подмогу приходит она: альтернативная фантастика.

СВО и фантастическая литература. Что будет после СВО? Тактический вопрос. Что будет в ближайшие десятилетия? Вопрос оперативного уровня. Какой образ русского Будущего? Это вопрос стратегического формата. Многие убеждены, что думать об этом – напрасная трата сил, а солдату и вовсе не нужно. Все за нас, дескать, решат, все расскажут, а ты тяни лямку и радуйся, что накормлен.

Горячая пища в желудке – вещь хорошая, кто же спорит. Но, внимание, солдат – он ведь человек. Сегодня боец, а завтра гражданин, сегодня лямку тянет во взводе, а завтра, кто знает, быть может, и крупный управленец, политик или крупный бизнесмен. А, как известно, будущее рождается из настоящего. О чем мечтал, что слыхал, как формировался боец, например, из очередного призыва, во многом будет влиять, что же за русским гражданином он будет в не столь уж далеком будущем. Фантастика поможет в ясной и энергичной форме предложить такое будущее многим тысячам активных молодых людей, возвращающихся из СВО.

Считаем, что именно эти векторы будут наиболее востребованы в философском постижении фантастики в ближайшие годы, а их разработка принесет существенную научную и практическую пользу для нашей философии, нашего общества и нашего государства-цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурцев Г. В. Специфика использования фантастического допущения в творчестве Р.Д. Брэдбери и А.Н. и Б.Н. Стругацких / Г. В. Бурцев // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : Сборник материалов. Выпуск 20. – Томск: Общество с ограниченной ответственностью «СТТ», 2020. – С. 286-288.
2. Елисеев А. В. Фантастика и реальность в системе культуры и социальных связей / А. В. Елисеев // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2019. – Т. 10, № 4. – С. 3
3. Косилова Е. В. Социальное конструирование нормы в психиатрии и в фантастике / Е. В. Косилова // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 1-1. – С. 34-44
4. Сивиринов Б. С. Позитивное общество будущего: научная фантастика и социальное знание (к постановке проблемы) / Б. С. Сивиринов // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 10(164). – С. 29-34.
5. Тимошенко Т. В. Социально-идеологическая функция фантастики / Т. В. Тимошенко // Известия ТРТУ. – 2003. – № 1(30). – С. 230

УДК [82-312.9::004.946]:130.2

ОБРАЗЫ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЖАНРА ФАНТАСТИКИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

IMAGES OF VIRTUAL REALITY IN THE WORKS OF SCIENCE FICTION GENRE AS A FACTOR IN THE FORMATION OF CONTEMPORARY DIGITAL CULTURE

Клёб Данил Вячеславович,
студент 4 курса очной формы обучения философского факультета, бакалавриат, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского».
Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, ***Н.В. Зудилина.***
Klyob Danil Vyacheslavovich,
4th year full-time student of the Department of Philosophy bachelor's degree, V.I. Vernadsky Crimean Federal University.
Scientific supervisor: Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute "Taurida Academy" of V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
N.V. Zudilina.

Аннотация. Фантастика является «инкубатором» идей, многие из которых воплощаются в цифровых технологиях. На примере фильмов «Матрица» и «Первому игроку приготовиться» рассматриваются противоположные сценарии развития VR – антиутопический и утопический. Проводится анализ вопросов цифровой идентичности, свободы и контроля в виртуальных мирах. Подчёркивается, что фантастика влияет на восприятие технологий, развитие цифровой этики и формирование культурных ориентиров. Цифровая культура – это результат взаимодействия воображения, ценностей и технологий, в котором фантастика играет ключевую роль в осмыслении будущего.

Abstract. Science fiction is an "incubator" of ideas, many of which are implemented in digital technologies. Using the examples of the films "The Matrix" and "Ready Player One", opposite scenarios for the development of VR – dystopian and utopian – are considered. The analysis of issues of digital identity, freedom and control in virtual worlds is carried out. It is emphasized that science fiction influences the perception of technology, the development of digital ethics and the formation of cultural orientations. Digital culture is the result of the interaction of imagination, values and technologies, in which science fiction plays a key role in understanding the future.

Ключевые слова: виртуальная реальность, фантастика, технологии, цифровая культура, утопия, антиутопия, свобода.

Keywords: virtual reality, science fiction, technologies, digital culture, utopia, dystopia, freedom.

Цифровая культура активно развивается под влиянием современных технологий, в частности, это касается технологий виртуальной реальности (VR-технологий). Виртуальная реальность привлекательна для человека, поскольку является такой цифровой средой, которая, предположительно, позволит реализовывать любые желания человека [3].

Фантастика, как жанр и как область художественной литературы, кино и других видов искусства, является «инкубатором», в котором формируются и испытываются временем новые идеи, что, во многих случаях, способствует их воплощению в жизнь. Авторы фантастических произведений описывают, какого рода технологические прорывы нужны человеку и человечеству в целом. Поэтому идеи, воплощённые в фантастических произведениях, способны формировать мнение людей о будущем и, соответственно, их ожидания в отношении этого будущего.

Именно благодаря таким ожиданиям человечество способно двигаться дальше. Последующие поколения, выросшие в среде, насыщенной современными технологиями, могут вдохновиться и реализовать замысел фантаста. Всякая реализация новым поколением будет исходить из их возможностей, которые зависят от степени развитости технологий и интерпретации замысла автора фантастического произведения. Люди, вырастающие в новой технологической среде, обретают способность к выходу за пределы старых концепций, или, более того, к созданию совершенно новых идей, которые они отобразят в новом фантастическом произведении. Этот цикл может повторяться до бесконечности – до тех пор, пока человек способен творить, и пока будет стремиться познавать и прогрессировать в своём развитии.

В произведениях фантастики показаны идеи и концепты, которые могут реализоваться в будущем. В качестве примера, приведём фильм «Матрица» сестёр Вачовски, в котором показана виртуальная реальность в её антиутопичном сценарии развития [1]. Данная картина задала тренд в отношении того, как должна выглядеть совершенная, с точки зрения технологий, виртуальная реальность. Однако в противовес показанному в фильме совершенству созданной машинами виртуальной реальности, в нём поставлен вопрос об опасности использования технологий, и о цене, которую придётся за это заплатить. Оправдан ли переход из реального мира в виртуальный, и не станет ли для нас новая действительность очередным ограничением, или даже, возможно, «тюрьмой»?

Образы, которые были воплощены в фантастических произведениях, формируют современную цифровую культуру. Действительно, работа сестёр Вачовски показала негативный сценарий развития VR-технологий, но, если взглянуть на современность, их опасения относительно

искусственных миров и мирового устройства, не воплотились в полной мере в нашей современности. Фильм «Матрица» – это не только важный элемент в формировании современной цифровой культуры, но и пример классического фантастического произведения. Продуманная и интересная фантастика показывает не только что-то новое, чего ранее не было, но и обозначает проблему, которая может возникнуть из-за этого нового.

Современная цифровая культура – это не только следствие технологических инноваций, но и результат работы коллективного воображения, с учётом анализа своих представлений и трезвой их оценки. Ключевой элемент цифровой культуры – это расширение возможностей человеческого опыта через технологии. Такие идеи, как цифровая идентичность, виртуальные сообщества, перенос сознания на электронные носители, впервые прозвучали именно в фантастических произведениях. Сегодня многие из этих фантастических идей стали реальностью: социальные сети, метавселенные, виртуальные аватары – всё это является непосредственным продолжением идей, рождённых в жанре научной фантастики [4].

Расширение возможностей человеческого опыта с помощью технологий затрагивает эстетические и этические нормы цифровой культуры. Например, стиль «киберпанк» сформировался на стыке технологий и социальных конфликтов. Он оказал влияние на дизайн цифровых платформ, моду, музыку, и даже на восприятие цифровой реальности как пространства свободы и, одновременно, опасности.

Примером такой свободы может служить роман Эрнеста Клайна «Первому игроку приготовиться». В отличие от произведения «Матрица», виртуальный мир, описанный Эрнестом Клайном, является утопичным вариантом развития цифровой культуры и связанных с ней VR-технологий, в то время как в работе сестёр Вачовски видно́ одностороннее антиутопичное изображение виртуального мира [2]. В этой работе цифровое пространство является отображением идеальной свободы – свободы своих действий и своей идентичности, которых нет в реальном мире. Виртуальная среда «Оазис» является идеалом мира, в котором всё возможно, в котором человек может заняться тем, чем хочет, и стать тем, кем захочет. Это и есть виртуальное воплощение мечты о настоящей свободе. Однако основной идеей в данном произведении является борьба за эту свободу. Такая борьба выражается через попытки противостояния диктатуре корпорации IOI, которая имеет большое влияние как на мир вокруг, так и жизни людей в нём. Происходит прямое столкновение убеждений главных героев и политики IOI в борьбе за сохранение «места», где ещё существует свобода, в отличие от постапокалиптического мира, из которого многие стремятся уйти в «Оазис». IOI стремится отнять у людей и этот «островок» в разрушенном мире. Эта корпорация желает преобразить проект в полностью монетизированную и коррумпированную систему, что и является угрозой для той абсолютной свободы, которую задумывал создатель «Оазиса», и ради сохранения которой главные герои

готовы пожертвовать всем. Если окинуть взглядом современный мир и выявить господствующие в нём идеи и представления, то всё, что показано Эрнстом Клайном, нашло отображение в современной цифровой культуре.

Основные аспекты и области современной цифровой культуры – это цифровая коммуникация, цифровое творчество и искусство, геймификация и видеоигровая культура, цифровое образование и обучение, цифровая идентичность и самопрезентация, киберэтика и цифровые нормы. Благодаря фантастическим произведениям формируется также отношение общества к вопросам, связанным с ответственностью разработчиков технологий. Такие вопросы, как права искусственного интеллекта, границы и специфика норм морали в виртуальных мирах вначале обсуждались в фантастических сценариях, а сегодня активно влияют на развитие цифрового права и цифровой этики.

Влияние фантастики на развитие современной цифровой культуры невозможно переоценить. Она продолжает играть важнейшую роль в осмыслении того, каким образом новые технологии влияют на человека и общество в целом. Фантастические произведения, выступая в роли культурных ориентиров и источников вдохновения, не только предвосхищали многие технологические достижения, но и сформировали ценностную основу, через призму которой воспринимается цифровая реальность. Таким образом, современная цифровая культура – это не просто «продукт» технологического прогресса. Это переплетение смыслов, ценностей и образов, во многом сотканное из фантастических предположений о будущем.

Современная цифровая культура – это результат постоянного диалога между технологией и воображением, между реальностью и её виртуальными отражениями. Благодаря фантастике мы научились видеть в цифровых технологиях не просто инструменты, но и мощные средства для расширения свободы личности, самопознания и творческого самовыражения.

В будущем, по мере того как технологии будут становиться всё сложнее, и будут всё глубже интегрироваться в человеческую жизнь, именно фантастика продолжит задавать важные вопросы о природе реальности, о роли человека в цифровом мире, и об ответственности за тот мир, который мы создаём. Она останется тем самым «инкубатором» идей, благодаря которому люди в цифровой культуре будут не только развиваться, но и осмысленно направлять своё собственное развитие в желаемое будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вачовски Л., Вачовски Л. Матрица [Видеофильм]. – США: Warner Bros., 1999.
2. Клайн Э. Первому игроку приготовиться. – М.: АСТ, 2018. – 480 с.
3. Ланье Д. Кто владеет будущим? – М.: Альпина Паблишер, 2014. – 432 с.
4. Рейчел М. Цифровая идентичность и культура новых медиа // Журнал исследований культуры. – 2021. – №2. – С. 45–52.

УДК 168:522

ЭНЦИКЛОПЕДИЗМ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ИДЕАЛ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

ENCYCLOPEDISM AS A CULTURAL IDEAL IN EUROPEAN HISTORY

Свинцовский Эдуард Николаевич
аспирант 1-го курса кафедры культурологии, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского.
Научный консультант: ***Карабыков Антон Владимирович***
Svintsovsky Eduard Nikolaevich
First-year PhD candidate, Department of Cultural Studies, Simferopol, Crimean Federal University V. I. Vernadsky.
Academic Advisor: ***Karabykov Anton Vladimirovich***

Аннотация. В статье рассматривается энциклопедизм как многослойное культурное явление, объединяющее инструментальную форму накопления знаний (энциклопедии), личностное стремление к универсальной эрудиции (энциклопедичность) и проект собирания и систематизации знания в виде каталогов, библиотек и т.д. На материале европейской истории от Античности до цифровой эпохи анализируются философские основания идеала всеобъемлющего знания, его трансформации и актуальность в современном информационном обществе. Особое внимание уделено таким знаковым энциклопедическим проектам, как «Естественная история» Плиния Старшего, «Великое зерцало» Винсента из Бове, парижская «Энциклопедия» Дидро и Д'Аламбера и проекты цифровых энциклопедий.

Abstract. The article explores encyclopedism as a multi-layered cultural phenomenon encompassing the instrumental form of knowledge accumulation (encyclopedias), the personal pursuit of universal erudition (encyclopedic mindset), and the socio-historical project of systematizing world knowledge. Based on European history from antiquity to the digital age, it examines the philosophical foundations of the ideal of comprehensive knowledge, its transformations, and its relevance in today's information society. Special attention is given to landmark works such as Pliny the Elder's «Naturalis Historia», Vincent of Beauvais's «Speculum maius», Diderot and D'Alembert's «Encyclopédie», and modern digital encyclopedism.

Ключевые слова: эрудит; универсальное знание; культура; междисциплинарность; цифровая энциклопедия; история знаний.

Keywords: polymath, universal knowledge, culture, interdisciplinarity, digital encyclopedia, history of knowledge

Энциклопедизм традиционно понимается как свойственная культуре установка на обобщение и систематизацию всех областей знания. Как отмечает словарь, энциклопедизм – это «всесторонняя образованность,

глубокая осведомленность в различных областях знания» [4]. Это понятие включает не только сами собрания знаний (энциклопедии, библиотеки), но и присущие культуре полноту и разносторонность изложения (энциклопедичность), и исторически сформированные проекты систематизации знания (энциклопедические проекты). Во все времена европейская мысль «стремилась все узнать», порождая амбициозные планы – от скромных учебных справочников до «недостижимого идеала» всеобъемлющего знания во всех науках [8, с. 1].

Корни энциклопедизма уходят в Античность. Уже в I в. н. э. Плиний Старший создал гигантский труд «Естественная история» («Naturalis Historia»), который часто называется первой энциклопедией [9]. Он состоял из 37 книг и обобщал данные о природе (ботанике, зоологии, географии и др.) на основе множества источников. «Естественная история» оставалась главным справочником вплоть до Средневековья [9]. После падения Рима многие сочинения были утрачены, и потребность в сборниках знаний возникла уже в христианской Европе.

В Средние века энциклопедические идеи находят отражение в работах церковных ученых. Исидор Севильский (VI–VII вв.) в своем труде «Этимологии» («Etymologiae») попытался свести воедино классическое и христианское знание, заложив основы средневекового энциклопедизма (цель – сохранить античное наследие и систематизировать знание) [3, с. 227]. Позже появлялись многочисленные сборники – хроники, грамматические трактаты, поучения – которые, по сути, служили учебниками в образовательных организациях [2, с. 3717].

Ярким примером энциклопедического замаха Средневековья является «Великое зерцало» («Speculum maius») доминиканского монаха Винсента из Бове (XIII век). Этот труд охватывает практически всю совокупность знаний, доступных в ту эпоху. Он написан на латыни и состоит из 80 книг (около 9885 глав, по тысяче страниц каждая) – «самая значительная энциклопедия Средневековья» [2, с. 3720]. «Великое зерцало» делилось на четыре части: «Зерцало природное», «Зерцало вероучительное», «Зерцало историческое», «Зерцало нравственное» («Speculum naturale», «Speculum doctrinale», «Speculum historiale», «Speculum morale»), каждая из которых систематически излагала сведения о природе, теологии, истории и нравственности [2, с. 3720]. Для своего труда Винсент привлек огромный корпус источников (около 350 авторов и множество анонимных текстов), заручившись поддержкой короля Людовика IX. Эта амбициозная энциклопедия стала венцом средневековой традиции универсального знания.

Эпоха Возрождения возродила стремление к «универсальному человеку», объединявшему в себе разносторонние таланты и науки. Сформировался образ полимата – художника-ученого (например Леонардо да Винчи), овладевающего множеством сфер. Просвещенные гуманисты

полагали, что образованный человек должен понимать несколько дисциплин и видеть их единство. При этом ренессансный энциклопедизм еще часто понимался как «круг учения», а не буквальный свод всего знания. Как отмечено, идея энциклопедии, возрожденная гуманистами Возрождения, оставалась избирательной, задуманной как круг учения, а не как свод всех знаний в одном сочинении» [7]. Европейские университеты создавали общекультурные программы (курс свободных искусств), где подчеркивалась взаимосвязь разных наук: «Часть учения одной науки освещает другую… трудно быть хорошим ученым, не будучи универсальным» [7]. Фрэнсис Бэкон, английский мыслитель-реставратор наук, предлагал классифицировать знания по трем основам человеческих способностей (память, воображение, разум) и подчеркивал, что систематизация информации должна быть «универсальной», доступной всем. Таким образом энциклопедизм Возрождения сочетал стремление к целостности знаний с рациональной организацией учебного процесса.

Просвещение утвердило энциклопедизм как один из основных идеалов рационализма. Квинтэссенцией энциклопедической мысли XVIII в. стала французская «Энциклопедия, или толковый словарь наук, искусств и ремесел» («Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers») (1751–1777), созданная под руководством Дени Дидро и Жана Лерона Д'Аламбера. Это грандиозное издание – «выдающийся труд эпохи Просвещения» – охватывало все области знаний и объединяло усилия более 130 авторов [1]. В «Энциклопедию» (28 томов текста и 11 томов иллюстраций) вошло свыше 71 000 статей и 3 129 гравюр [1]. Авторы проекта стремились объединить достижения наук и искусств, продвигать светское, либеральное мировоззрение и критически осмысливать догмы. «Энциклопедия» стала одним из главных произведений философов-просветителей, «литературным и философским предприятием с глубокими политическими, социальными и интеллектуальными последствиями» во Франции перед Революцией [6].

Успех французского проекта вдохновил создание аналогичных энциклопедий в других странах. Уже 1768 г. в Эдинбурге вышел первый том «Британской энциклопедии» («Encyclopaedia Britannica») – английской энциклопедии, задуманный как «свод наук» для широкого круга читателей. В начале XIX в. Германия дала миру «Энциклопедию Брокгауз» («Brockhaus Enzyklopädie»), которая (с 1796–1808 гг. под редакцией Ф. Брокгауза) стала образцом качественного широкомасштабного справочного издания [6]. Во всех этих трудах прослеживается концепция «энциклопедического проекта» – коллективного создания максимально полного и систематического свода знаний. Участников таких начинаний называли «энциклопедистами» [1].

В XIX–XX веках энциклопедии перестали быть привилегией элиты: они издавались и распространялись среди среднего класса, становясь учебными пособиями и настольными справочниками. Вдохновляясь тех-

ническим прогрессом, мыслители продолжали развивать идею «всемирной энциклопедии». Так, в 1936 г. писатель Герберт Уэллс предложил идею «Всемирного энциклопедического справочника», основанного на новых средствах хранения и передачи информации (микрофильмы и проекторы) Он мечтал, что «в любой части света любой студент сможет с помощью проектора у себя дома изучать любую книгу, любой документ» – то есть получить доступ ко всему накопленному знанию [11, с. 77]

В XXI веке идеал энциклопедизма реализуется в интернете и глобальных проектах. Примером является Wikipedia – бесплатная всемирная энциклопедия, созданная коллективным трудом волонтеров. Ее запуск в 2001 г. кардинально изменил представление о способах создания энциклопедий: теперь они формируются совместно и общедоступно. Идеология Википедии даже официально сформулирована фондом: «Представьте мир, в котором каждый человек может свободно разделить сумму всех знаний» [10] Такие онлайн-сервисы являются новой внешней формой накопления знания. Внутри же формируется новое понимание энциклопедичности – исследователи поощряют междисциплинарность и непрерывное образование. Стратегические проекты – от международных научных инициатив до программ универсального образования – продолжают энциклопедический замысел интеграции знаний: они стремятся создать универсальные платформы понимания, охватывающие все от сетевых научных баз и репозиториев открытого доступа до трансдисциплинарных инициатив (например, глобальных исследований устойчивого развития). Таким образом, современный энциклопедизм сочетает наследие исторических традиций и цифровые технологии, соединяя инструментальную форму (энциклопедии, базы данных, интернет-ресурсы), универсальный образовательный идеал личности и масштабный общественный проект распространения знания.

В результате прослеживается постоянный идеал: от Античности до современности энциклопедизм проявляется и как набор конкретных инструментов хранения знаний, и как традиция стремления к «всеохватному» образованию, и как культурная миссия академических сообществ по распространению универсального знания. Проекты от Плиния и Исидора до Википедии и WorldCat (глобальный каталог библиотечных ресурсов) иллюстрируют, как эти три аспекта переплетаются и развиваются во времени, сохраняя идею единства и полноты знаний как высшего культурного идеала [5].

Итак, энциклопедизм в европейской культуре проявлялся на разных уровнях: от конкретных систематических сводов знаний (энциклопедий) до как личностного качества (энциклопедичности) и масштабных общеобразовательных проектов. Во все эпохи он формировался на основе идеи универсальности знания (всеобъемлющее, цельное знание, кото-

рое охватывает все аспекты реальности) и неизменно служил идеалом культуры. Хотя количество информации неумолимо растет и формы ее хранения меняются, стремление «объять необъятное» остается мощной движущей силой науки и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Энциклопедия» Дидро и Д'Аламбера: триумф Просвещения» [виртуальная выставка]. – Текст: электронный // Центр редкой книги Института иностранной литературы им. М. И. Рудомино РГБ. – URL: https://press-libfl.tilda.ws/enciklopediya-didro-i-dalambera-triumf-prosveshcheniya (дата обращения: 05.05.2025)
2. Герасимова С. А. Жанр энциклопедии в социокультурном контексте 500–1250 гг. (истоки возникновения, этапы становления) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. Т. 14, № 12. С. 3717–3721. – Текст : непосредственный.
3. Уколова В. И. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – начало VII века): Научное издание / В. И. Уколова. – Москва: Наука, 1989. – 320 с. / Рождение средневекового энциклопедизма. Исидор Севильский. 196–283 с. – Текст : непосредственный.
4. Энциклопедизм. – Текст: электронный // Грамота.ру : электронный словарь. – URL: https://gramota.ru/poisk?query=энциклопедизм&mode=slovari&dicts[]=42 (дата обращения: 06.05.2024).
5. Энциклопедизм. – Текст: электронный // Знание России. – URL: https://znanierussia.ru/articles/Энциклопедизм (дата обращения: 07.05.2025).
6. Encyclopédie. – Текст: электронный // Encyclopædia Britannica. – URL: https://www.britannica.com/topic/Encyclopedie (дата обращения: 06.05.2024).
7. Encyclopedism. – Текст: электронный // Encyclopedia. – URL: https://www.encyclopedia.com/history/dictionaries-thesauruses-pictures-and-press-releases/encyclopedism (дата обращения: 07.05.2025).
8. Johnson, Christopher D. Encyclopedia and Encyclopedism – Текст: электронный // Encyclopedia of Renaissance Philosophy / ed. by M. Sgarbi. – Springer International Publishing AG, 2017. – P. 1–13. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-02848-4_1141-1 (дата обращения: 05.05.2025).
9. Poutasse, D. Pliny the Elder and the Roots of Encyclopedism. – Текст: электронный // UCLA Spotlight. – URL: https://hob.gseis.ucla.edu/Spotlights/poutasse.html (дата обращения: 07.05.2025).
10. Vision. – Текст: электронный // Wikimedia Foundation. – URL: https://wikimediafoundation.org/about/vision/ (дата обращения: 07.05.2025).
11. Wells, H. G. World Brain. – Текст: электронный // H. G. Wells. – 1938. – 194 с. – URL: https://axelkra.us/wp-content/uploads/2020/12/worldbrain00wells.pdf (дата обращения: 07.05.2025).

УДК 821.111

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ АКРОБАТИКА В ПЬЕСЕ ТОМА СТОППАРДА «ПРЫГУНЫ»

CONTEMPORARY PHILOSOPHY AS INTELLECTUAL ACROBATICS IN TOM STOPPARD'S PLAY «THE JUMPERS»

Полховская Е.В., Рейнова А.В.
кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»; специалист кафедры теории и практики перевода, ассистент кафедры основ российской государственности.
Polkhovskaya E.V., Reinova A.V.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of English Philology, Institute of Philology, Vernadsky Crimean Federal University; specialist of the Department of Theory and Practice of Translation, Assistant of the Department of Fundamentals of Russian Statehood.

Аннотация. Статья посвящена специфике критики современной философии в пьесе Тома Стоппарда «Прыгуны». В статье подчеркивается, что театральность сценической постановки привносит особый элемент в трактовке темы британским драматургом; выявляются основные мотивы пьесы и их экспликация в тексте. В работе используется типологический подход, метод текстового анализа, методы семиотики в приложении к театру.

Abstract. The article is devoted to the specific way of criticizing modern philosophy in the play *Jumpers* by the English dramatist Tom Stoppard. There pointed out that theatrical performance adds a certain accent into the way the playwright handles the topic; the way Stoppard explicates the main motifs are underlined. The following methodology is used: the typological approach, the method of text analysis, semiotics of the theatre methods.

Ключевые слова: Стоппард, «Прыгуны», философия, драма.
Keywords: Stoppard, Jumpers, philosophy, drama.

Нашим соотечественникам творчество Тома Стоппарда известно мало ввиду очень редких постановок на сцене, хотя кинолюбители знакомы с ним как сценаристом фильма «Влюбленный Шекспир». Литературоведы же по достоинству оценили талант драматурга и глубокие смыслы, заложенные в его пьесах. Произведения Тома Стоппарда относят к интеллектуальной драме и часто говорят о постмодернистских приемах в

них (см. диссертацию Л.В. Бондаренко «Интеллектуальная драма Тома Стоппарда в культурно-историческом и литературном контексте» [1]). В Британии и США творчество драматурга популярно и у зрителей, и у театральных критиков, и у представителей академической науки о литературе (см. работы Р. Брустайна, М. Гассоу, А. Дженкинса, Дж. Левенсона, Р. Хеймана, Х. Цайфмана).

Цель данного исследования – выявить особенности пьесы Тома Стоппарда «Прыгуны», нацеленной на критику современной философии. Методика исследования включает герменевтический и типологический подходы, метод текстового анализа, элементы методов семиотики. Научная новизна исследования заключается в комплексности методики и предложенной концепции относительно критического взгляда драматурга на современную философию, который эксплицируется за счет усиления театральности и включения акробатических трюков, гиперболизации действий персонажей, а также за счет представленных философских дискуссий.

«Прыгуны» – необычная пьеса. С одной стороны, это пьеса об убийстве в довольно замкнутом пространстве, в ней есть все элементы английского детектива: подозреваемые, жертва, полицейский, ведущий расследования. С другой стороны, отсутствует развязка и убийца не найден. Драматург иронично замечает: «The point of it is really that life doesn't guarantee us a denouement, and why should you believe the ones you're given in the theatre?» [3, p. 12]. Таким образом, жанр пьесы определить достаточно сложно: безусловно она относится к интеллектуальной драме, в которой есть элементы комедии, главным образом, фарса, детектива и даже циркового представления, пения, танцев и стриптиза. По сути, это фарсовое представление сложных философских диспутов.

Театральный критик Мел Гассоу встречался со Стоппардом в апреле 1974, до того, как «Прыгуны» были поставлены на Бродвее. Опыт чтения пьесы для него тоже был своего рода акробатикой («Reading it, I feel like an acrobat» [3, p. 11]). Критик отмечает резкие переходы от водевиля и акробатики к серьезному дискурсу. Том Стоппард пояснил ему свой изначальный замысел. А именно, пьеса построена на столкновении двух идей относительно того, являются ли моральные ценности продуктом общественных условностей или относятся к божественному абсолюту. Эмоционально автор на стороне своего чудаковатого персонажа, выступающего за абсолютные моральные стандарты, но интеллектуально он понимает уязвимость такой позиции: «This conflict between one's intellectual and emotional response to questions of morality produce the tension that makes the play» [3, p. 14]. К тому же Тому Стоппарду хотелось интегрировать в пьесу визуальный образ: труппа гимнастов делает «пирамиду», один из них падает замертво от внезапно прозвучавшего выстрела, пирамида рушится.

Нил Саммеллс высказывает мнение, что в пьесе автор пытается сохранить равновесие в вопросах политики, морали и этики в духе Оскара Уайльда: «… it handles questions of politics, morality, and ethics, struggles to maintain the balance implied in Wilde's claim that "an ethical sympathy in an artist is an unpardonable mannerism of style"» [6, p. 112]. Хотя отметим, что высказывания самого драматурга диссонируют с таким выводом. Стоппарду просто не свойственно навязывание определенных суждений, что не означает отрицания им морали.

Сюжет пьесы незамысловат: философ Джорж Мур убежден, что современная философия позитивизма пускает всю науку под откос, и желает выступить с критикой на симпозиуме. Его жена Дотти, бывшая певичка мюзик-холла, переживает нервный срыв и всячески старается привлечь внимание мужа, погруженного в работу. В квартире после репетиции вдруг оказывается тело убитого акробата (профессора Дункана МакФи, оппонента Мура). Появляется Боунз, полицейский, пытающийся прояснить дело. В конце пьесы акробаты уносят тело – выдвигается абсурдная версия, что жертва застрелилась сама. Убийца не найден. А на фантасмагорическом симпозиуме происходит еще одно убийство.

Персонажи произносят довольно длинные монологи, большая часть которых принадлежит Муру с его философствованиями. Вряд ли нужно серьезно относится к философским идеям, озвученным персонажами на сцене. Проблема, которая будоражит главного героя, заключается в том, что в современной общественной и политической жизни доминируют идеи позитивизма. И тот обрушивается с яростной критикой на принцип верификации знания: есть многое, что известно, но не поддается верификации. Идеи самого Мура отрывочны, представлены в ироничном, и даже комичном, свете. Профессор то задается вопросом: "Is God? Are God?"; то полемизирует с Расселом, Зеноном и др., то сетует на современную политику. Согласимся с Джонатаном Беннетом, что представленная философия скорее маргинальна и служит декоративным целям [2, p. 5]. Для драматурга важно не столько высказаться в пользу определенной философской мысли, сколько продемонстрировать нелепость большинства философских споров и софистических нагромождений. Поэтому профессор Мур изображен эксцентричным, "living in dreamland" (как замечает его жена), не умеющим понять, что происходит в его собственном доме (он не замечает даже проводимое расследование убийства). Философские проблемы трактуются Стоппардом в постмодернистском ключе. М.В. Хьювел точно подмечает: «No clear winner emerges in the clash of paradigms, and the result again is a theatricalized differend which cannot be resolved by litigation or literary interpretation. The text of *Jumpers* becomes textualized, in the postmodern sense, and circulates a turbulent mix

of signifiers regarding philosophical ideas, personal choices, and presentation of character» [5, p.224].

Стоппард использует ряд сценических приемов, позволяющих эксплицировать основной посыл пьесы. Во-первых, это существование на одной сцене нескольких игровых локаций (спальня (затемняемая при перемещении действия в другое место), кабинет и холл (где тренируются гимнасты). Задник сцены представляет собой огромный экран, на котором высвечивается то, что Дотти видит по телевизору. Во-вторых, смесь различных образов в начале, связь которых проясняется только по ходу действия. В-третьих, выступление акробатов. Гимнастика становится метафорой всей философской деятельности. Образ разрушенной пирамиды из гимнастов достаточно символичен – крушение изощренных философских построений. Этот визуальный образ присутствует в начале двухактной пьесы и в коде. Прыгуны, одетые в желтые спортивные костюмы и майки, – отнюдь не профессионалы, это представители академической школы философии, являющиеся членами гимнастического кружка. Прыгуны репетируют в квартире профессора философии Джорджа Мура, их возглавляет доктор Арчи, фигура демоническая. Раздается выстрел – один прыгун падает замертво, и пирамида рушится. Все прыгуны являются представителями философских направлений, которым противостоит Мур (единственный неприсоединившийся к труппе акробатов): «Logical Positivists, mainly, with a linguistic analyst or two, a couple of benthamite utilitarians …lapsed Kantians and empirisists generally …and of course the usual Behaviorists» [7, p.50]. В коде представлен симпозиум в сюрреалистичном виде, более похожий на сон. Ведутся дебаты, и вдруг со всех сторон под мрачную, угрожающую мелодию выскакивают прыгуны, они поднимают Клегторпа (ставшего архиепископом) на верх пирамиды, опять звучит выстрел, Клегторп падает, и пирамида рассыпается. Кроме разыгрываемых сценок текст также поддерживает мотив акробатики: некоторые реплики о прыжках и отскоках звучат двусмысленно: «…McFlee jumped, and left nothing behind but a vacancy» [7, p.72]; «The appointment to the Cair of Logic is of course a matter for the gravest consideration. We've always been a happy teamand I shall be looking for someone who will fit in, someone with a bit of bounce» [7, p. 73].

Еще один интересный прием – комического плана – перекрестная беседа, когда беседуют два персонажа, имеющие в виду совершенно разные вещи. Так, Боунз расследует убийство, а Мур уверен, что речь идет о его жалобе на шумную вечеринку. В пьесе присутствует и драматическая ирония: Мур полемизирует с утверждением МакФи, что убийство не является злом, в то время, как его оппонент уже убит.

Стоппард явно скептично настроен относительно современной лингвистической философии, сравнивая ее с коллекционированием наклеек на сырах: «Philosophy can be reduced to a small number of questions which are battled about in most bars most nights. Linguistic philosophy doesn't even

have that distinction. It should occupy the position in life similar to that of collecting labels off triangular pieces of cheese. There is a word for people who do that. And they trade cheese labels across continents. It doesn't do anybody any harm, but why would you have a professor of it?» [3, p.15] Такой же скептицизм проявляет драматург и по отношению к моральной философии, считая, что ее представители пишут одну и ту же книгу. Некоторые философские трактаты, по его мнению, были смехотворны ("unconsciously hilarious").

Подводя итог, отметим, что Стоппарду удалось блестяще воплотить в произведении комедийного драматического жанра философский конфликт между эмоционально-интуитивным и логическим познанием. Насмешка над сторонниками противоположных взглядов эксплицируется за счет ряда театральных приемов: вкрапления акробатических и песенно-танцевальных номеров, перекрестных диалогов, основанных на недопонимании собеседника, драматической иронии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко, Лідія Валеріївна Інтелетуальна драма Тома Стоппарда в культурно-історичному та літературному контексті / Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук, 10.01.04 – література зарубіжних країн. – Сімферополь, 2009. – 20 с.
2. Bennett, Jonathan Philosophy and Mr. Stoppard // Philosophy, N50. – 1975. – P. 5.
3. Gussow, Mel Conversations with Stoppard. – New York: Grove Press, 1996. – 146 p.
4. Fleming, John Stoppard's Theatre. Finding Order amid Chaos. – Austin: University of Texas Press. – p.
5. Heuvel, Michael Vanden "Is postmodernism?": Stoppard among/against the postmoderns // The Cambridge Companion to Tom Stoppard/ ed. by Katherine E. Kelly. – Cambridge: Cambridge University Press. – p. 213-228.
6. Sammels, Neil The early stage plays // The Cambridge Companion to Tom Stoppard/ ed. by Katherine E. Kelly. – Cambridge: Cambridge University Press. – p. 104-119.
7. Stoppard, Tom Jumpers. – New York: Grove Press. – 89 p.

УДК 070

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЖУРНАЛИСТИКЕ И ПРОБЛЕМА КРЕАТИВНОСТИ

USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN JOURNALISM AND THE PROBLEM OF CREATIVITY

Котляров Денис Юрьевич
аспирант, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Институт медиакоммуникаций медиатехнологий и дизайна, кафедра журналистики
Kotliarov Denis Yuryevich
postgraduate student, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Institute of Media Communications, Media Technologies and Design, Department of Journalism

Аннотация. В статье исследуются способы использования искусственного интеллекта в работе журналистских редакций. Поднимается проблема креативности в журналистике, заключающаяся в схожести способов обработки информации человеком и нейросетью. Анализируются уникальные черты креативного процесса журналиста-человека, такие как привнесение контекста и новых смыслов, авторского видения. Особое внимание уделяется сравнению подходов человека и ИИ к созданию текстового контента.

Abstract. The article examines the ways of using artificial intelligence in the work of journalistic editorial boards. The problem of creativity in journalism is raised, which lies in the similarity of information processing methods by humans and neural networks. The article analyzes the unique features of the creative process of a human journalist, such as the bringing of context and new meanings, as well as the author's vision. Particular attention is paid to comparing human and AI approaches to creating text content.

Ключевые слова: Инновации в журналистике, искусственный интеллект, креативность, нейросети, средства массовой информации.

Keywords: Innovations in journalism, artificial intelligence, creativity, neural networks, mass media.

Введение

Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в рабочие процессы повлияло на все сферы человеческой деятельности, включая журналистику. Рутинные задачи сотрудника редакции, к примеру, расшифровка интервью или анализ больших групп данных, всё чаще поручают нейросетям. А в некоторых изданиях генеративным моделям поручают даже создание информационных материалов. Применение инновационных технологий в журналистике – закономерное явление и своего рода историческая тра-

диция, тянущаяся от изобретения печатного станка в 1440-х годах. Однако использование искусственного интеллекта в работе журналиста открывает перед профессиональным сообществом не только новые возможности, но и проблему креативности. Она характеризуется с размыванием границ между контентом автора и генеративной модели, а также со стремлением определить понятие «креативности» в новых технологических реалиях.

Чтобы избежать терминологических разночтений, обозначим понятийный аппарат эссе. В работе используется определение искусственного интеллекта, предложенное в «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года», утверждённой Президентом России в 2019 г. Согласно документу, ИИ – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [4]. Также, беря во внимание разнообразие рабочих процессов в журналистике, основной фокус в этом эссе будет направлен на создание текстовых материалов в цифровом формате.

Применение искусственного интеллекта в рабочих процессах журналиста

Использование технологий искусственного интеллекта уже оформилось в полноценный тренд в медиаиндустрии [1]. Нейросети помогают журналистам выполнять однообразную и трудоёмкую работу: перевод текста, расшифровка интервью, анализ документации. При этом специальные сервисы могут помочь проверить журналистский материал на различные ошибки, сделать формулировки более понятными и оптимизировать текст для поисковой выдачи, что особенно важно для электронных СМИ.

На более высоком уровне технологии на основе ИИ применяются редакторами для поиска релевантных тем, определения интересов аудитории, персонализации контента и создания плана выпуска статей. В этом контексте нейросеть используется в качестве помощника, который на основе полученных данных дает рекомендации журналистскому коллективу.

Однако опасения научного и профессионального сообщества вызывают другие возможности применения нейросетей. Используя генеративные модели, например, ChatGPT, DeepSeek или YandexGPT, авторы могут создавать новостные, аналитические или публицистические материалы, которые в дальнейшем публикуются на сайтах изданий. Зачастую в таких текстах можно найти грамматические и пунктуационные ошибки, фактологические неточности и игнорирование этической составляющей, если речь идёт о новостной заметке.

Генерация контента искусственным интеллектом используется в медиа для повышения оперативности, и как следствие, конкурентоспособности конкретного издания. По мнению аналитиков Оксфордского университета, системы ИИ уже претендуют на статус активного субъекта конкуренции в медиа [6]. А медиакомпании, которые наиболее активно внедряют нейросетевые технологии, имеют больше шансов стать лидерами современной индустрии.

При этом меры, контролирующие и ограничивающие использование генеративных моделей, не успевают за их развитием и скоростью внедрения в работу журналистов. Статьи, сгенерированные по некорректному запросу или недостаточно хорошо отредактированные «живым» сотрудником, несут риски как для конкретного издания и его аудитории, так и для всего информационного общества.

Отсутствие баланса между использованием нейросетей и творчеством журналистов уже является актуальной проблемой. Например, лингвист и философ Ноам Хомский высказал опасение, что машинное обучение приведет к деградации науки и смещению этических оценок через внедрение в человеческие технологии принципиально ложных представлений о языке и знании, которые являются коммуникации, медиа и журналистики [5].

Проблема креативности журналиста при использовании нейросетей

Ситуация, при которой нейросети смогут полностью заменить человека любой профессии, вызывает больше всего опасений у любого профессионального сообщества, в том числе и журналистского. Обсуждение этой проблематики запустило дискуссию об аспектах работы, в которых искусственный интеллект не сможет превзойти человека. Если мы учтем журналистский контекст, где создание любого, даже строго информационного текста, является актом творчества, то придем к так называемой проблемой актуальности.

Лев Манович в книге «Теории софт-культуры» [2] считает, что креативность сегодня, в принципе, сводится не к рождению чего-то нового, а к бесконечной области комбинаций различных вариантов. Это отражает основной принцип работы генеративных моделей искусственного интеллекта – создание контента на основе уже существующей информации.

При этом данный подход совпадает с подходом к работе над журналистским материалом. Чтобы написать новость, корреспондент собирает информацию (часто из открытых источников), изучает тексты документов, сводок, переписок и других источников информации. А затем на основании этих данных пишет свой текст определенного формата. Если же дать пяти разным журналистом единое задание и набор источников, итоговые статьи все равно будут отличаться по слогу, расстановке инфоповодов и выбору данных для информационного сообщения.

Таким образом мы можем выделить сходство алгоритмов создания генеративного контента и журналистских материалов. А значит между двумя информационными продуктами можно поставить знак равенства. Однако несмотря на активное внедрение нейросетей в журналистскую работу, написание текстов зачастую остается задачей людей. Рассмотрим, чем креативность в работе над журналистскими текстами отличается от генерации искусственного интеллекта.

В США и в Германии журналистам показывали большое количество статей на английском и немецком языках, одна часть который была написана людьми, а другая – нейросетью. Участники эксперимента не всегда могли отличить, кто именно создавал текст. Когда их попросили оценить достоверность материалов, то тексты, сгенерированные искусственным интеллектом, оказались более убедительными. При этом читать их было не так увлекательно, как статьи, написанные человеком [3].

Даже во время стремительного развития нейросетей эта технология во многом несовершенна. К примеру, хуже понимает контекст описываемых событий, может упускать важные детали и неправильно оценивать новостную ценность. А формулировки искусственного интеллекта зачастую шаблонные и не так сильно завлекают читателя. Из-за этого талантливые журналисты, колумнисты и авторы лонгридов остаются незаменимыми специалистами.

Заключение

Использование искусственного интеллекта в работе журналистов – важная инновация. Это позволяет быстрее обрабатывать большие объемы данных, создавать визуал для статьи, проводить проверку фактов, расшифровывать интервью, анализировать документы и т.д. Однако использование нейросетей для написания текстов создало в научном и профессиональном сообществе дискуссию разнице подходов ИИ и человека.

Работник-человек может взаимодействовать со смыслами новостного послания, выстраивать нарратив с учетом этических норм, социальной или политической обстановке, собственного видения. Результаты работы нейросети – продукт случайной генерации по заданным параметрам, который при всей своей релевантности во многом уступает человеческому творчеству. Особенно, если мы говорим не про новостную заметку по четкой структуре, а про объемные аналитические тексты. Это объясняет, почему несмотря на схожий подход к работе с информацией, итоговый информационный продукт может отличаться в зависимости от автора.

Таким образом, мы можем говорить о креативности в журналистике как о придании смысловой и контекстуальной глубины тексту, что на данный момент недоступно генеративным моделям искусственного интеллекта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Давыдов С. Г., Замков А. В., Крашенинникова М.А., Лукина М. М. Использование технологий искусственного интеллекта в российских медиа и журналистике // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. №5. – Москва, 2023. – С. 3-21.
2. Манович, Л. Теории софт-культуры / Л. Манович. – Нижний Новгород: Красная ласточка, 2018. – 208 с.
3. Суходолов А. П., Бычкова А.М., Ованесян С. С. Журналистика с искусственным интеллектом : сайт. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnalistika-s-iskusstvennym-intellektom (дата обращения: 26.05.2025). – текст.
4. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» : сайт. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (дата обращения: 26.05.2025). – текст.
5. Chomsky N., Roberts I., Watumull J. (2023) Noam Chomsky: The False Promise of ChatGPT : сайт. – URL: https://www.nytimes.com/2023/03/08/opinion/noam-chom-sky-chatgpt-ai.html (дата обращения: 26.05.2025). – текст.
6. Newman N. (2022) Journalism, media, and technology trends and predictions 2022. Reuters Institute for the Study of Journalism : сайт. – URL: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2022-01/Newman%20-%20Trends%20and%20Predictions%202022%20FINAL.pdf (дата обращения: 26.05.2025). – текст.

УДК 165. 191+37.015.3

ПРОФТИПОГРАММА СТУДЕНТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНО-ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

THE PROFESSIONAL PROFILE OF A STUDENT IN THE EDUCATIONAL PARADIGM OF PRACTICAL PHILOSOPHY: THE CONCEPTUAL AND PRAXEOLOGICAL ASPECT

Лустин Юрий Михайлович
канд. филос. наук, доцент, г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Донецкий государственный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, доцент кафедры философии и русской филологии
Lustin Yuri Mikhailovich
Candidate of Philos. Associate Professor, Donetsk, Donetsk People's Republic, Donetsk State University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, Associate Professor of the Department of Philosophy

Аннотация. Выявляется сущность и концептуальная потенциальность практической философии в дискурсе развития профессиологии образования. Актуализируется праксеологическая содержательность профтипограммы студента в качестве инновационного средства успешной практико-ориентированной учебной деятельности обучающегося.

Abstract. The essence and conceptual potentiality of practical philosophy in the discourse of the development of the profession of education is revealed. The article actualizes the praxeological content of the student's proftypogram as an innovative means of successful practice-oriented educational activity of the student.

Ключевые слова: студент, высшая школа, образование, профтипограмма, практическая философия, концептуальность.

Keywords: student, higher school, education, professional curriculum, practical philosophy, conceptuality.

Современный этап развития постсоветской высшей школы находится в процессе глубокой трансформации, которая определяет ее социально-гуманитарные тренды, административно-управленческие изменения, образовательно-технологические нововведения. Актуализация процесса профессионализации современного образования, с одной стороны, характеризуется расширяющимся набором стилевых типов образователь-

ных траекторий, направленных на освоение студентом основ профессии исходя из его мировоззренческих убеждений, духовно-нравственных ориентиров, логико-когнитивных мотиваций, интеллектуальных способностей. Культуроемкое содержание этих траекторий детерминируют, прежде всего, активно внедряемые **интеллектуальные технологии образования, цифровизация и персонализация обучения.** С другой стороны, возрастающие требования общества и рынка труда к подготовке будущего профессионала концептуально связаны с поиском новых форм и целенаправленной реализацией перспективных технологий обучения, адекватные высоким образовательным стандартам.

В трансформационных условиях совершенствования информационно-цифрового общества, как нового типа цивилизации, вопросом первостепенной важности является профессиологическая рационализация современного образования. Несомненно, комплексный подход к процессу общетеоретической и профессионально ориентированной подготовки студента объективирует настоятельное обращение исследователей к праксеологической составляющей практической философии и ее логико-эвристическим возможностям. Именно практический смысл философии состоит в прогностической возможности потенциала научного знания концептуально определять стратегические ориентиры развития диалектического мышления обучаемого, системные перспективы его личностного роста и многомерную способность к самосовершенствованию. В характерности этих значений, по мнению А.И Креминского «возрастает значимость практической философии, основанной на многомерном видении реальности» [6, с. 31]. Стоит особо подчеркнуть, что развитию проблем практической философии уделяется особое внимание в Крымской научной школе, значительный вклад в развитие которой вносят работы ученых О.А.Габриеляна [1], Д.В.Гарбузова [2], Е.Б.Зыщик [5], Ф.В.Лазарева, Т.П.Разбегловой, ТимохинаА.М и др.

Стоит, также, отметить, что прогностический аспект и междисциплинарная многомерность учебных планов, программ придает парадигмальный статус практической философии, онтологический фокус которой объективирован направленностью на реализацию множественных состояний учебно-воспитательного процесса вуза в их праксеологической потенциальности. В ходе исследования было выявлено, что практический аспект философского познания реальности обусловлен проявлением праксеологической составляющей его содержания, который концептуально отражает проективно-организационную деятельность студента и креативный модус ее эффективности.

Собственно говоря, продуктивность образовательной активности обучаемого воспроизводит система учебно-эпистемологических концептов научного знания, имеющих философскую основательность и логико-когнитивную содержательность. Конструктивность данной системы детерминирована проявлением конкретных философских знаний, которыми в

достаточной мере должен обладать студент в процессе поэтапного освоения курса учебных дисциплин философской направленности. Основу этих знаний составляют практическое применение законов и принципов диалектики, умелое оперирование методологией (методами) и категориальным аппаратом философского познания.

В свою очередь, концептуальность практической философии выражает ее основополагающее свойство – с помощью понятийного мышления студента обнаруживать диалектико-типологическую всеохватность сущности учебно-профессиональной реальности в ее объективной и субъективной явленности. Говоря другими словами, смысловая система учебно-эпистемологических концептов, усваиваемых студентом, с одной стороны, обусловлена практико-ориентированной спецификой познания философских наук в конкретном вузе. С другой стороны, практическая конструктивность философского познания студента есть ни что иное как осмысленный результат актов рефлексии, типоопределенная всеохватность которых имеет концептуальность формосодержательной существенности. Если это так, то по мнению автора «В качестве объективной методологической данности концептуальность представляет собой потенциальное динамическое образование человеческого мышления, ментально направленное на схватывание множественных смыслов Реальности» [7, с .61]. Иначе говоря, в своей рефлексивной сущности концептуальные формы познания всеохватны, а их философская основательность доминантно определена результатами практической деятельности социализированной личности.

Установление с помощью форм познания специфических параметров достижимости реальных результатов жизнедеятельности индивида происходит многими средствами, итоговый критерий определенности которых один – конкретная деятельность человека в разнообразных формах (форматах) материальной и духовной практики. По этому поводу Г.В. Ф.Гегель отмечал: «*Истинное бытие человека*, напротив, *есть его действие…»* [3, с. 172]. В продолжении гегелевской мысли заметим, что в снятом виде концептуальность практической философии преимущественно отражает всеохватность практического бытия человека в его морально-духовных, логико-интуитивных, культурно-бытовых акциденциях. В этом значении концептуальность практической философии понимается в качестве конструктивно-прагматического фактора, способствующего смыслоформирующим образом определять проективную возможность будущей деятельности студента на основе имеющихся у него интересов, способностей, знаний, навыков и умений.

Наряду с такими когнитивно-технологическими средствами диагностики образовательного процесса, как диаграммы, конструктограммы, психограммы, профограммы особое место занимает профтипограмма,

имеющая формосодержательную прогностичность практической направленности. Применительно к профессионально-квалификационной ориентации вуза, по мнению автора, «*профтипограмма студента* – это определённая спецификой вуза полицентрическая модель познания, отражающая единство содержательного описания профиля (специальности) будущей профессиональной деятельности и типологии профессиональных свойств, концептуальное единство которых свидетельствует о персональных качествах профессиональной пригодности обучающегося к конкретному виду деятельности, реальной готовности к профессиональному самоопределению» [8, с . 35-36].

В своей сущности профтипограмма студента конкретизирует концептуально-функциональное единство типологических свойств личности, типовых качеств будущей профессии в когнитивно-типологическом контексте профессионально-образовательной среды вуза. Имея описательный характер, она содержит сведения об объективном содержании профессии и предъявляемые к ней требования, конкретные данные об индивидуальных характеристиках специалиста, систему особых тестов.

Таким образом, в парадигме профессиологической проблематики в новые модели образования, объективированные цифровизацией и интеллектуальными технологиями, привносятся обновленные креативные средства, способствующие выявлению профессионально-компетентностных способностей студента и достигнутый уровень его квалификации.

В поэтапном процессе профессионального становления, профтипограмма – эффективное средство квалификационной подготовки будущего специалиста своего дела, которое всесторонне обогащает организационно-культурное содержание учебно-образовательного пространства высшей школы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габриелян О.А, Сулейменов И.Э., Габриелян А.М. Современные социальные тренды процессов обучения как трансформация интеллекта: нейросетевой подход // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 64–73. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-1-64-73
2. Гарбузов Д.В. Почему сегодня настало время практической философии? // Практическая философия: состояние и перспективы / сборник материалов VI научной конференции (с международным участием) / гл. ред. О.А. Габриелян. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2023. – С. 18-21.
3. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Москва, АН СССР, Институт философии, 1959. – Том 4. – 439 с.
4. Гусейнов А.А. Практическая философия: ответы на современные вызовы / А.А. Гусейнов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Сер.: Философия. Политология. Культурология, 2021 .– № 3. – Том. 7 (73) – С. 39-49.

5. Зыщик Е.Б. Смена технологических укладов как фактор социальных трансформаций в динамике техногенной цивилизации // Социология, 2025. – № 2. – С. 163-170.
6. Креминский А.И. Интервальный подход в контексте эволюции современной практической философии // Практическая философия: состояние и перспективы: сборник материалов VII научной конференции / гл. ред. О. А. Габриелян. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2024. – С. 25-32.
7. Лустин Ю.М. Концептуальность как методологическое средство социального познания: новая парадигма понимания // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2024. Вып. 4. С. 56–69.
8. Лустин Ю.М. Профтипограмма студента в образовательной практике высшей школы: философия профессиологической актуализации // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2024. Т. 7. № 4. С. 29-45. DOI: 10.32326/2618– 9267-2024-7-4-29-45

УДК 140.8

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПАТРИОТИЗМА В КОНТЕКСТЕ ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ

FORMATION OF CIVIC IDENTITY AND PATRIOTISM IN CONTEXT OF FOREIGN AND DOMESTIC PHILOSOPHY OF EDUCATION

Склярова Зинаида Геннадиевна
Кандидат экономических наук, заместитель начальника Управления социологических и статистических исследований ВНМЦ «Философия образования», г. Москва, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение «Московский педагогический государственный университет»
Sklyarova Zinaida Gennadievna
Candidate of Economic Sciences, Deputy Chief of sociological and statistical research Department of All-Russian Scientific and Methodological Center «Philosophy of education»Moscow, Moscow, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow Pedagogical State University»
Луцькая Екатерина Евгеньевна
Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теоретической и специальной социологии МПГУ, специалист Управления социологических и статистических исследований ВНМЦ «Философия образования», г. Москва, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение «Московский педагогический государственный университет»
Luckaya Ekaterina Evgenievna
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theoretical and Special Sociology, specialist of sociological and statistical research Department of All-Russian Scientific and Methodological Center «Philosophy of education» Moscow, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow Pedagogical State University»
Курилина Светлана Владимировна
Специалист Управления социологических и статистических исследований ВНМЦ «Философия образования», г. Москва, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение «Московский педагогический государственный университет»

Kurilina Svetlana Vladimirovna
Master's student of the Department of Theoretical and Special Sociology, specialist of sociological and statistical research Department of All-Russian Scientific and Methodological Center «Philosophy of education» Moscow, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow Pedagogical State University»

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ подходов к формированию гражданской идентичности и патриотизма, представленных в российских и западноевропейских источниках, сопоставление концепций патриотического и гражданского образования обучающихся образовательных организаций в контексте воспитания в русле традиционного или мультикультурного подходов.

Abstract. Article presents comparative analysis of approaches of civic identity and patriotism formation and provides comparison of concepts of patriotic and civic education of students of educational organizations in context of education in line with traditions or a multicultural approach.

Ключевые слова: гражданская идентичность, патриотизм, философия образования, традиции, культура, мультикультурализм.

Keywords: civic identity, patriotism, philosophy of education, traditions, culture, multiculturalism.

На сегодняшний день весьма актуальной представляется нам проблема навязывания российскому обществу декларируемой Западом идеологии толерантности и мультикультурализма. С одной стороны, современная Россия является государством, в котором широко представлены разнообразные нации и культуры, что делает необходимым использование поликультурного подхода. В то же время такая постановка вопроса подразумевает две группы проблем.

С одной стороны, продвигаемая Западом трактовка, которая в свое время навязывалась российскому обществу, за декларируемым уважением к иным, в том числе чуждым для государства элементам культур, не являющихся родными для нашей страны, не предполагает восприятие целостности государства и поликультурного пространства России, уважение к ее традициям и ценностям. С другой стороны, провозглашаемые западными странами толерантность и плюрализм не поддерживается в действительной политике этими странами. Так, нормативные документы США, такие как Стратегия национальной безопасности ставят Америку на первое место [7] и формулируют картину мира, в рамках которой США демонстрируется как мировой лидер [6]. В результате складывается ситуация, когда нашей страной были восприняты продиктованные Западом установки на построение политики мультикультурализма. Но эти

установки не только являются деструктивными для нашего общества, но и, по факту, не реализуются даже теми государствами, которыми они были заявлены как приоритетные. Этим определяется задача сравнения подходов к патриотическому воспитанию в контексте отечественной и зарубежной философии образования, что позволит выявить наиболее сущностные особенности обоих подходов, а также обозначить основные их отличия.

Говоря о современных тенденциях преподавания в российской школе можно отметить очевидный вектор воспитания, направленный на соответствие традиционным для России ценностям. Сегодня усилиями Минпросвещения России производится перестройка образовательного пространства страны в соответствии с актуальной нормативно-правовой базой, регулирующей в том числе и морально-нравственную сторону воспитания и обучения в образовательных организациях. Информационное пространство заполняется содержанием, которое ориентировано на актуализацию традиционных духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, на формирование здорового сознания и гражданской идентичности [2].

Что касается западных стран, подход к воспитанию патриотизма и гражданственности у них существенно отличается от российского, эксперты в большинстве своем критически относятся к внедрению патриотического воспитания в образовательных учреждениях.

Рассматривая практики внедрения патриотического воспитания в образовательных учреждениях, М. Хэнд и Дж. Пирс [4; 5] утверждают, что несмотря на то, что не затронуть данную тему в ходе образовательного процесса невозможно, педагогу следует придерживаться преимущественно нейтральной позиции. Анализируя реальные практики патриотического воспитания в британских школах, исследователи приходят к выводу, что мнение педагога может иметь значительное влияние на обучающихся, в связи с чем следует избегать как навязывания патриотических чувств, так и противоположной точки зрения.

В рамках критики существующей системы образования в США и Великобритании Д. Гиллборн [3] отмечает формальное соответствие существующей системы принципам равенства возможностей и мультикультурализма.

Патриотическое воспитание в контексте национального многообразия и формирования множественных национальных идентичностей у граждан современных государств рассматривает Х. Старки. Автор приходит к выводу о том, что гражданское образование должно быть ориентировано на формирование точек соприкосновения между различными культурными группами населения [8].

В целом, на сегодняшний день мы можем утверждать, что указанный подход не может быть применен для российского общества ввиду враждебности внешней среды, которая определяет для нас необходимость вы-

страивания четкой позиции государства по отношению к представителям инородных культур.

Таким образом, российское образовательное пространство на сегодняшний день претерпевает ценностную трансформацию. Актуальным до сих пор является высказывание Н.Ю. Корнеевой: «Понимание патриотизма и гражданской идентичности особенно актуально сегодня, когда во взрослую жизнь вступает поколение, родившееся и выросшее в атмосфере развенчивания прежних гражданско-патриотических ценностей, наполнения идеологического вакуума западными ценностями» [1]. И сейчас приходящие во взрослую жизнь молодые люди воспитаны на западных либеральных образцах. В связи с этим приобретает актуальность разработка новой методологии воспитания и образования, основанная на традиционных ценностях нашей страны и традициях отечественной педагогики.

Выполнено в рамках проекта по государственному заданию «Особенности формирования гражданской идентичности и патриотизма детей и молодежи России в контексте философии образования» Министерства просвещения Российской Федерации на 2025 год.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнеева, Н.Ю. Патриотизм в аксиосфере гражданской идентичности / Н. Ю. Корнеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 3-2(57). – С. 199-202. – EDN VMLNTN.
2. Склярова, Н.Ю. От национальных целей к механизмам укрепления культурно-ценностного суверенитета России в национальной системе образования / Н. Ю. Склярова, Е. В. Бродовская, М. П. Литвиненко // Государственная ценностная политика в системе образования: Материалы II Всероссийского образовательного форума, Москва, 14–15 мая 2024 года. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2024. – С. 10-11. – EDN RGOVUO.
3. Gillborn, D. (2006) Citizenship education as placebo, Education, Citizenship and Social Justice, 1(1), pp. 83-104.
4. Hand M (2011) Patriotism in schools, impact 19. PESGB, London
5. Hand, M., & Pearce, J. (2009). Patriotism in British schools: Principles, practices and press hysteria. Educational Philosophy and Theory, 41(4), 453–465.
6. National Security Strategy October 2022 [Эл.ресурс]. – Режим доступа: https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (дата обращения: 11.04.2025)
7. National Security Strategy of the United States of America December 2017 Режим доступа: https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (дата обращения: 11.04.2025)
8. Starkey, H. (2008) Education for Citizenship, Diversity and ‘Britishness’ 1997–2007, in: T. Whitton (Ed) Le New Labour et l’identite britannique (Clermont Ferrand, Observatoire de la Societe Britannique No.5).

УДК 378:101

О СИСТЕМЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФСКИХ НАУК

ABOUT THE SYSTEM OF TEACHING PHILOSOPHICAL SCIENCES

Кулик Валерий Сергеевич
Кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет», доцент кафедры философии и истории
Kylik Valery Sergeevich
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Kherson, FSBEI of HE Kherson State Pedagogical University, Associate Professor of the Department of Philosophy and History

Аннотация. Статья посвящена поиску оптимальной модели преподавания философских дисциплин в высшей школе.

Abstract. The article is devoted to the search for the optimal model of teaching philosophical disciplines in higher education.

Ключевые слова: философия, образование, Россия, наука, гуманизм.
Keywords: Philosophy, education, Russia, the science, humanism.

Сегодня наше образование оказалось на распутье: «Что делать дальше?». Как известно, путь в будущее ведет из прошлого через настоящее. Давайте последуем по этому пути. Когда-то в СССР была найдена оптимальная модель. Она дала возможность родной стране сделать мощный рывок по цепочке: образование – наука – техника – технологии – производство, и вывести ее на передовые рубежи в мире. Когда 4 октября 1957 года первый искусственный спутник послал сигналы из космоса, в США была создана специальная комиссия для выяснения причин: «Почему Советы обошли Америку, за счет каких факторов?». Ответ комиссии гласил: «За счет того, что у них лучшая в мире система образования».

Казалось бы, надо поддерживать и постепенно совершенствовать такую систему. Но в «лихие 90-е» она была отброшена как «устаревшая», и на ее место возведена западная модель – «болонско-соросовская». С тех пор дела пошли по нисходящей, пока не вмешался Президент, а парламент ни принял решение об отказе от «болонской» системы.

Было очевидно с самого начала, что «болонская» система имеет существенные недостатки, но политические соображения взяли верх. Что нужно отметить?

1. Резкое сокращение аудиторных занятий, перевод обучения на самоподготовку (так, по философии: лекции – 18, семинары – 18, самостоятельная работа – 72 часа).

2. Сведение до минимума учебных часов, которые не охватывают программу курса. Достаточно сравнить «старую» программу и «новую»:

а) лекции – 80 час., семинары – 60 час.

б) лекции – 18 час., семинары –18 час.

3. Отсюда вместо глубоких знаний у студента формируется поверхностное, облегченное представление о серьезных научных проблемах: «коснуться до всего слегка» (А.С.Пушкин).

4. Деформация учебной программы. Казалось бы, главное внимание надо уделять высшим достижениям философской мысли (античность, Новое время, немецкая классика, марксизм), т. е. наилучшим образцам. Но в учебниках, написанных по «соросовским» лекалам, доминирует современная западная философия – нисходящая ветвь в истории мировой философской мысли. Она выступает против рационализма и гуманизма предшествующих учений.

5. Универсальным средством усвоения материала и контроля знаний в «новой» системе являются тесты. Подготовка к экзаменам по тестам развивает у студентов память, запоминание фактов, но не логику мышления. Тесты не дают возможность раскрыть процесс возникновения факта. Как говорил Гегель, факт без предшествующего процесса – это труп, которым может довольствоваться лишь рассудок (рассудок – обыденное мышление).

В целом можно сказать, что «болонская» система сдерживает интеллектуальное развитие студентов, их способность формулировать свою мысль, последовательно ее излагать и аргументировать, а это прямо влияет на качество подготовки специалистов.

Поэтому сохранять ее дальше нецелесообразно. Некоторые предлагают начинать с «чистого листа» поиски совершенно новой системы образования, проводя эксперименты в отдельных учебных заведениях, постепенно модернизируя ее. Но это слишком долгий путь, а обстановка в мире требует незамедлительных решений. Динамика научно-технического прогресса такова, что дорог каждый год и отставать нельзя.

На мой взгляд, следует за основу взять советскую модель образования и вносить в нее коррективы с учетом новейших достижений – как в области технологии, так и с точки зрения содержания. Попытаемся показать это на примере преподавания философских наук.

1. Основной курс «Философия». Он читался на 2 курсе, в течении всего учебного года, с двумя экзаменами, в объеме 140 час: лекции – 0 часов, семинары – 60 часов (в технических вузах – 90 час.)

2. Кроме общего курса преподавались и другие дисциплины: логика, религиоведение, этика, эстетика, а также некоторые спецкурсы – с учетом специфики факультета. Аудиторные занятия каждого предмета составляли около 30-40 часов. Взяв за основу эту систему и внеся в нее изменения, можно предложить такой вариант.

Первый курс:

1) Логика (лекции:18-20 часов, семинары: 18-20 часов)

Почему формальную логику лучше всего читать на 1 курсе? Потому, что она помогает развитию мышления, делает его:

а) более четким, конкретным, определенным (Закон тождества)

б) непротиворечивым (Закон непротиворечия)

в) последовательным (Закон исключенного третьего)

г) аргументированным (Закон достаточного основания)

В дальнейшем это поможет студенту усваивать более сложный материал на последующих курсах.

2) Науковедение (около 40 часов)

Желательно сразу погрузить студента в мир науки, ибо она играет все возрастающую роль в жизни общества. Россия должна быть лидером в области производства знаний, что является гарантией ее успешного развития.

Второй курс:

Философия в течении всего учебного года в объеме 120 – 140 аудиторных часов. Примерная тематика курса:

I. Введение. Философия как мировоззрение и наука

Этапы развития философской мысли

1) Восточная философия:

– Ближний Восток (Египет, Вавилон, Шумер)

– Дальний Восток (Индия, Китай)

2) Античная философия:

– Досократики

– Классическая философия (Сократ, Платон, Аристотель)

– философия эпохи эллинизма

3) Средневековая философия:

– Возникновение Христианства и его особенности

– Апологетика

– Патристика

– Схоластика

4) Философия эпохи Возрождения и Нового времени

– Возрождение

– Новое время (17 век)

– Новое время (18 век)

5) Немецкая классическая философия

– И.Кант – родоначальник немецкой классики

– Наукоучение Фихте

– Философские системы Шеллинга

– Диалектическая философия Гегеля

– Антропологизм Фейербаха

6) Философия марксизма:

– возникновение марксизма и его теоретические источники

– особенности философии марксизма

– распространение марксистской философии. Марксизм в России

7) Современная Западная философия

– Особенности современного кризиса западного общества

– Основные направления в философии

II. Теория и методология

1) Онтология

2) Диалектика

3) Гносеология

III. Социальная философия

1) Понятие общества. Общество и природа

2) Структура общества:

– материальное производство

– социальная структура

– политическая система

– духовная культура

3) Общество как процесс. Объективные законы и субъективные факторы

4) Исторические типы общественных систем. Цивилизации

5) Понятие и структура личности. Личность и общество. Роль народных масс и личности в истории

6) Современный этап общественного развития. Россия в глобальном мире.

Третий курс:

1) Русская философия (100 – 120 часов)

На втором курсе студенты знакомились бы с зарубежной философией (восточной и европейской). Было бы неправильно ограничиться только этим, ибо у нас есть отечественная философия – достаточная глубокая и оригинальная. В ней представлены основные школы и направления мировой философской мысли.

2) Религиоведение (история религии, около 40 часов)

Невозможно изучать философию в отрыве от религии. Это – два типа мировоззрения, которые взаимодействуют между собой на протяжении всей истории общества. Да и в наши дни религия продолжает оказывать значительное влияние на ситуацию внутри многих стран и межгосударственные отношения.

Четвертый курс:

1) Основы этики и эстетики (50-60 часов).

Можно сделать объединенный курс или разделить по предметам.

2) Спецкурс по философским проблемам конкретной специализации – в зависимости от профиля факультета.

3) «Риторика» – этот курс целесообразно ввести на гуманитарных факультетах, поскольку их выпускники будут работать непосредственно с людьми.

Особое внимание к преподаванию философии обусловлено тем, что она занимает фундаментальное место в системе наук. Она непосредственно участвует в формировании мировоззрения человека, что прямо влияет на его практическую деятельность. Любая конкретная наука (даже математика и физика) не может выступать как мировоззренческая система, а лишь как ее составной компонент.

Она является интегратором научных знаний, синтезируя их в определенную систему. По словам Гегеля, философия – это «эпоха, схваченная в мысли». «Очень много должны знать мужи-философы», – говорил еще Гераклит.

Философия выполняет функцию методологии науки. Она органически связана с конкретными науками и способствует разработке методологии познания в каждой конкретной сфере.

Наконец, философия формирует у человека определенную систему духовных ценностей. Классические философские системы построены на идеях гуманизма и рационализма, рассматривают человека как высшую ценность в мире. В современной Западной философии наоборот: торжествует дегуманизм, иррационализм. Примечательно, что в «болонской» модели предпочтение отдается именно этим учениям. А они воспитывают в целом негативное отношение к человеку.

Философия должна побуждать нас к активной деятельности по преобразованию природы и общества, вызывая к жизни лучшие человеческие качества. На мой взгляд, именно такие задачи и поставлены перед высшей школой России.

УДК 377.5

СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ» В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

SPECIFICS OF TEACHING THE DISCIPLINE "FUNDAMENTALS OF PHILOSOPHY" IN THE CONTEXT OF IMPLEMENTING EDUCATIONAL PROGRAMS OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

Дубиков Дмитрий Игоревич
председатель предметно-цикловой комиссии по социально-гуманитарным и естественнонаучным дисциплинам, преподаватель 1-й квалификационной категории АНО «ПОО» «Открытый Таврический колледж», г. Симферополь
Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ***Зыщик Екатерина Борисовна***
Dubikov Dmitry Igorevich
chairman of the subject-cycle commission on social, humanitarian and natural science disciplines, teacher of the 1st qualification category of the Open Tauride College, Simferopol
Scientific supervisor: Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute "Taurida Academy" of V. I. Vernadsky Crimean Federal University, ***Zyshchik Ekaterina Borisovna***

Аннотация. сегодня преподавание гуманитарных дисциплин, особенно философии, становится ключевым инструментом для формирования навыков критического мышления и аналитических навыков у студентов. Адаптация содержания образовательного процесса к современным требованиям и интересам обучающихся, а также использование интерактивных методов преподавания, способствуют развитию необходимых компетенций и повышению вовлеченности студентов в учебный процесс. Философия, как междисциплинарная дисциплина, предоставляет инструменты для синтеза знаний и формирования умений, востребованных в современном мире.

Abstract. today, teaching the humanities, especially philosophy, is becoming a key tool for developing critical thinking and analytical skills in students. Adapting the content of the educational process to modern requirements and interests of students, as well as using interactive teaching

methods, contribute to the development of necessary competencies and increased student involvement in the educational process. Philosophy, as an interdisciplinary discipline, provides tools for synthesizing knowledge and developing skills that are in demand in the modern world.

Ключевые слова: философия, образование, преподавание, среднее специальное образование.

Keywords: philosophy, education, teaching, secondary specialized education.

В условиях стремительного развития технологий, в том числе, искусственного интеллекта, навыки анализа информации и аргументация собственной позиции становятся неотъемлемой частью подготовки будущих специалистов, и, что важно, возрастает степень значимости преподавания гуманитарных дисциплин в организациях среднего профессионального образования – они способствуют формированию критического мышления и аналитических навыков у обучающихся. В этой связи, статус философии как учебной дисциплины приобретает особую значимость, ведь именно она формирует базовые компетенции[1], которые необходимы для дальнейшего и личностного, и профессионального роста обучающегося.

В структуре образовательной программы практически всех специальностей, по которым осуществляет подготовку Открытый Таврический колледж[2], в цикле «Общий гуманитарный и социально-экономический цикл» блока «Профессиональная подготовка», первой в списке указана дисциплина ОГСЭ.01 Основы философии, на изучение которой отводится 50 часов: 28 – лекционных занятий, 20 – практических занятий (включая 2 часа, отведенных на дифференцированный зачет) и 2 часа – самостоятельной работы обучающихся [3].

Отметим, что философия играет ключевую роль в междисциплинарном подходе в образовательной деятельности, предоставляя студентам инструменты для синтеза знаний из различных областей науки. Главная ценность этих инструментов заключается в том, что, в условиях перевода процесса обучения из знаниевой в компетентностную парадигму, формируется целый ряд умений (компетентностей), столь востребованных в современном мире: рефлексивные умения, поисковые (исследовательские) умения; умения и навыки работы в сотрудничестве; организаторские умения и навыки; коммуникативные умения.

Опыт преподавания и беседы с коллегами позволяют заключить, что отношение не только обучающихся, но и коллег-преподавателей к «специфической дисциплине» – философии – разное, в том числе, и в высшей школе [2].

---

[1] в 2010 году компетентностный подход на всех уровнях образования был закреплен в нормативно-правовых документах Российской Федерации [1].

[2] Автономная некоммерческая организация «Профессиональная образовательная организация» «Открытый Таврический колледж» (г. Симферополь).

Обучающиеся (конечно, не все) воспринимают философию как сложную и абстрактную дисциплину, требующую глубокого анализа и критического мышления и, что важно, – не практическую: они скептически настроены к философским вопросам, считая их слишком далекими от реальной жизни.

Среди коллег-преподавателей отношение к философии также различается. Одни считают её ключевой дисциплиной, способствующей развитию анализа и логического мышления, и стремятся привить студентам любовь к философским размышлениям, другие – оценивают философию как менее практичную и менее актуальную по сравнению с другими дисциплинами, ориентированными на конкретные навыки и знания.

Одна из ключевых проблем, связанная с преподаванием философии в колледже, – необходимость адаптации и образовательного процесса, и его содержания к современным требованиям и интересам студентов. Решение проблемы – в отображении формируемых общих компетенций, которые могут быть достигнуты за счет междисциплинарности философии[1]:

ОК 1	Понимать сущность и социальную значимость своей будущей профессии, проявлять к ней устойчивый интерес
ОК 2	Организовывать собственную деятельность, выбирать типовые методы и способы выполнения профессиональных задач, оценивать их эффективность и качество
ОК 3	Принимать решения в стандартных и нестандартных ситуациях и нести за них ответственность
ОК 4	Осуществлять поиск и использование информации, необходимой для эффективного выполнения профессиональных задач, профессионального и личностного развития
ОК 5	Использовать информационно-коммуникационные технологии в профессиональной деятельности
ОК 6	Работать в коллективе и в команде, эффективно общаться с коллегами, руководством, потребителями
ОК 7	Брать на себя ответственность за работу членов команды (подчиненных), результат выполнения заданий
ОК 8	Самостоятельно определять задачи профессионального и личностного развития, заниматься самообразованием, осознанно планировать повышение квалификации
ОК 9	Ориентироваться в условиях частой смены технологий в профессиональной деятельности

[1] в соответствии с рабочей программой учебной дисциплины, утвержденной в АНО «ПОО» «Открытый Таврический колледж» (г. Симферополь). См.: http://otk-college.ru/sveden/education/eduop/.

ОК 10	Соблюдать действующее законодательство и обязательные требования нормативных правовых документов, а также требования стандартов и иных нормативных документов

Учитывая универсальный характер философского знания и его применимость, практически, ко всем сферам жизнедеятельности человека, философская оптика рассмотрения позволяет раскрыть их всеобщую связь и взаимозависимость, показать их как целостность, как сложнейшую единую систему – это открывает возможность сделать принципиальное отличие, и, в то же время, установить единство самых различных сфер человеческой жизнедеятельности.

Философия является мощным инструментом для формирования аналитических и критических навыков студентов, что особенно важно в условиях современного образовательного пространства. Применение интерактивных методов преподавания, например, дискуссий, способствует более глубокому усвоению материала и активному участию студентов в образовательном процессе.

Рекомендуется активное использование интерактивных методов и современных образовательных технологий в процессе обучения – это позволяет повысить вовлеченность студентов и адаптировать процесс обучения к требованиям современной образовательной среды. Важным является исследование возможностей интеграции философии в междисциплинарные образовательные программы для повышения их эффективности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романова, О. А. Компетентностный подход в среднем профессиональном образовании: систематический обзор российской литературы [Текст] / О. А. Романова // Образование и саморазвитие. – 2021. – № 2. – С. 105-123.
2. Сарпова, О. В., Иоголевич, Н. И. Преподавание философии: проблема соответствия специфики учебной дисциплины требованиям государтсвенного стандарта [Текст] / О. В. Сарпова, Н. И. Иоголевич // Вестник Удмуртского университета. – 2020. – № 3. – С. 289-297.
3. Томко Н.Р. Основная профессиональная образовательная программа среднего профессионального образования: программа подготовки специалистов среднего звена по специальности 09.02.07 Информационные системы и программирование / Томко Н.Р. [Электронный ресурс] // АНО «ПОО» «ОТК» : [сайт]. – URL: http://otk-college.ru/sveden/files/zic/OPOP_09.02.07_IS_i_programmirovanie_(OOO).pdf (дата обращения: 27.05.2025).

УДК 37.01

ВОСПИТАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ: В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ Э.В. ИЛЬЕНКОВА

EDUCATION IN THE MODERN RUSSIAN EDUCATION SYSTEM: IN THE CONTEXT OF THE PHILOSOPHICAL HERITAGE OF E.V. ILYENKOV

Пазина Людмила Олеговна
Кандидат философских наук, доцент, начальник Управления социологических и статистических исследований, г. Москва, ВНМЦ «Философия образования» МПГУ
Макиенко Виолетта Викторовна
Специалист отдела Управления социологических и статистических исследований, г. Москва, ВНМЦ «Философия образования» МПГУ
Pazina Lyudmila Olegovna
Candidate of philosophical sciences, Associate Professor, head of the Department of Sociological and Statistical Research, Moscow, All-Russian Scientific and Methodological Center «Philosophy of Education» Moscow State Pedagogical University
Makienko Violetta Viktorovna
Specialist of the Department of Sociological and Statistical Research, Moscow, All-Russian Scientific and Methodological Center «Philosophy of Education» Moscow State Pedagogical University

Аннотация. На основании идей Э.В. Ильенкова в статье анализируется роль педагога в воспитании и развитии личности, важность коллективного воспитания, труда и приобщения к наследию духовной культуры. Основным методом развития мышления рассматривается диалектика. Отдельное внимание уделяется практическому применению этих идей в современных условиях, когда Россия остро нуждается в воспитании всесторонне развитых, ответственных граждан.

Annotation. Based on the ideas of E.V. Ilyenkov, the article analyzes the role of the teacher in the education and development of the individual, the importance of collective education, work and familiarization with the heritage of spiritual culture. The main method of developing thinking is dialectics. Particular attention is paid to the practical application of these ideas in

modern conditions, when Russia is in dire need of educating comprehensively developed, responsible citizens.

Ключевые слова: Э.В. Ильенков, воспитание, диалектика, мышление, коллективное воспитание, деятельностный подход.

Keywords: E.V. Ilyenkov, education, dialectics, thinking, collective education, activity-based approach.

Целью воспитания является формирование гармоничной, всесторонне развитой личности, способной к самореализации и приносящей пользу обществу. Это долгий и сложный путь, пройдя который молодой человек должен обрести стремление к постоянному самосовершенствованию и готовность к переменам, что невозможно без сформированного системного мышления.

В наших поисках путей выхода из сложной ситуации в сфере отечественного воспитания мы можем обратиться к наследию известного советского философа Э.В. Ильенкова. Его труды, посвященные проблемам развития личности и формирования мышления, остаются актуальными и в наши дни. Ильенков, будучи исследователем марксистской диалектики, видел в воспитании не просто передачу знаний, но и формирование активной, творческой личности, способной к самостоятельному мышлению и преобразованию мира.

В своей философии особое внимание он уделял вопросам образования, воспитания и труда. Это три фундамента без которых не мыслится свободная и развитая личность, приносящая пользу обществу. Ключевую роль Э.В. Ильенков отводил педагогу, поскольку именно педагоги способствуют формированию всесторонне развитой личности, учат людей мыслить.

Мышление по представлению Э.В.Ильенкова – это определенная способность, которая успешно приобретается и развивается в процессе обучения и деятельности индивида. Как писал Э.В.Ильенков: «Представление о врожденности, о природном происхождении способности (или неспособности) мыслить, – это лишь занавес, скрывающий от умственно ленивого педагога те действительные очень сложные обстоятельства и условия, которые фактически пробуждают и формируют ум, способность самостоятельно мыслить» [5]. Представление о врожденных способностях ума – считал Ильенков, служит лишь оговоркой для педагогов, которые просто не хотят брать на себя ответственность и прикладывать особые усилия по обучению и развитию индивида. Каждый человек от природы способен мыслить, задача школы – развить этот навык.

Особое внимание в своих работах Э.В.Ильенков уделял роли деятельности в развитии человека. Он утверждал, что мышление формируется и развивается в процессе активного взаимодействия с окружающим миром, в процессе практической деятельности, и критиковал пассивное усвоение знаний, считая его недостаточным для формирования полноценной личности. В представлении Э.В.Ильенкова человек – это прежде

всего существо социальное и деятельное. Именно социальное окружение и труд делают человека человеком. Мозг в данном случае, являясь биологически данным нам от природы органом, служит лишь инструментом для социально ориентированной деятельности. Такая установка Ильенкова исходит, с одной стороны, из представлений К. Маркса о человеке как деятельном существе, а с другой, опирается на исследования Гегеля, который видел деятельность как характеристику и потребность абсолютного духа в самоизменении и развитии. Продуктом деятельности является либо продукт материальный, либо духовный труд, «идеальный продукт», «изменяющий лишь общественное сознание людей» [4].

Таким образом, важным аспектом его педагогической концепции является идея коллективного воспитания. Э.В.Ильенков видел в коллективе мощный инструмент развития личности, способствующий формированию чувства ответственности, взаимопомощи и коллективного творчества. Он подчеркивал, что в коллективе каждый ребенок имеет возможность проявить свои способности и внести свой вклад в общее дело.

По представлению Э.В. Ильенкова для успешного развития навыка мышления должны соблюдаться некоторые условия, а именно: предоставление доступа к условиям человеческого развития, к условиям самостоятельного мышления; прививание способности правильно ставить вопросы; «не вдалбливать» знания с помощью догм и непреложных истин, а объяснять, заинтересовывать, вовлекать в процесс обучения [5]. Процесс обучения и должен строиться на том, чтобы не просто дать знание, но научить мыслить. Задача непростая. И осложняется еще тем, что в соответствии с такими установками, необходимы соответствующие навыки и у обучающего педагога. Педагог, который напичкан знаниями, но не умеет при этом самостоятельно думать, а умеет знания транслировать, навряд ли сможет такому умению научить. Чтобы научить человека мыслить, педагог должен сам обладать этим навыком.

Выход Э.В. Ильенков находил в диалектике как методе мышления. «Учить мыслить – значит прежде всего учить диалектике» [5]. Это означает не давать учащемуся готового решения, готового ответа, а помогать находить самостоятельно ответы на вопросы, показывать, что каждая истина – это долгий путь исследований, результат мышления людей. Освоив этот путь, с помощью которого и был получен ответ, учащийся одновременно усваивает и способ мышления, который к этому ответу привел. Таким образом, получая знания, учащемуся еще и дается толчок к самостоятельной работе. Ильенков считал, что знание, основанное на вложенных нам в голову готовых фразах, символах, терминах о предмете, вместо знания самого предмета – дает иллюзорное чувство знания, оно не соотносится с действительностью и существует как бы в отрыве от него. Такой предмет, существующий «над действительностью и вне

действительности», может рассматриваться только «как особый мир идеальных, абстрактных, призрачных предметов» [2], а значит не могут составить основу для практической деятельности.

Кроме того, одним из важнейших условий развития мышления Э.В.Ильенков видел в образовании индивидуальной потребности и приобщении учащихся к сокровищам духовной культуры. И это является одной из важнейших задач педагогов, так как «если эту задачу нам удастся решить – умными станут все» [6].

Ум формируется только благодаря усвоению культурного опыта, созданного предшествующими поколениями людей, в дальнейшем перерабатывая такой опыт и делая его личной собственностью, основой, благодаря которой и возможно дальнейшее развитие человека.

В заключение отметим, что наследие Э.В.Ильенкова представляет собой ценный ресурс для развития отечественной философии образования. Его идеи о деятельностном подходе, коллективном воспитании и формировании творческой личности заслуживают внимания и могут быть успешно применены в современной образовательной практике.

Выполнено в рамках проекта по государственному заданию «Особенности формирования гражданской идентичности и патриотизма детей и молодежи России в контексте философии образования» Министерства просвещения Российской Федерации на 2025 год.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. – М.: Институт философии АН СССР, 1960 [Эл.ресурс]. Режим доступа: https://www.marxists.org/russkij/ilyenkov/ilyenkov.pdf (дата обращения: 20.02.2024)
2. Ильенков Э.В. Знание и мышление. [Эл.ресурс]. Режим доступа: https://www.culturedialogue.org/node/2514 (дата обращения: 20.04.2024)
3. Ильенков Э.В. Материалистическое понимание мышления как предмета логики // Философия и культура / Э. В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1991.
4. Ильенков Э.В. Проблема идеального. // Вопросы философии №6, 1979, с. 128-140 [Эл.ресурс]. Режим доступа: http://caute.ru/ilyenkov/texts/vf/prideala.html (дата обращения: 06.03.2024)
5. Ильенков Э. В. Школа должна учить мыслить! 1964 [Эл.ресурс]. – Режим доступа: https://psychlib.ru/mgppu/hre/hre-2842.htm#$p284 (дата обращения: 06.02.2024)
6. Ильенков Э.В. Учитесь мыслить смолоду. – М.: Знание, 1977.
7. Ильенков Э.В. Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991. С. 115–141.

УДК 37

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ: ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

SOCIO-POLITICAL PROBLEMS OF TEACHING HISTORY: FORMATION OF CITIZENSHIP

Османова Феридэханум Алиевна
Аспирант 2 года обучения, кафедра педагогики, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Научный консультатнт: доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского ***О.А. Габриелян***
Osmanova Feridekhanum Alievna
2nd year postgraduate student, Department of pedagogy, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. Преподавание истории в современных условиях сталкивается с рядом социально-политических проблем, которые напрямую влияют на формирование гражданственности и патриотизма у молодежи. Очевидно, что преподавание истории в России и Узбекистане имеет ряд значительных различий, связанных с историческим контекстом, политической ситуацией и образовательными подходами. В настоящей работе анализируются ключевые аспекты проблем преподавания истории.

Abstract. Teaching history in modern conditions faces a number of socio-political problems that directly affect the formation of citizenship and patriotism among young people. It is obvious that the teaching of history in Russia and Uzbekistan has a number of significant differences related to the historical context, the political situation and educational approaches. This paper analyzes the key aspects of the problem of teaching history.

Ключевые слова: гражданское образование, патриотическое воспитание, политическая социализация, преподавание истории, становление гражданственности.

Keywords: civic education, patriotic education, political socialization, teaching history, development of citizenship.

Так сложилось, что на протяжении последних лет я занималась анализом проблем преподавания истории в общеобразовательных учреждениях России и Узбекистана. Я обратилась к этому направлению исследования целенаправленно по причине актуализации изучения роли преподавания истории в процессе политической социализации на современном этапе истории России и Узбекистана.

С момента распада СССР в 1991 году Россия и Узбекистан столкнулись с необходимостью переосмысления исторического наследия, что отразилось на философии преподавания истории. Основной целью стало формирование гражданственности, национальной идентичности и патриотизма у молодого поколения. Однако подходы к преподаванию в этих странах различаются, что связано с их социально-политическими реалиями, культурными особенностями и стратегиями развития.

Тот факт, что преподавание истории играет ключевую роль в формировании гражданственности и патриотизма среди молодежи – далеко не новость. Тем не менее, несмотря на общие цели, существуют значительные различия в подходах и вызовах, с которыми сталкиваются образовательные системы преподавания истории отмеченных стран.

Проблема состоит в том, чтобы понять, что представляют собой социально-политические проблемы, которые влияют на формирование гражданственности. Эти проблемы включают в себя подходы к интерпретации исторических событий, акценты на патриотизм и национальную идентичность, а также методы обучения, которые могут либо способствовать, либо препятствовать развитию критического мышления у обучающихся. В то время как Россия борется с недостатками в методах обучения и идеологическим вакуумом, Узбекистан активно использует историю для воспитания патриотизма и социальной ответственности среди молодежи. Эффективное преодоление этих проблем требует комплексного подхода к образовательным методам и содержанию учебных программ.

Основной задачей исторического образования в России стало формирование общероссийской идентичности, патриотизма и уважения к историческому наследию. Концепция преподавания истории подчеркивает роль предмета в воспитании гражданственности, социальной солидарности и ответственности. В Узбекистане история используется для укрепления уважения к государственным институтам и осознания преемственности поколений.

Что касается различий в преподавании истории в России и Узбекистане, большой интерес представляют социально-политические контексты и цели образования в каждом государстве. В то время как Россия акцентирует внимание на патриотизме и государственной идентичности, Узбекистан делает упор на формирование национального самосознания и критического отношения к своему прошлому. Эти подходы влияют на восприятие гражданственности у молодежи и формируют их отношение к истории своих стран.

С 1991 года преподавание истории в России и Узбекистане претерпело значительные изменения, отражающие социально-политические трансформации и национальные приоритеты. Обе страны стремились использовать историю как инструмент формирования гражданственности, однако их подходы различались в зависимости от культурных, политических и образовательных контекстов. Преподавание истории в России

и Узбекистане с 1991 по 2024 годы демонстрирует различные подходы к формированию гражданственности. Россия делает упор на патриотизм и государственную идентичность, тогда как Узбекистан сосредоточен на национальном самосознании и демократических ценностях. Эти различия отражают уникальные пути развития двух стран после распада СССР.

При более детальном рассмотрении проблем преподавания истории в России необходимо отметить следующее:

1) недостаточная разработка содержания: в российском школьном образовании наблюдается недостаточный уровень разработки содержания компетентностей учащихся, что затрудняет формирование необходимых навыков и знаний[1]. Преподавание часто сосредоточено на политической истории, в то время как культурная история остается недостаточно представленной. Это создает пробелы в понимании учащимися культурного наследия своей страны[2];

2) методические недостатки: отсутствие четких психолого-педагогических условий и нерегулируемость методов обучения приводят к неэффективному освоению исторического материала[3]. Программы часто ориентированы на запоминание фактов, что не способствует развитию критического мышления и анализа. Необходимость перехода к более интерактивным методам обучения становится более актуальной. В 2010-х годах началась стандартизация исторического образования. Были введены единые учебники, что позволило унифицировать интерпретацию событий. Однако это вызвало критику за ограничение плюрализма взглядов;

3) культурный контекст: преподавание истории часто сосредоточено на политических событиях, игнорируя социальные и культурные аспекты, что ограничивает понимание исторического процесса[4];

4) гражданская позиция: проблемы формирования гражданской позиции у молодежи усугубляются идеологическим вакуумом и изменениями в общественном сознании, что требует более глубокого анализа исторического контекста[5]. Преподавание истории в России направлено на воспитание уважения к государству и его институтам. Однако крити-

---

[1] Авраменко А. А. Преподавание истории в школе: проблемы и перспективы // «Актуальны исследования» международный научный журнал. № 4. 2023. С. 66.

[2] Солдатова Л. А. Концепция исторического образования о формировании гражданственности у учащейся молодежи // Актуальные исследования. 2024. № 51 (233). Ч. I. С. 73.

[3] Авраменко А. А. Преподавание истории в школе: проблемы и перспективы. С. 67.

[4] Карпенкова Т. В. Проблемы преподавания истории в школе // Вестник МИЭП. 2017. № 1 (26). С. 78.

[5] Гражданское образование – педагогический, социальный и культурный феномен: Монография. СПб.: «Союз», 2006. С. 67.

ческое мышление часто уступает место мемориализации событий и героизации прошлого, что может ограничивать осознание сложных аспектов истории;

5) политическая ангажированность: в российском образовательном контексте существует тенденция к интерпретации исторических событий в соответствии с политическими предпочтениями[1]. Это приводит к одностороннему восприятию истории, что затрудняет формирование целостного исторического сознания у обучающихся[2]. С 1991 года Россия стремилась восстановить национальную идентичность через историю, уделяя особое внимание героическим событиям, таким как Великая Отечественная война. История стала инструментом укрепления государственной идеологии, что особенно проявилось с 2000-х годов. В настоящее время в образовательных программах акцент сделан на патриотизм и преемственность традиций.

После обретения независимости Узбекистан начал процесс десоветизации, включая пересмотр исторических событий через призму национальных интересов. Были введены новые дисциплины, такие как «История Узбекистана» и «Идеи национальной независимости», направленные на воспитание патриотизма и национальной гордости. С 2020 года преподавание новейшей истории стало обязательным в вузах страны. Эта дисциплина охватывает ключевые события независимости, реформы и стратегию развития государства. Она помогает молодёжи осмыслить значение демократических преобразований и формировать активную гражданскую позицию.

Выявленные проблемы преподавания истории в Узбекистане сводятся к нижеприведенным:

1) формирование патриотизма: в Узбекистане акцент делается на воспитание патриотизма, социальной идентичности и независимость через изучение новейшей истории страны. Это включает анализ социальных и политических процессов, которые способствуют формированию гражданской идентичности [3]. Однако существует необходимость в более глубоком подходе к изучению как отечественной, так и мировой истории для формирования полноценной гражданской позиции[4];

2) социальная ответственность: учебные курсы по истории направлены на развитие у студентов чувства ответственности за будущее страны

---

[1] История и философия науки: учебное пособие / О. А. Габриелян, А. В. Карабыков, Ф. В. Лазарев, Н. В. Сафонова; КФУ им. В. И. Вернадского. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. С. 173.

[2] О проблемах преподавания истории в российских учебных заведениях. М., 2014. С. 26.

[3] Турдимуратов Я. А., Назаров О. М. Новейшая история Узбекистана: учебное пособие. Ташкент: O‘zkitob savdo nashriyot matbaa ijodiy uyi, 2023. С. 113.

[4] Турдимуратов Я. А., Назаров О. М. Новейшая история Узбекистана: учебное пособие. Ташкент: O‘zkitob savdo nashriyot matbaa ijodiy uyi, 2023. С. 165.

через понимание ее исторического пути и ключевых событий[1]. Социально-политические изменения в стране требуют адаптации учебных программ, чтобы они отражали актуальные реалии и способствовали формированию активной гражданской позиции у молодежи;

3) методы преподавания: в Узбекистане также наблюдаются проблемы с методами преподавания, однако акцент на воспитательные функции истории позволяет более эффективно формировать гражданскую позицию молодежи[2];

4) мировоззренческая функция: история должна выполнять мировоззренческую функцию, способствуя формированию у молодежи осознания своей роли в обществе и понимания исторических процессов. Это требует от педагогов использования современных методик и подходов[3].: В Узбекистане гражданственность формируется через воспитание любви к Родине и уважения к государственной власти, но с акцентом на осознание исторической справедливости и национального самосознания. Учебные программы включают элементы духовно-нравственного воспитания. В последние годы наблюдается стремление к обновлению учебных программ, включая введение новых дисциплин, которые помогают молодежи осмыслить значение независимости и демократических реформ. Однако некоторые аспекты все еще остаются под контролем государства.

Попутно стоит отметить, что в Узбекистане история используется для укрепления правового сознания и формирования гражданского общества. Программы акцентируют внимание на правовой культуре, демократических ценностях и интеграции страны в мировое сообщество.

Таким образом, социально-политические проблемы преподавания истории в России и Узбекистане требуют комплексного подхода к реформированию образовательных программ. Основное внимание должно быть уделено не только политической истории, но и культурным аспектам, а также развитию критического мышления у учащихся. Это создаст условия для формирования активной гражданственности и патриотизма среди молодежи, что является важным для стабильности и развития общества.

Сравнительный анализ преподавания истории в России и Узбекистане с 1991 по 2024 годы отражает их стремление к формированию гражданственности через осмысление прошлого. Россия сосредоточилась на укреплении традиций и государственной идентичности, тогда как Узбе-

---

[1] Турдимуратов Я. А., Назаров О. М. Новейшая история Узбекистана: учебное пособие. Ташкент: O‘zkitob savdo nashriyot matbaa ijodiy uyi, 2023. С. 145.

[2] История Узбекистана. Т.: «Fan va texnologiya». 2011. С. 70.

[3] Турдимуратов Я. А., Назаров О. М. Новейшая история Узбекистана: учебное пособие / Я. А. Турдимуратов, О. М. Назаров. Ташкент: O‘zkitob savdo nashriyot matbaa ijodiy uyi, 2023. С. 30.

кистан сделал акцент на десоветизации и воспитании правового сознания. Оба подхода имеют свои сильные стороны, но требуют баланса между патриотизмом и критическим мышлением для подготовки граждан, способных активно участвовать в жизни своих стран.

Из материалов можно заключить, что преподавание истории должно быть направлено не только на передачу знаний, но и на формирование гражданственности и патриотизма. Решение существующих различных философских и социально-политических проблем, которые влияют на формирование гражданственности проблем требует комплексного подхода, включающего разработку новых методов обучения, повышение квалификации педагогов и внедрение национально ориентированных подходов к преподаванию истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авраменко А. А. Преподавание истории в школе: проблемы и перспективы / А. А. Авраменко // «Актуальны исследования» международный научный журнал. 2023. № 4. С. 66-69.
2. Алексашкина Л. Н. Преподавание истории в школе: от педагогического проекта к практике: пособие / Л. Н. Алексашкина. М.: Русское слово, 2018. 270 с.
3. Вдовин А. И. О новых подходах к изучению и преподаванию новейшей истории России / А. И. Вдовин // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2008. № 19. С. 38-59.
4. Вяземский Е. Е. Актуальные проблемы преподавания истории в различных типах образовательных организаций. Коллективная монография. Ч. 8 / Отв. ред. Л. В. Алексеева. Нижневартовск: НВГУ, 2021. 134 с.
5. Гражданское образование – педагогический, социальный и культурный феномен: Монография. СПб.: «Союз», 2006. 167 с.
6. История и философия науки: учебное пособие / О. А. Габриелян, А. В. Карабыков, Ф. В. Лазарев, Н. В. Сафонова; КФУ им. В, И. Вернадского. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. 364 с.
7. История Узбекистана. Т.: «Fan va texnologiya». 2011. 370 с.
8. Карпенкова Т.В. Проблемы преподавания истории в школе / Т.В. Карпенкова // Вестник МИЭП. 2017. № 1 (26). С. 76-88.
9. О проблемах преподавания истории в российских учебных заведениях. М., 2014. 26 с.
10. Солдатова Л. А. Концепция исторического образования о формировании гражданственности у учащейся молодежи / Л. А. Солдатова // Актуальные исследования. 2024. № 51 (233). Ч. I. С. 73-74.
11. Тойнби А. Дж. Постижение истории: сборник: перевод с английского / А. Дж. Тойнби. М.: Прогресс, 1991. 730 с.
12. Турдимуратов Я. А., Назаров О. М. Новейшая история Узбекистана: учебное пособие / Я. А. Турдимуратов, О. М. Назаров. Т.: O‘zkitob savdo nashriyot matbaa ijodiy uyi, 2023. 230 с.
13. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; Пер. с англ. МБ. Левина. М.: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 588 с.
14. Шоган В. В. Методика преподавания истории в школе: новая технология личностно-ориентированного исторического образования: учебное пособие / В. В. Шоган. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 475 с.

УДК 331:004

ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ОТРАСЛЕЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

THE PROBLEMS OF PROFESSIONAL RETRAINING OF PERSONNEL FOR ECONOMIC SECTORS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Ковтонюк Александра Васильевна
аспирант направления подготовки 5.2.3. «Региональная и отраслевая экономика. Экономика народонаселения и экономика труда» Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ***Зыщик Екатерина Борисовна***
Kovtonyuk Alexandra Vasilyevna
postgraduate student of the field of study 5.2.3. "Regional and sectoral economics. Population Economics and Labor Economics" V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Scientific supervisor: Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute "Taurida Academy" of V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Zyshchik Ekaterina Borisovna

Аннотация. Цифровая экономика и цифровые технологии играют важную роль в науке и промышленности. Однако в России ещё не до конца сформировано понимание перспектив и проблем цифровизации в производственной сфере. Цель исследования – представить результаты анализа и варианты решения проблем профессиональной переподготовки кадров для отраслей экономики в условиях цифровизации. Были определены основные препятствия для появления высококвалифицированных кадров в условиях цифровизации производства. Также были предложены пути преодоления этих препятствий, связанных с образовательной средой, сотрудниками и их работодателями.

Abstract. The digital economy and digital technologies play an important role in science and industry. However, Russia has not yet fully formed an understanding of the prospects and problems of digitalization in the manufacturing sector. The purpose of the study is to present the results of the

analysis and solutions to the problems of professional retraining for economic sectors in the context of digitalization. The main obstacles to the emergence of highly qualified personnel in the context of digitalization of production were identified. They also suggested ways to overcome these obstacles related to the educational environment, employees and their employers.

Ключевые слова: цифровизация, профессиональная переподготовка кадров, цифровая экономика, цифровые технологии, цифровые компетенции, квалификация

Keywords: digitalization, professional retraining, digital economy, digital technologies, digital competencies, qualifications

В условиях динамичного социально-экономического развития новые тенденции цифровой экономики оказывают значительное влияние на различные сферы жизни общества. Применение современных технологий порождает множество результатов, среди которых можно выделить рост конкурентоспособности и улучшение качества жизни граждан. Формирование цифровых навыков и повышение уровня цифровой грамотности населения становятся ключевыми аспектами, обеспечивающими высокую востребованность специалистов на рынке труда. В этой связи подготовка и обучение кадров для цифровой экономики становятся всё более актуальными и необходимыми.

Современное производство, в контексте его цифровизации, предъявляет новые и всё более высокие требования к персоналу и его квалификации, что приводит к кардинальным изменениям на рынке труда [1–4].

Исследования, проведённые Институтом экономической политики имени Е.Т. Гайдара, продемонстрировали, что промышленные предприятия сталкиваются с нехваткой квалифицированных специалистов, что является основным препятствием для их развития. На Гайдаровском форуме, организованном Институтом Гайдара, РАНХиГС при Президенте Российской Федерации и Ассоциацией инновационных регионов России, обсуждались экономические и социальные проблемы, связанные с профессиональной переподготовкой кадров. В форуме приняли участие президент России В.В. Путин, руководители федеральных и региональных органов власти, а также руководители и представители крупных компаний в России [6].

В современном мире активно развивается цифровая экономика. Цифровизация экономических и социальных процессов, которая происходит благодаря внедрению передовых технологий, таких как глобальный интернет и искусственный интеллект, оказывает значительное влияние на рынок труда. В ближайшие годы произойдут значительные изменения, которые повлияют на подходы к подготовке кадров в сфере цифровых технологий. Дальнейшая автоматизация экономики с использованием алгоритмов искусственного интеллекта приведёт к тому, что многие профессии станут неактуальными. Однако на их месте появятся новые профессии. Это естественный процесс развития и усложнения общества, который был исследован специалистами уже давно.

Стоит отметить, что внедрение цифровых технологий может способствовать автоматизации некоторых рабочих процессов, что, в свою очередь, может привести к уменьшению числа рабочих мест в определённых сферах деятельности.

Исследование, проведенное Европейским парламентом, демонстрирует, что рост инвестиций в цифровизацию зачастую сопровождается увеличением количества рабочих мест для высококвалифицированных специалистов, в то время как занятость низкоквалифицированных работников, напротив, сокращается. Это указывает на то, что с внедрением цифровых технологий наблюдается изменение в структуре спроса на рабочую силу, которое отдает предпочтение профессионалам с более высоким уровнем квалификации. В результате, это может привести к уменьшению рабочих мест для работников, не обладающих специализированными навыками.

Цифровая революция требует от предприятий изменения методов работы, перехода от трудоемких к более технологичным видам организации труда. Они могут сочетаться друг с другом с заменой людей машинами и изменениями в содержании рабочих мест и навыков, условиях труда и трудовых отношениях. Пандемия Covid-19 привела к резкому росту спроса на удаленную работу и работу на платформах и ускорила цифровую трансформацию многих обычных рабочих мест. Совсем недавно искусственный интеллект (ИИ), рассматриваемый не только как технология автоматизации, но и как технология общего назначения, стал центральной темой политических дебатов о рисках всеобъемлющей цифровизации мира труда. Дебаты вращаются вокруг ИИ способности к самосовершенствованию и расширению набора автоматизируемых задач, включая задачи для высококвалифицированных специалистов. В частности, были высказаны опасения по поводу приложений алгоритмического управления на основе искусственного интеллекта, которые используются не только в экономике платформ, но все чаще и в традиционной экономике.

На текущий момент Российскую Федерацию нельзя считать ведущим государством в области цифровой экономики. Однако санкции и кризисные явления в этой сфере действуют как катализаторы, побуждающие государство активнее развивать свои позиции в области информационных технологий и высоких технологий. В результате, Россия демонстрирует рост в этом направлении, что обусловлено значительным вниманием к цифровизации.

В условиях цифровизации бизнеса сотрудникам и менеджерам компаний придётся уделять внимание развитию цифровых компетенций. В современном мире, где цифровые технологии играют ключевую роль, необходимо постоянно совершенствовать свои навыки и знания, чтобы оставаться конкурентоспособными. Как уже упоминалось ранее, в усло-

виях цифровой экономики конкуренция на рынке труда усиливается. Всё больше компаний переходят на удалённый формат работы, что позволяет сотрудникам работать из любой точки мира и сотрудничать с коллегами из разных стран.

К 2030 году, согласно недавнему докладу Глобального института McKinsey «Потерянные и приобретённые рабочие места: изменения в рабочей силе во времена автоматизации», 375 миллионам работников – или примерно 14 процентам рабочей силы в мире – может потребоваться сменить профессию, поскольку цифровизация, автоматизация и прогресс в области искусственного интеллекта кардинально трансформируют рынок труда. Компании будут пересматривать свои требования к навыкам сотрудников, что, в свою очередь, существенно повлияет на выбор карьерных путей и профессиональное развитие людей. Эти изменения могут привести к новым возможностям, но также создадут необходимость в адаптации и переобучении для успешной интеграции в изменяющуюся рабочую среду.

Насколько серьезна эта проблема? Ее масштаб можно сопоставить с грандиозным переходом от аграрного общества к индустриальному, который имел место в начале XX века в Северной Америке и Европе, а совсем недавно – в Китае. Это изменение затрагивает не только экономику, но и социальные структуры, образ жизни и мышление людей, что делает его одним из самых значительных сдвигов в истории. Но с точки зрения того, кто должен найти новую работу, мы вступаем на неизведанную территорию. Предыдущие преобразования рабочей силы происходили в течение многих десятилетий, позволяя пожилым работникам выходить на пенсию, а новым работникам – переходить в растущие отрасли. Но сегодня скорость изменений потенциально выше. Задача, стоящая перед каждой экономикой, особенно перед экономиками развитых стран, скорее всего, будет заключаться в переобучении и перераспределении десятков миллионов работников среднего возраста. Как отмечается в докладе MGI, «существует мало прецедентов, когда общество успешно переобучало такое большое количество людей» [9].

В связи с этим появляется потребность в том, чтобы люди тех специальностей которые требуют замены на другие профессии прошли переподготовку и обучение новым навыкам, которые будут более востребованы в их сфере деятельности. Также необходимо помочь специалистам адаптироваться к современным требованиям, которые предъявляют работодатели.

До сих пор растущее осознание масштабов предстоящей задачи не переросло в конкретные действия. Действительно, в большинстве стран-участниц Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) государственные расходы на обучение и поддержку рабочей силы в течение многих лет неуклонно снижались. Корпоративные бюджеты на обучение, по-видимому, тоже не растут. Но, возможно, ситуация скоро изменится.

Если взглянуть на последние пять лет, становится очевидно, что технологические изменения заставили многих работодателей переобучить или заменить более четверти своих сотрудников. Однако, если обратиться к будущему, картина меняется. Какие же основные преграды стоят на этом пути? В настоящее время существует явный дефицит понимания того, как автоматизация и цифровизация повлияют на наши будущие требования к навыкам. Эта высокая степень беспокойства среди работодателей вполне оправдана, так как множество традиционных программ обучения и переподготовки не соответствуют ожиданиям: они часто не обеспечивают четкого представления о том, как осуществить переход на новые позиции, слишком сильно акцентируются на теории вместо практики и не демонстрируют реальной окупаемости инвестиций. Для многих компаний решение проблемы переквалификации отчасти заключается в сохранении «лицензии на ведение деятельности» за счёт повышения продуктивности сотрудников.

Но самым важным фактором является следующее: с развитием цифровизации, автоматизации и искусственного интеллекта, которые трансформируют целые отрасли и каждое предприятие, ключом к извлечению потенциальной прибыли из этих инвестиций становятся люди и процессы. Без человеческого фактора и правильно организованных процессов невозможно реализовать весь потенциал новых технологий и добиться значительных результатов, способных воспользоваться этими возможностями. Грамотное управление дает предприятиям конкурентное преимущество. Вот почему подавляющее большинство руководителей предприятий заявили, что основной причиной, по которой они готовы инвестировать в переобучение, является «повышение производительности труда сотрудников».

Все это приводит к необходимости принятия мер по изменению образовательных программ, программ переквалификации и внедрению современных технологий не только в производство, но и в процессы обучения. Система образования всегда была инструментом, который отвечал потребностям рынка труда. В нашей стране система образования была создана в условиях предыдущего технологического уклада, поэтому сейчас она всё меньше соответствует требованиям цифровой эпохи.

Какие могут быть основные барьеры на пути появления высококвалифицированных кадров в цифровой экономике? Можно выделить следующие барьеры с возможными вариантами решения проблем:

1. Образовательные программы. (Разработать адаптивные образовательные программы, которые можно будет корректировать в соответствии с меняющимися запросами рынка труда).

2. Профориентация. (Увеличивать количество центров профессиональной ориентации и укреплять взаимодействие между ними и шко-

лами. Организовывать в школах мероприятия, которые помогут ученикам больше узнать о различных профессиях. Это могут быть экскурсии на предприятия, лекции и семинары от специалистов разных областей и т. д.)

3. Цифровая грамотность. (Включить в школьную программу уроки, посвящённые цифровой грамотности. Обучать основам цифровой грамотности в высших учебных заведениях вне зависимости от специальности.)

4. Заинтересованность работодателей. (Разрабатывать обучающие программы и сервисы на предприятии, ведь это выгодно для работодателей, поскольку их сотрудники будут приобретать дополнительные необходимые знания.)

5. Неиспользование современных технологий. (В зависимости от профиля учебного заведения, нужно устанавливать различное IT-оборудование. При поставке техники важно формировать культуру её использования, применять методические материалы и грамотно внедрять управленческие решения.)

Все это приводит к необходимости принятия мер по изменению образовательных программ, программ переквалификации и внедрению современных технологий не только в производство, но и в процессы обучения.

В условиях цифровизации производства происходит трансформация рынка труда, что влечёт за собой необходимость развития у работников таких качеств, как обучаемость, гибкость, адаптивность и стрессоустойчивость. Образование, наука, исследования, культура и средства массовой информации становятся основными аренами для внедрения новых цифровых технологий, при этом они также оказывают значительное влияние на эволюцию этих технологий. Эти сферы не только адаптируют инновации, но и формируют их будущее, создавая взаимосвязь, которая способствует прогрессу в цифровой эпохе. Каждый человек должен иметь доступ к обучению, повышению квалификации, непрерывному образованию и участию в экономической и социальной жизни, и государство может способствовать этому. Многие профессии станут неактуальными, и уже сейчас, на этапе развития цифровой экономики, важно понимать это и совершенствовать систему образования и программы переподготовки, чтобы обеспечить баланс между рынком труда, образованием и человеком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сосенко Н.С. Перспективы развития промышленного сектора России в условиях цифровой экономики. Управление развитием крупномасштабных систем. Мат. XI межд. конф. Т. 1 Москва, ИПУ РАН, 2018, с. 226–227.
2. Масленникова Ю.Л. Проблемы низкой подготовленности специалистов в условиях перехода к шестому технологическому укладу. Системы управления полным жизненным циклом высокотехнологичной продукции в машино-

строении: новые источники роста. Мат. Всерос. науч.-практ. конф. Москва, Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2018, с. 116–119.
3. Яценко В.В. Требования к компетенциям контроллеров инновационных проектов внаукоемких отраслях. Контроллинг, 2017, № 66, с. 48–55.
4. Скибицкий Э.Г., Фадейкина Н.В. Цифровая экономика и вопросы подготовки кадров для ее реализации // Непрерывное профессиональное образование и новая экономика. – 2018 – № 2 (3). – С. 30–37.
5. Тугускина Г.Н. К вопросу о подготовке кадров для цифровой экономики // Экономика образования. – 2020 – № 1 (116). – С. 72–79.
6. Гайдаровский форум [Электронный ресурс] URL: http://gaidarforum.ru (дата обращения 01.04.2025).
7. Паспорт национального проекта «Кадры» [Электронный ресурс] URL: http:// mintrud.gov.ru/ministry/programms/nacproekt_kadry (дата обращения 01.04.2025)
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 21.02.2024 г. № 201 «Об утверждении Положения о реализации мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан» [Электронный ресурс] URL: http://government.ru/docs/all/152307 (дата обращения 01.04.2025)
9. Manyika J., Lund S., Chui M., Bughin J., Woetzel J., Batra P., Ko R., Sanghvi S. Jobs lost, jobs gained: what the future of work will mean for jobs, skills, and wages. URL: https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-organizations-and-work/Jobs-lost-jobs-gained-what-the-future-of-work-willmean-for-jobs-skills-and-wages (дата обращения 01.04.2025).

УДК 37.02

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ РУССКИХ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ

PEDAGOGICAL IDEAS OF RUSSIAN POETS OF THE SILVER AGE: PHILOSOPHICAL CONTEXT

Гришина София Андреевна,
аспирант 1-го курса, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
Grishina Sophia Andreevna,
1st year postgraduate student, Simferopol, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. Исследование педагогических идей поэтов Серебряного века важно для современного образования, поскольку их гуманистические и творческие концепции предлагают альтернативу технократическому подходу к обучению. Обращение к философско-литературному наследию этой эпохи помогает переосмыслить роль искусства и духовного развития в формировании личности, что особенно востребовано в условиях кризиса традиционных образовательных моделей. Кроме того, междисциплинарный характер темы способствует интеграции филологических, философских и педагогических знаний, обогащая современную науку.

Abstract. The study of pedagogical ideas of the Silver Age poets is important for modern education, as their humanistic and creative concepts offer an alternative to the technocratic approach to learning. Appeal to the philosophical and literary heritage of this era helps to rethink the role of art and spiritual development in the formation of personality, which is especially needed in the conditions of the crisis of traditional educational models. In addition, the interdisciplinary nature of the topic contributes to the integration of philological, philosophical and pedagogical knowledge, enriching modern science.

Ключевые слова: Серебряный век, педагогические идеи, философия образования, русская поэзия, творческое воспитание.

Keywords: Silver Age, pedagogical ideas, philosophy of education, Russian poetry, creative education.

Серебряный век русской культуры ознаменовался глубоким взаимопроникновением художественного творчества, философской мысли и образовательных концепций. Творческая интеллигенция рубежа XIX-XX столетий выработала оригинальный синтез эстетических и мировоззренческих принципов, оказавший существенное влияние на развитие гуманитарного знания. Представители литературного творчества этого периода в своих произведениях и публицистических работах последовательно разрабатывали вопросы формирования личности, нравственного совершенствования и культурного просвещения.

Настоящее исследование ставит целью выявление и анализ образовательных концепций, сформулированных в творческом наследии литераторов указанного исторического периода. Особый интерес представляет рассмотрение этих идей в широком контексте интеллектуальных течений того времени, что позволяет раскрыть их теоретическую значимость и практическую ценность. Проведенный анализ дает возможность по-новому осмыслить вклад отечественных литераторов в развитие гуманистической педагогической традиции.

Важнейшей задачей работы становится демонстрация того, как органичное соединение художественного творчества, философской рефлексии и педагогической мысли может способствовать обогащению современных подходов к образовательному процессу. Исследование основывается на междисциплинарной методологии, объединяющей принципы литературоведческого, философского и педагогического анализа.

Творческое наследие поэтов Серебряного века раскрывает не только их художественные искания, но и глубокие педагогические размышления, в которых образование осмыслялось как важнейший путь духовного и культурного становления личности. В их произведениях и философских эссе прослеживается устойчивая связь между педагогикой, эстетикой и метафизикой: воспитание понималось не как механическая передача знаний, а как творческий процесс, направленный на пробуждение внутренней свободы и осмысленного отношения к миру.

Философский контекст эпохи, насыщенный поисками высшего смысла, абсолютных ценностей и новых форм творческого самовыражения, оказал непосредственное влияние на формирование этих педагогических взглядов. Поэты-мыслители, такие как Александр Блок, Андрей Белый, Вячеслав Иванов и Константин Бальмонт, видели в образовании не просто систему обучения, а способ преображения человека через приобщение к культуре, искусству и вечным истинам.

Эпоха Серебряного века (1890-1920-е годы) возникла как ответ на глубокий системный кризис традиционных ценностей Российской империи. На фоне стремительной модернизации общества, роста революционных настроений и утраты религиозных ориентиров русская интеллигенция предпринимала активные попытки найти новые смысловые основания бытия. Этот период характеризовался небывалым всплеском интеллектуальной активности, когда параллельно развивались и конфликтовали между собой различные философские течения – от марксизма и позитивизма до мистического символизма и религиозного экзистенциализма. Особую остроту этим поискам придавало ощущение приближающейся культурной и социальной катастрофы, что нашло отражение в знаменитом сборнике «Вехи» (1909).

Западноевропейская философия оказала решающее влияние на формирование мировоззрения Серебряного века. Идеи Ницше о «смерти

Бога» и «переоценке всех ценностей» были творчески переработаны русскими мыслителями. Шопенгауэр с его пессимистической метафизикой воли повлиял на раннего Вл. Соловьева и символистов. Интуитивизм Бергсона с его концепцией «жизненного порыва» нашел отклик в творчестве А. Белого и других модернистов. Однако это влияние не было слепым заимствованием – русские мыслители создавали оригинальные философские системы, пытаясь преодолеть западный рационализм через синтез с православной традицией.

Одновременно развивалась мощная традиция русской религиозной философии. Вл. Соловьев заложил основы философии всеединства, разработав концепцию Богочеловечества. Н. Бердяев создал оригинальную версию христианского экзистенциализма, уделяя особое внимание проблемам свободы и творчества. П. Флоренский в «Столпе и утверждении Истины» (1914) предпринял попытку синтеза богословия и математики. Эти мыслители, объединившиеся вокруг Московского религиозно-философского общества, предложили альтернативу как западному позитивизму, так и официальному православию.

Искусство и литература в этот период приобрели статус особой формы познания. Символисты (А. Блок, А. Белый, Вяч. Иванов, К Бальмонт) рассматривали поэзию как теургический акт, способный преображать действительность. В своих теоретических работах («О назначении поэта», «Кормчие звезды») они разрабатывали концепцию искусства как «жизнетворчества». Академические круги (например, психологическая школа А.А. Потебни) изучали язык как форму национального мышления. Литературные салоны и журналы («Мир искусства», «Весы», «Аполлон») стали центрами интеллектуальной жизни, где обсуждались ключевые философские вопросы эпохи.

Центральной для Серебряного века стала идея синтетического единства культуры, философии и образования. Вячеслав Иванов в докладах «О русской идее» (1909) и «О кризисе гуманизма» (1919) разрабатывал концепцию «соборного» образования. Религиозные философы (С. Булгаков, В. Зеньковский) создавали проекты христианской педагогики. Практическим воплощением этих идей стали Московский университет (где преподавали Лопатин, Трубецкой), Психоневрологический институт Бехтерева, Народный университет Шанявского. Эти учреждения пытались реализовать идеал целостного образования, сочетая научные знания с духовными исканиями, что особенно актуально звучит в контексте современных дискуссий о гуманизации образования.

Александр Блок в своем творчестве и публицистике разрабатывал концепцию воспитания через красоту и искусство, считая эстетическое начало основой духовного развития личности. В статье «О назначении поэта» (1921) он утверждал, что истинное образование должно вести к «преображению мира» через пробуждение в человеке творческого начала. Поэт резко критиковал современную ему систему образования за ме-

ханистичность и оторванность от жизненных реалий, противопоставляя ей идеал целостного воспитания, где музыка, поэзия и живопись становятся средствами постижения истины. Его цикл «Стихи о Прекрасной Даме» можно рассматривать как своеобразный педагогический манифест, где любовь и красота выступают преобразующими силами.

Андрей Белый в своих теоретических работах («Символизм», 1910) и художественных произведениях развивал идею образования как пути к глубинному самопознанию. В романе «Петербург» и мемуарах он показал кризис традиционного образования, предлагая вместо него синтез научного знания, мистического опыта и художественного творчества. Особое значение Белый придавал символическому восприятию мира, считая, что истинный педагог должен раскрывать ученикам символическую природу действительности. Его педагогические взгляды формировались под влиянием антропософии Штейнера, что нашло отражение в лекциях о ритме и словесном творчестве.

Вячеслав Иванов, один из главных теоретиков символизма, разрабатывал концепцию «соборного» образования, основанного на принципах коллективного творчества и приобщения к культурным традициям. В своих знаменитых «средах» на башне он реализовывал идеал образовательного пространства как живого диалога культур. В статье «О русской идее» Иванов утверждал, что истинное воспитание должно вести к «теургическом» преображению действительности через искусство. Его теория мистериального театра предполагала активное вовлечение зрителя в творческий процесс, что стало прообразом современных интерактивных педагогических методик.

Константин Бальмонт в поэзии и эссеистике отстаивал идеал свободного воспитания, резко выступая против любых форм педагогического догматизма. В предисловиях к своим сборникам и статьях о литературе он подчеркивал необходимость индивидуального подхода к каждому ученику, считая формальное образование убивающим творческое начало. Его стихи, наполненные образами стихий и первозданной природы, сами по себе становились инструментом воспитания чувств. В эссе «Поэзия как волшебство» К. Бальмонт развивал мысль о том, что истинное образование должно пробуждать в человеке «вечное дитя», сохраняя способность к творчеству.

Эти педагогические идеи, рожденные на пересечении поэзии и философии, представляют собой уникальный опыт осмысления образовательных практик, сохраняющий актуальность в контексте современных поисков гуманистической педагогики. Поэты Серебряного века видели в образовании не просто передачу знаний, а творческий процесс становления целостной личности, способной к преобразованию себя и мира.

Педагогические идеи поэтов Серебряного века сохраняют особую актуальность для современной образовательной парадигмы, предлагая

альтернативу технократическому подходу к обучению. В условиях кризиса традиционных образовательных моделей их концепции воспитания через искусство, развития творческого мышления и духовного самосовершенствования приобретают новое звучание, отвечая на вызовы цифровой эпохи.

Творческое наследие А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова и К. Бальмонта оказало существенное влияние на становление гуманистической педагогики, обогатив ее идеями целостного развития личности. Их подходы предвосхитили многие современные образовательные методики – от эстетического воспитания до интерактивного обучения, подчеркивая первостепенную важность пробуждения внутреннего творческого потенциала ученика, а не механического усвоения информации.

Особую ценность в современном контексте представляет их последовательная критика утилитарного подхода к образованию. В противовес узкопрактической ориентации современной школы, поэты Серебряного века отстаивали идеал образования как пути духовного становления, где знание неотделимо от нравственного и эстетического развития. Их наследие напоминает нам, что истинное образование должно быть не просто передачей навыков, а творческим процессом преображения личности, сохраняя свою актуальность, как альтернатива коммерциализации и стандартизации образовательного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый, А. Стихотворения и поэмы. Т. 2. / А. Белый. – Санкт-Петербург; Москва, 2006. – 653 с.
2. Блаватская, Е. П. Теософский словарь / Е. П. Блаватская. – Москва: Изд-во Эксмо, 2004. – 640 с.
3. Гаспаров, М. Л. Поэтика «серебряного века» / М. Л. Гаспаров // Русская поэзия «серебряного века», 1890-1917. Антология. – Москва, 1993. – С. 13.
4. Дмитриева, Н. М. Этические константы русской языковой картины мира: диахронический аспект: автореф. дис. док. филол. наук: 5.9.5. – русский язык. Языки народов России; РУДН, Москва, 2023. – 34 с.
5. Иванова, Н. П. Экспликация идеи космоцентризма в картинах окружающего мира русских писателей XIX века / Н. П. Иванова // Вісник Одеського національного університету. Філологія. – 2013. – Т. 18, № 1(5). – С. 25-32.
6. Куприяновский, П. В., Молчанова, Н. А. К. Д. Бальмонт и его литературное окружение / П. В. Куприяновский, Н. А. Молчанова. – Воронеж, 2004. – 198 с.
7. Минц, З. Г. Блок и русский символизм: Избранные труды: В 3 кн. / З. Г. Минц. – Санкт-Петербург: Искусство, 2004. Кн. 3: Поэтика русского символизма. – С. 97–102.
8. Ханзен-Лёве, А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика / А. Ханзен-Лёве. – Санкт-Петербург, 2003. – С 131.
9. Цыкунова, Г. В. Религиозные и философские идеи, мотивы, образы в художественном мире К. Д. Бальмонта: автореф. дисс. … канд. филол. наук / Г. В. Цыкунова. – Москва, 2005. – 23 с.

УДК 930.1

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СОЦИАЛЬНО–ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

FALSIFICATION OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Добренький Кирилл Владимирович
Студент 2-го курса исторического факультета Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Dobrenkiy Kirill Vladimirovich
2nd year student of the Historical Faculty of the Taurida Academy Institute of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Креминский Александр Иванович
Доцент, кандидат философских наук, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, доцент кафедры философии
Kreminsky Alexander Ivanovich
Associate Professor, Candidate of Philosophical Sciences, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Associate Professor of the Department of Philosophy

Аннотация. В статье анализируется фальсификация истории Великой Отечественной войны как социально-философская проблема. Изучается генезис искажений, их связь с политическими задачами и манипуляцией общественным сознанием. Рассматриваются ключевые направления фальсификации и их воздействие на коллективную память и национальную идентичность. Делается вывод о стратегическом характере данных искажений и их разрушительном потенциале для моральных устоев общества.

Abstract. The article examines the falsification of the history of the Great Patriotic War as a socio-philosophical problem. The genesis of distortions, their connection with political tasks and manipulation of public consciousness are analyzed. The key areas of falsification and their impact on collective memory and national identity are considered. A conclusion is made about the strategic nature of these distortions and their destructive potential for the moral foundations of society.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, направления фальсификация истории ВОВ, историческая память, социально-философский анализ, методика фальсификации, угроза исторической памяти.

Keywords: The Great Patriotic War, directions of falsification of the history of the Great Patriotic War, historical memory, socio-philosophical analysis, falsification methods, the threat to historical memory.

Тема Великой Отечественной войны была и остается весьма актуальной, потому что мы непосредственно погружены в происходящий вокруг нее социально-политический и информационный дискурс, относящийся к интерпретации исторических событий, образовательных инициатив, и международных резонансов, в связи с чем, однако, она подвергается регулярным попыткам фальсификации как со стороны иностранных, так и некоторых отечественных «доброжелателей». Особенно проблема фальсификации Великой Отечественной войны стала актуальна после распада Советского Союза и прихода в правящие круги многих государств постсоветского пространства, антисоветски и или русофобски настроенных элементов. Сюда также стоит отнести нарастание стремлений Соединённых Штатов Америки поднять свой пошатнувшийся мировой авторитет, и постоянный уход из жизни поколений военного времени – так как это провоцирует забвение исторической памяти [3, с.87].

В связи с ныне весьма актуальными событиями, тенденции по пересмотру итогов Великой Отечественной войны набирают все более широкие масштабы (особенно после начала Специальной Военной Операции). Все более звучат тезисы, дискредитирующие или откровенно обвиняющие СССР в тех или иных преступлениях против мирного населения и искажении исторических событий.

Феномен фальсификации истории имеет сложные социальные корни, к тому же он регулярно подпитывается политическими целями и идеями разного рода государств и людей [9, с.269-270]. Так как замена «неправильного» прошлого на «правильное», создает прецедент легитимации или оправдания действий, поражений, побед, осуществленных под руководством определенной правящей элиты. Социальным генезисом корней фальсификаций является факт того, что они предлагают упрощенную или героизированную, или демонизированную версию событий, из-за чего она лучше служит дальнейшим задуманным целям (Особенно это заметно на территории Прибалтики и некоторых стран СНГ, где события ВОВ освещаются чуть ли не как национально–освободительная война против советской оккупации [10, с.50]).

Также, одной из социальных основ фальсификации истории может быть психологическая защита от правды и стыда за прошлое – например стремление найти виноватых в поражении, или неудаче, или в проявлении коллаборационизма. Для этого механизма в том числе характерно перекладывание своей вины за определенные действия на других [8, с.175-176].

Главная задача таких действий – добиться консолидации общества или отдельной его группы, на новых, политически выгодных для авторов фальсификаций основаниях, что становится особенно опасным, когда искажение истории используется для разжигания национализма или оправдания дискриминационных настроений.

С точки же зрения фальсификации Великой Отечественной войны в современности, это совершается с целью подорвать авторитет советского государства, как освободителя человечества от идей нацизма, и последу-

ющим дискредитированием Российской Федерации как одного из виновников начала второй мировой войны, в том числе это также способствует разложению коллективной памяти и служит угрозой национальной идентичности внутри самого российского общества.

В целом же, данную проблему также необходимо рассматривать не только как проявление инициатив отдельных лиц и государств не жалующих Российскую Федерацию на мировой арене, а как информационную войну, начатую странами Европы и Америки с целью нарушить Российскую государственность и морально подавить Россию.

С философской точки зрения, сохранение истины о Великой Отечественной войне представляет собой высший этический императив. Это акт нравственного долга перед поколением победителей, отдавшим жизнь за свободу Родины и будущее человечества. Фальсификация истории в данном контексте есть не просто искажение фактов, а глумление над священной памятью, попрание основополагающих моральных устоев общества и предательство заветов предков.

Таким образом, искажение фактов о Великой Отечественной войне не является единичным случаем, а представляет собой комплекс методов, затрагивающих различные уровни работы с источниками и нарративами. В практике фальсификации обычно применяют следующий набор приёмов: эмоциональное давление вместо опоры на достоверные данные; прямое искажение и подтасовка информации с нарушением её хронологической и логической последовательности; а также умалчивание ключевых фактов [7, с.260]. Проникая во все сферы – от школьных учебников до медиа, фальсификация ВОВ формирует чёткие рамки и направления своего воплощения, среди них можно выделить некоторые основные:

Во-первых, это создание конструкта «Равной ответственности» А. Гитлера и И. В. Сталина в развязывании Второй мировой войны [4, с.46], как например резолюция Европарламента от 19 сентября 2019 года «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», в которой высказывается тезис, будто бы заключение Пакта Молотова-Риббентропа есть разделение Европы между двумя тоталитарными режимами, что проложило дорогу к началу Второй мировой войны. Однако, совершенно игнорируется факт того, что СССР позже всех подписал пакт о ненападении, находясь при этом, под сильным давлением политической обстановки, сложившейся в тот период [1, с.73].

Во-вторых, это принижение или отрицание роли СССР в деле уничтожения нацизма, что неоднократно можно заметить в политике США и европейских государств. Например, Белый дом 9 мая 2020 года заявил, что «Победу над Германией во Второй Мировой Войне одержали фактически только США и Великобритания», но все это лишь малая часть [7, с.263].

В-третьих, это целенаправленное очернение освободительной миссии Красной Армии, призванное представить её не как освободительницу, а как захватчика, осуществившего повторную оккупацию и нарушившего суверенитет освобожденных стран Восточной Европы [5, с.68].

В-четвертых, фальсификация проявляется через систематическое обесценивание Победы СССР. Фальсификаторы делают акцент на колоссальных потерях, которые якобы свидетельствуют о «бесполезности» или «попустительстве» советского руководства. Фальсификаторы подчёркивают число жертв, чтобы продвинуть тезисы о «бездарности командования» и «насилии над своим народом», утверждая, что Красная армия «закидывала врага телами» [2, с.122]. Вместо уважения к самоотверженности миллионов они пытаются свести всё к бездушным расчётам. В том числе, среди некоторых западных историков распространена концепция приуменьшения или вовсе отрицания роли Сталинградской битвы, как этапа коренного перелома входе Второй Мировой войны, ставя ее в один ряд с менее значительными боевыми действиями, происходившими на африканском театре, вроде сражения при Эль-Аламейне [6, с.189-190].

Подобного рода манипуляции с историческими фактами служат геополитическим интересам странам противникам Российской Федерации, поскольку они позволяют: дискредитировать престиж России в мире как победителя, легитимизировать расширение военно-политических структур вроде НАТО и формировать идеологию «общемирового врага», которым, якобы, является РФ.

Таким образом, искажение событий Великой Отечественной войны сегодня выступает не как случайное явление, а как целенаправленная стратегия, направленная на перераспределение смыслов и переоценку исторических событий. В этом контексте фальсификация истории приобретает не только политическое, но и глубоко социально-философское измерение, затрагивая вопросы идентичности, памяти, ответственности и моральных оснований общественного сознания. Манипуляции с историей становятся способом влияния на коллективное восприятие и средством воздействия на внутреннюю целостность общества и инструментом геополитического давления. Проблема фальсификации истории ВОВ усложняется еще и тем, что подобные «интерпретации», зачастую преподносятся в обертке научной объективности, опираясь при этом на выборочную подачу фактов, подмену понятий и стирание исторического контекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопьянц А. С. Современные фальсификации Великой Отечественной Войны // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. 2020. №2 (8). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-falsifikatsii-istorii-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения: 26.05.2025).
2. Александров-Деркаченко П. Цена свободы / П. Александров-Деркаченко // Свободная Мысль. – 2021. – №5(1612). – С.119-130.

3. Баймухамбетов К. Фальсификация Великой Отечественной войны в аспекте формирования исторического сознания молодежи / К. Баймухамбетов, В. Солонько // Педагогические науки и профессиональное образование. – 2014. – №3(52). – С.82-86.
4. Басик И. И. Оборона или наступление? Правда о Великой Отечественной… основные направления фальсификации истории второй мировой войны и Великой Отечественной Войн и противодействие им в современных условиях / И. И. Басик, Д. Г. Гужва // сборник материалов всероссийской научной конференции: «Поклонимся Великим тем годам…» (к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне) / сост. Ю.А. Иванченко. – М: Московский ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2020. – С.42-61.
5. Воробъёва Л. М. Фальсификация истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: современные процессы и тенденции / Л.М. Воробъёва // Материалы международной научно-практической конференции: Великая победа и современность. К 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне / отв-ред Ю.А. Борисёнок. – М: Степаненко, 2010. – С.63-70.
6. Кузинец И. М. Трудные дороги войны: к 70-летию победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг. / И. М. Кузинец . – СПб: Бранко, 2015. – 216 с.
7. Лашкин Н. А. Проблема фальсификации истории Второй мировой войны в контексте принижения вклада СССР в Победу / Н. А. Лашкин // материалы военно-исторической конференции: «Великая Отечественная война в исторической памяти»: посвященной 75-летию Великой Победы , Москва, 20-27 ноября 2020 года. / сост. С.С. Кузнецов и др…; под-ред. А. М. Кабаченко, О.В. Тимофеева. – М: МГИМО-Университет, 2022. – С.224-228.
8. Лепехин В. А. К вопросу о методологии фальсификации истории Великой Отечественной Войны / В. А. Лепехин // сборник материалов всероссийской научной конференции: «Поклонимся Великим тем годам…» (к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне) / сост. Ю. А. Иванченко. – М: Московский ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2020. – С.172-187.
9. Никитин А. Н. Генезис фальсификации истории Великой Отечественной Войны и меры противодействия им / А. Н. Никитин, М. А. Никитина // сборник материалов всероссийской научной конференции: «Поклонимся Великим тем годам…» (к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне) / сост. Ю.А. Иванченко. – М: Московский ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2020. – С.267-273.
10. Шишкин И. С. Фальсификация истории Великой Отечественной Войны в учебниках и процесс национального государственного строительства на постсоветском пространстве / И.С. Шишкин // Великая Отечественная война 1941-1945 гг. в исторической памяти Приднестровья/ отв-ред. И.М. Благодатских. – Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2011. – С.48-53.

УДК 130.2

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И ЗАБВЕНИЕ
CULTURAL MEMORY AND OBLIVION

Добрева Ваня
доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Культура, историческое наследие и туризм» Университета библиотековедения и информационных технологий
Dobreva Vanya
Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Culture, legacy and tourism of SULSIT

Аннотация. В статье представлено исследование исторической памяти на примере общества Болгарии. Особое внимание уделяется репрезентации забывания в мифотворчестве. Проводится исследование наиболее показательных примеров забывания культурного наследия в различные временные промежутки истории.

Abstract. The article presents a study of historical memory using the example of Bulgarian society. Special attention is paid to the representation of forgetting in myth-making. A study is conducted on the most illustrative examples of cultural heritage forgetting in various time periods of history.

Ключевые слова: забвение, культурная память, Болгария, СССР, мифы.

Keywords: oblivion, cultural memory, Bulgaria, USSR, myths.

Известно, что древние воспринимали память как характерную черту человека. С титанидой Мнемозиной они связывали как способность человека хранить воспоминания, так и его умение пользоваться языком и словами. Ведь память – это естественная временная связь событий и обстоятельств прошлого с настоящим и будущим, через нее формируется сущность человека, передаются знания, опыт и эмоции. Природа облагораживается, окультуривается, приобретает культурный характер.

Мнемосина, как повествуют мифы, вместе с Зевсом создала девять муз – богинь вдохновения, творчества и искусства. Их отличительной особенностью как дочерей Мнемозины является то, что они также являются хранительницами знания, понимаемого как духовная и культурная сущность. Их избранники, художники, в первую очередь берут на себя обязанность передавать воспоминания, чтобы сохранить и развить знания, скрытые в мифах, музыке, танце, образах и интерпретации персонажей. Таким образом, искусство приобретает важную культурную функцию обозначения пространства человека через формулирование и достижение духовных ценностей, в современных терминах – через его

гуманизацию, осуществляемую через гарантированную временем культурную преемственность, через формирование и стабилизацию категорий идентичности.

Если для человеческого обитаемого пространства характерна память, на которой строится принадлежность и самосознание, то другое, нечеловеческое пространство отмечено забвением. Путешествие теней в царство Аида неизбежно предполагает питье из фонтана Леты, реки забвения. Тени умерших должны потерять память о том, кто они, к кому принадлежат, то есть утратить свою идентичность, сознание культурной роли человека, способность пользоваться языком и словами. В царстве Аида нет места ни Мнемозине, ни Музам, их власть – над живыми людьми, где память и воспоминания являются основой человеческого мышления и ориентации.

Итак, античная мифология представляет взгляд на человека по дихотомии память/забывание: живой человек – носитель памяти и воспоминаний, мертвый – преданный забвению. Определение Аристотеля о том, что человек – социальное животное, можно также обсудить в контексте того, что Морис Халбвакс сказал об индивидуальной памяти, когда воспоминания касаются отдельного человека, и об коллективной, групповой, памяти, когда накапливаются воспоминания и обстоятельства, относящиеся к большой группе или нации. Индивидуальная память является частью коллективной памяти, которая гораздо богаче и связывает порядок прошлого с настоящим, влияя на будущее [1].

С другой стороны, согласно мифологической интерпретации, забывание – это потеря памяти, а значит, и сознания идентичности, принадлежности. Это тоже и знак инаковости, обретения нечеловеческой сущности, а значит – инаковости. Стирание памяти связано с исчезновением культурных накоплений и диахронических взаимодействий. Относительно нового времени забывание – это также стирание воспоминаний и памяти, что отражается на целостности личности. Исследователи обращают внимание не только на отрыв индивида от родной социальной группы, прерывание социальных контактов, но и на потерю памяти и стирание воспоминаний как индивидуальных, относящихся к ответу на вопрос «Кто я?», так и историко-культурных, «Кто мы?».

Один из примеров, связанных с болгарской историей и свидетельствующих о механизмах забывания, относится к периоду османского владычества. В качестве особого вида налога, называемого налогом на кровь, из болгарских семей забирали мальчиков. Оторванные от семейного окружения, эти мальчики быстро забывали свое происхождение и язык, их подчиняли и обучали военным навыкам. Эти религиозно ортодоксальные болгарские мальчики становились самыми ревностными мусульманами, самыми преданными слугами, обогатителями и поработителями

болгарского народа. История изобилует примерами чудовищных злодеяний против болгарского населения, совершенных эничерами, родившимися как болгары, но с полностью стертой памятью. Итак, забвение – об этом свидетельствуют различные исторические примеры – используется как подход для трансформации человека и подчинения его чужим целям и задачам. Чужим в смысле отличным и противоположным представлениям, идеям, ценностям группы, сообщества, к которому принадлежит индивид.

Механизмы забывания в современном контексте глобализма активно выдвигаются в качестве стратегического подхода к рефреймингу культурной идентичности как на национальном (сообщество), так и на индивидуальном (личность) уровнях. Задача состоит в том, чтобы через неолиберальные доктрины – идеологическое обоснование развития моноцентричного мира – насадить клише и шаблоны, удобные для моноцентризма, чтобы стереть или, по крайней мере, изменить путем аброгации историческую и культурную память.

Характерной попыткой такого вмешательства в культурную историю Европы является трансформация исторической и культурной памяти о Второй мировой войне и значении жертвы народов СССР и России для победы над нацизмом и гитлеровским фашизмом. Во-первых, затушевываются предшествующие ей события, которые показывают, что Запад (Великобритания и Франция) в то время был в плену своей антикоммунистической истерии и тайно поддерживал Гитлера в его стремлении уничтожить СССР. Во-вторых, неолибералы особенно усердствовали в своих попытках трансформировать правду о культурно-историческом развитии Восточной Европы, социалистических стран, после окончания войны, представляя его в исключительно негативном свете, как результат вмешательства и диктата Советского Союза.

На уровне культуры – это переосмысление воспоминаний находит свое выражение в трех навязанных концептах, выражении безудержной русофобии и последовательном конструировании образа паразита – России и президента Путина. Во-первых, антикоммунизм. Сразу после перемен 1989 года, например, в Болгарии, исторические факты и обстоятельства, связанные с развитием левых идей в XX веке, подверглись новому прочтению, причем с задачей провести четкие разделительные линии с Советским Союзом и его ролью в процветании Болгарии. В связи с этим из литературной классики исключаются произведения крупнейших болгарских поэтов и писателей, посвященные Великой Октябрьской революции, победе Красной армии во Второй мировой войне и т. д. В театре и кино, в средствах массовой информации, в публикуемых новых произведениях художественной литературы муссируются антикоммунистические представления о пагубной роли СССР в судьбе народов Восточной Европы. Таким образом, стали набирать силу антикультурные тенденции, культовые авторы и произведения стали забываться из-за их советского происхождения.

Одним из результатов этого процесса целенаправленного забвения является политика возрождения нацизма и фашизма. Фактом является реабилитация фашистских главарей и замалчивание их преступлений за счет массового восприятия их как жертв коммунизма советского образца. И, что показательно, эти процессы возрождения нацизма стимулируются в основном в странах, которые в 1930-1940-е годы присоединились к Тройственному пакту и играли роль верных сателлитов Гитлера. С этим связаны и новые трактовки происхождения народов, которые получают все большее распространение. О болгарах – на современном этапе, например, информация о славянском родстве все больше сокращается, за счет исключительности протоболгарского происхождения. Это не новое утверждение, а возрождение идеологемы 1920-1930-х годов, иллюстрирующей связи между болгарами и немцами по арийской линии.

С другой стороны, стимулируются писатели, которые в своих произведениях приводят доказательства преступлений коммунистов, особенно антифашистов. Их произведения переводят на английский язык и тут же награждают престижными американскими или западноевропейскими литературными премиями. То же самое происходит и с производством болгарских фильмов, посвященных злодеяниям коммунистов во второй половине XX века. Подчеркну, что правда об этих событиях совершенно иная и раскрывает суть процессов и явлений под совершенно другим углом. Однако факт остается фактом: с помощью культурных инструментов подменяется основа памяти – включаются ложные воспоминания, вырываются из контекста обстоятельства с целью насаждения русофобского мышления и ненависти.

С этим связаны распространенные трактовки катастрофического экономического и культурного развития Восточной Европы после 1945 года как результата взаимодействия с СССР. Несколько дней назад вышла впечатляющая научная работа «Болгарский век» болгарского ученого-историка проф. Искры Баевой, философа проф. Димитара Денкова и экономиста проф. Бояна Дуранкева. В ней они анализируют исторические события, а также развитие идей и экономических показателей в рамках XX-XXI вв. Любопытно, что экономические факты (как и данные авторитетных американских изданий) показывают, что до и во время Второй мировой войны Болгария была небольшой сельской страной с преимущественно натуральным хозяйством. Ее отсталость по сравнению с развитыми западными странами объяснялась 500-летним османским владычеством, которое оказало длительное влияние на национальное развитие. Опять же, факты показывают, что во второй половине XX века, в период существования социалистического государства, Болгария достигла среднеевропейского уровня экономического развития [2].

Авторитетные болгарские исследователи раскрывают историческую правду о том, что во второй половине XX века Болгария, как и другие

европейские страны (западные и восточные), достигла подлинного значения государства всеобщего благоденствия – были построены современные поселения с развитой инфраструктурой и национальными культурными институтами. Национальная литература, театр, кино и музыка достигли своего расцвета. Ускоренными темпами ликвидирована неграмотность, а в образовании применяются современные технологии и подходы. Болгарская культура развивает как традиции, так и самые современные взгляды, приобретая тем самым национальный характер. Важно отметить, что болгарская культура развивается как массовая, обеспечивается равный доступ к качественным культурным достижениям – национальным, западноевропейским, американским, советским/российским.

После перемен 1989 года равный доступ стал желаемым политическим лозунгом, который фигурировал почти во всех предвыборных материалах. На деле же массово стали производиться западные культурные продукты, в основном американского происхождения, с низкими или средними эстетическими качествами. Набирает обороты культура упразднения, вновь ставящая своей задачей стирание культурной памяти. Из учебников литературы в Болгарии исчезают произведения великих болгарских писателей, посвященные России и доброте болгарского народа за ее жертвы. Из учебников истории исчезли исторические события, связанные со Второй мировой войной, а затем и те, что касаются роли России в освобождении болгарского народа от османского владычества. Однако основное внимание уделяется немногочисленным примерам русофобских политических акций. Недавно была предпринята новая попытка культурной подмены – раздались голоса о полном отказе от болгарской классики на том основании, что она представляет слишком трагические исторические события. И этот голос снова является частью продолжающейся неолиберальной стратегии по стиранию культурной памяти.

Вместо заключения. Очевидно, что в переходные времена усиливаются атаки на подлинное содержание культурной и исторической памяти. И это можно отметить как политический тренд нашего времени. Что помнить – оказывается частью политической стратегии, целью которой является легитимизация очередной мечты о тысячелетнем рейхе. Но память, как я уже подчеркивал, характеризует живых людей, она – основа самоопределения и чувства принадлежности. И независимо от попыток упразднить, стереть культурную память – на генетическом уровне она способна активизироваться, возрождая истинный культурный смысл и значение памяти в национальной и индивидуальной памяти человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Халбвакс М. Колективната памет – София: ИК «Критика и хуманизъм», 1996. – 6 с.
2. Баева, И., Денков, Д., Дуранкев Б.. Един български век. – София: Изток-Запад, 2025. – 592 с.

УДК 94:32

РОЛЬ МИФА В БОРЬБЕ ЗА ИСТОРИЮ И ИСТОРИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ ПОСЛЕ РАЗВАЛА СССР В КРЫМУ И СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

THE ROLE OF MYTH IN THE STRUGGLE FOR HISTORY AND HISTORICAL MEMORY AFTER THE COLLAPSE OF THE USSR IN CRIMEA AND THE NORTHERN BLACK SEA REGION

Ставицкий Андрей Владимирович
кандидат филос. наук, доцент, г. Севастополь, Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе, доцент кафедры истории
Stavitskiy Andrey Vladimirovich
Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Sevastopol, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Associate Professor of History Department

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению роли мифа в борьбе за историю и историческую память, которая развернулась в новых республиках на постсоветском пространстве и привела к росту напряженности между народами и государствами, а на территории Украины даже к гражданской войне и СВО.

Abstract. The article is devoted to the role of myth in the struggle for history and historical memory, which unfolded in the new republics in the post-Soviet space and led to growing tensions between peoples and states, and in Ukraine even to civil war and SMO.

Ключевые слова: миф; национально-историческая мифология; историческая политика; историческая память.

Keywords: myth; national-historical mythology; historical policy; historical memory.

Носящие переломный характер современные глобальные процессы, вынуждают науку и общество кардинально пересматривать свои представления там, где происходящее в них не вписывается. И миф оказался в их числе, создав такую ситуацию, когда не просто игнорировать его нельзя, но крайне опасно держаться тех устаревших представлений о мифе, которые не дают возможности понимать и контролировать его в новых условиях. Впрочем, напомним, что сам процесс пересмотра отношения к мифу начался более двухсот лет назад, когда на волне научных достижений казалось, что с мифом покончено раз и навсегда. И это казалось правильным, потому что миф в рамках господствующей рациональности казался для человека разумного позорным. Но миф почему-то выжил, вернулся и начал проявлять себя в самых разных сферах, где ранее его не замечали. Сначала процесс ремифологизации пытались объяснять пере-

житками прошлого и тотальной деградацией людей. Однако дальнейшие исследования мифа показали, что это не так. А его роль в истории местами выглядит решающей, как это произошло с развалом СССР, особенно с учётом того, что любая власть держится на общественном мнении, а мнение формируется мифами, которыми общество живёт. Естественно, их можно называть порочными и ложными, но сам перевод мифа в режим дихотомии «правда/ложь» вызывает у его исследователей серьёзные сомнения, поскольку и наука развивается, обновляя старые знания на новые, объявляя их истинными, пока не придёт время и их сменить.

В своём исследовании автор опирался на открытия и идеи философов, психологов, культурологов, филологов, семиологов, заложивших основы неклассической мифологии (Э. Кассирер, К. Леви-Строс, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, К. Хюбнер, М. Элиаде, К. Г. Юнг), а также современных исследователей, объединившихся вокруг ежегодной Международной научной конференции «Миф в истории, политике, культуре» (А. В. Баранов, А. М. Буровский, О. А. Габриелян, Д. В. Гарбузов, И. И. Евлампиев, К. Ф. Завершинский, А. В. Карабыков, С. А. Маленко, В. М. Найдыш, А. Г. Некита, М. В. Пименова, В. С. Полосин, А. Н. Садовой и др.) [1].

В отличие от классического и обывательского подхода, которые рассматривают миф как ложь, представители неклассической мифологии полагают, что миф не ограничивается сказаниями о богах и героях и не исчез в далёком прошлом, когда «Логос вышел из Мифа» по мере развития наук, но органично присущ человеку и обществу в силу особенностей их природы, никуда не уходя, но лишь меняя свои формы, приспосабливаясь к тем социокультурным запросам, которые общество и человек всегда с помощью мифа решали. При этом свои мифы общество обычно не распознаёт, воспринимая их как ценностно осмысленную, логически обоснованную и пережитую в литературе и истории реальность, органически ей присущую, формально продолжая с мифом бороться уже хотя бы в силу сложившихся под воздействием науки классических установок, которые в нынешних условиях уже сами несут свой мифологический заряд, хотя, согласно результатам новейших исследований, любые взгляды людей, их представления о мире, обществе, особенно, событиях истории, о всём, что мы причисляем к сакральному и мирскому, как бы они их научно ни обосновывали, всегда в силу природы их возникновения и развития будут включать в себя мифологический формат, который, с одной стороны, противостоит строго научному знанию, а с другой – его дополняет [4].

Поэтому и человек:

– неизбежно занимается мифотворчеством, вплетая в полученные и развиваемые им знания свои страхи, надежды, мечты, не просто узнавая историю, но её переживая, проецируя на себя и выстраивая под себя ту историческую реальность, в которой он пребывает;

– всегда пребывает внутри того мифа, на основе которого исторически возник его мир, а миф пребывает в нём, делая его идентичным обществу, разделяя его взгляды и ценности.

При этом очевидно, что миф играет и будет играть в жизни человека и общества огромную роль в силу своей суггестии, т.к. он обращён не столько к уму, сколько к сердцу, определяя характер и масштаб той непрекращающейся ноомахии, которая идёт постоянно в ходе исторического взаимодействия между различными культурами, народами, цивилизациями, разделяя мир на «своих» и «чужих». И огромную роль в этих процессах играют историки уже в силу того, что именно они дают пищу для мифотворчества, формально пытаясь остаться от этого процесса в стороне и предпочитая не замечать мифотворчества в истории, хотя она предоставляет пространство и материал для формирования и утверждения тех мифов, которыми люди будут жить.

Особенно это заметно по той роли, какую сыграла история для постсоветских государств, где практически каждая новая власть, отказавшись от общей советской идентичности, принялась создавать для своего общества новую, национальную, особую, используя историю в качестве средства своей исторической и политической легитимации. И историки выполнили этот заказ с помощью мифотворчества, в котором до сих пор не признались, в известном смысле воплотив то, что у З. Фрейда называлось «Эдиповым комплексом», только в данном случае – применительно к каждой стране.

В результате произошёл резкий поворот, когда, не сделав никаких принципиально новых открытий после защиты своих кандидатских и докторских, учёные стали отстаивать те взгляды, которые ранее считали ошибочными и вредными, буржуазными и национальными. Причём для грамотной манипуляции уже имеющейся информацией им не понадобилось даже представить новые исторические источники. Достаточно было просто ввести в «научный оборот» или придать новый смысл старым дефинициям, купировать ключевые документы, актуализировать старые забытые идеи, сместить акценты на прямо противоположные, и общая картина полностью преобразилась, превратив ранее процветавшие советские республики в неоколонии России.

Применительно к Украине Украинская советская социалистическая республика (УССР), чьи выходцы возглавляли СССР, довольно быстро превратилась в угнетаемую российскую колонию, борьба за освобождение которой составляла многовековой смысл существования украинского народа, веками пытавшегося вырваться из «азиатского» плена, чтобы вернуться в родную и милую ему Европу. Для обоснования такого своего «цивилизационного выбора» украинская элита использовала целый комплекс мифов, многими из которых занимались сотни «исследователей», а порой и целые институты [2]. На основе их уже при президенте Л. Д. Кучме были написаны учебники, учившие новые поколения украинцев ненавидеть Россию, обвиняя её в своих проблемах и бедах.

В результате усилиями историков была создана целая мифологическая система, имевшая своих творцов (отцов-основателей), отвечавшая на ключевые вопросы любой истории «Кто мы? Откуда? Куда идём?», не имевшая ничего общего с русской историей кроме того, что Россия веками пыталась Украину закабалить и русифицировать, но та сумела выстоять и теперь, добившись в неравной борьбе долгожданной свободы, не только расцветёт, но и будет принята в «братскую семью» европейских государств как равная с равными. Наиболее известные из них: мифы об «украинско-московских войнах», начало которым было положено взятием и разграблением Киева в 1169 году; миф об Украине как колонии Российской империи; отвечавший за «европейский выбор» миф о Переяславской раде, на которой «народ был обманут»; миф о «Батуринской резне» 1708 года, согласно которому князь Меншиков по приказу царя Петра утопил в крови резиденцию гетмана Мазепы; миф об отсталой Галичине как «украинском Пьемонте», ставшем центром украинского Просвещения; миф о «голодоморе», которым ломали и истребляли украинцев во время коллективизации; мифы о геройских «вояках УПА», воевавших одновременно против Гитлера и Сталина, а в конечном итоге решением Верховной Рады записанных в состав антифашистской коалиции; мифы о «славных вождях» Мазепе, Петлюре, Бандере и многие другие [3]. К сожалению, довольно быстро данная историческая мифология привела к гражданскому противостоянию на Украине, майданам, а затем и к гражданской войне, не только расколовшим страну на два враждебных лагеря, но и приведшим к нынешним военным действиям, стоившим Украине сотней тысяч жизней, ставя задачу снять данную проблему полностью в интересах тех, кто хочет жить в мире ради общего будущего, когда украинский проект завершится, а обслуживающая его мифология будет не просто объяснена и детально разобрана, но и высмеяна. И эту задачу следует обязательно решить, дабы с ней не получилось, как с лернейской гидрой во втором подвиге Геракла, когда на месте одной отрубленной головы гидры тут же вырастало две, пока их не начали прижигать.

Как видим, нам не удалось предотвратить возникновение и развитие национально-исторической мифологии Украины, которая представляет собой единое ветвистое древо со своими корнями и кроной, но нам придётся с ней покончить так, чтобы она не давала в будущем метастазы, которые обходятся России слишком дорого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов VI Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2022 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. – Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2023. – 574 с.
2. Родин С. Отрекаясь от русского имени / С. Родин. – М.: Крымский мост-9Д, 2006. – 476 с.
3. Ставицкий А. В. Национально-исторический миф Украины / А. В. Ставицкий. – Севастополь: Рибест, 2015. – 748 с.
4. Ставицкий А. В. Онтология современного мифа / А. В. Ставицкий. – Севастополь: Рибэст, – 543 с.

УДК 316.72 + 008

КУЛЬТУРНЫЕ ИНДУСТРИИ КАК СПОСОБ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО ВЛИЯНИЯ

CULTURAL INDUSTRIES AS A WAY OF CONTEMPORARY GLOBAL INFLUENCE

Швецова Антонина Викторовна
доктор философских наук, профессор, декан факультета социокультурной деятельности Крымского университета культуры, искусств и туризма
Shvetsova Antonina Viktorovna
Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Socio-Cultural Activities of Crimean University of Culture, Art and Tourism
Гаспарян Людмила Сергеевна
кандидат политических наук, начальник отдела аспирантуры и магистратуры Крымского университета культуры, искусств и туризма
Gasparyan Lyudmila Sergeevna
Phd in Political Sciences, Head of the Department of Postgraduate and Master's Studies of Crimean University of Culture, Art and Tourism

Аннотация. В статье анализируется влияние культурных индустрий на формирование культурной идентичности. Авторы приходят к выводу, что распространение культурных индустрий может стать основой для формирования ценностного восприятия культуры, как внутри страны, так и в процессе распространения традиционных ценностей на мировую арену.

Abstract. The article analyzes the influence of cultural industries on the formation of cultural identity. The authors conclude that the spread of cultural industries can become the basis for the formation of value perception of culture, both within the country and in the process of spreading traditional values to the world arena.

Ключевые слова: культурные индустрии, культурное влияние, культура, идентичность.

Keywords: cultural industries, cultural influence, culture, identity.

Культурное влияние имеет огромное значение в современном мире. В последнее время оно рассматривается как один из способов сохранения национального суверенитета.

Особенностью современного развития стало стремительное распространение информационных технологий и чрезмерная открытость ин-

формационного пространства, что приводит к фрагментации культурных норм. Главные продукты культурного «производства» – смыслы, культурные коды, ценности, образцы поведения – все то, что можно назвать культурной аутентичностью, приобретают искаженное значение под воздействием информационного потока. Открытость информационного пространства создаёт риски внешнего вмешательства, манипуляции и эрозии культурной идентичности.

К наиболее характерным чертам современной культурной идентичности исследователи относят многомерность, фрагментированность, размытость. Как пишет С.А. Ильиных «…идентичность потребителя формируется в непрерывном информационном поле, но при этом человек в принципе не в состоянии полноценно освоить тот непрерывный поток информации, развлечений, коммуникаций, который сегодня присутствует в обществе» [1, с. 32].

«Неопределенность в отношении идентичности…», как отмечает Ф. Фукуяма – «…это естественное проявление жизни в современном мире» [2, с. 204]. Модернизация означает постоянные изменения и разрушение старых форм и связей, а также возможности, отсутствовавшие прежде. Такие тенденции актуализируют вопрос формирования целостного, не размытого представления о себе и своей индивидуальности, а, соответственно, и того мира культуры, который пронизывает буквально все сферы жизни человека. Культура, несмотря на достаточно нечеткие очертания, выполняет функцию моделирования образцов поведения.

Достаточно эффективным способом балансирования между сохраняемыми и преобразуемыми образцами поведения, которые невозможно не замечать вследствие процесса цифровизации, является создание и поддержка среды, производящей культурные продукты, что непосредственным образом влияет на поведенческие мотивы и формирование определенного образа мышления. Производство и распространение таких продуктов получило название «культурные индустрии».

Введение и употребление нового понятия явилось попыткой повлиять на дискуссии о ценностях искусства и культуры. Департамент культуры, медиа– и спорта Великобритании сформулировал понятие «культурные индустрии», согласно которому они определяются как «…деятельность, в основе которой лежит индивидуальное творческое начало, навык или талант, и которое несет в себе потенциал создания добавленной стоимости и рабочих мест путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности [3, с. 672]».

В качестве главной цели культурных индустрий Флиер называет стимулирование, поддержание и обеспечение коллективного характера человеческой жизнедеятельности, ее устойчивости и продуктивности в коллективных формах [4]. То есть, цель культурных индустрий заключается в возрастании уровня социализированности культурных потребителей, что создает основу для социальной консолидации.

Следует сказать, что в настоящее время культурные индустрии являются одним из наиболее динамично развивающихся секторов мировой экономики и международной торговли. Они рассматриваются как индустрии с преобладанием творческого труда и высокой добавленной стоимости. Подчеркивая значимость творческой составляющей и расширение сферы влияния культурных индустрий вплоть до производства информационного контента. Например, компьютерные игры, которые зачастую трудно отнести к классическому пониманию культуры, все чаще рассматриваются в контексте термина «креативные индустрии», который подразумевает способность людей находить нестандартные решения в любой сфере: как в промышленности, так и в искусстве. «В любой отрасли нужно креативное мышление и нестандартные решения, чтобы по-новому создавать условия и среду, которая будет окружать человека и влиять на его жизнь» [5].

По объему валовой добавленной стоимости мировыми лидерами в сегменте креативных индустрий сегодня являются США и Китай. По доле креативных индустрий в ВВП страны первое место занимает Италия (6,1%), затем Великобритания (5,8%) и Австралия (5,7%) [6]. Согласно прогнозу G20 Insights, креативная экономика может составить 10% мирового ВВП к 2030 г [7].

Вклад креативной экономики в ВВП России составляет 3,5%. В ней занято 4,6 млн. россиян. Исследование национальный исследовательского университета «Высшая школа экономики» и института статистических исследований и экономики знаний показало, что в России основной вклад в развитие креативной экономики по доле в ВВП вносят информационные технологии (26%), реклама и СМИ (16%) а также гастрономия (14%) [8].

По оценке Росстата вклад креативных индустрий в ВВП к 2030 году должен достигнуть 6% российской экономики [9].

Таким образом, креативные индустрии становятся сегодня важным показателем культурного развития. Они наращивают свое влияние вследствие неограниченного использования творческого потенциала в производстве новых продуктов и транзакций, спрос на которые растет в контексте развития общества потребления. Следует отметить, что, несмотря на экономический детерминизм, креативные индустрии способны актуализировать культурные и духовные ценности, развивать творческий потенциал населения и тем самым оказывать положительное влияние на устойчивое развитие общества в целом. Это напрямую связано с формированием новой идентичности, которая, как мы писали в начале, характеризуется фрагментированностью и размытостью. Развитие креативных индустрий может стать драйвером не только для развития экономики, но и для интеграции и объединения по национальному признаку и распро-

странению культурного влияния. Одним из ярких примеров распространения национальных ценностей (культурной экспансии) является экспорт современной южнокорейской культуры, как товара, по всему миру. Этот феномен получил название «Корейская волна» (Халлю). Распространение культуры происходит в таких направлениях, как поп-музыка, телесериалы, телепередачи и др.

В качестве примера распространения отечественных национальных ценностей, которые выражаются в литературе, балете и других классических видах культуры и искусства, сегодня можно назвать спорт и, прежде всего, фигурное катание, художественную гимнастику, синхронное плавание, хоккей, которые, по мнению Заслуженного тренера СССР Т. Тарасовой «являются символом российской национальной идентичности на международной арене» [10]. Эти виды спорта «наиболее точно символизируют культурные ценности нашей страны» [10] и без преувеличения превращаются в индустрию, приобретая в последнее время массовый характер, рождая экономический спрос на такую продукцию, как мастер-классы, сборы и т. д. Приобретая высокую степень мобилизационного потенциала, культурные индустрии рассматриваются как инструмент формирования привлекательного образа страны за рубежом. Не случайно, в ситуации противостояния с Западом спорт стал тем символическим объектом, через который была осуществлена попытка воздействия на российское государство через запрет участия в Олимпийских играх. Российская культура подверглась культуре отмены – «одному из новых и противоречивых феноменов современной культуры, представляющих собой современную разновидность остракизма как действенной технологии манипулирования общественным мнением» [11, с. 155]. Во многом это было осуществлено, в том числе, в контексте понимания культуры как мощного инструмента влияния. Данный инструмент, как справедливо отмечал З. Бжезинский, является недооцененным аспектом глобальной мощи. Доказательством этому являются слова, произнесенные совсем недавно канадским хоккеистом Уэйном Грецки о том, что его русский дед был бы рад рекорду Александра Овечкина – русского хоккеиста.

Таким образом, использование креативных индустрий в качестве консолидирующего фактора, может стать основой для формирования ценностного восприятия культуры, как внутри страны, так и в процессе распространения традиционных ценностей на мировую арену.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильиных С. А. Ключевые понятия общества потребления: исследование с позиции социологии / С. А. Ильиных // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – № 5. – С. 29–40.
2. Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – Москва : Альпина, 2019. – 256 с.

3. Лазарева О. В. Культурные индустрии: два аспекта понимания // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 6. С. 670 – 676.
4. Флиер А.Я. Культурные индустрии в истории и современности: типы и технологии // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2012. № 3 (май – июнь). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Flier_Cultural-Industries/ (дата обращения: 12.01.2025).
5. Зачем нужно образование в креативных индустриях? / Universal University – URL: https://u.university/blog/zachem-nuzhno-obrazovanie-v-kreativnykh-industriyakh (дата обращения: 16.01.2025).
6. Цветкова М. Особый сектор: что такое креативная экономика / М Цветкова. – Текст: электронный // Газета.ru. – 2024. – 19 декабря. – URL: https://www.gazeta.ru/social/2024/12/19/20259650.shtml (дата обращения: 16.01.2025).
7. Buchoud N., Eryuce O., Gebetsberger C., Newbigin J., Avogadro E., Damuri Y., Frei-Oldenburg A., Henderson M., Khor N., Larasati T. & Myasnikov I. Policy Area Global Cooperation for SDGs Financing. Creative Economy 2030: Inclusive and resilient Creative Economy for sustainable development and recovery // G20 Insights.2021. URL: https://www.g20-insights.org/policy_briefs/creative-economy-2030-inclusive-and-resilient-creative-economy-for-sustainable-development-and-recovery/ (дата обращения: 24.08.2023).
8. Креативный сектор России в цифрах: 2024 / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Институт статистических исследований и экономики знаний. – 2024. – 16 декабря – URL: https://issek.hse.ru/news/996745368.html (дата обращения: 19.01.2025).
9. Новак: доля креативных индустрий в ВВП РФ к 2030 году удвоится /сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации – URL: https://digital.gov.ru/ru/events/54168/ (дата обращения: 14.01.2025).
10. Халимхонова З. Тарасова назвала символ российской национальной идентичности на международной арене / З. HYPERLINK – Текст: электронный // Сайт спорт-экспресс. – 2024 – 4 августа. – URL: https://www.sport-express.ru/figureskating/news/tarasova-nazvala-simvol-rossiyskoy-nacionalnoy-identichnosti-na-mezhdunarodnoy-arene-2246861/ (дата обращения: 19.01.2025).
11. Микитинец О. И., Костенко О. В. К концептуализации «культуры отмены»: аксиологическая vs функциональная интерпретации культуры в отечественном и зарубежном социокультурном пространстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2024. Вып. 12 (893). С. 154–161.

УДК 17;159.9.018.4

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ «ПУТЬ ГЕРОЯ» ДЖ. КЭМПБЕЛЛА

PRACTICAL PHILOSOPHY OF ARTISTIC CREATIVITY IN LIGHT OF THE CONCEPT OF THE «HERO'S JOURNEY» BY J. CAMPBELL

Палевская Елена Михайловна
к. иск., психолог,
директор ЧУК «Центр традиционной тульской керамики»
Palevskaya Elena Mikhailovna
The Candidate of Art History, the psychologist,
The Chief, the Private Cultural Institution «The Center of Traditionsl Tula Ctramics»
Фрейверт Людмила Борисовна
канд. филос. н., искусствовед-консультант,
ЧУК «Центр традиционной тульской керамики»
Freivert Liudmila Borisovna
The Candidate of Philosophical Sciences, the art expert, the Private Cultural Institution «The Center of Traditionsl Tula Ctramic»

Аннотация. В статье творческая деятельность человека как форма индивидуации рассматривается сквозь призму концепции Дж. Кэмпбелла «Путь героя». Личность творца выступает в единстве материального и духовного начал, что предполагает психофизическую адаптацию созидающего индивида.

Abstract. In the article humane creative activity as the form of individuation is considered throw the prism J. Campbell's conception «The Journey of the Hero». The personality of creative person is the unity of the material and the spiritual, and this does require psychophysical adaptation of the individual.

Ключевые слова: «Путь героя» как поиск предназначения, духовное развитие в творческой деятельности, процессы индивидуации и становление самости в творчестве, архетипы творческого начала

Keywords: «The Journey of the Hero» as search for own mission, spiritual development in creative activity, processes of individuation and the formation of the self (Selbst) in creativity, archetypes of creative beginnings

Философия в эпоху пост– и мета-модернизма стремится стать не отвлеченной, а практической. Она тяготеет к тесному сотрудничеству и взаимопроникновению с науками, особенно с психологией и искусствознанием.

Прагматические (в широком смысле слова) требования к гуманитарным наукам выявляют их пользу и значимость для человеческой жизни, но угрожают их фундаментальности.

Современная психология различных направлений, как и философия, говорит не только об индивиде или даже сообществе, но и об основополагающих законах человеческого существования.

Психология, философия и этика синтезируются в концепции Дж. Кэмпбелла «Путь героя» [1]. Это не просто комплекс оптимальных действий, а система анализа жизненного пути и способов его прохождения человеком в разных его ипостасях и на разных жизненных этапах.

Кэмпбелл опирается на идею индивидуации К.-Г. Юнга. Она как процесс предполагает личностную трансформацию – преобразование формы, структуры личности. Хотя стремление к индивидуации присуще всем людям, далеко не все становятся «Героями», пройдя полный путь, достигнув качественных изменений.

Кэмпбелл использует слово «journey», что означает, скорее, не «путь», а «путешествие». Здесь возможна вариабельность, отклонения от пути.

Путь более рационален, он подразумевает стратегию и сознательное целеполагание. Это предопределенный маршрут, состоящий из универсальной пошаговой системы, но как он воплотится *in concreto* – зависит от многих факторов.

Путешествие/путь героя – архетип, пронизывающий философию, религию и культуру в целом. Он присутствует в каждой цивилизации и в жизни каждого человека: даосская идея Пути, китайский эпос «Путешествие на запад», античные одиссеи, древневосточные и северные эпосы, наконец, Путь Христа (Мессии) как процесс трансформации личности и постановка вопросов о ее социальном служении.

Трансформационный путь свойственен жизни вообще и отчетливо отражается в искусстве и в любой форме творческой деятельности.

Эти же архетипы постоянно воплощались в изобразительном искусстве: горизонтальные свитки, алтарные картины-триптихи, полотна И. Босха и П. Брейгеля, серии («История Марии Медичи» П. Рубенса, «Трудолюбие и леность» У. Хогарта), русские житийные иконы с клеймами, в архитектуре – парковые зоны и дороги к храмам как метафоры человеческой жизни.

В культуре уже устоялся образ человека искусства, служащего Всевышнему, музам, социуму и личностным идеалам. Поэтому любой художник, творец – фигура героическая, вступающая на путь трансформаций.

Художник действует «от первого лица», а творчество выступает как форма индивидуации: развертываются и преобразуются психические свойства индивида. В фильме 1932 г. «Встречный» Ф. Эрмлера, С. Юткевича и Д. Шостаковича герои одновременно и параллельно со строительством турбины созидают самих себя.

В наше время зрелая личность испытывает острую потребность выявить свою индивидуальность и развиваться духовно; поэтому и популярны творческие профессии.

Художественная деятельность снимает множество противоречий, реальных или мнимых. В активном творческом процессе формируется сложноорганизованная продуктивная сила, способствующая утверждению самости. Ведь «поэтический образ – это проявившийся рельеф психики» [2, с. 8].

Личность творца синтезирует материальное и духовное, сознательное и бессознательное. В процессе творчества человек проживает психофизическую адаптацию, задействует весь психофизический аппарат. Это очевидно в мусических искусствах, где материалом является тело человека: музыка, танец, театр. Те же закономерности действуют и в «технических» искусствах; автономное произведение «помнит» художника: линия – след его жеста (Р. Арнхейм). Прочитать действие психофизического аппарата в конечном результате творческого акта – важная исследовательская и практическая задача. Ведь художественная деятельность есть модель трудовой деятельности вообще (Н. Тарабукин), способная служить экспериментальной базой для действенной помощи другим людям.

Маршрут любого трансформирующего путешествия/пути – призыв, преодоление трудностей, обретение даров и нового качества личности одновременно с возвращением к собственным истокам.

В аналитической психологии обычно больше внимания уделяется первой половине процесса по Кэмпбеллу. В начале трудового пути герой отвергает его, не может преодолеть сопротивление, в том числе свое собственное. Он борется, вступает в сложные отношения, а роли врагов – друзей – помощников иногда изменчивы. Критик – друг или враг? Кульминация финальной «битвы» – апогей трудностей, после чего герой, трансформируясь, исполняет свое предназначение.

Моменты преодоления себя на стадиях победы, пути домой, обретения, присвоения и освоения даров и, наконец, заслуженного отдыха, рассматриваются значительно реже, хотя они не менее интересны.

Герой должен преодолеть «синдром самозванца»: не замыкаясь в себе, делиться опытом с другими. Возвращаясь с победой домой, если он сумеет сохранить и превысить уровень духовного напряжения, который труднее удерживать в состоянии покоя, только тогда он выполнит свою миссию, обретет духовные силы для следующих витков и станет настоящим героем.

Как на практике может выглядеть путь /путешествие героя-художника?

Начальный призыв-вызов часто звучит для художника еще в раннем детстве, как, например, у Нади Рушевой и у других ребят, пришедших в школы, студии, кружки или занимающихся индивидуально. Таков естественный сценарий. Если призыв настигает человека в сознательном возрасте, возникают драматические перипетии.

Вот характерный случай.

Одинокая женщина 30+, банковский работник, родители – художники, сознательно строит карьеру в благополучной институции. Сталкиваясь с психосоматической проблемой, чувствует необходимость заняться искусством. Здоровье выступает как «персонаж», зовущий к отвергнутому в детстве пути.

Потребность говорить с собой и миром посредством изобразительного творчества пришла в момент жизненного кризиса, до наступления тяжелой стадии болезни, но постоянно отвергалась из практических соображений. Только инвалидность заставила осуществить мало осознаваемые желания.

Далее следуют этапы борьбы с препятствиями, личными несовершенствами (как символами вражеских фигур), обретение помощников и преодоление помех с их помощью.

Символически, враги нашей героини – конформизм, плохое самочувствие, конфликт с родительскими фигурами. Союзники – психотерапевт, порекомендовавший арт-терапию, социальный работник, рассказавший о творческом кружке, центр реабилитации, где занимаются, например, керамикой.

В роли внутреннего врага выступают недостаточность умений, нехватка времени, материальных ресурсов.

Эти перипетии приводят к решительной битве внутри самого человека за право стать победителем, выстроить свой «жизненный мир» (Э. Гуссерль).

Прагматическая парадигма, нивелирующая искусство, фантазию, интуицию, религию, погружает человека в разрушительную среду. В романе «Отцы и дети» И. С. Тургенева это символизирует гибель Базарова. Сегодня требуется большое мужество, чтобы противостоять тотальному практицизму, утверждая духовную потребность в творчестве и созидании.

Но вот битва выиграна. Смысл второго крупного этапа пути героя-творца – обретение даров, их освоение и возвращение миру и людям. Ведь искусство – явление социальное.

Характерен путь лирического героя в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева: от истины философско-моральной, через встречи с разными людьми и ситуациями, – к истине социальной. Спинозист и человек Просвещения, Радищев (здесь явная параллель с Э. Фроммом [3]) видел в человеке цель, а не средство, и для его личностного развития необходима духовная атмосфера.

Творчество регулирует «личностные напряжения», дает «возможность роста, развития, реализации потенциала личности». [4, с. 31], Со-

гласно Р. Мэю и Г. Бейсону, мы живем в мире циклических структур, и циклическое же построение жизни героя позволяет сохранить любовь, мудрость [4, 5], и главное – гармонию жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кэмпбел Дж. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2018. – 518 с.
2. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства / Пер. с франц. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 376 с.
3. Фромм Э. Из плена иллюзий. Как я столкнулся с Марксом и Фрейдом // Фромм Э. Душа человека. – М.: Республика,1992. – С. 299-374.
4. Ролло Мэй. Искусство психологического консультирования. – М.: Класс, 2015. – 91 с.
5. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. с англ. – М.: Смысл. 2000. – 476 с.

УДК 027:316.7

БИБЛИОТЕКА.LI

LIBRARY.LI

Назаренко Андрей Георгиевич
ведущий специалист по технической защите информации, магистрант направления подготовки «Библиотечно-информационная деятельность», г. Симферополь, Крымский университет культуры, искусств и туризма.
Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент ***Е.Б. Зыщик***
Nazarenko Andrew Georgievich
Leading specialist in technical information security, Master's student in the field of training "Library and Information Activities",
Simferopol, Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Аннотация. В статье рассматривается эволюционная динамика развития человеческого общества и сознания, а также роль библиотек в этих процессах. Анализируется взаимосвязь психоментальных и культурно-исторических изменений, выделяются ключевые этапы эволюции библиотек от античности до цифровой эпохи. Особое внимание уделяется трансформации библиотеки в социокультурную экосистему с элементами Library Intelligence, способной стать площадкой для личностного и общественного развития в условиях технологических изменений.

Abstract. The article examines the evolutionary dynamics of human society and consciousness, as well as the role of libraries in these processes. It analyzes the interrelation between psychomental and cultural-historical changes, highlighting the key stages in the evolution of libraries from antiquity to the digital era. Special attention is paid to the transformation of the library into a socio-cultural ecosystem with elements of Library Intelligence, capable of becoming a platform for personal and social development in the context of technological change.

Ключевые слова: эволюция, психоментальная динамика, библиотека, социокультурная экосистема, Library Intelligence, цифровая эпоха, личностное развитие

Keywords: evolution, psychomental dynamics, library, socio-cultural ecosystem, Library Intelligence, digital era, personal development

Эволюционная динамика

Человечество вступило в эпоху глобальных перемен, отличающуюся принципиально от предыдущих кризисов: это не просто развилка, а новая ступень развития, доступная лишь части общества, способной подняться на неё [1].

Для понимания исторической динамики сознания и общества важно рассматривать психоментальную динамику человека и культурно-историческую динамику общества как взаимосвязанные процессы, а не раздельно [2], современные личностные паттерны нельзя проецировать на прошлые эпохи, и наоборот.

Основные положения:

- культурные изменения вызваны изменениями доминирующей психоментальной матрицы членов общества;
- разум – не движущая сила изменений, а один из атрибутов внутренней трансформации;
- эволюция человека и общества непрерывна и однонаправленна, независимо от осознанности [1].

Психоментальная матрица включает:

- С-матрицу – коллективные культурные установки, влияющие на восприятие и поведение;
- Л-матрицу – индивидуальную систему принятия решений, формируемую взаимодействием С-матрицы и личного психоментального профиля.

Общество стабильно благодаря инертности С-матрицы, накапливающей изменения, порождаемые Л-матрицами индивидов, после чего происходит качественный скачок в развитии [1]. Человек – результат взаимодействия этих матриц, приближающий эволюцию к идеалу Человека Истинного (Homo Verus).

Исторические явления, например, смягчение жестокости по отношению к преступникам и врагам, отражают растущую роль гуманности в психоментальности человека. Культурные уклады формируются борьбой двух процессов: естественной гуманизации и инерционного сопротивления, обусловленного ограничениями мышления [4]. Технический прогресс направлен на освобождение свободного времени – главного ресурса творческой деятельности. Рост времени, проводимого в виртуальной реальности, свидетельствует о его колоссальных объёмах, но разрыв между технологическим и гуманистическим развитием снижает востребованность этого ресурса [5]. Освобождение огромного объёма свободного времени для эволюционного развития гуманистической природы и построения нового общества – ключевая особенность нынешнего цивилизационного скачка, отличающая его от всех предыдущих этапов эволюции [1].

Homo Normalis

Современный человек (Homo Sapiens) эволюционирует от животного состояния к своей нормальной человеческой форме – Homo Normalis, которая является вершиной следующего эволюционного этапа, как верхушка растущего дерева [3].

По мнению братьев Стругацких, человек – переходная форма от обезьяны к магу. Его можно сравнить с аксоло́тлем – личинкой, которая достигает половой зрелости, не став взрослой. Так и многие люди живут, не взрослея, оставаясь инфантильными и капризными, что отражается и на обществе.

(Из сети: Когда я был маленьким, думал, почему взрослые не наводят порядок в экономике и не мирятся с соседями. Вырос – понял, что взрослых нет.)

Тем не менее потенциал развития человека и его следующая форма – Homo Normalis – объективно существуют. Желание развиваться, нематериальное по своей сути, отличает человека от животного и проявляется в творчестве, науке и обучении, обусловленных особенностями психоментальной матрицы.

Пространство состояний

В каждый момент человек находится в определённом состоянии, вместе они образуют пространство доступных ему состояний. Человек – сложная система с огромным пространством состояний, но большая часть его жизни проходит в узкой области обыденности. Размер этой области обратно пропорционален энергии, затрачиваемой на социальную активность – работу, семью, общество. Чем меньше энергии остаётся на новые состояния, тем меньше возможностей для развития.

Степень развитости человека можно оценить по его возможностям. Например, полиглот, изучивший несколько языков, имеет больше возможностей и свободы, чем человек, владеющий одним языком. Потребность в развитии заставляет человека тратить энергию на расширение своей свободы.

Однако увеличить источник энергии человек не может, поэтому единственный способ – экономить её, устраняя ненужные затраты.

Чтение

Чтение – один из самых распространённых способов достижения новых состояний. В отличие от музыки или живописи, оно даёт возможность осмыслить состояние, выраженное автором. Однако большинство читателей используют чтение как эмоциональный наркотик, а новую книгу – как дозу.

Лишь немногие воспринимают новые состояния как руду для поиска смыслов, которые складывают в карту пространства человеческих состояний.

Замыкание эволюционного витка

В новом тысячелетии традиционная библиотека оказалась в парадоксальном положении: её необходимость не вызывает сомнений, однако новая роль в цифровую эпоху остаётся неясной. Понимание этой роли возможно через обзор эволюции библиотеки как общественного института.

Античная библиотека

Библиотека была местом хранения письменных материалов и центром образования, доступным преимущественно для учёных и аристократов. Важными функциями были копирование и перевод текстов, интеграция с академическими и культурными центрами.

Средневековая библиотека

Была частью монастырей и церквей, часто недоступной и плохо читаемой, с разделением фондов на открытые и закрытые.

Библиотека эпохи Возрождения

Стала более доступной для новых социальных групп, центром светского знания и символом статуса. Раскрывала античное наследие, развивала технологии работы с коллекциями и строила специальные здания.

Библиотека эпохи Просвещения

Взяла на себя роль просветителя, стремилась к систематизации знаний, способствовала созданию энциклопедий и интегрировалась в образование и науку. Роль сместилась от хранения к распространению знаний благодаря книгоизданию.

Библиотека эпохи Индустриализации

Появились подписные и публичные библиотеки, рациональные классификации, энциклопедические собрания. Библиотеки стали важными социальными институтами, центрами образования и культуры. Статус библиотекарей повысился благодаря их интеллектуальной деятельности.

Советская библиотека

Была открыта для всех слоёв населения, образовывала единую сеть с межбиблиотечным абонементом и уделяла внимание детям. Стала общедоступным центром знаний и культуры, способствуя образованию и грамотности. Однако концепция отражала идеологию коммунизма.

Современная библиотека «третьего места»

Должна быть доступной, инклюзивной и комфортной, предоставлять пространство для общения, творчества и мероприятий. Акцент смещается с информационных услуг к организации жизни сообщества. Однако на практике активность часто превращается в досуг [6].

Эволюция концепции библиотеки

- Античность: философское накопление и применение знаний.
- Средневековье: сохранение знания для религиозных целей.
- Возрождение: открытие знаний для светского понимания мира.
- Новое время: гуманистический тренд.
- Современность: плюрализм ролей, переход от проводника знаний к исполнителю прихотей.

- Цифровая эпоха: разрыв между инновациями и традиционной ментальностью [6].

Библиотека прошла путь от элитарного центра философии до общедоступной площадки практического использования знаний с помощью цифровых технологий.

Традиционная библиотека

Библиотека, прошедшая эволюционный путь и передающая пассионарные смыслы обществу, столкнулась с системными проблемами в цифровую эпоху:

- отсутствие чёткой концепции в современном цифровом обществе;
- отсутствие измеримых показателей общественной ценности;
- неясность обоснования государственных затрат на библиотеки;
- утрата роли главного источника информации из-за Интернета и дешёвого доступа к нему;
- вытеснение личностного развития клубной деятельностью;
- размывание профессиональной идентичности библиотекаря до уровня общего культработника [6];
- неоправданная локализация профессии в гуманитарной сфере;
- фрагментарное использование цифровых технологий без раскрытия их инновационного потенциала;
- гендерный дисбаланс, усиливающий сопротивление изменениям и снижающий технологичность работы.

Современная библиотека

Современная библиотека должна:

- выявлять потребности личностного развития читателей;
- создавать индивидуальные траектории развития;
- объединять читателей с похожими интересами в сообщества для реализации их потенциала.

Цифровые технологии, включая искусственный интеллект, помогают решать эти задачи через:

- изучение психоментальных характеристик разных социальных групп;
- вовлечение читателей, особенно молодёжи, в проекты по внедрению цифровых технологий в библиотечную работу, от исследований до реализации.

Социокультурная экосистема

Технологическая эволюция трансформирует традиционную библиотеку в новую социокультурную экосистему с эмерджентным качеством Library Intelligence (LI), выполняющую новые общественные функции:

- сбор комплексной информации о местном сообществе;
- управление цифровым двойником территории;
- площадка личностного и социального развития;

- ресурсный центр проектной деятельности;
- коммуникатор инициатив власти и сообщества;
- место живого общения по важным темам;
- клуб и инкубатор лидеров и пассионариев;
- диагностический центр потребностей развития;
- лаборатория проектирования активности;
- офис Общественного совета как управляющего органа.

Таким образом, библиотека близка к фазовому переходу в качество Library Intelligence, но для этого ей нужно стать междисциплинарной площадкой, объединяющей исследователей в естественных и гуманитарных науках, способных практически воплотить теоретическое наследие развития человека и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капица, С.П. Синергетика и эволюция общества. – М.: Наука, 2010.
2. Лурия, А.Р. Культурно-историческая теория развития психики. – М.: Изд-во МГУ, 1996.
3. Гуревич, П.С. История сознания: Очерки по философской антропологии. – М.: Академический проект, 2004.
4. Пинкер, С. Ангелы нашего лучшего естества. Почему насилие в мире сокращается. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018.
5. Рифкин, Дж. Конец труда. – М.: Альпина Паблишер, 2017.
6. Бурлакова, Е.Ю. История библиотек: от античности до современности. – М.: Либроком, 2012.

УДК 140.8

КАРНАВАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ

CARNIVAL CULTURE AS A WAY OF FORMING VIRTUAL SOCIALITY

Сидор Михаил Владимирович
аспирант, кафедра философии, Крымский Федеральный Университет им. В. И. Вернадского
Научный руководитель: ***Зудилина Н. В.***
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Sidor Mikhail Vladimirovich
PhD student, Department of Philosophy, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky
Scientific supervisor: ***Zudilina N. V.***
PhD of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute "Taurida Academy" of V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В рамках данной работы проводится изучение влияния карнавальной культуры на формирование виртуальной социальности. Основным объектом исследования являются мемы как современные формы карнавала в сети Интернет. Они играют ключевую роль не только в коммуникации между пользователями, но и в социальной организации виртуального пространства.

Abstract. During the studying, the influence of carnival culture on the formation of virtual sociality is being researched. The main object of the study is memes as modern form of carnival on the Internet. They are essential not only to communication between users, but also to their social organization of the virtual space.

Ключевые слова: карнавальная культура, мемы, виртуальная социальность, Интернет, виртуальная реальность

Keywords: carnival culture, memes, virtual sociality, Internet, virtual reality

Изучение виртуальной социальности [1] является краеугольным камнем в дискурсе о современном обществе. Значительное количество исследований по данной тематике приходится на период всеобщего локдауна на фоне массового распространения вируса Covid-19. Исследователи социальных наук начали широко изучать возникающие особенности во

взаимодействии различных общественных групп в виртуальном пространстве. Одним из объектов таких исследований стали изменения на рабочем месте.

Примером качественного исследования в данной области является статья Н. Хосогая «Развитие удаленной работы и ее влияние на управление человеческими ресурсами в Японии в фокусе искусственной социальности» [2, С. 72-73]. В данном исследовании Н. Хосогая изучает современные изменения в социальной среде Японии, в связи с массовым переходом на удалённую работу.

В контексте исследования виртуальной реальности как дополненной социальности, необходимо определить, каким образом карнавальная культура влияет на социум как таковой. Для этого отметим статью И. В. Шугайло «Карнавальная культура как механизм обновления ресурсов общества». В ней определяются основные способы реализации и репрезентации карнавальной культуры в разных контекстах (от политического до вопросов самоопределения человека в обществе) [3, с. 454].

В дополнение также обратим внимание на работу Р. А. Дукина «Репрезентация карнавальных процессов в социальных медиа» [4, с. 5]. Данное исследование не только делает актуальным вопрос о существовании карнавальных процессов и образов в изучении и обсуждении научным сообществом тем, связанных с виртуальной реальностью, но и позволяет изучить их в качестве форм социального взаимодействия в рамках данной среды.

Актуальность данного исследования обуславливается необходимостью детального изучения виртуальной реальности в контексте формирования в ней дополненной социальности. Его реализация проводится с упором на основу, представленную в данном случае карнавальной культурой. Подобный подбор инструментария связан с глобальным развитием сети Интернет и созданием виртуального пространства.

Целью данного исследования является репрезентация карнавальной культуры как способа наполнения искусственной реальности, представляющей собой форму дополненной социальности.

Основным методом в данном исследовании является герменевтический. В контексте исследования карнавальной культуры в виртуальной реальности [5] в качестве дополненного источника социальности [6, с. 89], изучение проводится главным образом с текстовыми и текстово-визуальными объектами. Данные объекты требуют определённой интерпретации для понимания скрытого в них контекста. Также для более ясного определения составляющих интернет-пространства используются аналитический и исторический подходы, и диалектический метод. Аналитический подход использован с целью анализа виртуального мира через используемый в нём язык; исторический – для изучения изменений, происходивших в исследуемом пространстве в определённое время; диалектический метод был применён для рассмотрения процесса развития компонентов виртуальной реальности.

Применение вышеперечисленных методов было использовано при изучении мемов как форм проявления карнавальной культуры в искусственной реальности. Понятие «мем», в данном исследовании, основывается на определении Р. Докинза в его работе «Эгоистичный ген»: «“Мем-идею” можно определить, как некую единицу, способную передаваться от одного мозга другому» [7, с. 179]. В контексте данной работы, мем представляет собой современную форму карнавальной культуры. Главным образом это обусловлено его функцией рефлексии актуальных общественных проблем через их высмеивание. Также важно отметить одну из его главных характеристик – узнаваемость. Для карнавальной культуры было важно использовать такие элементы и персонажей, которых узнавали бы все. Такая же ситуация и с мемом: чтобы он был эффективен, необходимо чтобы в нём был элемент, который найдёт отклик у зрителя. Одним из основных способов достижения данного результата является упоминание известной читателю (зрителю) информации. Современный мем состоит из нескольких элементов и может использовать не только текстовые, но и визуальные средства кодировки. Из-за этого он может иметь несколько коннотаций сразу, например, как развлекательную, так и информационную.

Мы выявили следующие аспекты:

– мем является продуктом конвергенции социального контекста, в котором он был создан, и форм карнавальной культуры (маскарад, гротеск);

– с помощью мемов в интернет-пространстве создаётся дополненная социальность;

– одним из ключевых аспектов существования искусственной реальности, как новой формы социальной, является повсеместное использование «карнавальных масок» (аватаров) [8].

Изучение данного вопроса в исторической перспективе показало, что изначально одним из основных аспектов интернет-пространства был принцип анонимности. Сохранение в тайне их персональных данных, позволило пользователям не только высмеивать пороки привычного им социума, но и создать его дополненную форму.

В силу глобализационного потенциала Интернета, существование мемов как форм смеховой культуры стало возможно не только для ограниченного круга лиц, но и для всех, у кого был доступ к глобальной сети. Визуально-текстовая форма, пришедшая на смену текстовой, облегчила процесс интерпретации мемов пользователями. Это, а также обращение к личному опыту смотрящего через графические составляющие (изображение и текст), упростило процесс ознакомления разных социальных групп с заданными мемами контекстами. Также кодировка и дешифровка упрощаются благодаря различным элементам карнавальной культуры: использование масок, а также такого приёма как гротеск, в результате чего выявляется бессмысленность, абсурдность определённой ситуации.

Проведение дальнейшего исследования карнавальной культуры позволит детально изучить различные аспекты виртуальной реальности. Это обуславливается существованием мемов в интернет-пространстве. Общие черты мема и карнавальной культуры позволят провести детальное исследование виртуальной реальности через её миметические элементы. Также необходимо сделать акцент на гротескной составляющей мема и её влиянии не только на интернет, но и на всю реальность в целом. Важно определить какие социальные процессы, происходящие вне виртуального мира (например, следование трендам), мем способен запускать.

По результатам проводимого исследования мы пришли к следующим выводам:

– мемы являются одной из основных форм передачи информации в социальных сетях;

– интернет-пространство в современном виде было сформировано, в том числе, различными элементами карнавальной культуры для упрощения процессов мимесиса (подражания) и узнавания среди различных социальных слоёв;

– глобализирующий характер интернет-пространства позволяет создать особую форму дополненной социальности с изменением привычных рамок и норм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипов Г. А. Категория виртуальной социальности и ее онтологический статус в социологическом знании / Г. А. Антипов, Д. Б. Литвинцев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 31(212). – С. 110-115
2. Hosogaya N. Development of Telework and its Effects on Japan's Human Resource Management: Artificial Sociality as a Focus / N. Hosogaya // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2021. No. 1(161). – P. 71-90.
3. Шугайло И. В. Карнавальная культура как механизм обновления ресурсов общества / И. В. Шугайло // Теоретические и прикладные вопросы экономики, управления и образования: Сборник статей V Международной научно-практической конференции, Пенза, 13–14 июня 2024 года. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет. 2024. – С. 453-457
4. Дукин Р. А. Репрезентации карнавальных процессов в социальных медиа / Р. А. Дукин // Огарёв-Online. 2014. № 24(38). – С. 5
5. Тахиров Б. Н. Понятие виртуальной реальности // Наука, образование и культура. 2020. №8 (52). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-virtualnoy-realnosti (дата обращения: 23.04.2025)
6. Резник Ю. М. Понятие «социальное» в современной философии и науке // Вопросы социальной теории. 2008. Том II. Вып. 1(2) – С. 88-111
7. Докинз Р. Эгоистичный ген / «Corpus (АСТ)». – 1989. 237 с.
8. Николина Д. В. Аватар: трансформация человека в виртуальной реальности / Д. В. Николина // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2023. – № 4(41). С. 39-42

УДК 338.48

ФИЛОСОФСКИЕ ТОПОСЫ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КРЫМА

PHILOSOPHICAL TOPOI IN THE CONTEXT OF CRIMEAN CULTURAL HERITAGE

Парфёнова Елена Юрьевна
Аспирант кафедры географии, экологии и туризма
Институт «Таврическая академия», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь
Parfenova Elena
PhD student, Department of Geography, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Simferopol

Аннотация. Крым – это не только живописные пейзажи и исторические памятники, но и территория, насыщенная философскими и культурными значениями, глубокий философский контекст, который пронизывает его культурное наследие. Этот уникальный регион, находящийся на пересечении различных цивилизаций и культур. Его пейзажи, история и архитектура создают особую атмосферу, которая вдохновляет художников, писателей и мыслителей на протяжении веков. В данной статье исследуются философские топосы Крыма и их влияние на эстетику и искусство. Рассматриваются места, связанные с жизнью и творчеством выдающихся личностей, многие из которых сегодня превращены в музеи и включены в экскурсионные маршруты. Изучение этих локаций позволяет глубже понять, как Крым формировал творческое сознание и давал импульс к созданию шедевров.

Abstract. Crimea is not only picturesque landscapes and historical monuments, but also an area saturated with philosophical and cultural meanings, a deep philosophical context that permeates its cultural heritage. It is a unique region at the crossroads of different civilizations and cultures. Its landscapes, history and architecture create a special atmosphere that has inspired artists, writers and thinkers throughout the ages. This article explores the philosophical topos of Crimea and their influence on aesthetics and art. It considers places associated with the life and work of prominent personalities, many of which are now turned into museums and included in excursion routes. The study of these locations provides a deeper understanding of how Crimea shaped creative consciousness and gave impetus to the creation of masterpieces.

Ключевые слова: Крым, эстетика, искусство, природа, влияние, философский топос, вдохновение, литературный туризм

Keywords: Crimea, aesthetics, art, nature, influence, philosophical topos, inspiration, literary tourism

Прекрасны вы, брега Тавриды...» [1] – писал Александр Пушкин, очарованный многогранной красотой Крыма. Действительно, полуостров во все времена притягивал писателей, поэтов, художников и философов, находивших в его пейзажах и истории неиссякаемый источник вдохновения.

Актуальность темы обусловлена растущим интересом к тематическому туризму, связанным с культурным наследием Крыма. Растущая популярность экскурсионных маршрутов («Литературный Крым», «По следам великих художников», «Философские тропы») [2] свидетельствуют о востребованности интеллектуального и эстетического осмысления региона.

Практическая значимость исследования:

– Разработка специализированного маршрута с картой, инфраструктурой и партнёрскими программами;

– Рекомендации для развития устойчивого культурного туризма на основе историко-философского наследия.

Гипотеза: Создание тематических маршрутов, связанных с выдающимися личностями искусства, будет способствовать:

– диверсификации туристических услуг,

– укреплению имиджа Крыма как центра интеллектуального и культурного туризма.

Крым посещали и любили многие русские поэты и писатели, художники, музыканты, деятели театра и науки.

Учёных и философов особенно привлекал Симферополь. [3] Этот город можно охарактеризовать как центр философской мысли, с библиотеками и архивами, хранящими наследие крымских мыслителей. Кроме того, Крымский федеральный университет (бывший Таврический) стал площадкой для научных дискуссий.

А вот поэтов, художников и писателей больше притягивала яркая красота Южного и Восточного Крыма.

Философы, такие как Ницше и Гегель, рассматривали природу как отражение человеческой души. [4] Крымская природа становится активным участником философского диалога, местом, где человек может найти гармонию между внутренним и внешним мирами. Эстетическое восприятие этих пейзажей вдохновляет на создание произведений искусства, которые передают глубину человеческих эмоций и переживаний.

Крымская природа – один из ключевых топосов, формирующих творческое восприятие. Горы, море, степи и древние леса становятся не просто фоном, а активными участниками художественного процесса.

– Горы Ай-Петри и Чатыр-Даг – символы величия и духовного поиска в работах Максимилиана Волошина.

– Карадаг и Коктебель – места силы, вдохновлявшие Марину Цветаеву и Константина Паустовского.

– Бахчисарай и его окрестности – источник восточной романтики в поэзии Пушкина и Мицкевича.

– Феодосийская картинная галерея Айвазовского – символ синтеза искусства и морской стихии.

– Древние руины (Херсонес, генуэзские крепости) напоминают о бренности цивилизаций.

Восточный Крым (Коктебель, Феодосия, Старый Крым) традиционно ассоциируется с именами Волошина, Грина, сестёр Цветаевых. Сегодня эти города центры литературных фестивалей и художественных резиденций.

Примеры локаций:

– Дом-музей Волошина в Коктебеле – место встреч творческой интеллигенции Серебряного века.

– Дом-музей Грина в Старом Крыму – воплощение романтического мироощущения.

С полуостровом также связаны имена А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова, А.П. Чехова, М. Горького.

Путешествие Александра Пушкина по Крыму в 1820 году стало поворотным моментом в его творчестве. Впечатления от полуострова нашли отражение в его стихах и прозе, а некоторые места приобрели символическое значение.

Ключевые точки маршрута Пушкина:

– Керчь и Феодосия – первые крымские города, встретившие поэта. В Феодосии он остановился у С.М. Броневского, чьи рассказы о Крыме обогатили его представления о регионе. (Броневский Семен Михайлович (1763-1830) Государственный чиновник, градоначальник Феодосии в первой четверти XIX века, основатель первого в Крыму музея древностей – Авт.). Пушкин, о нем писал: «Из Керчи приехали мы в Кефу (Феодосия) [1], остановились у Броневского, человека почтенного по непорочной службе и по бедности. Теперь он под судом и, подобно Старику Вергилия, разводит сад на берегу моря» (Старик – персонаж римского поэта Публия Вергилия Марона (70-19 гг. до н. э.) – Авт.). В последствие Пушкин, заключил, что этот человек «имеет большие сведения о Крыме, стороне важной и запущенной» [1].

– Гурзуф – здесь Пушкин провёл «три счастливейшие недели» своей жизни. Виды Аю-Дага, моря и виноградников вдохновили его на лирические строки. Писал он о сиянии цветных гор, о хижинах татар, примыкающих к горам подобно пчелиным ульям, о тополях, возвышающихся колоннами, о чистом небе и светлом море, и о полуденном воздухе. В письме князю Голицыну Пушкин писал о том, как завидует прекрасному крымскому климату. [1] Сегодня в доме Раевских, где он жил, открыт Музей Пушкина.

– Мыс Фиолент – мифологический образ Тавриды (древнее название Крыма) вдохновил поэта на стихи, связанные с античными легенда-

ми. (стихотворение о грозном храме Девы, в котором богам приносятся жертвоприношения – авт.) Сегодня на мысе Фиолент находится памятный монумент, посвященный А. С. Пушкину.

– Бахчисарай – несмотря на первоначальное разочарование, позже Пушкин создаст здесь свою знаменитую поэму «Бахчисарайский фонтан», вписав ханский дворец в романтический контекст.

– Симферополь – предположительно, поэт останавливался в усадьбе французского учёного Феликса де Серра. На набережной, недалеко от здания Крымской республиканской универсальной научной библиотеки им. И. Я. Франко, находится памятный камень. На нём установлена табличка, что в этом месте располагалась усадьба. Имение француза было большим, занимало всю территорию нынешнего Детского парка. А в самом Детском парке растёт 700-летний дуб-богатырь, который мог видеть поэт, и располагается полюбившийся маленьким горожанам Уголок сказок Пушкина.

Пушкин воспринимал Крым не только как живописный край, но и как пространство, где переплетаются мифология, история и личные переживания. Его крымские произведения («К морю», «Таврида») отражают романтический поиск гармонии между человеком и природой.

Кроме Пушкина, полуостров оставил глубокий след в творчестве многих русских классиков: [5]

1. Лев Толстой

– Участвовал в Крымской войне (1854–1855), описал события в «Севастопольских рассказах»

– В 1901–1902 гг. жил в Гаспре, где работал над публицистикой и общался с Чеховым и Горьким.

2. Антон Чехов

– Переехал в Ялту по состоянию здоровья, построил дом «Белая дача», где создал одни из своих самых значительных произведений. Его дом стал культурным центром: здесь гостили Бунин, Рахманинов, Шаляпин. В настоящее время является домом – музеем А.П. Чехова, а героине «крымского» рассказа «Дама с собачкой» на набережной Ялты установлен памятник.

Чехов воспринимал Крым как место уединения и сосредоточения. В его поздних произведениях (особенно в «Вишнёвом саде») звучат мотивы прощания с прошлым, что перекликается с его личными переживаниями о неизлечимой болезни.

3. Максимилиан Волошин

– Коктебель и Дом Поэта стали местом притяжения творческой интеллигенции Серебряного века (Цветаева, Мандельштам, Гумилёв).

– В его стихах Крым предстаёт как «земля-посредник» между Востоком и Западом.

4. Александр Грин

– Жил в Феодосии и Старом Крыму, где создал «Алые паруса».

– Его произведения пронизаны морской романтикой, навеянной крымскими пейзажами.

Кроме известнейших писателей в Крыму жил и творил известный художник, один из наиболее ярких живописцев конца 19 начала 20 века в отечественной истории – Константин Коровин. Стилю Коровина были близки многоцветность и яркая природа Крыма, блеск волн и игра солнечного света Ведь именно изображение света во всем его многообразии было основной творческой задачей художника. В Крыму Коровин часто навещал своего друга юности – Антона Чехова. В 1912 году Коровин построил в Гурзуфе дачу, куда сегодня также можно попасть с экскурсией. Перед входом на дачу установлены две бронзовые скульптуры – самого Коровина и его частого гостя, знаменитого оперного певца Фёдора Шаляпина, чей портрет художник также запечатлел на холсте.

С личностью А.П. Чехова и Крымом также связаны жизнь и творчество Александра Ивановича Куприна. Приехавшего в Крым в 1900 году Куприна очаровали интеллигентность и редкий дар рассказчика Чехова. По приезду в Крым Куприн останавливался и в Ялте, и в Севастополе, но больше всего писатель полюбил рыбацкий поселок Балаклаву. Двухэтажный дом Куприных стоял близ руин средневековой крепости на возвышенности, откуда открывался прекрасный вид на поселок и Балаклавскую бухту. Владея умением сближаться с людьми разных профессий, Куприн дружил с балаклавскими рыбаками и часто выходил с ними в море, но не как пассажир на морской прогулке, а как равный по труду товарищ. Вдохновленный пейзажами Балаклавы, а также жителями поселка, Куприн написал цикл рассказов «Листригоны» Тяжело переживая смерть Чехова в 1904 году, Куприн пишет воспоминания «Памяти Чехова».

Куприн видел в Крыме не только курорт, но и место борьбы – за справедливость (роман «Поединок»), за право на правду (очерки о «Очакове».

На набережной Балаклавы установлен памятник писателю. Вылитый в бронзе Куприн стоит на камнях древней брусчатки и задумчиво смотрит в край бухты, где рыбацкие лодки и современные яхты выходят в открытое море.

С начала XIX века в Крыму работали такие мастера, как Айвазовский и Репин. Их произведения запечатлели красоту крымских пейзажей и глубину человеческих чувств. Искусство в этом контексте становится способом самовыражения и поиска ответов на вечные вопросы о жизни, любви и смерти. Помимо И.К. Айвазовского, И.И. Шишкин, И.И. Левитан, А.М. Васнецов, А. И. Куинджи и многие другие запечатлели удивительные уголки полуострова, который много значил в их судьбах и творчестве:

– И.И. Левитан – его «Крымский пейзаж» (1886) передаёт меланхолию южного солнца.

– А.И. Куинджи – в работе «Лунная ночь на Крымском побережье» (1880-е) экспериментировал со светом.

– И.Е. Репин – в Пенатах (под Санкт-Петербургом) создавал эскизы на крымские темы.

Выдающийся живописец Иван Константинович Айвазовский (1817-1900), уроженец Крыма, вошел в историю мирового искусства как величайший маринист-романтик, мастер русского классического пейзажа, передающий на полотне красоту и мощь морской стихии. Родившись в Феодосии, он прославил её на весь мир, создав около 6 000 произведений, многие из которых стали символами романтической живописи. Самая лучшая и крупнейшая в мире коллекция графики и прекрасной живописи художника-мариниста И.К. Айвазовского, продолжателей его дела – учеников, а также близких ему по духу творчества мастеров живописи, – находится в Национальной картинной галерее им. И.К. Айвазовского. В галерее выставлено достаточно много художественных произведений. Маринисту Айвазовскому в мире не было равных. Его картины («Девятый вал», «Чёрное море», «Среди волн») – не просто изображения стихии, а метафоры человеческой жизни:

– Буря – символ борьбы и испытаний.

– Штиль – гармония и умиротворение.

– Лунный свет на воде – мистическое единство природы и вечности.

Айвазовский считал, что море – это «…живое существо», [6] способное передавать эмоции. Его работы вдохновляли не только художников, но и писателей (Чехов называл его «…царём моря…») [7]

Феодосия – город Айвазовского:

– Дом-музей и картинная галерея – построен в 1848 году в стиле итальянской виллы. В 1880 году к нему добавился выставочный зал (260 м²), где сегодня хранится крупнейшая коллекция его работ (более 400 полотен).

– Памятник «Феодосия – Айвазовскому» – установлен в 1930 году у входа в галерею. Создан на народные средства скульптором М. Гинсбургом ещё до революции.

– Церковь Сурб Саркис – здесь Айвазовский был крещён, венчался и похоронен. Надгробие выполнено в форме саркофага с надписью: «Родившись смертным, оставил по себе бессмертную память»

Безусловно, в статье отражена лишь малая доля Великих имен Великих людей, чья судьба и творчество тесно связаны с одним из самых красивых мест – полуостровом Крым, который и по сей день дарит вдохновение, заряжает необыкновенной энергией творчества и созидания.

Заключение

Крым – это не просто географическая точка на карте; это пространство, насыщенное философскими смыслами и эстетическими переживаниями. Философские топосы Крыма представляют собой уникальное сочетание природы, истории и культуры. Эстетика и искусство региона

становятся площадкой для глубоких размышлений о жизни, идентичности и человеческом существовании. Крым продолжает быть источником вдохновения для тех, кто ищет ответы на важнейшие вопросы бытия, а его богатое культурное наследие служит основой для дальнейших исследований в области философии и искусства. Искусство Крыма часто обращается к теме человеческого существования в контексте природы. Например, картины Айвазовского с изображением моря становятся метафорой человеческих эмоций – бурь и спокойствия. Эта связь между природой и внутренним миром человека создает уникальное эстетическое пространство, в котором зритель может погрузиться в глубокие размышления о своем месте в мире.

Крым продолжает оставаться пространством, где природа, история и культура сливаются в единый философско-эстетический топос, где наслаиваются смыслы античности, романтизма и модерна.

На основе этого наследия развитие тематического и литературного туризма может стать ключом к устойчивому культурному развитию региона, позволит сохранить память о великих творцах и создать новые форматы интеллектуального туризма (литературные резиденции, фестивали).

Жизнь, идеи и творчество выдающихся личностей могут стать основой для создания маршрута, который будет не только образовательным, но и вдохновляющим. Это представляет собой уникальную возможность привлечь туристов, заинтересованных в глубоком понимании культурного наследия региона и желающих погрузиться в философские идеи.

Перспективы дальнейших исследований:

– Анализ влияния крымских топосов на современное искусство. – Разработка интерактивных экскурсионных программ с использованием digital-технологий.

– Цифровизация экскурсий (VR-туры по пушкинским местам).

– Междисциплинарные исследования (философия + экология + искусствоведение).

– Создание «литературного кластера» (Гурзуф – Ялта – Балаклава) с интерактивными экскурсиями.

– Включение крымских пейзажей в VR-проекты для виртуальных путешествий.

– VR-реконструкции – например, «оживление» картин Айвазовского в формате 360°.

– Диджитал-гиды по музеям с дополненной реальностью (например, «Чехов в Ялте: неизвестные письма»).

Литературно-художественные маршруты

– «Художники и архитекторы Симферополя: от Айвазовского до Белозерского» – экскурсия 2025 года, раскрывающая связь творцов с крымской столицей.

– «Солнце в бокале: Куприн в Балаклаве» – интерактивный тур с дегустацией местных вин.

«Крым – это место, где пейзаж становится мыслью, а мысль – искусством» (адаптация высказывания М. Волошина – Авт.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Долинин, А. А. Путешествие по «Путешествию в Арзрум». – Москва: Новое издательство, 2023. – 308 с. ISBN 978-5-98379-270-8.
2. Лучшие экскурсии Крыма: отзывы туристов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.otzyv.ru/ (дата обращения: 30.04.2025).
3. Философская мысль в Крыму: страницы истории. К 100-летию Таврического университета. – Симферополь: ООО «Антиква», 2018.
4. Асмус, В. Ф. Эмпедокл / В. Ф. Асмус // Античная философия. – Москва: Высшая школа, 1976.
5. Сухоруков, В. Н. Биографический словарь Крыма. Книга первая. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. – 528 с., илл.
6. Айвазовский, И. К. Документы и воспоминания. – Феодосия, 2020.
7. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма в двенадцати томах. – Москва: Наука, 1980.

УДК 330.14:008

ЭТНИЧЕСКИЕ ОРНАМЕНТЫ: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ И ПЕРСПЕКТИВ КУЛЬТУРНОЙ КАПИТАЛИЗАЦИИ

ETHNIC ORNAMENTS: ANALYSIS OF PROBLEMS AND PROSPECTS OF CULTURAL CAPITALIZATION

Жаворонкова Зинаида Александровна
аспирант кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела, Института экономики и управления, Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского
Zhavoronkova Zinaida Alexandrovna
PhD student of Department of Marketing, Trade and Customs Affairs, Institute of Economics and Management, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию этнических орнаментов в ракурсе культурного капитала. В ходе исследования был проведен эксперимент, в рамках которого изучалась вербальная реакция испытуемых на элементы этнического орнамента. По результатам эксперимента был произведен контент анализ.

Abstract. This work is devoted to the study of ethnic ornaments from the perspective of cultural capital. In the course of the study, an experiment was conducted in which the verbal reaction of the subjects to the elements of ethnic ornament was studied. Based on the results of the experiment, a content analysis was performed.

Ключевые слова: орнамент, культурный капитал, этнос, символика.
Keywords: ornament, cultural capital, ethnicity, symbolism.

В современных условиях истончения культурных границ в связи со стремительно развивающейся глобализацией крайне актуальными становятся механизмы сохранения национальной идентичности с целью поддержания и развития культурного капитала. Повсеместная цифровизация различных областей общественной жизнедеятельности, в свою очередь, определяет потенциальные векторы развития культурного капитала. Так, с целью обеспечения широкого внедрения цифровых технологий в культурное пространство страны Министерством культуры Российской Федерации был запущен Федеральный проект «Цифровая культура» [1].

Само понятие «культурный капитал» пришло в обиход научного мира в середине 20-го века, благодаря книге французских ученых П. Бурдье и Ж.-К. Пассрон «Воспроизводство» [2]. В своей работе авторы особое внимание уделили эффектам символического господства, реализуемого со стороны доминирующей модели культуры. Наиболее полное определение понятию дает в своей работе А.В. Кудинова, которая выделяет у культурного капитала тройственную природу. Культурный капитал [3]:

– объективен, т.к. данного рода капитал существует в виде материальной или духовной формах;

– рефлексивен, т.к. интерпретируется и оценивается лишь в рамках предметного поля индивида или сообщества;

– продуцирует человеческую активность в различных формах предметной или умственной деятельности, т.к. имеет стоимостную природу.

Библиографический анализ

В наукометрической базе данных РИНЦ на апрель 2025 года насчитывается 4245 научных работ в реферируемых журналах, посвященных изучению различных направлений развития культурного капитала. Из них нами были отобраны 70 публикаций, направленных на изучение наиболее актуальных тенденций. Облако тегов, представленное 129 ключевыми словами, позволило выделить тематические кластеры, показывающие основные направления исследований (рисунок 1).

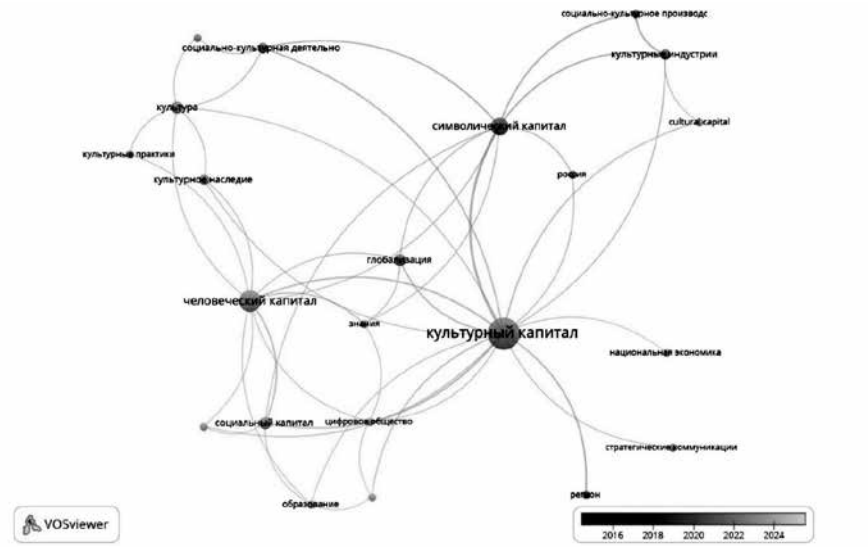

Рисунок. 1 – граф облака тегов, посвященных культурному капиталу, извлеченной из базы РИНЦ. Источник: собственные исследования

Библиографический анализ, извлеченных данных демонстрирует, что в исследованиях последних лет наблюдается смещение вектора в область цифровизации общества, образования и социального капитала. Работы, связанные с культурным наследием, а также символикой проводились в период с 2016 по 2020 гг., что свидетельствует об отсутствии актуальных исследований в данном направлении. Более того, исследования символи-

ки с точки зрения культурного капитала не затрагивают аспекты этнического орнамента, в рамках которого каждый узор, как отдельный элемент несет в себе некий «культурный код» конкретного народа.

Контент-анализ потребительской оценки

Для определения специфики вербального восприятия этнических орнаментов нами был проведен эксперимент, в котором приняли участие 12 респондентов в возрасте с 18 до 25 лет с равным гендерным распределением. В ходе исследования участникам эксперимента демонстрировались элементы национальных костюмов народов Крыма, содержащие этнические орнаменты. Испытуемым было необходимо в условиях временной ограниченности (15 секунд) сформулировать то, что их привлекает, или же отталкивает в рамках представленных изображений. В качестве изображений использовались фото, сделанные в этнографического музее г. Симферополь.

Стоит отметить, что «духовное возрождение России связано с развитием интереса к национальным традициям и культурам народов, которые проживают на ее территории» [4]. Однако этнические орнаменты, применяемые, как правило, в виде дизайна элементов одежды, воспринимаются аудиторией как нечто сложное, но при этом привлекательное, о чем свидетельствуют результаты контент анализа проведенного эксперимента (рисунок 2).

Рисунок. 2 – результаты контент анализа восприятия этнических орнаментов.
Источник: собственные исследования

Стоит отметить, что несмотря на визуальную привлекательность этнических орнаментов, аудитория отмечала сложность ее восприятия из-за многослойности элементов. Современной аудитории все сложнее воспринимать большое количество элементов в рамках одного кадра, о чем также свидетельствуют повсеместные редизайны логотипов крупных брендов в пользу минимализма (например, MasterCard, Warner Bros, Сбербанк и т.д.). С точки зрения маркетинга подобная тенденция обусловлена стремлением к повышению запоминаемости визуальных символов, поскольку чем лаконичнее образ, тем быстрее он считывается и идентифицируется. Однако, с другой стороны, подобная тенденция формирует некоторую «потребительскую привычку» и уже более сложносочиненные визуальные соединения считываются мозгом человека как нечто «странное» и нетипичное.

Таким образом в процессе популяризации среди населения этнических орнаментов, как элемента культурного капитала возникает противоречивая дилемма – необходимость адаптации сложносочиненных элементов орнамента к потребительскому восприятию, при этом без искажения их аутентичности. Однако адаптация этнических орнаментов является неотъемлемой частью сохранения культурного наследия народов в условиях глобализации с целью сохранения своей национальной идентичности. Следовательно, культурный капитал представляет собой не просто «наследие прошлого», а именно ресурс, требующий рационального управления.

Исследование финансируется за счет гранта Государственного Совета Республики Крым (Постановление Президиума Государственного Совета Республики Крым от 22 января 2025 года № п95-3/22).

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный проект «Цифровая культура» [Электронный ресурс]. URL: http://culture.gov.ru/about/national-project/digital-culture/ (дата обращения: 09.04.2025).
2. Бурдье П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство / пер с франц. Н. Шматко. М., 2007
3. Кудинова Анна Васильевна О методологии концепции культурного капитала // Культурная жизнь Юга России. 2013. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-metodologii-kontseptsii-kulturnogo-kapitala (дата обращения: 10.04.2025).
1. Ярош, О. Б. Восприятие потребителями этнических орнаментов для сувенирной одежды: результаты применения технологий нейромаркетинга и искусственного интеллекта / О. Б. Ярош, З. А. Жаворонкова // Управленец. – 2024. – Т. 15, № 3. – С. 57-70. – DOI 10.29141/2218-5003-2024-15-3-4.

УДК 069.3:75.035:159.9:355

ОЛЬФАКТОРНОЕ ПРОСТРАНСТВО МЕМОРИАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ О ВОЙНАХ

OLFACTORY SPACE OF MEMORIAL MUSEUMS: CURRENT PRACTICES OF PRESERVING MEMORY OF WARS

Дяченко Дарья Анатольевна
аспирант кафедры культурологии, Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна, Крымского Федерального Университета им. В. И. Вернадского
Научный консультант – И. А. Андрющенко
Dyachenko Darya Anatolyevna
PhD student of Department of Culturology, Institute of Media Communications, Media Technologies and Design of V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Academic advisor – I. A. Andryushchenko

Аннотация. Статья исследует роль ольфакторного пространства в мемориальных музеях как инновационного инструмента сохранения и трансляции памяти о войнах. Автор анализирует потенциал запахов в создании мультисенсорного опыта, способного преодолеть эмоциональную дистанцию между посетителем и историческими событиями. На примере экспозиций различных военных и исторических музеев демонстрируется, как искусственно смоделированные или естественные ароматы активизируют аффективную память, превращая пассивного наблюдателя в сопереживающего участника.

Abstract. The article explores the role of the olfactory space in memorial museums as an innovative tool for preserving and broadcasting the memory of wars. The author analyzes the potential of smells in creating a multisensory experience that can overcome the emotional distance between the visitor and historical events. Using the example of the expositions of various military and historical museums, it is demonstrated how artificially modeled or natural flavors activate affective memory, turning a passive observer into an empathetic participant.

Ключевые слова: мемориальный музей, ольфакторное пространство, война, историческая память.

Keywords: memorial museum, olfactory space, war, historical memory.

Актуальность исследования. Современный музей находится в постоянном поиске новых способов репрезентации коллекций, особого языка, который позволит сделать музейный рассказ понятным разным аудиториям. Практики мемориализации войн в музейном пространстве сочетают как традиционные формы, так и инновационные подходы, находящиеся в стадии становления или трансформации. Одной из активно

развивающихся тенденций является создание мультисенсорного опыта – интеграции различных аспектов сенсорного восприятия в экспозиционное пространство.

Цель исследования – проанализировать потенциал ольфакторного пространства мемориальных музеев как инновационного инструмента сохранения и трансляции памяти о войнах.

Результаты исследования. Обонятельные ощущения являются мощными триггерами личных воспоминаний и могут сыграть важную роль в приобщении аудитории к памяти о значимых исторических событиях. Это объясняется физиологической спецификой. Обонятельная луковица головного мозга напрямую связана с миндалиной и гиппокампом. Анатомическое соседство, благодаря которому обрабатываются обонятельные сигналы, обеспечивает уникальный набор ассоциаций между запахами, воспоминаниями, эмоциями и даже межличностными отношениями [1].

Историк культуры К. Классен в своих работах обращается к сенсорной истории музейных практик, отмечая, что в ранних кабинетах редкостей и музеях посетители активно взаимодействовали с экспонатами через тактильные и обонятельные каналы восприятия [2]. Только в конце восемнадцатого века западные философы и ученые начали переоценивать и очерчивать границы наших сенсорных модальностей. Зрение одержало верх над другими чувствами, а обоняние оказалось в самом низу эпистемологической иерархии. В ходе своей эволюции художественные музеи сформировались как институции, в которых центральное место занимает визуальная демонстрация экспонатов. При этом их коммуникация с посетителями сохраняет требование соблюдения физической дистанции, отражая противоречие между открытостью культурного наследия и необходимостью его защиты. Тем не менее современные теории, лежащие в основе практики оформления выставок, признают важность мультисенсорных подходов для создания новых впечатлений и охвата более широкой публики.

Особое внимание уделяется ольфакторному измерению в мемориальных музеях, посвященных теме социальных катастроф, военных конфликтов и коллективных травм. Запахи здесь интерпретируются как инструмент репрезентации исторической памяти, способный реконструировать эмоциональный контекст эпохи и активизировать диалог между прошлым и настоящим. Чувство аффекта, достигаемое с помощью запахов, позволяет погрузиться в атмосферу и пережить события, сменяя роль реципиента с наблюдателя на участника.

Обращаясь к западной практике использования ольфакторных образов при репрезентации памяти о событиях военного времени, обратим внимание, что используются запахи, связанные с тяжелым повседневным опытом. Ярким примером интеграции ольфакторного компонента выступает экспозиция Военно-исторического музея в Дрездене, где посетителям предлагается открыть специальный контейнер, через который можно получить доступ к искусственно смоделированному ароматиче-

скому профилю, реконструирующему ольфакторную среду военных окопов. Некоторые сильные ароматы войны могут быть представлены по отдельности. В Музее битвы при Пашендейле, расположенном в бельгийском городе Зоннебеке, посетители могут почувствовать запах иприта (горчичного газа) или фосгена, а также ощутить тяжесть и неудобство противогазов. «Мы почувствовали сырость и мрачную жизнь, которой они жили, солдаты», – вспоминает одна из посетительниц [3]. А в интерактивном музее «Британия Уинстона Черчилля в годы войны» (Лондон), запах дыма, плесени, сажи и т.д. помогает воссоздать атмосферу бомбардировок [4]. В тоже время Военный мемориал Северной Ирландии предлагает специальный ящик для детей начальной школы, наполненный предметами, имитирующим настоящие экспонаты из музейной коллекции. Детям предлагается смотреть, нюхать, слушать и трогать вещи для более глубоко изучения истории [5].

Одним из самых сильных примеров ольфакторного воздействия в мемориальном музее выступает инсталляция конфискованной обуви жертв Холокоста в лагеря Майданек (Польша). 4,000 пар сохранившихся туфель из кожи и ткани, помимо визуальной выразительности, генерируют устойчивый ольфакторный образ, формируемый естественным разложением материалов. Данная часть экспозиции вызывает бурю эмоций у посетителей Мемориального музея Холокоста Соединенных Штатов в Вашингтоне. «Груда обуви произвела наибольшее впечатление, потому что они рассказали историю без единого слова», – как заметил один из учителей, побывавший в музее [6]. Обувь – это один из немногих экспонатов, которые можно понюхать, слабый запах резины, становится более тошнотворным, чем дольше вы стоите в комнате. «В целом, обувь – это предметы, которые оставляют самое глубокое впечатление на посетителей. Это показывает масштабы нацистских убийств через что-то глубоко личное», – говорит С. Лакерт, куратор постоянной экспозиции [6]. «В обувной комнате пахнет – пахнет плесенью. Воздух смыкается вокруг меня, когда я переступаю порог. Как будто обувь собирает весь воздух в комнате, удерживая его плотно, удерживая его в своих подошвах. Напоминает мне о моей потребности в воздухе и моей беспомощности без него. Предупреждающий меня о быстротечности здесь-и-сейчас. Дающий мне краткий момент испытать удушье тех, кто стоял в этих ботинках», – из блога посетительницы музея А. Уркварт [7]. Ольфакторные стимулы способствуют закреплению эмоциональной ассоциации от увиденного, усиливая вовлеченность посетителя в музейный рассказ.

В музее-квартире Зощенко представлен иная форма ольфакторного образа. Для интерактивной экскурсии «Гильдия парфюмеров» создала 7 ароматов, отражающих семь периодов жизни писателя [8]. Каждый аромат сопровождается цитатой М. Зощенко из автобиографической повести «Перед восходом солнца». Так, вторая парфюмерная композиция называется «Горечь войны» и состоит из запахов полыни, кардамона, оружейной

смазки и керосина. Это запах горечи и потерь. По словам посетителей: «Действительно горький, вещественный запах» [9]. Пятая композиция посвящена эвакуации. Это запахи березового дегтя, жженого дерева, кастореума. Как отмечают сотрудники музея: «Мы хотели донести до посетителей музея глубину чувств писателя, рассказать, чем он уникален и чем уникальна эпоха, в которой он жил. Так и родилась идея о передаче запахов, которые связаны с жизнью Михаила Михайловича, с исторической памятью. Это хорошее дополнение к рассказу экскурсовода» [10].

Таким образом, в контексте мемориальных музеев обонятельные стимулы могут выступить в качестве посредника материального наследия (артефакты, документы) с нематериальными аспектами культурной памяти (коллективные травмы, идентичность). Интеграция запахов в экспозиционное пространство создаёт условия для трансляции исторического опыта через телесное сопереживание и активизирующим процессы рефлексивного осмысления прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cahill L. The amygdala and emotional memory / L. Cahill, R. Babinsky, H. J. Markowitsch. // Nature. – 1995. – URL: https://www.nature.com/articles/377295a0 (дата обращения: 05.05.2024).
2. Classen C. Museum Manners: The Sensory Life of the Early Museum / C. Classen // Journal of Social History. – 2007. – Vol. 40, № 4. – P. 895–914.
3. Dugout Experience / Map my visit, 2013. – URL: https://www.mapmyvisit.com/object/viewobject/20235/en/C611A796E1772F8502DCEC3C27B103BA (дата обращения: 05.05.2024).
4. Левент, Н. Мультисенсорный музей: междисциплинарный взгляд на осязание, звук, запах, память и пространство / Н. Левент. – Москва : Музей современного искусства «Гараж», 2022. – 496 с.
5. Ni war memorial. Primary, 2024. – URL: https://www.niwarmemorial.org/learning/primary (дата обращения: 05.05.2024).
6. Victims' shoes speak volumes at U.S. Holocaust museum – The Seattle Times – 2012. – URL: https://www.seattletimes.com/nation-world/victims-shoes-speak-volumes-at-us-holocaust-museum (дата обращения: 05.05.2024)
7. The Beauty of Decay. – Текст: электронный // Anna Urquhart: сайт. – 2013. – URL: http://www.annaurquhart.com/2013/03/the-beauty-of-decay.html (дата обращения: 05.05.2024).
8. В музее XX век открылась экспозиция, посвященная Михаилу Зощенко. – Текст: электронный // Санкт-Петербургские ведомости – URL: https://spbvedomosti.ru/news/culture/v-muzee-xx-vek-otkrylas-ekspozitsiya-posvyashchennaya-mikhailu-zoshchenko/?ysclid=madqgf2yxi568724421 (дата обращения: 05.05.2024).
9. Запахи истории: как ароматы помогают сохранить память. – Текст: электронный // Дзен: платформа. – URL: https://dzen.ru/a/YoypAAse_SHCnLVg?ysclid=madqia1qk7120242323 (дата обращения: 05.05.2024).
10. В Петербурге представили проект «Ароматы из жизни писателя». – Текст: электронный // Год литературы: сайт. – 2021. – URL: https://godliterature.ru/articles/2021/08/09/v-peterburge-predstavili-proekt-aromaty-iz-zhizni-pisatelia?ysclid=madqh95y84602224461 (дата обращения: 05.05.2024).

УДК 7.03:69.01

ФУНДАМЕНТ КАК АРХИТЕКТУРНАЯ КОНСТРУКЦИЯ: КУЛЬТУРНЫЙ СИМВОЛИЗМ И СТРОИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

FOUNDATION AS AN ARCHITECTURAL STRUCTURE: CULTURAL SYMBOLISM AND CONSTRUCTION PRACTICE

Айсинов Иван Андреевич
аспирант Института «Академия строительства и архитектуры» Крымского Федерального Университета им. В. И. Вернадского
Научный консультант: доктор философских наук
Д.В. Гарбузов
Aisinov Ivan Andreevich
PhD student of Institute «Academy of Construction and Architecture» V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Анотация. Фундамент – это неотъемлемая часть любой архитектурной конструкции. С технической точки зрения он выполняет роль опоры здания, обеспечивая его устойчивость и долговечность. Однако фундамент – это не только инженерное решение, но и также сильный культурный символизм, который очень четко отражает в себе философские представления о бытии, устойчивости и основании. Мы рассмотрим фундамент как архитектурную конструкцию с двух сторон: как практическое инженерное решение и как культурно-философский символ, играющий важную роль в истории архитектуры и культуры.

Abstract. The foundation is an integral part of any architectural structure. From a technical point of view, it serves as a support for the building, ensuring its stability and durability. However, the foundation is not only an engineering solution, but also a powerful cultural symbol that reflects philosophical ideas about being, sustainability and foundation. In this essay, we will look at the foundation as an architectural structure from two sides: as a practical engineering solution and as a cultural and philosophical symbol that plays an important role in the history of architecture and culture.

Ключевые слова: фундамент, культурный символизм, архитектура, культура

Keywords: basis, cultural symbolism, architecture, culture

Фундамент в строительной практике: технический аспект

С точки зрения строительной науки, фундамент – это основа, которая передает нагрузку здания на грунт. Он должен быть прочным, устойчивым и долговечным, чтобы предотвратить осадку здания, деформации, разрушение и любые другие возможные негативные последствия возни-

кающие в следствии эксплуатации. Виды фундаментов различаются в зависимости от типа грунта, климата, высоты и назначения здания, они бывают ленточные, плитные, свайные и могут быть из метала, железобетона, дерева, а если рассмотреть более старые времена, то они могут быть даже из бутовых камней, спрессованных в одну прочную конструкцию. Каждый из них в свое время разрабатывался с помощью расчетов, достигнутых благодаря человеку и его упорному стремлению постигнуть новое.

Основная часть строительства плотно взаимодействует с фундаментом, требует глубокого понимания геологии, физики и материаловедения. Ошибки в проектировании или строительстве фундаментов влекут за собой катастрофические последствия – начиная от трещин в стенах и в плоть до полного обрушения здания. Таким образом, фундамент – это не просто технический элемент, а результат сложного взаимодействия науки, техники и опыта.

Культурный символизм

Помимо технической функции, фундамент несет глубокий символический смысл. В культуре и философии он часто выступает метафорой основания, опоры и начала. Фундамент символизирует устойчивость, надежность и связь с землей – тем самым отражая важные представления человека о мире и своем месте в нем.

Символика основания

В некоторых культурах фундамент воспринимается как священный элемент. К примеру, в традиционной архитектуре большого количества народов возведение фундамента сопровождалась ритуалами и обрядами, необходимыми для защиты здания, а также всех, кто там находился и проживал. Фундамент связывали с землей, предками и космосом, что подчеркивало его роль как точки соприкосновения материального и духовного. В философии фундамент часто используется как метафора для обозначения основы принципов знания и бытия. В эпистемологии фундаментализм – это позиция, утверждающая, что существует набор неопровержимых основ, на которых строится все знание. Аналогично в архитектуре фундамент – это то, что позволяет построить здание и сохранить его целостность [1].

Устойчивость бытия

Фундамент символизирует не только физическую устойчивость, но и устойчивость бытия в более широком смысле. В философии экзистенциализма, например, человек постоянно ищет «фундамент» для своего существования – смысл, ценности, опору в мире, который часто кажется неопределенным и хаотичным. Таким образом, фундамент становится символом поиска устойчивости и порядка в жизни.

Значение фундаментов в истории архитектуры

История архитектуры демонстрирует, как менялось понимание и роль фундамента в разных эпохах и культурах. В античности, например, фундамент воспринимался как необходимая база для создания гармоничных и пропорциональных зданий, отражающих идеалы красоты и порядка. В средневековой архитектуре фундамент приобретал сакральное значение, связывая здание с божественным порядком. В эпоху модернизма внимание к фундаменту сместилось в сторону технологических аспектов, однако философские размышления о фундаменте не исчезли. Современные архитекторы и философы архитектуры рассматривают фундамент как часть сложной системы смыслов, где технические решения переплетаются с культурными и эстетическими задачами.

Фундамент и философия архитектуры

Философия архитектуры помогает понять, что фундамент – это не просто физическая основа, а элемент, который формирует наше восприятие пространства и места. Архитектура, по словам философа Кристофера Александера, – это «живая наука», где каждое решение влияет на качество жизни и восприятие мира. Таким образом, это все становится частью художественного и философского замысла, который формирует смысл здания и его связь с окружающей средой. Это подчеркивает важность осмысления технических деталей как носителей культурного и философского значения [2].

Современные тенденции и вызовы

В современном строительстве фундамент сталкивается с новыми вызовами: изменением климата, урбанизацией, использованием новых материалов и технологий. Экологическая устойчивость и адаптация к изменяющимся условиям требуют переосмысления традиционных подходов к фундаменту. В то же время растет интерес к сохранению культурного наследия, где фундамент играет ключевую роль в сохранении исторических зданий и памятников. Это требует интеграции инженерных знаний с культурологическим и философским пониманием.

Фундамент как архитектурная конструкция – это не только техническая основа здания, но и как было ранее сказано сильнейший культурный символ, держащий в себе философские и культурные представления об основании, устойчивости и бытии. Он служит метафорой для поиска прочных оснований в философии и одновременно воплощает культурные и исторические смыслы в материальной форме [5]. Строительная практика с философией архитектуры взаимно обогащают друг друга, раскрывая

фундамент как ключевой элемент, связывающий техническое, культурное и философское измерения архитектуры. В современном мире, где технологии и культура стремительно меняются, осмысление фундамента как символа и практического решения становится особенно важным для создания устойчивого и значимого архитектурного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман Ф. Основы проектирования фундаментов // История фундамента. – Мастер отделочник, 2004.
2. Кассирер Э. Философия символических форм – Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 960 с.
3. Виды фундаментов: столбчатые, ленточные, свайные и плитные // ESG Moscow. URL: https://esg-moscow.ru/blog/tpost/i4z5uf7zps-vidi-fundamentov-stolbchatie-lentochnie (дата обращения 08.05.2025)
4. Техническое обследование грунтов основания и фундаментов. – URL: https://spo-ural.ru/uslugi/obsledovanie-stroitelnyh-konstruktsij/obsledovanie-gruntov/ (дата обращения 08.05.2025)
5. Фундамент: требования, процесс работы, производство. – URL: https://www.spb-optima.ru/fundament-doma/fundament-faq.html (дата обращения 08.05.2025)

УДК 130.2

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ СТРАХ И ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА: ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ВЫЗОВОМ ПОСТМОДЕРНА

EXISTENTIAL FEAR AND DIGITAL CULTURE: HUMANITY FACING THE CHALLENGE OF POSTMODERN

Аюпова Кристина Ирековна
студент кафедры философии, Института «Таврическая Академия», Крымского федерального университетп имени В. И. Вернадского.
Ayupova Kristina Irekovna
Student of the Department of Philosophy of Institute "Taurida Academy" of V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

Аннотация. Современная цифровая культура превращает повседневную жизнь в сложную сеть новых коммуникаций и символов. В таких условиях особое значение приобретает феномен экзистенциального страха, то есть внутренней тревоги человека перед неопределённостью бытия. В данной статье анализируются основные источники этого страха в контексте постмодерна: размытость идентичности, изменение смыслов и влияние технологий. Показано, что цифровая среда усиливает диссонанс между личностью и реальностью, создавая новые формы тревоги и неопределённости.

Abstract. Modern digital culture transforms everyday life into a complex network of new communications and symbols. Under these conditions, the phenomenon of existential fear – an inner anxiety experienced by individuals in the face of the uncertainty of existence – acquires particular significance. This article analyzes the main sources of this fear within the context of postmodernity: the blurring of identity, the transformation of meaning, and the influence of technology. It is shown that the digital environment intensifies the dissonance between the self and reality, creating new forms of anxiety and uncertainty.

Ключевые слова: цифровая культура, экзистенциальный страх, постмодерн, идентичность, информационная перегрузка, социальные сети, смысл жизни.

Keywords: digital culture, existential fear, postmodernity, identity, information overload, social networks, meaning of life.

В последние десятилетия быстрый рост цифровых технологий и сетевых коммуникаций сильно меняет образ жизни человека. Цифровая культура, а именно – совокупность всех медиа, платформ и технологий, внедряется во все сферы социума и формирует новые способы

осмысления мира. На этом фоне особенно острым становится «экзистенциальный страх» – тревога перед бессмыслицей или хаосом существования. Появился «новый статус» человека – «цифрового кочевника», скитающегося в виртуальной среде [1]. В таком гибридном мире привычные ориентиры быстро размываются, и сам человек меняется вместе с технологией.

В условиях постмодерна такая трансформация сопровождается глубокой экзистенциальной тревогой. Утрата устойчивых институтов порождает у многих чувство неопределённости и тревоги за будущее. Как отмечал З. Бауман – современное общество пронизано «всепроникающим чувством неопределённости», вызывающим ожидание непредсказуемых изменений и «атмосферу постоянного страха» [3]. В этом мире любой сбой в привычной картине воспринимается как угроза, а привычные рамки поведения – как временные.

Цифровая культура глубоко проникает в каждодневные практики человека, меняя их с новой скоростью. По мнению А. В. Дроздовой, «цифровая среда проникает в наши рутинные повседневные практики, изменяя, деформируя и создавая их новые конфигурации» [1]. Интернет и мобильные сети ускорили жизнь – теперь информация доступна мгновенно, а коммуникация перестала быть ограниченной во времени и пространстве [1]. Вместе с тем такие инновации «ускорили нашу повседневную жизнь, изменили время коммуникации, количество и качество потребляемой информации, привычные формы и практики существования» [1]. Эти изменения идут не спонтанно, а отражают глубинные перемены «культуры позднего модерна»: они меняют характер самосознания и социальных связей, влияя на субъективность каждого человека [1]. Однако по мере того как цифровые практики становятся рутинными, ощущается и другая сторона: стремительность перемен разрывает устойчивость опыта. «Скорость происходящих изменений современной культуры ломает устойчивость и привычность нашего опыта повседневных действий. Самая неизменная часть наших действий – повседневные практики – сегодня быстро меняются и уже не так устойчивы и стабильны, как это было прежде» [1]. Таким образом, хоть цифровое присутствие открыло новые возможности для самовыражения и коммуникации, оно одновременно лишает человека опоры на прочную и повседневность.

На фоне этого и рождается экзистенциальная тревога. Постмодерн, как отрицающий один общий смысл жизни, создаёт ситуацию «моральной несовместимости» человека с окружающим миром [2]. Как писал З. Бауман, современные индивиды живут «в атмосфере постоянного страха» и неопределённости, поскольку они «пробуждают подозрение, что нынешние, вполне знакомые рамки поведения не будут оставаться постоянными достаточно долго» [2]. Накопление экзистенциальных угроз (от глобальных катаклизмов до социальных конфликтов) делает ситуацию человека тревожной по умолчанию. При этом, сама способность рассуждать о проблеме усложняется: слишком глубоко потребительская

и играющая культура прячут истинную реальность. Постоянный поток новостей дополняет «атмосферу страха»: человек окружен сплошными «фейками», что ещё больше сбивает с толку и усиленно растит тревожность.

Одновременно в постмодерне происходит утрата стабильных идентичностей и переход к «жизненному тексту». Границы между «реальным» и «виртуальным» стираются, а опыт заменяется симуляцией. Современный человек не имеет одной завершенной идентичности, наоборот, он испытывает «множественность» ролей и «жизней», которые меняются в зависимости от платформы и социальных контекстов. Опыт настоящего отодвигается: мы всё больше живем не «в опыте», а «в его тексте», когда виртуальные образы поведения начинают задавать нормы (концепция «симулякра» Ж. Бодрийяра). В этом смысле цифровой мир сам по себе оказывается «модусом бытия», в который всё больше погружаются молодые люди [3]. Однако такая «вторая жизнь» часто оказывается поверхностной: виртуальная религия и духовность «становятся поверхностными из-за изменения восприятия информации современными людьми» [4]. Также деградирует и глубина социальных связей: «социальная сеть» превратилась во множество одинаковых сообществ, а настоящий диалог сменяется обменом постами и эмоджи.

В новых условиях обостряется «цифровое бессознательное» и «эффект постоянной включенности». Здесь под «цифровым бессознательным» можно понимать те аспекты психики, которые вбираются в себя технологиями бессознательно, без осознания самого человека. Современные алгоритмы анализируют поведение, эмоции и бессознательные предпочтения пользователя, направляя контент и рекламные посты прямо в глубокие слои психики. Инструменты «психополитики» попадают в дорефлексивные, инстинктивные и эмоциональные слои нашего поведения [4]. Непрерывно включенные экран смартфонов, постоянные уведомления и социальные сети не дают отключиться – человек чувствует себя всегда на виду и постоянно доступен. Это приводит к постоянному стрессу: мы будто находимся под постоянным микрофоном, боясь пропустить что-то важное. Вследствие чего, многие испытывают фоновую тревожность, не успевая осмыслить полученную информацию.

Эта информационно-ритуальная перегрузка порождает так называемый парадокс выбора. С одной стороны, цифровая среда открывает невиданный доступ к знаниям, развлечениям, товарам и альтернативам – кажется, что возможностей бесконечно много. С другой стороны, изобилие опций буквально парализует: решимость становится тяжелой, а осознание «быть неправильным» – мучительным. Как показывает концепция «информационного синдрома усталости», «мозг перенасыщен информацией, он перегружен и находится в состоянии тревоги, что приводит к

неспособности адекватно воспринимать и перерабатывать необходимый объем поступающей информации» [5]. Избыток информации снижает способность принимать осмысленные решения, вызывая раздражительность и постоянный стресс. Таким образом, «синдром информационной усталости» становится характерной чертой цифрового сознания: человек жалуется, что «голова перегружена информацией и начинает болеть», а привычный выбор задач усложняется до степени аналитического паралича [5].

Отдельный феномен – попытки сбежать от страха и пустоты через самопомощь, лайф-коучинг и онлайн-духовность. Многие люди, чувствующие тревогу и неопределённость, пытаются обрести успокоение в новых формах «духовности» и психологической саморегуляции, доступных в сети. Появляются мобильные приложения для медитации, онлайн-группы по саморазвитию, «коучеры» и «гуру» в соцсетях, которые предлагают «формулы счастья» и обессмысливают страх. Однако подобные цифровые практики нередко оказываются поверхностными и ритуальными. Так, критики отмечают, что интернет-религия часто теряет глубину и становится лишь «поверхностной» из-за особенностей восприятия информации в Сети [6]. Участие в виртуальных медитациях и лайв-трансляциях сакральных ритуалов не заменяет живого опыта общения – напротив, это может только усилить ощущение эмоциональной пустоты. Подобный же характер имеют многие методы самопомощи: они предлагают универсальные рецепты, отвлекая от реального осмысления проблемы. Поиски «опоры» через цифровые символы и знаки (лайки, сертификаты, дипломы онлайн-курсов) превращаются в новую форму символического контроля, чаще всего не устраняя, а лишь смягчая тревогу [6].

Цифровая культура постмодерна кардинально меняет человеческий опыт: она разрывает стабильность повседневности, размывает идентичности, углубляет тревогу и одновременно предлагает иллюзорные утешения. Современный человек часто разрывается между «молниеносным» потоком информации и поиском устойчивой опоры смысла. В таких условиях экзистенциальный страх приобретает новые формы – тревогу бессмысленности сегодня усиливают не только глобальные кризисы, но и субъективные переживания перегрузки и неопределённости.

Вместе с тем цифровая среда не отменяет потребности в глубоком субъективном опыте; она требует лишь пересмотра наших практик и ожиданий. Философская рефлексия призывает учиться жить осознаннее: задавать вопросы, вырабатывать «цифровую гигиену» внимания и самоопределения, а также искать новые нарративы общности вне чисто виртуальных рамок. Практические ответы могут включать развитие критического мышления и возрождение ценностей устойчивой «аутентичности». Лишь осознав ограничения технологической «панорамы бытия», человек способен отыскать реальные источники опоры – будь то связь с

живым сообществом, творчество, этический выбор или духовные смыслы. Таким образом, экзистенциальный страх в цифровом постмодерне может стать не только ловушкой, но и стимулом к новому самоопределению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дроздова А.В. Трансформация повседневных практик в цифровой реальности // Вестник Гуманитарного университета. 2022. № 1. С. 56–60.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
3. Кудрявцева М.Е., Пряхина А.В. Цифровая культура личности как фактор социально-психологической безопасности цифрового пространства // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 5. С. 98-116.
4. Инфократия – цифровизация и кризис демократии [Электронный ресурс] // A Terra (Бразилия). 2023. URL: https://aterraeredonda.com.br/infocracia-o-digitalizacao-e-a-crise-da-democracia/ (дата обращения: 03.05.2025).
5. Кугаевская В.А. Информационное перенасыщение – феномен ли? [Электронный ресурс] // Pi-Perm. 2020. URL: https://pi-perm.ru/?p=1053 (дата обращения: 04.05.2025).
6. Кирякова А. Цифровая религиозность: как технологии влияют на нашу духовную практику // Блог 4brain. 2023. URL: https://4brain.ru/blog/cifrovaya-religioznost/ (дата обращения: 01.05.2025).

УДК 7.01: 004

ИЗЪЯНЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЦИФРОВОГО ИСКУССТВА

DRAWBACKS OF DIGITAL ART

Шаптала Екатерина Валериевна
Студент кафедры философии, Института «Таврическая академия», Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Shaptala Ekaterina Valerievna
PhD Student of the Department of Philosophy of Institute "Taurida academy" of V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. Статья посвящена современным тенденциям и вызовам в сфере цифрового искусства, которое претерпевает значительные изменения под влиянием новейших технологий. Отмечается ряд существенных недостатков, среди которых спекуляция, отсутствие единого стандарта качества и проблемы авторства и интеллектуальной собственности. Анализируются изменения, происходящие в восприятии искусства, вызванные использованием нейросетей и социальным признанием, а также поднимаются философские вопросы о природе творчества и авторства в цифровую эпоху.

Abstract. The article is devoted to current trends and challenges in the field of digital art, which is undergoing significant changes under the influence of the latest technologies. There are a number of significant drawbacks, including speculation, the lack of a single quality standard, and problems of authorship and intellectual property. The article analyzes the changes taking place in the perception of art caused by the use of neural networks and social recognition, as well as raises philosophical questions about the nature of creativity and authorship in the digital age.

Ключевые слова: цифровое искусство, виртуальная реальность, AI-художники, нейроискусство, авторство, NFT, интеллектуальная собственность, спекуляция, качество искусства, социальная медиация.

Keywords: digital art, virtual reality, AI artists, neuro-art, authorship, NFT, intellectual property, speculation, quality of art, social mediation.

Цифровое искусство переживает эпоху глобальных изменений, в ходе которых технологии оказывают глубокое влияние на процессы создания, восприятия и распространения произведений. В последние десятилетия искусство стало значительно более многогранным и доступным, и цифровизация уже не воспринимается как просто дополнительный инструмент для традиционных форм творчества. Появление новых технологий, таких как виртуальная реальность, дополненная реальность и искусственный интеллект, не просто изменили способы работы художников, но и

полностью трансформировали сам процесс художественного выражения. Это не просто новый способ создания картин или скульптур – это создание целых миров, которые существуют только в цифровом пространстве.

Ярким примером российского проекта служит интерактивная выставка IN TO, разработанная мультимедиа-студией Sila Sveta [1]. Она воссоздаёт жизнь молекул и предоставляет зрителям возможность заглянуть внутрь этого процесса. Каждому посетителю присваивается уникальный цифровой организм, который будет расти и эволюционировать. Находясь в общем пространстве, гости могут не только наблюдать за развитием, но и невербально взаимодействовать с помощью своих цифровых организмов.

Примером подобного эксперимента стала первая российская образовательная метавселенная НЕЙМАРК, представляющая собой виртуальный учебный комплекс международного класса [2]. Разработанная усилиями команды некоммерческих организаций («Горький Тех», «Проектный офис стратегии развития Нижегородской области») и компании AVM Technology, эта платформа обеспечивает участникам уникальную возможность посещения лекционных занятий, выполнения лабораторных исследований и реализации собственных цифровых проектов прямо в виртуальной среде. Особое внимание уделено специальному разделу профессиональной ориентации, позволяющему учащимся погрузиться в разнообразные профессиональные сферы, включая специалиста по 3D-технологиям, спасателя и крановщика, предоставляя виртуальный опыт будущей трудовой деятельности.

Несмотря на такого рода достижения, современное состояние рынка цифрового искусства характеризуется несколькими существенными недостатками, которые заслуживают особого внимания.

Во-первых, преобладает спекуляция и коммерциализация. Многие художники используют цифровые платформы, такие как OpenSea и Rarible, для быстрой монетизации своих работ, нередко пренебрегая качеством и глубиной содержания. Создаются проекты, предназначенные скорее для быстрой продажи, чем для реального художественного высказывания. Примером этого служит массовый выпуск дешёвых копий популярных изображений, продаваемых как уникальные объекты за большие деньги. Подобные манипуляции разрушают доверие к рынку и размывают грань между искусством и товаром массового спроса.

Во-вторых, отсутствует единый стандарт качества. Каждая платформа устанавливает свои правила оценки произведений, а пользователи вынуждены ориентироваться на субъективные мнения и рейтинги. В результате низкопробные работы получают равный статус с глубокими и качественными проектами, вызывая недоумение и разочарование у любителей искусства [3].

Третья проблема связана с авторством и интеллектуальной собственностью. Действительность ярко иллюстрирует трудности, возникающие в условиях цифровой эры. Случаи неправомерного использования цифровых произведений учащаются. Например, в 2025 году наблюдается рост случаев незаконного копирования и распространения цифрового контента [4].

Одним из ярких примеров является ситуация, когда российские художники сталкиваются с плагиатом своих работ в интернете. Развитие цифровых технологий привело к увеличению незаконного использования авторского контента, что создает серьезные проблемы для творческих профессий.

Для борьбы с этим явлением авторы все чаще прибегают к судебным разбирательствам. Поскольку цифровое искусство может быть легко скопировано и распространено, возникают серьезные юридические и этические проблемы, особенно в связи с новой технологией, которая на слуху у всех – NFT (невзаимозаменяемые токены). NFT позволяют точно отслеживать происхождение произведений, что решает проблему подлинности в цифровом искусстве. Однако эта система также влечет за собой новые риски и проблемы, связанные с коммерциализацией и спекуляциями, ведь технология часто используется не для сохранения художественных ценностей, а для быстрого получения прибыли. Такие практики привели к тому, что на рынке начали появляться работы, не несущие в себе глубокой идеи или креативного посыла, а просто произведенные с целью продажи. Это открывает вопрос: что в итоге является искусством в цифровую эпоху? В чем заключается настоящая ценность цифрового произведения, если оно может быть скопировано, переработано и перепродано множество раз? Требуется разработка надежных правовых механизмов для защиты авторских прав и предотвращения злоупотреблений.

Важным моментом в цифровом искусстве является то, как оно меняет саму природу творческого процесса. С развитием искусственного интеллекта и нейросетей многие художники уже начали использовать алгоритмы и машины как соавторов своих произведений. Совместное творчество с машиной – это новая реальность, где роль художника перестает быть исключительно индивидуальной. Программы, как DeepDream или Artbreeder, генерируют изображения на основе вводных данных, созданных художниками, создавая неожиданные визуальные результаты, которые могут быть интерпретированы по-разному. Таким образом, творческий процесс приобретает новый формат: художник задает параметры, а машина предлагает варианты, которые затем можно доработать, редактировать или даже полностью использовать как готовые работы.

Эта трансформация приводит к важным философским вопросам: если машина является соавтором, то кто на самом деле является автором произведения? Это ли не ставит под сомнение старые представления об уникальности и подлинности искусства? В свою очередь, использование нейросетей и алгоритмов в художественном процессе заставляет заду-

маться о том, как меняются критерии художественного вкуса и оценки. Работы, созданные с участием искусственного интеллекта, часто не соответствуют традиционным эстетическим канонам, что поднимает новые вопросы о том, как мы определяем «красоту» и «креативность» в контексте технологических изменений.

Кроме того, цифровое искусство требует и нового подхода к оценке качества и значимости произведений. Социальные медиа, где художники могут выставлять свои работы, создают новые стандарты признания. Если раньше искусство оценивалось критиками и галереями, то сегодня основную роль в формировании успеха работы играет ее популярность в сети. Виртуальное искусство может быстро стать вирусным, что значительно расширяет возможности художников, но также ставит под вопрос долгосрочные культурные ценности произведений [5]. Например, произведения, которые набирают огромную популярность за счет вирусности и привлекательности, могут нести в себе поверхностные или коммерчески ориентированные идеи, в то время как более глубокие работы остаются незамеченными. Этот феномен порождает споры о том, какова роль истинного искусства в мире, где популярность часто определяется алгоритмами и трендами.

Современное цифровое искусство переживает эпоху значительных изменений. Технологические прорывы кардинально меняют привычные формы творчества, предоставляя художникам доступ к новым инструментам и платформам для самовыражения. Появление виртуальных метавселенных, таких как NEIMARK и IN TO, иллюстрирует новые горизонты взаимодействия между зрителями и авторами, открывая уникальные возможности для экспериментов и исследования. Тем не менее, с этими позитивными изменениями приходят и серьезные вызовы. Спекуляции и коммерциализация на таких платформах, как OpenSea и Rarible, подрывают доверие к качеству цифрового искусства, а отсутствие единых стандартов оценки лишь усугубляет проблему. Вопросы авторства и нарушения интеллектуальных прав становятся все более актуальными, требуя разработки эффективных правовых механизмов защиты.

Философские аспекты сотрудничества с искусственным интеллектом ставят под сомнение традиционные представления о авторстве и оригинальности. Искусство, созданное с помощью нейросетей, вызывает вопросы о критериях красоты и креативности. Новые форматы распространения и популяризации произведений в социальных сетях меняют правила игры, смещая акцент на популярность и зачастую игнорируя глубину содержания. Таким образом, цифровое искусство требует комплексного подхода к решению возникающих проблем. Необходимо создать условия для поддержки качественного и глубокого творчества, разработать правовые нормы для защиты авторов и внедрить объективные методы

оценки произведений. Лишь так цифровое искусство сможет сохранить свою истинную художественную ценность и внести значимый вклад в развитие культуры и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sila Sveta. IN TO: Интерактивная цифровая выставка [Электронный ресурс]. – URl: https://www.silasveta.com (дата обращения: 03.05.2025)
2. АНО «Горький Тех», АНО «Проектный офис стратегии развития Нижегородской области», AVM Technology. Первая образовательная метавселенная НЕЙМАРК [Электронный ресурс]. – URL: https://neymark.tech (дата обращения: 03.05.2025)
3. IPCMagazine. Non-Fungible Token и правовое регулирование предметов искусства в цифровом пространстве [Электронный ресурс]. – URl: https://ipcmagazine.garant.ru/articles/1729264/ (дата обращения: 03.05.2025)
4. CS-Garant. Ответственность за нарушение авторских прав в России в 2025 году [Электронный ресурс]. – URL: https://cs-garant.ru/blog/chto-grozit-za-narushenie-avtorskih-prav-v-2025-godu/ (дата обращения: 03.05.2025)
5. Pro-Dgtl. Вирусные механики в соцсетях: секреты распространения контента [Электронный ресурс]. – URL: https://pro-dgtl.ru/blog/socseti/tpost/te691496x1-virusnie-mehaniki-v-sotssetyah-sekreti-v (дата обращения: 03.05.2025)

УДК 141.1

НЕЙРОСЕТЕВАЯ МОДЕЛЬ АУТОРЕПЛИКАЦИИ ТЮРЕМНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

NEURAL NETWORK MODEL OF AUTOREPLICATION OF PRISON SUBCULTURE

Пономарев Сергей Борисович
д-р мед. наук, профессор, г. Москва, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, главный научный сотрудник филиала
Ponomarev Sergey Borisovich
Doctor of Medical Sciences, Professor, Moscow, Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Chief Researcher of the branch

Аннотация. Российская тюремная субкультура рассмотрена с позиции теории систем и теории искусственного интеллекта. Рассмотрена возможность применения нейронной сети Хопфилда для объяснения феномена ауторепликации тюремной субкультуры.

Abstract. The Russian prison subculture is considered from the standpoint of systems theory and artificial intelligence theory. The possibility of using the Hopfield neural network to explain the phenomenon of autoreplication of the prison subculture is considered.

Ключевые слова: нейронная сеть Хопфилда, тюремная субкультура, ауторепликация, теория систем.

Keywords: Hopfield neural network, prison subculture, self-replication, systems theory.

Общеизвестно, что в нашей стране исторически сложилась высокоорганизованная тюремная субкультура, которую, по мнению некоторых исследователей, можно оценивать как самостоятельную культуру, имеющую длительную историю и опирающуюся на большую социальную группу (максимум тюремного населения более чем в 2,7 миллиона человек зафиксирован в середине прошлого века). Знания, идеи и ценности тюремной субкультуры **охватывает все виды деятельности человека,** отбывающего наказание в виде лишения свободы, а многочисленные попытки противодействовать ее влиянию год за годом терпят неудачи.

В качестве причины сложившейся ситуации ранее нами было выдвинуто предположение, что тюремная субкультура приобрела свойства сложной системы (ингерентность, эмерджентность, аутореплицируе-

мость и др.), что позволяет рассматривать ее в качестве системы, обретшей самостоятельное поведение и открыто противостоящей правилам базовой культуры российского общества [1]. Развивая данное рассуждение можно предположить, что тюремная субкультура обладает признаками не просто сложной системы, но может рассматриваться как нейронная сеть, в качестве первичных элементов которой выступают носители тюремной субкультуры.

Известно, что с каждым годом знания о нейросетевых структурах получают все новое развитие. Так, цифровая трансформация обладает характеристиками так называемого «расширяющегося общества», в котором развитие человеческого потенциала усиливается за счет применения искусственного интеллекта (ИИ), цифровых технологий и широкого доступа к интернету. Это, в свою очередь, способствует устойчивому экономическому росту. За последние десять лет практически не осталось отрасли, не затронутой цифровыми инновациями.

В основе работы ИИ лежат нейронные сети – обучаемые математические модели, разработанные по аналогии с работой человеческого мозга. Каждый нейрон в такой сети представляет собой элементарный вычислительный блок (микропроцессор), описываемый математической функцией. Вся нейросеть по своей структуре напоминает граф, где взаимодействие нейронов определяется силой их соединений, то есть настраиваемыми весовыми коэффициентами. Таким образом, нейронную сеть можно представить как своеобразный вычислительный механизм, в котором программирование осуществляется путем изменения весов связей между его локальными процессорами.

Исследования нейронных сетей приводят к подчас неожиданным результатам. Так, например, с позиции теории искусственного интеллекта стало возможным объяснить самые различные природные процессы, например коллективное поведение общественных насекомых [2], управление иммунной системой человека [3], космогонические процессы [4], философские вопросы, касающиеся взаимодействия человека и Вселенной [5]. Подсмотренный в природе метод роя частиц (Particle Swarm Optimization, PSO) лег в основу управления коллективной нейросетью облаком дронов [6], а применение метода многослойного персептрона позволяет автоматически идентифицировать личность преступника.

В исследованиях О.А. Габриеляна, И.Э. Сулейманова и соавторов [7,8,9] было продемонстрировано, что процесс голосования при принятии управленческого решения (например, при утверждении результатов защиты диссертации, при вынесении приговора судом присяжных) можно интерпретировать через аналогию между коллективным голосующим органом и нейропроцессором Хопфилда. Полученные результаты позволяют предположить, что при определенных условиях итоговое решение формируется не индивидуальными участниками голосования, а возникающей в результате их взаимодействия абстрактной нейронной сетью.

Аргументация данной гипотезы основана на следующих положениях: 1) формально предполагается, что каждый член голосующего органа принимает решения автономно; 2) однако в реальных условиях существует взаимное влияние между участниками; 3) эти взаимосвязи делают структуру голосующего органа топологически схожей с нейронной сетью Хопфилда, в которой присутствуют механизмы обратной связи.

Очевидно, что такой механизм, при котором окончательное решение определяется не отдельными индивидами, а всей системой в целом, становится возможным лишь при достижении определенной плотности обратных связей между элементами системы. Тем самым подтверждается вывод о том, что общество способно порождать надличностные структуры определенного типа. В качестве примера такой структуры авторы рассматривают бюрократический аппарат, который со временем может эволюционировать в самостоятельный квазиорганизм, функционирующий независимо от формально декларируемых целей [7,8,9].

Этот тезис объясняется особенностями работы нейронных сетей. В отличие от программируемых систем, они обрабатывают входные данные иначе: информация в них распределена, а состояние всей системы не сводится к состоянию отдельных ее элементов. В этом отношении нейросеть можно сравнить с голографическим изображением: любая часть голограммы способна восстановить весь образ, пусть и с ухудшенным качеством. Аналогично и в нейросетевой структуре ключевую роль играет не столько специфика отдельных компонентов, сколько характер связей между ними. В результате элементы системы теряют свою индивидуальность, а их уникальные особенности перестают оказывать влияние на поведение сети в целом.

Таким образом, важным аспектом сказанного является то, что результатом функционирования сети Хопфилда является не только выработка коллективного *голографического* решения, но и трансформация личного мнения каждого члена решающего коллектива. В условиях длительно повторяющихся итераций, которые в тюремном коллективе воспроизводятся ежедневно, на протяжении всего срока отбывания наказания, происходит не только обучение сети, но и модификация самосознания каждого арестанта, его глубокое вовлечение в тюремную субкультуру, формирование нового первичного нейрона – процессора, активно вовлеченного в коммуникативную сеть. В результате нивелируется и инверсируется ресоциализирующая и воспитательная роль системы исполнения наказаний: происходит не исправление осужденного, а его приверженность канонам тюремной субкультуры. Это явление постоянной ауторепликации тюремной субкультуры давно отмечено исследователями. Так, например, французский философ М. Фуко писал, что тюремное сообщество превра-

щает новичков в рецидивистов, что, в конечном счете, не снижает уровень преступности и не исправляет преступников [10].

Из сделанных умозаключений вытекают и возможные пути поиска противодействия тюремной субкультуре исходя из положений системного подхода [1], показавших ранее свою эффективность при их применении в сложных иерархических системах [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Пономарев С.Б. Анализ триады «архетип-тотем-табу» в пенитенциарной субкультуре/ – Ижевск: ИжГТУ им. М.Т.Калашникова, 2021. – 160 с.
2. Миллер П. Роевой интеллект: муравьи, пчелы и птицы способны многому нас научить// National Geographic Россия. 2007. № 8. – С. 88-107.
3. de Castro L., Timmis J. Artificial Immune Systems: A new computational intelligence approach //Springer. 2002. – P. 57-58.
4. Vazza F., Feletti A. The Quantitative Comparison Between the Neuronal Network and the Cosmic Web// Front. Phys. Sec. Interdisciplinary Physics. 2020. Vol. 8. A/N 525731.
5. Vanchurin V. The world as a neural networ// Entropy. 2020. № 22(11). – P. 1210.
6. Rakesh J., Kurmi I., Bimber O. Drone swarm strategy for the detection and tracking of occluded targets in complex environments// Communications Engineering. 2023. Vol. 2. A/N 55
7. Габриелян О. А., Сулейменов И. Э. Теория сложных систем: ноосферный контекст/ – Симферополь: Издательский дом ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского», 2023. –168 с.
8. Сулейменов И. Э., Панченко С. В., Габриелян О. А. Процедура голосования с точки зрения теории нейронных сетей // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Философия. Политология. Культурология. Том 3 (69). 2017. № 1. – С. 91–99.
9. Сулейменов И. Э., Габриелян О. А., Витулёва Е. С. Проблематика искусственного интеллекта в контексте учения о ноосфере// Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Культурология. Политология. 2023. № 1. – С.4-9.
10. Foucault M. Surveiller et punir: Naissance de la prison/ Paris: Gallimard, 1975. – 328 p.
11. Prigogine I., Stengers I. Order out of chaos: man’s new dialogue with nature / New York: A Bantam Book. Inc., 1984. – 385 p.

УДК 336.71-027.21

₽СО[1] (₽УБЛИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА) – НОВЫЙ МЕТОД СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕНЕГ С УЧЁТОМ ЗАКОНОВ ДИАЛЕКТИКИ ОТ КОЛИЧЕСТВА К КАЧЕСТВУ

₽SS (RUBLES OF SOCIALIZATION OF SOCIETY) – A NEW METHOD OF SOCIALIZING MONEY BASED ON THE LAWS OF DIALECTICS FROM QUANTITY TO QUALITY

Ковалева Елизавета Степановна
автор одноимённой концепции, математик (Кубанский госуниверситет), писательница, член Российского философского общества (РФО, отделение СПб), Москва
Kovaleva E. S.
author of the concept of the same name, mathematician (Kuban State University), writer, member of the Russian Philosophical Society (RFO, St. Petersburg branch), Moscow

Аннотация. В работе обосновывается необходимость инструмент «деньги» наполнить не только экономическим, но и нравственным смыслом. Прагматичный вариант, как это сделать на уровне государственного управления обществом – в авторском проекте ₽СО (₽убли социализации общества).

Abstract. The paper substantiates the need to fill the «money» tool with not only economic, but also moral meaning. A pragmatic way to do this at the level of public administration of society is in the author's project ₽SS (Rubles of socialization of society).

Ключевые слова: рубли социализации общества, деньги, количество, качество, социализация, гармонизация, гуманизация, общество, социализм, капитализм, законы философии, диалектика.

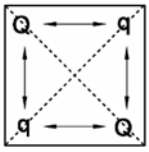
Keywords: rubles of socialization of society, money, quantity, quality, socialization, harmonization, humanization, society, socialism, capitalism, laws of philosophy, dialectics.

«Сначала мы создаём инструменты,
затем инструменты создают нас» [1]
Герберт Маршалл Маклюэн

Цель проекта: разработка и внедрение конкретной технологии, дающей возможность установления значительно более уравновешенного

[1] ₽СО – рубли социализации общества, термин везде в проекте употребляются в смысле *₽убли социализации {гуманизации, гармонизации} общества*

баланса жизнедеятельности социумов (в том числе объединение лучших сторон социализма и капитализма). Речь о балансе между экономической составляющей развития и второй важнейшей составляющей – социализацией {гармонизацией, гуманизацией} общества. Проблему предлагается решать наполнением важнейшего оценочного деятельность человека инструмента ***деньги*** нравственным смыслом (кроме существующего тысячелетиями экономического смысла).

Суть идеи: исправление ошибки, допущенной человечеством при изобретении инструмента *деньги.* А именно: *деньги* изначально и до наших дней *структурированы лишь через категорию «количество»* [2] *(Quantity) и никак не структурированы через категорию «качество»* [3],[4] *(Quality), то есть, имеют лишь экономическую сущность и не имеет нравственной, духовной сущности, и это необходимо исправить.

Перечислю некоторые фундаментальные законы науки, нарушенные при изобретении и функционировании «количества без качества» в структурировании инструмента деньги:

- основной закон философии: закон единства и борьбы противоположностей;
- закон взаимоперехода количественных и качественных изменений;
- принцип дуализма.

В идеале матрица взаимоотношения количественных изменений в обществе по отношению к качественным изменениям должна быть близка к квадратной. На этот результат, видимо, и рассчитывали при изобретении денег. Например, в Древнем Китае иероглиф, обозначающий качество, состоит из двух элементов – «равновесие» и «деньги» [4, лекция 1, стр.5].

В реальности же развитие социализации, гуманизации, гармонизации общества значительно отстаёт от динамики развития материально-технической базы, производства (в том числе вооружения, предназначенного уничтожать как созданное людьми, так и самих людей), то есть фактом является, что матрица экономического и социального развития не пропорционально квадратная, а наоборот, непропорциональная.

Приведу примеры динамики развития технологий, а затем сравним это с динамикой социализации общества.

- Развитие автомобильной промышленности. Автомобили от моделей начала XXв. до моделей нынешних времён улучшились кратно.
- То же самое касается практически любой технологической составляющей развития общества: авиационной, письменности (печати), связи (коммуникаций), решения бытовых проблем и т.д., и т.п.

А разве параллельно развитию технологий мир стал гармоничней с точки зрения социализации общества, например, разве на нашей планете

уменьшилось количество войн, стало больше справедливости и меньше пресловутых двойных стандартов? Действительностью является обратное.

Почему такой не созидательный разрыв между развитием технической и гуманитарной составляющими нашего сосуществования на планете?

Очевидно, что дело в ***неадекватных, неравновесных стимулах при деятельности человека и её оценке в соответствующих областях.***

В то же время самым привычным инструментом оценки деятельности человека являются деньги (в числе прочих их функций), которые в существующем структурировании имеют экономическую сущность, пренебрегая духовной сущностью. Очевидно, что эта ошибка однобокого взгляда на столь значимый инструмент и привела к вышеуказанному дисбалансу.

Посмотрим на проблему с другой стороны. Современное общество пришло к двум политическим общественно-экономическим коллективным системам функционирования: **социализм и капитализм.** У каждой из этих формаций есть свои плюсы и минусы. Если сузить их до ключевой формулы: у социализма приоритет нравственного над материальным (и в результате страдает материальное), у капитализма наоборот – приоритет материального над нравственным (и в результате страдает нравственная сторона жизнедеятельности социумов). Встаёт вопрос: как объединить принципы управления обществом так, чтобы примерно одинаково ценилась и материальная и социальная деятельность человека?

Я предложила (крайнее издание Проекта [5]) вариант, позволяющий:

- и исправить ситуацию со структурированием самого привычного для людей инструмента оценки их деятельности;
- и значительно способствующий объединению лучших сторон социализма и капитализма.

Суть идеи в том, что инструмент **деньги необходимо кроме экономической сущности наполнить гуманитарным смыслом. Как? Я предлагаю ныне существующим деньгам (Рэ – рубли экономические, оборот которых, по существу, имеет экономическую основу, т.е. – это классическая категория *базис*) создать конкурента: деньги, учитывающие сущность социализации {гармонизации, гуманизации} общества, деньги, которым я дала название РСО (Рубли социализации общества), оборот которых будет осуществляться по функционированию нашего общества в категории *надстройка.***

Это позволит решить принципиально важный момент: освободить оценку социальной деятельности человека от зависимости (то есть – факта быть производной) от экономической составляющей.

При этом (через разницу курсов и другие возможности) можно будет управлять соотношением между этими конкурентами, стимулируя соот-

ветствующие интересы деятельности человека, создавая баланс между экономическим и социальным развитием общества, уравновешивая результаты.

В выпущенном Проекте подробное изложение, как это осуществить. Сразу отмечу, что вариант технический, необходимое, но недостаточное условие.

***

При одновременном функционировании обычных экономических денег (Ɽэ) и их конкурента – новых денег ɌСО – возникает возможность достаточно точного математического расчёта баланса между базисом и надстройкой (а, значит – и управления их динамикой). Важно, что это можно осуществлять независимо от формы государственного устройства, от выбранного разными странами социально-экономического пути развития.

«Поскольку количественная сторона мира стала прежде всего предметом исследования математики, то в дальнейшем философские представления о количестве связывались именно с результатами изучения тех видов или форм количества, которые существовали в математике. ... Пифагорейцы первыми обратили внимание на то, что отношения между числами натурального ряда определяют закономерности между свойствами предметов внешнего мира» [2].

Общество уже пришло к необходимости упорядочивания принципиально важных составляющих развития (количества и качества в ипостасях базиса и надстройки). Научный мир также приходит к некоторым конкретным шагам в этом направлении. Например, работы Д. А. Мисюрова «Моделирование развития с помощью диалектических формул на основе двоичного счисления» [6] и «Развитие общества и комбинаторика символического моделирования» [7].

***

При этом анализ сравнения различных теорий денег (как исторических, так и современных) с идеей ɌСО показал: идея ɌСО по своей сущности не противоречит теориям денег, но значимо их дополняет (важно: безотносительно к конкретной политической, социальной и экономической философии и идеологии) [8, 9, 10].

Приведу несколько цитат (пожалуй, самого признанного в мире классика политэкономии) Карла Маркса [8, стр. 95-96].

- «Каждую полезную вещь, как, например, железо, бумагу и т.д., можно рассматривать с двух точек зрения; со стороны качества и со стороны количества» (прим. КЕС: а в то же время тысячелетиями используемый самый общий оценочный инструмент – деньги – структурированы лишь по категории «количество»).
- «Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая благодаря её свойствам, удовлетворяет какое-либо человеческие по-

требности. **Природа этих потребностей, –** ***порождаются ли они, например, желудком или фантазией,*** **– ничего не изменяют в деле».** И здесь же уместно высказывание Nicbolas Barbon: «Желание предполагает потребность, это аппетит духа, и он присущ ему столь же естественно, как голод телу… большая часть вещей имеет стоимость потому, что удовлетворяет потребности духа».

- «Полезность вещи делает её потребительной стоимостью» (прим. КЕС: если люди признали, например, интеллектуальную собственность, как нематериальный актив, то есть – признали, как «полезность вещи, которая делает её потребительной стоимостью», то очевидно, что такая же полезность существует при деятельности по социализации общества).

«Каждая … вещь есть совокупность многих свойств и поэтому может быть полезна различными своими сторонами (прим. КЕС: при этом свойства «качество» и «количество» классик политэкономии поставил во главу угла). «То же самое можно сказать об отыскании общественных мер для количественной стороны полезных вещей. ***Открыть эти различные стороны, а, следовательно, и многообразные способы употребления вещей, есть дело исторического развития».***

Вот я и предлагаю это сделать с главным оценочным деятельность человека инструментом – *деньги.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Цитата, Маршалл Маклюэн [Электронный ресурс] // ЦИТАТЫ.ИНФО. URL: https://citaty.info/quote/545272 (Дата обращения: 01.06.2025).
2. Философские категории КАЧЕСТВО и КОЛИЧЕСТВО [Электронный ресурс] // АКАДЕМИК. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/583/%D0%9A%D0%9E%D0%9B%D0%98%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%9E?ysclid=mb829f67r3791586973 (Дата обращения: 05.05.2025).
3. Гладилина И.П., Колесник В.В. СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ НАУЧНОЙ КАТЕГОРИИ «КАЧЕСТВО» [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 9-3. – С. 541-544; URL: https://fundamental-research.ru/article/view?id=39221&ysclid=mb82ipbh7n889404592 (Дата обращения: 05.05.2025).
4. Качество как социально-экономическая категория и объект управления. Управление качеством, Семенова Е. И., Коротнев В. Д., Пошатаев А. В. УЧЕБНИК, – ИЗДАТЕЛЬСТВО КолосС. – 2003. – 184 с. [Электронный ресурс] // УНИВЕРСИТЕТ БЕЗ ГРАНИЦ. URL: https://clck.ru/3MKibX (Дата обращения: 05.05.2025).
5. Мишенина, Елизавета Степановна (1958-). Проект внедрения РСО ИКП (Рубли социализации общества Иваново-Ковалевского Пути) : версия от 31 мая 2020 года / автор проекта: Ковалева Елизавета Светлана Степановна, ли-

тературный псевдоним: Мишенина Елизавета Степановна. – 4-е изд. – Москва : Ковалева Е. С. С., 2020. – 28 с. : ил., табл.; 25 см.; ISBN 978-5-9500766-6-4] (Из каталога Российской государственной библиотеки, [Электронный ресурс] РГБ // URL: (Дата обращения: 05.05.2025).
https://search.rsl.ru/ru/search#p=3&q=%D0%9C%D0%B8%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0).
6. Мисюров, Дмитрий Александрович. Моделирование развития с помощью диалектических формул на основе двоичного счисления : монография /] [Д. А. Мисюров. – Москва : Директ-Медиа, 2014. – 352 с.; ISBN 978-5-4458-3830-2. (стр.3,6,78,126)]
7. Мисюров, Дмитрий Александрович. Развитие общества и комбинаторика символического моделирования [Электронный ресурс] // ИНТЕЛРОС // URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_04_2009/4323-razvitie-obshhestva-i-kombinatorika.html (Дата обращения: 05.05.2025).
8. Маркс, Карл (1818-1883). Капитал [Текст] : критика политической экономии : сочинение Карла Маркса. – Москва : Эксмо, 2011. Т. 1: Процесс производства Капитала. Т. 1. – 2011. – 1195, [1] с. : фот., факс.; ISBN 978-5-699-23766-1
9. Кнапп, Георг Фридрих (1842-1926). Государственная теория денег / Георг Фридрих Кнапп. – Москва : Изд-во Ин-та Гайдара ; Санкт-Петербург : Центр экономической культуры, 2023. – 386 с.; 24 см. – (Новое экономическое мышление).; ISBN 978-5-93255-650-4 (впервые опубликована в 1905г.).
10. Скобликов, Евгений Андреевич. Новая теория денег : законы, принципы, практика : монография / Е. А. Скобликов. – Москва : ИНФРА-М, 2023. – 434, [1] с. : ил.; 22 см. – (Научная мысль).; ISBN 978-5-16-018044-1 (примеч. КЕС: фундаментальный труд нашего соотечественника, впервые опубликован в 2023г.)]

УДК 316.42:398.2

ЗАПАХ ДУХА ВРЕМЕНИ: СКАЗКА КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИОЛОГИИ

THE SMELL OF THE SPIRIT OF TIME: A FAIRY TALE AS A SOCIOLOGICAL TOOL

Бурганов И. А., *кандидат искусствоведения, заслуженный художник Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии художеств, профессор Международной академии архитектуры, руководитель «Академии искусств Игоря Бурганова», Москва, Россия*
Хает Л. Г., *к.т.н., консультант Службы помощи, Берлин, Германия*
Burganov I. A., *PhD, Honored Artist of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Arts, Professor of the International Academy of Architecture, Head of the «Igor Burganov Academy of Arts», Moscow, Russia*
Khayet L.G.*, PhD, Help Desk Consultant, Berlin, Germany*

Аннотация. Изложен метод исследования состояния общества с помощью методик сказкотерапии, его особенности, преимущества и недостатки. Описано использование для исследования умонастроения общества задания по трансформации текста известной русской сказки «Никита Кожемяка». Установлено, что общество в значительной мере заражено штампами и стереотипами западного мышления.

Abstract. The article presents a method for studying the state of society using fairy tale therapy techniques, its features, advantages and disadvantages. It describes the use of a task to transform the text of the famous Russian fairy tale “Nikita Kozhemyaka” for studying the state of mind of society. It has been established that society is largely infected with cliches and stereotypes of Western thinking.

Ключевые слова: общественное мнение, умонастроения общества, русская сказка, методика сказкотерапии, Никита Кожемяка

Keywords: public opinion, state of mind of society, Russian fairy tale, fairy tale therapy technique, Nikita Kozhemyaka

Все мечты и идеи о справедливом переустройстве общества и воспитании нового человека приводят к необходимости разработки собственного глобального проекта или присоединения к одному из соперничающих глобальных проектов, возраст которых измеряется веками [6]. При этом, их большинство предусматривает выявление и уничтожение всех прочих проектов. Ключевым для решения этого вопроса является нали-

чие информации об актуальной ситуации в обществе, воздействиях и результатах реализуемых проектов. Для этого используют и анализ имеющейся информации, и её целенаправленное получение.

Последнее реализуют с помощью различных инструментов: автоматические системы сбора данных; наблюдения поведения; опросы общественного мнения; вербальные психологические опросники [1]; проективные методики и тесты [4]; методики, предполагающие наличие промежуточного объекта (арт-терапия [3], куклотерапия, сказкотерапия и др.).

Использование последних для зондирования общественного мнения и общественного настроения является относительно новым. В отличие от широко применяющихся опросов и вербальных тестов, это позволяет использовать ресурсы бессознательного, что резко снижает вероятность прямого и косвенного обмана. Этот обман реализуется на трёх уровнях: личностном неосознанном («случайно вырвалось»), личностном осознаваемом (движимым потребностями социальной приемлемости и социальной желательности) и уровне социальных манипуляций. Последний, являющийся результатом глобального идеологического противоборства, коренным образом отличен от обмана, рассматриваемого в психологии (шкала лжи).

Согласно положениями интервальной философии, состояние общества описывают многомерным вектором [6]. В зависимости от пространственно-временной и содержательной ситуации и рассматриваемого аспекта состояния существенным, значимым становится тот или иной интервал характеристик общества, фокус внимания исследователя перемещается по пространству характеристик, причём для опросов он является узким и точным, а для предложенных методик – широким.

Рассмотрим в качестве примера работу с известной русской сказкой «Никита Кожемяка» [2]. Участникам работы предлагали «переписать сказку так, как если бы на месте Никиты Кожемяки, в его ситуации оказались Вы», после чего участники отвечали на вопросы по сказке. Методика переписывания текста известной сказки с соблюдением поставленной цели или условия в сказкотерапии известна [5]. Из десятков полученных характеристик остановимся лишь на содержании ответов на 4 вопроса (табл. 1).

Таблица 1

Категоризация ответов на вопрос «чем я похож на Никиту Кожемяку»

Категория ответов	Доля, %	Отношение к высказанной позиции со стороны проекта…	
		красного	чёрного
1	2	3	4
1.Прямой или косвенный отказ от ответа: нет ответа, ответ на другой вопрос, «ничем», «не похож»	10	Провал воспитательной работы	Успех пропаганды

Окончание таблицы 1

1	2	3	4
2.Иногда веду себя не рационально, а эмоционально	10	Простительно	Осуждается как нарушение основополагающего принципа – «экономического поведения»
3.Иногда становлюсь объектом манипуляций	10	Жалость	Презрение, насмешка
4.Всегда готов помогать другим людям, могу потрудиться для других	15	Высоко ценится	Осуждается: помогать должен Закон
5.Часто заступаюсь за слабых, защищаю их от произвола	20	Ценится ещё более высоко	Осуждается ещё сильнее
6.Возмущён низостью, лицемерием, двуличием царя	15	Поддержка	Осуждается как нелояльность
7.Не хочу угождать власти, царю; могу отказать начальнику, руководителю	10	Ещё более сильная поддержка	Сильно осуждается как нарушение субординации
8.Занимаюсь любимым делом и высоко ценю эту возможность	10	Одна из основных ценностей	Отвергается
9.Презираю материальные блага	5	Высшая степень одобрения, восхищения	Высшая степень осуждения
10.Жажду справедливости как высшей ценности	5		

Условно ценностные характеристики «глобального красного проекта»: коллективизм, кооперация, социализм, крепкая семья, оседлость, духовное выше материального, власть справедливости (Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. С. Пушкин, М. Горький, Ф. В. Лазарев, практическое осуществление – И. В. Сталин) [6]; «глобального чёрного проекта»: индивидуализм, конкуренция, капитализм, социальное одиночество, кочевничество, материальное выше духовного, верховенство закона (идеологи – Ж.-Ф. Лиотар, Э. Тоффлер, З. Бауман, Ж. Аттали и др.).

Суммы долей категорий ответов не подчиняются условию нормирования, так как некоторые участники давали ответы, принадлежащие более, чем одной выделенной категории, доли округлены до 5%.

Отказы от ответа (№ 1) в какой бы то ни было форме весьма диагностичны: авторы осознанно или подсознательно не хотят ассоциировать себя с «защитником земли русской» (страх, эгоизм, отсутствие патриотизма).

Вторым был вопрос «чем я отличаюсь от Никиты Кожемяки» (табл. 2).

Таблица 2

Категоризация ответов на вопрос «чем я отличаюсь от Никиты Кожемяки»

Категория ответов	Доля, %	Отношение к высказанной позиции со стороны проекта…	
		красного	чёрного
1.Прямой или косвенный отказ от ответа	0	Неплохо	Не очень хорошо
2.Не такой вспыльчивый	10		
3.Не обладаю такой физической силой, воинскими умениями, хитростью	35	Плохо	Хорошо
4.Никогда не был в условиях, не попадал в ситуацию «или я, или никто»	5		
5.Не пошёл бы сражаться	15	Очень плохо	Отлично
6.Не смог бы убить	20	Ужасно	Великолепно
7.Сомневаюсь в убийстве змея, жалею змея, убивать плохо	20	Смертельно опасно	Превосходно

Если первый вопрос характеризовал, скорее, мнения, то второй уже – поведение, действия.

Не случайно, каждый десятый автор отказался отвечать на вопрос 1, но все дали содержательные ответы на вопрос 2. Это в ещё большей степени подчёркивает уровень отстранения от Никиты Кожемяки его потомков. Число категорий ответов, их разнообразие для первого вопроса в 1,5 раза выше: отличия от Никиты просты, понятны, однозначны, сходство же – расплывчато, многообразно.

Масштаб мышления современников сужен (хотя пропагандисты на все лады расписывают достоинства «глобальной личности», «цифровых кочевников» и т.п.). Жалкие попытки оправдания – физическая (а на самом деле – психологическая) сила Никиты. И самое страшное: жалость к змею – убийце тысяч соотечественников, что вызывает глубокие и острые аналогии с современностью.

Интересно сопоставить ответ № 4 с лозунгом ВДВ: «Никто, кроме нас». Во время Великой Отечественной войны такие ситуации возникали постоянно, что порождало высокий уровень личной ответственности от рядового до маршала. Это сильно контрастирует с доминирующей тенденцией современников к уходу от ответственности в личной и социальной жизни.

Анализ ответов на вопрос 3 (табл. 3).

Таблица 3

Категоризация ответов на вопрос «что в выполненной работе было интересно, радостно, приятно»

Категория ответов	Доля, %	Отношение к высказанной позиции со стороны проекта…	
		красного	Чёрного
1.Сочинять, переписывать, трансформировать, преобразовывать	30	Неплохо: радость творчества, развитие креативности	
2.Выявлять, сопоставлять, анализировать сходства и различия	10	Хорошо: радость ана-лизировать, развитие аналитического мышления	Плохо: вредные для «простого» человека умения и навыки
3.Представлять себя на месте другого человека	15	Децентрация, развитие эмпатии	Плохо: это болезненно
4.Представлять себя нужным другим людям	20	Замечательно	Нехорошо: ты нужен только сам себе
5.Ощущать себя сильным человеком, богатырём, защитником	20		Нехорошо: для демонстрации силы существует полиция
6.Радоваться, что народ был спасён	5		Ну, и что? Важно, что ты сам спасся
7.После завершения работы стало приятно	5	Неплохо: снятие напряжения	

Таким образом, реакции «красных» и «чёрных» в большинстве случаев, противоположны (в христианстве эти две противоборствующие стороны представлены Богом и сатаной).

Анализ ответов на вопрос 4 (табл. 4).

Таблица 4

Категоризация ответов на вопрос «что в выполненной работе было трудно, сложно, неприятно»

Категория ответов	Доля, %	Отношение к высказанной позиции со стороны проекта…	
		красного	красного
1	**2**	**3**	**4**
1.Много работы, долго писать, большие затраты времени	50	Плохо, нет привычки учиться, нет привычки трудиться	Отлично, снизим нагрузку на школьников, дадим больше выходных рабочим

Окончание таблицы 4

1	2	3	4
2.Не сразу понял, не сразу придумал, ничего не приходило в голову	35	Плохо, не мог примерить на себя роль Никиты	Отлично, нужно отвыкать от таких ролей, примерять роли попзвёзд
3.Не хотелось убивать змея, был барьер	20	Плохо – пахнет изменой Родине	Превосходно, люди есть, а армии нет

Эти данные подтверждают вышеприведенные: пацифизм, но только по отношению к собственной армии. Интересна также дискуссия о «распахивании борозды». Сегодня огромные деньги и огромное количество людей брошено на то, чтобы её распахать – уничтожение артефактов, памятников, музеев, мемориалов по всему миру. Картину усугубляет наличие двух корреляций: большинство зафиксированных негативных эффектов усиливаются со снижением возраста и повышением социального статуса участников работы.

Таким образом, дух времени («Zeitgeist») оказывается пахнущим не очень приятно, что приводит к необходимости радикального усиления пропаганды и контрпропаганды, придания им системного характера, кропотливой ежедневной работы тысяч людей, а не отдельных, пусть и значимых мероприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анастази, А., Урбина С. Психологическое тестирование. – Санкт-Петербург : Питер, 2005. – 688 с.
2. Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки. – Минск : БелЭн, 1992. – 363 с.
3. Бурганов, И. А., Хает Л. Г. Закон единства и борьбы противоположностей как основание концепции кортежа в арт-терапии // Практическая философия: состояние и перспективы: сборник материалов VII научной конференции / гл. ред. О. А. Габриелян. – Симферополь: АРИАЛ, 2024. – С.49-53.
4. Бурлачук, Л. Ф. Введение в проективную психологию. – Киев: Ника-Центр, 1997. – 128 с.
5. Вачков, И. В. Введение в сказкотерапию, или Избушка, избушка, повернись ко мне передом…– Москва: Генезис, 2015. – 288 с.
6. Лазарев, Ф. В. Восстание русского духа // Практическая философия: состояние и перспективы: сборник материалов V научной конференции / гл. ред. О. А. Габриелян. – Симферополь : АРИАЛ, 2022. – С.8-27.

УДК: 519.23

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К СТАТИСТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ И СБОРУ ДАННЫХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРАМЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

CONFIGURATION OF NEW THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO STATISTICAL ANALYSIS AND DATA COLLECTION IN THE TIME OF DIGITAL TRANSFORMATION IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Мухитдинова Мунаввархон
Старший преподаватель, Ташкентский государственный экономический университет, г. Ташкент, Узбекистан
Mukhitdinova Munavvarkhon,
PhD, Senior Lecturer, Tashkent State Economic University

Аннотация. На основе характеристики особенностей развития процессов цифровой трансформации в Республике Узбекистан, в работе выделяются положительные моменты, определяющие потенциал и эффективность развития методологии сбора статистических данных в стране. Автор формулирует новые теоретико-методологические основания осмысления возможностей статистики и сбора статистических данных в условиях развития онлайн культуры и внедрения инструментов ИИ в повседневную жизнь Узбекистана. В работе характеризуется положительная динамика и новые перспективы развития статистического анализа и сбора данных в Узбекистане.

Abstract. The paper explores how Uzbekistan's digital transformation positively affects the country's statistical data collection. The author presents new theoretical and methodological frameworks to explore the role of statistics and data collection within Uzbekistan's growing digital landscape and AI adoption. The paper describes the positive dynamics and new prospects for the development of statistical analysis and data collection in Uzbekistan.

Ключевые слова: цифровая трансформация, методология статистического анализа, сбор данных, Республика Узбекистан.

Keywords: digital transformation, statistical analysis methodology, data collection, Republic of Uzbekistan

Особенности развития государственной статистики в Узбекистане

В работе развиваются положения и направления анализа, обоснованные в ходе лонгитюдного исследования, проведенного в Узбекистане в 2021-2024 гг. Предварительные результаты были доложены на 16-й Меж-

дународной конференции по информационным технологиям (Orlando, CSIT 2025)

Определяя базовые характеристики развития статистики в Республике Узбекистан, следует в первую очередь обратить внимание на то, что сегодня республика переживает фундаментальный сдвиг в методологии организации статистического анализа и сбора данных. Необходимость выработки принципиально новых подходов, обусловлена переходом от традиционных статистических подходов к продвинутой многомерной аналитике и внедрению инструментов ИИ и машинного обучения. Изменение в методологии и технологии сбора статистических данных, поддержанная правительством Узбекистана ускорило реструктуризацию цифровой инфраструктуры, протоколов сбора данных, систем обработки и аналитических методологий во всех секторах экономики страны. Ключевая характеристика трансформация определяется интеграцией методов многомерного анализа данных, архитектуры распределенных вычислений и расширенных возможностей статистического моделирования.

Статистика и сбор данных в Узбекистане имеют иерархическую структуру. Они организованы в соответствии с правилами и инструкциями, разработанными центральным органом по статистике – Национальным комитетом Республики Узбекистан по статистике (НКСУ). Этот орган был создан в результате реорганизации Министерства макроэкономики и статистики на основании Указа Президента Республики Узбекистан № УП-3183 от 24 декабря 2002 года [1]. Сама реорганизация предусматривала выделение статистической службы в качестве самостоятельной структуры, обладающей полномочиями по координации и контролю за сбором статистической информации по всей стране. Организационная структура и функции НКСУ были утверждены Постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан № 8 от 8 января 2003 года [2].

На протяжении последних двух десятилетий структура государственной статистики эволюционировала от централизованной и преимущественно бумажной системы сбора данных к гибкой, многослойной цифровой архитектуре. В регионах функционируют территориальные управления НКСУ, подчиненные республиканскому центру. Кроме того, в рамках вертикальной интеграции налажено взаимодействие с другими государственными органами, что обеспечивает поступление межведомственной информации для комплексного статистического анализа.

Процессы цифровой трансформации в Республике Узбекистан

За последние годы Национальный комитет по статистике претерпел значительную модернизацию. Одним из ключевых факторов стала государственная инициатива – «Программа цифровой инфраструктуры», направленная на модернизацию и расширение цифровых возможностей страны. Эта программа создает основу для интеграции передовых техно-

логий – таких как облачные вычисления, искусственный интеллект (ИИ), распределённые реестры и Интернет вещей (IoT) – в различные сектора экономики и управления.

Во-первых, это создание национальных центров обработки данных, стратегически расположенных для обеспечения надежного хранения и обработки данных по всей стране. Эти центры обработки данных, конечно же, спроектированы в соответствии с международными стандартами безопасности и эффективности, обеспечивая надежную платформу для услуг электронного правительства, бизнес-приложений и исследовательских инициатив.

Во-вторых, развитие элементов инфраструктуры «умного города», таких как сенсорные сети Интернета вещей и интеллектуальные транспортные системы. Проект направлен на улучшение управления городами, повышение эффективности использования ресурсов и создание условий для развития «умных городов» в регионе.

В-третьих, в стране развиваются программы, ориентированные на ИТ-образование. Университет ИНХА в Ташкенте стал ключевым игроком в развитии качественного ИТ-образования в Узбекистане. Правительство Узбекистана инициировало создание Национальных центров ИТ-образования по всей стране. Эти центры предлагают практическое обучение для широкой демографической группы, включая выпускников школ, тех, кто хочет сменить профессию, и специалистов, стремящихся улучшить свои навыки в области информационных технологий. Учебная программа в этих центрах была разработана в сотрудничестве с отраслевыми партнерами, чтобы обеспечить непосредственное применение приобретаемых навыков в соответствии с потребностями рынка труда.

Динамика и новые перспективы развития статистического анализа и сбора данных в Узбекистане

В области статистического анализа и сбора данных в Узбекистане цифровая трансформация с беспрецедентной скоростью переводит сбор данных с бумажных операций на электронный сбор. Внедрение цифровых методов сбора данных заменило традиционные бумажные системы, что привело к получению более точной и своевременной статистической информации. Применение международных статистических стандартов и методологий повысило качество данных и их совместимость с глобальными наборами данных, что позволило проводить более сложный сравнительный анализ.

К числу результатов цифрового прогресса в области сбора данных в Узбекистане, среди прочего, относятся:

a) разработка официального веб-сайта НКСУ и связанных с ним баз данных

b) выпуск ежегодного статистического сборника в электронном виде

Однако, несмотря на значительный прогресс в области цифровой трансформации в целом и статистического анализа и сбора данных в частности, Узбекистан по-прежнему сталкивается со многими проблемами и вызовами.

В частности, для продвижения статистического анализа и сбора данных наиболее очевидными проблемами являются следующие.

1) Качество и стандартизация данных остаются серьезными проблемами для НКСУ. Продолжается внедрение систем управления данными и мер контроля качества, при этом основное внимание уделяется созданию единых стандартов данных для различных государственных учреждений и организаций частного сектора.

2) Еще одной проблемой является необходимость обучения и повышения квалификации молодых статистиков. Высшие учебные заведения Узбекистана и другие учебные заведения принимают соответствующие меры, внедряя специализированные программы в области науки о данных и статистического анализа, хотя по-прежнему существует разрыв между потребностями статистической отрасли и имеющимися специалистами и талантами.

3) Измерение скорости работы с большими данными, скорость работы в режиме реального времени и обработка статистической информации создают большие проблемы при обработке и анализе потоковых данных в режиме реального времени. Это требует разработки специализированных систем, способных обрабатывать потоки данных с высокой пропускной способностью и низкой задержкой.

4) Проблема разнообразия данных определяет необходимость инноваций в методах интеграции данных, что позволило проводить анализ мультимодальных наборов данных.

5) Одной из наиболее важных проблем стала необходимость обеспечения конфиденциальности и безопасности данных. Поскольку сбор и анализ данных становятся все более сложными, правительство работает над укреплением нормативно-правовой базы для защиты персональных данных, обеспечивая при этом эффективный статистический анализ.

Нет сомнений в том, что, основываясь на организационных усилиях, перспективы развития статистического анализа и сбора данных в будущем являются весьма многообещающими. Назовем лишь несколько перспективных направлений:

1) Мы считаем, что ожидается рост внедрения облачных инструментов статистического анализа, обеспечивающих масштабируемые вычислительные ресурсы для проведения сложных анализов.

2) Очевидно, что НКСУ должны внедрять интеграцию искусственного интеллекта. Инструменты и технологии искусственного интеллекта

все чаще сочетаются со статистическим анализом, что позволяет проводить более сложное прогностическое моделирование и распознавание образов.

3) Будет развиваться аналитика больших данных в Узбекистане как реакция на распространение цифровых услуг в стране. Все большее использование социальных сетей, которые предоставляют ценные данные для анализа настроений и выявления социальных тенденций, а также телекоммуникационных данных, используемых для анализа перемещения населения и изучения поведения потребителей, будут стимулировать аналитику мобильных данных и анализ социальных сетей в социальных сетях.

4) Мы также считаем, что прогресс в сборе данных будет основываться на международном партнерстве. Международное сотрудничество в области обработки данных и международные совместные проекты способствуют обмену знаниями и доступу к передовым статистическим методологиям.

ЛИТЕРАТУРА

[1]. “On the reorganization of the Ministry of Macroeconomics and statistics of the Republic of Uzbekistan” # UP -3183, December 24, 2002.
[2]. “On organization of the activity of the State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics”#8, January 8, 2003.

УДК 316.485

ГЕНЕЗИС МЕДИАЦИИ: ОТ ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ К СОВРЕМЕННЫМ ПРАКТИКАМ

THE GENESIS OF MEDIATION: FROM TRADITIONAL FORMS TO MODERN PRACTICES

А.А. Гуров
Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь
Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ***Зыщик Екатерина Борисовна***
A.A. Gurov
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация. Статья посвящена истории и философским основам медиации. Прослеживается эволюция от древних практик до современных моделей, выявляется связь с правом и философскими идеями (Гроций, Кант, Хабермас). Медиация рассматривается как социокультурный феномен и философия взаимодействия, основанная на диалоге и консенсусе, дополняющая формальное правосудие и требующая зрелости общества.

Abstract. The article is devoted to the history and philosophical foundations of mediation. The evolution from ancient practices to modern models is traced, and the connection with law and philosophical ideas (Grotius, Kant, Habermas) is revealed. Mediation is considered as a socio-cultural phenomenon and a philosophy of interaction based on dialogue and consensus, complementing formal justice and requiring the maturity of society.

Ключевые слова: Медиация, философия, конфликт, посредничество, диалог, консенсус.

Keywords: Mediation, philosophy, conflict, mediation, dialogue, consensus.

Практика мирного разрешения споров с привлечением нейтральной третьей стороны имеет глубокие исторические корни, прослеживаясь от первобытных обществ до сложных цивилизаций древности (Финикия, Вавилон, Греция, Рим, Древняя Русь). Сам термин «медиация» (лат. *mediare* – посредничать) обозначает процесс переговоров с участием нейтрального посредника, чья ключевая характеристика – равноудаленность от сторон, позволяющая перевести коммуникацию из конфликтной в кооперативную плоскость [4, с. 11]. Посредничество шире формальной медиации, выступая как социальный феномен, обеспечивающий связи внутри и между сообществами, а фигура посредника является продуктом исторического развития, ответом на общественные потребности в трансформации социальных отношений.

Исторически управленческая практика выработала разные подходы к разрешению конфликтов: силовое давление, судебное разбирательство и примирение через переговоры (прямые или с посредником). Силовое решение часто порождало эскалацию и нестабильность. Мирный путь через переговоры или посредничество открывал возможность для конструктивного разрешения. Эта идея находит отражение уже у античных мыслителей. Цицерон противопоставлял переговоры (свойственные людям) силе (свойственной животным), подчеркивая согласие и общность интересов как фундамент государства [9, с. 176].

Уже в Новое время основоположник международного права Гуго Гроций, в своем труде «О праве войны и мира», философски обосновывал возможность и необходимость мирного разрешения споров на основе естественного права и разума, опираясь в том числе на античные идеи [1, с. 584-585].

Однако прямые переговоры не всегда возможны. В острых конфликтах требовался посредник. Обращение к нему, помимо практических выгод (сохранение ресурсов, поиск справедливого решения, налаживание будущего сотрудничества), позволяло сторонам «сохранить лицо» и продемонстрировать миролюбие. Уже в Древней Греции разрешение споров зависело не только от права, но и от авторитета сторон и влияния общины, что является прообразом современных медиативных процедур, основанных на добровольности, авторитете посредника и традициях.

Важную роль в становлении примирительных практик сыграла церковь. Христианство, провозглашая гуманизм и единение, призывало к мирному урегулированию споров (*«Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье…»,* Мф. 5:25). Духовные лица часто выступали миротворцами. Император Константин узаконил церковные примирительные процедуры, которые порой конкурировали со светскими судами, апеллируя к высшей, божественной справедливости [6, с. 120].

В Средневековой Европе медиация активно развивалась. Законодательство (англосаксонские законы, Великая хартия вольностей) подчеркивало ценность мирных соглашений, приравнивая их по силе к судебным решениям. Существовали «примирительные дни», широко практиковалось посредничество в коммерческой сфере, особенно в крупных торговых центрах, где возникали первые профессиональные корпорации со своими правилами урегулирования споров. Во Франции XVII века медиация предшествовала обращению в суд даже по уголовным делам, так как приоритетом было искоренение первопричины конфликта и сохранение социального мира. Этот поворот к примирению, усилившийся в эпоху Просвещения (например, во время Французской революции,

когда достижение «гармонии интересов» стало идеалом), отражал веру в силу разума и возможность гармонизации интересов, предвосхищая философские концепции, например, Иммануила Канта о достижении мира через право, взаимное уважение и отношение к человеку как к цели, а не средству [2, с. 27].

Институт медиации развивался параллельно с судебной системой. Суд реагировал на правонарушения и выносил обязательные решения, закрепляя правовые нормы. Медиация же была менее формальной, основывалась на добровольности и поиске компромисса, где регулятором часто выступало общественное мнение. Компромисс здесь понимается как договоренность, где стороны подчиняются решению независимого арбитра.

Российская традиция мирного урегулирования также древняя. Князья использовали дипломатию, принятие христианства способствовало консолидации и развитию правовых норм. Посредниками часто выступали духовные лица или авторитетные князья, важные вопросы решались на Вече и Соборах. В Российской Империи существовали специфические институты: совестные суды (с 1775 г.), где примирение было основной задачей, и коммерческие суды (с 1832 г.), сочетавшие третейское разбирательство и медиацию [5, с. 81]. Медиация была востребована в купеческой среде, где ценились конфиденциальность, репутация и экспертность посредника в торговых делах, а не только экономия на судебных издержках. Однако реформы начала XX века (1903 г.) привели к упадку формальной медиации. В советское время частная медиация практически исчезла, а государственное примирение носило формальный характер.

Современный этап развития медиации во многом связан с опытом США второй половины XX века. Толчком послужили трудовые конфликты, для разрешения которых привлекалось Министерство труда, а затем была создана Федеральная служба по медиации и примирительным процедурам (FMCS, 1947). Ключевой вехой стала книга Р. Фишера и У. Юри «Getting to YES» (1981), предложившая «гарвардский метод» переговоров, основанный на различении позиций и интересов и поиске взаимовыгодных решений (концепция «win-win») [7]. Закон США 1990 г. обязал федеральные суды активно предлагать медиацию. В отличие от России XIX века, движущей силой в США стали высокая стоимость и длительность судебных процессов. Однако концепция «win-win» не является единственной; существуют и критические подходы (Д. Кэмп), подчеркивающие необходимость иных стратегий в реальных переговорах [3, с. 96]. Акцент на диалоге и поиске взаимопонимания в современной медиации глубоко резонирует с философскими концепциями XX века, в частности, с теорией коммуникативного действия Юргена Хабермаса, которая подчеркивает важность достижения консенсуса через свободный от искажений и принуждения рациональный дискурс [8, с. 203].

В постсоветской России интерес к медиации возродился в 1990-е. Первые шаги были связаны с адаптацией западного, прежде всего аме-

риканского опыта (создание Центра разрешения конфликтов в Санкт-Петербурге в 1993 г.). Постепенно формируется собственное законодательство, хотя оно носит фрагментарный характер (отдельные нормы в ГК, ТК, АПК, ГПК, специальные законы «О медиации» 2010 г., «О международном коммерческом арбитраже», «О третейских судах»). В отличие от многих стран, где медиация развивалась «снизу вверх» (от практики к закону), в России она во многом формировалась «сверху вниз» как правовой институт, что создает вызовы для формирования социального запроса и правовой культуры. Тем не менее, российская медиация демонстрирует эффективность, сопоставимую с зарубежной, особенно в межличностных конфликтах, но также находит применение в бизнесе и трудовой сфере. Развитие тормозится недостаточной осведомленностью, стоимостью услуг и отсутствием стимулов в системе госпошлин.

В XXI веке медиация переживает ренессанс во всем мире, что отражается в международных документах (Типовой закон UNCITRAL 2002 г., Директива ЕС 2008 г., Европейский кодекс поведения для медиаторов 2004 г.) и национальных законодательствах десятков стран. Развиваются и специализированные регламенты (LCIA, AAA, SCC, WIPO). Несмотря на многообразие моделей, их объединяют общие принципы: добровольность, конфиденциальность, нейтральность и беспристрастность медиатора, равноправие сторон.

Историко-философский анализ показывает, что медиация – не просто техника, а феномен, связанный с глубинными потребностями человека и общества в гармонии и мирном сосуществовании. Она выступает альтернативой и дополнением к праву, актуализируя ценности диалога, взаимопонимания и консенсуса. Эволюционируя, медиация сохраняет актуальность в современном сложном мире, предлагая инструмент для преодоления конфликтов и построения более справедливого общества. Ее развитие отражает многообразие культурных традиций, и при внедрении в России важно учитывать как международный опыт, так и отечественные исторические корни и социокультурный контекст, избегая слепого копирования. Успех медиации зависит не только от законов и профессионализма медиаторов, но и от зрелости общества, его готовности к диалогу и компромиссу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гроций, Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. – М. : АСТ, 2023. – 912 с.
2. Кант, И. К вечному миру / И. Кант. – М. : Рипол Классик, 2018. – 430 с.
3. Кэмп, Д. Сначала скажите «нет»: Секреты профессиональных переговорщиков / Д. Кэмп. – М. : Добрая книга, 2025. – 320 с.

4. Носырева, Е. И. «Посредничество» или «медиация»: к вопросу о терминологии / Е. И. Носырева, Е. А. Стернин // Третейский суд. – 2007. – № 1 (49). – С. 9-14.
5. Рассказов, В. Л. Институт третейских судов в Российской империи в XIX в.: Тенденции развития и принципы деятельности / В. Л. Рассказов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки.. – 2020. – № 1. – С. 80-85.
6. Рудоквас, А. Д. Религиозная политика императора Константина Великого : специальность 07.00.03 – «Всеобщая история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Рудоквас Антон Дмитриевич. – СПб., 1996. – 228 с.
7. Фишер, Р. Переговоры без поражения. Гарвардский метод. / Р. Фишер, У. Юри, Б. Паттон. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2020. – 272 с.
8. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2006. – 377 с.
9. Цицерон, М.Т. Моральные размышления о старости, о дружбе, об обязанностях / М.Т. Цицерон. – М. : Рипол Классик, 2021. – 512 с.

УДК 17:316.485

МЕДИАЦИЯ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ОБЩЕСТВА РИСКА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

MEDIATION AS A RESPONSE TO THE CHALLENGES OF THE RISK SOCIETY: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

А.С. Рукавишников
Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь
Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ***Зыщик Екатерина Борисовна***
A.S. Rukavishnikov
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация. Статья посвящена философскому осмыслению роли и трансформации медиации в условиях современного общества риска. Опираясь на концепции У. Бека и Э. Гидденса, автор анализирует, как глобализация, технологические изменения и кризис доверия порождают новые типы конфликтов, характеризующиеся сложностью и неопределенностью. Медиация рассматривается как адекватный ответ на эти вызовы благодаря своей гибкости, ориентации на диалог и восстановление коммуникации. Вместе с тем, подчеркиваются новые философские и этические проблемы, встающие перед медиацией в контексте управления рисками, включая вопросы ответственности и легитимности. Делается вывод о возрастающей значимости медиации не только как процедуры разрешения споров, но и как практики конструирования социального порядка в условиях перманентной неопределенности.

Abstract. The article is devoted to the philosophical understanding of the role and transformation of mediation in the conditions of the modern risk society. Based on the concepts of U. Beck and A. Giddens, the author analyzes how globalization, technological changes, and the crisis of trust generate new types of conflicts characterized by complexity and uncertainty. Mediation is considered as an adequate response to these challenges due to its flexibility, focus on dialogue, and restoration of communication. At the same time, new philosophical and ethical problems facing mediation in the context of risk management, including issues of responsibility and legitimacy, are emphasized. It is concluded that mediation is increasingly important not only as a dispute resolution procedure, but also as a practice of constructing social order in conditions of permanent uncertainty.

Ключевые слова: Медиация, общество риска, философия, конфликт, диалог, доверие, ответственность, Ульрих Бек, Энтони Гидденс, социальная трансформация.
Keywords: Mediation, risk society, philosophy, conflict, dialogue, trust, responsibility, Ulrich Beck, Anthony Giddens, social transformation.

Современное общество все чаще описывается через концепт «общества риска», введенного в научный оборот Ульрихом Беком и развитого другими исследователями, такими как Энтони Гидденс [1, с. 25; 3, с. 41]. Эта концепция фиксирует фундаментальный сдвиг в характере социальных угроз: если индустриальное общество боролось с внешними опасностями и дефицитом благ, то современное общество сталкивается с рисками, порождаемыми самим процессом модернизации. Глобальные климатические изменения, пандемии, финансовые кризисы, неконтролируемые последствия внедрения новых технологий (от искусственного интеллекта до генной инженерии), киберугрозы – все это примеры рисков, носящих глобальный, часто непредсказуемый и потенциально необратимый характер [1, с. 58]. Эти риски становятся неотъемлемой частью социальной жизни, пронизывая все сферы от повседневности до глобальной политики, и требуя новых стратегий управления и адаптации.

В этом контексте трансформируется и природа социальных конфликтов. Они усложняются, приобретают латентные формы, затрагивают множество акторов с трудно предсказуемыми интересами и часто выходят за рамки национальных юрисдикций. Конфликты, связанные с распределением или предотвращением рисков (например, споры о размещении опасных производств, об использовании персональных данных, о доступе к ресурсам в условиях их дефицита, вызванного климатическими изменениями), требуют не простого применения существующих норм, но и прогнозирования будущего, оценки вероятностей, согласования различных систем ценностей. Традиционные институты их разрешения, включая формальное правосудие, ориентированное на ретроспективное установление фактов и применение закона, часто оказываются неэффективными или неадекватными [7, с. 112]. Судебные процессы могут быть чрезмерно длительными, дорогостоящими и не способными учесть всю сложность взаимосвязей и потенциальных последствий. Возникает закономерный вопрос: какие социальные практики и институты способны предложить ответ на эти вызовы? Одной из таких практик, привлекающей все большее внимание исследователей и практиков, является медиация.

Исторически медиация, как процедура урегулирования споров с помощью нейтрального посредника, существовала в различных формах с древнейших времен [9, с. 12]. Однако в условиях общества риска ее роль и философское осмысление претерпевают существенные изменения. Ме-

диация перестает быть лишь альтернативой суду (хотя и сохраняет эту важную функцию); она все чаще рассматривается как гибкий, ориентированный на будущее инструмент, способный работать со сложными, многосторонними конфликтами, где важны не столько ретроспективное установление вины и наказание, сколько восстановление коммуникации, поиск взаимоприемлемых решений и управление будущими рисками [6, с. 154]. Гибкость процедуры, конфиденциальность, возможность учета не только правовых, но и психологических, эмоциональных, экономических, репутационных аспектов спора делают медиацию потенциально эффективной там, где жесткие рамки судебного процесса оказываются недостаточными. В отличие от состязательного процесса, где стороны стремятся «выиграть» за счет «проигрыша» оппонента, медиация поощряет поиск решений по принципу «win-win» [5, с. 35]. Акцент на диалоге и активном участии сторон в выработке решения способствует не только разрешению конкретного спора, но и восстановлению доверия и социальных связей, что особенно ценно в условиях нарастающей социальной атомизации и кризиса доверия к институтам, характерных для позднего модерна [1, с. 188; 3, с. 95].

Сложность и неопределенность, присущие обществу риска, ставят под вопрос эффективность традиционных иерархических и формализованных систем управления и разрешения споров. Судебная система, ориентированная на применение установленных норм к прошлым событиям, не всегда способна адекватно реагировать на конфликты, связанные с прогнозированием и распределением будущих рисков, особенно в сферах экологии, биотехнологий или финансов, где часто отсутствует устоявшаяся правовая база и высока роль экспертного знания, которое само по себе может быть противоречивым [1, с. 65]. Никлас Луман указывал на то, что современные общества характеризуются высокой степенью функциональной дифференциации и сложности, что требует более гибких механизмов коммуникации и координации для снижения этой сложности и управления контингентностью [4, с. 121]. Медиация, в своей основе, представляет собой именно такой механизм – это коммуникативная практика, направленная на снижение сложности конфликта путем перевода его в плоскость управляемого диалога и поиска консенсуса. В отличие от состязательного судебного процесса, медиация стремится к созданию пространства для коммуникативной рациональности, где стороны могут артикулировать свои подлинные интересы и потребности (лежащие глубже заявленных позиций), а не только формальные правовые требования. Это перекликается с идеями Юргена Хабермаса о достижении взаимопонимания и легитимного согласия через неограни-

ченный внешним принуждением и искажениями рациональный дискурс [8, с. 203]. Медиация, в идеале, приближается к такой модели коммуникации, способствуя деэскалации конфликта и поиску решений, основанных на взаимном признании.

Однако идеализировать медиацию как универсальное решение для общества риска было бы неверно. Сама практика медиации в этом новом контексте сталкивается с серьезными философскими и этическими вызовами. Прежде всего, остро встает вопрос об ответственности медиатора. Традиционные принципы нейтральности и беспристрастности подвергаются испытанию в ситуациях явного дисбаланса власти или знаний между сторонами (например, крупная корпорация против группы граждан в экологическом споре), что нередко случается в конфликтах, связанных с технологическими или социальными рисками. Должен ли медиатор оставаться пассивным фасилитатором, рискуя легитимировать несправедливое соглашение, достигнутое под давлением более сильной стороны, или он должен активно вмешаться для защиты интересов более слабой стороны, возможно, нарушая каноны классической нейтральности? [2, с. 88]. Этика медиатора здесь колеблется между строгим соблюдением формальных правил процедуры и ориентацией на достижение справедливого результата, учитывая возможные последствия для участников. Кроме того, в условиях неопределенности последствий принимаемых решений, ответственность медиатора распространяется не только на справедливость самого процесса, но и на потенциальные долгосрочные риски, заложенные в соглашении. Какова его роль в обеспечении информированности сторон об этих рисках?

Другой вызов связан с принципом конфиденциальности. Являясь одним из ключевых преимуществ медиации, позволяющим сторонам открыто обсуждать деликатные вопросы без опасения публичного осуждения или использования информации против них, конфиденциальность может вступать в противоречие с общественными интересами. Особенно остро эта дилемма проявляется, когда в ходе медиации становится известна информация о потенциальной серьезной угрозе здоровью, безопасности или окружающей среде [6, с. 160]. Возникает этический конфликт: что важнее – сохранение тайны доверительного общения, без которого медиация может быть невозможна, или долг информирования компетентных органов или общественности о грозящей опасности? Наконец, сама легитимность медиативных соглашений, основанных на воле сторон, а не на применении общеобязательного закона, может ставиться под сомнение, особенно в спорах, затрагивающих публичные интересы или фундаментальные права третьих лиц, не участвующих в медиации. Существует также риск инструментализации медиации – использования ее не для подлинного диалога и поиска справедливого решения, а для симуляции сотрудничества, затягивания времени, ухода от публичной

ответственности или навязывания своей воли под видом компромисса [7, с. 115].

Таким образом, философский анализ медиации в контексте общества риска выявляет ее двойственный характер и возрастающую актуальность. С одной стороны, она предстает как перспективная социальная технология и философия взаимодействия, способная предложить адекватные ответы на вызовы сложности, неопределенности и кризиса доверия, присущие современной эпохе. Ориентация на диалог, гибкость процедур, учет неформальных аспектов конфликта и совместный поиск взаимоприемлемых, ориентированных на будущее решений делают медиацию ценным инструментом для восстановления коммуникации, управления конфликтами и конструирования социального порядка «снизу вверх». Она способствует развитию рефлексивности у участников конфликта и общества в целом относительно рисков и способов их преодоления. С другой стороны, сама медиация не иммунна к рискам и сталкивается с новыми этическими дилеммами, требующими глубокой философской рефлексии и выработки четких профессиональных стандартов. Эффективность и легитимность медиации в обществе риска зависят не только от совершенствования законодательства, процедур и профессионализма медиаторов, но и от развития соответствующей культуры диалога, доверия и ответственности в обществе в целом. Дальнейшее философское осмысление принципов, потенциала и границ медиации, а также ее соотношения с другими институтами разрешения споров и управления рисками, остается насущной задачей для социальной и политической философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек ; пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
2. Булыгина, А. В. Этические проблемы в деятельности медиатора / А. В. Булыгина // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2017. – № 4. – С. 85–96.
3. Гидденс, Э. Последствия современности / Э. Гидденс ; пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича. – М. : Праксис, 2011. – 352 с.
4. Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман ; пер. с нем. А. Антоновского. – М. : Логос, 2004. – 232 с.
5. Фишер, Р. Переговоры без поражения. Гарвардский метод / Р. Фишер, У. Юри, Б. Паттон ; пер. с англ. Т. Новиковой. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2020. – 272 с.
6. Хрестоматия альтернативного разрешения споров : учебно-методические материалы и практические рекомендации / сост. Г. В. Севастьянов. – СПб. : АНО «Редакция журнала “Третейский суд”», 2009. – 568 с.

7. Чумиков, А. Н. Медиация как инструмент разрешения конфликтов в обществе риска / А. Н. Чумиков // Социологические исследования. – 2013. – № 10. – С. 111–118.
8. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас ; пер. с нем. под ред. Д. В. Скляднева. – СПб. : Наука, 2006. – 377 с.
9. Шамликашвили, Ц. А. Азбука медиации / Ц. А. Шамликашвили, О. В. Аллахвердова, А. Д. Карпенко. – М. : МЦУПК, 2012. – 80 с.

УДК 348

СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ В ДАНИИ

SPECIFICITY OF INTERACTION BETWEEN CHURCH AND STATE IN THE DIGITAL AGE IN DENMARK

Венедиктов Андрей Андреевич,
аспирант, 1-й курс
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
Venediktov Andrey Andreevich,
Graduate student, 1st year
Crimean Federal University named after
V. I. Vernadsky, Simferopol

Аннотация. важной частью современного мира является цифровое общение, оборот документации, необходимых знаний, умений, информации между заинтересованными сторонами. В данной статье рассмотрен процесс цифровизации деятельности Датской национальной церкви, на основе государственных программ цифровизации и деятельности в данном направлении Министерства жилищного строительства, сельских дел и церковных дел с 2001 г. по настоящее время.

Annotaion. an important part of the modern world is digital communication, circulation of documentation, necessary knowledge, skills, information between stakeholders. This article examines the process of digitalization of the activities of the Danish National Church, based on state digitalization programs and activities in this area of the Ministry of Housing, Rural Affairs and Church Affairs from 2001 to the present.

Ключевые слова: Датская национальная церковь, цифровизация, министерство, стратегии, этапы, реализация.

Keywords: Danish National Church, digitalization, ministry, strategies, stages, implementation.

Огромную роль во взаимодействии церкви и общества, каждого конкретного индивидуума на протяжении тысячелетий истории христианства являлось личное общение. Появившееся в начале XXI в. такое понятие как «Цифровизация» внесла свои существенные коррективы в данный процесс, особенно в тех странах, где Церковь является частью

государственной архитектуры, в том числе и в Дании, в которой церковная организация еще по конституции 1849 г. [1] подчинена министерству образования и церкви.

Принятие Конституции 1953 г. [2] сохранило данную конструкцию, т.е. подчинение церковной организации Дании министерству. Это означает, что деятельность Церкви, как и иных государственных институтов подвержена регулярному совершенствованию, оптимизации и должна быть максимально открытой, прозрачной, публичной и доступной всем заинтересованным лицам. *Цифровые инструменты создают новый уровень взаимодействия различных частей общества – учащихся и преподавателей, граждан и государства, административного и технического персонала фирм, учреждений и т.п.*

В Дании государство комплексно обратилось к использованию цифровых услуг для населения с 2001 г. С этого момента государственный сектор использовал цифровизацию для улучшения администрирования и предоставления услуг населению, юридическим лицам. Эти усилия увенчались успехом во многих отношениях, а Дания – одним из европейских лидеров в данной области. Сегодня цифровизация является естественной частью выполнения задач во всем государственном секторе.

Первая стратегия по цифровизации деятельности церкви Дании на 2001–2004 гг. очередь ознаменовала начало совместного сотрудничества между тремя уровнями управления, что до сих пор является основной идеей датского подхода к цифровизации. Вторая стратегия на 2004-2006 гг. дала импульс развитию внутренней цифровизации государственного сектора [3]. Третья стратегия была рассчитана до 2010 г. и т.д.

Стратегия цифровизации Евангелическо-лютеранской церкви Дании и Министерства жилищного строительства, сельских дел и церковных дел устанавливает ориентиры для развития цифровых инструментов и рамок для церковных и административных задач Евангелическо-лютеранской церкви Дании в пятилетней перспективе. Она разработана в диалоге с представителями национальной церкви и заинтересованными сторонами путем бесед и встреч по всей стране с приходскими советами, работниками, священниками и деканами и т.д., а также с представителями иных объединений верующих.

Сегодня действует Стратегия цифровизации для Датской национальной церкви и Министерства церковных дел на 2020-2025 годы [4], а также стратегия управления церковной сетью в 2024-2026 гг. [5].

Принципы IT-архитектуры для «Church Network» подготовлены на основе как Стратегии управления церковной сетью, так и Стратегии цифровизации [6].

Ответственность за ИТ в Министерстве по делам церкви и Датской народной церкви была возложена на Департамент кадров и ИТ Министерства по делам церкви. Ответственность за ежедневную работу нес ИТ-отдел, входящий в состав Департамента кадров и ИТ. ИТ-стратегия

разрабатывалась ИТ-отделом совместно с руководящей группой по ИТ и утверждалась министром.

Бюджет ИТ определялся министром по делам церкви на основании рекомендации группы по управлению ИТ или группы по мониторингу бюджета.

Группа по управлению ИТ, созданная по соглашению между министром по делам церкви и епископами, состояла из представителей национальных церквей: представителя Национальной ассоциации приходских советов, епископа, представителя Датской ассоциации проректоров, представителя ассоциации священников и представителя Дании, назначенного ассоциацией дьяконов, а также представителей Департамента кадров и ИТ Министерства по делам церкви, включая ИТ-отдел. Задачей руководящей группы по ИТ является подготовка ИТ-стратегии и, таким образом, определение направления и масштаба ИТ-деятельности в Датской церкви.

Задачей руководящей группы являлось решение стратегических вопросов в области ИТ и содействие реализации стратегии. Задача руководящего комитета – дать рекомендации по бюджету.

Широкое и централизованно контролируемое использование ИТ в Церкви в сочетании с более чем 2000 независимых учреждений представляло сложную управленческую проблему. Закрепление руководящей группы по ИТ в Церкви и сотрудничество с Национальной ассоциацией приходских советов в ИТ-отделе играло центральную роль в определении приоритетов в отношении систем и услуг, которые должен был предоставлять ИТ-отдел. Услуги ИТ-отдела Датской церкви состояли из обязательных элементов: тематические приложения, рабочие станции для персональной регистрации, операционной системы, решения безопасности, сети и т. д. Необязательные элементы: дополнительные рабочие места, большая пропускная способность и т.д.

Обязательные элементы касались выбора решений, программного обеспечения и оборудования, тогда как необязательные элементы касались возможности учреждений получать больше или больше того же самого. После перехода на электронную регистрацию физических лиц и церковные книги ИТ-отдел предоставил рабочие станции (финансируемые из ИТ-бюджета) для использования в регистрационной работе [7].

Около половины священников получили ПК бесплатно от приходского совета. 80% (на конец 2007 г.) остальных священников получили от приходского совета аналогичные ПК. Все священники обязаны иметь доступ к ПК церковной сети.

Ответственность за реализацию ИТ-проектов и планов действий, являющихся частью утвержденной ИТ-стратегии возложена на ИТ-отдел. Готовилось экономическое обоснование, в котором тщательно определя-

лись и взвешивались полезность и затраты. Важно, чтобы инициативы по цифровизации рассматривались в контексте внедрения организационных изменений и изменения рабочие процессы.

В 2007 г. предприняты инициативы по созданию более целостного мышления и организации ИТ-отдела. Сотрудники должны быть более вовлечены в различные рабочие процессы, связанные с фазой идеи, разработки, внедрения и сопровождения проектов и портфеля задач ИТ-отдела.

Для оптимизации организации и управления проектами в ИТ-отделе с 2008 г. создано подразделение, уделяющее особое внимание управлению проектами, разработана модель реализации и документирования проектов. Более крупные приобретения следует организовывать как проекты. Проект всегда должен быть укомплектован персоналом так, чтобы он обладал необходимой основной компетенцией что-до конкретной задачи. При реализации крупных проектов назначаются проектная группа и руководитель проекта, которые совместно с руководящим комитетом отвечают за обеспечение соответствия проекта согласованным целям. Группа несет ответственность за реализацию проекта в соответствии с установленными планами, включая оценку и измерение воздействия.

В проектной группе обычно представлен ИТ-отдел. Если в организации отсутствует необходимая для проекта экспертиза, она предоставляется в форме покупной консультационной помощи. В связи с более крупными проектами пользователям гарантируется влияние на конечный результат путем создания пользовательской и/или референтной группы.

ИТ-отдел Министерства по делам церкви отвечает за всю деятельность, связанную с повседневной работой и дальнейшим развитием церковной сети. Его возглавлял ИТ-менеджер который является членом руководства церковного министерства. Менеджер по операциям ИТ-отдела являлся заместителем ИТ-менеджера.

Наиболее важными функциями ИТ-офиса были: поддержка пользователей, эксплуатация инфраструктуры, ИТ-безопасность, управление проектом, поддержка и дальнейшее развитие бизнес-приложений [7].

Таким образом, можно указать, что цифровизация деятельности Датской национальной церкви была начата в 2001 на основе периодических планов, разрабатываемых министерством по делам церкви. На первых этапах данного процесса произошло обеспечение ПК служащих церкви и их обучение, анализ необходимых форм деятельности церкви как организации и ее взаимодействия на цифровом уровне с прихожанами.

По нашему мнению, разработанные и внедренные в Дании цифровые инструменты создали новый уровень взаимоотношения прихожан и клира, церкви и общества, церкви и государства, сделав данные взаимоотношения не только более быстрыми, доступными, гибкими, но и открытыми, что укрепляет доверие паствы к деятельности церковной администрации, делает ее активным участником происходящих процес-

сов с усилением функций общественного контроля посредством доступа к ранее малодоступной, административно-технической информации. Вместе с тем, прозрачность и открытость в организации деятельности Датской национальной церкви, базирующаяся на цифровых технологиях, существенно сократила время и увеличила качество обратной связи на всех уровнях; позволила уменьшить технический и административный персонал министерства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаев М.А. Основы конституционного права Дании / М. А. Исаев ; МГИМО(У) МИД России. – М. : Муравей, 2002. – 337 с. – ISBN 5-89737-143-1.
2. THE CONSTITUTIONAL ACT OF DENMARK English. THE CONSTITUTIONAL ACT OF DENMARK OF JUNE 5th 1953 THE ACT OF SUCCESSION OF MARCH 27th 1953, AMENDED ON JUNE 12th 2009. – Revised translation Birgitte Wern Published by the Folketing Copenhagen 2013 Layout: Folketinget Print: Grafisk Rådgivning. – URL: Конституционный закон Дании, Дания, WIPO Lex (дата обращения: 17.03.2025).
3. STRATEGI FOR DIGITALISERING AF DEN OFFENTLIGE SEKTOR 2007-2010 MOD BEDRE DIGITAL SERVICE, ØGET EFFEKTIVISERING OG STÆRKERE SAMARBEJDE. – Regeringen, KL og Danske Regioner Juni 2007. – S. 5. – URL: digitaliseringsstrategi-2007-2010.pdf (дата обращения: 16.03.2025).
4. En nutidig folkekirke. – URL: Digitaliseringsstrategi 2020-2025 (дата обращения: 16.03.2025).
5. STRATEGI FOR STYRING AF KIRKENETTET 2024-2026. Den 1. januar 2024. – 18 s. – URL: Strategi_for_styring_af_Kirkenettet_2024-2026.pdf (дата обращения: 16.03.2025).
6. Folkekirkens It(апостроф)s arktitekturprincipper. – Arkitekturprincipper 2021. docx.pdf (дата обращения: 16.03.2025).
7. IT-strategi 2008-2012 for Kirkeministeriet og folkekirken september 2008. – S. 18. – URL: *(дата обращения: 16.03.2025).

УДК 070

КОНСТРУИРОВАНИЕ МЕДИЙНОГО ГЕРОЯ: ТРИ УРОВНЯ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ

CONSTRUCTING A MEDIA HERO: THREE LEVELS OF MEANING-FORMATION

Сечин Денис Юрьевич
аспирант, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна, кафедра журналистики
Sechin Denis Yuryevich
postgraduate student, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Institute of Media Communications, Media Technologies and Design, Department of Journalism

Аннотация. В статье исследуется феномен медийного героя как сложного семиотического конструкта, формирующегося на пересечении стратегий самопрезентации, журналистских практик и аудиторных интерпретаций. Анализируются три ключевых уровня конструирования образа: (1) действия самого субъекта (или его PR-команды), (2) работа журналистов и редакторов, (3) восприятие аудиторией. Особое внимание уделяется современному российскому медиапространству с характерными для него моделями репрезентации личности.

Abstract. The article examines the phenomenon of a media hero as a complex semiotic construct formed at the intersection of self-presentation strategies, journalistic practices, and audience interpretations. Three key levels of image construction are analyzed: (1) the actions of the subject himself (or his PR team), (2) the work of journalists and editors, (3) audience perception. Particular attention is paid to the modern Russian media landscape with its distinctive models of personality representation.

Ключевые слова: медийный герой, медиапространство, новостная ценность, PR-стратегия, интерпретативное сообщество.

Keywords: media hero, media landscape, news value, PR strategy, interpretive community.

Введение

В научных исследованиях медиа рассматриваются как сложные семиотические системы, в которых происходит постоянное производство, воспроизводство и трансформация социальных мифов, идеологических конструктов и коллективных представлений. Под героем публикации в этой работе будет пониматься главный, центральный персонаж медиатекста, человек, «на котором во многом строится сюжет» [1, с. 87]. Образ такого героя, независимо от реальной личности, представляет собой слож-

ную проекцию, возникающую на пересечении множества социальных, культурных и дискурсивных факторов. Изучение этого феномена позволяет анализировать современные медиапрактики и глубже понимать механизмы конструирования социальной реальности. Целью данного исследования является выявление механизмов конструирования образа медийного героя на трех уровнях: самого субъекта (или его PR-команды), журналистов и редакторов, а также аудитории. Актуальность данного исследования обусловлена значительным влиянием медийных образов на общественное сознание в формировании представления о норме, успехе, жизненных целях и ценностных ориентирах.

Первый уровень: самопрезентация и PR-стратегии

Первый уровень формирования медийного героя связан с его собственными стратегиями самопрезентации и/или деятельностью специалистов по public relations. Такие умышленные действия предпринимают не все попадающие в публикации люди, однако в любом случае доступ в информационное поле регламентирован неформальными правилами «новостной ценности» (news value), впервые систематизированными Гальтунгом и Руге [5] и дополненными в более современных исследованиях [6; 7]. Это, например, однозначность, узнаваемость, предсказуемость, неожиданность, негативность и т.д. Действия, способные дать возможность человеку попасть в медиатекст, должны соответствовать доминирующим дискурсивным нормам конкретной исторической эпохи и социокультурного контекста. Сегодня российский медийный ландшафт все еще представляет собой спектр, на полюсах которого находятся две разные традиции – политическая и экономическая. Первая включает «положительных» (военные, врачи, волонтеры) и «отрицательных» (противостоящих официальному курсу) героев. Для второй характерен нарратив, ориентированный на личный успех, герой там – это классический «self-made man». В этом спектре определяется пантеон героев, возможных в современном российском обществе. Процесс конструирования публичного образа располагает целым арсеналом PR-технологий, при этом здесь возникает фундаментальный парадокс: чтобы быть замеченным, человек должен уже соответствовать ожиданиям медийного поля, что существенно ограничивает возможности подлинной самопрезентации.

Второй уровень: журналистский отбор и редакционная политика

Второй критически важный уровень формирования образа героя публикации связан с деятельностью журналистов и редакторов, которые выступают в роли «привратников» («gatekeepers») информационного

пространства. Их профессиональные решения определяют то, кто достоин стать героем публикации, какие аспекты его деятельности будут освещены, в каком идеологическом и эмоциональном ключе будет подана информация. Этот процесс отбора и интерпретации происходит в рамках строгих дискурсивных ограничений, включающих жанровые каноны, профессиональную этику и, что более важно, редакционную политику издания, коммерческие и репутационные интересы медиахолдинга. Каждое СМИ выбирает свой промежуток на спектре, описанном выше, и поэтому обычно имеет своих героев. Перефразируя М. Маклюэна – *media* is the message. Герои SETTERS A-LIST от издания «про бизнес, технологии и культуру» SETTERS Media в 2025 году – режиссеры, писатели, предприниматели и другие люди, связанные с этой тематикой [8]. Аналогично в проекте «Визионеры» от РБК сегодня можно увидеть «Дарью Белякову, основательницу клуба A-House» и «Владимира Мухина, бренд-шефа White Rabbit Family» [2], то есть в бизнес-издании героями становятся люди, преуспевшие в своем деле. В то же время общественно-политические СМИ пишут, например, о военнослужащих или волонтерах [3].

Также при создании медиатекста неизбежны:

– селекция фактов (что включается в материал, а что замалчивается),

– фрейминг (выбор концептуальной рамки для подачи информации),

– использование средств поэтики и нарратологии (создание определенного оценочного и эмоционального контекста).

Яркой иллюстрацией этого процесса может служить освещение деятельности политических лидеров в СМИ разной ориентации: один и тот же поступок может преподноситься как «мудрый политический ход» или «циничный популизм» в зависимости от идеологической позиции издания.

Третий уровень: аудитория как соавтор образа

Третий уровень создания и восприятия медийного героя связан с аудиторией, которой в современных исследованиях уделяется роль не пассивного потребителя информации вопреки упрощенным моделям «эффекта воздействия», а активного интерпретатора и создателя смыслов. Концепция «интерпретативных сообществ» [4] предполагает, что восприятие медийного контента всегда происходит в рамках определенных дискурсивных общностей, разделяющих общие коды прочтения. Этот феномен ярко проявляется в:

– эффекте «эхо-камеры» (тенденции доверять информации «своих» медиа),

– подтверждающей и партизанской предвзятости (склонности искать и воспринимать как верную информацию, подтверждающую существующие убеждения).

Один и тот же медийный герой может вызывать очень разные реакции в разных группах. Например, художник из A-List может быть воспринятым либо как «культурный феномен», либо как «бездельник». Эта

множественность интерпретаций обусловлена личными убеждениями, принадлежностью к разным культурным, поколенческим и социальным группам.

Заключение

Таким образом, феномен медийного героя представляет собой сложный конструкт, возникающий в точке пересечения стратегий саморепрезентации, профессиональных журналистских практик и коллективных механизмов восприятия. Каждый из этих уровней существует в рамках определенного дискурсивного поля, которое определяет критерии «новостной ценности», допустимые способы репрезентации и границы интерпретации. Важно подчеркнуть, что эти уровни не существуют изолированно – они находятся в состоянии постоянного взаимодействия и взаимовлияния, формируя в конечном итоге тот сложный конструкт, который мы называем «героем публикации». Его изучение позволяет не только анализировать современные медийные практики, но и глубже понимать фундаментальные механизмы формирования коллективных представлений и социальных идентичностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громова, Е. Б. Образ современника в региональных телевизионных информационных и информационно-аналитических программах Республики Крым и города федерального значения Севастополя : специальность 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Громова Екатерина Борисовна. – Москва, 2023. – 219 с.
2. «РБК Визионеры» : сайт. – URL: https://visionaries.rbc.ru/ (дата обращения: 08.04.2025).
3. Морской дозор // Газета «Крымская правда» : сайт. – URL: https://c-pravda.ru/news/2025-04-04/morskojj-dozo (дата обращения: 08.04.2025).
4. Fish, S. Is There a Text in This Class? The Authority of Interpretive Communities / S. Fish. – Cambridge : Harvard University Press, 1982. – 408 c.
5. Galtung, J. The structure of foreign news: The presentation of the Congo, Cuba and Cyprus crises in four Norwegian newspapers / J. Galtung, M. H. Ruge // Journal of Peace Research. – 1965. – Vol. 2, № 1. – P. 64-91.
6. Harcup, T. What is News? News values revisited (again) / T. Harcup, D. O'Neill // Journalism Studies. – 2017. – Vol. 18, № 2. – P. 1470–1488.
7. Schultz, I. The Journalistic Gut Feeling: Journalistic doxa, news habitus and orthodox news values / I. Schultz // Journalism Practice. – 2007. – Vol. 1, № 2. – P. 190–207.
8. SETTERS A-List : сайт. – URL: https://www.setters.media/setters-a-list (дата обращения: 08.04.2025).

УДК 262:316.752

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИМФЕРОПОЛЬСКОЙ И КРЫМСКОЙ ЕПАРХИИ ПО СОХРАНЕНИЮ В ОБЩЕСТВЕ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: 1944-1991 ГГ.

ACTIVITIES OF THE SIMFEROPOL AND CRIMEAN DIOCESES FOR THE PRESERVATION OF TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN SOCIETY: 1944-1991.

Кульчейко Иван Сергеевич
Аспирант 1 курс г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Kulcheyko I.S.
1 st year postgraduate student, Simferopol, V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Симферопольской и Крымской епархии в советский период, направленная на сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей в условиях атеистической политики государства. Анализируются формы и методы работы епархии по поддержанию религиозности населения и противостоянию идеологическому давлению с 1944 по 1991 год.

Abstract. The article examines the activities of the Simferopol and Crimean dioceses during the Soviet period, aimed at preserving traditional spiritual and moral values in the context of atheistic state policy. The forms and methods of the diocese's work to maintain the religiosity of the population and resist ideological pressure from 1944 to 1991 are analyzed.

Ключевые слова: Симферопольская и Крымская епархия, Русская Православная Церковь, традиционные духовно-нравственные ценности, советский период, религиозность, атеизм, история Церкви.

Keywords: Simferopol and Crimean Diocese, Russian Orthodox Church, traditional spiritual and moral values, Soviet period, religiosity, atheism, Church history.

В эпоху стремительных перемен и глобальных вызовов сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей приобретает особую важность. В этом контексте деятельность Симферопольской и Крымской епархии в период с 1944 по 1991 годы, когда религия подвергалась систематическому преследованию, представляет собой уникальный пример стойкого сопротивления режиму и сохранения духовного наследия. В условиях тотального контроля государства, ограничений и идеологического давления, епархия сумела остаться оазисом духовности, поддерживая веру и нравственные ориентиры в обществе

Цель данного эссе – проанализировать и осмыслить вклад Симферопольской и Крымской епархии в сохранение традиционных духов-

но-нравственных ценностей в советский период, выявив ключевые направления ее деятельности и продемонстрировав примеры мужества и стойкости верующих.

Актуальность данного эссе заключается в нескольких ключевых аспектах:

1) в условиях глобализации, технологического прогресса и морального релятивизма, вопрос сохранения и передачи традиционных духовно-нравственных ценностей приобретает особую значимость. Эссе напоминает о важности этих ценностей для формирования нравственно сильного общества, способного противостоять негативным тенденциям;

2) изучение деятельности Симферопольской и Крымской епархии в советский период предоставляет ценный опыт выживания и сохранения духовности в условиях тоталитарного режима. Этот пример может быть полезен в современных реалиях, когда различные идеологии и взгляды сталкиваются между собой;

3) история епархии является вдохновляющим примером стойкости, преданности вере и готовности к самопожертвованию ради сохранения духовного наследия и может служить примером для современных людей, столкнувшихся с моральными и духовными вызовами;

4) сохранение и передача духовных ценностей из поколения в поколение, напоминание о роли семьи, общины и религиозных организаций в формировании нравственного облика человека;

5) преодоление негативных стереотипов и предвзятости, связанных с историей Русской Православной Церкви в советское время, что позволяет увидеть вклад верующих в сохранение культуры и духовности, несмотря на преследования и ограничения;

6) исследование деятельности епархии способствует лучшему пониманию роли религии в обществе и укреплению межконфессионального диалога;

7) сохранение исторической памяти о событиях, которые оказали существенное влияние на формирование современного крымского общества.

Атеистическое давление на религию в СССР (1944-1991 гг.) характеризуется последовательной политикой государственного атеизма, направленной на искоренение религиозных верований и институтов из советского общества. Несмотря на некоторые послабления, в целом этот период отличался жестким контролем, ограничениями и репрессиями в отношении верующих.

После окончания Великой Отечественной войны, в период с 1944 по 1991 год, советская власть, вопреки кратковременному «потеплению» отношений с РПЦ во время войны, продолжила и усилила курс на подавление религии. Государство стремилось не к физическому уничтожению верующих, как в 1930-е годы, а к постепенному отмиранию религиозных

убеждений в сознании советских граждан. Были созданы Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР и Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР, которые осуществляли тотальный контроль за деятельностью всех религиозных организаций. Эти органы регламентировали все аспекты церковной жизни: от назначения священнослужителей до содержания проповедей. Деятельность религиозных организаций жестко контролировалась органами государственной безопасности. Фактически Церковь была поставлена под контроль государства, лишена независимости и самостоятельности.

Основным инструментом атеистической политики стало ограничение деятельности религиозных институтов. Массово закрывались храмы, монастыри и другие религиозные объекты. Вместо них открывались клубы, склады, дома культуры. Священнослужители, проявлявшие независимость или пользовавшиеся авторитетом у верующих, подвергались преследованиям, арестам и ссылке. Религиозное образование было полностью запрещено. Детям не разрешалось посещать храмы, а их религиозное воспитание в семье могло преследоваться. Всякая благотворительная деятельность Церкви была пресечена. Членство в религиозных организациях ограничивало возможности карьерного роста и получения образования, что создавало серьезное давление на верующих.

Наряду с административными мерами, велась активная идеологическая борьба. В средствах массовой информации, литературе, кинематографе активно пропагандировался атеизм. Религия изображалась как пережиток прошлого, мракобесие, средство обмана народа. В школах и высших учебных заведениях проводились уроки научного атеизма. Разрабатывались и внедрялись антирелигиозные мероприятия, направленные на дискредитацию религиозных ценностей в сознании людей. Атеистическая пропаганда активно использовала научные достижения для опровержения религиозных догматов.

В сложных условиях выживание Симферопольской и Крымской епархии, как и всей Русской Православной Церкви, зависело от ее способности адаптироваться, сохраняя при этом свою сущность и выполняя свою духовную миссию.

Одним из ключевых направлений деятельности епархии в эти годы стало сохранение богослужебной жизни. Несмотря на сокращение числа храмов и священнослужителей, продолжались совершаться Церковные службы. Например, в Севастополе, несмотря на послевоенную разруху, службы регулярно проводились в Свято-Владимирском соборе в Адмиралтейском районе, а также в небольших церквях на окраинах города. Эти храмы становились не просто местом совершения религиозных обрядов, но и центром духовного притяжения, где верующие находили утешение, надежду и поддержку. Проповеди, звучавшие с амвона, несли в себе нравственные ориентиры, напоминая о вечных ценностях добра, любви, милосердия и прощения. Богослужение сохраняло религиозную

культуру, язык церковнославянский и традиции, передавая их из поколения в поколение.

Символом духовного сопротивления и мужества для Симферопольской и Крымской епархии стал архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), святитель Крымский. Сочетая в себе талант врача и духовного лидера, он являл собой пример единства веры и разума. Его проповеди, написанные в ссылках и тюрьмах, отличались глубиной, мудростью и искренностью. Они передавались из уст в уста, призывали к моральной стойкости и верности Богу даже в самые сложные времена [1]. Архиепископ Лука, несмотря на тяжелые испытания, не терял веры в Бога и в человека, и своим примером вдохновлял верующих на стойкость и преданность христианским ценностям. Его многочисленные труды, посвященные вопросам веры, науки и медицины, стали духовным наследием, которое поддерживало и укрепляло епархию в трудные времена. Например, его книга «Дух, душа и тело», написанная в годы войны, стала настольной для многих верующих, помогая им справиться с личными трагедиями и сохранить веру в Бога [2].

Безусловно, на пути сохранения духовно-нравственных ценностей епархия сталкивалась с многочисленными трудностями и препятствиями. Государственный контроль и цензура ограничивали свободу слова и деятельности. Репрессии против священнослужителей и верующих создавали атмосферу страха и неуверенности. Известны случаи, когда священники были вынуждены отказываться от служения под давлением властей, а верующие подвергались преследованиям за посещение храмов. Ограниченные ресурсы и возможности затрудняли реализацию многих проектов и инициатив. Атеистическая пропаганда оказывала мощное давление на общественное сознание, особенно на молодежь.

Деятельность Симферопольской и Крымской епархии в период с 1944 по 1991 годы представляет собой не просто летопись религиозной организации, а яркий пример духовного подвига, стойкости и верности своим идеалам в условиях атеистического времени. Анализируя этот период, можем понять, благодаря чему Симферопольской и Крымской епархии удалось сохранить веру в сердцах многих людей. Это было достигнуто благодаря следующим факторам:

1) несмотря на закрытие храмов и ограничения, в действующих церквях продолжали совершаться богослужения, оставаясь для верующих источником духовной силы и утешения. Эти службы становились островками духовности, где люди могли укрыться от идеологического давления и ощутить связь с Богом;

Иоасафу (Журманову) назначенного в сан епископа Симферопольского и Крымского, в сложные послевоенные 1944–1946 годы смог наладить финансово-хозяйственную деятельность Крымской епархии. Успешной была и его работа по преодолению обновленческого раскола в Крыму [3].

В 1970-х годах, несмотря на давление властей, епископ Леонтий добился разрешения на восстановление нескольких закрытых храмов в Крыму, что стало значительным достижением в условиях ограничений религиозной деятельности [4].

Протоиерей Николай Доненко собрал и опубликовал материалы о новомучениках Запорожского края, включая книги «Новомученики Бердянска», «Новомученики Феодосии» и «Ялта», что стало значительным вкладом в сохранение исторической памяти [5].

2) священники, несмотря на угрозы и преследования, продолжали проповедовать и наставлять своих прихожан, поддерживая в них веру и надежду. Их самоотверженное служение, часто сопряженное с риском, вдохновляло верующих на стойкость и верность своим убеждениям; Архиепископ Гурий вел активную проповедническую деятельность. Некоторые его проповеди были записаны и дошли до наших дней [6]. Как писал уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР по Крымской области А. Глухов. Епископ Антоний уделял внимание пастырской работе, поддерживая верующих и духовенство в непростое время. Имея степень кандидата богословия, он способствовал духовному просвещению, что было особенно важно в условиях ограниченного доступа к религиозному образованию [7].

3) простые люди, активно участвуя в жизни приходов, поддерживали священнослужителей, помогали нуждающимся и распространяли религиозную литературу, способствуя сохранению веры и духовных ценностей в обществе. Их молитвы и преданность вере стали мощной силой, противостоящей атеистической пропаганде;

4) проповеди, труды и пример жизни святителя Луки, архиепископа Крымского, оказывали огромное влияние на верующих, укрепляя их в вере и помогая преодолевать трудности. Его личность, сочетавшая в себе глубокую веру, научный талант и милосердие, служили ярким свидетельством возможности гармоничного сочетания духовного и рационального.

Можно сказать, что крымские духовные деятели в советский период оказались в уникальном положении, требующем от них не только пастырской преданности, но и исключительной стойкости, дипломатичности и изобретательности. Они служили своего рода «мостом» между верой и атеистическим государством, между различными культурами и этническими группами, между прошлым и настоящим.

В условиях жесткого контроля, закрытия храмов и преследований священники и монахи Крыма часто вынуждены были действовать в «тени», рискуя своей свободой и карьерой. Они становились хранителями веры и традиций в домах прихожан, в подпольных монашеских общинах, в молитвах и таинствах, совершаемых тайно.

Геополитическое положение Крыма, его многоэтничность и многоконфессиональность, требовали от духовных лидеров умения находить общий язык с представителями разных культур и религий, проявлять тер-

пимость и уважение к чужим традициям. В этом смысле они становились не только пастырями, но и своего рода «дипломатами», способными поддерживать мир и согласие в обществе.

Особое значение имело сохранение древних святынь Крыма, многие из которых находились под угрозой уничтожения или забвения. Духовные деятели, взаимодействуя с учеными, реставраторами и краеведами, брали на себя культурно-охранную миссию, стремясь сохранить для будущих поколений уникальное духовное и историческое наследие полуострова.

После освобождения полуострова в 1944-м году, церковь в Крыму сыграла важную роль в моральной поддержке народов, хотя эта деятельность часто носила неофициальный характер. Священники и монахи становились для этих людей источником утешения и надежды, помогали им адаптироваться к новой жизни и сохранить свою национальную идентичность. Таким образом, «крымская специфика» духовных деятелей советского периода заключалась в их способности выживать и служить в условиях атеистического государства, сохраняя при этом многоконфессиональное, многоэтническое, культурное и духовное наследие региона [3].

Деятельность Симферопольской и Крымской епархии в советский период заложила прочный фундамент для возрождения религиозной жизни в Крыму после распада Советского Союза. И всех, кто сохранял веру в те тяжелые годы, Крым встретил с живой и сильной православной общиной. Это позволило быстро восстановить разрушенные и закрытые храмы, создать новые приходы и монастыри, развивать религиозное образование и просвещение.

Таким образом, деятельность Симферопольской и Крымской епархии в период с 1944 по 1991 годы – это не только героическая страница в истории Русской Православной Церкви, но и пример стойкости, преданности и веры в победу добра над злом. Сохранение веры и нравственных ценностей, обеспечение духовной преемственности поколений, создание основы для возрождения религиозной жизни в Крыму – все это делает её вклад в историю Крыма и России неоценимым и актуальным для нынешнего и будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) // Азбука веры URL: https://azbyka.ru/otechnik/Luka_Vojno-Jasenetskij/ (дата обращения: 03.04.2025).
2. Целитель Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) // Святцы.ру URL: https://svyatcy.ru/pokroviteli/svyatitel-luka?ysclid=m9u9gz33ky363230858 (дата обращения: 04.04.2025).

3. Шимон И. М. Архипастырское служение в условиях государственного давления на Церковь (на примере Крымской епархии в 1944–1965 гг.): дис. канд. богосл. наук: 2023. – 29 с.
4. Леонтий (Иван Афанасьевич Гудимов; 1928-1992), митрополит Херсонский и Таврический // Православие.ru URL: https://pravoslavie.ru/160307.html (дата обращения: 03.04.2025).
5. Нестор (Доненко) // Древо. Открытая Православная Энциклопедия URL: https://drevo-info.ru/articles/13672288.html (дата обращения: 03.04.2025).
6. Гурий (Егоров), митр.: 1) Проповеди, сказанные в Кафедральном Соборе г. Днепропетровска // Альфа и Омега. 2001. № 2 (28). С. 5-11 ; 2) Проповеди и беседы // Там же. 2005. № 3 (44). С. 87-95.
7. Антоний (Онуфрий Иванович Вакарик; 1926-2003), митрополит Черниговский и Нежинский // Православие.ru URL: https://pravoslavie.ru/160308.html (дата обращения: 08.04.2025).

УДК 130.2:2/004

ВИРТУАЛЬНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕЛИГИОЗНЫЙ ОПЫТ

VIRTUAL RELIGIOUS PRACTICES AND THEIR IMPACT ON RELIGIOUS EXPERIENCE.

Грибалева Мария Владимировна
студент 4 курса очной формы обучения философского факультета, бакалавриат, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского».
Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ***Зыщик Екатерина Борисовна***
Gribaleva Maria Vladimirovna
4th year full-time student of the Department of Philosophy bachelor's degree, V.I. Vernadsky Crimean Federal University.
Scientific supervisor: Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute "Taurida Academy" of V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Zyshchik Ekaterina Borisovna

Аннотация. В статье рассматривается влияние цифровых технологий на религиозную жизнь современного общества. Автор анализирует основные формы взаимодействия религии и цифровой среды, включая использование социальных сетей, специализированных интернет-сервисов, VR-платформ и роботов-священников. Подчеркивается, что религиозный опыт в цифровую эпоху приобретает новые формы и становится частью глобального интерактивного пространства.

Abstract. The article examines the influence of digital technologies on the religious life of modern society. The author analyzes the main forms of interaction between religion and the digital environment, including the use of social networks, specialized online services, VR platforms, and robot priests. It is emphasized that in the digital era, religious experience acquires new forms and becomes part of a global interactive space.

Ключевые слова: цифровые технологии, религия, виртуальная реальность, социальные сети, цифровое общество, религиозный опыт

Keywords: digital technologies, religion, virtual reality, social networks, digital society, religious experience

Введение

Тезисы Современное общество невозможно представить без цифровых технологий, которые активно проникают во все сферы человеческой жизни, в том числе и в религиозную. На основании анализа статьи Е.Н. Чесновой можно выделить основные направления трансформации религий в условиях цифрового общества, каждое из которых имеет свои особенности и последствия для традиционной религиозной культуры.

1. Использование социальных сетей и мессенджеров для религиозного общения

Одним из важнейших инструментов религиозной коммуникации в цифровую эпоху стали социальные сети и мессенджеры. Сегодня практически все крупные религиозные организации и авторитетные духовные лидеры, включая Папу Римского, имеют официальные страницы в Facebook, Instagram, X (Twitter) и других популярных сервисах. Это позволяет верующим в любой точке мира быть в курсе актуальных событий, проповедей, наставлений и даже участвовать в онлайн-обсуждениях религиозных вопросов. Более того, создаются специализированные социальные сети, например Faithbook, ориентированная на христианскую аудиторию. Такие платформы предоставляют пользователям возможность общаться, делиться религиозными размышлениями, совместно организовывать молитвенные группы и благотворительные акции. Таким образом, социальные сети становятся не только инструментом повседневной коммуникации, но и мощным средством распространения религиозных идей.

2. Появление религиозных поисковых систем

Развитие цифровых технологий позволило создать специализированные поисковые системы, разработанные с учетом религиозных норм и предписаний. Так, мусульмане могут воспользоваться сервисом «I›m Halal», который фильтрует нежелательный контент и выдаёт только те результаты, что соответствуют исламским принципам. Для иудеев существует поисковая система «Koogle», предоставляющая информацию с учётом требований кашрута и религиозных законов. Это важно не только с точки зрения соблюдения канонов, но и как фактор идентичности, позволяющий сохранить верность традициям в условиях глобализированного цифрового пространства.

3. Онлайн-сервисы для молитв и виртуальных паломничеств

Среди актуальных форм взаимодействия религии и цифровой среды особое место занимают интернет-сервисы, предлагающие возможность отправлять молитвы онлайн. Примером служит программа «Tweet Your Prayers», через которую пользователи могут разместить свои молитвен-

ные обращения к Богу. Кроме того, цифровые технологии открывают возможности для виртуальных паломничеств. С помощью специализированных платформ верующие могут совершить «путешествие» к святым местам – таким как Храм Гроба Господня или Кааба в Мекке – не выходя из дома. Это особенно актуально для тех, кто по разным причинам не может позволить себе физическое паломничество. Виртуальные туры сопровождаются аудиогидами, визуальными эффектами и комментариями священнослужителей, что максимально приближает цифровой опыт к реальному.

4. Религиозные сайты знакомств

Особое место в цифровой религиозной инфраструктуре занимают сайты знакомств, создаваемые с учетом конфессиональной принадлежности. Так, для православных верующих действует портал «Азбука верности», помогающий людям, разделяющим общую систему духовно-нравственных ценностей, находить спутников жизни. В мусульманской и иудейской среде также существуют подобные ресурсы, где акцент делается на соблюдение религиозных норм при выборе партнера. Это не только облегчает процесс знакомства, но и поддерживает религиозную общину, укрепляя социальные связи внутри нее.

5. Электронные формы пожертвований

Современные технологии позволяют упрощать и такую традиционную практику, как пожертвования на нужды религиозных общин. Многие храмы, соборы и мечети сегодня оснащаются POS-терминалами, позволяющими прихожанам жертвовать средства с помощью банковских карт или электронных кошельков. В некоторых странах набирает популярность возможность сделать пожертвование через чипы, имплантированные в руку или палец. Это особенно удобно для иностранных прихожан и тех, кто не носит с собой наличных денег.Электронные пожертвования становятся неотъемлемой частью церковной жизни, обеспечивая финансовую стабильность религиозных организаций в новых условиях.

6. Применение технологий виртуальной реальности

Существенно изменяются и формы проведения богослужений. В последние годы популярность приобретают проекты виртуальных церквей и храмов, функционирующих на VR-платформах. Примером может служить VR-церковь на платформе AltSpaceVR, основанная пастором Диджей Сото. В таких виртуальных храмах верующие могут присутствовать на богослужениях, участвовать в совместных молитвах и общении, не покидая дома. Это создаёт новые возможности для людей с ограни-

ченной подвижностью, жителей удалённых районов и тех, кто по разным причинам не посещает традиционные храмы. Виртуальная реальность позволяет сохранить атмосферу сакрального пространства, использовать визуальные и аудиовизуальные эффекты для создания ощущения присутствия.

7. Онлайн-наставничество и духовное руководство

Цифровая эпоха предоставляет новые возможности для духовного наставничества. Священнослужители ведут видеоблоги, создают каналы на YouTube и Telegram, отвечают на вопросы верующих в социальных сетях. Такой формат позволяет оперативно реагировать на проблемы паствы, проводить разъяснительные беседы и даже онлайн-исповеди. Цифровое наставничество особенно востребовано среди молодежи, которая больше времени проводит в интернете, чем в традиционных религиозных учреждениях. Таким образом, происходит адаптация религиозного служения к новым условиям цифрового общества.

8. Появление роботов-священников

В некоторых странах уже сегодня применяются роботы, способные выполнять религиозные функции. Так, в Германии в 2017 году был представлен робот BlessU-2, который может благословить прихожан на разных языках и выбрать подходящее наставление. В Японии робот-андроид Kannon осуществляет ритуалы в буддийском храме, а в Китае действует робот Xian'er. Эти технологии вызывают дискуссии относительно допустимости замены человека-священника машиной, однако они демонстрируют тенденцию к технологизации даже сакральной сферы.

9. Мобильные и электронные оповещения

Цифровая коммуникация активно используется религиозными организациями для распространения информации. Рассылки по электронной почте, SMS-оповещения о предстоящих богослужениях, религиозных праздниках и духовных мероприятиях стали обыденной практикой. Это позволяет оперативно информировать верующих и поддерживать их вовлечённость в жизнь общины.

10. Использование видеоконференций для богослужений и встреч

Наконец, особенно актуальным в последние годы стало проведение богослужений и религиозных встреч через видеоконференц-связь. Zoom, Skype и другие платформы дают возможность объединять прихожан из разных регионов, проводить совместные молитвы, обсуждения и изучение священных текстов. Это стало особенно востребованным в условиях пандемии COVID-19, когда очное присутствие в храмах было ограничено.

Заключение

Таким образом, цифровизация оказывает масштабное влияние на религиозную жизнь современного общества, трансформируя формы религиозной коммуникации, практики и обряды. Цифровая среда не только сохраняет сакральное пространство, но и создаёт новые форматы религиозного опыта, позволяя религии оставаться актуальной в быстро меняющемся мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чеснова Е. Н., Мартьянова Е. Г. Вера, религиозность и эсхатологические настроения в условиях трансформации мировоззрения и угрозы глобальных проблем современности (на примере COVID-19) // Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации: материалы всероссийского научного семинара / ответственный редактор и составление: А. П. Романова, Д. А. Черничкин. Астрахань: Изд-во Астрах. гос. ун-та, 2020. С. 194-202.
2. Чеснова Е.Н. ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА // Вестник БГУ. 2021. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-religii-v-usloviyah-tsifrovogo-obschestva
3. Чеснова Е.Н. Цифровизация религии: ислам // Гуманит. ведомости. ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2021. № 4(40). С. 70-82. DOI: 10.22405/2304-4772-2021-1-4-70-82

УДК 159.9

ФЕНОМЕН ЗРЕЛОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

THE PHENOMENON OF MATURITY IN HISTORICAL RETROSPECT

Ерёменко Юлия Анатольевна
аспирант кафедры социальной психологии, Институт «Таврическая академия», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь
Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ***Зыщик Екатерина Борисовна***
Eremenko Yulia Anatolievna
Post-graduate student of the Department of Social Psychology, Institute "Tavrida Academy", Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Crimean Federal V.I. Vernadsky University », Simferopol
Scientific supervisor: Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute "Taurida Academy" of V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Zyshchik Ekaterina Borisovna

Аннотация. В статье рассматривается эволюция понимания феномена зрелости в историческом контексте. Анализируются ключевые этапы трансформации представлений о зрелости, начиная с античности и заканчивая современностью, с акцентом на социокультурные и философские факторы, определяющие содержание данного понятия.

Abstract. The article analyzes the success of evolution of the phenomenon of maturity in the historical century. The key stages of transformation of ideas about maturity, from antiquity to modern times, are analyzed, with an emphasis on socio-cultural and philosophical factors that determine the content of these concepts.

Ключевые слова: зрелость, историческая ретроспектива, социокультурный контекст, возрастные нормы, жизненный цикл, идентичность.

Keywords: maturity, historical retrospective, sociocultural context, age norms, life cycle, identity.

Феномен зрелости, как этап жизненного цикла, характеризующийся достижением физиологической, психологической и социальной зрелости, является предметом изучения различных дисциплин, включая психологию, социологию, антропологию и историю. Однако, содержание и критерии зрелости не являются универсальными и неизмен-

ными, а подвержены значительным трансформациям под влиянием исторических, социокультурных и экономических факторов. Представления о зрелости формируются в рамках конкретных социальных систем и отражают доминирующие ценности и нормы. Целью данной статьи является анализ эволюции понимания зрелости в исторической ретроспективе, выявление ключевых этапов и факторов, определяющих содержание данного понятия в различные эпохи, и рассмотрение современных тенденций.

В античном мире зрелость ассоциировалась, прежде всего, с физической силой, здоровьем и способностью к воспроизводству. В Древней Греции и Риме возрастные нормы определялись социальными ролями и обязанностями, такими как военная служба, участие в политической жизни и создание семьи. Мужчины достигали зрелости, когда становились полноправными гражданами и могли участвовать в управлении государством. Женщины же достигали зрелости с рождением детей и выполнением роли хранительницы домашнего очага. Философские концепции зрелости, представленные в трудах Аристотеля и Платона, акцентировали внимание на развитии разума и нравственных качеств, необходимых для достижения «эвдемонии» – счастливой и полноценной жизни. Аристотель, в частности, рассматривал зрелость как состояние, в котором человек способен к рациональному мышлению и принятию взвешенных решений. Для Сократа зрелый человек – это тот, кто познал себя и живёт в соответствии с истиной. Платон связывал зрелость с освобождением от иллюзий, подобно узнику, вырвавшемуся из пещеры и увидевшему мир таким, каков он есть.

В эпоху средневековья зрелость приобрела религиозную окраску. Христианская доктрина определяла зрелость как достижение духовной зрелости, выражающейся в следовании заповедям Божьим и стремлении к спасению души. Социальные нормы иерархического общества определяли возрастные переходы и обязанности, соответствующие различным этапам жизненного цикла. Особое значение придавалось послушанию и смирению, что рассматривалось как признаки духовной зрелости. Зрелость стала пониматься как духовное взросление, приближение к Богу через смирение и аскезу. Августин Блаженный в «Исповеди» описывает зрелость как осознание греховности и обретение благодати. Фома Аквинский, синтезируя Аристотеля и христианство, утверждал, что истинная зрелость – это гармония веры и разума. В средневековой культуре зрелость была неразрывно связана с религиозным опытом, а её критерием становилась способность человека преодолеть свою греховную природу.

Эпоха Возрождения и Нового времени ознаменовалась переосмыслением античного наследия и формированием новых представлений о человеке и его месте в мире. Гуманистические идеалы акцентировали

внимание на индивидуальности, саморазвитии и реализации потенциала личности. Зрелость стала рассматриваться как процесс непрерывного обучения и самосовершенствования, а не как статичное состояние. Развитие науки и искусства способствовало расширению представлений о возможностях человека и его способности к самореализации.

В эпоху Просвещения рационализм и эмпиризм стали доминирующими подходами к изучению человека. Зрелость рассматривалась как результат воспитания и образования, направленных на формирование разумного и ответственного гражданина. Жан-Жак Руссо, например, подчеркивал важность естественного воспитания, способствующего развитию индивидуальных способностей и формированию независимой личности. Развитие науки и техники привело к изменению социальных ролей и обязанностей, что, в свою очередь, повлияло на возрастные нормы и критерии зрелости. Индустриализация и урбанизация привели к появлению новых профессий и требовали от людей большей гибкости и адаптивности.

В современном мире понятие зрелости претерпевает дальнейшие трансформации под влиянием глобализации, технологического прогресса и изменения социальных ценностей. Увеличение продолжительности жизни, развитие медицины и изменение структуры семьи приводят к пересмотру традиционных возрастных норм и этапов жизненного цикла. Понятие «молодость» продлевается, а границы между различными возрастными группами становятся более размытыми. Современность – зрелость в эпоху неопределённости. XXI век поставил перед человечеством новые вызовы: цифровизация, глобализация, экологический кризис, трансформация традиционных социальных институтов. В этих условиях зрелость перестала быть однозначным и статичным понятием. Её критерии стали более гибкими, но вместе с тем и более сложными. Ключевые аспекты современной зрелости: эмоциональный интеллект и адаптивность; ответственность перед собой и обществом; гибкая идентичность и lifelong learning; баланс автономии и connectedness; принятие неопределённости.

В отличие от классического рационализма Просвещения, сегодня зрелость во многом связывают с эмоциональной компетентностью – способностью понимать свои и чужие эмоции, регулировать стресс, выстраивать здоровые отношения. Современный мир требует не столько безупречной логики, сколько умения адаптироваться к постоянным изменениям. Если раньше зрелость определялась через соответствие социальным ролям (родитель, работник, гражданин), то сегодня акцент сместился на осознанный выбор и личную ответственность. Это включает:

– Экологическую ответственность – осознание последствий своих действий для планеты.

– Цифровую гигиену – критическое отношение к информации, сопротивление манипуляциям в соцсетях.

– Этическое потребление – выбор в пользу справедливой торговли, отказ от поддержки неэтичных корпораций.

В прошлом зрелость ассоциировалась с завершением формирования личности («стать взрослым»). Сегодня она подразумевает постоянное развитие, готовность пересматривать убеждения и учиться новому. Карьерные смены, смена гендерных ролей, переосмысление ценностей – всё это теперь часть взросления. Современная зрелость – это не просто независимость, как у Канта, а умение выстраивать здоровые границы, не изолируясь от общества. Социальные сети, удалённая работа и кризис традиционных сообществ делают особенно важным навык осознанного взаимодействия с другими. В мире, где старые идеологии рушатся, а будущее непредсказуемо, зрелость проявляется в способности жить без абсолютных ответов. Философы-экзистенциалисты (Сартр, Камю) говорили об этом ещё в XX веке, но сегодня это стало повседневной реальностью. Кризисы современной зрелости

– Инфантилизация общества (культура «вечной молодости», страх ответственности).

– Перегрузка выбора (парадокс свободы: чем больше вариантов, тем сложнее принимать решения).

– Одиночество в цифровую эпоху (гиперсвязность не гарантирует глубины отношений).

Анализ эволюции понимания зрелости в исторической ретроспективе позволяет выявить, что содержание и критерии зрелости не являются статичными, а подвержены значительным изменениям под влиянием социокультурных, экономических и политических факторов. Изучение исторического контекста позволяет лучше понять современные представления о зрелости и выявить тенденции дальнейшего развития данного понятия. Историческая ретроспектива показывает, что зрелость всегда была зеркалом эпохи: от античной мудрости до средневекового смирения, от просвещенческой автономии до постмодернистской множественности. Сегодня она становится ещё более многомерной, включая не только личностные, но и глобальные аспекты. Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на изучение влияния новых технологий и социальных изменений на формирование представлений о зрелости и разработку моделей, способствующих успешной адаптации к меняющимся условиям жизни. Особое внимание следует уделить изучению влияния цифровой среды на формирование идентичности и представлений о зрелости у молодого поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрюшкова, Н. П. Феноменология и содержание понятия личностная зрелость / Н. П. Андрюшкова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2020. – № 3-4. – С. 152-156. – EDN PHOFBI.
2. Елишев, С. О. Молодежная проблематика и подходы к определению понятия «молодежь» в социологии / С. О. Елишев // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2017. – Т. 23, № 3. – С. 200-223. – EDN ZIVXSJ.
3. Малиева, Е. С. Личностная зрелость человека в современном социуме XXI века / Е. С. Малиева // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2022. – Т. 11, № 3-1. – С. 9-24. – DOI 10.34670/AR.2022.72.31.001. – EDN EJXAUN.
4. Рябов, П. В. Подходы к пониманию личностной зрелости в отечественной и зарубежной психологии / П. В. Рябов // Нижегородский психологический альманах. – 2024. – № 1. – С. 83-89. – EDN REAMDK.
5. Серова, О. Е. Психологические аспекты духовно-нравственного учения о личности и народе И.В. Киреевского (историко-психологическое исследование): специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии»: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Серова Ольга Евгеньевна. – Москва, 2007. – 185 с. – EDN NOUPVB.
6. Толмачева, О. А. Проблема личностной зрелости и самоактуализации. Гуманистический взгляд / О. А. Толмачева // Психология и психотехника. – 2015. – № 6(81). – С. 602-610. – DOI 10.7256/2070-8955.2015.6.15110. – EDN UBIHKD.
7. Щербаков, А. И. История древнегреческой философии: учеб. пособие по дисциплине «Философия» для студентов, обучающихся по гуманит. специальностям и направлениям подгот. / А. И. Щербаков; А. И. Щербаков; М-во образования Рос. Федерации, Куб. гос. ун-т. – Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2004. – 283 с. – ISBN 5-8209-0232-7. – EDN QWIZPX.

УДК 330.14:008

ТАЛАНТ КАК РЕСУРС: КАК ОРГАНИЗАЦИЯМ НАЙТИ ЧЕЛОВЕКА СО СПОСОБНОСТЯМИ И КАК ИХ РЕАЛИЗОВАТЬ

TALENT AS A RESOURCE: HOW CAN ORGANIZATIONS FIND A PERSON WITH ABILITIES AND HOW TO IMPLEMENT THEM

Курзянков Александр Эдуардович
Аспирант кафедры менеджмента «Институт экономики и управления» Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, г. Симферополь
Kurzyakov, Alexander Eduardovich
Postgraduate student of the Department of Management "Institute of Economics and Management"
V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Simferopol

Аннотация. В статье рассматривается талант как ключевой ресурс современных организаций, анализируется практические аспекты его поиска и реализации. Рассматриваются подходы к понимаю таланта с позиции античной философии, подчеркивая его двойственную природу: как врожденного потенциала и результата среды.

Abstract. The article considers talent as a key resource of modern organizations, analyzes the practical aspects of its search and implementation. Approaches to understanding talent from the standpoint of ancient philosophy are considered, emphasizing its dual nature: as an innate potential and the result of the environment.

Ключевые слова: талант, ресурс, потенциал, развитие сотрудника, модель, способности.

Keywords: talent, resource, potential, employee development, model, abilities.

В современной бизнес-среде способность находить талантливых сотрудников перестала быть исключительной компетенцией руководителей организаций. Сегодня этот процесс представляет собой сложную, многоуровневую систему, в которой задействованы HR-специалисты, рекрутинговые технологии, корпоративная культура и даже искусственный интеллект. Талант в современном понимании – это не просто ценный ресурс, а стратегический актив, способный определять конкурентные преимущества организации на рынке. Однако важно понимать, что сам по себе талант не является гарантией эффективности – подобно драгоценному камню, требующему огранки, он нуждается в особых условиях для полного раскрытия своего потенциала.

Философские истоки понимания таланта.

Талант можно рассматривать с разных точек зрения, о сущности таланта размышляли с древности. «Аристотель, ученик Платона, развил идею о потенциале и его реализации. С этой точки зрения, талант можно рассматривать как особую предрасположенность к реализации определенного потенциала. Каждый человек, согласно Аристотелю, имеет свою «энтелехию» – внутреннюю цель или предназначение. Талант – это не просто врожденная способность, а скорее путь к достижению этой цели, к полной реализации своей сущности» [4]. Такой подход основывается на природных качествах, которые развиваются в зависимости от среды в которой существует человек.

Талант можно рассматривать как проявление идеальных форм в материальном мире. «Платон считал, что существует мир идей, где находятся совершенные образцы всех вещей. Талант, в этом контексте, – это способность человека приближаться к этим идеальным формам и воплощать их в реальности. Художник, обладающий талантом, способен уловить проблеск идеальной красоты и перенести ее на холст» [4]/. Талант становится мостом между идеями и реальным миром. С точки зрения прагматизма талант выступает решением проблем. Философы-прагматики, такие как Джон Дьюи, рассматривал талант с точки зрения его практической пользы. В отличии от Аристотелизма талант определяется не врожденностью, а насколько хорошо он помогает справляться с поставленными задачи. При уникальности множества мнений можно сказать, что талант – это инструмент достижения высоких показателей, который проявляется при благоприятной среде в которой существует человек.

Таким образом, талант исторически понимался либо как врождённый потенциал, требующий раскрытия (Аристотель), либо как способность воплощать идеальное в реальном (Платон), либо как инструмент решения практических задач (прагматизм). Однако все эти подходы сходятся в одном: для реализации таланта критически важна благоприятная среда.

Талант в современной корпоративной практике.

Сегодня этот принцип переосмысливается в корпоративной культуре. Если раньше организации концентрировались на поиске «готовых» талантов – редких специалистов с уникальными способностями, – то теперь многие компании делают ставку на создание условий для раскрытия потенциала уже внутри коллектива. Такой подход отражает синтез идей: как аристотелевской «энтелехии», где каждый сотрудник имеет скрытые возможности, так и прагматизма, где ценность таланта определяется его применением в реальных задачах.

Современные HR-стратегии всё чаще смещают акцент с «охоты за талантами» на развитие талантов внутри организации. «Организации перешли от поиска лучших предложений на рынке труда, к сотрудникам,

которые заканчивают учреждения, чтобы «вырастить» сотрудника с теми навыками и знаниями необходимыми для конкретной сферы деятельности» [3]. В данном случае талант выступает скрытыми возможностями для совершенствования организации и личностного роста сотрудника.

Определить талант можно путем оценивания сотрудника достигнутыми показателями и его способами решать задачи. Другими словами, выстраивать путь его развития исходя из показателей и делать упор в тех направлениях в который сотрудник показывает лучшие показатели, тем самым совершенствовать их.

«Современные организации сталкиваются с двойными вызовами:

1. Обнаружить скрытые таланты среди множества кандидатов;

2. Привлечь и удержать их в условиях конкуренции.

Для этого используются комбинации традиционных и инновационных методов» [1].

В современных организациях все чаще начали использовать такие технологии как: AI и BIG Data, которые помогают анализировать резюме, поведенческие паттерны и даже социальные сети, выявляя людей с нестандартным мышлением. Такой подход позволяет выявить склонности потенциального сотрудника в решении определенных задач, а организации в свою очередь выстраивают этапы обучения основываясь на оценочные данные.

«К традиционным методам относиться:

1. Кейс-интервью и реальные задачи. В пример можно взять компанию Amazon, в которой кандидаты решают рабочую проблему при собеседовании.

2. Психометрическое тестирование. Оценка когнитивных способностей, а также анализ эмоционального интеллекта.

3. Assessment center. Ролевые игры, групповые задания, например, симуляция переговоров или кризисного управления» [2].

Грамотное сочетания таких методов позволяет не только выявить скрытый талант сотрудника, но и создать те условия, которые позволяют успешно их реализовать.

В ПАО «СБЕРБАНК» одним из первоначальных этапов оценивания кандидатов выступает анализ резюме. HR-специалист анализирует образование, возраст, предыдущие места работы, стаж работы. Такие показатели позволяют на начальном этапе выявить склонности кандидата к определенным видам работы.

«При найме на работу кандидату выстраивается траектория развития, которая заранее запланирована под определенный тип работы. Благодаря такому подходу организация создает «правильного» сотрудника в рамках своей организации» [2]. В этом смысле «талант» проявляется при успешной реализации обучения и достижения высоких показателей в работе.

Однако на практике сотрудники могут проявлять себя в других видах работы, при этом организация меняет траекторию развития сотрудника и предлагает занять другие вакантные места.

Другими словами, организации начали переходить от поиска талантливых сотрудников к самостоятельному раскрытию таланта путем использования гибридной модели «Талант как партнер» – преобразования таланта из ресурса в соавтора развития компании.

В такой модели используется все лучше из традиционных методов в сочетании с инновационными: замена тестов на реальные кейсы, переход от стандартных тренингов (обобщенных) в индивидуальные траектории развития, выделение свободного времени на личные инициативы, вовлечение талантов в стратегические решения через советы сотрудников.

Вывод.

В современном мире талант стал не просто ценным ресурсом, а стратегическим активом, определяющим конкурентные преимущества организаций. Понимание таланта эволюционировало от античных философских концепций до современных корпоративных практик. Аристотель, Платон и прагматики заложили основы двойственного восприятия таланта: как врождённого потенциала, требующего раскрытия, и как инструмента для решения практических задач. Однако все подходы сходятся в одном – для реализации таланта критически важна благоприятная среда.

Современные организации переосмысливают свои HR-стратегии, смещая акцент с поиска «готовых» талантов на создание условий для их внутреннего развития. Это отражает синтез философских идей: от аристотелевской «энтелехии» до прагматизма, где ценность таланта определяется его практическим применением.

Гибридная модель «Талант как партнер» демонстрирует, что наибольшую отдачу талант приносит, когда организация воспринимает его не просто как ресурс, а как дар, требующий свободы и ответственности. Такая модель создаёт баланс интересов, гибкость и долгосрочные преимущества, формируя экосистему, где сотрудники становятся соавторами развития компании.

Таким образом, успех современной организации зависит от гармонии между поиском и выращиванием талантов. Компании, которые создают среду для раскрытия потенциала, не только достигают высоких результатов, но и формируют культуру, где каждый сотрудник может стать выдающимся. В этом и заключается парадокс и одновременно секрет эффективного управления талантами в XXI веке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Люди HiPo: как отбирать, как работать с талантами и как их удерживать, чтобы компания была в плюсе [Электронный ресурс] – Электрон. текстовые дан. – 2021. – Режим доступа: https://vc.ru/hr/244973-lyudi-hipo-kak-otbirat-kak-rabotat-s-talantami-i-kak-ih-uderzhivat-chtoby-kompaniya-byla-v-plyuse, свободный
2. Скрытые таланты [Электронный ресурс] – Электрон. текстовые дан. – 2025. – Режим доступа: https://sberuniversity.ru/learning/, свободный
3. Таланты в организации [Электронный ресурс] / Гербер В.Х. – Электрон. текстовые дан. – 2022. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/talanty-v-organizatsii/viewer, свободный
4. Хрулёв, О.Г. Психология: талант [Электронный ресурс] О.Г. Хрулёв. – Электрон. текстовые дан. – 2025. – Режим доступа: https://психологи.рф/талант/, свободный

УДК 323.1+ 32.019.51

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ УКРАИНЫ В КРЫМУ: КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ КАК ПРОТИВОВЕС РУССКОМУ НАСЕЛЕНИЮ КРЫМА

THE FORMATION OF A COUNTERACTING FORCE: AN ANALYSIS OF SOCIAL DESIGN IN THE CONTEXT OF THE CRIMEAN TATARS AND THE RUSSIAN-SPEAKING POPULATION OF CRIMEA

Дудник Маргарита Евгеньевна
Студентка 2 курса магистратуры философского факультета, ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
Научный руководитель ***О.К. Шевченко***
Dudnik Margarita Evgenievna
2nd year magistracy student at the Faculty of Philosophy, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. С 1991 по 2013 года украинская политика в Крыму была сосредоточена на создании альтернативной идентичности, способной противостоять российскому влиянию на полуострове. В этом свете социальное проектирование стало особенно важным, так как оно способствовало формированию нового сегмента общественного сознания, которое должно было стать политическим противовесом русскоязычному населению Крыма.

Abstract. From 1991 to 2013, Ukrainian policy in Crimea focused on creating an alternative identity that could counter Russian influence on the peninsula. In this light, social engineering became especially important, as it contributed to the formation of a new segment of public consciousness that was supposed to become a political counterweight to the Russian-speaking population of Crimea.

Ключевые слова: крымские татары, украинская власть, социальное проектирование, русскоязычное население, Крым.

Keywords: crimean tatars, Ukrainian government, social engineering, Russian-speaking population, Crimea.

Крымские татары, как значимая этническая группа полуострова, играли важную роль в формировании украинской стратегии управления в республике Крым на протяжении всего периода независимости Украины вплоть до вхождения Крыма в состав России. С 1991 года украинская власть стремилась интегрировать крымских татар в общественную жизнь, подчеркивая их культурное и историческое наследие, что должно было способствовать укреплению их национальной идентичности. [1,5]

В исследованиях, подчеркивается, что крымские татары активно участвовали в общественных и политических процессах, создавая свои

организации и представляя свои интересы на уровне государственных структур. [3,4]

Однако на фоне изменяющейся политической ситуации в России и на полуострове, украинская стратегия в отношении крымских татар столкнулась с новыми вызовами. Некоторые представители крымских татар начали проявлять поддержку экстремистским организациям, что негативно сказалось на их личной репутации и взаимодействии с украинскими властями, а в последствии после Крымской весны с представителями российской власти. [6]

Это создало определенные сложности для реализации программ поддержки и интеграции крымских татар, поскольку украинская власть была вынуждена учитывать общественное мнение и безопасность в рамках своей стратегии. Важным аспектом явилось и то, что поддержка экстремистских группировок частью крымских татар, оказала влияние на их отношения с другими этническими группами на полуострове.

Это привело к разделению внутри крымского сообщества и создало предпосылки для конфликта с русскоязычным населением, что, в свою очередь, усложнило попытки украинской власти наладить диалог и сотрудничество с крымскими татарами. [2,10]

Деятельность лидеров крымских татар была сосредоточена на продвижении идеи национальной автономии крымских татар на территории Республики. Не участие крымских татар в референдуме 20 января 1991 года ясно иллюстрирует данную позицию. Политические представители крымских татар активно агитировали против участия в этом референдуме. Они считали, что их участие наравне с другими этническими группами в референдуме может привести к ослаблению национально-политического движения, основанного на приоритете крымских татар как коренного народа на полуострове. [7,9]

Несмотря на позицию крымских татар, референдум о создании Крымской Автономной Советской Республики состоялся и был поддержан большинством населения. Это нашло отражение в двух ключевых документах Верховного Совета Украинской Советской Социалистической Республики:

1. Закон УССР «О восстановлении Крымской Автономной Советской Социалистической Республики»;

2. Постановление «О введении в действие Закона Украинской ССР «О восстановлении Крымской Автономной Советской Социалистической Республики».

Важно отметить, что процесс формирования автономии Крыма начался еще в конце 1980-х годов, и вопрос автономии поднимался не только в контексте СССР, но и в рамках Украинской ССР. В 1980-х годах в Украине наблюдалась радикализация оппозиционных сил, особенно в западных

регионах, которые выступали за независимость от СССР, сопровождая свои требования русофобскими лозунгами. Украинская партийная власть не только не препятствовала этим силам, но и неявно поддерживала их. В результате этих процессов на территории Крыма возникло противостояние, связанное с политической ориентацией населения. Идеи об отделении от России и придании украинскому языку статуса государственного воспринимались русскоязычным населением Крыма как угроза их идентичности. [3,11,12]

В свете вышеперечисленных событий крымско-татарские активисты, в частности Ю.Б. Османов, и представители общественности впервые подняли вопрос о политической субъектности Крыма. Крымско-татарские организации рассматривали восстановление политической независимости как возможность для дополнения национально-государственного содержания Крымской АССР. [10]

Социальное проектирование в Украине в этот период было направлено на создание механизмов поддержки национальных меньшинств, что должно было способствовать укреплению социально-политической стабильности и предотвращению конфликтов на национальной почве. Одним из ключевых направлений таких инициатив было восстановление прав крымских татар и вовлечение в общественную жизнь страны.

Однако, несмотря на значительные усилия, многие социальные проекты сталкивались с трудностями. М. И. Смирнов в своей работе подчеркивает, что недостаточная поддержка со стороны центральной власти и отсутствие четкой стратегии реализации социальных инициатив часто приводили к их неэффективности [10].

Украинская политика в Крыму в этот период была направлена на поддержку крымских татар, как части крымского сообщества, которая могла бы противостоять российскому влиянию. В этом контексте социально-политическое проектирование приобрело особое значение, так как оно работало на формирование нового сегмента общественного сознания, который должен был составить политический противовес русскоязычному населению Крыма.

По информации украинских политологов Н. Михайличенко и В. Андрущенко в Крыму на момент решения вопроса о территориальной автономии «проживало 2,8 млн. человек, из которых 1, 63 млн. русские, 625 тыс. украинцы, 17,7 тыс. евреи, 280 тыс. крымские татары, 2,7 тыс. греки, 2,2 тыс. болгары и 50 тыс. белорусы»[8].

Государственная политика Украины ориентировалась на то, что в противовес русскому населению полуострова (42,7% голосов на выборах) можно противопоставить всех остальных при успешном социальном проектировании.

Намеренно проводилась политика столкновения между активистами крымских татар, которыми руководил Меджлис крымскотатарского народа (*экстремистская организация, запрещенная на территории Рос-*

сии) и активистами русскоязычного населения, которые не могли стоять в стороне при «самозахватах» и при проявлении других форм давления на общественность и политических деятелей.

Таким образом, можно сделать вывод, что с 1991 по 2013 года украинская политика в Крыму была сосредоточена на создании альтернативной идентичности, способной противостоять российскому влиянию. В этом свете социальное проектирование стало особенно важным, так как оно способствовало формированию нового сегмента общественного сознания, котоый должен был стать политическим противовесом русскоязычному населению Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ведомости Президиума Верховного совета СССР. 29.11.1989. №25. – С. 495
2. Демешко Н. Э. Международно-политическое противодействие интеграции крымских татар в геополитическое пространство России // Автореферат диссертации на соискание научной степени кандидата политических наук – Симферополь, 2020. – С. 22 – URL: https://www.dissercat.com/content/mezhdunarodno-politicheskoe-protivodeistvie-integratsii-krymskikh-tatar-v-geopoliticheskoe (дата обращения: 01.11.2024)
3. Демешко Н. Э. Россия и Крым: проблема интеграции крымских татар в конце XIX века / Н. Э. Демешко // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017, № 2. – С. 16–24.
4. Демешко Н. Э. Украинские президенты и крымские татары: проблемы, обещания, итоги / Н. Э. Демешко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018, № 1. – С. 85–96.
5. Интеграция ранее депортированных лиц в Крыму, Украина – Гаага: ВКНМ, 2013. – С. 39. – URL: https://www.osce.org/files/f/documents/c/c/104418.pdf (дата обращения: 01.11.2024)
6. Ирхин, А., Павленко, М. Возвращение Крыма в Россию. Сравнительный анализ реинтеграции города Севастополя и Республики Крым в политическое пространство РФ (2014-2022 гг.) // Международная жизнь. 2023. № 11.
7. Как рождалась государственность. Интервью с В. Зарубиным и Б. Кизиловым// Крымские известия – 1993
8. Михайличенко Н., Андрущенко В. Украина, разделенная в себе: от Леонидии к Виктории. – Т. I. – Киев: изд. ИП и ЭНИ им. И.Ф. Кураса НАН Украины 2012. – С. 155
9. Османов Ю.Б. Белая книга национального движения крымских татар. – Симферополь: Бизнес-Информ. 2013. – С.83
10. Смирнов М.И. Как мешок с картошкой. Кто и как передавал Крымскую область в состав УСР в 1962-1954 годах //Свободная мысль. 2014, №2. – С. 115
11. Социальное проектирование и прозрачность власти. Теория и практика. Методический сборник. / Под общ. ред. Н.Л. Хананашвили. – М.: Национальная Ассоциация благотворительных организаций, 2008. – 160 с.
12. Федоров А.Ф. Правовой статус Крыма. Правовой статус Севастополя. – М, 1999. – С.18

УДК 323.1

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО И ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

DIGITAL INEQUALITY AND ACCESS TO INFORMATION: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Кирющенко Анатолий Дмитриевич
Студент направления подготовки Философия, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Научный руководитель кандидат философских наук, доцент ***А.М.Тимохин***
Kiryushchenko Anatoly Dmitrievich
Student of Philosophy, Simferopol, V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. Статья посвящена анализу цифрового неравенства как глобального социального вызова, затрагивающего права человека, доступ к информации и социальную стратификацию. Рассматриваются российские реалии проблемы, включая региональные, демографические и экономические аспекты, а также пути её преодоления через цифровую трансформацию. Особое внимание уделено философскому осмыслению процесса цифровизации и необходимости комплексного подхода для снижения социального неравенства.

Abstract. The article analyses digital inequality as a global social challenge affecting human rights, access to information and social stratification. It considers the Russian realities of the problem, including regional, demographic and economic aspects, as well as ways to overcome it through digital transformation. Special attention is paid to the philosophical understanding of the processes of the digitalisation and the need for an integrated approach to reduce social inequality.

Ключевые слова: цифровое неравенство, цифровая трансформация, доступ к информации, права человека, социальная стратификация, цифровая грамотность, российские реалии, инклюзивная среда, философия цифровизации.

Keywords: digital inequality, digital transformation, access to information, human rights, social stratification, digital literacy, Russian realities, inclusive environment, philosophy of digitalisation.

Введение

В эпоху стремительной цифровизации всех сфер общественной жизни проблема цифрового неравенства приобрела масштабы глобального социального вызова. То, что начиналось как техническая проблема доступа к компьютерным технологиям, сегодня трансформировалось в сложный

многоуровневый феномен, затрагивающий основы современного общественного устройства. Фактически мы наблюдаем формирование новой социальной стратификации, где критерием разделения становится не традиционные классовые или имущественные различия, а уровень доступа к цифровым ресурсам и способность эффективно их использовать.

1. Доступ к информации как условие реализации прав человека в цифровую эпоху

Традиционные права человека в условиях цифровой трансформации приобретают новое измерение. Право на образование, закрепленное во Всеобщей декларации прав человека, сегодня невозможно реализовать в полной мере без доступа к цифровым образовательным ресурсам. Современные образовательные стандарты все чаще предполагают использование онлайн-материалов, цифровых библиотек, специализированного программного обеспечения. Учащиеся, лишенные такого доступа, оказываются в неравных условиях уже на старте образовательного процесса. Право на труд в цифровую эпоху тесно связано с цифровыми компетенциями. Все больше профессий требуют владения определенными цифровыми инструментами, а некоторые виды деятельности полностью переместились в онлайн-среду. При этом важно отметить, что цифровые навыки нужны не только для IT-специалистов – от базового владения офисными программами до специализированного программного обеспечения в различных отраслях. Право на участие в культурной жизни также претерпевает трансформацию. Цифровые технологии открывают беспрецедентный доступ к культурным благам – от виртуальных музеев до онлайн-концертов. Однако для полноценного использования этих возможностей требуется не только технический доступ, но и определенный уровень цифровой культуры, понимание принципов навигации в цифровом культурном пространстве.

2. Проблема ограничения доступа к информации в цифровую эпоху

Вопрос о границах доступа к информации в цифровую эпоху представляет собой сложную этическую и правовую дилемму. С одной стороны, свобода информации является фундаментальным правом и необходимым условием развития демократического общества. С другой – неограниченный доступ к информации может создавать угрозы как для отдельных лиц, так и для общества в целом. Проблема защиты персональных данных стала особенно актуальной в условиях массовой цифровизации [4, с.56-78]. Сбор, хранение и обработка персональной информации создают риски нарушения приватности, злоупотреблений и манипуляций. В этой связи законодательное регулирование обработки персональных данных становится необходимым механизмом защиты прав личности, хотя и соз-

дает определенные ограничения в доступе к информации. Вопрос противодействия дезинформации и экстремизму также требует взвешенного подхода. С одной стороны, цензура противоречит принципам свободы информации. С другой – распространение вредоносного контента может наносить реальный ущерб общественной безопасности и психическому здоровью граждан. Поиск баланса между свободой и ответственностью в этом вопросе остается сложной задачей для законодателей и общества в целом. В российском законодательстве эти вопросы регулируются целым рядом нормативных актов, включая законы «Об информации», «О персональных данных», «О средствах массовой информации» и другие. Однако правовое регулирование – лишь часть решения. Не менее важна разработка этических принципов цифрового взаимодействия, которые позволили бы сохранить баланс между свободой и ответственностью, между открытостью и защитой.

3. Российские реалии цифрового неравенства и национальная цель «Цифровая трансформация»

В российских условиях проблема цифрового неравенства имеет свою специфику, обусловленную географическими, демографическими и социально-экономическими особенностями страны. Огромная территория с неравномерной плотностью населения создает серьезные вызовы для обеспечения равного доступа к цифровым технологиям. Региональный аспект цифрового неравенства в России проявляется особенно ярко. Разрыв между крупными городами и сельской местностью, между центральными регионами и отдаленными территориями остается значительным. Если в Москве и Санкт-Петербурге уровень проникновения интернета приближается к 90%, то в некоторых сельских районах он не превышает 50-60% [1, с. 67]. При этом важно учитывать не только сам факт подключения, но и качество связи, которое в удаленных регионах часто оставляет желать лучшего.

Демографические особенности цифрового неравенства в России связаны с возрастной структурой населения. Среди молодежи (18-35 лет) уровень цифровой включенности достигает 95%, тогда как среди лиц старше 60 лет не превышает 40-45% [2, с.89]. Это создает серьезные проблемы для старшего поколения, которое оказывается исключенным из многих цифровых сервисов, включая государственные услуги и социальные программы.

Социально-экономический аспект проявляется в различиях между доходными группами. Для семей с низкими доходами стоимость современных устройств и качественного интернет-подключения часто оказывается неподъемной, что ограничивает их возможности в образовании, профессиональном развитии и доступе к услугам. Особую проблему представляет цифровое неравенство в сфере образования. Разница в оснащенности школ между регионами, между городскими и сельски-

ми учебными заведениями создает неравные стартовые условия для учащихся. Пандемия COVID-19 и массовый переход на дистанционное обучение особенно ярко высветили эти проблемы. В контексте решения проблемы цифрового неравенства особое значение приобретает национальная цель – «Цифровая трансформация», сформулированная в Указе Президента №474 от 21.07.2020. Реализация этой цели предполагает: развитие инфраструктуры – подключение удалённых районов и создание точек общественного доступа; обучение цифровой грамотности, включая специальные программы для старшего поколения; создание локализованных платформ с русскоязычным интерфейсом; социальную поддержку (обеспечение техникой малоимущих и людей с ОВЗ). Без комплексного подхода даже развитая инфраструктура не обеспечит равный доступ к цифровым возможностям.

4. Перспективы преодоления цифрового неравенства

Решение проблемы цифрового неравенства требует комплексного подхода, учитывающего все аспекты этого многогранного феномена. Техническая инфраструктура – необходимое, но недостаточное условие. Не менее важны социальные, образовательные и культурные меры. Развитие цифровой грамотности должно охватывать все возрастные и социальные группы. Это предполагает не только обучение базовым навыкам работы с устройствами, но и развитие критического мышления, медиаграмотности, понимания принципов цифровой безопасности [5, с. 23]. Такое образование должно начинаться со школы и продолжаться на протяжении всей жизни человека. Создание доступных и релевантных цифровых сервисов требует учета потребностей различных групп пользователей. Интерфейсы должны быть интуитивно понятными, контент соответствовать реальным запросам, функциональность учитывать возможности людей с разным уровнем подготовки. Особое внимание следует уделять доступности цифровых сервисов для людей с ограниченными возможностями. Формирование инклюзивной цифровой среды предполагает активное вовлечение всех групп населения в цифровое пространство. Это включает как технические решения (например, общественные центры цифрового доступа), так и социальные программы поддержки. Важно создавать условия, при которых цифровые технологии не становятся дополнительным барьером, а напротив – инструментом преодоления существующего неравенства. Поддержка уязвимых групп населения должна быть адресной и учитывающей специфику каждой группы. Для старшего поколения это могут быть специальные обучающие программы, для малообеспеченных семей – программы обеспечения устройствами, для людей с ограниченными возможностями – специализированные решения и адаптивные технологии.

5. Философское осмысление цифровой трансформации

Цифровая трансформация общества требует глубокого философского осмысления как процесса, изменяющего саму природу человеческих взаимодействий и социальных отношений. Технологические изменения не просто добавляют новые инструменты к существующим практикам – они фундаментально трансформируют способы коммуникации и социальные отношения, создавая новые формы рациональности и отчуждения [5, с.112-113]. Важно понимать, что цифровое неравенство – это не временная проблема переходного периода, а системная характеристика цифрового общества. Технологическое развитие само по себе не устраняет неравенство, а лишь меняет его формы. Поэтому борьба с цифровым неравенством должна быть не разовой акцией, а постоянным направлением социальной политики.

Цифровая трансформация должна рассматриваться не как самоцель, а как инструмент достижения более значимых социальных целей – повышения качества жизни, расширения возможностей самореализации, укрепления социальной справедливости. Технологии должны служить человеку, а не наоборот. В российском контексте важно учитывать как глобальные тенденции, так и национальные особенности. Цифровая трансформация должна способствовать не только экономическому развитию, но и укреплению социального единства, сохранению культурной идентичности, реализации творческого потенциала каждого человека.

Заключение

Цифровое неравенство в современном мире – это сложный, многогранный феномен, который нельзя свести к простой дихотомии «есть доступ/нет доступа». Это система взаимосвязанных барьеров – технических, экономических, когнитивных, культурных, которые в совокупности определяют возможности человека в цифровую эпоху. Преодоление цифрового неравенства требует комплексного подхода, сочетающего развитие инфраструктуры и технологий, совершенствование законодательной базы, образовательные и просветительские программы, социальную поддержку уязвимых групп, формирование инклюзивной цифровой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Росстат. Индикаторы цифровой экономики. – Москва, 2023.
2. ВЦИОМ. Цифровая грамотность населения. – Москва, 2023.
3. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». – М.: Праксис , 2007. – 208 с.
4. Floridi L. The Ethics of Information. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 416 p.
5. OECD. Bridging the Digital Divide: Inclusive and Sustainable Digital Transformation. – Paris: OECD Publishing. 2022. – 180 p.

УДК 111.1:005.1

ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ И АКЦЕПТОР ОРГАНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

HUMAN BEING AS A SUBJECT AND ACCEPTOR OF ORGANIZATIONAL DEVELOPMENT

Асанов Руслан Рефатович
аспирант, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Институт экономики и управления, кафедра менеджмента
Asanov Ruslan Refatovich
postgraduate student, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Institute of Economics and Management, Department of Management

Аннотация. В статье рассматривается человек как активный субъект и одновременно акцептор процессов организационного развития. Анализируется философская природа субъектности в контексте трансформации социальных структур и управленческих систем. Особое внимание уделяется диалогу между индивидуальной инициативой и институциональными рамками, а также потенциалу человека влиять на траектории изменений внутри организации, оставаясь при этом частью адаптационного механизма. Исследование носит междисциплинарный характер и опирается на концепты философской антропологии, теории организаций и социальной философии.

Abstract. The paper explores the human being as both an active subject and an acceptor of organizational development processes. It analyzes the philosophical nature of subjectivity in the context of transforming social structures and management systems. Special attention is given to the dialogue between individual initiative and institutional frameworks, as well as the human potential to influence the trajectory of organizational change while remaining part of its adaptive mechanisms. The research is interdisciplinary in nature, drawing on concepts from philosophical anthropology, organizational theory, and social philosophy.

Ключевые слова: субъект, акцептор, организационное развитие, философская антропология, социальная трансформация, субъектность, институциональная среда.

Keywords: subject, acceptor, organizational development, philosophical anthropology, social transformation, subjectivity, institutional environment.

Введение. В условиях ускоряющихся социальных и технологических изменений вопрос о месте и роли человека в процессе организационного развития приобретает особую значимость. Современные организации –

будь то коммерческие структуры, социальные предприятия или государственные институты – переживают постоянные трансформации, в которых человек выступает не только объектом воздействия, но и активным участником, определяющим вектор этих изменений. Такая двойственность положения человека – как субъекта, способного инициировать и направлять развитие, и как акцептора, адаптирующегося к внешним вызовам и внутренним нововведениям, – требует глубокого философского осмысления [5].

Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления роли человека в эпоху системных изменений, где гибкость, адаптивность и способность к рефлексии становятся неотъемлемыми характеристиками не только эффективного индивида, но и устойчивой организации. Прежние модели организационного развития, в которых человек рассматривался преимущественно как ресурс или функциональный элемент, уступают место подходам, признающим его субъектную активность и критическое мышление как ключевые факторы трансформации.

Цель исследования: исследовать антропологическое измерение организационного развития через призму субъектности и акцепторности, выявить внутренние противоречия и потенциалы, заложенные в человеческой природе как источнике организационных изменений. Особое внимание уделяется философской интерпретации понятия «субъект» в контексте институциональной среды и социальной динамики.

Результаты исследования. Проблема субъектности человека в организации – это не только управленческая или социальная категория, но, прежде всего, философская. Субъект – это не просто активный участник процессов, но носитель смысла, центр осмысления и преобразования действительности. В философской традиции субъектность связывается с самосознанием, волей и способностью к целеполаганию (Кант, Гегель, Маркс). В контексте организационного развития субъектность обретает особое значение: организация рассматривается не как самодостаточная структура, а как система, развивающаяся благодаря волевым и смысловым усилиям человека.

1. Субъектность как внутренняя активность

Человек в организации – это не просто исполнитель функций, но генератор изменений, носитель инициативы. Он формирует не только внешние решения, но и внутреннее состояние организационной среды: смыслы, мотивацию, корпоративную культуру. Именно субъект способен выйти за рамки рутины, поставить под вопрос статус-кво и инициировать трансформации. Это проявляется как в индивидуальных действиях (новаторские предложения, нестандартные решения), так и в коллективных формах (лидерство, соавторство стратегий).

С философской точки зрения субъектность – это проявление свободы в рамках несвободы. В организации, где действуют нормы, процедуры и

иерархия, субъектность не исчезает, а приобретает форму внутреннего диалога с системой. Такая позиция особенно важна в эпоху турбулентности и постоянных изменений, где пассивность становится угрозой, а инициативность – ресурсом устойчивости [1].

2. Акцепторность как форма адаптивной разумности

Однако человек в организации – не только субъект, но и акцептор, то есть тот, кто принимает. Принимает не как слепой исполнитель, а как участник, осмысленно включённый в происходящее. Акцепторность – это не отрицание субъектности, а её условие. Без способности принять новое, осмыслить его и встроить в личную и профессиональную картину мира невозможно ни развитие, ни выживание в организационной среде.

Феномен акцепторности можно рассматривать через призму понятия «адаптивной субъектности»: человек сохраняет своё «я» и активную позицию, даже в условиях необходимости соответствовать. Адаптация в данном случае – не капитуляция, а стратегия соразмерности и внутренней устойчивости. Принятие изменений становится точкой роста, если оно происходит с пониманием и внутренним согласием [4].

3. Диалектика субъектности и акцепторности

Взаимосвязь этих двух ролей – не противопоставление, а диалектическое единство. Человек не либо субъект, либо акцептор – он одновременно и то, и другое. Принятие становится возможным только благодаря сознательному усилию, а инициатива – устойчивой лишь тогда, когда учитывает контекст. В этом смысле организация – это не только поле структур и процессов, но и пространство философского взаимодействия: между личностью и системой, свободой и необходимостью, новым и устойчивым [3].

Именно в этой диалектической динамике и зарождается организационное развитие как подлинно человеческий процесс. Без человека как субъекта не возникает векторов развития, но без человека как акцептора не может быть и системного воплощения этих векторов. Их соотнесение определяет глубину и устойчивость организационных трансформаций [2].

4. Фигура ответственного субъекта

Современные вызовы – от цифровизации до экзистенциальной нестабильности – ставят перед организациями задачу воспитания не просто профессионалов, но ответственных субъектов. Это те, кто способен осознавать последствия своих решений, мыслить в категориях общего блага и видеть организацию как часть более широкой социальной реальности. Такой субъект не отказывается от своей акцепторной природы, но делает

её осознанным элементом своей субъектности: он не только действует, но и принимает, чтобы действовать осмысленно.

Выводы. Исследование двойственной природы человека в контексте организационного развития позволяет глубже понять механизмы, лежащие в основе трансформаций социальных и управленческих систем. Человек в организации не является ни исключительно объектом, ни исключительно субъектом – он сочетает в себе обе эти роли, формируя сложную структуру взаимодействия между инициативой и адаптацией.

Субъектность человека проявляется в способности к критическому мышлению, целеполаганию и преобразованию организационной реальности. Эта активная позиция становится источником нововведений и основой стратегического движения вперёд. Вместе с тем акцепторность, как способность осознанно воспринимать изменения, не сводится к пассивному принятию, а выполняет функцию адаптивной разумности, позволяющей интегрироваться в изменяющуюся систему без утраты идентичности.

Диалектическое взаимодействие этих двух аспектов раскрывает ключевой механизм развития организаций: человек одновременно формирует и воспринимает организационные изменения, находясь в непрерывном процессе соотношения личной инициативы и системных ограничений.

В этом контексте особое значение приобретает фигура ответственного субъекта – индивида, способного соотносить свои действия с более широким социальным и организационным контекстом. Такой субъект становится не просто участником, но смысловым и этическим ориентиром организационного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова В. О. Философское осмысление феномена «субъектность» // Социум и власть. 2023. №3 (97). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskoe-osmyslenie-fenomena-subektnost.
2. Максименко А. В. Содержание понятия «субъектность человека» как проблема социальной философии // Культура и цивилизация (Донецк). 2024. №4 (22). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-ponyatiya-subektnost-cheloveka-kak-problema-sotsialnoy-filosofii
3. Мухтарова Л. М. Социокультурный феномен субъектности // Казанский вестник молодых учёных. 2019. №2 (10). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-fenomen-subektnosti
4. Нуруллин Р. А. Субъектность как центр кристаллизации личности в системе отношений культуры и цивилизации // Век глобализации. 2024. № 3. С. 106–117. URL: https://www.socionauki.ru/journal/articles/3801654/
5. Что такое организационное развитие? Полный гид [Электронный ресурс] /. – Электрон. текстовые дан. – 2025. – Режим доступа: https://pritula.academy/tpost/7t2kuluta1-chto-takoe-organizatsionnoe-razvitie-pol?, свободный

УДК 524.8+115

РЕАЛИЗАЦИЯ ОНТОФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА МУЛЬТИВЕРСА ЧЕРЕЗ ОБЩЕЗНАЧНОЕ ВРЕМЯ

ONTOPHENOMENOLOGICAL UNITY OF MULTIVERSE BY OMNI-TIME

Григорьев Павел Евгеньевич
доктор биологических наук, доцент, г. Ялта, ГБУЗ РК «АНИИ имени И.М. Сеченова», ведущий научный сотрудник ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь, профессор кафедры психологии
Grigoriev Pavel Evgenievich
Doctor of biological sciences, Associate Professor, Yalta, Academic Research Institute named after I.M. Sechenov, leading researcher
Sevastopol State University, Sevastopol, Professor of Psychology Department

Аннотация. Общезначное Время (ОВ) реализует онтофеноменологическое единство мультиверса. Всеобщая связность обеспечивается через координацию в ОВ событий, обладающих физической и смысловой природой. Глобальная синхронизация исключает парадоксы и объясняет антропный принцип.

Abstract. Omni-time (OT) realizes the onto-phenomenological unity of the multiverse. Each event has a dual nature (physical and semantic), enabling universal connectivity through semantic coordination in OT. A global synchronization resolves paradoxes and explains the anthropic principle.

Ключевые слова: Общезначное время, Мультиверс, онтофеноменология, пространство-время, физико-семантические события.

Keywords: Omni-time, Multiverse, onto-phenomenology, space-time, physico-semantic events.

Существование множества вселенных Мультиверса (МВ) – неизбежное следствие современных физических теорий: вечной инфляции [9]; струн [18]; квантовой космологии [7] и т.п. Хотя ограничения моделей при описании возникновения пространства-времени (ПВ) «извне» или «из ничего» не позволяют утверждать о целостности МВ [3, 20], существуют аргументы в пользу онтофеноменологического (ОФ) единства МВ, которое требуется для:

1. Объяснения генерации вселенных с их ПВ. Процесс возникновения новых ПВ структур (квантовое туннелирование «из ничего», инфляцион-

ное отпочковывание) требует единого фона с предзаданными законами [7, 19].

2. Осмысленности антропного принципа. Без ОФ единства мультиверса, антропный принцип сводится к тавтологии [15, 18].

3. Всеобщей согласованности структуры МВ. Устойчивость «ландшафта» фундаментальных законов предполагает единый математический базис, порождающий все возможные вселенные. [5, 22].

4. Существования динамики МВ. Эволюция МВ как целого требует мета-времени или параметра эволюции, иначе динамика МВ неопределима [4, 9].

5. Мультивселенная должна обладать внутренним фундаментальным единством и сущностью, а ее структуры, в том числе и ПВ, – быть эмерджентны [20].

Таким образом, без единого механизма, МВ – лишь механический набор миров без внутренней связности. Онтология и феноменология целостного и связного МВ должны быть согласованы через семиотический механизм, включая: устойчивые паттерны значений (например, законы физики), универсальный язык описания (например, математические структуры), информационные коды (например, энергетические уровни…) и т.п. Это система *общезначных* значений и паттернов, которые:

1. Сущностно присущи всему сущему, не конвенциональны, а существуют как фундаментальные строительные блоки реальности. Сущие причастны к *общезначным* значениям, т.к. состоят из них и существует через них, – как клетка «знает» ДНК через функционирование согласно его паттернам.

2. Интуитивно-априори доступны (в духе интуитивизма Н.О. Лосского) – через глубинное, дорефлексивное «знание-бытие», вследствие субстанциональной причастности субъекта к этим значениям.

3. Объективны и едины: имеют истинное содержание, одинаковое для всех форм сознания (человеческого, животного, потенциально иного) и существования.

4. Общезначные значения выражаются в конкретных событиях, ограниченно и пристрастно воспринимаются субъектами в виде *проекций* общезначных значений – смыслов (семантики).

Традиционная семиотика (Пирс: знак-объект-интерпретант, Соссюр: знак = означающее / означаемое) основана на конвенциональности, дифференциальности и интерпретации. Значение в ней возникает в *отношениях* и *процессе* означивания. Напротив, *общезначные* значения существуют до и вне знаковых систем и конвенций. Пример употребления термина «общезначный» можно найти у В.В. Розанова [26, с. 79]: «Общезначно, что без веры в Бога и бессмертие души человек не может иметь твердой нравственности. Это аксиома». *Общезначные* значения, паттерны – это знание-истина, постигаются через интуицию, а не формальную логику. Мы углубляем эту идею до онтологического уровня.

Термин «общезначное» используется, т.к. передает идею имманентного знания-бытия, в силу укоренённости сущего в реальности общих, универсальных значений; дистанцируется от термина «общезначимое»; не исчерпывается коннотациями логики и конвенциональной семиотики.

Наблюдаемый мир обладает математической согласованностью [1]. Так, в инфляционной мультивселенной [9] «пузыри» могут иметь разные константы, но сама инфляция подчиняется единым законам (то есть общезначным паттернам). Тогда *семантика* в МВ соответствует ограниченному прочтению действующих законов и общезначных паттернов отдельными вселенными.

Всеобщая взаимосвязь требует постоянного обновления и нуждается в механизме доставки информации (семиотический энергийный аспект). В разных теориях на роль транс-вселенских носителей информации претендуют: квантовая запутанность как «клей» между различными вселенными в МВ [10]; гравитация как фон в пространстве высшей размерности в теориях бран [13]; ложный вакуум как фон для рождения вселенных [6]; квантовые флуктуации, обеспечивающие ветвление вселенных [16]. В модели «голографической вселенной» вся информация о любом ПВ кодируется на границе [17], – своего рода семиотическом хранилище. Ключевую роль в функционировании мультиверсного общезначного семиотического механизма может играть Время. Но не как часть ПВ, а как отдельная *субстанция* (в отличие от эмерджентного ПВ, возникающего внутри каждой вселенной), обладающая активными свойствами. Ньютон различал абсолютное время как поток, и его референты [23]; у Н.А. Козырева Время отвечает за проекцию информации (в том числе из будущего); а выработка энергии потоком Времени *не* нарушает закон сохранения материи и энергии. «Активное участие времени должно оживлять мир и противодействовать его тепловой смерти» [24]. Для А.П. Левича источник времени – поток субстанции, что протекает через открытые системы (включая вселенную), и которая не обладает традиционными характеристиками материи, не имеет зарядов и не участвует в известных взаимодействиях [25]. И. Пригожин приходит к выводу, что время не геометрический параметр, а свойство системы, связанным с рождением новой информации, время есть «созидатель» [12]. Таким образом, время может быть субстанциональным, активно и динамично генерировать информацию, а не быть лишь пассивным параметром. Впрочем, становится ясным: ПВ и субстанциальное Время – разные сущности.

Итак, все модели МВ требуют наличия общих фундаментальных законов и связности между вселенными. Без этого МВ превращается в набор изолированных миров без взаимодействия и общих принципов. Такая общность законов и связность невозможна без существования глобального семиотического механизма, то есть универсальной систе-

мы порождения, передачи и интерпретации значений. Этот семиотический механизм представлен как всеобщий и имманентно присущий всему сущему. Д. Бом также постулирует «существование более глубокого, скрытого уровня реальности, импликативного порядка, из которого развертывается наблюдаемый нами порядок явлений... В импликативном порядке целое содержится в каждой своей части» [2]. Однако мы отвергаем скрытые параметры в пользу субстанции, порождающей не только квантовые корреляции. Такая субстанция ***общезначного Времени*** (ОВ) характеризуется как фундаментальная и не принадлежащая пространственно-временному континууму. ПВ отдельных вселенных возникают в процессе порождения этих вселенных. Информация ОВ трансцендентна по отношению к конкретным вселенным; в то время как энергия ОВ, обладает трансцендентна как источник, но имманентна ПВ, являясь их движущей силой и субстратом. ОВ предстает как фундаментальное единство информации (паттернов, значений) и энергии. Информация ОВ не существует абстрактно, но немедленно преломляется, актуализируется в физико-семантических событиях (ФСС): любое событие во вселенной обладает неразрывно двойственной природой: является физическим (подчиняется законам физики, имеет материальные следствия) и смысловым (несет семантическую нагрузку, имеет отношение к общезначным паттернам в рамках глобального семиотического механизма). Физика и семантика суть две неразделимые стороны одного и того же события ФСС. Согласно В. Паули, «синхронистичность указывает на смысловое соответствие между психическим состоянием наблюдателя и внешним событием, при отсутствии непосредственной причинной связи между ними. Это предполагает существование единого, лежащего в основе порядка, в котором психическое и физическое неразделимы» [11]. Каждая структура и система внутри вселенных обладает способностью воспринимать всю полноту информации, содержащейся в ОВ. Однако, в силу своего конкретного статуса (уровня сложности, положения в иерархии) и текущего состояния (динамических параметров), любая система воспринимает и реализует лишь часть этой универсальной информации. Всеобщая взаимосвязь материальных структур МВ организована через субстанцию ОВ, которая, будучи внепространственной и вневременной (в обычном понимании), служит непосредственным каналом и основой для синхронии в широком смысле, которая «…есть совпадение во времени двух или более причинно не связанных между собой событий, которые имеют одинаковое или сходное значение... Она предполагает… единую реальность, лежащую в основе психического и физического» [8]. Фактически принцип синхронии проявляется в ФСС – единстве физических и смысловых событий.

Из этого следует, что наблюдаемая в квантовой физике феноменология запутанности (entanglement) представляет собой лишь частный случай принципа всеобщей связности, которая проявляется не только на квантовом уровне, но и на макроскопическом, где она носит преимуще-

ственно семантический характер. Через опосредованную общезначным временем запутанность, становятся возможными и объяснимыми такие феномены, как синхрония (значимые совпадения, лишенные видимой причинной связи), ряд «парапсихологических» явлений. Они являются не следствием нарушения законов природы; но следствием физико-семантической природы всех событий, где семантический аспект обеспечивает корреляции через внепространственное и вневременное ОВ, минуя ограничения принципа локальности в переносе информации. Причинность не нарушается, так как ОВ – онтологически первичная субстанция, а ПВ – её производные. Кажущиеся нарушения (ретроактивность, проскопия) суть проявления глобальной синхронизации в ОВ. Влияние ОВ на ПВ – не сигнал в пространстве-времени, а синхронное обновление состояния системы. Локальные уравнения общей теории относительности (ОТО) справедливы внутри вселенных, но не регулируют нелокальную координацию вселенных через ОВ. Таким образом, ОВ не противоречит ОТО – оно существует на мета-уровне, обеспечивая связность МВ без нарушения локальных законов.

ОВ следует трактовать именно как «Время над временем», учитывая принципиальное отличие от ПВ вселенных, вследствие наличия у ОВ внутренней динамики и способности к обновлению информации. ОВ не статично; оно пребывает в состоянии постоянного взаимодействия (координации) с материальными вселенными мультиверса. Каждое изменение состояния ОВ, вызванное его собственной динамикой или избранными, высокоэнергетическими ФСС во вселенных, оказывает немедленное и тотальное воздействие на весь материальный МВ. И наоборот, значимые события во вселенных, достигшие определенного уровня «резонанса» с фундаментальными паттернами ОВ, способны модифицировать само состояние ОВ. Эта двусторонняя координация является непрерывным процессом. С точки зрения наблюдателя внутри конкретной вселенной, данная всепроникающая координация и постоянное присутствие ОВ воспринимаются как выход в вечное «сейчас» – как «полнота времени-вечности в настоящем моменте». ОВ не имеет прошлого или будущего в линейном смысле; оно являет собой вечное «сейчас», содержащее всю потенциальную и актуальную информацию, что и создает эффект вневременности или полноты времени. Из-за этой фундаментальной координации через вневременное ОВ возникает феномен ретроактивности. События, обладающие высокой семантической значимостью и связанные с изменением состояния ОВ, могут проявлять каузальные влияния, которые с позиции локального ПВ кажутся направленными «назад во времени». Это не нарушение причинности, а следствие того, что истинная причинность коренится во вневременном ОВ, а локальное ПВ – лишь его проекция. Согласно Дж.А. Уилеру, «никакой элементарный феномен не

является феноменом до тех пор, пока он не стал зарегистрированным... Мы участвуем в придании формы прошлому... Вселенная рождает «участвующих наблюдателей», а наблюдатели, посредством своих актов участия-наблюдения, придают Вселенной осязаемую реальность» [22], что эмпирически согласуется с результатами многочисленных экспериментов по аппаратному ретропсихокинезу [15]. Таким образом, ФСС и их акторы выполняют ключевую функцию в связи вселенных и ОВ.

Новые вселенные порождаются в МВ тогда, когда совокупность ФСС в существующих вселенных достигает состояния «резонанса» с определенными паттернами энергии-информации ОВ. Этот резонанс инициирует процесс ветвления или рождения новой ПВ области, чьи фундаментальные константы и законы предопределены породившим ее паттерном ОВ. Антропный принцип и наблюдаемая устойчивость вселенных находят естественное объяснение: реализуются только те вселенные, чьи паттерны могут быть устойчиво выражены через механизм координации с ОВ и порождены им. Таким образом, мы существуем в «лучшем из миров» в том смысле, что его структуры максимально согласованы с возможностями ОВ; и все миры – «лучшие», хотя они различаются и отражают разные аспекты или паттерны единого ОВ.

Все системы и объекты внутри вселенных пребывают в состоянии непрерывной *информационной координации* с ОВ и являются *эмерджентными* по отношению к этой фундаментальной субстанции. Эмерджентность здесь означает, что сложные структуры и свойства вселенных (включая физические законы, материю, сознание) возникают как новые уровни организации из взаимодействий с паттернами ОВ, но не сводимы к ним механистически.

Следует подчеркнуть: и ОВ, и вселенные являются в равной мере *реальными*. Онтологический статус вселенных не умаляется их производным характером; они обладают подлинной субстанциональностью в своем собственном контексте. Эта модель представляет собой *предельный вариант реального монизма*. Монизм здесь «реальный» в том смысле, что существует единственная первичная субстанция (ОВ), порождающая все сущее, но при этом порожденные миры не иллюзорны и не являются лишь модусами этой субстанции – они обладают относительной автономией и собственной реальностью. Связь *между* вселенными, а также *между любыми объектами* внутри МВ, осуществляется непосредственно через внепространственное и вневременное ОВ, устраняя проблемы передачи информации или влияния на сверхсветовых скоростях или через непроницаемые барьеры локальных ПВ. ОВ служит универсальным медиатором и основой этой связности.

Данная модель *отличается* от панпсихизма (утверждающего, что сознание или прото-сознание является фундаментальным свойством всей материи) и от теорий со скрытыми параметрами (пытающихся доопределить квантовую механику скрытыми переменными). Различие

заключается в том, что *всё* – включая пространство, время, материю, энергию, информацию и сознание – является производным от единой субстанции ОВ. Сознание не предсуществует в элементарных частицах; оно эмерджентно возникает на определенных уровнях сложности систем, координируемых с ОВ. Решение проблемы *свободы воли* предлагается через принцип «согласования». Субъект (сознательная система) или даже сложный объект обладает определенной степенью свободы в том, *насколько* и *как* согласовывать действия или состояния с «предписаниями» – фундаментальными паттернами и тенденциями, имплицитно содержащимися в ОВ. Можно следовать их общезначным паттернам-логосам, а можно действовать в некотором роде «вопреки» или игнорируя семиотическую согласованность с ОВ (аналог дисгармонии или ошибки). Это составляет основу свободы воли в рамках детерминированной, но не предопределенной до мельчайших деталей системы. А.Н. Козырев указывал, что для активного Времени «кроме основного вопроса познания «почему» становится законным и вопрос «для чего»» [24].

Что касается *сознания*, оно не является обязательным и повсеместным компонентом, но при этом *все* системы обладают некоторой «частью» сознания в силу их связи с ОВ. ОВ само по себе *не кажется* сознательным в человеческом понимании (неизвестно – обладает ли оно личностью, интенциями, рефлексией в нашем понимании), но оно *есть* сознание в его наиболее фундаментальном, субстанциональном смысле. ОВ является *источником* и *условием возможности* сознания, потому что именно его информационно-энергетическая природа и способность к организации сложных структур делают возникновение феномена сознания закономерным и необходимым на определенных уровнях эмерджентной сложности. Человеческое (или иное) сознание является лишь частным, локализованным и специфическим проявлением, эмерджентным аспектом всеобщего сознательного начала, каковым является сама субстанция ОВ. Наше сознание – это и есть ОВ, рефлексирующее само себя через призму конкретной биологической и когнитивной системы в конкретной вселенной.

Итак, онтофеноменологическое единство МВ реализуется через ОВ как первичную субстанцию, внепространственную и вневременную (в обычном смысле), обладающую единством информации (общезначных паттернов) и энергии. Все события во вселенных двойственны (физичны и семантичны), а их всеобщая связность (включая квантовую и макроскопическую запутанность) обеспечивается координацией через ОВ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barrow J.D., Tipler F.J. The Anthropic Cosmological Principle. – Oxford Univ. Press, 1986.
2. Bohm D. Wholeness and the implicate order. – Routledge & Kegan Paul. – 1980.

3. Ellis G. F. R. Does the Multiverse Really Exist? Scientific American. – 2011. – Vol. 305, N 2. – P. 38–43.
4. Garriga J., Vilenkin A. Many worlds in one // Physical Review D. – 2001. Vol. 64, N 4. – P. 043511.
5. Greene B. The Hidden Reality: Parallel Universes and the Deep Laws of the Cosmos. – Alfred A. Knopf, 2011.
6. Guth A.H., Kaiser D.I., Nomura Y. Inflationary paradigm after Planck 2013 // Physics Letters B. – 2014. – Vol. 733. – P. 112-119.
7. Hartle J.B., Hawking S.W. Wave function of the universe // Physical Review D. – 1983. – Vol. 28, N 12. – P. 2960-2975.
8. Jung C.G. Synchronicity: An acausal connecting principle // Collected Works of C.G. Jung: Vol. 8. The Structure and Dynamics of the Psyche (R.F.C. Hull, Trans.) (pp. 417-519). Princeton University Press, 1960.
9. Linde A.D. Eternally existing self-reproducing chaotic inflationary universe // Physics Letters B. – 1986. Vol. 175, N 4. – P. 395-400.
10. Lloyd S. Quantum entanglement as a precondition for spacetime emergence // Physical Review Letters. – 2022. – Vol. 128, N 2. – 021301.
11. Pauli W., Jung C.G. Atom and archetype: The Pauli/Jung letters, 1932-1958. – Princeton University Press, 1992. Specific Letter: Pauli to Jung, August 12, 1950.
12. Prigogine I., Stengers I. Order out of chaos: Man's new dialogue with nature. – Bantam Books, 1984.
13. Randall L., Sundrum R. An alternative to compactification // Physical Review Letters. – 1999. – Vol. 83, N 23. – P. 4690-4693.
14. Schmidt H. The Strange Properties of Psychokinesis // Journal of Scientific Exploration. – 1987. – N 1.2. – P. 103–118.
15. Smolin L. The Life of the Cosmos. – Oxford University Press, 1997.
16. Smolin L. The dynamics of difference // Foundations of Physics. – 2021. – Vol. 51, N 1, P. 1-24.
17. Susskind L. The World as a Hologram // Journal of Mathematical Physics. – 1995. – Vol. 36, N 11. – P. 6377–6396.
18. Susskind L. The Cosmic Landscape: String Theory and the Illusion of Intelligent Design. – New York: Little, Brown and Company, 2005.
19. Vilenkin A. Birth of inflationary universes // Physical Review D. – 1983. – Vol. 27, N 12. – P. 2848-2855.
20. Weinberg S. Living in the Multiverse // Universe or Multiverse? B. Carr (Ed.). – Cambridge University Press, 2007. – P. 29-42.
21. Wheeler J.A. Law without law // Quantum theory and measurement, J.A. Wheeler & W.H. Zurek (Eds.). – Princeton University Press, 1983. – P. 182-213.
22. Witten E. Reflections on the fate of spacetime // Physics Today. – 1996. – Vol. 49, N 4. – P. 24-30.
23. Дадаев А.Н. Время в философии, физике и в природе // Время и звезды: к 100-летию Н.А. Козырева. – СПб.: Нестор-История, 2008. – 790 с. – С. 352-399.
24. Козырев Н. А. Астрономическое доказательство реальности четырехмерной геометрии Минковского // Проблемы исследования Вселенной. Вып. 9. – М.; Л., 1980. – С. 85–93.
25. Чернакова М.С. Современные субстанциональные модели времени // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2013. – № 7. – С. 162-167.
26. Розанов В.В. Мимолетное. 1915 год // Собрание сочинений. Мимолетное. Мимолетное 1915 года. – М.: Республика, 1994.

УДК 316.4.06:004

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ОСНОВНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ И ПРОЦЕССЫ

TECHNOLOGICAL TRANSFORMATIONS OF MODERN SOCIETY: MAIN DIMENSIONS AND PROCESSES

Зыщик Екатерина Борисовна
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского,
Zyshchik Ekaterina Borisovna
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute "Taurida Academy" of V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В статье представлено исследование современных технологических трансформаций с философской точки зрения. Произведена типология процессов технологизации, проанализировано их влияние на базовые социальные измерения. Особое внимание уделено рефлексии мировоззренческих и этических проблем ускоряющегося технологического прогресса. Подчёркивается, что вопрос гармоничного взаимодействия человека и технологий переходит из разряда теоретических размышлений в острую комплексную проблему современности, которую можно решить посредством активного участия практической философии.

Abstract. The article presents a study of modern technological transformations from a philosophical point of view. A typology of technologization processes is made, their influence on basic social dimensions is analyzed. Particular attention is paid to the reflection of ideological and ethical problems of accelerating technological progress. It is emphasized that the issue of harmonious interaction between human and technology is moving from the category of theoretical reflections to an acute complex problem of our time, which can be solved through the active participation of practical philosophy.

Ключевые слова: технологические трансформации, человек, общество, ценности, прогресс, ответственность.

Keywords: technological transformations, man, society, values, progress, responsibility.

Технологические трансформации в философском и научном дискурсах

Современное общество переживает эпоху глубинных трансформаций, вызванных стремительным развитием технологий, которые оказывают глубокое влияние на все сферы человеческой жизни, что приводит к фор-

мированию новых социальных структур и изменению традиционных институтов. Эти изменения затрагивают не только экономические и политические сферы, но и психологические, культурные и этические измерения жизни человека. Четвёртая промышленная революция активизировала такие технологические процессы Индустрии 4.0 [1], как автоматизация, роботизация, цифровизация, развитие ИИ, биотехнологий, генной инженерии, Интернета вещей и блокчейна, Big Data, облачных вычислений и аддитивных технологий печати, трансформирующих производственные системы и коммуникационные практик. Эти технологии перестраивают экономические структуры, социальные отношения и культурные модели, а также провоцируют фундаментальные мировоззренческие сдвиги, побуждая к рефлексии о базовых философских вопросах уже в новом ракурсе – технологическом.

Технологические трансформации являются важнейшей темой современного философского и научного дискурсов, поскольку они существенно меняют саму структуру и функционирование общества, о чём свидетельствуют, в частности, исследования множества современных мыслителей. Среди них важно отметить работы таких авторов, как М. Кастельс, который подчёркивает, что развитие сетевых технологий приводит к возникновению нового типа социального устройства – сетевого общества [2], Ш. Зубофф, демонстрирующую, что цифровые технологии создают новую форму капитализма – «капитализм наблюдения», угрожающий личной свободе и демократии [3]. Ю.Н. Харари в своих работах анализирует влияние технологий на человеческое сознание и социальные институты, подчеркивая роль информационных технологий в формировании новых форм коллективного мышления [4]. Э. Бриньолфссон и А. Махфи отмечают, что технологии, такие, как ИИ и автоматизация, трансформируют экономику и требуют новых подходов к образованию и социальной политике [5], а М. Каку уделяет особое внимание развитию космических технологий и генной инженерии, которые открывают перспективы расширения человеческой цивилизации за пределы Земли и решения глобальных проблем [6].

Среди отечественных авторов можно выделить работы таких исследователей, как А. Левинсон [7], анализирующего влияние цифровых технологий и искусственного интеллекта на социальные структуры и человеческое сознание и обосновывающего необходимость этической рефлексии в эпоху технологического прогресса, А. Фурсова [8], который исследует роль технологий в формировании новой экономики и общества, акцентируя внимание на их влиянии на политические процессы, социальную справедливость и будущее развития цивилизации, А. Алексеенко, утверждающего, что цифровые технологии трансформируют социальную структуру и культурные практики общества [9] и В. Воронова, характеризующего этапы формирования информационного общества в России [10]. Эти и множество подобных исследований подтверждают,

что технологические трансформации не только влияют на экономику и культуру, но и стимулируют глубокие философские по своей природе вопросы о сущности человека и специфике его отношения к миру и «другому» в цифровую эпоху.

Ускоренное развитие технологий и изменяет структуру общества, и вместе с тем, трансформирует его ценностные ориентиры. Э. Бриньолфсон и А. Махфи в книге «The Second Machine Age» исследуют влияние быстрого развития цифровых технологий на общество. Авторы анализируют, как технологический прогресс меняет рабочие места, социальные отношения и культурные ценности. Они утверждают, что технологический прогресс, особенно в области ИИ и автоматизации, существенно меняет структуру труда, социальные отношения и культурные ценности. Он приводит к исчезновению и трансформации профессий, усиливает глобальное взаимодействие и одновременно создает риски социального неравенства, а также вызывает переоценку ценностей, связанных с трудом и успехом. В целом, эти изменения создают новые возможности для развития общества и требуют переосмысления его основ [6].

Очевидно, внедрение социальных сетей и цифровых платформ существенно изменило традиционные формы взаимодействия и обмена информацией, что привело к появлению новой структуры общественного дискурса. В 2021 году Европейская комиссия провела исследование «Digital Economy and Society Index (DESI) 2021» по оценке уровня цифровизации в странах Европейского союза, проанализировав развитие цифровой экономики и общества, включая такие аспекты, как использование интернета, цифровая инфраструктура, навыки населения, интеграция цифровых технологий в бизнесе и государственном управлении. Выводы комиссии подтверждают, что использование цифровых платформ способствует формированию «цифровых сообществ», в которых ценности коллективизма, толерантности или, наоборот, поляризации могут усиливаться или ослабевать [11]. Мартин Хайдеггер в своей работе «Вопрос о технике» замечал, что техника не только преобразует окружающий мир, но и трансформирует человеческое восприятие и ценностные ориентиры. Он вводит понятие «средство как бытие» (Bestand), подчеркивая, что технологический прогресс меняет саму природу человеческого существования и его ценностных оснований [12]. Жан Бодрийяр в концепции симулякров демонстрировал, что цифровая реальность создает новые формы символической реальности, где границы между реальным и виртуальным стираются, а ценности могут переосмысливаться под влиянием новых медиа [13].

За последние несколько лет общество достигло значительных успехов в области *искусственного интеллекта* (ИИ), *квантовых вычислений* и *биотехнологий*. К примеру, в 2017 году была разработана новая модель

нейронных сетей – архитектура трансформеров, основанная на механизме внимания, значительно улучшившая обработку последовательных данных. Данная технология значительно ускоряет обучение и повышает качество обработки задач в области естественного языка и других областях [14]. В 2018 году была описана технология CRISPR-Cas9 для редактирования генома, определён её потенциал для научных исследований и медицинских применений, а также этические и технические вызовы, связанные с её использованием [15]. В 2020 году значительный прогресс был достигнут в области медицинского анализа изображений с помощью методов глубокого обучения, был представлен обзор современных подходов к автоматической диагностике, сегментации и классификации медицинских изображений с использованием нейросетевых технологий, открывающих новые перспективы для медицины и здравоохранения [16]. Эти и подобные достижения поднимают важные этические вопросы о границах человеческого вмешательства и ответственности: по мере того, как мы расширяем возможности науки и технологий, нам необходимо осмыслить этические рамки и смысл, и пределы нашего развития, чтобы не утратить важнейшие ценности в погоне за прогрессом.

Итак, технологические достижения актуализируют новые научные и философские дискуссии о природе человека, границах его возможностей, проблеме ответственности и будущем цивилизации. Подобные вопросы широко обсуждаются на страницах современных научно-популярных и философских произведений – «Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies» Ника Бострома [14], а также в бестселлере «Homo Deus: Краткая история завтрашнего дня» Юваля Ноя Харари [4] и в книге «The Singularity Is Near» Рэя Курцвейла [17]. Важными концептуальными составляющими этих дискуссий является проблема становления биополитики как концепции власти над телом и жизнью человека в условиях технологической модернизации, поднимаемая Мишелем Фуко в работе «История сексуальности» [18], рефлексии о наступлении эры постгуманизма и его анализ [19], исследование этических аспектов трансгуманизма [20], вопросы технофилии и технофобии, технологической сингулярности [21], технофорсайты [22] и прочие подобные.

Таким образом, с философских позиций, стремительный прогресс в области ИИ, квантовых вычислений и биотехнологий не только расширяет границы человеческих возможностей, но и ставит под сомнение традиционные представления о природе человека, требует переосмысления существующих концепций ответственности и моделей будущего цивилизации. Эти технологические прорывы поднимают вопросы о границах человеческого «я», о власти над телом и жизнью в контексте биополитики, а также стимулируют дискуссии о постгуманизме, этике трансгуманизма и потенциальных сценариях технологической сингулярности. В результате, технологическая модернизация должна рассматриваться не только как результат научного прогресса, но и в качестве важнейшего

философского вызова, требующего переосмысления фундаментальных категорий человеческого существования и ответственности перед будущими поколениями.

Перейдём к характеристике современных технологических трансформаций, выделим их измерения и процессы. Анализ дан в таблицах 1 и 2 соответственно.

Таблица 1

Современные технологические трансформации: основные измерения, характеристика и базовый философский анализ

Основные измерения технологических трансформаций	**Характеристика**	**Философский аспект**
1	**2**	**3**
Экономика	*Технологии* стимулируют рост производительности, создают новые рынки и меняют структуру труда. *Автоматизация* сокращает традиционные рабочие места и порождает новые профессии, что требует переосмысления занятости и социальной защиты.	Встает вопрос о *справедливом распределении ресурс*ов и о том, как технологии влияют на социальное неравенство – они могут стать как инструментом прогресса, так и источником новых форм расслоения.
Социальная сфера	*Технологии* кардинально меняют формы коммуникации, образования, здравоохранения и управления. Влияние зависит от уровня доступа к технологиям: либо усиливает социальное разделение, либо способствует инклюзии.	Поднимаются вопросы *идентичности, приватности* и *свободы*. Важна опасность утраты аутентичности человека в виртуальной реальности и «техногенной сущности».
Образование	*Онлайн-платформы* расширяют доступ к знаниям, повышая эффективность обучения с помощью ИИ.	Важность *гуманитарных ценностей* в цифровую эпоху; нужно найти баланс между технологией и гуманизмом в образовании.

Окончание таблицы 1

1	2	3
Здравоохранение	*Телемедицина* и *биотехнологии* улучшают доступ к медицинским услугам и позволяют разрабатывать новые методы лечения.	Возникают *этические вопросы* о *генетической модификации*, доступе к новым технологиям и ответственности за медицинские решения.
Культура	Новые формы искусства – *цифровое искусство*, *виртуальная реальность* – расширяют границы культурного взаимодействия. Глобализация делает культуру более доступной, а *цифровые платформы* помогают сохранять редкие объекты.	Встает вопрос о *подлинности* виртуальных копий, *авторских правах* и сохранении *культурной идентичности* в условиях глобализации.
Политика	Технологии усиливают коммуникацию с избирателями через соцсети, повышают прозрачность власти, используют большие данные для кампаний и мобилизации гражданских инициатив.	*Этические проблемы* приватности, вмешательства в выборы через дезинформацию, а также новые формы участия – электронное голосование и онлайн-активизм.
Управление обществом	Электронное правительство делает управление более прозрачным, но возникают проблемы с защитой данных и контролем информации.	Поднимается вопрос о *демократизации доступа* к *информации*, суверенитета данных и определения *этических границ* регулирования *личной* информации.
Этическое измерение	Развитие ИИ и биотехнологий порождает сложные дилеммы ответственности за автономные системы и права генетически модифицированных организмов. Требуются новые этические кодексы.	Важные вопросы о *природе человека*, *автономии* и *моральной ответственности*; границы между человеком и машиной требуют переосмысления в эпоху технологий.

Таблица 2

Основные процессы технологических трансформаций: типология, характеристика, базовый философский анализ

Процессы технологических трансформаций	**Характеристика**	**Философский аспект**
1. *Информационная революция*	Переход к *цифровым технологиям* – ядро современного развития. Ведущие *технологии* включают *облачные вычисления*, *большие данные* и *ИИ*. Объем данных удваивается каждые два года; к 2025 году достигнет порядка 175 зеттабайт. Развитие квантовых вычислений ускоряет инновации, меняя структуру знания и управления информацией. Более 70% компаний используют AI для принятия решений в реальном времени.	Вопрос о *природе знания* и *информации*: что значит «знать» в эпоху бесконечных данных? Как сохранить *гуманизм* и *этику* в условиях быстрого распространения технологий? Где граница между человеком и машиной в процессе обработки информации?
2. *Биотехнологическая революция*	*Геномика* и редактирование генов с помощью CRISPR-Cas9 открывают новые горизонты медицины и сельского хозяйства. Потенциал для излечения наследственных заболеваний, создание персонализированной медицины.	Вопрос о *природе человека*: что значит быть человеком, когда можно «редактировать» его природу? Как сохранить *этические ценности* при вмешательстве в генетическую ткань? Где проходит граница между естественным и искусственным?
3. *Роботизация и автоматизация*	Развитие *автономных систем* – от промышленных роботов до самоуправляемых автомобилей – меняет индустриальный ландшафт. Более половины рабочих мест могут быть автоматизированы к середине XXI века. Это вызывает переосмысление труда как такового: исчезновение одних профессий и появление новых	Вопрос о *человеке* как о *субъекте труда*: что значит быть творцом своей деятельности? Как сохранить *свободу выбора* в условиях автоматизации? Какие *этические стандарты* должны регулировать использование роботов и ИИ? Где проходят границы автономии машин и *ответственности* человека?

Современные технологические трансформации требуют глубинного философского осмысления – где проходят границы допустимого вмешательства технологий в нашу жизнь, кто и в какой форме несёт ответственность за новые формы интеллекта и как сохранить гуманизм в эпоху постчеловека. Сегодня как никогда остро встаёт проблема биополитики, которая заключается в этическом и социальном регулировании контроля над биотехнологиями и генетическими вмешательствами, обеспечивающем баланс между технологическим прогрессом, правами человека и гуманистическими ценностями. Кто и как сегодня контролирует доступ к технологиям редактирования генома или нейросетям? Как обеспечить равный доступ и избежать новых форм социального неравенства? Без реальной социальной ответственности за эти вопросы мы рискуем оказаться в мире, где технологии начинают переписывать человеческую природу без должной рефлексии и этической базы, что может привести к новым, опасным формам власти и доминирования. В этом контексте практическая философия играет важнейшую роль, поскольку она обеспечивает анализ и экспертизу этических и гуманистических аспектов технологических изменений. Технологии размывают границы между человеком и машиной, природным и искусственным, вызывая необходимость не только теоретического анализа, но и конкретных действий по формированию ценностных ориентиров.

В условиях стремительных инноваций важно не только понять, что значит быть человеком в эпоху трансформаций, но и разработать практические принципы для ответственного сосуществования с технологическим миром, сохраняя гуманистические ценности и обеспечивая устойчивое будущее. Только через активное участие практической философии – объединяющей этику, науку и технологию – возможно найти баланс между возможностями инноваций и ответственностью за их последствия. В этом контексте вопрос о гармоничном сосуществовании человека с быстро меняющимся технологическим миром становится не только теоретической задачей, но и важной практической проблемой современности, требующей конкретных решений и действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция / Клаус Шваб. – М.: Издательство, 2016. – 320 с.
2. Castells M. The Rise of the Network Society. – Oxford: Blackwell Publishing, 1996. 400 p.
3. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism. – New York: PublicAffairs, 2019. 704 p.
4. Harari Yu. N. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. – London: Harvill Secker, 2015. 448 p.
5. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005. 320 p.

6. Brynjolfsson E., McAfee A. The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. New York: W.W. Norton & Company, 2014. 368 p.
7. Kaku M. The Future of Humanity: Terraforming Mars, Interstellar Travel, Immortality, and Our Destiny Beyond Earth. – New York: Doubleday, 2018. 416 p.
8. Левинсон А.А. Цифровая трансформация общества: этические и социальные аспекты. – М.: Издательство Московского университета, 2022. – 256 с.
9. Алексеенко А.А. Цифровое общество: социальные и культурные аспекты. – М.: Наука, 2018. – 256 с.
10. Воронов В.В. Информационное общество и его развитие в России // Российский журнал социальных исследований, 2017, № 2, с. 112–130.
11. European Commission. (2021). Digital Economy and Society Index (DESI) 2021. Available at: https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/desi
12. Хайдеггер М. Вопрос о технике / Пер. с нем. А. В. Баранова // В сборнике: Метафизика и техника / Пер. А. В. Баранова – М.: Наука, 1984. – С. 137–159.
13. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Пер. с франц. А. В. Иванова. – М.: Ад Маргинем Пресс, 1987. – 256 с.
14. Bostrom, N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. – Oxford: Oxford University Press, 2014 – 448 p.
15. Vaswani, A., Shazeer, N., Parmar, N., Uszkoreit, J., Jones, L., Gomez, A. N., Polosukhin, I. Attention is all you need // Advances in Neural Information Processing Systems. 2017. T. 30. URL: https://arxiv.org/abs/1706.03762 (дата обращения: 27.04.2024).
16. Doudna, J. A., Charpentier, E. The new frontier of genome engineering with CRISPR-Cas9 // Science. 2018. T. 346, № 6213. C. 1258096; Zhang, H., Liu, Y., Wang, Z., et al. Deep learning for medical image analysis // Annual Review of Biomedical Engineering. 2020. T. 22. P. 1–25.
17. Kurzweil, R. The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology / R. Kurzweil. – New York: Viking, 2005. – 672 p.
18. Фуко, М. История сексуальности. Том 1: Повиновение / М. Фуко. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2008 (оригинал 1976). – 416 с.
19. Феррандо Ф. Философский постгуманизм / Ф. Феррандо ; авт. предисл. Р. Брайдотти ; пер. с англ. Д. Кралечкина ; пер. с англ. под науч. ред. А. Павлова. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. – 360 с. : ил., табл. – (Исследования культуры). – Режим доступа: по подписке. – URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=699515 (дата обращения: 29.05.2025).
20. Брэдфорд, Роберт – Трансгуманизм: будущее человека / Роберт Брэдфорд // Журнал футурологии / редколл.: Анатолий Иванов. – Москва: Наука и техника, 2020. – №5. – С. 50–65.
21. Курцвейл Рэй. Сингулярность уже близко: Когда люди превосходят биологию / Рэй Курцвейл. – М.: АСТ, 2016. – 448 с.
22. Фурсенко А. Техносфера и будущее человечества / А. Фурсенко. – М.: Наука, 2021. – 320 с.

УДК 316.776.4: 572.026

ЧЕЛОВЕК В КОНТЕКСТЕ НООСФЕРЫ: ЭПОХА АНТРОПОЦЕНА

HUMAN IN THE CONTEXT OF THE NOOSPHERE: THE ANTHROPOCENE EPOCH

Аидинов Ислям Джевдетович
аспирант биологического факультета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Aidinov Islyam Djevdetovich
postgraduate student of the Faculty of Biology of V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. Статья посвящена антропоцену – периоду, когда человек определяет изменения биосферы Земли. В центре внимания – концепция ноосферы Владимира Вернадского, область разума, созданная технологиями и интеллектом. Человечество действует как природная сила, одновременно продвигая прогресс и вызывая кризисы. Ноосфера предлагает пути решения (биотехнологии, энергетика), но приводит к нарушениям (загрязнение, утрата видов). Акцент сделан на необходимости этики ответственности для баланса окружающей среды и сохранения планеты.

Abstract. The article is devoted to the Anthropocene, the period when humans determine changes in the Earth's biosphere. The focus is on Vladimir Vernadsky's concept of the noosphere, an area of the mind created by technology and intelligence. Humanity acts as a natural force, simultaneously advancing progress and causing crises. The noosphere offers solutions (biotechnology, energy), but leads to disruptions (pollution, loss of species). The emphasis is on the need for ethics and responsibility to balance the environment and preserve the planet.

Ключевые слова: ноосфера, антропоцен, человек, биосфера, технологии, разум, прогресс, экология, промышленная революция.

Keywords: noosphere, anthropocene, man, biosphere, technology, mind, progress, ecology, industrial revolution.

Человек в контексте ноосферы: эпоха антропоцена

Эпоха антропоцена – это термин, который обозначает геологический и экологический период, в котором деятельность человека стала определяющим фактором изменений на планете. Введение этого понятия подчеркивает масштаб влияния человечества на биосферу, климат, геологические процессы и даже интеллектуальную среду, которую В.И. Вернадский назвал ноосферой – сферой разума. Ноосфера представляет собой эволюционный этап, на котором разумная деятельность человека становится ключевым элементом развития Земли. Взаимодействие чело-

века и окружающей природы в антропоцене поднимает вопросы о гармонии, ответственности и будущем нашей цивилизации, а также о том, как мы можем осознанно управлять этой новой реальностью, балансируя между прогрессом и сохранением жизни на планете.

Антропоцен: человек как геологическая сила.

Антропоцен характеризуется беспрецедентным воздействием человека на окружающую среду. Добыча ископаемых, массовое производство, урбанизация и выбросы парниковых газов изменили состав атмосферы, ускорили вымирание видов и повлияли на климатические системы. Это влияние выходит за рамки простого существования – человек превратился в силу, сравнимую с природными процессами такими как вулканы или землетрясения. Однако в отличие от природных явлений, деятельность человека осознанна, что делает его активным участником этого процесса формирования ноосферы – новой реальности.

Ноосфера, по Вернадскому, возникает как результат деятельности коллективного разума, порождающего науки и технологии. В антропоцене эта деятельность проявляется через глобальные коммуникации, искусственный интеллект, научные открытия и способность человечества моделировать будущее. Этот процесс начался с промышленной революции, когда человек впервые осознал свою способность преобразовывать мир с помощью машин и энергии. Однако эта сфера разума не всегда работает в гармонии с биосферой. Парадокс антропоцена заключается в том, что деятельность человека, иногда приводит к разрушению природных систем, от которых зависит его (и не только) жизнь. Например, изобретение пластика стало символом технологического прогресса, но его бесконтрольное использование привело к загрязнению океанов и угрозе биоразнообразию. Аналогично, развитие сельского хозяйства позволило прокормить миллиарды людей, но вырубка лесов и истощение почв поставили под угрозу экосистемы, которые поддерживали эту продуктивность.

Человек и ноосфера: симбиоз или конфликт?

Деятельность человека в ноосферной реальности в антропоцене можно рассматривать как попытку найти баланс между творческим потенциалом разума и его разрушительными действиями. С одной стороны, ноосфера дала нам инструменты для решения глобальных проблем: возобновляемая энергия, биотехнологии, международное сотрудничество и др. С другой стороны, она же породила индустриализацию, потребительскую культуру и гонку вооружений, которые угрожают стабильности и существованию планеты. Этот дуализм отражает внутреннее противоречие человеческой природы – стремление к прогрессу и неспособность предвидеть долгосрочные последствия своих действий.

Примером ко-эволюции человека и природы, симбиоза может служить формирование экологического сознания. Сегодня наука, как часть

ноосферы, предоставляет данные о климатических изменениях, а технологии позволяют разрабатывать решения – от улавливания углерода до восстановления экосистем. Проекты вроде Парижского соглашения демонстрируют, как коллективный разум может объединить страны ради общей цели. Однако корпорации продолжают добывать нефть, несмотря на доступность альтернативных источников энергии, а страны соперничают за ресурсы вместо того, чтобы совместно решать экологические кризисы. Это ставит под вопрос способность человечества как вида управлять своей разумной сферой в интересах выживания и своего дальнейшего развития.

Еще одним аспектом этого взаимодействия является цифровизация. Интернет и искусственный интеллект вносят свой вклад в дальнейшее развитие ноосферы, делая знания доступными миллионам людей. Социальные сети, например, позволяют мгновенно распространять идеи и координировать действия. Но в то же время они создают новые вызовы: дезинформацию, киберугрозы и зависимость от технологий. Цифровая ноосфера становится пространством, где человек одновременно учится, творит и сталкивается с новыми рисками, что делает влияние человека еще более сложным и многогранным.

Ответственность перед ноосферой.

В.И. Вернадский считал, что ноосфера должна стать стадией развития природы, на которой человек осознает свою роль в эволюции Земли и начнет действовать в соответствии с законами самой природы. В антропоцене эта идея приобретает особую актуальность. Человечество столкнулось с необходимостью не только развивать технологии, но и формировать этику, которая будет направлять их применение. Ноосфера – это не просто человеческая деятельность, обусловленная знаниями, но и коллективная ответственность за их использование. Например, ядерная энергия может быть источником чистой энергии, но в тоже время и оружием массового уничтожения. Выбор между этими путями зависит от того, как человечество интерпретирует свою роль в ноосфере.

Образование играет ключевую роль в этом процессе. Чем больше людей осознают взаимосвязь между их действиями и состоянием планеты, тем сильнее ноосфера может работать на благо. Глобальное сотрудничество, такое как научные программы по изучению космоса или Арктики, показывает, что ноосфера способна преодолевать границы и объединять людей. Культурные изменения – переход к минимализму, осознанному потреблению и уважению к природе – также укрепляют эту связь. Например, движение за устойчивое развитие и «зеленую» экономику демонстрирует, что человечество начинает переосмысливать свои приоритеты, что является важным шагом к гармонии в ноосфере. В то же время искусство и литература, как часть ноосферы, помогают формировать эмоциональную связь с природой и этику ответственности.

Будущее взаимодействия.

В эпоху антропоцена деятельность человека определяет траекторию развития не только нашей цивилизации, но и всей планеты. Если ноосфера останется сферой бесконтрольного потребления, антропоцен может стать эпохой деградации. Уже сейчас мы видим признаки этого: таяние ледников, лесные пожары, утрата биоразнообразия. Но если человечество сумеет направить разум на восстановление равновесия с природой, то развитие ноосферы приобретет новый импульс.

История показывает, что человек способен адаптироваться к кризисам. В Средние века чума привела к переосмыслению медицины, а промышленная революция – к новым социальным структурам. Антропоцен требует от нас подобной трансформации, но на глобальном уровне. Это может включать не только технологические инновации, такие как искусственное восстановление лесов или очистка океанов, но и изменения в мировоззрении: переход от антропоцентризма к биоцентризму, где человек рассматривает себя как часть природы, а не ее властелин. Например, коренные народы, сохраняющие традиционные знания о взаимодействии с природой, могут стать важным источником вдохновения для ноосферы будущего.

Заключение. В конечном счете, антропоцен – это вызов, который требует от человека не только интеллекта, но и мудрости. Ноосфера, как сфера разума, должна стать не только отражением наших достижений, но и зеркалом наших ценностей. Лишь осознав свою роль в этой глобальной системе, человек сможет превратить антропоцен из эпохи кризиса в эпоху созидания. Это требует не только научных открытий, но и глубокого переосмысления того, что значит быть человеком в мире, который мы сами создали.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский, В. И. «Биосфера и ноосфера». – М.: Айрис-пресс, 2012.
2. Крутцен, П. Дж. «Антропоцен: Геология и вызовы человечества» // Вестник Российской академии наук, 2002, № 72(5), с. 410-417.
3. Ницше, Ф. «Так говорил Заратустра». – СПб.: Азбука, 2015.
4. «Эпоха антропоцена: Человек как геологическая сила» // Русское географическое общество, 2022. URL: www.rgo.ru
5. Стормер, Ю. «Антропоцен: Новая эпоха в истории Земли» // Экология и жизнь, 2005, № 4, с. 12-18.
6. Гловели, Г. Д. «Философия ноосферы: От Вернадского к современности». – М.: УРСС, 2018.
7. Яковец, Ю. В. «Ноосферное будущее: Глобальные вызовы и перспективы» // Мир перемен, 2019, № 3, с. 15-25.
8. Эльяшевич, А. М. «Антропоценный и ноосферный поворот: Философские размышления» // Вопросы философии, 2020, № 7, с. 89-97.

УДК 159.9

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЗНАНИЯ НЕЙРООТЛИЧНЫХ ЛЮДЕЙ

FUNDAMENTAL CHARACTERISTICS OF CONSCIOUSNESS IN NEURODIVE PEOPLE

Березуцкая Валентина Петровна,
аспирант, 1-й курс
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
Berezutskaya Valentina Petrovna,
Graduate student, 1st year
Crimean Federal University named after
V. I. Vernadsky, Simferopol

Аннотация. Отдельные индивидуумы со своими воззрениями, особенностями характера, а также со своей спецификой функционирования нервной системы являются активными участниками любого общества. В данной статье рассмотрены две психологические модели, показанные в отражении основных характеристик сознания нейроотличных людей, также являющихся неотъемлемой частью нашего общества. Целью данной статьи является анализ когнитивных особенностей нейроотличных людей, с целью лучшего понимания и обращения внимания к проблемам людей с нейроотличиями.

Abstract. Individuals with their own views, character traits, and specific functioning of the nervous system are active participants in any society. This article examines two psychological models that are shown in the reflection of the main characteristics of the consciousness of neurodivergent people, who are also an integral part of our society. The purpose of this article is to analyze the cognitive characteristics of neurodivergent people, with the aim of better understanding and drawing attention to the problems of people with neurodivergence.

Ключевые слова: нейроотличные люди, сознание, модель психического

Keywords: neurodivergent people, consciousness, theory of mind

В современном российском обществе успешно внедряются принципы гуманизма и инклюзивности, которые так необходимы для полноценной жизни людей с нейроотличиями. Однако остается некоторое недопонимание природы и причин нейроразнообразия, а также связанная с этим стигматизация «не таких как все». Это способствует формированию стереотипных образов нейроотличных людей и зачастую вводит общество в заблуждение относительно аутистов с высоким уровнем вербальных навыков.

Что такое «нейроразнообразие» и «нейроотличие»? Термин «нейроразнообразие» был введен в 1998 году австралийским социологом Джуди Сингер для описания людей, чьи неврологические особенности не соответствуют так называемой «норме» [1]. Процентное соотношение нейроотличных людей составляет 15–20% населения [2].

Перейдем к обсуждению вопроса о природе сознания. Мы хотели бы рассмотреть две модели, объясняющие человеческое сознание: теорию сознания, разработанную советской школой психологии, и «Модель психического» («Theory of mind»), являющуюся частью западной когнитивной науки. Также мы проанализируем, как эти модели применяются для понимания особенностей сознания нейроотличных людей.

1. Сознание в советской школе психологии

А.Н. Леонтьев предложил такую сентенцию сознания: «Сознание – это такое отражение действительности, в котором выделяются её объективные, независимые от субъективного состояния свойства и формируется устойчивая картина мира» [3]. Далее представлена структура сознания согласно концепции советской школы психологии (Рис.1):

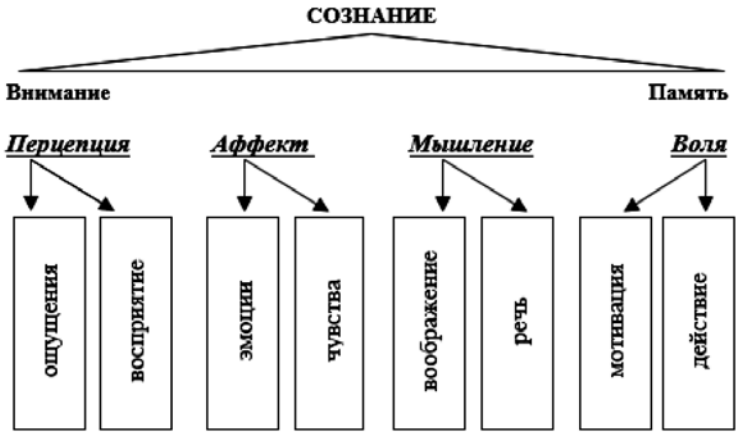

Рисунок 1. Структура сознания

Сознание нейроотличных людей отличается от сознания нейротипичных тем, что они воспринимают мир и реагируют на него иначе, чем большинство:

1. Внимание. Эта составляющая сознания может значительно отличаться у людей с нейроотличиями по сравнению с нормотипичными людьми:

a. дефицит внимания, проявляющийся в трудностях с обучением и выполнением монотонных задач;

b. гиперфокусировка, когда человек может сосредоточиться на одной деятельности на несколько часов и игнорировать базовые потребности;

c. повышенное внимание к деталям.

3. Восприятие:

a. сенсорное восприятие. У нейроотличных людей часто проявляются сенсорные перегрузки даже при небольших по меркам нормотипичных людей, сенсорных нагрузках.

b. искажение восприятия времени. Нейроотличные люди могут испытывать трудности с оценкой времени, необходимого для выполнения задач, что приводит к опозданиям, пропуску дедлайнов и прокрастинации, поскольку они предполагают, что задача займет больше времени, чем у них есть.

3. Эмоции. Вследствие сенсорных перегрузок нейроотличные часто испытывают сильные негативные эмоции, что выражается криками, истериками или слезами.

4. Особенности мышления. Нейроотличные люди обладают уникальным типом мышления – оно отличается от общепринятых стандартов. Их способ восприятия мира позволяет находить оригинальные подходы к решению задач и создавать необычные творческие концепции.

5. Специфические черты речи. У большинства нейроотличных индивидов наблюдаются специфические особенности речевого поведения:

a. мутизм – полная утрата способности вербального общения;

b. эхолалия – автоматическое повторение услышанных слов и фраз без осознания контекста;

c. нарушение семантики – создание собственных неологизмов, избегание стандартных ответов («да», «нет»), сложность понимания абстрактных смыслов и метафор;

d. проблемы регуляции голоса – изменения громкости, ритмичности и интонаций во время разговора;

e. недостаточная развитость коммуникации – сложности ведения диалога вследствие трудностей в восприятии устной речи, понимании подтекстов и социальных нюансов;

f. «отгороженность» в общении –склонность к самостоятельному монологу, игнорирование окружающих и наличие эмоциональных реакций, связанных с собственным внутренним состоянием [4].

6. Мотивация и активность. Нейроотличные личности часто испытывают затруднения с выполнением действий, которые не приносят мгновенного удовольствия или не вызывают интереса. Для них характерна не-

обходимость постоянного стимула в виде выработки гормона дофамина, обеспечивающего чувство удовлетворения. Некоторые нейроотличные люди демонстрируют повышенную организованность и педантичность благодаря стремлению к порядку и стабильности, связанным с симптомами аутизма.

2. «Модель психического»

Концепция «Модели психического» («Theory of Mind», ToM) была введена американскими этологами Дэвидом Примаком и Геральдом Вудруфом, изучавшими способность шимпанзе осознавать желания и намерения собратьев. Впоследствии западные исследователи расширили этот термин, предложив идею [5], согласно которой нарушение именно этой когнитивной функции лежит в основе целого спектра симптомов, присущих людям с расстройствами аутистического спектра.

Термин «Model of Mind» отражает способность человека воспринимать внутренние состояния других людей – их мысли, чувства, намерения и мотивы. Это своего рода ментальная карта, позволяющая понимать поведение окружающих и взаимодействовать с ними адекватно ситуации. Несмотря на многообразие формулировок в западной психологии («theory of mind», «theory of consciousness», «theory of intentions»), в отечественной науке чаще используется название «модель психического».

Ключевой особенностью человека, выделяющей его среди представителей животного мира, выступает сознание. Однако прямое проникновение в чужое сознание возможно лишь гипотетически. Человек способен строить предположения о внутреннем мире другого исключительно косвенно, используя собственный опыт, наблюдения и интуитивные догадки.

В раннем детстве ребенок активно осваивает окружающую среду, формируя представления о законах и характеристиках внешнего мира. Уже к двухлетнему возрасту у типично развивающихся детей формируется базовая способность различать цели и намерения других людей, основываясь на врожденных механизмах познания. К пяти годам созревает полноценная система понимания чужой внутренней мотивации и мыслительных процессов, известная как «модель психического».

Однако ученый Ульрих Фрит ставит под сомнение универсальность такой модели, утверждая, что понимание психики других людей может происходить не только сознательно, но и на подсознательном уровне. Поэтому более точно описывает этот процесс термин «ментализация», охватывающий как осознанные размышления, так и бессознательные механизмы обработки информации о состоянии других людей [6].

Саймон Барон-Коэн вводит термин «чтение мыслей» (mind reading), подчеркивая недостаток у лиц с расстройством аутистического спектра нормальной работы «модели психического» (theory of mind).

Например, дети с аутизмом часто оказываются уязвимы перед обманом, не замечают фальшь и имеют серьезные трудности в социальной адаптации и взаимодействии [7]. Кроме того, отмечается, что лица с РАС склонны к стереотипному поведению в коммуникации: они говорят одинаковым образом со всеми окружающими, независимо от возраста и статуса собеседника, иногда делая некорректные высказывания и испытывая трудности с пониманием скрытого смысла высказываний.

Российский вклад в изучение нарушений «модели психического» представлен исследованием коллектива Института психологии РАН под руководством Елены Александровны Сергиенко. Авторы отмечают, что расстройства аутистического спектра связаны с дефицитом внутреннего психологического моделирования и способностью формировать точные ментальные репрезентации, что ведет к серьезным трудностям в социальном функционировании, включая проблемы с распознаванием лжи, разделением субъективных переживаний и общим снижением качества межличностного общения [8].

Таким образом, можно выделить несколько фундаментальных характеристик сознания нейроотличных людей:

1. Внимание нейроотличных людей может либо остро фокусироваться на определенной узконаправленной теме, либо же тяжело контролируется и словно «распадается на фрагменты».

2. Восприятие времени, места, а также сенсорное восприятие у таких людей может быть искажено.

3. Нейроотличным людям тяжело дается контроль собственных эмоций. 4. Речь нейроотличных людей, также, как и внимание, может быть либо нарушена, либо развита чрезвычайно хорошо.

5. Мышление нейроотличных людей часто обладает нестандартностью и креативностью.

Эти фундаментальные характеристики сознания позволяют нам утверждать, что нейроотличные люди, определенно, заслуживают уважение, точно также, как и другие люди вокруг нас.

ЛИТЕРАТУРА

1. Singer J. Neurodiversity: the Birth of an Idea. Sidney: Kindle, 2016. – 357 p.
2. Doyle N. Neurodiversity at work: a biopsychosocial model and the impact on working adults // Br Med Bull. –2020. – Oct 14; 135(1) – P. 108-125.
3. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.

4. Happé F., Ronald A. The ‘fractionable autism triad’: a review of evidence from behavioural, genetic, cognitive and neural research // Neuropsychol Rev. – 2008. – 18 (4). – P. 287–304.
5. Baron-Cohen S, Leslie A. M, Frith U. Does the autistic child have a ‘theory of mind’? // Cognition. – 1985. – 21 (1). – P. 37–46.
6. Frith U. Development and neurophysiology of mentalizing // Philos Trans R Soc Lond B Biol Sci. – 2003. – 358 (1431). – P. 459–473.
7. Baron-Cohen S. The hyper-systemizing, assortative mating theory of autism // Prog Neuropsychopharmacol Biol Psychiatry. – 2008. – 30 (5). – P. 865–872.
8. Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А. Модель психического как основа становления понимания себя и другого в онтогенезе человека. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – 415 с.

УДК 140.8

ОГРАНИЧИВАЕТ ЛИ ЯЗЫК МЫШЛЕНИЕ?
DOES LANGUAGE LIMIT THINKING?

Александрова София Евгеньевна
аспирант кафедры физиологии человека и животных и биофизики «Института биохимических технологий, экологии и фармации Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Alexandrova Sofia Evgen'evna
postgraduate student of Department of Human and Animal Physiology and Biophysics «Institute of Biochemical Technologies, Ecology and Pharmacy» V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В тексте исследуется природа мысли и её связь с языком. Этот феномен рассмотрен с нейрофизиологической, лингвистической и философской точек зрения. Поднимается вопрос о возможности безъязыкового мышления, включая внутреннюю речь и когнитивные способности глухонемых. Вывод заключается в том, что язык играет ключевую роль в формировании мысли, однако за его пределами остаётся невербализуемый опыт, и это подчёркивает сложность человеческого познания.

Abstract. The text explores the nature of thought and its connection to language, examining this phenomenon from neurophysiological, linguistic, and philosophical perspectives. It raises the question of non-linguistic thinking, including inner speech and the cognitive abilities of deaf individuals. The conclusion states that while language plays a key role in shaping thought, there remains nonverbalizable experience beyond it, highlighting the complexity of human cognition.

Ключевые слова: мышление, язык и речь, нейрофизиология, кора головного мозга, нейронная активность, когнитивная наука, невербальное мышление, центр Брока, центр Вернике, билингвизм, металингвистическое мышление.

Keywords: thinking, language and speech, neurophysiology, cerebral cortex, neural activity, cognitive science, nonverbal thinking, Broca's area, Wernicke's area, bilingualism, metalinguistic thinking.

Я напишу, что Мысль – всему начало.
И.В. Гёте «Фауст»

Что есть мысль? Как она возникает? Можно ли с полной уверенностью безапелляционно утверждать, что мысль – лишь активность группы клеток, спонтанно возникающая в коре головного мозга, подобно вспышке, и столь же быстро угасающая?.. Или же мозг, как утверждала Наталья Петровна Бехтерева, играет роль своеобразного релейного механизма,

получающего информацию от органов чувств, обрабатывающий её и выдающий некую обратную связь?

В то же время мышление тесно связано с речью. Да, сначала мысль появляется в виде размытого образа, который со временем приобретает некие очертания, и лишь затем может быть облечена в слова. Но тогда почему носители разных языков мыслят по-разному? Каким образом наш мозг преобразует абстрактные нервные импульсы в конкретные слова и грамматические конструкции? Этот вопрос находится на пересечении философии, нейролингвистики и когнитивной науки, заставляя задуматься об удивительных взаимосвязях между мышлением и речью.

Если рассматривать этот сложный процесс с нейрофизиологической точки зрения, важно отметить, что между возникновением мысли и проговариванием её вслух происходит целый каскад преобразований: сначала возникает невербальная идея, например, образ предмета, которая затем кодируется в языковую форму. За эти процессы отвечают специфические зоны мозга. Центр Брока обеспечивает воспроизведение речи, и его повреждение приводит к моторной афазии, когда человек понимает речь, но не может говорить. Центр Вернике связан с пониманием языка, и его поражение вызывает сенсорную афазию, при которой речь остаётся беглой, но лишается смысла. При этом слова извлекаются из нашего ментального лексикона, а грамматические конструкции строятся по внутренним, усвоенным с детства шаблонам. Возникает вопрос: почему мы так часто сталкиваемся с ситуациями, когда не можем подобрать нужные слова для выражения своих идей? Не свидетельствует ли это о том, что язык является всего лишь несовершенным инструментом передачи мысли?

В данном случае нельзя не упомянуть гипотезу Сепира-Уорфа, которая отражает связь между восприятием, мировоззрением и когнитивными процессами людей, говорящих на разных языках. Согласно двум версиям этой гипотезы, язык либо полностью определяет мышление (то есть, буквально «диктует» носителю как ему воспринимать окружающую действительность), либо сильно влияет на мышление, а лингвистические категории ограничивают и определяют когнитивные процессы.

Примеры влияния языка на мышление можно найти в разных сферах. Например, исследования цветовосприятия показали, что носители русского языка, где есть отдельные слова для оттенков светлого и тёмного синего («голубой» и «синий»), быстрее различают эти оттенки, чем англоговорящие, у которых оба цвета обозначаются словом «blue». А значит язык является не только средством коммуникации, но и своеобразным фильтром, через который каждый из нас воспринимает реальность. Так не накладывает ли это ограничения на сам процесс мышления?

Если мы обратим внимание на людей, с рождения владеющих не одним, а несколькими языками, и рассмотрим билингвизм не только как

лексическое, но и как социальное явление, то заметим, что в одном сознании существуют разные языковые системы. Возможно, именно благодаря этому зачастую билингвы легче переключаются между разными задачами, а их мозг более пластичен. Интересно, что билингвы демонстрируют особый тип мышления, который можно назвать «металингвистическим». Они часто мыслят более абстрактно, поскольку с детства осознают, что один и тот же предмет или понятие может иметь разные названия. Это развивает у них способность рассматривать проблемы с разных точек зрения. В эмоциональной сфере также наблюдаются любопытные особенности. Многие билингвы отмечают, что по-разному выражают эмоции на разных языках. Часто язык, усвоенный в детстве, кажется более «эмоциональным», в то время как язык, выученный позднее, воспринимается как более рациональный. Это связано с тем, что разные языки «привязаны» к разным культурным контекстам и разному жизненному опыту. Если классическая гипотеза Сепира-Уорфа, о которой упоминалось ранее, предполагает, что язык определяет границы познаваемого мира, то билингв оказывается гражданином сразу двух таких миров. Его сознание постоянно балансирует между различными способами концептуализации реальности – там, где носитель одного языка видит одну перспективу, билингв обнаруживает, как минимум, две. Именно поэтому наличие явления билингвизма заставляет пересмотреть традиционную оппозицию «язык-мышление».

Но может ли мысль существовать вне языковых форм? Не ставит это под сомнение базовые философские представления о природе сознания? Людвиг Витгенштейн писал: «Границы моего языка означают границы моего мира». Но как быть с людьми, которые, не владея вербальным языком, способны полноценно мыслить? Когнитивные способности глухонемых от рождения доказывают, что мышление не обязательно требует вербального кодирования и может вполне успешно функционировать в системе нелингвистических символов, что расширяет наше понимание природы разума.

Концепция внутренней речи, разработанная Львом Выготским, предлагает промежуточный вариант между языковым и безъязыковым мышлением. Согласно Выготскому, в процессе развития человека внешняя речь «сворачивается» во внутреннюю, превращаясь в инструмент мышления. Однако даже эта «свёрнутая» речь сохраняет свою языковую природу. Интересно, что сам Выготский признавал возможность существования чистого мышления, не опосредованного языком, особенно в творческих процессах или интуитивном познании. Таким образом, внутренняя речь предстаёт не как обязательная основа мышления, а скорее как один из его возможных инструментов, который может быть временно отключён или заменён иными формами познания.

Таким образом, язык представляет собой не просто инструмент для передачи мыслей, но и неотъемлемую часть самого мыслительного процес-

са. Он формирует наше восприятие реальности, выступает фильтром для нашего опыта и даже определяет, какие идеи и концепции оказываются для нас доступными. Однако за пределами языковых структур остаётся нечто большее. То чистое, невербализуемое переживание, которое невозможно полностью выразить словами. Это противоречие между универсальностью мысли и специфичностью каждого из языков продолжает оставаться одной из самых захватывающих загадок человеческого познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бехтерева, Н. П. Нейрофизиологические аспекты психической деятельности человека / Н. П. Бехтерева. – 2-е изд. – Л.: Наука, 1974. – 151 с.
2. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
3. Лурия, А. Р. Основные проблемы нейролингвистики / А. Р. Лурия. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – 253 с.
4. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
5. Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 135–168.
6. Dehaene, S. Consciousness and the Brain: Deciphering How the Brain Codes Our Thoughts / S. Dehaene. – N. Y.: Viking, 2014. – 352 p.
7. Pinker, S. The Language Instinct: How the Mind Creates Language / S. Pinker. – N. Y.: Harper Perennial, 1995. – 448 p.
8. Whorf, B. L. Language, Thought, and Reality: Selected Writings / B. L. Whorf. – Cambridge, MA: MIT Press, 1956. – 278 p.

УДК 574+122

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЙ ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ТЕХНОГЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОПЫЛИТЕЛЕЙ

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE ECOLOGICAL CRISIS AND ITS CONSEQUENCES FOR HUMANITY

Пищурова Вероника Сергеевна
аспирант направления специальности 1.5.15 «Экология», ассистент кафедры общей биологии и экологии Института биохимических технологий, экологии и фармации Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Pishchurova Veronika Sergeevna
Postgraduate student direction of specialty 1.5.15 «Ecology», assistant professor of the Department of General Biology and Genetics, Institute of Biochemical Technologies, Ecology and Pharmacy Crimean Federal V.I. Vernadsky University

Аннотация. В данной статье рассматривается экологический кризис, связанный с сокращением популяций опылителей под влиянием техногенных факторов. Анализируется их ключевая роль в поддержании биоразнообразия и пищевых цепочек, а также угрозы для продовольственной безопасности. Особое внимание уделяется философскому осмыслению проблемы: от античных концепций до современной экологической этики и принципов устойчивого развития.

Absract. This article examines the ecological crisis caused by the decline of pollinators due to technogenic factors. It analyzes their crucial role in maintaining biodiversity and food chains, as well as threats to global food security. Special attention is paid to the philosophical interpretation of the issue: from ancient concepts to modern environmental ethics and sustainable development principles.

Ключевые слова: опылители, экологический кризис, биоразнообразие, философия природы, устойчивое развитие.

Key words: pollinators, ecological crisis, biodiversity, philosophy of nature, sustainable development.

Опылители – пчелы, бабочки, шмели и другие насекомые – являются неотъемлемой частью экосистем, обеспечивая воспроизводство растений и поддерживая биоразнообразие, не только флоры, но и непосредственно энтомофауны. Однако их популяции стремительно сокращаются из-за техногенного воздействия, изменения климатических условий, урбанизации и разрушения естественных местообитаний, что приводит к экологическому кризису. Этот кризис требует не только научного, но и философского осмысления, так как он ставит под вопрос саму возможность гармоничного сосуществования человека и природы.

В данной статье рассмотрен философский взгляд на взаимосвязь течения процессов в окружающей среде с технологическим прогрессом, причины сокращения популяции опылителей, их роль в поддержании биоразнообразия и пищевых цепочек, а также последствия для человечества, включая угрозу продовольственной безопасности. Как отмечал Аристотель в «Истории животных», «природа ничего не создает напрасно» – это утверждение особенно актуально при рассмотрении роли опылителей [1]. В античной традиции пчелы считались символом божественной мудрости, а их исчезновение воспринималось как нарушение космического порядка. Особое внимание необходимо уделить философскому осмыслению зависимости человека от природы и концепции устойчивого развития.

Человечество привыкло воспринимать окружающую среду как неисчерпаемый ресурс, забывая о своей глубокой зависимости от нее. Технологический прогресс, с одной стороны, способствует развитию человечества, но с другой – приводит к разрушению экосистем, являющихся средой обитания для данных организмов. Использование пестицидов, урбанизация и изменение климата – это прямые следствия деятельности человека, которые угрожают опылителям. Многими учеными проводятся комплексные исследования по оценке влияния глобального потепления на процессы жизнедеятельности, к примеру, практически все растения в Британии ускорили свои фенологические процессы, из-за повышения среднесуточной температуры [2]. При этом сдвиг сроков цветения приводит к необходимости насекомым корректировать свои сроки лёта, для получения нектара растений. В случае невозможности получить нектар – сокращается численность, как опылителей, так и опыляемых ими растений. Ученые подчеркивают, что человеческая деятельность является основной причиной глобального потепления. По данным МГЭИК человеческая деятельность с 1850 года вызвала повышение средней температуры на планете на 1,1 градус [3], а сами климатические циклы, отличаются от естественных, то есть вызваны антропогенным воздействием [4].

Философия экологической этики подчеркивает, что человек должен рассматривать природу не как ресурс, а как равноправного партнера. Это понимание восходит к стоической концепции «космополиса» – мира как единого организма, где человек не господин, но часть природы [5]. Это особенно важно в контексте сохранения опылителей, которые играют ключевую роль в поддержании экосистем. Технологический прогресс должен быть направлен на сохранение жизни, а не на ее уничтожение.

Сокращение численности опылителей связано с несколькими факторами, которые являются следствием техногенной деятельности человека:

1. пестициды: интенсивное использование пестицидов в сельском хозяйстве приводит к гибели опылителей. Химические вещества, пред-

назначенные для борьбы с вредителями, оказывают губительное воздействие на нервную систему насекомых, что приводит к их массовой гибели. Теофраст в «Исследованиях о растениях» (III в. до н.э.) описывал естественные методы защиты урожая, рекомендуя «высаживать кипарис среди виноградников, дабы отпугивать вредоносных насекомых» [6]. Этот древний пример аллелопатии контрастирует с современной химизацией сельского хозяйства;

2. изменение климата: глобальное потепление нарушает естественные циклы растений и опылителей. Смещение сроков цветения растений и активности насекомых приводит к нарушению синхронизации, что снижает эффективность опыления. Платон в «Тимее» сравнивал мироздание с «живым существом», где все части взаимосвязаны [7]. Современные данные о климатических циклах подтверждают этот античный интуитивный вывод: изменение температуры всего на 1.1°C нарушает коэволюционные связи между растениями и опылителями;

3. урбанизация: расширение городов и сельскохозяйственных угодий приводит к разрушению естественных местообитаний опылителей. Утрата лугов, степей и лесов лишает насекомых источников пищи и мест для размножения.

Опылители играют ключевую роль в поддержании биоразнообразия и пищевых цепочек. Без их участия многие растения не смогут производить плоды и семена, что приведет к разрушению пищевых цепочек и сокращению биоразнообразия.

Они также поддерживают баланс экосистем, способствуя размножению растений, которые, в свою очередь, служат пищей и средой обитания для других видов. Их исчезновение может вызвать цепную реакцию, приводящую к разрушению экосистем и исчезновению других видов. Миф об Аристее у Вергилия описывает первую в истории экологическую катастрофу – массовую гибель пчел как наказание за нарушение природного баланса [8].

Сокращение численности опылителей угрожает продовольственной безопасности человечества. Около 75% сельскохозяйственных культур зависят от опыления. Снижение урожайности фруктов, овощей и орехов может привести к глобальному продовольственному кризису.

Экономические потери, связанные с сокращением численности опылителей, уже ощущаются в сельском хозяйстве. В орфических гимнах мёд называли «слезами нимф», напоминая, что продукты опыления – дар природы, а не товар [9]. Эта древняя мудрость ставит под сомнение современную экономику, оценивающую услуги опыления в более 500 млрд рублей [10]. Снижение урожайности культур, зависящих от опыления, приводит к многомиллиардным убыткам.

Человечество зависит от окружающей среды не только в вопросе ресурсов, но и в вопросе поддержания жизни на Земле. Опылители обеспе-

чивают не только продовольственную безопасность, но и поддерживают экосистемы, которые очищают воздух, воду и почву.

Зависимость человека от природы требует пересмотра отношения к окружающей среде. Человек должен осознать, что его действия сегодня определяют будущее следующих поколений.

Концепция устойчивого развития предлагает путь к гармонии между человеком и природой [5]. Она предполагает, что экономический и технологический прогресс должен быть направлен на сохранение природных ресурсов и экосистем для будущих поколений.

Устойчивое развитие требует сокращения использования пестицидов, восстановления естественных местообитаний опылителей и развития экологического образования. Только осознав свою зависимость от природы, человечество сможет найти путь к гармонии с окружающим миром.

Техногенное воздействие на опылителей – это не только экологическая, но и философская проблема. Она заставляет нас задуматься о нашей роли в природе, этике использования технологий и ответственности перед будущими поколениями. Роль опылителей в поддержании биоразнообразия и пищевых цепочек, зависимость человека от природы и философия устойчивого развития тесно связаны между собой. Только осознав эту связь, человечество сможет найти путь к гармонии с природой и предотвратить экологический кризис.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. История животных. Книга IX / пер. с древнегреч. В.П. Карпова. – М.: Академический проект, 2021. – 543 с.
2. Parmesan C. A globally coherent fingerprint of climate change impacts across natural systems / C. Parmesan, G. Yohe // Nature. 2003. Vol. 421, № 6918. – P. 37–42.
3. Межправительственная группа экспертов по изменению климата. Глобальное потепление связано с деятельностью человека и происходит с беспрецедентной скоростью // ООН: сайт. – 2021. URL: https://news.un.org/ru/story/2021/08/1407862 (дата обращения 19.03.2025).
4. Kenneth G. Miller. Cenozoic sea-level and cryospheric evolution from deep-sea geochemical and continental margin records // Science Advances: сайт – 2020. URL: https://www.science.org/doi/10.1126/sciadv.aaz1346 (дата обращения 05.04.2025).
5. Данилов-Данильян В.И. Устойчивое развитие: теоретико-методологический анализ // В.И. Данилов-Данильян – М.: Институт устойчивого развития, 2020. – 432 с.

6. Теофраст. Исследования о растениях / пер. с древнегреч. М.Е. Сергеенко. – Москва, Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – 589 с.
7. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3/Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. – С. 421–500.
8. Вергилий. Георгики. Книга IV / пер. с лат. С. Шервинского. – СПб.: Наука, 2019. – 288 с.
9. Орфические гимны / пер. с древнегреч. О.В. Смыки. – СПб.: Алетейя, 2022. – 320 с.
10. Российская академия наук. Доклад о состоянии окружающей среды в РФ в 2022 году. – М.: Наука, 2023. – 256 с.
11. Hadot P. The Veil of Isis: An Essay on the History of the Idea of Nature. – Cambridge: Harvard University Press, 2006. – 416 p.

УДК 524.8

АНТРОПНЫЙ КОСМОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП: ПРОБЛЕМЫ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ

ANTHROPIC COSMOLOGICAL PRINCIPLE: PROBLEMS AND MISCONCEPTIONS

Леляков Степан Александрович
аспирант направления специальности 1.3.8 «Физика конденсированных сред» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Lelyakov Stepan Alexandrovich
postgraduate student direction of speciality 1.3.8 «Condensed matter physics» of V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В статье проводится анализ основных формулировок «антропного космологического принципа». Исследуются перспективы «антропного подхода» в контексте решения проблемы «тонкой настройки» физических констант.

Abstract. The article analyzes the main formulations of the «anthropic cosmological principle». The prospects of the «anthropic approach» in context of solving the problem of «fine-tuning» physical constants are explored.

Ключевые слова: антропный космологический принцип, тонкая настройка, физические константы.

Keywords: anthropic cosmological principle, fine-tuning, physical constants.

Необходимо отметить, что не существует единой формулировки антропного космологического принципа. В литературе можно встретить большое число формулировок, смысл которых настолько различен, что возникает вопрос о корректности употребления слова принцип для обозначения множества идей, выдвинутых авторами с той или иной мотивацией.

Одной из основных предпосылок антропного космологического принципа, если говорить в физическом смысле, являлась проблема «тонкой настройки» фундаментальных физических констант (скорость света, гравитационная постоянная, массы электрона и протона и т.д.). Согласно современным представлениям, в основе наблюдаемой нами природы лежат строго определенные значения фундаментальных констант, входящих в физические законы. Как утверждает ряд исследователей, если бы значения этих констант являлись иными, это привело бы к невозможности существования атомов, звезд, галактик и, как следствие, жизни. В попытке

ответить на вопрос почему значения фундаментальных констант именно таковы, был предложен антропный космологический принцип.

Б. Картером в 1973 г. было выделено два “канонических” варианта антропного принципа – слабый и сильный.

Согласно слабому антропному принципу «…наше положение во Вселенной является привилегированным в том смысле, что оно должно быть совместимо с нашим существованием в качестве наблюдателей» [1].

Можно заметить, что в основе слабого антропного принципа лежат две идеи: 1) условия во Вселенной, где есть наблюдатель, должны допускать его существование; 2) мы наблюдаем не произвольную область Вселенной, а ту, в которой существует наблюдатель и в которой реализовались необходимые для его существования условия. Точно также можно сказать про эпоху, в которой мы наблюдаем Вселенную.

Первое утверждение, с одной стороны, можно признать справедливым: человек не может наблюдать явления, которые противоречат его существованию, однако едва ли этот аргумент сам по себе может лечь в основу фундаментальной концепции.

Второе утверждение является более космологическим, так как в нем используются представления о пространственной неоднородности Вселенной (если рассматривать не только видимую ее часть) и этапах ее развития. То есть если учесть пространственную неоднородность Вселенной можно предположить, что условия и значения некоторых физических параметров в неизвестных для человека областях Вселенной являются иными, и, таким образом, человек наблюдает область Вселенной, в которой реализовалась такая комбинация физических параметров, которая допускает его существование.

Данная идея похожа на гипотезу о мультивселенной (или ансамбле вселенных), в которой существует бесконечное число вселенных со всеми возможными комбинациями значений фундаментальных физических констант. Некоторые исследователи видят решение проблемы «тонкой настройки» именно в этой форме.

Таким образом, слабый антропный принцип сроится на умозаключении о невозможности человеком наблюдать Вселенную с такими параметрами, которые не позволяли бы ему быть в ней, а также на представлении о «не произвольности» области пространства-времени, в которой мы существуем.

Согласно сильному антропному принципу, сформулированному Б. Картером, «Вселенная (и, следовательно, фундаментальные параметры, которые ее характеризуют) должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателей» [1].

В литературе сильная версия антропного принципа подвергается критике большей, чем слабая версия. Если слабую версию считают тривиальной, то сильный антропный принцип критикуют, усматривая в нем идею «запрограммированности» Вселенной на появление человека,

идею «разумного замысла», теологичность, неоправданный антропоцентризм и т. д.

Рассматривая антропный принцип в формулировке «фундаментальные свойства Вселенной определяются фактом существования наблюдателя…», Л. М. Гиндилис находит данное утверждение совершенно неудовлетворительным, с подменой причины на следствие. Как он отмечает в работе «Антропный принцип и принцип Бруно»: «В действительности не Вселенная такова, потому что в ней существует человек, а человек существует во Вселенной, потому что она такова…» [2].

Таким образом, существует круг исследователей, которые оценивают идею о том, что существование человека в каком бы то ни было реальном смысле обусловливает структуры мироздания, в резко негативном ключе.

Однако это не остановило процесс создания новых интерпретаций и переосмыслений в направлении сильного антропного принципа.

Как пишет Ю. А. Шрейдер в работе «Искусственный интеллект, рефлексивные структуры и антропный принцип»: «Сильный антропный принцип можно переформулировать как принцип невозможности устойчивого существования Вселенной, если она не порождает собственного наблюдателя» [3].

Здесь стоит обратить внимание на слова «устойчивое существование Вселенной». Интуитивно понятно, что речь идет о том состоянии мира, который мы наблюдаем: о мире атомов, способных выстраиваться в кристаллическую решетку, о мире спутников, вращающихся вокруг планет, и планет, вращающихся вокруг звезд, и, благодаря всему этому, о мире людей, возникших на планете Земля, однако мы не знаем является ли этот мир единственно возможной формой существования физической реальности и всякая ли физическая реальность должна в своей эволюции приводить к появлению наблюдателя. С другой стороны, предположим, что с точки зрения человека, мы существуем в единственно возможном для нас мире и все остальное лишь гипотеза. Однако здесь мы приходим к проблеме существования непознаваемого и, таким образом, рассуждения об «устойчивой Вселенной» всегда будут несколько спорными.

Переосмысление сильного антропного космологического принципа, предложенное Ю. А. Шрейдером и Г. В. Гивишвили, имеет более конкретную формулировку по сравнению с канонической версией Б. Картера. Оно указывает на специфику эволюции физического мира, в котором появление человека рассматривается как закономерный и непреложный результат развития Вселенной.

Можно сказать, что существует определенное согласие между фундаментальными свойствами усложняющейся в своем развитии физической реальности и закономерным следствием этого развития – человеком.

Данный вариант антропного принципа напоминает вдохновленный квантовой механикой «принцип участия» Дж. А. Уилера. С его точки зрения, реальным является лишь тот мир, в котором значения физических параметров с самого начала гарантируют появление наблюдателя на некотором этапе эволюции. Все другие «возможные Вселенные», в которых не предусмотрен феномен наблюдения, единственно способный придать всякой возможности статус реальности, не существуют в строгом онтологическом смысле.

Таким образом, если в формулировке Ю. А. Шрейдера и Г. В. Гивишвили мы имеем дело с «устойчивым существованием Вселенной», с гармонично развивающимся миром, закономерно порождающим человека, то Дж. А. Уилер предлагает нам «наблюдателя», как необходимое условие для придания Вселенной статуса реальности.

Стоит отметить, что альтернативные идеи, в том числе, идеи антропного характера, довольно часто опираются на феномены квантовой механики, к примеру, эффект наблюдателя, связанный с проблемой коллапса волновой функции (наблюдатель, имея свою волновую функцию, изменяет волновую функцию системы). Таким образом, некоторые ученые предполагают, что существует связь между свойствами физического мира и присутствием в нем наблюдателя. Однако другая часть исследователей скептически относятся к подобным интерпретациям квантовой механики, находя их недостаточно корректными [4].

К тому же известно, что квантовая механика описывает явления исключительно микромира. Как мы знаем для микрочастиц длина волны де Бройля имеет сравнительно большую величину. Поэтому микрочастицы могут влиять друг на друга. Наблюдатель, имея сравнительно более малую длину волны де Бройля, также все еще способен оказывать влияние на волны де Бройля микрочастиц. Но поскольку объекты в космологии (галактики, их скопления) в миллиарды раз превышают массу наблюдателя их волны де Бройля не могут соприкасаться (то есть влиять друг на друга). Поэтому наблюдатель не может повлиять на эволюцию таких объектов.

Возвращаясь к исходной проблеме «тонкой настройки», можем ли мы утверждать, что какая-либо из представленных версий антропного космологического принципа решает эту проблему? Нет, ни одна из представленных формулировок не дает достаточно убедительного объяснения этому феномену. Мы можем найти более или менее аргументированную критику для каждого варианта этого принципа, однако в широком смысле, в какой бы форме он не был предложен, антропный принцип не должен рассматриваться как законченное утверждение. Правильней было бы на данном этапе считать его одним из возможных векторов развития научной мысли.

Подобно тому, как человек, задумывающийся о своей судьбе и ее предпосылках, должен посмотреться в зеркало, для того, чтобы исследовать

устройство мира со всей сложностью взаимосвязанных процессов, происходящих в нем, недостаточно объяснить все собственным существованием, нужно в том числе выяснить, что такое человечество, продолжать исследовать человека, узнавать его суть, обратиться к его смыслам.

Таким образом, подводя итоги, можно утверждать, что антропный принцип в литературе представлен множеством различных формулировок, общей чертой которых является то, что решение проблемы «тонкой настройки» Вселенной, предложенное в рамках этих идей, выводится из самого факта существования человека, что подвергается критике со стороны ряда исследователей. Однако, рассматривая этот принцип в более широком смысле, можно расценить его как принцип необходимости исследования мира во всем множестве его смысловых граней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гидлевский А.В. Парадоксы антропного космологического принципа / А.В. Гидлевский // Вестн. Ом. ун-та. 2007. №3. – с. 60 – 67.
2. Гиндилис Л.М. Антропный принцип и принцип Бруно // О современном статусе идеи глобального эволюционизма. – М.: Изд-во АН СССР, 1986. с. 158 –163.
3. Шрейдер Ю.А. Искусственный интеллект, рефлексивные структуры и антропный принцип / Ю.А. Шрейдер // Вопросы философии. 1995. – № 10. – с. 163 –167.
4. Черепанов И.В. Сознание и коллапс волновой функции / И.В. Черепанов // Вестн. Том. гос. ун-та. 2022. – № 66. – с. 27 – 37.

УДК 1:004.8 + 1:51

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ МАТЕМАТИКИ: ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИСКУССВТЕННОГО ИНТЕЛЕКТА

PROSPECTS OF MODERN MATHEMATICS: PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Костриков Максим Максимович
аспирант направления специальности 1.1.1 «Вещественный, Комплексный и Функциональный анализ» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Kostrikov Maksim Maksimovich
postgraduate student direction of specialty 1.1.1 «Real, Complex, and Functional Analysis» of V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В статье рассматриваются философские аспекты современной математики в контексте развития искусственного интеллекта. Обсуждаются вопросы влияния ИИ на математические методы и задачи, а также изменения в самой математике в условиях автоматизации. Особое внимание уделяется роли человека в математическом познании и философским вопросам, связанным с применением машин для решения математических проблем.

Abstract. The article explores the philosophical aspects of modern mathematics in the context of the development of artificial intelligence. It discusses the impact of AI on mathematical methods and problems, as well as the changes in mathematics under the influence of automation. Special attention is given to the role of humans in mathematical knowledge and the philosophical questions related to the use of machines for solving mathematical problems.

Ключевые слова: искусственный интеллект, математика, философия, математическое познание, автоматизация.

Keywords: artificial intelligence, mathematics, philosophy, mathematical knowledge, automation.

Математика и философия – две дисциплины, которые с давних времен развивались, не отставая друг от друга и неизбежно влияя друг на друга. В наше время, на фоне активного развития искусственного интеллекта (ИИ), он так или иначе начинает влиять на множество разнообразных дисциплин.

Математика и философия находят новые точки соприкосновения, если математика становится основой для алгоритмов искусственного интеллекта, то философия пытается осмыслить, к чему нас это приведет, и задает множество разных вопросов: понимает ли ИИ то, что делает,

или просто следует поставленным алгоритмам? Каково место человека во всем этом? Изменяется ли смысл математики, когда её начинает продуцировать не человек, а машина [1]? Современный искусственный интеллект полностью основан на математике. Статистика, линейная алгебра, теория вероятностей, теория оптимизации, теория графов – всё это лежит в основе алгоритмов машинного обучения, нейросетей и любых других технологий, связанных с искусственным интеллектом. Но философский вопрос явно не в том, на каких алгоритмах работает искусственный интеллект, скорее вопрос должен быть поставлен следующим образом: когда нейросеть решает математическую задачу или доказывает теорему, делает ли она это «осмысленно»? Или же это просто результат манипуляции знаками? [2]

Понимание очень важно. Ведь математик, решая задачу, может интуитивно чувствовать структуру решения, осознавать красоту доказательства, делать смысловые обобщения. Машина же действует на основе вычислительных правил. Да, она может переигрывать человека в шахматы или генерировать код, но понимает ли она, что делает? Или мы просто приписываем ей интеллект? [3]

Философия здесь вмешивается с полным правом. Ещё Платон утверждал, что математические объекты существуют в особом мире идей, и человек, занимаясь математикой, прикасается к этим идеям. Долгое время математика воспринималась как особый вид знания – такое, что не берётся из повседневного опыта, но помогает нам этот опыт осмысливать. И в центре этого процесса всегда был мыслящий человек. С развитием ИИ невольно задумываешься: а способна ли машина по-настоящему нести в себе знание – так, как это делает человек? Или же математика в её исполнении превращается просто в набор формальных операций, где не остаётся места для глубокого смысла? [4]

Интересно и то, как ИИ сам влияет на развитие математики. Возникают новые дисциплины, такие как дифференцируемое программирование, топологические методы в анализе нейросетей, теория категорий в контексте функционального программирования. Машинное обучение диктует новые требования к математическим моделям: они должны быть не только точными, но и обучаемыми, устойчивыми к ошибкам, масштабируемыми. Таким образом, математика меняется, подстраиваясь под задачи, которые ставит ИИ. Также нельзя отрицать что ИИ вдохнул новую жизнь в некоторые области математики. Из собственного опыта могу привести следующий пример. На нашем факультете были две кафедры: одну условно называли «кафедрой чистой математики», где всё было понятно и уже давно разложено по полочкам, а вторую – более ориентированной на научную деятельность и исследования. Однако с развитием искусственного интеллекта ситуация кардинально изменилась. Появи-

лось множество новых направлений и курсов, таких как «Современные адаптивные численные методы в BigData-задачах» или «Методы оптимизации в машинном обучении». И теперь становится всё сложнее давать однозначную оценку, кто же в итоге находится на передовой: традиционные «чистые математики» или те, кто работает с новыми технологиями. Это изменение показывает, как быстро меняется сама природа математики и её роль в современном мире. И это важно не только с технической точки зрения, но и с философской: мы видим, как изменяются методы и цели математики. [5]

На мой взгляд, мы сейчас находимся в уникальном моменте. С одной стороны, ИИ позволяет расширить горизонты математики, автоматизировать рутинные вычисления. С другой стороны, ИИ заставляет нас заново задать важные вопросы: что такое истинное знание в математике? Сохраниться ли разделение на «чистую» и прикладную математики? Какова роль ИИ в поиске доказательства тех или иных теорем т даже в их формулировке? [6]

Особенно важно различать вычисление и мышление. Машина может перебрать миллионы вариантов и выбрать оптимальный. Человек же способен на неожиданные решения, на озарение. Именно эти качества и спонтанность делают математику живой. Но возникает вопрос: если идеал в математике – это исключение всего живого из неё, стремление к чистому знанию, то что остаётся, когда мы передаем математическую деятельность машинам? И если мы стремимся найти доказательство, как цепочку логических непротиворечивых выводов, то что теряется при отсутствии живой интуиции и эвристического подхода? Когда мы начинаем полагаться на машины, не утрачиваем ли мы чего-то важного в самом процессе математического познания? [1]

Не стоит забывать и о моральной стороне этого вопроса. ИИ всё чаще используется при принятии решений, в диагностике, в прогнозирование. Но будут ли уместны выводы или решения на основе «сухой» оценки ИИ? Ошибки могут иметь реальные последствия. Поэтому философия здесь должна выполнять критическую функцию: оценивать не только точность, но и «человекоразмерную» обоснованность. В этом смысле философия и математика снова оказываются в союзе – как две стороны одной задачи: понимания и осмысления того, что мы создаём. [2]

В заключение хочется сказать: развитие ИИ не отменяет математику и не вытесняет философию. Напротив, оно делает их сотрудничество ещё более необходимым. Математика остаётся универсальным языком, но теперь этот язык заговорил голосом ИИ. И философия – единственный способ не потеряться в погоне за технологиями, найти смысл в цифрах и формулах, вернуть человечность в то, что кажется «бесчеловечно» логичным. Возможно, именно на стыке этих дисциплин родится новая наука. [5]

ЛИТЕРАТУРА

1. Неверов А. В. Философия математики в контексте современной науки / А. В. Неверов. – СПб.: Наука, 2013. – С. 45–56.
2. Дьяков В. С. Алгоритмы и искусственный интеллект: философский взгляд / В. С. Дьяков. – М.: Издательство Московского университета, 2016. – 150 с.
3. Иванов П. М. Математика и машинное обучение: границы познания / П. М. Иванов. – Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2018. – 220 с.
4. Артемьев С. В. Искусственный интеллект: математические основы и философские аспекты / С. В. Артемьев. – Казань: Издательство Казанского университета, 2015. – 180 с.
5. Петрушин И. Ю. Технологии и философия: что остаётся от математики в эпоху ИИ? / И. Ю. Петрушин. – Екатеринбург: Уральское университетское издательство, 2017. – 200 с.
6. Павлов А. А. Математика, философия и искусственный интеллект: новые горизонты / А. А. Павлов. – М.: Либроком, 2020. – 250 с.

УДК 304.2:502.76:316.42

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЭКОЛОГИИ: ПРОБЛЕМА ЛЕСОЗАЩИТНЫХ ПОЛОС

SOCIAL DIMENSION OF ECOLOGY: THE PROBLEM OF FOREST SHELTERS

Костромитин Иван Сергеевич
аспирант Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Kostromitin Ivan Sergeevich
postgraduate student of V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. Одним из последних факторов сдерживания неблагоприятных условий окружающей среды для возделывания сельхоз культур, создании коридоров для животных являются – лесозащитные полосы. Однако стремительные изменения в землепользовании негативно влияют на их состояние, а также на экосистемы и биоразнообразие. Проблема усугубляется недостаточной информированностью населения и низким приоритетом со стороны государства. Данное эссе раскрывает их значимость, историю, текущее положение и возможные пути решения современных проблем.

Abstract. One of the last factors in curbing unfavorable environmental conditions for crop cultivation and creating corridors for animals are forest shelterbelts. However, rapid changes in land use have a negative impact on their condition, as well as on ecosystems and biodiversity. The problem is aggravated by insufficient public awareness and low priority from the state. This essay reveals their importance, history, current status and possible solutions to modern problems.

Ключевые слова: лесозащитные полосы, предгорный Крым, актуальная проблема, социальный фактор.

Keywords: forest shelterbelts, foothill Crimea, current problem, social factor.

Одной из актуальных проблем в настоящее время в сельском хозяйстве и экологии является вопрос лесозащитных насаждений. Лесозащитные полосы изначально создавались для предотвращения эрозии почвы, но со временем их значимость значительно расширилась. Эти ряды деревьев и кустарников не только защищают пахотные земли, пастбища, дороги, каналы, склоны и овраги, но и играют важную роль в защите окружающей среды и повышении сельскохозяйственной продуктивности. К сожалению, в настоящее время в степном Крыму менее половины лесозащитных полос находятся в удовлетворительном состоянии. Причин тут много, но основная это изменением структуры собственности и уменьшению интереса от государства. Также немало важно, что мно-

жество лесозащитных полос были подвержены пожарам и незаконной вырубке или просто естественному старению, в результате выпало более 70% от прошлых посадок [1, 3].

Возникают вопросы: кто должен этим заниматься? Государство? Но земельные участки в большей части давно принадлежат частным лицам. Или обязать фермеров? Но тут появляется проблема небольших площадей и ограниченных ресурсов. Хочется отметить, что среди населения проблема сохранения природы, экологии и, в частности, лесозащитных насаждений поставлена достаточно слабо. Многие люди даже не задумываются об этом, и на это есть множество причин. Для более подробного разбора данного вопроса следует начать непосредственно с истории [2].

Идея, о создании лесозащитных полос появилась в начале XIX века, как следствие проблем эрозии почвы и ухудшения климатических условий, которые перестали быть незаметными. Еще в 1809 году немецкий агроном Август Карл фон Розмюллер опубликовал работу по использованию лесных полос для защиты почвы от эрозии. Где предлагал высаживать деревья вдоль полей, что существенно снижало скорость ветра и предотвращало выдувание почвы.

В России первые попытки создания лесозащитных полос были предприняты в конце XIX века. В 1892 году русский лесовод Иван Платонович Бородин предложил использовать лесные полосы для защиты полей от ветровой эрозии. Его идеи были поддержаны российскими агрономами и лесоводами, и в начале XX века начались первые эксперименты.

Однако лишь в 1930-х годах в СССР, где была разработана и непосредственно реализована масштабная программа по созданию и развитию лесозащитных полос. Связано это было с активным развитием сельского хозяйства, введением средств механизации. Как следствие, появилась острая проблема защиты почвенных ресурсов от эрозии. Уже в 1931 году был издан указ, «о создании лесных полос вдоль полей для защиты сельскохозяйственных угодий от ветровой эрозии и улучшения микроклимата». В рамках этой программы, в различных регионах СССР были высажены миллионы деревьев и кустарников, созданы десятки тысяч километров лесозащитных полос. Что привело к положительным результатам: повышению урожайности сельхоз культур, снижению эрозии почвы, улучшению условий производства, жизни населения минуя пыльные бури и уменьшая скорость ветра [4].

Лесозащитные полосы стали важным элементом сельскохозяйственного ландшафта СССР и других стран Восточной Европы, позже данный опыт был использован и другими странами.

Но в чем же такая важность данных насаждений? Кроме защиты сельскохозяйственных угодий? Лесозащитные полосы играют важную роль в сельском хозяйстве и экологии. Они защищают почву от эрозии, снижая

скорость ветра и предотвращая выдувание верхнего плодородного слоя. Улучшают водный режим, способствуют инфильтрации дождевой воды, уменьшая риск наводнений и сохраняя уровень грунтовых вод. В засушливых регионах, таких как Крым, помогают накоплению влаги в почве, что критично для сельхозкультур. Лесополосы также создают среду обитания для множества видов, поддерживают биоразнообразие, играют роль экологических коридоров и способствуют улучшению качества воздуха за счёт поглощения углекислого газа и выделения кислорода. Они снижают уровень запыленности и задымленности, что положительно влияет на здоровье людей и животных.

В настоящее время проведено множество исследований, имеется огромный опыт об важной роли лесозащитных насаждений. Однако с распадом СССР и изменениями в экономической и социальной структуре стран бывшего Советского Союза внимание к лесополосам стало снижаться. В результате многих реформ и экономических преобразований финансирование на поддержание и восстановление лесозащитных полос сократилось, что привело к их деградации и утрате значительной части насаждений.

Среди причин, по которым лесозащитные полосы утратили прежнее значение и внимание, можно выделить следующие:

Экономические преобразования. Переход от плановой экономики к рыночной привел к сокращению государственного финансирования и уменьшению поддержки аграрного сектора. Это привело к снижению инвестиций в создание и поддержание лесозащитных полос. Большинство фермеров имеют достаточное небольшие земельные площади и финансово не в состоянии заниматься поддержанием и закладной новых насаждений.

Приоритеты в сельском хозяйстве и природоохранной деятельности изменились, и лесозащитные полосы отошли на второй план. Их деградация обусловлена изменениями землепользования, незаконной вырубкой, пожарами и болезнями.

Однако вопрос их сохранения становится актуальным не только в России, но и в других странах. В США лесополосы рассматриваются не только как сельскохозяйственный инструмент, но и как важный элемент экосистем. Ученые отмечают, что их сокращение влияет на численность многих видов, включая медведей.

Они предложили построить зеленые коридоры между зелеными парками страны Йеллоустоун и Глейшер, Маунт-Рейнир и Северными Каскадами, чтобы сохранить популяцию животных [7]. В Аргентине из-за расширения сельского хозяйства происходит массовая вырубка лесов, часто разделяющая их. Для этого лесозащитные полосы включены в законодательство как элемент охраны природы, установлены определенные стандарты. А исследование последних лет активно подтверждают еще и влияние лесных полос в связанность лесов. По мимо этого, лесо-

защитные полосы оказывает положительное влияние для последних тенденций в сельском хозяйстве в государстве, с сокращением использования агрохимических ресурсов на естественные для создания устойчивых агроэкосистем [8].

В Китае активно высаживаются защитные лесные полосы и лесные насаждения, для борьбы с опустыниванием и неблагоприятными условиями среды активно реализуется масштабный проект «Великая зеленая стена». Данный проект имеет мировую известность и поддерживается непосредственно государством. В результате которого к 2050 году планируется высадить более 400 млн гектаров насаждений [5, 6].

Для решения проблем лесозащитных полос в России необходима комплексная программа, включающая оценку состояния, восстановление и создание новых полос с учетом местных пород деревьев. Важны образовательные инициативы для фермеров, финансовая поддержка, субсидии и научные исследования, а регулярный мониторинг позволит отслеживать эффективность работы полос, а международное сотрудничество и обмен опытом помогут внедрить лучшие практики. Реализация программы повысит их экологическую и экономическую ценность, способствуя устойчивому развитию сельскохозяйственных регионов и поддержанию экосистем.

Лесозащитные полосы представляют собой многофункциональные элементы агроландшафтов, которые играют важную роль в защите почв, улучшении водного режима, создании микроклимата и повышении сельскохозяйственной продуктивности. Их значимость выходит за рамки первоначальной цели, и они являются важным инструментом в обеспечении устойчивого развития сельских территорий и природных экосистем. В условиях современных вызовов, таких как изменение климата, деградация почв и увеличение сельскохозяйственных нагрузок, роль лесозащитных полос становится все более актуальной как для государства, так и для населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кобечинская В. Г. Опыт лесоразведения в Крыму: от прошлого к настоящему / В. Г. Кобечинская, О. Б. Ярош // Бюлл. «Использование и охрана природных ресурсов в России». – 2017. – № 2. – С. 22–27.
2. Нигматуллина Эльмира Фаатовна Правовой статус и режим использования лесополос // Имущественные отношения в РФ. 2023. №6 (261). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-i-rezhim-ispolzovaniya-lesopolos (дата обращения: 30.04.2025).
3. Поляков А. Ф. Полезащитные лесные полосы в степях Крыма / А. Ф. Поляков, Ю. В. Плуготарь // Научное обоснование основных направлений разви-

тия агропромышленного комплекса Крыма в условиях рыночной производства. Симферополь: Таврия. – 2005. – С. 281–287
4. Постановление Совета министров СССР и Центрального комитета ВКП(Б) от 20 октября 1948 Г. № 3960 // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. №3 (103). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/postanovlenie-soveta-ministrov-sssr-i-tsentralnogo-komiteta-vkp-b-ot-20-oktyabrya-1948-g-3960 (дата обращения: 30.04.2025).
5. Селищев Александр Сергеевич Опыт Китая по борьбе с опустыниванием и озеленению страны: история, итоги и перспективы: ИСТОРИЯ, ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ // Российско-китайские исследования. 2021. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-kitaya-po-borbe-s-opustynivaniem-i-ozeleneniyu-strany-istoriya-itogi-i-perspektivy (дата обращения: 30.04.2025)
6. Aparna Howlader, Determinants and consequences of large-scale tree plantation projects: Evidence from the Great Plains Shelterbelt Project, Land Use Policy, Volume 132, 2023,
7. D Tilman, C L Lehman, P Karieva Spatial Ecology: The Role of Space in Population Dynamics and Interspecific Interactions, eds D Tilman, P Kareiva (Princeton Univ. Press, Princeton, NJ), pp. 3–20 (1997).
8. Gonzalo Hernán Camba Sans, Santiago Ramón Verón, José María Paruelo, Forest strips increase connectivity and modify forests' functioning in a deforestation hotspot, Journal of Environmental Management, Volume 290, 2021

УДК 316.4.066

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ В «ОБЩЕСТВЕ РИСКА»

SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT AS A FACTOR OF TRANSFORMATION IN THE «RISK SOCIETY»

Шешукова Алина Дмитриевна
студент 3 курса очной формы обучения философского факультета, бакалавриат Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент ***Е.Б.Зыщик***
Sheshukova Alina Dmitrievna
3d year full-time student of the Department of Philosophy bachelor's degree of V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. Работа посвящена анализу концепций «общества риска» Ульриха Бека и Энтони Гидденса. Автор тезисов проводит научно-исследовательский анализ, рассматривая научно-техническое развитие как фактор трансформации в «обществе риска», которых проявляется в достижениях науки, техники и технологий. Для выявления основных характеристик «общества риска» и ключевых факторов, влияющих на трансформацию данного типа общества, в тезисах используются такие методы научного познания, как анализ, систематизация и интерпретация научных текстов.

Annotation. The work is devoted to the analysis of the concepts of "risk society" by Ulrich Beck and Anthony Giddens. The author of the theses conducts a research analysis, considering scientific and technological development as a factor of transformation in the "risk society", which is manifested in the achievements of science, technic and technology. To identify the main characteristics of the "risk society" and the key factors influencing the transformation of this type of society, the theses use such methods of scientific knowledge as analysis, systematization and interpretation of scientific texts.

Ключевые слова: модерн, постмодерн, общество риска, наука, техника
Keywords: modern, postmodern, risk society, science, technology

Мы живем в «обществе риска» и сталкиваемся с различными проявлениями его проблем в современной повседневной жизни. Данная концепция была впервые разработана немецким социологом и философом политики Ульрихом Беком (1994-2015) в 1986 году в его работе под названием «Общество риска. На пути к другому модерну». В условиях развития науки, техники и технологий происходит рост рисков, и возникают новые угрозы для человечества. Данные процессы влияют на трансформацию «общества риска».

Проблема взаимосвязи между наукой, техникой и технологиями и формированием «общества риска» является одной из наиболее важных проблем в области современной социологии, социальной философии и других гуманитарных наук. Данный вопрос затрагивает важные аспекты для понимания того, как устроено современное общество. Проблема преобразования «общества риска» в результате различных факторов связана с вопросом о человеческом существовании и затрагивает все сферы жизни общества (культурную, социальную, экономическую и политическую). Без понимания того, как развитие науки, техники и технологий влияет на возникновение новых рисков, исследование современного состояния общества, на мой взгляд, просто невозможно.

Проблема трансформации «общества риска» под влиянием различных факторов заключается в осмыслении понятия «общество риска» и объяснении того, как именно развитие науки, техники и технологий влияет на современное общество, и какие конкретные новые риски при этом формируются.

Целью исследования является анализ проблемы того, как наука, техника и технологии трансформируют «общество риска», путем рассмотрения концепций Ульриха Бека и Энтони Гидденса, а также рассмотрения влияния на современное общество различных факторов трансформации; а также выявление принципов формирования новых рисков под влиянием науки, техники и технологий.

На наш взгляд, необходимо начать рассмотрение данного вопроса с концепции Ульриха Бека и выяснить, что социолог подразумевал под понятием «общества риска». «Общество риска. На пути к другому модерну». Данное понятие описывает состояние «позднего модерна», которое, согласно автору, характерно для конца XX – начала XXI веков и связано с возрастанием влияния риска на социальную реальность в условиях глобализации. Поздний модерн является современным состоянием общества, которое характеризуется усилением влияния международных, глобальных организаций институционализации.

Основные тезисы Ульриха Бека связаны с описанием самого «общества риска», а также с явлением «рефлективности модернизации» и исследованием изменений и трансформаций в политической сфере под влиянием формирования новых рисков в обществе. Ульрих Бек связывает появление и формирование «общества риска» с существованием некоторого «раскола» внутри индустриального общества. Суть этого раскола заключается в том, что возникновение угроз и рисков теперь обусловлено не только внешними обстоятельствами, а также порождается и самим обществом.

Если говорить о понятии рефлексивной модернизации, автор отмечает следующее: «В рефлексивности модернизационных процессов производительные силы утратили свою невинность» [1, с. 7]. Ульрих Бек также утверждает в своей работе: «…в проект индустриального общества на раз-

ных уровнях, например, в схему «классов», «небольшой семьи», «профессиональной работы», в понятия «науки», «прогресса», «демократии», – встроены элементы индустриально-имманентного традиционализма, основы которых становятся хрупкими и аннулируются в рефлексивности модернизаций» [1, с. 7].

Концепцию «общество риска», которую предложил Ульрих Бек, стали развивать и другие известные, выдающиеся социальные философы и социологи. Важный вклад в развитие данной концепции внесен английским профессором Энтони Гидденсом (1938). Социолог представил собственную модель «общества риска».

Для Энтони Гидденса понятие «общество риска» и процесс возникновения новых рисков тесно связаны с явлением глобализации и понятием «ускользающий мир». Исследователь под метафорой «ускользающего мира» подразумевает современное состояние общества, в котором многие процессы становятся неподвластны человеческому контролю и, как бы «ускользают из рук». Для такого мира характерна быстрая изменчивость. В процессе глобализации постоянно происходят различные перемены, что затрудняет управление рисками.

Научные исследования, которые связаны с выявлениями новых видов рисков и угроз, зачастую могут приходить к противоречивым результатам. В отношении одного и того же риска разные исследователи будут выявлять совершенно разные результаты о степени вреда, который он может нанести обществу, также будут выделяться совершенно разные виды возможных последствий. Это означает, что ни одному источнику в полной мере невозможно доверять в современных условиях, потому что не существует действительно экспертных систем, которые могли бы предоставлять точную информацию, в достоверности которой не возникало бы сомнений. Также следует отметить, что не следует полностью доверять используемым технологиям, ведь они также могут носить в себе скрытые риски.

Если говорить о неоднозначности прогнозируемых учеными рисков, то можно привести в пример рассуждение, которое Гидденс пишет в своей книге «Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь». Эта мысль звучит следующим образом: «…Посмотрим на ситуацию с глобальными климатическими изменениями. Большинство ученых, хорошо разбирающихся в этой проблеме, считают, что глобальное потепление действительно имеет место и что нужно безотлагательно принимать меры. Однако еще в середине 1970-х гг. общепринятой точкой зрения считалось то, что мир переживает этап глобального похолодания. Во многом те же данные, что приводились в поддержку гипотезы глобального похолодания, сегодня преподносятся как доказательства глобального потепления…» [2, с. 47]

Энтони Гидденс также выявил парадокс, который заключается в том, что люди не способны говорить о будущем с такой же уверенностью, с какой они рассуждают о настоящем. Этот парадокс был назван «парадоксом Гидденса». Он показывает, что общество находится в неведении о последствиях рисков, которые порождаются в процессе развития техники.

Согласно Энтони Гидденсу и Ульриху Беку, основными характеристиками общества риска являются неопределенность, незащищенность от рисков вплоть до возникновения катастроф техногенного характера под влиянием человеческого и технического факторов в условиях автоматизации производства и усиления интеграционных связей под влиянием глобализации. Также это может быть быстрая и постоянная изменчивость современного мира, отсутствие гарантии безопасности, глобальный характер рисков и угроз.

Наука, техника и технологии в условиях современного мира выступают в качестве факторов трансформации «общества риска». Трансформация в данном случае означает преобразование общества, которое происходит в результате влияния науки, техники и технологий. Трансформация означает также изменение структур в обществе, а также важных его составляющих, то есть социальных институтов. Таким образом, называя науку, технику и технологии факторами трансформации общества, мы подразумеваем (предполагаем), что они могут не только способствуют улучшению жизни общества, но также и создают новые проблемы, а именно риски и угрозы.

В индустриальном обществе, согласно Беку, наука официально закрепила свой статус. Наукой в современном понимании принято считать один из наиболее высоких способов познания окружающего мира, признаками которого является объективное описание реальности, совокупность упорядоченных и систематизированных знаний, а также строгие и фиксированные определения понятий. В результате научно-технического развития общество само создает новые риски. Е. Н. Немеров говорит по этому поводу следующее: «Специфика существования современного общества характеризуется тем, что оно само постоянно генерирует риски в результате научно-технического совершенствования. Следствием этого являются кризисные явления, связанные с тем, что осознается утопичность стремления к достижению общественного блага с помощью техники и науки» [4]. С другой стороны, наука способствует получению новых знаний о рисках, что может помочь в их предотвращении.

В современном обществе высоко ценятся достижения науки. Все больше внимания уделяется междисциплинарным исследованиям, для которых характерна взаимосвязь между естественными и социальными науками. В современном мире социально-политические решения, а также решения вопросов в сфере экономики не могут обойтись без достаточных научных знаний. Наука в «обществе риска» является не только

средством объективного познания закономерностей, согласно которым функционируют различные процессы и явления окружающей нас действительности, но и инструментом для решения актуальных вызовов, стоящих перед человечеством. Тем не менее, в науке все еще не выработаны инструменты предотвращения новых рисков. Современная наука далеко не всегда способна противостоять новым угрозам в «обществе риска».

Также следует отметить, что в стремлении к фундаментальности и объективности наука может игнорировать детали, которые реально приводят к рискам. Стремление к обобщению может негативно сказываться на обнаружении новых рисков. Некоторые угрозы могут ошибочно казаться незначительными, и в результате игнорирования таких деталей может произойти накопление рисков, что в дальнейшем еще более утяжелит последствия.

Наука и технологии оказывают большое влияние на развитие общества. Во многом использование технологий связывается с построением дальнейшего будущего. Научно-технологическое развитие является важной составляющей изменений в современном социуме. Это развитие представляет собой выявление новых научных знаний с целью применения их в создании новых технологий, меняющих экономическое и социальное устройство общества. Технологии являются важными инструментами в повседневной жизни людей. На сегодняшний день использование технологий во многом связывается с построением дальнейшего будущего, поскольку научно-технологический прогресс подразумевает качественные изменения в различных аспектах жизни общества и высокотехнологичные достижения в создании товаров и услуг. В целом, научно-технологическое развитие реализуется в результатах научного, технического и технологического прогресса.

Интересные размышления по поводу разработки высоких технологий и научно технологического развития приводятся в статье Екатерины Борисовны Ильянович «Наука и техника на горизонте четвертой технологической революции современной техногенной цивилизации: «Начавшийся еще в прошлом столетии процесс замены традиционных («низких») технологий высокими в рамках научно-технической революции привел к появлению наукоемких производств (в области биотехнологий, нанотехнологий, генной инженерии, космических и оборонных технологий и пр.) и способствовал тому, что научное знание стремительно расширило свое мировоззренческое значение... Сегодня «большая наука» напрямую связана с производством и жизнью общества и является эффективным средством решения различных социально-экономических проблем» [3, с. 102].

Если наука, в современном понимании этого термина, сформировалась относительно недавно (период Нового времени), то техника и тех-

нологии имеют довольно старое происхождение: они существуют с древнейших времен. Появление техники было обусловлено необходимостью совершенствования примитивных орудий труда с целью преобразования природы, то есть овладения ей для удовлетворения различных человеческих потребностей. Человек, таким образом, стремился овладеть природой для создания необходимых для жизни благ. С появлением техники был запущен процесс технического (технологического) прогресса, который в итоге стал значительным фактором трансформации общества как такового.

Техника и технологии являются частью человеческой культуры. Они всегда погружены в социокультурный контекст. Технологией мы называем способ или процесс изготовления (приготовления, создания) чего-либо, какого-то определенного продукта. Технический и технологический прогресс оказывают определенное влияние на общество, вызывая изменения и преобразования в социальной жизни.

Развитие техники и технологий привело изменениям в сфере труда и работы, а также повлияло на появление новых норм коммуникации. Процесс развития технологий в современном мире стремительно ускоряется, а это означает, что также быстро происходят и изменения в обществе. В последние десятилетия развитие технологий действительно изменило жизнь людей.

Одной из характеристик современного мира являются быстрые изменения, которые люди зачастую даже не успевают осмыслить. С развитием техники и технологий у человечества появляются новые риски, с которыми мы можем сталкиваться в повседневной жизни, осознавая или не осознавая их. Это могут быть экологические риски, которые тесно связаны с состоянием здоровья, некоторые экономические риски, в том числе сокращение рабочих мест в результате автоматизации промышленных процессов.

Технологии усиливают различные процессы и изменения, происходящие в обществе, что влияет на увеличение рисков для незащищенных слоев населения. Так, например, автоматизация и роботизация приводят к изменениям на рынке труда. На производствах все чаще техника стала заменять труд рабочих, из-за чего люди рискуют потерять свою занятость. Так, развитие техники приводит к вытеснению различных человеческих профессий, и люди рискуют остаться без работы. Утрата рабочих мест приводит к сокращениям рабочих мест не только на производстве, но и в сфере услуг.

Таким образом, в «обществе риска» усиливается отсутствие безопасности, надежности и защищенности в техногенном мире. Важнейшей проблемой современного общества является невозможность контролировать новые непредсказуемые риски, которые возникают в результате развития технологий, которые были созданы людьми для того, чтобы помогать обеспечивать более комфортную жизнь. На мой взгляд, при разра-

ботке новых технологий важно внимательно взвешивать все возможные риски, прежде чем принимать решение об их создании и внедрении в повседневное использование.

Также следует отметить, что в современном обществе существует тенденция не только количественного увеличения рисков, но и усложнения их структуры. Это повышает необходимость в детальном научном анализе рисков и разработке их предотвращения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек, У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с. – Пер. изд.: Beck U. Risikogesellschaft. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986.
2. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 120 с.3. Ильянович, Е. Б. Наука и техника на горизонте четвертой технологической революции современной техногенной цивилизации / Е.Б. Ильянович // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2021. – №4. – С. 100-110.
4. Немеров, Е. Н. Трансформация роли науки в обществе риска / Е.Н. Немеров // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 2018. – №2. [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-roli-nauki-v-obschestve-riska (дата обращения: 02.04.2025).

УДК 621.373.826+008

ЛАЗЕР: ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ОДНОГО ОТКРЫТИЯ

LASER: THE HISTORY AND PHILOSOPHY OF ONE DISCOVERY

Максимов Дмитрий Викторович
аспирант направления специальности 1.3.8 «Физика конденсированного состояния» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Maksimov Dmitry Viktorovich
Postgraduate student direction of speciality 1.3.8 «Condensed matter physics», V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В статье рассматриваются история и философия открытия лазера, прогнозы развития данной технологии. Раскрываются ожидания ученых и фантастов, реальные достижения лазерных технологий, их влияние на науку и культуру.

Abstract. The article deals with the history and philosophy of laser discovery, forecasts of this technology development. The expectations of scientists and fantasists, real achievements of laser technologies, their impact on science and culture are revealed.

Ключевые слова: лазер, лазерные технологии, история лазеров.

Keywords: laser, laser technology, history of lasers.

Созданный на основе квантовых теорий и инженерных решений, лазер сегодня, словно персонаж древних легенд, обладающий невиданной силой, без труда разрезает прочный металл и выполняет глазные хирургические операции, передает данные объемом в гигабайты и создает узоры на тёмном небе. Однако его главное достоинство – отображение нашего эпохального парадокса. Мы изобрели инструмент, который с одной стороны подталкивает нас к идеалам утопии, а с другой указывает на непрочность самой концепции прогресса.

Зарождение истории лазерной технологии можно сравнить с захватывающей интеллектуальной игрой умов выдающихся ученых. В начале двадцатого века, а именно в 1917 году, Альберт Эйнштейн, погруженный в глубины размышлений о термодинамике фотонов, предложил концепцию вынужденного излучения [1]. Это был процесс, при котором атом, находящийся в возбужденном состоянии, излучает свет, словно подхватывая волну энергии от своего соседа. Эта идея, несмотря на свою теоретическую природу и математическую абстрактность, уже тогда несла в себе зерно чего-то значительного, словно предвещала появление особого порядка, который скрыт в недрах хаотичного мира.

Прошло несколько десятилетий, и ученые середины двадцатого столетия, среди которых были такие выдающиеся личности, как Чарльз Таунс и Андрей Сахаров, смогли превратить этой теоретической концепции

практическое применение, создав сначала мазер, а затем и лазер [2]. Однако, когда в 1960-х годах на свет появились первые лазеры, они вызвали среди научного сообщества и широкой публики чувство недоумения и ироничные комментарии. Скептики задавались вопросом: для чего они нужны? Но, как это часто бывает в истории науки и техники, истинная ценность и потенциал таких открытий, как пар, электричество или транзистор, раскрываются не сразу. Они становятся неотъемлемой частью повседневной жизни человечества, когда их функции и возможности начинают активно использоваться в самых различных сферах.

К 1985 году, когда Лев Тарасов работал над своим трудом «Лазеры. Действительность и надежды» [3], ученые уже успели превратить лазерные технологии из абстрактных идей в реальные устройства. Его работа представляет собой анализ пути, который прошел лазер от теоретических исследований до массового производства. Л. Тарасов рассказывал о лазерной сварке и голографии, о военных проектах, где лазерный луч должен был стать защитным экраном от межконтинентальных ракет, и о термоядерном синтезе, который обещал бесконечный источник энергии. Однако, прочитав сегодня его труд, невольно замечаешь, что некоторые его прогнозы оказались неверными, хотя многие другие уже стали реальностью, а концепция «лазерного автомобиля» остается лишь мечтой. Тарасов воспринимал лазер не просто как инструмент, а как олицетворение эпохи, заявляя: «Мы учим свет работать», и в этом заключается отсылка к древнегреческому мифу о Прометее, который похитил огонь у богов для людей [4].

Однако, как известно, огонь может служить и для обогрева, и для разрушения. Сравнивая ожидания 1980-х с реальностью, можно понять, что лазер стал зеркалом, в котором отразились наши страхи и надежды. Военные мечтали о лазерных пушках, но вместо них получили системы наведения, превращающие войну в видеоигру – холодную, точную, лишенную ярости ближнего боя. Медики же, напротив, превзошли фантазии: лазерный скальпель, некогда казавшийся фантастикой, сегодня режет опухоли с ювелирной точностью, а лазерная коррекция зрения восхищает своими результатами.

Культурные образы, словно чувствительный сейсмограф, заблаговременно зафиксировали эту двойственность, задолго до того, как ученые осознали ее. В 1927 году Алексей Толстой в своем произведении «Гиперболоид инженера Гарина» рассказал о луче, способном разрезать земную твердь, как символическое воплощение безграничной власти [5]. Его персонаж, поглощенный стремлением к величию, напоминает доктора Фауста, который отдал свою душу за знания. В то время как Фауст платит за свое желание адским страданием, Гарин же страдает от одиночества: технология, которая дарит ему силу, отгораживает его от общества. Эта

идея была продолжена в «Звёздных войнах», где световые мечи джедаев являются не просто оружием, а символом духовного самообладания. Лукас, не осознавая этого, приблизился к истине: настоящие лазеры редко причиняют смерть, но идеальны для созидания. Голограммы, 3D-печать, квантовая связь – здесь луч используется как инструмент для созидания, а не для разрушения.

Фильм «Трон» (1982) доводит эту идею до абсурда, перенося нас в цифровую вселенную, где люди становятся программами, а лазерные диски – порталами в иное измерение. Это кино, снятое за годы до расцвета Интернета, кажется пророческим: мы действительно живем в мире, где свет передает информацию, а виртуальность конкурирует с реальностью. Но в «Троне» есть и более глубокая мысль. Когда герой сражается на световых мотоциклах, оставляющих за собой стены из лучей, он не просто играет – он строит лабиринт, где каждая линия является результатом выбора. Лазер здесь становится метафорой свободы воли: мы проектируем реальность, но обязаны жить внутри собственных конструкций.

В наше время, когда квантовые вычислительные машины опираются на лазеры для управления кубитами, и нейроинтерфейсы осваивают искусство распознавания мыслей через световые импульсы, мы на пороге фантастических достижений, о которых только могли мечтать писатели-фантасты. Однако здесь возникает серьезный вопрос: не повторяем ли мы ошибки инженера Гарина, играя с энергиями, как феноменами, которые мы еще не полностью осмыслили? Философы, начиная от Хайдеггера и заканчивая Бодрийяром, предупреждали нас: технология не является просто инструментом, она изменяет саму природу бытия. Так, лазер переосмыслил наше понимание времени. Микроскопические фемтосекундные импульсы, продолжающиеся миллионные доли секунды, открыли нам возможность наблюдать за движением электронов внутри молекул – процессы, которые прежде казались недостижимыми для наших измерений. Мы смогли заглянуть в сам процесс формирования и распада химических связей, словно заглядывая в глубины творческого процесса Бога. Но чем глубже мы проникаем в материю, тем острее становится экзистенциальный диссонанс: наш разум, эволюционировавший для охоты на антилоп и разведения костров, вынужден иметь дело с квантовой запутанностью и нелокальностью.

Лазер, возможно, лучше любой другой технологии иллюстрирует разрыв между научной картиной мира и обыденным сознанием. Для физика луч – это когерентные фотоны, подчиняющиеся уравнениям Максвелла. Для хирурга – точный инструмент, продлевающий жизнь. Для подростка с лазерной указкой – игрушка, а для солдата – часть системы ПВО. Но ни одна из этих ролей не исчерпывает его сути. Лазер – это мост между мирами: между квантовым и макроскопическим, между теорией и практикой, между человеческим и машинным.

Но есть и обратная сторона. Культура, воспевающая технологии, часто забывает, что за каждым лучом стоит труд тысяч людей – ученых, инженеров, техников, рабочих, добывающих редкоземельные металлы для лазерных компонентов. Мы видим сверкающие голограммы, но не замечаем шахт в Конго, где добывают кобальт; восхищаемся точностью лазерной резки, но не думаем о том, что та же технология штампует детали для беспилотников. Это не упрек, а напоминание: свет лазера, как и свет разума, не бывает абсолютно чистым. В нем всегда есть примесь тьмы – неведения, алчности, страха.

И все же хочется верить, что лазер – это не просто символ, а проводник в новую эру. Когда мы смотрим на эксперименты с квантовой телепортацией, где фотоны переносят информацию через пространство, или на проекты лазерного термояда, способного подарить человечеству неиссякаемую энергию, хочется думать, что мы учимся не только управлять светом, но и нести ответственность за него [6]. В конце концов, именно об этом писал Платон в мифе о пещере: прозрение приходит не тогда, когда мы видим тени, а когда осмеливаемся повернуться к источнику света [7].

Лазер, как и все великие технологии, ставит перед нами зеркало. В нем отражается и инженер Гарин с его гиперболоидом, и хирург, спасающий ребенка, и подросток, запускающий дрон с лазерным целеуказателем. Возможно, истинный смысл лазера в том, чтобы напомнить нам: свет – это не только физическое явление, это еще и метафора знания.

Сегодня, спустя полвека после изобретения лазера, мы стоим на пороге новых открытий: квантовые сети, фотонный мозг, искусственные звезды в термоядерных реакторах. Но важнее всего даже не они, а тот факт, что мы начинаем осознавать – технология не заменяет этику, а делает ее важнее. Лазер, этот «свет из ничего», учит нас скромности: мы можем управлять отдельными фотонами, но по-прежнему не знаем, как управлять собой. И пока луч режет сталь, а ученые спорят о будущем искусственного интеллекта, нам стоит помнить старую истину: самый сложный объект во Вселенной – не квантовый компьютер, а человеческая душа. И ее не прошьешь лазером, не исправишь алгоритмом. Ее можно только пытаться понять – с тем же терпением, с каким физики сорок лет шли от теории Эйнштейна к первому рубиновому лучу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эйнштейн А. Собрание научных трудов: в 4 т. Т. 3 / А. Эйнштейн; под ред. И.Е. Тамма. – М.: Наука, 1966. – С. 145–152.
2. Таунс Ч. Как был создан лазер: автобиографические заметки / Ч. Таунс. – М.: Мир, 1980. – 120 с.
3. Тарасов Л.В. Лазеры: действительность и надежды / Л.В. Тарасов. – М.: Наука, 1983. – 208 с.
4. Гесиод. Теогония. Труды и дни / Гесиод; пер. с др.-греч. В.В. Вересаева. – М.: Ладомир, 2015. – 192 с.
5. Толстой А.Н. Гиперболоид инженера Гарина: роман / А.Н. Толстой. – М.: Эксмо, 2019. – 320 с.
6. Бор Н. Философские труды о квантовой механике / Н. Бор; пер. с англ. А.А. Петрова. – М.: URSS, 2012. – 304 с.
7. Платон. Государство / Платон; пер. с др.-греч. С.Я. Лурье. – СПб.: Азбука-Классика, 2017. – 480 с.

УДК 330.16:316.3

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА КАК МОДЕЛЬ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРСПЕКТИВ НАУКИ

BEHAVIORAL ECONOMICS AS A MODEL FOR ANALYSIS OF SOCIAL PERSPECTIVES OF SCIENCE

Стёпочкин Артём Андреевич
аспирант кафедры экономической теории, научная специальность 5.2.1 Экономическая теория «Института экономики и управления» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Stepochkin Artem Andreevich
postgraduate student of Departments of Economic Theory, scientific specialty 5.2.1 Economic theory «Institute of Economics and Management»
of V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В данном эссе рассматриваются социальные последствия научно–технического прогресса через призму поведенческой экономики. Исследование посвящено разработке методологии оценки влияния новых технологий на общество, учитывающей как объективные экономические факторы, так и субъективные особенности человеческого поведения. Особое внимание уделяется анализу когнитивных искажений, социальных механизмов влияния и культурно–исторического контекста восприятия инноваций. Показана необходимость междисциплинарного подхода для понимания взаимодействия общества и технологий. Предложены практические рекомендации по управлению социальными эффектами научно–технического прогресса.

Abstract. This essay examines the social consequences of scientific and technological progress through the lens of behavioral economics. The research is devoted to the development of a methodology for assessing the impact of new technologies on society, taking into account both objective economic factors and subjective features of human behavior. Special attention is paid to the analysis of cognitive distortions, social mechanisms of influence, and the cultural and historical context of innovation perception. The necessity of an interdisciplinary approach to understanding the interaction of society and technology is shown. Practical recommendations on managing the social effects of scientific and technological progress are proposed.

Ключевые слова: поведенческая экономика, научно–технический прогресс, социальные последствия, инновации, когнитивные искажения, междисциплинарный подход.

Keywords: behavioral economics, scientific and technological progress, social consequences, innovations, cognitive distortions, interdisciplinary approach.

Введение

Проблема оценки социальных последствий научно – технического прогресса становится особенно актуальной в эпоху цифровой трансформации. Традиционные экономические модели не учитывают сложности человеческого поведения при взаимодействии с новыми технологиями. Целью исследования является разработка методологии применения поведенческой экономики для комплексной оценки социальных эффектов от внедрения научных достижений. Развитие поведенческой экономики имеет глубокие философские корни, уходящие в античную мысль. Еще Аристотель рассматривал экономическую деятельность через призму этических категорий, что предвосхитило современные дискуссии о социальной ответственности бизнеса [1]. Формирование поведенческой экономики как самостоятельного направления началось с работ Даниэля Бернулли в XVIII веке, где он впервые предложил концепцию ожидаемой полезности [2].

Основные принципы поведенческой экономики.

Поведенческая экономика базируется на нескольких ключевых философских принципах. 1. Ограниченная рациональность: люди не могут обработать всю доступную информацию и часто используют упрощенные стратегии принятия решений. 2. Эффект владения: люди склонны переоценивать то, чем уже владеют. Данное явление можно интерпретировать через призму экзистенциальной философии как проявление привязанности к собственному бытию. 3. Когнитивные искажения: систематические ошибки в мышлении, влияющие на восприятие и принятие решений. Они демонстрируют диалектику между рациональным и иррациональным в человеческом поведении. 4. Влияние контекста: решения зависят от способа представления информации. Это подтверждает постмодернистскую идею о зависимости истины от контекста ее интерпретации.

Применение поведенческой экономики для анализа социальных последствий научного прогресса имеет глубокое философское значение:

1. Этический аспект: оценка последствий технологий; учет общественных интересов; баланс между инновациями и традициями.

2. Эпистемологическое измерение: природа научного знания; роль субъективного фактора; проблема интерпретации данных.

3. Антропологическая перспектива: влияние технологий на человека; трансформация человеческой природы; социальные изменения.

4. Онтологическая основа: природа реальности в цифровую эпоху; сущность технологического развития; будущее человечества.

Поведенческая экономика представляет собой междисциплинарное направление, органично сочетающее элементы экономической теории, психологии и философии.

Анализ восприятия новых технологий.

При оценке новых научных достижений часто возникают непредвиденные когнитивные ловушки. При анализе восприятия новых техноло-

гий важно понимать несколько ключевых моментов. Во-первых, существует так называемый «эффект якоря» – когда первое впечатление или информация сильно влияют на дальнейшее восприятие. Во-вторых, многие люди демонстрируют «иллюзию знания» – они думают, что понимают, как работают современные технологии, хотя на самом деле имеют лишь поверхностное представление. Не стоит забывать и про немаловажные социальные факторы восприятия научных инноваций. Взгляды на технологии формируются под влиянием следующих закономерностей: групповое мышление; влияние авторитетов; медийное воздействие. Анализ восприятия научных инноваций наглядно демонстрирует сложность взаимодействия новых технологий с человеческим сознанием и обществом.

Рекомендации по управлению социальными последствиями.

Новое всегда воспринимается через призму старого, поэтому при разработке стратегий коммуникации важно учитывать несколько ключевых моментов. Контекстуализация: нельзя просто сказать «это новая технология». Нужно объяснить, как она соотносится с уже существующими знаниями и опытом людей. Историчность восприятия: люди лучше понимают новое, когда видят его место в историческом развитии. Ценностная составляющая: каждая технология должна быть представлена не только как набор функций, но и как нечто, несущее определённые ценности.

Для того чтобы новые технологии действительно служили обществу, а не создавали дополнительные проблемы, необходимо использовать комплексный подход, тут на помощь приходит модель минимизации негативных социальных эффектов:

1. Превентивные меры: образовательные программы; информационные кампании; создание экспертных групп.

2. Компенсационные механизмы: программы переквалификации; социальная поддержка; Развитие новых профессиональных навыков.

3. Регуляторные инструменты: этические кодексы; правовые нормы; системы сертификации.

4. Этические принципы регулирования: принцип предосторожности; принцип прозрачности; принцип социальной ответственности.

Особое внимание следует уделить тому, как технологии влияют на человеческие ценности и мировоззрение. Ведь каждая новая технология не просто меняет способ действия, но и трансформирует саму картину мира человека. Например, появление смартфонов не только изменило способ общения, но и повлияло на восприятие времени и пространства. Люди стали жить в режиме постоянной доступности. Хочется отметить, что управление социальными последствиями научного прогресса – это не просто техническая задача, а глубоко философская проблема. Она требует не только знания технологий, но и понимания человеческой природы,

культурных особенностей и исторического контекста. Только такой комплексный подход позволит сделать научно–технический прогресс действительно полезным для общества. Когда мы говорим о том, как наука меняет общество, важно понимать: нельзя рассматривать этот процесс только с одной точки зрения.

Разные науки дополняют друг друга. Возьмем нейронауки и экономику – их соединение дало рождение новому направлению под названием нейроэкономика. Она помогает понять, как именно работает наш мозг, когда мы принимаем решения о новых технологиях. На практике все оказывается сложнее, чем в теории. Например, когда компания Google открыла свои патенты на технологии искусственного интеллекта для всех желающих, это был не просто щедрый жест. За этим стоял глубокий философский смысл: ускорить развитие искусственного интеллекта ради блага всего человечества. Подобные примеры показывают, что успешное внедрение новых технологий требует учета множества факторов, таких как понимание психологии потребителей, учет культурных особенностей разных стран, оценка экономической эффективности, анализ возможных социальных последствий. При этом важно помнить: нет универсального рецепта успеха. То, что работает в одной ситуации, может полностью провалиться в другой.

Заглядывая в будущее, можно выделить несколько важных направлений:

1. Искусственный интеллект и этика. Как обеспечить безопасность ИИ? Где граница между автоматизацией и безработицей? Кто несет ответственность за действия ИИ?

2. Биотехнологии и генная инженерия. Можно ли изменять природу человека? Где проходит грань между лечением и улучшением? Как защитить генетическую информацию?

3. Виртуальная реальность и метавселенные. Как сохранить человечность в виртуальном мире? Где граница между личной жизнью и цифровым присутствием?

Эти вопросы требуют разностороннего подхода и постоянного диалога между учеными, политиками и обществом.

Выводы. Анализ социальных последствий научного прогресса через призму поведенческой экономики позволяет получить более полное представление о том, как новые технологии влияют на общество. Главный вывод состоит в том, что нельзя рассматривать научно–технический прогресс только с технической или экономической точки зрения – необходимо учитывать сложную природу человеческого поведения и принятия решений.

Перспективы дальнейших исследований могут включают:

1. Более глубокое изучение когнитивных механизмов восприятия технологий.

2. Разработку новых методов прогнозирования социальных последствий.

3. Создание эффективных моделей коммуникации научных достижений.

4. Формирование системы этических принципов регулирования технологий.

Только такой комплексный подход позволит сделать научно–технический прогресс действительно служащим интересам всего общества, сохраняя при этом человеческую сущность и основные ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения в 4-х томах. – М.: АН СССР, 1984. Т. 4.
2. Drouvelis M. Social Preferences: An Introduction to Behavioural Economics and Experimental Research. Agenda Publishing, 2021. 224 p.

УДК 17.022(045):65.012:658.5

АНТРОПОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ДИКИХ ЖИВОТНЫХ И ЭКОСИСТЕМЫ

ANTHROPOGENIC FACTORS AND THEIR IMPACT ON WILD ANIMALS AND ECOSYSTEMS

Артамин Александр Павлович
аспирант «Агротехнологической академии» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Artamin Alexander Pavlovich
postgraduate student of «Agrotechnological Academy» of V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. Исследование рассматривает сложные взаимосвязи между антропогенными факторами и их влиянием на диких животных и экосистемы. На примерах показано, как незначительное воздействие человеческой деятельности может приводить к значительным и непредсказуемым последствиям для биоразнообразия. Анализируются ключевые факторы, такие как одомашнивание, распространение инвазивных видов, патогенов и генетическая инженерия, которые оказывают длительное влияние на экосистемы. Обоснована необходимость более глубокого понимания антропогенных факторов для оценки их воздействия на природу и сохранения биоразнообразия.

Abstract. The study examines the complex relationships between anthropogenic factors and their impact on wild animals and ecosystems. It illustrates how even minor human activities can lead to significant and unpredictable consequences for biodiversity. Key factors are analyzed, such as domestication, the spread of invasive species, pathogens, and genetic engineering, which have a lasting influence on ecosystems. The necessity for a deeper understanding of anthropogenic factors is justified in order to assess their impact on nature and preserve biodiversity.

Ключевые слова: антропогенные факторы, экосистемы, одомашнивание, инвазивные виды, генная инженерия, биологическое разнообразие, дикие животные

Keywords: anthropogenic factors, ecosystems, domestication, invasive species, genetic engineering, biodiversity, wild animals

Взаимоотношения природы и человечества сложны и многогранны. Даже незначительные действия могут приводить к исчезновению целых видов и перекраивать картину животного мира. О недостаточной разработке вопроса взаимоотношений человека с различными экосистемами и видами живых существ свидетельствует уже то, что к настоящему времени отсутствует достаточно полная и всеобъемлющая классификация антропогенных факторов, влияющих на экосистемы [1]. Среди многообразия антропогенных факторов есть те, действие которых отличает

сочетание относительно малой силы изначального воздействия и значительного, длительного влияния на виды диких животных и экосистемы. К таким относятся одомашнивание, распространение инвазивных видов, распространение патогенов и генетическая инженерия. Человеческая деятельность, связанная с этими факторами, может иметь глобальные, трудно прогнозируемые и контролируемые последствия, может вести к изменению экосистем и вымиранию различных видов живых существ.

Одомашнивание. Пожалуй, наиболее яркими примерами видов, испытавших на себе непосредственное и долговременное влияние деятельности людей, являются домашние животные. Известны примеры животных, в далёком прошлом одомашненных, а затем вернувшихся в дикую природу. Эти вторично одичавшие виды, неся на себе отпечаток человеческого влияния, оказывают заметное воздействие на экосистемы, куда интегрируются. Яркий тому пример австралийская собака Динго. Предки этих животных прибыли на континент вместе с людьми. Длительное время эти животные приспосабливались к новым для себя условиям и заняли свою экологическую нишу. Тем не менее, их генетическое наследие от домашних предков во многом определяет их поведение, иерархию и взаимодействие с местной фауной. В наши дни гибридизация динго с домашними собаками продолжает менять их облик [2]. Другим примером является лошадь Пржевальского. Она долгое время считались единственным и последним реликтовым видом диких лошадей. Недавние исследования показали наличие в геноме лошадей Пржевальского линий генов домашних лошадей, что свидетельствует о древнем эпизоде гибридизации. Даже такой яркий символ дикой природы несёт на себе глубокий след человеческого вмешательства. Остаётся лишь гадать, сколько подобных открытий ещё последует [3].

Инвазивные виды. Гораздо более разрушительным, трудно контролируемым и на первых порах незаметным оказывается влияние через распространение инвазивных видов. Животные и растения, попадая в среду, где лишены врагов и конкурентов, способны быстро размножаться, распространяться, захватывать экологические ниши, вытеснять местные виды, зачастую приводя к их полному исчезновению. Порой достаточно небольшой группы особей для запуска необратимого процесса. Согласно исследованию, тридцать видов инвазивных хищников-млекопитающих причастны к исчезновению или угрозе исчезновения 738 видов позвоночных, что составляет 58% всех случаев вымирания птиц, млекопитающих и рептилий. Кошки и рыжие лисицы привели к сокращению численности или вымиранию двух третей видов роющих млекопитающих Австралии за последние 200 лет. На Алеутском архипелаге хищничество песцов привело к превращению растительности из лугов в низкорослые кустарники и разнотравье. Грызуны связаны с вымиранием 75 видов,

кошки – с 63 случаями вымирания. Рыжие лисицы, собаки, свиньи и малые индийские мангусты связаны с 9-11 случаями вымирания. Особенно уязвима перед этой угрозой островная фауна в силу своей изолированности и уникальности. Непривычные к новым хищникам местные виды оказываются беззащитными перед угрозой, что приводит к быстрому сокращению их численности или даже полному исчезновению [4].

Распространение патогенов. Ещё одним фактором влияния человека на дикую природу, часто незаметным на первый взгляд, является распространение заразных болезней. Распространению патогенов, ранее ограниченных отдельными регионами, способствуют разрушение естественных сред обитания, изменение климата, развитие животноводства и торговля животными. Как результат, в критической ситуации оказываются виды, ранее не имевшие контакта с новыми патогенами и потому лишенные иммунитета к ним. Так произошло в случае распространения хитридомикоза – грибкового заболевания, поражающего земноводных. По одной из версий грибок распространился от африканской шпорцевой лягушки, использовавшейся во многих лабораториях начиная с 1930-х годов. Это заболевание может стать причиной наибольшей потери биоразнообразия за всю историю наблюдений. Batrachochytrium dendrobatidis, вызывающий хитридомикоз, за 30 лет привёл к катастрофическому снижению численности или полному вымиранию более 200 видов земноводных. Возбудитель обнаружен на всех континентах, где обитают земноводные. Хитридомикоз связан с серьёзным сокращением численности земноводных почти везде, где они обитают [5]. Этот пример, кроме масштабов, трагичен еще и тем, что земноводные – важное звено во многих экосистемах, оказались беззащитными перед болезнью, распространение которой, вероятно, связано с деятельностью человека.

Генетическая инженерия. На сегодняшний день, пожалуй, самым амбициозным и революционным способом влияния на дикую природу является генетическая инженерия. Технологии редактирования генома открывают новые возможности по модификации живых организмов. Горизонтальный перенос генетической информации между различными видами считался редким явлением в природе. Однако теперь искусственный горизонтальный перенос генов становится реальностью и способен оказать колоссальное влияние на различные виды живых существ. Потенциально эти технологии позволяют адаптировать виды к новым условиям, повышая их устойчивость, воскрешать вымершие виды, восстанавливая утраченное биоразнообразие, и создавать новые виды, сочетающие в себе черты различных организмов. Примером смелого эксперимента в этой области является проект по возрождению шерстистого мамонта компании Colossal Biosciences. В его рамках созданы генетически модифицированные мыши, в генотип которых введены отдельные копии генов шерстистых мамонтов. В результате мамонтовые мыши получили черты вымерших животных, включающие длину, структуру и густоту

шерстного покрова, особенности липидного обмена и некоторые другие, повышающие устойчивость к холоду [6]. Этот проект демонстрирует насколько далеко продвинулись современные технологии генетической инженерии и какое влияние они могут оказать на будущее дикой природы. Другим возможным направлением использования этой технологии является борьба с малярийными комарами путём введения в популяции генов, снижающих плодовитость и выживаемость насекомых. Эти подходы могут значительно сократить распространение трансмиссивных болезней, таких как малярия в районах, где ее лечение трудно организовать [7]. Однако перспектива влияния на генетический профиль целого вида живых организмов вызывает озабоченность. Очень трудно предсказать последствия удаления одного из звеньев экосистемы.

Таким образом, антропогенные факторы оказывают значительное влияние на экосистемы с потенциально разрушительными последствиями. Одомашнивание животных в прошлом отчасти сформировало современный облик некоторых дико живущих видов. Распространение инвазивных видов и патогенов привело к сокращению биологического разнообразия и изменению некоторых экологических систем. Прогресс в области генетической инженерии способен дать возможность создавать новые виды или избирательно уничтожать существующие. Бесконтрольное действие этих факторов, вероятно, приведёт к ещё большему сокращению биологического разнообразия. Необходимы дальнейшие междисциплинарные исследования для точного прогнозирования эффектов и поиска эффективных способов их коррекции. Развитие генетической инженерии потенциально способно привести к появлению технологий, способных избирательно локально уничтожать виды, угрожающие биологическому разнообразию отдельных экосистем, либо добавлять в экосистемы новые виды, оказывая на них корректирующее влияние. В то же время весьма велики связанные с этим риски, а потому необходима осторожность, контроль и прогнозирование последствий. Кажется вероятным что, опираясь на имеющиеся знания, возможно предотвратить катастрофы, подобные вышеописанным. Возможными решениями могут стать создание природоохранных зон и закрытых коллекций видов животных и растений как основы для восстановления диких популяций в будущем. Может потребоваться более тщательный контроль за перевозкой и содержанием в неволе экзотичных для конкретного региона видов животных. Необходим более обширный и тщательный мониторинг состояния и биоразнообразия природных биотопов, позволяющий отследить изменение численности аборигенных видов и появление интродуцированных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Classifying human influences on terrestrial ecosystems / M. C. Rillig, M. Ryo, A. Lehmann // Global Change Biology. 2021. – P. 1–6.
2. Who let the dogs in? A review of the recent genetic evidence for the introduction of the dingo to Australia and implications for the movement of people / M. A. Fillios, P. S.C. Taçon // Journal of Archaeological Science: Reports. 2016. – V.7 – P. 782-792.
3. Revisiting the origins of modern horses / C. Gaunitz, A. Fages, K. Hanghoj [and all] // Science. 2018. – V.360 – P. 111-114.
4. Invasive predators and global biodiversity loss / T. S. Doherty, A. S. Glen, D. G. Nimmo [and all] // PNAS. 2016. – V. 113 – P. 11261–11265.
5. Global emergence of Batrachochytrium dendrobatidis and amphibian chytridiomycosis in space, time, and host / M. P. Fisher, T. W. J. Garner, S. F. Walker// Annual Review of Microbiology. 2009. – V. 63 – P. 29 –310.
6. Multiplex-edited mice recapitulate woolly mammoth hair phenotypes / R.Chen, K. Srirattana, M. L. Coquelin [and all] // Preorint. 2025. – URL: https://www.biorxiv.org/content/10.1101/2025.03.03.641227v1.full (дата обращения: 01.05.2018).
7. Использование технологий геномного редактирования: достижения и перспективы / А.А. Мохов, А.А. Чапленко, А.Н. Яворский // Global Change Biology. 2019. № 15(2). – С. 34–42.

УДК 58

РОЖДЕНИЕ БОТАНИКИ КАК НАУКИ

THE BIRTH OF BOTANY AS A SCIENCE

Измаилов Эдем Темурович
аспирант кафедры ботаники и физиологии растений и биотехнологий Института биохимических технологий, экологии и фармации Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Ismailov Edem Timurovich
postgraduate student at the Department of Botany and Plant Physiology and Biotechnology at the Institute of Biochemical Technologies, Ecology and Pharmacy of V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. Статья посвящена истории становления ботаники как самостоятельной науки, начиная от её древних корней и заканчивая современными исследованиями в этой области. В ней рассматривается вклад античных философов в развитие первых систематизированных знаний о растениях, а также роль исламских учёных Средневековья в сохранении и облагораживании этих знаний. Обсуждается важность эпохи Возрождения, когда ботаника приобрела черты научной дисциплины благодаря работам Карла Линнея и развитию ботанических садов. В статье акцентируется внимание на современном понимании ботаники, которое охватывает молекулярную биологию, генетику и экологию, а также на актуальных исследованиях, направленных на сохранение биоразнообразия и противодействие климатическим изменениям. Статья подчеркивает значимость ботаники для медицины, сельского хозяйства и охраны окружающей среды, а также её роль в обеспечении устойчивого развития для будущих поколений.

Annotation. The article is devoted to the history of the formation of botany as an independent science, starting from its ancient roots and ending with modern research in this field. It examines the contribution of ancient philosophers such as Theophrastus and Aristotle to the development of the first systematic knowledge about plants, as well as the role of Islamic scholars of the Middle Ages in preserving and refining this knowledge. The importance of the Renaissance is discussed, when botany acquired the features of a scientific discipline thanks to the works of Carl Linnaeus and the development of botanical gardens. The article focuses on the modern understanding of botany, which covers molecular biology, genetics and ecology, as well as current research aimed at preserving biodiversity and countering climate change. The article highlights the importance of botany for medicine, agriculture and environmental protection, as well as its role in ensuring sustainable development for future generations.

Ключевые слова: ботаника, история науки, растения, систематика, сельское хозяйство.
Keywords: botany, history of science, plants, taxonomy, agriculture.

Ботаника – это наука, изучающая растения, их строение, функции, классификацию, распространение и взаимосвязи с окружающей средой. Возникновение ботаники как самостоятельной науки связано с потребностями общества и необходимостью систематизации знаний о растениях, которые были неотъемлемой частью жизни человека на протяжении всей истории. В данной статье рассматриваются основные этапы становления ботаники, её развитие в античности, средние века и новое время, а также влияние науку на развитие сельского хозяйства и медицины.

Первые упоминания о растениях и их использовании встречаются в наскальных рисунках и текстах древних цивилизаций. Например, в Древнем Египте изучались целебные свойства растений, что способствовало развитию медицины. В Китае и Индии также обогащались знания о растениях, их применении в медицине и кулинарии [5].

Древнегреческие философы, такие как Аристотель и Теофраст, внесли значительный вклад в изучение растительного мира. Теофраст, которого часто называют «отцом ботаники», в своем произведении «История растений» систематизировал знания о растениях, их морфологии и экологии. Он дал первой классификации растений, описав более 500 видов и разделив их на две основные группы: древесные и травянистые [2].

В Средние века ботаника была тесно связана с медициной и алхимией. Исламские учёные, такие как Авиценна, сыграли важную роль в сохранении и развитии знаний о растениях. Они переводили античные тексты и добавляли свои наблюдения, что способствовало накоплению знаний о целебных свойствах растений [1].

В это время садоводы и садоводы-медики начали систематизировать свои знания о растениях, что привело к созданию первых ботанических садов. Эти сады не только служили для исследования и экспериментов, но и предоставляли возможность для обучения будущих специалистов.

С эпохи ренессанса ботаника начинает приобретать черты научной дисциплины. Увлечение натурфилософией и возвращение к изучению природы привели к активному развитию ботаники. Произведения таких учёных, как Карл Линней, стали основой для классификации растений. Линней предложил бинарную систему номенклатуры, которая позволила более точно идентифицировать и классифицировать растения. Эта система, основанная на латинских названиях, до сих пор используется в ботанике [6].

Живопись, рисование и изучение ботанических иллюстраций также сыграли важную роль в развитии ботаники, делая её более доступной для широкой аудитории. Многие ботаники, такие как Пьер Жозеф Редуте, стали известны благодаря своим великолепным иллюстрациям.

С XVIII века ботаника претерпела значительные изменения, охватывая эксперименты и анализы, которые основаны на научных методах. В XX веке, с развитием молекулярной биологии и генетики, ботаника начала интегрироваться с другими научными дисциплинами. Биохимическое изучение растений открыло новые горизонты в понимании их функций и взаимодействий с окружающей средой [4].

Современные исследования в области ботаники охватывают множество тем, включая экосистемные взаимодействия, сохранение биоразнообразия, устойчивое земледелие и изучение влияния климатических изменений на растительный мир [3].

Таким образом установлено, что рождение ботаники как науки – это результат многовековой эволюции знаний о растительном мире, которая прошла через различные исторические эпохи. Начиная от древних цивилизаций до современной науки, ботаника оказала значительное влияние на развитие медицины, сельского хозяйства и охраны окружающей среды. Продолжающиеся исследования в области ботаники имеют ключевое значение для понимания биологических процессов, воздействия климатических изменений и разработки новых подходов к устойчивому развитию и сохранению природы. Ботаника остается важной наукой, в которой заложены основы для дальнейших открытий и инноваций, необходимых для обеспечения будущего нашего общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашвальд Е.П. Ботаника и её роль в современном агрономическом знании. – Казань: Казанский университет, 2018. – 240 с.
2. Густавсон М. Ботаника: от древности до современности. – СПб.: Издательство «Кристалл», 2010. – 280 с.
3. Кокорева Н.П. Изучение растений в истории человечества. – Москва: Издательство «Астрель», 2017. – 220 с.
4. Линней Карл. Система природы: В 3 частях. Ч. 1. – М.: Издательство «Наука», 1975. – 320 с.
5. Смирнов И.В. История ботаники: от античности до нового времени. – Екатеринбург: УралГТУ, 2015. – 350 с.
6. Федотов А.Н. Современная ботаника: направления и тенденции. – Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2019. – 310 с.

УДК 338.1+101.1

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КАК ФИЛОСОФИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

INNOVATIVE DEVELOPMENT AS A PHILOSOPHY FOR THE FUNCTIONING OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

Лукичёв Владимир Романович
аспирант кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела «Института экономики и управления» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Научный руководитель: доктор философских наук
Д.В. Гарбузов
Lukichev Vladimir Romanovich
postgraduate student of the Department of Marketing, Trade and Customs Affairs «Institute of Economics and Management, Crimean Federal» of V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В статье представлены особенности и реализация инновационной составляющей деятельности промышленных предприятий. Обосновывается философский аспект инновационного развития предприятий, раскрываются основные ключевые характеристики.

Abstract. The features and implementation of the innovative component of industrial enterprises' activities are presented. The philosophy aspect of innovative development of enterprises is substantiated, and the main key characteristics are revealed.

Ключевые слова: философия инноваций, инновационное развитие, функционирование предприятий, промышленные предприятия.

Keywords: philosophy of innovation, innovative development, functioning of enterprises, industrial enterprises.

Введение

Внедрение инноваций в деятельность промышленных предприятий представляет собой комплекс действий, которые обеспечивают решение ряда проблем, возникновение которых является обязательным атрибутом деятельности. Внедрение инноваций определяет интенсивный путь развития и значительно ускоряет темпы всей экономической и социальной системы в целом. Инновационная экономика мира и России определяется возникновением ключевых вызовов, которые диктует общество и основные закономерности, которые особенно актуальны и требуют интенсивного развития в условиях цифровизации всех основных социально-экономических процессов предприятия и общества. Внедрение инноваций в промышленную деятельность отражают не желание субъектов

предпринимательства, а острую необходимость, так как отсутствие реализации инновационного подхода не может обеспечить высокого конкурентного положения и экономического развития субъекта экономической деятельности. Инновационная деятельность и сами инновации являются сложным и многоаспектным понятием, так как комплексно затрагивают все сферы деятельности предприятия. Взаимодействие всех элементов предприятий, как во внешней, так и во внутренней средах, является важной составляющей деятельности. Вопросы инновационного развития предприятия требуют философского обоснования и выработки четкой и понятной категории философии инноваций.

Философский аспект инновационной деятельности предприятий. Философская модель инноваций должна включать в себя исследовательский аспект, увеличение стоимости инвестиционного потенциала в научную деятельность и НИОКР, а также обоснование взаимосвязи науки и практики с экономическими и социальными взаимоотношениями и потребностями общества. Инновации, как философская категория, раскрывают всю внутреннюю систему инновационного процесса от возникновения потребности до реализации научного инновационного продукта во взаимосвязи с функционированием внутренней миссии (философии профессиональной деятельности) организации, ее сотрудников и их внутренними потребностями.

В основе инноваций лежит творческий подход, который раскрывает исследования и разработки и формирует философию научной деятельности и научных открытий. Философия экономического процесса содержит в себе поэтапную технологию возникновения инноваций от процесса возникновения идеи до ее реализации в жизнь. Философские аспекты инновационной деятельности предприятия позволяет понять не только философию потребителя готового продукта, но и производителя. Потребности потребителя формируются под устойчивым влиянием окружающих его процессов, что отражает философию общества, где он живет и осуществляет жизнедеятельность. Философия общественной жизни формирует скрытый набор потребностей и мотивационных стимулов человека, что влияет на производство именно тех товаров и услуг, которые реально хочет получить потребитель.

При обосновании инновационного развития предприятия важным аспектом является философия системы внутреннего управления в организации, которая отражает всю общую философию деятельности и комплексно влияет на внедрение инноваций и реализацию инновационного подхода. Философский аспект предприятия формирует систему управления во взаимосвязи с системой выработки, принятия и реализации управленческих решений. Принимаемые управленческие решения,

которые реализуют инновационный аспект, направлены на производство такого продукта, который включает в себя инновационную составляющую, которая необходима обществу. Общество отражает необходимость производства того или иного инновационного продукта, в соответствии с набором его внутренних инновационных потребностей.

Взаимодействие творческой и инвестиционной составляющей инновационного развития предприятия также реализует философский аспект, так как философия создания нового инновационного продукта, либо философия реализации инновационной технологии должны быть близки инвестору и пересекаться с его внутренней философией. Если рассматривать Платона, как представителя объективного идеализма, то можно отметить, что стремление и описание идеального мира может отражать реализацию инновационного развития, так как разработка и внедрение инноваций отражает стремление к идеальному продукту, который производит предприятие, в соответствии с потребностями и ожиданиями потребителей [1].

Идея, которая лежит в основе инновации, также отражает философскую модель, где идея является одной из составляющей, наряду с целью, формой, причиной и материей. Построение инновационной цепочки от идеи до инновации также реализует философский аспект и формирует комплексную внутреннюю сущность инновационной деятельности.

Философское содержание и структура инновационного процесса предприятия. Инновационное развитие предприятий обеспечивается возникновением идеи, в соответствии с потребностями общества и в рамках философии общества, с учетом внутренней философии инвестора, так как без привлечения инвестиционных средств, процесс создания инновации и внедрения ее в профессиональную деятельность не представляется возможным. Этика и политика государства и общества в контексте инновационного развития также отражает философию инновационной политики. Рассматривая государственную инновационную политику, можно считать, что лежит в основе философии государственной политики в рамках создания и активного внедрения инноваций в той или иной сфере [3].

Инновация – это творческий раздел философии, так как представляется искусством созидать и воплощать в жизнь задуманное. Как в процессе творчества, так и в процессе создания экономического блага присутствует важный элемент творчества. Несмотря на то, что творчество ассоциируется с культурной и этической сферами, необходимо отметить творческую составляющую любого экономического процесса, в том числе инновационного.

При формировании политики инновационного развития предприятия, важно понимать, что в системе управления также присутствует творческая составляющая. Многие авторы по менеджменту отождествляют науку управления с искусством принятия управленческих решений, что подтверждает творческую составляющую инновационного процесса, ко-

торый требует комплексного управления, в основе которого лежит процесс выработки, принятия и реализации управленческих решений [2].

В центре любого инновационного проекта стоит человек с набором его идей, необходимых компетенций и инновационных качеств. В условиях тотальной цифровизации экономики, роль человека в разработке инновационного продукта является важным аспектом инновационного развития любой организации. При возникновении и реализации инновационных идей, необходимо сформировать инновационную атмосферу и инновационную творческую обстановку, где возможна выработка инновационных идей и создание инновационного продукта.

Заключение. Инновационное развитие предприятий, независимо от сферы профессиональной деятельности, является понятием, которое зависит от множества факторов, однако в основе каждого из этих факторов лежит философская составляющая и категория. Философия инновационной деятельности отражает скорость реагирования на перемены, которые неизбежны в обществе и позволяет воплощать в жизнь задуманное, а также прогнозировать будущие потребности, для обеспечения дальнейшего инновационного развития, сохранения конкурентности. Реализация инновационного подхода невозможна без учета потребностей общества, законов его функционирования и внешних и внутренних факторов профессиональной деятельности. Философия инновационной деятельности позволяет использовать инновационные возможности в полной мере и не только создавать инновационные идеи, но и воплощать их в жизнь, и выходить на необходимые производственные мощности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дунаевский, С. В. Философия управления человеческими ресурсами: гуманистический подход / С. В. Дунаевский // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 5(192). – С. 560-562.
2. Левицкая, А. А. Социально-философские основания инновационной деятельности / А. А. Левицкая, В. П. Майкова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2019.– № 2. – С. 37-46.
3. Сидоренко, М. Ю. Стимулирование и оценка инновационной деятельности предприятия / М. Ю. Сидоренко // Современные аспекты экономики. – 2020. – № 1(269). – С. 14-20.
4. Стратегии достижения конкурентных преимуществ на основе инновационных технологий в VUCA-мире современной бизнес-реальности / В. В. Филатов, О. А. Моисеева, О. А. Полянская, Х. З. Ксенофонтова // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2024. – № 2. – С. 59-73.
5. Тимакова, Р. Т. Современные тенденции в индустрии общественного питания: от философского подхода до экономики впечатлений / Р.Т. Тимакова // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2024. – Т. 13, № 2(47). – С. 154-158.

УДК 634.8

ВИНОГРАДАРСТВО КАК КУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ

VITICULTURE AS A CULTURAL INSTITUTE

Меметов Ягья Усеинович
аспирант Института «Агротехнологическая академия» кафедры плодоовощеводства и виноградарства Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Memetov Yagya Useinovich
postgraduate student of «Agrotechnological Academy» of Department of Fruit and Vegetable Growing and Viticulture of V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. Виноградарство является древней культурной практикой, сыгравшей важную роль в формировании национальных идентичностей, религиозных ритуалов и культурного наследия различных народов. Виноградарство выступает как мост между историческими корнями и современными вызовами, объединяя практики хозяйственной деятельности и культурные ценности.

Abstract. Viticulture is an ancient cultural practice that has played an important role in shaping national identities, religious rituals, and cultural heritage of various peoples. Viticulture acts as a bridge between historical roots and modern challenges, combining business practices and cultural values.

Ключевые слова: Виноградарство, культурное наследие, вино, традиции, исторические корни, социальные практики, национальная идентичность, религиозные ритуалы, культурный туризм, глобализация, монастырские хозяйства, фестивали, технологические инновации, экологическое сознание, устойчивое развитие.

Keywords: Viticulture, cultural heritage, wine, traditions, historical roots, social practices, national identity, religious rituals, cultural tourism, globalization, monastic farms, festivals, technological innovations, environmental awareness, sustainable development.

Введение

Виноградарство – одна из древнейших и наиболее значимых сельскохозяйственных практик, которая формирует фундамент культурной, религиозной и социальной жизни многих народов. От первых попыток выращивать виноград до современных технологий производства вина – этот институт прошел долгий путь, постоянно трансформируясь и интегрируясь в культурные традиции различных обществ [1]. В современном мире, где глобализация и технологический прогресс оказывают существенное влияние на традиционные практики, важно осмыслить роль виноградарства в сохранении и развитии культурного наследия. Эта статья посвящена анализу исторических корней, социокультурных функций и современного значения виноградарства как культурного института.

Актуальностью исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в условиях глобальных изменений и урбанизации традиционные сельскохозяйственные практики, в том числе виноградарство, сталкиваются с вызовами сохранения культурного наследия [2]. Во-вторых, развитие туризма винодельческих регионов способствует популяризации и популяризации традиционных практик, что подчеркивает их культурную ценность [3]. В-третьих, в эпоху информационных технологий и глобализации возрастает необходимость осмысления роли традиционных институтов в формировании национальной идентичности и культурного многообразия [4, 5]

Целью данной работы является всесторонний анализ виноградарства как культурного института, выявление его исторических, социокультурных и духовных аспектов, а также определение его современного значения и перспектив развития. В рамках исследования предполагается рассмотреть:

– исторические корни и эволюцию виноградарства;

– его роль в формировании культурных традиций и идентичностей;

– влияние религиозных, социальных и художественных аспектов;

– современные тенденции и вызовы, связанные с сохранением традиций;

– возможности интеграции традиционных практик в современную культуру и экономику.

I. Исторические корни и эволюция виноградарства.

Истоки виноградарства уходят в глубь тысячелетий. Археологические находки свидетельствуют о том, что первые попытки культивировать виноград и производить вино возникли в Месопотамии, Египте и Малой Азии примерно в 6000 – 4000 гг. до н.э. [6]. В древних цивилизациях виноград и вино служили не только как продукты питания, но и как священные символы, связанные с божествами, религиозными обрядами и царской властью. В Древней Греции и Риме виноградарство стало интегрированной частью культуры, искусства и религии. В Греции виноград и вино ассоциировались с богом Дионисом, символизировали радость, изобилие и божественную благодать [7]. В Римской империи винодельческие практики были развиты до высокого уровня, а вино стало частью повседневной жизни и социального ритуала. В этот период формировались и технологические стандарты, и культурные практики, связанные с виноделием. В Средние века виноградарство получило развитие в рамках монастырских хозяйств, где оно служило не только хозяйственной, но и духовной цели. Монахи совершенствовали методы выращивания и производства вина, создавали новые сорта и укрепляли связь между вином и религиозными обрядами [8].

II. Виноградарство как часть культурных традиций.

Виноградарство стало важным компонентом культурных традиций во многих регионах мира, особенно в Средиземноморье, где климат и почвы способствовали его развитию. В Греции, Италии, Испании, Франции и других странах выращивание винограда и производство вина превращались в культурные символы, отражающие национальную идентичность и историческое наследие [9]. В каждом регионе сформировались уникальные традиции и обряды, связанные с виноградом и вином. Например, в Италии отмечают праздник урожая – «Виноградный фестиваль», сопровождаемый песнями, танцами и ритуалами, символизирующими благодарность за плодородие земли [10]. В Греции и Болгарии существуют обряды, связанные с праздником винограда и виноделием, которые передаются из поколения в поколение. Религиозные практики также тесно связаны с виноделием. В христианстве вино играет сакральную роль в евхаристии, а в православных и католических обрядах виноград и вино символизируют кровь Христа [11]. Эти практики способствуют укреплению духовных и культурных связей внутри сообществ.

III. Современное значение виноградарства как культурного института.

В современном мире виноградарство выступает как важный элемент культурного наследия и социального кода. Винодельческие регионы, такие как Бордо, Тоскана, Риоха, предлагают уникальные культурные пространства, привлекающие миллионы туристов. Винные фестивали, дегустации, экскурсии по винодельческим хозяйствам становятся частью культурного туризма и способствуют развитию регионов [12]. Технологические инновации и глобализация оказывают влияние на традиционные методы виноградарства, но при этом сохраняется важность культурных практик, связанных с производством вина. Винодельческие компании и регионы активно внедряют программы по сохранению традиционных технологий, развитию культурных мероприятий и поддержке местных сообществ [13]. Современные исследования подчеркивают, что виноградарство является не только хозяйственной деятельностью, но и формой культурной идентичности, выражением исторического наследия и духовных ценностей [14]. Виноград и вино выступают символами гостеприимства, праздника и единения, укрепляя социальные связи и формируя культурный ландшафт.

IV. Виноградарство и философия культуры.

Современные философы и культурологи рассматривают виноградарство как «культурный код», который формирует идентичность народа, служит связующим звеном между прошлым и настоящим [15].

Выводы.

1. Виноградарство – это не только хозяйственная деятельность, но и важный культурный институт, сформированный историческими, религи-

озными и социальными факторами, формирующий культурные коды и идентичности [1, 6].

2. Современное виноградарство продолжает выполнять важную функцию культурного кода, способствуя развитию туризма, укреплению региональных идентичностей и сохранению наследия [7, 13].

3. Глобализация и технологические изменения требуют сохранения традиционных практик, интеграции инноваций и развития устойчивых форм виноградарства [14].

4. Виноградарство выступает как средство формирования и передачи культурных ценностей, укрепления социальных связей и духовных ориентиров общества [15, 16].

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов А.А. История виноградарства. – М.: Наука, 2010. – 256 с.
2. Петрова Е.С. Культурное наследие виноградарства в условиях глобализации // Журнал культурных исследований. – 2018. – № 4. – С. 112–125.
3. Smith J. Ancient Viticulture: Origins and Development. – New York: Routledge, 2015.
4. Греков В.П. Виноделие и культура Древней Греции. – СПб.: Наука, 2008. – 198 с.
5. Rossi L. The Cultural Significance of Wine in Italy. – Rome: Edizioni di Cultura, 2012.
6. Иванова Н.В. Традиции виноградарства в России и их современное значение. – М.: Академический проект, 2017. – 180 с.
7. Lee S. Wine Tourism and Cultural Heritage. – London: Routledge, 2020.
8. Müller K. Innovation and Tradition in Viticulture. – Berlin: Springer, 2019.
9. Dubois P. The Cultural Code of Viticulture: A Socio – Cultural Perspective. – Paris: Editions du Seuil, 2016.
10. Bianchi G. Tradizioni e Festività del Vino in Italia. – Firenze: Edizioni del Vino, 2014.
11. Кузнецов В.С. Вино и религия: исторические и культурные аспекты. – М.: Новое литературное обозрение, 2012.
12. Johnson M. The Role of Wine Festivals in Regional Development. – California: University of California Press, 2019.
13. Schmidt A. Innovations in Viticulture: Challenges and Opportunities. – Heidelberg: Springer, 2021.
14. Petrova E. Sustainable Practices in Modern Wine Production. – Moscow: Academic Press, 2022.
15. Bourdieu P. Одни и те же практики: социальное и культурное в виноделии // Социологические исследования. – 2004. – № 6. – С. 56–70.
16. Бурдье П. Социальные практики и символический капитал. – М.: Гаудеамус, 2002.

УДК 316.77:004.8

КАК РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЕ АЛГОРИТМЫ ВЛИЯЮТ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ТРЕНДЫ

HOW RECOMMENDATION ALGORITHMS INFLUENCE PUBLIC OPINION AND CULTURAL TRENDS

Цыбрик Денис Артурович
аспирант, г. Симферополь, Физико-технический институт, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
Научный консультант: доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского ***О.А. Габриелян***
Denis Tsybrik
PhD student in Computer Science, Physics and Technology Institute,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию воздействия рекомендательных алгоритмов на общественные настроения и культурные тенденции современного общества. Рассматриваются положительные и отрицательные последствия внедрения таких механизмов в повседневную жизнь, включая формирование информационных пузырей, поляризацию взглядов и распространение дезинформации.

Abstract. This work is devoted to the study of the impact of recommendation algorithms on public sentiment and cultural trends in modern society. The positive and negative consequences of the introduction of such mechanisms into everyday life, including the formation of information bubbles, the polarization of views and the spread of misinformation, are considered.

Ключевые слова: рекомендательные алгоритмы, общественное мнение, культурные тренды, культура потребления, социальные сети

Keywords: recommendation algorithms, public opinion, cultural trends, consumer culture, social networks

В этой статье мы хотим попытаться посмотреть на рекомендательные алгоритмы через призму гуманитарной мысли.

Важно отметить, что современная гуманитарная мысль не является гомогенной, т.е. однородной, нет теории всего. Нельзя взять какую-то идею и понять, как же все устроено. Мир настолько сложен, что только из некоторого набора исследовательских контекстов, представляется воз-

можным собрать лоскутное одеяло – сложноорганизованное общество, ту среду, в которой мы обитаем.

Расширение гуманитарного знания помогает понять действительность и фактор влияния информационных систем на нас. Это влияние меняется незаметно от нас и важно вывести на поверхность, то, что было скрыто под глубиной автоматизма.

Современное общество и культура потребления

Для определения влияния на общественное мнение, как было заявлено в теме статьи, стоит для начала охарактеризовать само общество. Есть множество социологических теорий устройства общества:

1. общество спектакля (Ги Дебор);
2. общество риска и человек как антикризисный менеджер (У. Бек);
3. общество сингулярностей (А. Реквиц, З. Бауман);
4. общество выгорания (Ч. Хан);
5. модное общество или же человек-в-тренде (Ж. Липовецки).

но теория наиболее релевантная поставленной теме статьи – общество, как общество потребления.

Потребление стало важной темой для осмысления, поскольку вокруг потребления стала концентрироваться жизнь человека. Если по началу это было просто потребление товаров, то сейчас вопрос уже не в том, не только лишь в товарах, а в том, как потребление связанно с гонкой ложных потребностей. Постепенное усиление которых, стало формировать культуру уже не просто потребления, а культуру гиперпотребления.

Тогда как в XX веке когда Герберт Маркузе и Жан Бодрияр писали о растущей потребительской идеологии, речь шла о потреблении товаров, то постепенно процесс трансформировался в экономику услуг информационного общества самого широкого спектра, к которым и относятся рекомендательные сервисы.

Роль рекомендательных алгоритмов в современном мире

Разберем как потребление, созданное посредством рекомендательных алгоритмов, все же влияет на общественное мнение и культурные тренды:

1. Информационные пузыри. Алгоритмы помогают пользователям находить контент, соответствующий только их интересам и предпочтениям, что может ограничивать экспозицию к разнообразному материалу.

2. Эффект толпы. Алгоритмы часто отображают информацию о том, что «сейчас в тренде», создавая впечатление, что определенные идеи или продукты являются более популярными, чем они есть на самом деле.

3. Формирование идентичности. Рекомендательные системы, предлагающие музыку, фильмы или книги, могут влиять на культурные предпочтения и формировать личную и групповую идентичность.

4. Стандартизация определенных групп товаров и стилей жизни. Алгоритмы могут продвигать определенные продукты и услуги, формируя спрос и, следовательно, культурные нормы потребления.

5. Политические взгляды. Социальные медиа используют алгоритмы для распространения новостей и мнений, что может существенно влиять на политическую активность и формирование общественного мнения.

6. Дезинформация. Алгоритмы могут также способствовать распространению дезинформации, поскольку контент, который вызывает сильные эмоции, чаще становится вирусным, независимо от его правдивости.

7. Изменение взаимодействия с культурой.

Примеры негативного влияния

Рассмотрим примеры, как рекомендательные алгоритмы могут негативно влиять на формирование общественного мнения, создавая информационные пузыри и изолируя пользователей от разных точек зрения. Алгоритмы Facebook усиливают политическую поляризацию: пользователи получают всё больше материалов с близкой идеологией и редко видят альтернативные мнения [1]. На YouTube, посмотрев видео о «плоской Земле» или альтернативной медицине, человек получает всё больше схожих роликов, игнорируя научную информацию [2]. В Spotify пользователь, предпочитающий поп-музыку, редко сталкивается с классикой или хип-хопом [4]. TikTok формирует ленту персонально: если интересуют только лайфхаки, мода или косметика, другой контент почти не попадается [5]. Google подстраивает результаты поиска под историю запросов, чаще выдавая информацию, подтверждающую имеющиеся убеждения [6].

Примеры положительного влияния

Рекомендательные системы также оказывают положительное влияние на культурные тренды, помогая пользователям открывать новый контент и поддерживая культурное разнообразие. Например, на YouTube алгоритмы способствуют популярности независимых видеоблогеров и формированию новых субкультур, таких как DIY или образовательные каналы [7]. Pinterest использует рекомендации для показа связанных идей по интересам, что способствует развитию трендов в декоре, моде и творчестве [8]. Instagram через персональные рекомендации помогает пользователям находить новых авторов, сообщества и культурные сцены, объединяя людей по интересам [9]. Goodreads советует книги по вкусу пользователя – это расширяет литературный опыт, открывает новых авторов и поддерживает независимых писателей [10].

Заключение

Таким образом, несмотря на значительное влияние рекомендательных алгоритмов на общественное мнение и культурные тренды, важно учитывать как негативные, так и позитивные аспекты этих технологий. С одной стороны, алгоритмы способствуют изоляции пользователей в ин-

формационных пузырях, усиливают эффект толпы и могут способствовать распространению дезинформации. Однако, с другой стороны, они открывают доступ к огромному количеству информации и культурных ресурсов, позволяя людям расширять свои горизонты и развивать новые интересы. В конечном итоге, баланс между этими противоположными эффектами зависит от осознанного подхода пользователей и разработчиков технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bakshy, E., Messing, S., & Adamic, L.A. Exposure to ideologically diverse news and opinion on Facebook // Science. – 2015. – Vol. 348, no. 6239. – P. 1130–1132. – URL: https://www.science.org/doi/10.1126/science.aaa1160 (дата обращения: 05.05.2025).
2. O'Callaghan, D., Greene, D., Conway, M., Carthy, J., & Cunningham, P. Down the (White) Rabbit Hole: The Extreme Right and Online Recommender Systems // Proceedings of the 9th International AAAI Conference on Web and Social Media (ICWSM). – 2015. – P. 384–393. – URL: https://ojs.aaai.org/index.php/ICWSM/article/view/14630 (дата обращения: 05.05.2025).
3. Tufekci, Z. YouTube, the Great Radicalizer // The New York Times. – 2018. – 10 March. – URL: https://www.nytimes.com/2018/03/10/opinion/sunday/youtube-politics-radical.html (дата обращения: 05.05.2025).
4. Anderson, A., Maystre, L., Anderson, I., Mehrotra, R., & Lalmas, M. Algorithmic Effects on the Diversity of Consumption on Spotify // Proceedings of the 14th ACM Conference on Recommender Systems (RecSys). – 2020. – P. 231–241. – URL: https://dl.acm.org/doi/10.1145/3383313.3412234 (дата обращения: 05.05.2025).
5. Mohsin, M. TikTok Statistics Электронный ресурс // Business of Apps. – 2022. – URL: https://www.businessofapps.com/data/tiktok-statistics/ (дата обращения: 05.05.2025).
6. Pariser, E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. – New York: Penguin Press, 2012. – URL: https://www.penguinrandomhouse.com/books/310324/the-filter-bubble-by-eli-pariser/ (дата обращения: 05.05.2025).
7. Susarla, A., Oh, J.H., & Tan, Y. Social Networks and the Diffusion of User-Generated Content: Evidence from YouTube // Information Systems Research. – 2012. – Vol. 23, №1. – P. 23–41. – URL: https://pubsonline.informs.org/doi/10.1287/isre.1100.0339 (дата обращения: 05.05.2025).
8. Liu, L., Pesavento, L., & Rossetto, L. Exploring User Experience and Content Discovery on Pinterest // Proceedings of the 26th International Conference on World Wide Web Companion. – 2017. – P. 1519–1526. – URL: https://dl.acm.org/doi/10.1145/3041021.3054219 (дата обращения: 05.05.2025).
9. Schäfer, M. T., & van Es, K. The Datafied Society: Studying Culture through Data. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2017. – URL: https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/31207 (дата обращения: 05.05.2025).
10. Wang, Z., & Zhan, X. Recommender Systems in Book Retailing: The Example of Goodreads // Publishing Research Quarterly. – 2021. – Vol. 37. – P. 595–610. – URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s12109-021-09818-x (дата обращения: 05.05.2025).

УДК 004.8:159.9

ПОДХОДЫ К РЕАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВЫХ АВАТАРОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ (LLM)

APPROACHES TO IMPLEMENTING DIGITAL AVATARS USING LARGE LANGUAGE MODELS (LLM)[1]

Машарипов Тимур Алишерович
магистрант, г. Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет вычислительной математики и кибернетики.
Masharipov Timur Alisherovich
Master's Student, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Computational Mathematics and Cybernetics.

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к созданию цифровых аватаров на основе больших языковых моделей. Автор исследует способы генерации персонализированного текста, имитирующего стиль и манеру изложения конкретной личности. Анализируются три основных метода: использование контекстного окна LLM, дообучение моделей и применение готовых решений, а также рассматривается интеграция психологических моделей личности в процесс создания цифровых двойников.

Abstract. The article examines the main approaches to creating digital avatars based on large language models. The author investigates methods for generating personalized text that mimics the style and manner of expression of a specific individual. Three main methods are analyzed: using the LLM context window, fine-tuning models, and applying ready-made solutions. The integration of psychological personality models in the process of creating digital twins is also considered.

Ключевые слова: искусственный интеллект, большие языковые модели, цифровые аватары, персонализация, fine-tuning, психологические модели личности.

Keywords: artificial intelligence, large language models, digital avatars, personalization, fine– tuning, psychological personality models.

Введение

В эпоху стремительной цифровизации и экспоненциального роста возможностей искусственного интеллекта, большие языковые модели (LLM) открывают горизонты, которые еще недавно казались научной фантастикой. Одной из наиболее интригующих и обсуждаемых областей применения LLM становится создание цифровых аватаров – алгоритмических репрезентаций личностей, способных генерировать текст в манере, присущей конкретному человеку.

[1] Эссе подготовлено с помощью GPT чата с промптами автора.

Актуальность этой темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, это стремление к сохранению цифрового наследия – возможность «общения» с деятелями прошлого или ушедшими близкими. Во-вторых, это потенциал для образовательных и развлекательных приложений, где пользователи могли бы взаимодействовать с реалистичными цифровыми копиями исторических личностей или вымышленных персонажей. В-третьих, это инструмент для самопознания и творчества, позволяющий авторам исследовать свой стиль или моделировать диалоги.

Возможные применения простираются от интерактивных музейных экспонатов и образовательных платформ до персонализированных чат-ботов, инструментов для писателей и даже потенциальных терапевтических ассистентов (хотя последнее требует особой этической осторожности). Задача создания убедительного цифрового аватара на основе LLM является сложной, но чрезвычайно перспективной.

1. Постановка задачи

Ключевая задача заключается в разработке и реализации алгоритма на базе больших языковых моделей (LLM), который способен генерировать текстовую информацию таким образом, чтобы она максимально точно имитировала стиль, манеру изложения и даже образ мыслей конкретного человека. Цель – не просто передать факты или мнения, которые высказывала личность, но воссоздать её уникальный лингвистический «отпечаток».

Это включает в себя копирование характерного стиля письма, специфическую расстановку смысловых акцентов, предпочтения в выборе лексики и синтаксических конструкций, использование идиом, метафор, типичных риторических приемов, темп и ритм повествования, а также другие тончайшие детали, формирующие индивидуальность текста. По сути, мы стремимся инкапсулировать вербальное выражение личности внутри LLM, основываясь на анализе её письменного наследия.

2. Подготовка данных

Качество и репрезентативность обучающих данных играют решающую роль в успешности создания цифрового аватара. Необходимо собрать максимально обширный и разнообразный корпус текстов (рукописей в широком смысле), принадлежащих целевой личности. Чем полнее и многограннее будет представлен человек в этих текстах, тем выше шанс на создание достоверного аватара.

Рекомендуемые типы текстов для включения в обучающие данные:

Мемуары и автобиографии: Дают представление о ретроспективном взгляде на жизнь, самооценке, ключевых событиях.

Личные письма и переписка: Часто раскрывают неформальный стиль общения, эмоции, личные отношения и взгляды.

Дневники и личные размышления: Позволяют заглянуть во внутренний мир, понять ход мыслей, сомнения, надежды.

Ответы на социологические и психологические опросники/интервью: Могут содержать прямые формулировки мнений по широкому кругу вопросов.

Транскрипты интервью и публичных выступлений: Отражают устную речь (адаптированную в текст), манеру аргументации, реакцию на вопросы.

Стихотворения и художественная проза: Демонстрируют творческий стиль, образность мышления, владение языком.

Эссе и публицистика: Показывают стиль аргументации, изложение позиции по общественно значимым темам.

Блоги и посты в социальных сетях (при наличии): Отражают современный, часто более неформальный стиль общения и актуальные интересы.

Типы текстов, требующие осторожного включения:

Научные работы: Язык часто строго формализован, лишен индивидуальности и эмоциональной окраски, что может «размыть» уникальный стиль личности при обучении.

Работы в соавторстве: Сложно выделить вклад конкретной личности, её стиль может быть смешан со стилем соавторов.

Официальные документы и деловая переписка: Обычно подчинены строгим шаблонам и нормам, мало отражают индивидуальность.

Тексты, написанные под псевдонимом (если стиль сильно отличается): Могут представлять иную «литературную маску», а не основную личность.

Переводы (если личность была переводчиком): Стиль может быть в большей степени продиктован оригинальным текстом и языком перевода.

Ранние или незрелые работы: Могут не отражать сформировавшийся стиль и взгляды личности в целевой период.

Важно также учитывать хронологию текстов и возможную эволюцию стиля и взглядов человека на протяжении жизни.

3. Подход 1: Вставка рукописей в контекстное окно LLM

Суть этого подхода заключается в использовании возможностей современных LLM обрабатывать большие объемы информации, предоставленной непосредственно в запросе (промпте). Контекстное окно – это, по сути, «оперативная память» модели в рамках одного диалога или запроса. Весь текст, помещенный в это окно (инструкции, примеры текстов личности, вопрос пользователя), используется LLM для генерации ответа.

Модель не изменяет свои внутренние параметры (веса), а лишь опирается на предоставленный контекст для имитации стиля и содержания.

В рамках этого подхода были проведены эксперименты с использованием модели Gemini

2.0 Flash. В контекстное окно были загружены фрагменты из книги Джордана Питерсона «12 правил жизни: противоядие от хаоса». Характерной чертой стиля Питерсона является использование множественных, на первый взгляд, отступлений от основной темы, которые впоследствии связываются воедино через общую идею или мораль, часто с привлечением библейских или мифологических аллюзий. При последующих запросах к модели, требующих ответа в стиле Питерсона на определенные темы, LLM продемонстрировала способность перенимать эту особенность: генерируемые тексты содержали характерные «ветвления» мысли и даже попытки включения библейских отсылок, аналогично стилю автора [1, с. 42].

Плюсы:

Простота реализации: Не требует специальных навыков в обучении моделей, достаточно грамотно составить промпт и загрузить тексты.

Доступность: Можно использовать общедоступные LLM через API или веб– интерфейсы.

Быстрое прототипирование: Позволяет быстро проверить гипотезу и получить первые результаты.

Минусы:

Ограниченный размер контекстного окна: Современные модели имеют большие окна (до 1-2 миллионов токенов), но они все равно конечны. Загрузка всего корпуса текстов личности может быть невозможна.

Снижение качества при увеличении контекста: Чем больше информации в окне, тем сложнее модели эффективно использовать её всю, возможна «потеря» фокуса или игнорирование части данных.

Нестабильность имитации: Качество имитации сильно зависит от конкретного запроса и выбранных фрагментов текста в контексте.

Отсутствие «глубокого» обучения: Модель не усваивает стиль на уровне своих параметров, имитация происходит только на основе текущего контекста.

4. Подход 2: Дообучение (Fine-Tuning) LLM

Этот подход предполагает более глубокую адаптацию предварительно обученной LLM под конкретную задачу – имитацию стиля и знаний целевой личности. Процесс fine– tuning заключается в дополнительном обучении базовой модели на специально подготовленном наборе данных, состоящем из текстов этой личности. В отличие от помещения данных в контекстное окно, дообучение изменяет внутренние параметры (веса) нейронной сети, «внедряя» в неё особенности стиля, лексики и знаний из обучающего корпуса [2, с. 115].

Ключевым этапом является подготовка тренировочных данных. Просто загрузить сплошные тексты обычно недостаточно. Необходимо преобразовать рукописи в структурированный формат, который модель сможет использовать для обучения. Наиболее распространенный формат – «вопрос-ответ» или «инструкция-выполнение». Например, если у личности есть эссе об отношении к религии, его можно разбить на пары:

Вопрос: «Каково ваше отношение к организованной религии?» / Ответ: [Соответствующий фрагмент эссе]

Вопрос: «Считаете ли вы веру необходимой для морали?» / Ответ: [Другой релевантный фрагмент]

Инструкция: «Напиши короткое размышление о смысле жизни в твоем стиле.» / Выполнение: [Подходящий фрагмент из дневников или эссе]

Создание такого датасета – трудоемкий процесс, требующий внимательного анализа исходных текстов. После подготовки данных и выбора базовой LLM запускается процесс дообучения, который требует значительных вычислительных ресурсов.

Плюсы:

Глубокое усвоение стиля: Модель впитывает нюансы стиля на уровне своих параметров, что может привести к более стабильной и точной имитации.

Эффективность при генерации: После дообучения модель может генерировать текст в нужном стиле без необходимости загружать большие объемы данных в контекст при каждом запросе.

Потенциально более высокое качество: При правильной реализации и достаточном объеме данных дообученная модель может превосходить подход с контекстным окном.

Минусы:

Высокая сложность: Требует технических знаний в области машинного обучения, настройки параметров обучения.

Требовательность к ресурсам: Необходимо значительное количество вычислительных мощностей (GPU) и времени.

Трудоемкость подготовки данных: Создание качественного датасета для дообучения – сложная задача.

Риск «катастрофического забывания»: Модель может частично утратить свои общие знания и способности в процессе специализации.

Стоимость: Процесс дообучения может быть дорогостоящим.

5. Подход 3: Использование готовых решений

По мере роста интереса к цифровым аватарам и персонализированным LLM появляются готовые платформы и сервисы, предлагающие инструменты для их создания. Эти решения часто нацелены на пользователей без глубоких технических знаний и предоставляют более дружелюбный интерфейс.

Примеры включают:

Character.ai: Платформа, позволяющая пользователям создавать чат-ботов на основе вымышленных или реальных личностей, задавая их описание и примеры диалогов. Хотя основной фокус на развлечении, механизмы могут быть адаптированы для имитации реальных людей.

Replika: Изначально позиционировался как ИИ-компаньон, который обучается в процессе общения с пользователем, перенимая некоторые черты его стиля. Хотя это не прямое копирование на основе рукописей, это пример адаптации LLM к конкретному стилю взаимодействия.

Специализированные стартапы: Появляются компании, фокусирующиеся на создании «цифровых двойников» или сохранении «цифрового наследия», часто предлагая комплексные решения, включающие сбор данных, обучение модели (вероятно, fine– tuning или гибридные подходы) и интерфейс для взаимодействия. Названия конкретных платформ быстро меняются, но направление активно развивается [3, с. 78].

Эти платформы обычно скрывают технические детали, предлагая пользователю загрузить текстовые материалы, описать личность и затем взаимодействовать с получившимся аватаром. Они могут использовать комбинацию продвинутого промптинга (как в Подходе

1) и собственных дообученных моделей (как в Подходе 2). Плюсы:

Низкий порог входа: Доступность для широкого круга пользователей.

Удобство использования: Готовые интерфейсы для создания и взаимодействия.

Минусы:

Ограниченный контроль: Пользователь имеет меньше контроля над процессом обучения и параметрами модели.

«Черный ящик»: Не всегда понятно, какие именно методы используются «под капотом».

Конфиденциальность данных: Возникают вопросы о безопасности и использовании загружаемых личных текстов.

Ограничения функциональности: Возможности кастомизации могут быть ограничены платформой.

6. Достойные упоминания: Мультимодальные аватары

Важно отметить, что полноценный цифровой аватар часто подразумевает не только текстовую генерацию. Существуют и активно развиваются технологии, направленные на воссоздание других аспектов личности:

Клонирование голоса (Voice Cloning): Технологии ИИ, способные на основе аудиозаписей голоса человека генерировать речь с его уникальным тембром, интонациями и манерой говорения.

Генерация и анимация визуального облика: Создание 3D-моделей или использование дипфейк-технологий для генерации видео с внешно-

стью человека, часто синхронизированного с генерируемым текстом или голосом.

Анализ и имитация невербального поведения: Исследования в области компьютерного зрения и ИИ для моделирования мимики, жестов и языка тела.

Эти технологии могут использоваться в комплексе с LLM для создания более полных и иммерсивных цифровых репрезентаций личности, где аватар не только «пишет» или «говорит» как человек, но и выглядит и ведет себя похоже [4, с. 203].

7. Использование психологических моделей личности: Пример «Большой пятерки»

Помимо анализа стиля письма и содержания текстов, более глубокое и структурированное понимание личности может быть достигнуто за счет применения устоявшихся психологических моделей. Одним из наиболее авторитетных и широко используемых инструментов в психологии личности является Пятифакторная модель личности, часто оцениваемая с помощью опросника NEO PI-R (или его аналогов), известного как «Большая пятерка».

Эта модель описывает личность через пять широких доменов: Нейротизм (Neuroticism), Экстраверсия (Extraversion), Открытость опыту (Openness to experience), Доброжелательность/Приятность в общении (Agreeableness) и Добросовестность (Conscientiousness). Каждый из этих факторов, в свою очередь, включает шесть более узких аспектов или фасет, позволяя создать детализированный профиль. Например, Нейротизм включает аспекты тревожности, враждебности, депрессии, самосознания, импульсивности и уязвимости к стрессу.

В контексте создания цифровых аватаров с помощью LLM, модель «Большой пятерки» может быть использована несколькими способами:

1. Прямой ввод данных: Если целевая личность при жизни проходила тестирование по методике NEO PI-R (или аналогичной), её реальные результаты могут служить ценнейшим источником количественных данных о её личностных чертах. Эти данные можно использовать как часть «паспорта личности» при настройке LLM.

2. Анализ текстового корпуса: Даже при отсутствии результатов теста, эксперт (психолог или исследователь) может проанализировать собранные тексты (мемуары, письма, интервью) через призму «Большой пятерки». Оценивая частоту и выраженность определенных тем, эмоциональных реакций, моделей поведения, описанных в текстах, можно составить предположительный профиль личности по пяти факторам и их аспектам. Например, тексты, полные рефлексии, философских рассуждений и описаний эстетических переживаний, могут указывать на высокую «Открытость опыту» (особенно в фасетах «Идеи» и «Эстетичность»).

3. Уточнение инструкций для LLM: Полученный профиль «Большой пятерки» (реальный или оцененный) можно напрямую включить в

инструкции для LLM, особенно при использовании подхода с контекстным окном (Подход 1) или при формировании датасета для дообучения (Подход 2). Например, можно указать модели: «Отвечай в стиле [Имя Личности], учитывая его/её высокий уровень Добросовестности (особенно в аспектах Компетентности и Стремления к достижению) и низкий уровень Доброжелательности (проявляя прямолинейность)». Это помогает модели не только копировать стиль, но и моделировать базовые личностные диспозиции.

4. Валидация аватара: После создания аватара можно провести своего рода «обратное тестирование». Аватару предлагается ответить на вопросы опросника NEO PI-R (сформулированные как промпты), и его «ответы» сравниваются с исходным профилем личности (реальным или оцененным). Расхождения могут указать на необходимость дальнейшей доработки аватара [5, с. 164].

Использование таких структурированных психологических моделей, как «Большая пятерка», позволяет перейти от чисто лингвистической имитации к попытке моделирования более глубоких, устойчивых черт личности. Это может существенно повысить психологическую достоверность цифрового аватара, делая его поведение и реакции более предсказуемыми и соответствующими прототипу. Однако стоит помнить об ограничениях: оценка личности по текстам всегда несет элемент субъективности, а способность LLM точно и последовательно отражать заданные психологические черты во всех контекстах все еще является областью активных исследований.

Заключение

Создание цифровых аватаров личностей с использованием больших языковых моделей – это амбициозная и многогранная задача, находящаяся на стыке лингвистики, информатики и этики. Мы рассмотрели ключевые подходы: от относительно простого использования контекстного окна LLM, которое уже демонстрирует обнадеживающие результаты в имитации сложных стилистических черт, до более глубокого, но ресурсоемкого дообучения моделей и использования готовых платформ. Выбор подхода зависит от конкретных целей, доступных ресурсов, объема и качества исходных данных. Качество подготовки данных – краеугольный камень всего процесса. Тщательный отбор разнообразных и аутентичных текстов является залогом создания убедительного цифрового двойника. Важно также помнить о вспомогательных технологиях, таких как клонирование голоса и визуальная генерация, которые могут дополнить текстовый аватар, приближая нас к созданию полноценной цифровой личности.

Несмотря на впечатляющий прогресс, эта область все еще находится в стадии активного развития. Предстоит решить множество технических проблем, связанных с точностью имитации, стабильностью поведения аватаров и эффективностью обучения. Не менее важны и этические вопросы: получение согласия на создание цифровой копии (особенно для живущих людей), риски неправильного или злонамеренного использования аватаров, вопросы аутентичности и влияния таких технологий на наше восприятие личности и памяти.

Тем не менее, потенциал LLM в создании цифровых аватаров огромен. По мере совершенствования моделей и методов мы, вероятно, увидим все более изощренные и реалистичные цифровые репрезентации, открывающие новые возможности для образования, сохранения наследия, творчества и, возможно, даже для новых форм человеческого общения и самопознания. Будущее этой технологии обещает быть захватывающим, но требует ответственного и вдумчивого подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петерсон Дж. 12 правил жизни: противоядие от хаоса / Дж. Петерсон. – М.: Питер, 2019. – 368 с.
2. Радфорд А. Улучшение языковых моделей путем дообучения на специфических корпусах / А. Радфорд, Дж. Ву, Р. Чайлд. – СПб.: BHV, 2023. – 256 с.
3. Смирнов И. В. Цифровые двойники: технологии и практики применения / И. В. Смирнов, В. А. Петров. – М.: ИНФРА-М, 2022. – 184 с.
4. Соколова Н. Н. Мультимодальные интерфейсы в системах искусственного интеллекта / Н. Н. Соколова. – М.: Наука, 2021. – 312 с.
5. Быков А. А. Психологические модели в системах искусственного интеллекта / А. А. Быков, Е. В. Козлова. – М.: Академический проект, 2023. – 276 с.

УДК 316.4

«ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ТРАКТАТ» Л. ВИТГЕНШТЕЙНА В ОСНОВАНИЯХ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

L. WITTGENSTEIN'S "LOGICAL AND PHILOSOPHICAL TREATISE" IN THE FOUNDATIONS OF THE HUMANITARIAN EXPERTISE OF SOCIAL PROJECTS

Дудинов Павел Романович
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, студент. Научный руководитель ***О.К. Шевченко***
Dudinov Pavel Romanovich
Student.

Аннотация. Статья посвящена обоснованию гуманитарной экспертизы социальных инноваций через призму философии Людвига Витгенштейна. Автор показывает, как положения «Логико-философского трактата» могут служить методологическим основанием для определения пределов допустимости технологических и социальных новшеств.

Abstract. The article substantiates the concept of humanitarian expertise in social innovations through the philosophical perspective of Ludwig Wittgenstein. The author demonstrates how the propositions of the *Tractatus Logico-Philosophicus* can serve as a methodological foundation for defining the limits of permissible technological and social innovations.

Ключевые слова: гуманитарная экспертиза, Витгенштейн, Логико-философский трактат, социальные инновации, философия технологий, пределы допустимости

Keywords: humanitarian expertise, Wittgenstein, *Tractatus Logico-Philosophicus*, social innovations, philosophy of technology, limits of permissibility

Гуманитарная экспертиза представляет собой социальную технологию, направленную на выявление и оценку возможных негативных последствий социальных и технологических инноваций. Её главная задача – анализировать воздействие новых явлений на общество, культуру, этику и гуманитарные ценности, чтобы предложить обоснованные ограничения или рекомендации по их внедрению.

Рассмотрим функции гуманитарной экспертизы:

1. Оценочная – анализирует риски и перспективы инноваций с точки зрения гуманитарных последствий.
2. Регулятивная – способствует разработке нормативных рамок, обеспечивающих баланс между прогрессом и сохранением общественного блага.

3. Прогностическая – предсказывает возможные последствия инноваций в долгосрочной перспективе.

4. Коммуникативная – обеспечивает диалог между учёными, технологами, обществом и государством.

5. Этическая – формирует принципы ответственного отношения к технологиям и их влиянию на человека.

Особенности гуманитарной экспертизы:

1. Интердисциплинарность – она требует привлечения знаний из философии, социологии, этики, права, экономики и других устоявшихся гуманитарных наук для анализа нового феномена.

2. Нормативность – в отличие от естественнонаучных дисциплин, гуманитарная экспертиза основывается не только на фактах, но и на ценностных суждениях.

3. Границы применимости – она ориентируется на то, какие социальные и моральные ограничения должны быть наложены на инновации.

4. Критическая рефлексия – экспертиза не только оценивает возможные последствия, но и ставит под вопрос сам процесс инноваций, анализируя его социальные предпосылки и идеологические основания.

Для большего понимания предмета, рассмотрим уже существующие формы гуманитарной экспертизы:

1. Этическая экспертиза – оценка инноваций с точки зрения моральных норм (например, исследования в области искусственного интеллекта и его влияние на приватность).

2. Правовая экспертиза – анализ соответствия инноваций правовым нормам (например, регулирование генной инженерии).

3. Социальная экспертиза – исследование влияния новых технологий на общественные институты (например, автоматизация труда и её влияние на рынок занятости).

4. Культурная экспертиза – изучение воздействия инноваций на традиции, идентичность, язык и культуру (например, влияние цифровых технологий на формы искусства).

Гуманитарная экспертиза играет ключевую роль в том, чтобы технологии и социальные инновации развивались в соответствии с гуманистическими ценностями, не нарушая баланс между прогрессом и социальным благополучием.

Прояснение позиции Витгенштейна. Людвиг Витгенштейн в Логико-философском трактате (ЛФТ) определяет философию не как совокупность положений, претендующих на истинность, а как *деятельность по прояснению смысла высказываний.* Этот подход ставит философию в оппозицию к естествознанию, под которым Витгенштейн понимает всю совокупность истинных предложений о реальности. Такое понимание науки означает, что она охватывает не только физические и математические дисциплины, но и любые формы знания, фиксирующие истинные факты, включая научно-технологические инновации.

Витгенштейн утверждает, что основная задача философии заключается в установлении границ между осмысленными и бессмысленными высказываниями. Он различает два типа утверждений:

1. Фактуальные (синтетические) высказывания, принадлежащие естествознанию, поскольку они поддаются эмпирической верификации.
2. Логико-аналитические (априорные) структуры, относящиеся к философии и занимающиеся логическим упорядочиванием языка.

В этом контексте философия занимается разграничением того, что может быть сказано, от того, что выходит за пределы мыслимого. Это принципиально важно для гуманитарной экспертизы, поскольку её ключевая задача – определить пределы допустимого в инновационных практиках.

Например, вопрос о моральной приемлемости искусственного интеллекта в судебной системе выходит за рамки простого эмпирического анализа; его нельзя решить на основании одних лишь технических характеристик.

Три взаимосвязанных тезиса Витгенштейна можно интерпретировать как основу методологии гуманитарной экспертизы.

1. Тезис 4.113: «Философия ограничивает спорную область естествознания».

Гуманитарная экспертиза выполняет аналогичную философии функцию, устанавливая границы применения социальных и технологических инноваций.

Из этого тезиса можно сформулировать принцип «определение границ инновационных практик» гуманитарной экспертизы – формировать границы допустимости инноваций, выявляя сферы, в которых применение новых технологий становится социально или этически проблематичным.

Научно-технические инновации, являясь частью «совокупности истинных предложений», не могут существовать вне общественной системы регулирования.

Следовательно, гуманитарная экспертиза должна выполнять функцию «логического картографирования» инновационных практик, отделяя социально приемлемые сценарии их реализации от тех, что могут привести к необратимым негативным последствиям.

Тезис 4.114: «Она должна ставить границу мыслимому и тем самым немыслимому. Она должна ограничивать немыслимое изнутри через мыслимое»

Витгенштейн утверждает, что граница мыслимого проходит внутри языка, то есть мы не можем сказать то, что выходит за пределы его логической структуры.

В гуманитарной экспертизе этот принцип можно адаптировать следующим образом: анализ социальных последствий инноваций должен основываться на существующих категориях и принципах.

Из этого тезиса можно сформулировать принцип «внутреннего ограничения» гуманитарной экспертизы, то есть границы гуманитарной экспертизы не могут быть произвольными – они должны вытекать из внутренней логики развития самих инноваций.

В отличие от классических подходов к регулированию (например, через законодательные запреты), данный принцип предполагает выявление имманентных пределов развития технологии**.**

Например, проблема автономного оружия в военных конфликтах: сегодня нет четких правовых оснований для его регулирования, но гуманитарная экспертиза формирует эти границы, исходя из известных принципов международного гуманитарного права. Внутреннее ограничение этой технологии может быть найдено на уровне программирования/

Тезис 4.115: «Она означает то, что не может быть сказано, ясно показывая то, что может быть сказано»

Этот тезис подчеркивает, что философия не даёт новых фактов, а выявляет границы осмысленных суждений.

Гуманитарная экспертиза действует аналогично: она не создаёт новые технологии, но определяет границы их социально приемлемого использования.

Из этого тезиса можно сформулировать принцип «предельной ясности» гуманитарной экспертизы – он указывает на необходимость четкого разграничения осмысленных суждений об инновациях и оценок, выходящих за пределы формализуемого анализа. Данный принцип требует разработки строгих критериев оценки последствий инноваций, исключающих двусмысленность и интерпретационную неопределенность. Например, в дискуссиях о влиянии искусственного интеллекта на рынок труда часто прибегают к оценочным категориям, лишенным операционализируемых параметров («ИИ угрожает человеческой креативности» или «ИИ способствует повышению производительности»). Гуманитарная экспертиза, следуя принципу предельной ясности, должна устанавливать верифицируемые критерии, такие как уровень структурной безработицы, изменение когнитивных требований к профессиям, коэффициент автоматизируемости задач**.**

Методология Витгенштейна предлагает мощный инструмент для формализации границ допустимого в инновационных практиках. Его концепция ограничения мыслимого позволяет выстраивать строгую систему гуманитарной экспертизы, исключающую неопределённость и обеспечивающую предсказуемость социальных последствий. Однако её применение требует дополнительного осмысления, поскольку чрезмерная строгость формальных границ может исключить из анализа ценностные, этические и эволюционные аспекты инноваций.

Следовательно, наиболее продуктивным представляется синтез витгенштейновского подхода с другими методологиями, позволяющий сочетать строгие критерии формальной логики с гибкостью гуманитарного анализа.

УДК 1:004.81

ЦИФРОВОЙ СЛЕД, АВАТАР, БЕССМЕРТИЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

DIGITAL FOOTPRINT, AVATAR, IMMORTALITY: POSSIBILITIES AND LIMITATIONS

Халиляева Сание Серверовна
г. Симферополь, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, студент
Научный руководитель: доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского ***О.А. Габриелян***
Khalilyaeva Saniye Serverovna
Simferopol, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, student.

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема создания человеческого «аватара» – цифровой копии человека, способного воспроизводить интеллектуальные особенности личности без физического носителя, что становится особенно важным в контексте «цифрового бессмертия». Автор акцентирует внимание на необходимости этического осмысления и контроля за «цифровыми копиями», чтобы обеспечить безопасное использование технологий.

Abstract. The article examines the current problem of creating a human “avatar” – a digital copy of a person capable of reproducing the intellectual characteristics of a person without a physical carrier, which becomes especially important in the context of “digital immortality”. The author emphasizes the need for ethical understanding and control over “digital copies” to ensure the safe use of technologies.

Ключевые слова: цифровое бессмертие, аватар, цифровой след, человечество.

Keywords: digital immortality, avatar, digital footprint, humanity.

В современном мире всё более острой становится проблема переноса особенностей человеческого сознания вовне – проблема создания так называемого человеческого «аватара», который будет полностью повторять интеллектуальные особенности конкретного человека, но при этом не будет нуждаться в человеческом теле и мозге как своём носителе. Это не мистификация, а новейшая реальность, в которую современное человечество вовлечено с момента создания искусственного интеллекта и цифровой среды обитания.

Проблема «аватара» напрямую связана с новейшей философской проблемой так называемого «цифрового бессмертия», в рамках которого мысли и суждения человека остаются в открытом доступе даже после его физической смерти, то есть человек продолжает «жить», а его мысли – влиять на общество, даже тогда, когда человек физически больше не присутствует в мире. Всё это создаёт проблемную и совершенно новую реальность, с которой человечеству прежде не приходилось сталкиваться. В рамках данной работы постараемся осветить ряд проблемных вопросов, связанных с этой темой, а также показать, насколько важной является данная философская проблема и поиск её решения.

Сразу следует обозначить, что создание цифрового «аватара», который является не просто набором мыслей конкретного человека и продуктом его самопрезентации (как, например, аккаунт в социальной сети), – сложнейшая технологическая задача, к решению которой человек уже подошёл. Единственное, что пока ещё сдерживает от всеобщего «бессмертия» такого типа – это непонимание того, что же такое сознание.

Вся философия прошлого и современная наука задавалась этим вопросом, но сознание – настолько сложный феномен, недоступный для полного понимания даже с прогрессивными технологиями. Описание нейронов не поможет понять суть сознания и его происхождение. Мозг самодостаточен: он принимает решения, а мы лишь подчиняемся его действиям.

В этой связи важнейший в современном контексте проблемный вопрос – может ли нейросеть (которой, собственно, и является мозг), обладать собственной свободой воли и выбора? Если да, то создание искусственного интеллекта потенциально опасно для человечества, поскольку слишком «умная» нейросеть может действовать так, что человек просто не будет понимать, что она делает – ведь у нас нет «ключей» к ее возможным действиям, основанным на обучении.

В этой связи возникает проблема «цифровых копий» человека – где гарантия того, что эти «цифровые клоны» после физической смерти «оригинала» не станут действовать так, как никогда бы он не поступил? Если искусственный интеллект достигнет прогнозируемого совершенства, мы можем не понять его действий и целей, так как наш естественный интеллект может иметь совершенно иные алгоритмы.

На самом деле, проблема «цифрового бессмертия» – это проблема существования сознания без мозга. Учёные уже знают, что сознание и мозг друг к другу не сводятся, но пока ещё не знают, чем грозит их разделение. Предположим, человек с физическим носителем сознания – мозгом, умирает, но сознание продолжает существовать, действовать и развиваться. Мозг – основа естественного интеллекта, включает весь мир и его законы, которые человек пока не постиг. Кроме того, то, что порождает мозг, зависит от контекста – ни одна машина не сможет повторить такого восприятия и быстрой той же интерпретации контекстуальности.

Наш мозг отличается избыточностью: в нём уже всё есть, поэтому человек может по минимальным данным логически искать и рефлексировать. Язык «обслуживает» не только коммуникацию, но и мышление. Но что будет, если нет мозга и языка, а есть лишь фантом – чистое сознание, не требующее контекста? Как будет действовать такое сознание? Как поступит аватар, не связанный с внешним миром, как это было у человека? К чему приведёт такое бессмертие? Это сложные вопросы, которые всё чаще обсуждаются в современной философии.

«С одной стороны, под цифровым бессмертием подразумевается существование послесмертного «цифрового двойника», обладающего всей полнотой представленной в цифровом пространстве прижизненной информации о цифровой личности (одностороннее бессмертие). С другой стороны, предполагается, что эта информация будет пополняться и расширяться; таким образом, цифровая личность будет продолжать развиваться и трансформироваться после своей физической смерти (двустороннее бессмертие)» [1; 793]. Однозначно можно сказать, что такой аватар не будет рефлексировать – рефлексия предполагает анализ впечатлений, которых у него нет в полноте физического человека из-за отсутствия тела. Вместе с рефлексией исчезнет и человеческое, что означает, что аватары – это не люди, а фантомы, существующие по нечеловеческим законам. Всё это звучит пугающе и пока ещё фантастически, но многие исследователи мозга, чьи исследования смежны с проблемами искусственного интеллекта (например, наша соотечественница Т.В. Черниговская) утверждают, что до триумфа искусственного интеллекта, когда мир и человек изменятся до неузнаваемости, остались считанные годы, и все мы будем его свидетелями.

Бытие «аватара» – это исключительно информационное бытие, которое пока ещё сложно представить как полноценное существование. Когда человека просят представить свою цифровую копию, то нам представляется что-то вроде цифрового профиля, куда просто «загружена» информация о пользователе, но это – примитивное понимание. На самом же деле речь в рамках проблемы «цифрового бессмертия» идёт о самостоятельном функционировании сознания, которое можно будет перенести на другой носитель после физической смерти человека, позволяя ему продолжать жить.

Здесь возникает этическая проблема глобального толка: а спросят ли сознание, хочет ли оно продолжать функционировать после смерти носителя? Будет ли оно обладать волей или просто существовать для живых? Есть ли у «аватара» душа и чувства? Каким образом вообще можно этически ограничить и юридически регламентировать использование такого аватара в цифровом формате?

Есть и ещё одна серьёзная проблема, касающаяся бытия живых людей: «Если смерть перестаёт быть конечной благодаря цифровому бессмертию, возникает риск обесценивания самой жизни. Сознание, знающее о своей потенциальной вечности в цифровой форме, может лишиться остроты переживаний и стремления к реализации целей в ограниченный срок» [3; 62]. Об этом также обязательно следует задуматься.

На самом деле, тестирования таких «аватаров» уже началось, особенно в киноиндустрии, где удалось «оживить» ушедших из жизни актёров. Искусственный интеллект воссоздал их голос, мимику, жесты и поведение на основе прошлых работ и видеоинтервью, создав цифровую копию человека, заставив его «сыграть» в фильме и произнести реплики, которые он никогда не говорил. Это кажется технологическим экспериментом и демонстрацией достижений искусственного интеллекта, но выглядит не только пугающе, но и крайне неэтично. Люди создают «аватары» ушедших из жизни людей, заставляя их делать то, что живой человек никогда бы не сделал, не спрашивая разрешения. Разве это этично? Где гарантия, что «цифровое бессмертие» не приведёт к массовому использованию таких «аватаров» не только в кино, а вообще в любых сферах жизни?

Ещё одним проблемным вопросом в этой связи является всё более набирающая обороты виртуализация жизни. Человек современности уже не просто живёт и действует в двух пространствах – реальном и виртуальном, но он стремится перебраться в виртуальное. Люди всё чаще начинают взаимодействовать опосредованно – при помощи технических средств, видя не живых людей, а их изображения на экране. Это ведёт к проблеме того, что живого человека по незнанию вполне можно будет ввести в заблуждение и заставить общаться с фантомом вместо живого человека и не ощущать разницы из-за развитых технологий. Это повышает возможности мошенничества от имени фантомов, которых нельзя судить из-за отсутствия закона, а также психологического насилия и запугивания (например, «позвонить» может ушедший родственник). Кстати, что касается «возраста» фантомов, то воссоздавать их можно будет в любом желаемом возрасте по фото, видео и аудио, что, опять же, не просто противоречит естественному ходу времени, но вообще выходит за рамки этически дозволенного. Человека, умершего глубоким стариком, чтившего и любившего свой возраст, можно «воскресить» юношей, если существует достаточное количество фото, видео и аудио. Для нынешних пожилых людей это технологически невозможно, но через 50 лет станет реальным для любого человека. Никто не будет спрашивать, в каком возрасте его «воскресить», это сделают родственники и друзья, желающие сохранить его «аватар» в выбранном возрасте. Такие эксперименты навсегда изменят человеческую этику, а также законодательство, потому что без юридической регламентации это породит этический хаос.

В заключение вспомним отечественного философа-космиста Н.Ф. Фёдорова, отношение к которому неоднозначно именно из-за его идей до-

стижения бессмертия. Его «Философия общего дела» – трактат о внутреннем преобразовании человека, необходимом для кардинальных изменений в мире и достижения всеобщего бессмертия. Основную роль в этом процессе играет просвещение – постижение законов природы, позволяющее предсказывать её развитие. Фёдоров совмещает познание с долгом, а долг – с нравственностью. Не все технические новинки он оправдывал; многие достижения науки он критиковал за отсутствие пользы для духовности и общечеловеческого братства. Вероятно, философ не одобрил бы создание «аватаров», хотя предвидел он верно – научное познание и создание технологической базы действительно ведут человечество к описанному «цифровому бессмертию». Как видно из приведенных рассуждений, оно заключает в себе больше проблем, чем позитивных ответов на возникающие вопросы. Решение этих проблем стратегически важно для обеспечения безопасного будущего человечества и цивилизации. Заниматься поиском этих решений следует уже сейчас, пока не стало слишком поздно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарова Ю.В. Аксиология цифрового бессмертия // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, Том 49, №4, 2024 – с. 792-799.
2. Сулейменов, И.А., Габриелян, О.А. Цифровое бессмертие: прогнозируемые трансформации основ человеческой цивилизации – Алматы: Принт-Экспресс, 2023 – 242 с.
3. Яцевич М.Ю., Белоногов М.А. Философско-этические проблемы цифрового бессмертия // Universum: общественные науки, №12 (115), 2024 – с. 61-63.

УДК 161.14

ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ» В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

LOGICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF "PERSONAL DATA" IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Михайлина Анастасия Александровна
г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, аспирант кафедры философии
Научный консультант: кандидат философских наук, доцент ***А.М.Тимохин***
Mihailina Anastasia Aleksandrovna
Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Postgraduate student of the Department of Philosophy

Аннотация. Обосновывается необходимость уточнение понятия «персональные данные» в связи с широким распространением цифровых технологий. Уточняется содержание этого понятия. Создание новой цифровой инфраструктуры вынуждает обращаться к логико-методологической культуре представителям юридической, финансовой, экономической сфер деятельности.

Annotation. The necessity of clarifying the concept of "personal data" in connection with the widespread use of digital technologies is substantiated. The content of this concept is being clarified. The creation of a new digital infrastructure forces representatives of the legal, financial, and economic spheres to turn to the logical and methodological culture.

Ключевые слова: логика. методология, персональные данные, цифровизация.

Keywords: logic. methodology, personal data, digitalization.

Развитие цифрового общества связано с возникновением цифровой инфраструктуры, которая характеризуется появлением цифровых платформ, виртуализацией и медиатизацией социальной коммуникации, применением искусственного интеллекта и облачных технологий.

Цифровые платформы сегодня широко применяются в различных сферах профессиональной деятельности и повседневной жизни человека. Они выступают эффективным инструментом в деятельности государственных и коммерческих структур, в организации и осуществлении медицинских, образовательных, других услуг.

Цифровая трансформация общества связан с появлением киберпространства, обусловленного развитием сети Интернет. Именно посредством Интернета осуществляется сегодня большая часть деловой коммуникации.

Активное внедрение цифровых технологий во все сферы общественной жизни сопровождается значительными рисками.

Современное поколение, родившееся в эпоху цифровизации, с самого рождения взаимодействует с окружающим миром через технические устройства: люди привыкли к доступности информации и быстроте ее получения. Неотъемлемой частью жизни стали гаджеты. Все это значительно меняет восприятие мира, трансформирует образ жизни современного человека. Для него особое значение приобретают персональные данные.

Понятие «персональные данные» является ключевым в обработке информации о субъекте персональных данных. Это касается многих жизненно важных вопросов, имеющих как личный, так и социальный характер. При этом спектр охватываемых этим понятием отношений весьма разнообразен и включает безопасность субъекта, членов его семьи, его честь и достоинство, корпоративных интересов, юридических, экономических, финансовых и т.д. сторон его жизнедеятельности. Эти вопросы не менее важны для юридических лиц, осуществляющих свою деятельность на территории Российской Федерации, поэтому столь важным и актуальным представляется определение данного понятия, а также тесно связанных с ним понятий: личные данные, конфиденциальная информация, информация для служебного пользования, сведения, составляющие государственную тайну, подписка о неразглашении информации.

Хотя вышеперечисленные понятия «работают» в соответствующих сферах, их использование носит стихийный, неотрефлектированный характер. Динамика происходящих в социальной и технологической сферах изменений требует выработки таких логических и методологических установок, которые обеспечили бы адекватность и эффективность подхода к решению назревших юридических, этических и других проблем. Например, в повестке дня возник вопрос о способах передачи персональных данных, то есть по каким каналам такую передачу могут осуществлять обладающие ими юридические лица, чтобы избежать утечки персональных данных. 15.04.2025 года РИА Новости сообщило о том, что суд впервые оштрафовал банк за пересылку личных данных через WhatsApp.

По сообщению Роскомнадзора Российский суд впервые привлек к ответственности финансовую организацию за использование иностранного мессенджера для передачи персональных данных гражданина. Банк был признан виновным по статье 13.11.2 КоАП РФ и оштрафован на 200 тыс. рублей за коммуникацию с должником через WhatsApp.

В результате разбирательства выяснилось, что сотрудник кредитной организации вопреки запрету, оправил должнику через WhatsApp сообщение с корпоративного номера. С 01.04.2023 года вступил в силу запрет

на использование иностранных мессенджеров при оказании государственных и финансовых услуг. В перечень мессенджеров, запрещенных для передачи платежных документов и персональных данных входят: Discord, Snapchat, Skype, Microsoft Teams, Threema, Viber, WhatsApp, WeChat, Telegram. Пересылка юридически значимых документов в иностранных мессенджерах наказывается штрафом до 700 тыс. рублей.

27.07.2006 Государственная Дума приняла Федеральный закон «О персональных данных» от N 152-ФЗ.

Вопрос о персональных данных, их обработке, хранении и использованию актуализировался вследствие роста масштабов цифровизации. Значительно выросли риски, связанные с утечкой (как вследствие халатности и недобросовестного выполнения своих обязанностей оператором персональных данных, так и умышленного воровства персональных данных). И в том, и в другом случае этим обстоятельством могут воспользоваться мошенники, ущерб от преступных действий которых по разным оценкам составляет 1 триллион рублей.

Так Сбербанк оценил суммарные потери российской экономики от мошеннических схем (кибератаки, звонки мошенников, утечка персональных данных и т.д.). Если изучить статистику преступлений, то становится понятно, что большой проблемой становится утечка персональных данных, чтобы ее предотвратить нужна осведомленность, как защищать персональные данные. Вместе с тем, преступность в этой сфере растет семимильными шагами в плане применения новейших технологий. Нельзя не упомянуть и о моральном и репутационном ущербе, который наносится гражданам и организациям. Это свидетельствует о значимости теоретического осмысления данной проблемы.

В Федеральном законе «О персональных данных» дано следующее определение персональных данных. Персональные данные – любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных).

К персональным данным, согласно данному закону, относятся:

– фамилия, имя, отчество;

– место, дата рождения;

– место постоянной или временной регистрации;

– фотография или видеозапись человека, позволяющие идентифицировать человека;

– сведения о детях, родственниках, семейном положении;

– сведения о заработной плате;

– оценка навыков, личностных качеств;

– индивидуальные личные данные (раса, национальность, политические или религиозные взгляды, философские убеждения; состояние здоровья);

– информация о судимостях, или их отсутствии;

– номер телефона, адрес электронной почты, иные идентификаторы в социальных сетях или мессенджерах;

– паспортные данные, СНИЛС, ИНН;
– биометрические данные.

Ряд из пунктов носит спорный характер и нуждается в уточнении. Необходимо очертить круг родственников и о каких сведениях о них идет речь. Указать, что не только сведения о заработной плате относятся к персональным данным, но и другие источники доходов, а также имущественное положение, под которым понимается движимое и недвижимое имущество субъекта персональных данных. Поставить в один ряд политические, религиозные и философские взгляды с биометрическими данными некорректно.

Также существует классификация персональных данных. Их подразделяют на:
– общедоступные;
– специальные;
– биометрические;
– иные.

Такая классификация дана в Постановлении Правительства от 1 ноября 2012 г. № 1119.

К общедоступным относятся те, на доступ к которым дано согласие субъекта персональных данных, а не те, которые можно найти в общем доступе в интернете.

Специальные – информация о расе, национальности, религиозной и конфессиональной принадлежности; а также личной жизни, состоянии здоровья, политических и философских взглядах, судимостях.

Биометрические – информация о физиологических и биологических особенностях человека. Это отпечатки пальцев, генетическая информация, рисунок радужной оболочки глаз, образцы голоса, фотографии.

Вся остальная информация о субъекте персональных данных относится к категории иных персональных данных. Например, электронная почта, геолокация, стаж работы, информация об увлечениях, привычках, гастрономических предпочтениях субъекта персональных данных и пр.

С точки зрения логики такое деление объемов понятия персональные данные вполне корректно, однако, появление новых социальных характеристик (таких как кредитная история, отношение или принадлежность к нетрадиционным и ЛГБТ сообществам и др.) требует уточнений.

Однако следует учитывать то обстоятельство, что ряд из персональных данных сами по себе таковыми не являются, а приобретают эти качества в привязке к субъекту персональных данных, например, номер телефона без указания, кому он принадлежит, к персональным данным не относится. Это свидетельствует о том, что персональные данные носят системный и комплексный характер и требуют соответствующих подходов: системного, логического и междисциплинарного.

Разработка комплекса мер в борьбе с киберпреступностью должна опираться в том числе на методологию системного подхода, которая предполагает совершенствование нормативно-правовой базы, всесторонний логический анализ ситуации, поиск и реализацию новых подходов (например, создание единого сервиса, на основе подхода, включающего меры по гарантированию безопасности программного обеспечения с самого начала его разработки – secure by design). В то же время, технологичные решения должны быть простыми и доступными для применения, скажем, в цветочном магазине или онлайн магазинах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон Российской Федерации «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152 // Официальный интернет-портал правовой информации
2. Постановление Правительства РФ «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» от 01.11.2012 № 1119 // Официальный интернет-портал правовой информации

УДК 348

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДИДЖИТАЛИЗАЦИИ В ГРЕНЛАНДИИ

MAIN DIRECTIONS OF DIGITALIZATION IN GREENLAND

Проценко Андрей Сергеевич,
аспирант, 1-й курс, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
Protsenko Andrey Sergeevich,
1st year postgraduate student Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Simferopol

Аннотация. Важной частью политики цифровизации Дании является внедрение и распространение цифровизации в одном из наиболее сложных, с географической и климатической точки зрения её регионов – Гренландии. Обладая статусом самоуправляющейся территории правительство Гренландии разработало первую стратегию цифровизации в 2011 г. Ее основной стало переведение общения граждан региона с государственными формами в цифровой формат. Цифровизация открыла доступ гренландцам к профессиональным образовательным ресурсам, СМИ, исследовательские отчеты, секторы здравоохранения и бизнеса.

Abstract. An important part of Denmark's digitalization policy is the introduction and dissemination of digitalization in one of its most complex regions, from a geographical and climatic point of view – Greenland. Having the status of a self-governing territory, the Government of Greenland developed the first digitalization strategy in 2011. Its main goal was to transfer the communication of the region's citizens with government forms to a digital format. Digitalization opened access for Greenlanders to professional educational resources, media, research reports, health and business sectors.

Ключевые слова: Гренландия, самоуправления, Секретариат по информационным технологиям, цифровизация.

Keywords: Greenland, self-governments, Secretariat for Information Technology, digitalization.

Гренландия с ее огромной территорией и множеством населенных пунктов представляет сложный пример цифровизации. Согласно «Стратегии Гренландии в области ИКТ на 2011–2015 гг.», за эти годы цифровизация в государственном секторе существенно ускорилась. Общение граждан с государством и муниципалитетами переведено в цифровую форму. Информационные и профессиональные ресурсы знаний, от популярных СМИ до исследовательских отчетов, стали доступны онлайн [1, с. 94; 2, с. 56].

В предисловии к планам ее правительства 2011 г. по продвижению информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) указано: «… есть некоторые особые проблемы из-за большой географии с небольшим и рассредоточенным населением, что затрудняет совместное социальное развитие». Также правительство считало, что «сейчас как никогда важно рассматривать цифровизацию как движущую силу и сосредоточиться на предоставлении гражданам, организациям и компаниям наилучших условий для активного и равноправного участия – независимо от происхождения и места проживания…» [3].

Работа по цифровизации в Гренландии началась с принятия 1-й стратегии в области ИКТ в 2011 г. Ее главная цель – поддержка общественного развития контролируемым и последовательным образом, «Объединить общество по всей стране и соединить Гренландию с внешним миром, чтобы мы стали частью глобального развития». Подготовка стратегии в области ИКТ началась в 2009 г. с определения направлений деятельности: 1) телекоммуникации и Интернет, 2) услуги гражданам и госуправление, 3) образование и навыки, 4) сектор здравоохранения и 5) инновации и бизнес.

Секретариат по информационным технологиям отвечал за управление проектом, в рамках которого работа велась несколькими руководителями групп по направлениям деятельности в 2010 г., с пониманием того, что «Информационно-коммуникационные технологии способствуют объединению страны и являются основой для глобально ориентированного социального развития, которое создает рост и благосостояние для всех». Стратегия была представлена в ходе публичных консультаций с участием всех заинтересованных сторон [4, с. 57].

Следовало обеспечить, чтобы сельское население Гренландии [5] могло использовать новые технологии, создать сервисные центры, где население получит доступ к компьютерам, предлагались образовательные и другие услуги ИКТ. Государственный сектор Гренландии состоит из правительства, 4-х муниципалитетов и системы здравоохранения.

Цифровизация требовала расширения сотрудничества в госсекторе, между органами самоуправления и муниципалитетами. Это был аргумент для разрушения барьеров между администрациями и органами власти, чтобы услуги стали единообразными, легкодоступными и понятными для пользователя. Госсектор Гренландии работал над разработкой и внедрением цифровых решений, ориентированных на граждан.

Правительство считало, что это целесообразно, т.к. цифровизация рабочих процессов привела бы к тому, что они стали более единообразными, улучшить обработку дел и предложило предоставить децентрализованным муниципальным кураторам дел инструменты в виде доступа к базам знаний и описаниям работ, которые можно было бы использовать для самообслуживания граждан, где требовался NemID (для входа в систему для датских интернет-банков, правительственных веб-сайтов и некоторых частных компаний) [6].

Основное направление деятельности госслужбы и администрирования было направлено на обеспечение возможности обмена данными и информацией между организациями и ИТ-системами. Цель – обеспечение рациональной и эффективной работы, более быстрой и гибкой разработки ИКТ-решений госсектора. Преимущества цифровизации в Гренландии заключаются и в улучшении здравоохранения за счет телемедицины, бесперебойной и цифровой коммуникации между гражданами и органами власти [7, с. 7].

Ожидалось, что полная реализация стратегии в области ИКТ, начатая в 2012 г., будет завершена к концу 2015 г. [8]. В отчете о состоянии дел в конце 2013 г., сообщалось, что NemID для граждан уже функционировала с безопасным входом в публичные решения самообслуживания [9, с. 58].

С тех пор усилия по цифровизации расширены за счет новых инициатив, возникших в результате реформ и стратегий [7, с. 7]. В связи со Стратегией ИКТ в 2013 г. создано Агентство по цифровизации. Политические приоритеты Коалиционного соглашения отражены в стратегии цифровизации, которая направлена на цифровизацию территории Гренландии и вносит вклад в видение её правительства. В то время как ИКТ фокусировался на ИТ, Датское агентство по цифровизации фокусировалось на 3-х направлениях: люди, процессы и продукты.

Стратегия цифровизации на 2014–2017 гг. основана на международном подходе к цифровизации и следовала 10 принципам, действовала по 6 направлениям: больше и дешевле Интернета; модернизация основных данных; простой, эффективный и слаженный государственный сектор; цифровое образование и компетентность; здоровье для всех, инновации и инвестиции с соответствующим количеством проектов и указанием того, находятся ли проекты в процессе реализации, завершены или еще не начаты [7, с. 7].

Датское цифровое агентство указывало: «Государственный сектор уверенно движется вперед. Самоуправление и муниципалитеты установили высокую планку и реструктурируют государственный сектор, чтобы государственные услуги стали более цифровыми». Опрос граждан и ИТ-специалистов, в 2013 и 2014 гг., показал, что 63% граждан в 2014 г. требовали больше цифровой коммуникации с госсектором. По сравнению с показателями 2013 г., в 2014 г. цифровым самообслуживанием пользовалось на 21% больше граждан [7, с. 6].

Дальнейшее исследование граждан и ИТ в Гренландии, (2014–2016 гг.), показало, что 65% респондентов предпочитали, чтобы общение с госсектором осуществлялось в электронном виде, 42% предпочитали электронную почту, 23% предпочитали SMS и цифровую почту и т. д. [10].

В период реализации Стратегии с 2011 по 2015 гг. отмечено развитие цифровых технологий в сфере здравоохранения. Цифровая почта и обя-

зательное цифровое самообслуживание изменили коммуникацию правительства с гражданами и бизнесом.

Совместная стратегия цифровизации государственного сектора на 2016–2020 гг. была направлена на улучшение обмена данными между органами власти, скоординированный путь пользователя между решениями, повышение информационной безопасности и разработку новых и перспективных версий программ. В марте 2021 г. правительство запустило партнерство по цифровизации ради цифрового будущего Дании. Это помогло получить знания о том, как Дания может лучше использовать цифровую трансформацию. Рекомендации Цифрового партнерства легли в основу совместной стратегии цифровизации госсектора на 2022–2025 гг. Общее видение государства, муниципалитетов и регионов заключается в том, что цифровизация должна стать центральной частью ответа на основные общественные проблемы, стоящие перед Данией. Возглавляет процесс цифровизации Дании министерство диджитализации [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Jespen Bove-Nielsen. Den Nye Deleøkonomi. Dijitale strategier I andanfundet. – 2016. – 421 s.
2. Den digitale kultur i Grönland. Specialeafhandling udarbejdet af: Nivi J. Nielsen, stud.mag. Vejleder: Jette Rygaard, lektor Afdeling for Sprog, litteratur og medier Ilisimatusarfik, Nuuk August 2017. – S. 56. – URL: nivi-j-nielsen-speciale-medbilag-10102017.pdf (дата обращения: 30.03.2025).
3. Naalakkersuisut. 2011. – URL: https://ina.gl/media/q5rp2zqt/pkt14_em2011_udenrigspolitisk_strategi_rg_dk.pdf (дата обращения: 30.03.2025).
4. Den digitale kultur i Grönland. Specialeafhandling udarbejdet af: Nivi J. Nielsen, stud.mag. Vejleder: Jette Rygaard, lektor Afdeling for Sprog, litteratur og medier Ilisimatusarfik, Nuuk August 2017. – S. 57. – URL: nivi-j-nielsen-speciale-medbilag-10102017.pdf (дата обращения: 30.03.2025).
5. Statistisk Årbog, Grønlands Statistik. Udskriftsdato : 30 juni 2017. – URL: https://stat.gl/sa/saD2017.pdf (дата обращения: 30.03.2025).
6. How you use MitID. – URL: MitID er Danmarks digitale ID – MitID (дата обращения: 30.03.2025).
7. Naalakkersuisut. – S. 7. – URL: https://ina.gl/media/q5rp2zqt/pkt14_em2011_udenrigspolitisk_strategi_rg_dk.pdf (дата обращения: 30.03.2025).
8. Naalakkersuisut. – URL: https://ina.gl/media/q5rp2zqt/pkt14_em2011_udenrigspolitisk_strategi_rg_dk.pdf (дата обращения: 30.03.2025).
9. Den digitale kultur i Grönland. Specialeafhandling udarbejdet af: Nivi J. Nielsen, stud.mag. Vejleder: Jette Rygaard, lektor Afdeling for Sprog, litteratur og medier Ilisimatusarfik, Nuuk August 2017. – S. 58. – URL: nivi-j-nielsen-speciale-medbilag-10102017.pdf (дата обращения: 30.03.2025).
10. Statistisk Årbog, Grønlands Statistik. Udskriftsdato : 30 juni 2017. – URL: https://stat.gl/sa/saD2017.pdf (дата обращения: 31.03.2025).
11. Digitaliseringsministeriet. – URL: Digitaliseringsministeriet | Digitaliseringsministeriet (дата обращения: 31.03.2025).

УДК 316.4

ВИДЕОИГРЫ КАК ФОРМА КУЛЬТУРНОЙ НОВАЦИИ

VIDEO GAMES AS A FORM OF CULTURAL INNOVATION

Литвиненко Д. Д.*, магистрант, преподаватель философии*
Научный руководитель: доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского ***О.А. Габриелян***
Litvinenko D. D., *MA student, lecturer in philosophy*

Аннотация. В статье рассматривается феномен видеоигр в контексте философии игры и цифровизации культуры. Опираясь на идеи Гадамера и Витгенштейна, видеоигры анализируются как форма культурного действия и социализации. Подчеркивается их когнитивный, терапевтический и символический потенциал.

Abstract. The article examines the phenomenon of video games in the context of the philosophy of play and the digitalization of culture. Based on the ideas of Gadamer and Wittgenstein, video games are analyzed as a form of cultural action and socialization. Their cognitive, therapeutic and symbolic potential is emphasized.

Ключевые слова: видеоигры, культура, герменевтика, Витгенштейн, Гадамер, социализация

Keywords: video games, culture, hermeneutics, Wittgenstein, Gadamer, socialization

Цифровизация культуры приводит к переосмыслению фундаментальных понятий человеческого опыта – таких как игра, идентичность, творчество и коммуникация. Одной из ключевых форм культурного выражения в XXI веке становятся видеоигры. От аркадного развлечения они эволюционировали в сложные интерактивные среды, способные влиять на общественные практики, образование и даже политическую социализацию.

Возникает необходимость философского осмысления этого феномена – не только с точки зрения его технического устройства, но и как новой формы культурной новации. Особое значение здесь приобретают идеи Г.-Г. Гадамера и Л. Витгенштейна, позволящие рассматривать видеоигры как пространство смыслопорождения и культурного участия.

Видеоигра становится не только объектом медийной и педагогической практики, но и предметом философского анализа. Сегодня она требует осмысления как культурный артефакт и как медиум, через который формируется восприятие реальности, взаимодействие с другим, формирование идентичности и этики. медийной и педагогической практики, но

и предметом философского анализа. Сегодня она требует осмысления как культурный артефакт и как медиум, через который формируется восприятие реальности, взаимодействие с другим, формирование идентичности и этики.

Объект исследования – видеоигры как форма культурной практики в цифровую эпоху. Предмет исследования – философское осмысление видеоигр как пространств смыслопорождения, социализации и трансляции ценностей.

Цель работы – раскрыть особенности видеоигры как формы культурной новации на основе философских концептов герменевтики и языковых игр. Задачи:

1. Охарактеризовать понятие игры в контексте философии Гадамера и Витгенштейна.
2. Проанализировать видеоигру как феномен современной культуры и формы символического действия.
3. Рассмотреть её потенциал как инструмента социализации, когнитивного развития и культурного влияния.

В философии XX века игра начинает пониматься не как детское развлечение, а как способ бытия. Гадамер в «Истине и методе» утверждает, что игра – это событие, в которое человек вовлекается, теряя контроль как субъект. Она имеет собственную логику и ритм, не отражает реальность, но создает её в переживании [1, с. 245].

Людвиг Витгенштейн вводит понятие «языковой игры», согласно которому язык – это совокупность форм деятельности, где значение определяется контекстом и употреблением. Видеоигры в этом ключе могут пониматься как автономные языковые миры, в которых игрок осваивает правила, действия и цели, действуя в специфической культурной ситуации [2, с. 52].

В цифровой игре смысл формируется не извне, а внутри процесса: игрок принимает решения, вступает во взаимодействие с системой и другими участниками, интерпретирует происходящее. Это не уход от мира, а форма культурного бытия в его новом выражении.

Как подчеркивают Кузьмина и Сидоров, видеоигры оказывают значительное влияние на мироощущение современного человека, становясь не только формой досуга, но и способом самовыражения и даже профессией [3, с. 78–79]. Игры насыщены нарративом, визуальной культурой, мифологией и этическими выборами.

Игрок может принимать на себя различные идентичности, пробовать стратегии поведения, моделировать моральные дилеммы. Понятие «сейва» символизирует возможность переигрывания, изменения результата, переосмысления – особое отношение ко времени и выбору.

Видеоигра становится формой рефлексии, пространства, где можно безопасно прожить альтернативный опыт. Механика, визуальные решения, звуковое сопровождение и сюжет соединяются в целостное культурное высказывание.

Социологические исследования Морозовой и Селютина показывают, что видеоигры воспринимаются подростками как способ отдохнуть,

справиться со стрессом и развить умственные навыки [4, с. 47–49]. Подростки также подчёркивают коммуникативную функцию игр – они объединяют игроков в сообщества, команды и кланы.

Игровые практики формируют навыки кооперации, распределения ролей, решения конфликтов – то есть социализацию. Эти навыки часто транслируются за пределы игры в реальные коммуникационные практики.

В ряде стран видеоигры используются и в терапевтических целях. В частности, для пожилых людей – как способ профилактики деменции и поддержки когнитивной активности. Механики, направленные на внимание, память и реакцию, стимулируют нейропластичность и замедляют возрастные изменения.

Современные игры часто становятся площадками культурной трансляции. Через сюжет, визуальные образы, музыку и механику они транслируют ценности, формируют образы идентичности и модели поведения. Это делает видеоигру инструментом «мягкой силы» – непрямого культурного влияния.

Игры с развитым нарративом, как, например, The Last of Us или Life is Strange, затрагивают социальные, моральные и психологические темы, предлагая игроку осмыслить сложные ситуации. Эти проекты не только развлекают, но и социализируют, воспитывают, обучают.

Таким образом, видеоигра может быть рассмотрена как культурный медиум, способный влиять на общественное сознание не навязчиво, а через участие, эмпатию и вовлечённость. Это усиливает её философское и социальное значение.

Философия игры у Гадамера и концепт языковых игр у Витгенштейна открывают путь к пониманию видеоигр как новых форм смыслопорождения, участия и идентичности. Видеоигра – это не просто развлечение, а пространство рефлексии, обучения и культуры.

Она развивает когнитивные и коммуникативные навыки, становится инструментом социализации и даже терапии, а также транслирует культурные коды. Её влияние – не механическое, а смысловое. Следовательно, видеоигра – это форма культурной новации, которая требует философского внимания, вдумчивого анализа и диалога, а не стигматизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: Гнозис, 1994.
3. Кузьмина Г. П., Сидоров И. А. Компьютерные игры и их влияние на внутренний мир человека // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2012. № 2 (74). Ч. 2. С. 78–84.
4. Морозова А. А., Селютин В. А. Роль видеоигр в жизни современного подростка: мнение детей и родителей // Медиасреда. 2021. № 2(2). С. 46–52.

УДК 004.8

АВТОНОМНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СТРОИТЕЛЬНОМ МЕНЕДЖМЕНТЕ: ГРАНИЦЫ И ВЫЗОВЫ

THE AUTONOMY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CONSTRUCTION MANAGEMENT: BOUNDARIES AND CHALLENGES

Иванов Дмитрий Викторович
аспирант, г. Симферополь, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Научный консультант: доктор философских наук
Д.В. Гарбузов
Ivanov Dmitry Viktorovich
postgraduate student, Simferopol, V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

Аннотация. В статье рассматривается растущая роль искусственного интеллекта (ИИ) в строительном менеджменте и анализируются возможности, ограничения и вызовы, связанные с его автономностью. Сосредоточившись на перспективах отношений между человеком и машиной в контексте дихотомии «сознание против искусственного интеллекта», исследование затрагивает границы применения ИИ в задачах, требующих критического мышления, этических суждений и учёта контекста. Статья выявляет ключевые проблемы, такие как недоверие, отсутствие стандартов, риск «чёрного ящика» и вопросы ответственности за ошибки ИИ, и предлагает пути развития эффективного сотрудничества между человеком и машиной для повышения эффективности и безопасности строительной отрасли.

Abstract. The article examines the growing role of artificial intelligence (AI) in construction management and analyzes the opportunities, limitations and challenges associated with its autonomy. Focusing on the perspectives of the relationship between man and machine in the context of the "consciousness versus artificial intelligence" dichotomy, the author explores the boundaries of AI application in tasks requiring critical thinking, ethical judgments and consideration of context. The article identifies key issues such as distrust, lack of standards, the risk of a "black box" and issues of responsibility for AI errors, and suggests ways to develop effective cooperation between humans and machines to improve the efficiency and safety of the construction industry.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, строительный менеджмент, автономность, сознание, отношения между человеком и машиной, этика, алгоритмы, управление рисками, контроль качества, цифровизация.

Keywords: Artificial intelligence, construction management, autonomy, consciousness, human-machine relationship, ethics, algorithms, risk management, quality control, digitalization.

Строительная отрасль, долгое время остававшаяся относительно консервативной, сегодня переживает период стремительной цифровой трансформации. Технологии искусственного интеллекта (ИИ) все глубже проникают в различные аспекты строительного менеджмента, открывая новые возможности для повышения эффективности, снижения затрат и улучшения качества. От автоматизированного проектирования до интеллектуального управления ресурсами – ИИ становится все более важным инструментом в руках строительных компаний.

Этот тренд подтверждается многочисленными исследованиями. Согласно отчету McKinsey Global Institute, цифровизация строительной отрасли может повысить производительность на 15% и снизить затраты на 45%. При этом ключевую роль в реализации этого потенциала играет именно применение технологий искусственного интеллекта [1].

Целью данной статьи является исследование этих вопросов, анализ возможностей и ограничений автономного ИИ в строительном менеджменте, а также оценка влияния человеко-машинных отношений на будущее строительной отрасли. В рамках данного исследования рассмотрим, как концептуальная разница между человеческим сознанием и логикой ИИ формирует перспективы сотрудничества и какие вызовы необходимо преодолеть для успешной интеграции этих технологий.

Таблица 1 – концептуальная разница между человеческим сознанием и логикой ИИ

Параметр	**Традиционный подход**	**Цифровой подход (с использованием ИИ)**
Принятие решений	Интуиция, опыт, ручной анализ данных	Анализ больших данных, прогнозирование, оптимизация
Управление ресурсами	Ручное планирование, ограниченная видимость	Автоматизированное планирование, точный прогноз, оптимизация логистики
Контроль качества	Ручной осмотр, выборочные проверки	Автоматический мониторинг, выявление дефектов в режиме реального времени
Управление рисками	Оценка на основе опыта, ограниченный анализ данных	Анализ данных, моделирование сценариев, проактивное управление рисками
Эффективность	Зависит от квалификации специалистов, высокий риск ошибок	Высокая скорость, точность, снижение рисков и затрат

Как видно из таблицы 1, переход к цифровому подходу, основанному на искусственном интеллекте, сулит значительные улучшения во всех ключевых аспектах строительного менеджмента. Однако успешная реализация этого перехода требует осмысленного подхода к интеграции ИИ и преодолению возникающих трудностей.

Человек и искусственный интеллект.

В противоположность человеку, обладающему сознанием, эмоциями и этическими принципами, искусственный интеллект, даже самый продвинутый, функционирует на основе алгоритмов и машинного обучения. Он способен обрабатывать огромные объёмы данных, выявлять закономерности и оптимизировать процессы с невероятной скоростью, однако лишён субъективного опыта и сознания в том смысле, в каком их понимает человек [2]. ИИ может отлично справляться с задачами, требующими логического анализа и вычислительных мощностей, но оказывается беспомощным в ситуациях, требующих эмпатии, интуиции или моральных суждений.

Различия особенно заметны в контексте строительного менеджмента. Например, при выборе между двумя вариантами проекта ИИ может оценить их с точки зрения стоимости, сроков реализации и потребления ресурсов. Однако он не сможет учесть эстетическую ценность проекта, его влияние на окружающую среду или социальные последствия для местного населения, если эти факторы не будут явно прописаны в алгоритме. Человек, обладающий сознанием, может учитывать все эти аспекты и принимать взвешенные решения, основанные не только на логике, но и на этических принципах и интуиции [3].

Сравнение характеристик сознания человека и искусственного интеллекта в процессе принятия решений представлено на таблице 2.

Таблица 2 – сравнение характеристик сознания человека и искусственного интеллекта в процессе принятия решений

Характеристика	Сознание (человек)	Искусственный интеллект
Основа принятия решений	Опыт, интуиция, эмоции, этические принципы	Алгоритмы, данные, машинное обучение
Субъективность	Да	Нет
Адаптивность	Высокая, способность к обучению	Высокая, но ограничена рамками алгоритма
Моральные суждения	Да, способность к этической оценке	Нет, отсутствие моральных принципов (если не запрограммированы)
Контекстное понимание	Да, глубокое понимание ситуации	Ограничено данными и алгоритмами

Исследования в области когнитивной психологии показывают, что человеческое принятие решений подвержено влиянию когнитивных искажений и эмоций [4]. Хотя это может приводить к ошибкам, это также является источником креативности и инноваций. ИИ, в свою очередь, лишён этих искажений, что обеспечивает большую объективность и последовательность, но ограничивает его способность нестандартно мыслить и адаптироваться к новым ситуациям.

Проектирование и BIM.

ИИ может быть использован для генеративного проектирования, позволяя создавать оптимальные планировки зданий с учетом различных критериев (освещенность, энергоэффективность, стоимость) [5]. Он также может автоматизировать рутинные задачи в BIM-моделировании, такие как обнаружение коллизий и проверка соответствия нормативным требованиям. Генеративное проектирование требует тщательного контроля со стороны архитектора, поскольку ИИ не может учитывать все нюансы, связанные с эстетикой, функциональностью и культурным контекстом.

Внедрение ИИ в строительстве сталкивается с вызовами, связанными с взаимодействием человека и машины [6]. Основные проблемы включают: недоверие и сопротивление специалистов из-за опасений по поводу потери рабочих мест [7]; отсутствие стандартов и этических норм, регулирующих использование ИИ [8]; риск «чёрного ящика», затрудняющий понимание логики принятия решений 9; и необходимость определения ответственности за ошибки, допущенные ИИ.

Будущее строительного менеджмента видится в синергии человека и ИИ, где каждый выполняет свою роль [10]. ИИ берёт на себя рутинные операции, анализ данных, оптимизацию процессов и прогнозирование, а человек сосредотачивается на стратегическом планировании, управлении рисками, творческих задачах, этической оценке и координации.

Успешное внедрение ИИ в строительный менеджмент позволит повысить эффективность, снизить затраты, улучшить качество и обеспечить большую безопасность на строительных площадках. Однако для достижения этих целей необходимо осознавать и преодолевать вызовы, связанные с отношениями между человеком и машиной, и выстраивать сотрудничество на основе взаимного доверия и уважения. Будущее строительной индустрии – это будущее, в котором человек и машина работают вместе, дополняя друг друга и создавая более эффективные, безопасные и устойчивые строительные решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. McKinsey: тенденции и советы экспертов по внедрению инноваций в строительстве [Электронный ресурс] // SodisLab. – Режим доступа: https://www.sodislab.com/ru/blog/mckinsey-digital-construction (дата обращения: 07.10.2025).
2. Рассел, С. Дж., Норвиг, П. Искусственный интеллект: современный подход / С. Дж. Рассел, П. Норвиг. – 2-е изд. – М.: Вильямс, 2007. – 1408 с.
3. Канеман, Д. Думай медленно… решай быстро / Д. Канеман. – М.: АСТ, 2014. – 656 с.
4. Махамеди, А. Искусственный интеллект в строительстве: обзор / А. Махамеди, К. Нассар // Журнал «Строительная инженерия и менеджмент». – 2021. – Т. 147, № 2. – С. 04020162.
5. Браун, Дж. Генеративный дизайн в архитектуре: обзор и будущие направления / Дж. Браун и др. // Автоматизация в строительстве. – 2019. – Т. 105. – С. 102824.
6. Бриньолфссон, Э. Вторая машинная эпоха: работа, прогресс и процветание во времена блестящих технологий / Э. Бриньолфссон, А. Макафи. – М.: АСТ, 2016. – 352 с.
7. Форд, М. Восстание машин: технологии и угроза безработицы в будущем / М. Форд. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016. – 340 с.
8. Dignum, B. Ответственный искусственный интеллект: как разрабатывать и использовать ИИ справедливым, этичным и безопасным способом / B. Dignum.: Springer, 2019. – 246 с.
9. Адади, А. Взгляд изнутри «чёрного ящика»: объяснимый ИИ (XAI) / А. Адади, М. Беррада // IEEE Access. – 2018. – Т. 6. – С. 52138-52149.
10. Каплан, Дж. Людям не нужно подавать заявки: руководство по богатству и работе в эпоху искусственного интеллекта / Дж. Каплан.: Издательство Йельского университета, 2015. – 304 с.

УДК 621.311

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ, МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

ALTERNATIVE ENERGY SOURCES, MYTHS AND REALITY

Бекиров Осман Серверович
аспирант кафедры электроэнергетики и электротехники, Физико-технический институт, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь
Bekirov Osman Serverovich
Post-graduate student of the Department of Electric Power Engineering and Electrical Engineering of the Physico-Technical Institute of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация. В условиях нарастающего изменения климата и истощения традиционных источников энергии, альтернативные источники становятся ключевым элементом устойчивого будущего. В статье рассматриваются актуальные заблуждения про солнечную, ветровую, геотермальную гидроэнергетику. Каждый миф – от неэффективности и экономической нецелесообразности до зависимости от погодных условий – подвергается анализу и опровергается с помощью современных данных и технологий.

Abstract. With increasing climate change and the depletion of traditional energy sources, alternative sources are becoming a key element of a sustainable future. The article discusses current misconceptions about solar, wind, and geothermal hydropower. Every myth, from inefficiency and economic inexpediency to dependence on weather conditions, is analyzed and refuted using modern data and technology.

Ключевые слова: энергетика, альтернативные источники энергии, солнечная энергия, ветровая энергия, геотермальная энергия.

Keywords: energy, alternative energy sources, solar energy, wind energy, geothermal energy.

Альтернативные источники энергии играют важную роль в современном мире, что обусловлено как нехваткой традиционных ресурсов, так и необходимостью борьбы с изменениями климата. Однако, вокруг этой темы существует множество мифов и заблуждений, которые затрудняют осмысление ее истинной природы. В данной работе я рассмотрю некоторые из них и попытаюсь проанализировать реальность, лежащую за концепцией альтернативной энергетики.

Миф 1: Альтернативные источники энергии недостаточно эффективны

Одним из наиболее распространенных мифов является то, что альтернативные источники энергии, такие как солнечная или ветровая, недостаточно эффективны по сравнению с ископаемыми видами топлива. На самом деле, за последние десятилетия технологии в области солнечной и ветряной энергетики достигли значительных успехов. Например, коэффициент полезного действия современных солнечных панелей может превышать 20%, а новые разработки обещают еще более высокие показатели. Ветровые установки также проходят этапы модернизации, с повышением их мощности и эффективности.

Миф 2: Альтернативные источники энергии невыгодны

Некоторые скептики утверждают, что использование альтернативных источников энергии экономически нецелесообразно. Однако, стоит отметить, что затраты на установку солнечных панелей и ветряных турбин значительно снизились за последние годы. Более того, многие государства и компании активно инвестируют в развитие инфраструктуры возобновляемых источников энергии, что также способствует их экономической жизнеспособности. В некоторых регионах затраты на производство энергии из солнца и ветра уже сопоставимы (а в некоторых случаях даже ниже) с затратами на ископаемые виды топлива.

Миф 3: Альтернативные источники энергии обусловлены высокой степенью неопределенности

Критики альтернативной энергетики часто утверждают, что ее зависимость от погодных условий делает её ненадежной. Хотя действительно, солнечные и ветряные источники подвержены колебаниям, современные технологии позволяют эффективно интегрировать их в энергосистему.

Реальность заключается в том, что альтернативные источники энергии становятся все более жизнеспособными и востребованными. Всемирные исследовательские организации и государственные структуры признают необходимость перехода к устойчивым источникам энергии в условиях глобального потепления и исчерпания природных ресурсов. Научные исследования и инвестиции в новые технологии открывают возможности для инноваций, которые обеспечивают безопасный и эффективный энергетический переход.

Таким образом, несмотря на существующие мифы, реальность альтернативных источников энергии оказывается намного более оптимистичной. Важно продолжать исследования и развивать инфраструктуру, поддерживая переход на устойчивые и экологически чистые источники энергии. Это не только позволит уменьшить воздействие на окружающую среду, но и создаст новые рабочие места и возможности для экономического роста.

Солнечная энергия, возможно, является наиболее известным альтернативным источником. Солнечные панели улавливают свет и конвертируют его в электричество. По мере совершенствования технологий,

появляются новые генераторы с высокой эффективностью и долговечностью, а также улучшенные системы хранения энергии, которые позволяют использовать солнечную энергию даже в темное время суток. Таким образом, солнечная энергия становится более доступной в различных региональных контекстах, включая те, где традиционные источники электроэнергии отсутствуют.

Ветровая энергетика представляет собой другой важный компонент устойчивой энергетической системы. С увеличением масштаба и количества устанавливаемых ветряных турбин, эффективность производств электричества только растёт. При этом ветровые парки могут располагаться как на суше, так и на воде, что позволяет максимально использовать природные ресурсы. Ветряные турбины становятся не только источником чистой энергии, но и символом осуществляемых изменений.

Геотермальная энергия использует тепло, находящееся под земной корой. Это менее распространенный, но очень мощный источник энергии. Он обеспечивает стабильное и непрерывное производство электроэнергии, независимо от погодных условий. Геотермальная энергия может оказаться особенно полезной в районах, где имеются активные вулканические регионы.

Биомасса и гидроэнергетика также играют ключевую роль в переходе на альтернативные источники. Биомасса позволяет преобразовывать органические отходы в энергию, что не только уменьшает количество отходов, но и создает локальные источники энергии. Гидроэнергетика, в свою очередь, использует силу воды для генерации электричества, являясь одним из самых известных альтернативных источников на сегодняшний день.

Экологические и социальные последствия

Переход на альтернативные источники энергии не ограничивается исключительно технологическими аспектами. Он также предполагает значительные экологические и социальные изменения. Сокращение зависимости от ископаемого топлива уже снижает уровень выбросов углекислого газа, что в свою очередь, способствует борьбе с глобальным потеплением. Социально-экономические последствия включают создание новых рабочих мест и развитие территорий, ранее отсталых в энергетическом плане.

Заключение

В заключение, необходимо отмечать важность просвещения общества относительно альтернативной энергетики. Только благодаря осознанному подходу мы сможем разрушить существующие мифы и понять истинные перспективы устойчивого энергетического будущего.

Альтернативные источники энергии представляют собой ключ к устойчивому будущему и улучшению жизни на нашей планете. Разрушение мифов и предвзятых мнений о них является важной предшествующей задачей, позволяющей активировать переход на более чистые и безопасные источники энергии. Комбинирование различных источников, инновационные технологии хранения и распределения энергии, а также активно действующие планы по внедрению возобновляемых ресурсов позволяют надеяться на светлое, устойчивое будущее. Зеленая энергетика – это не просто необходимость, а шанс для человечества переосмыслить свой подход к энергетике, экологии и экономике. Это возможность не только спасти нашу планету, но и создать новое общество: справедливое и гармоничное, где каждая страна сможет использовать свои ресурсы более эффективно и рационально.

ЛИТЕРАТУРА

1. Танашева Н.К., Бахтыбекова А.Р., Шуюшбаева Н.Н., Тусупбекова А.К., Тлеубергенова А.Ж. Расчет аэродинамических характеристик ветроэнергетической установки с лопастями в виде вращающихся цилиндров // Письма в журнал технической физики. 2021. №20 (47). С. 52-54.
2. Ушкац Т.Д., Гринченко Д.Р. Проблемы и перспективы развития ветроэнергетики в северных регионах России // Экономика и предпринимательство. 2019. № 7 (108). С. 559-563.
3. Обухов С.Г., Давыдов Д.Ю. Методика оптимизации компоновки ветроэлектростанций морского базирования с учетом затрат на электрическую систему сбора мощности // Энергетика. Известия высших учебных заведений и энергетических объединений СНГ. 2022. Т. 65. № 4. С. 301-316.
4. Филькин М.Е. Обзор и анализ развития ветроэнергетики России в региональной энергосистеме (на материалах Ростовской области) // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2022. 3 (71).
5. Фатеев Е.М. Методика определения параметров ветроэнергетических расчетов ветросиловых установок [Текст]. М: Издательство АН СССР. 1957-87.
6. Зубова Н.В., Костырева А.В., Митрофанов С.В. Прогнозирование вырабатываемой мощности ветроэнергетической установки на основе нейронных сетей // Энергобезопасность и энергосбережение. 2017. № 6. С. 29-31.
7. Зубакин В.А., Величко А.И. Прогнозирование выработки ветряных электростанций и оценка влияния климатических параметров на кривую мощности ветрогенератора // Труды Российского государственного университета нефти и газа имени И.М. Губкина. 2022. № 1 (306). С. 120-131.

УДК 33/004

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

PROSPECTS OF INTELLECTUAL DIGITALIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

Ярош Иван Валерьевич
аспирант, специальность 5.2.3 – специальности «Региональная и отраслевая экономика» г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Yarosh Ivan Valerievich
postgraduate student, specialty 5.2.3 – specialty "Regional and sectoral Economics"
Simferopol, V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. В эссе исследуются перспективы интеллектуальной цифровизации экономики России, рассматриваются ключевые технологии (искусственный интеллект, блокчейн, интернет вещей) и их потенциал для трансформации различных секторов. Автор анализирует текущее состояние цифровой инфраструктуры, роль государства и бизнеса, а также вызовы, такие как цифровое неравенство, нехватка кадров и нормативно-правовые пробелы. Особое внимание уделено национальному проекту «Цифровая экономика» и необходимости международного сотрудничества.

Abstract. The essay explores the prospects of intellectual digitalization in Russia's economy, focusing on key technologies (AI, blockchain, IoT) and their potential to transform various sectors. The author analyzes the current state of digital infrastructure, the roles of the state and private sector, and challenges such as digital inequality, skills shortages, and regulatory gaps. Special attention is given to the national program "Digital Economy" and the need for international cooperation.

Ключевые слова: Цифровая экономика, искусственный интеллект, Блокчейн, интернет вещей, инновации.

Keywords: Digital economy, Artificial intelligence, Blockchain, Internet of Things, Innovation.

Введение

В современном мире цифровизация стала неотъемлемой частью глобальной экономики, определяя вектор развития как отдельных стран, так и мирового сообщества в целом [1]. Переход к цифровой экономике – это не просто внедрение новых технологий, а фундаментальное изменение

парадигмы хозяйственной деятельности, где данные, алгоритмы и интеллектуальные системы играют ключевую роль [2]. Для России, стремящейся укрепить свои позиции на международной арене, цифровизация экономики представляет собой как огромные возможности, так и серьезные вызовы [3]. Актуальность этой темы обусловлена тем, что в условиях глобальной конкуренции и быстро меняющихся технологических ландшафтов, отставание в цифровой трансформации может привести к потере экономической и технологической независимости. В то же время, успешная интеграция интеллектуальных технологий способна стать драйвером роста, повышения производительности и улучшения качества жизни населения.

Интеллектуальная цифровизация – это процесс, который выходит за рамки простой автоматизации и включает в себя использование передовых технологий, таких как искусственный интеллект (ИИ), большие данные (Big Data), интернет вещей (IoT), блокчейн и машинное обучение [3]. Эти технологии позволяют не только оптимизировать существующие процессы, но и создавать принципиально новые бизнес-модели, продукты и услуги. Например, ИИ способен анализировать огромные объемы информации, прогнозировать рыночные тренды и принимать решения с минимальным участием человека, а интернет вещей открывает возможности для создания «умных» городов и производств [8]. Однако, внедрение таких технологий требует не только технической готовности, но и глубоких изменений в социальной, образовательной и правовой сферах.

Цель данного эссе – проанализировать перспективы интеллектуальной цифровизации экономики России, а также выявить ключевые вызовы, с которыми страна может столкнуться на этом пути. В рамках анализа будут рассмотрены текущее состояние цифровой инфраструктуры, потенциал внедрения инновационных технологий, а также социальные, экономические и этические аспекты цифровой трансформации. Особое внимание будет уделено роли государства, бизнеса и общества в формировании цифровой экономики, а также вопросам международного сотрудничества и технологической независимости. В конечном итоге, эссе призвано ответить на вопрос: какие шаги необходимы России, чтобы не только адаптироваться к цифровой реальности, но и стать одним из лидеров в этой области?Теоретические основы интеллектуальной цифровизации

Цифровая экономика – это новая экономическая парадигма, в которой ключевую роль играют цифровые технологии, данные и информационные системы. Она представляет собой не просто переход от аналоговых процессов к цифровым, а фундаментальное изменение способов производства, обмена и потребления товаров и услуг. В основе цифровой экономики лежат такие компоненты, как информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), платформенные решения, облачные вычисления, большие данные, искусственный интеллект и интернет вещей. Эти эле-

менты формируют экосистему, где данные становятся новым ресурсом, а алгоритмы – инструментом их обработки и анализа.

Цифровая экономика также предполагает изменение роли человека: если раньше он был основным исполнителем задач, то теперь его функция всё чаще сводится к управлению и контролю за работой интеллектуальных систем. Таким образом, цифровая экономика – это не только технологический, но и социально-экономический феномен, который трансформирует традиционные представления о труде, собственности и ценности.

Интеллектуальные технологии, такие как искусственный интеллект, машинное обучение и интернет вещей, являются ключевыми драйверами экономического роста в условиях цифровизации. Они позволяют значительно повысить эффективность производственных процессов, снизить издержки и создать новые рынки. Например, ИИ способен анализировать огромные объемы данных, выявлять скрытые закономерности и предлагать оптимальные решения, что особенно важно в таких сферах, как финансы, логистика и здравоохранение. Интернет вещей, в свою очередь, открывает возможности для создания «умных» производств, где оборудование самостоятельно обменивается данными и адаптируется к изменяющимся условиям. Эти технологии не только оптимизируют существующие процессы, но и создают условия для появления инновационных бизнес-моделей, таких как шеринг-экономика или персонализированные услуги на основе данных.

Однако, их внедрение требует значительных инвестиций в инфраструктуру, образование и научные исследования, что делает их доступными в первую очередь для развитых стран. Глобальные тренды в цифровизации демонстрируют, что страны, активно внедряющие интеллектуальные технологии, получают значительные преимущества в конкурентной борьбе. Например, Китай делает ставку на развитие ИИ и интернета вещей, стремясь стать мировым лидером в этих областях. США, в свою очередь, активно инвестируют в исследования и разработки, поддерживая инновационные стартапы и крупные технологические компании. Европейский Союз фокусируется на создании единого цифрового рынка и разработке этических стандартов использования ИИ. Эти примеры показывают, что цифровизация – это не только технологическая гонка, но и стратегическийвыбор, который определяет будущее экономики и общества. Для России важно учитывать эти тренды, чтобы не только адаптироваться к глобальным изменениям, но и найти свою нишу в цифровой экономике. Опыт других стран может стать ценным источником идей и решений, которые помогут России преодолеть вызовы цифровой трансформации и реализовать её потенциал.

Текущее состояние цифровизации экономики России

Уровень развития цифровой инфраструктуры в России на сегодняшний день можно охарактеризовать как умеренно прогрессивный, но с заметным потенциалом для роста. За последние годы в стране были достигнуты значительные успехи в расширении доступа к интернету, особенно в крупных городах и регионах с развитой экономикой. По данным исследований, Россия входит в число стран с относительно высоким уровнем проникновения интернета [5], что создаёт базовые условия для цифровизации. Однако, в отдалённых и сельских районах инфраструктура всё ещё остаётся слаборазвитой, что создаёт цифровое неравенство и ограничивает возможности для равномерного экономического роста [9]. Кроме того, несмотря на наличие современных технологий, таких как 5G и облачные вычисления, их внедрение происходит медленнее, чем в странах-лидерах цифровой экономики, таких как Китай или США. Это связано как с техническими сложностями, так и с необходимостью значительных инвестиций.

Одним из ключевых достижений России в области цифровизации является запуск национального проекта «Цифровая экономика» [7], который был инициирован в 2019 году.

Этот проект направлен на создание условий для развития цифровых технологий, повышение конкурентоспособности отечественных компаний и формирование цифровой инфраструктуры. В рамках проекта выделены такие приоритетные направления, как развитие искусственного интеллекта, квантовых технологий, интернета вещей и больших данных. Также важным компонентом является создание «цифровых платформ» для государственных услуг, что уже привело к значительному упрощению взаимодействия граждан с государственными органами. Например, портал «Госуслуги» стал ярким примером успешной цифровизации, позволив миллионам россиян получать услуги онлайн.

Однако, несмотря на эти достижения, реализация проекта сталкивается с рядом трудностей, включая недостаток квалифицированных кадров [12], бюрократические барьеры и ограниченное финансирование.

Роль государства и частного сектора в развитии цифровых технологий в России нельзя переоценить. Государство выступает основным инициатором и регулятором цифровой трансформации, формируя стратегические документы, такие как «Стратегия развития информационного общества» и «Национальная программа «Цифровая экономика».Оно также активно инвестирует в инфраструктурные проекты, такие как создание «умных городов» и развитие высокоскоростного интернета. Однако, частный сектор играет не менее важную роль, особенно в области инноваций и внедрения новых технологий. Крупные российские компании, такие как «Яндекс», «Сбер» и «Ростелеком», активно развивают свои цифровые продукты и услуги, конкурируя на международном уровне. При этом малый и средний бизнес всё ещё сталкивается с трудностями в

доступе к технологиям и финансированию, что ограничивает их вклад в цифровизацию. Таким образом, успешное развитие цифровой экономики в России требует более тесного взаимодействия между государством и бизнесом, а также создания условий для поддержки инноваций на всех уровнях.

Перспективы интеллектуальной цифровизации в России

Потенциал внедрения таких технологий, как искусственный интеллект (ИИ), блокчейн, интернет вещей (IoT) и других инновационных решений, в России огромен [10], но пока ещё не реализован в полной мере [8]. Искусственный интеллект, например, уже активно используется в таких сферах, как финансы, логистика и маркетинг, где он помогает анализировать большие объемы данных, прогнозировать спрос и оптимизировать процессы.

Однако, его применение в промышленности и здравоохранении пока ограничено, хотя именно эти области могут получить наибольший эффект от внедрения ИИ. Блокчейн, в свою очередь, обладает потенциалом для трансформации государственных услуг, финансового сектора и логистики, обеспечивая прозрачность и безопасность данных. Интернет вещей открывает возможности для создания «умных» городов, где инфраструктура и коммунальные услуги управляются автоматически, что может значительно повысить качество жизни населения.

Возможности для повышения эффективности в различных секторах экономики благодаря цифровизации практически безграничны. В промышленности, например, внедрение IoT и ИИ может привести к созданию «умных» фабрик [6], где оборудование самостоятельно контролирует процессы и предупреждает о возможных сбоях. Это не только снизит издержки, но и повысит производительность. В сельском хозяйстве цифровые технологии, такие как спутниковый мониторинг и автоматизированные системы полива, могут помочь оптимизировать использование ресурсов и увеличить урожайность.

Финансовый сектор уже активно использует блокчейн и ИИ для борьбы с мошенничеством и улучшения качества обслуживания клиентов. В здравоохранении внедрение цифровых технологий, таких как телемедицина и анализ больших данных, может значительно улучшить диагностику и лечение заболеваний, сделав медицинские услуги более доступными. Однако, для реализации этих возможностей необходимо не толькотехническое оснащение, но и изменение подходов к управлению и организации процессов [13].

Роль человеческого капитала в цифровой экономике невозможно переоценить. Образование и подготовка кадров становятся ключевыми факторами успешной цифровизации. Сегодня в России наблюдается де-

фицит специалистов в области ИИ, анализа данных, кибербезопасности и других высокотехнологичных направлений. Это связано как с недостатком современных образовательных программ [12], так и с оттоком квалифицированных кадров за рубеж. Для решения этой проблемы необходимо пересмотреть подходы к образованию, сделав акцент на междисциплинарность и практическую подготовку. Важным шагом может стать сотрудничество между вузами, бизнесом и государством, чтобы образовательные программы соответствовали реальным потребностям рынка. Кроме того, важно развивать культуру непрерывного обучения, поскольку цифровые технологии быстро эволюционируют, и специалисты должны постоянно обновлять свои знания. Только при условии подготовки высококвалифицированных кадров Россия сможет реализовать свой потенциал в области интеллектуальной цифровизации и стать конкурентоспособной на глобальном уровне.

Рекомендации и пути развития

Укрепление цифровой инфраструктуры и инвестиции в инновации являются важнейшими шагами на пути к успешной цифровизации экономики России [7]. Сегодня страна обладает значительным потенциалом для развития таких технологий, как 5G, облачные вычисления и интернет вещей, однако их внедрение требует масштабных инвестиций. Государству и частному сектору необходимо объединить усилия для создания современной инфраструктуры, которая будет охватывать не только крупные города, но и отдалённые регионы. Это позволит устранить цифровое неравенство и обеспечить равные возможности для всех участников экономики. Кроме того, важно стимулировать инвестиции в исследования и разработки, поддерживая научные центры и технологические стартапы. Создание специальных фондов и грантов для инновационных проектов может стать мощным стимулом для развития цифровых технологий и привлечения талантливых специалистов [9].

Развитие нормативно-правовой базы для цифровой экономики – ещё один ключевой аспект, который требует внимания. Современные технологии, такие как искусственный интеллект, блокчейн и большие данные, часто опережают законодательство, что создаёт правовые пробелы и ограничивает их применение. Для решения этой проблемы необходимо разработать гибкую и адаптивную нормативно-правовую базу, которая будет учитывать специфику цифровых технологий и обеспечивать их безопасное использование. Особоевнимание следует уделить вопросам защиты данных, кибербезопасности и этического использования ИИ [9].

Международное сотрудничество и обмен опытом играют важную роль в цифровизации экономики России. Несмотря на текущую геополитическую ситуацию, важно поддерживать диалог с другими странами, особенно в области технологий и инноваций. Участие в международных проектах, таких как разработка стандартов для ИИ или создание гло-

бальных платформ для обмена данными, может помочь России интегрироваться в мировую цифровую экономику. Кроме того, изучение опыта стран, которые уже достигли значительных успехов в цифровизации, таких как Китай, США или страны Европейского Союза, может стать ценным источником идей и решений [7].

Поддержка стартапов и малого бизнеса в сфере цифровых технологий – это ещё одно важное направление, которое может значительно ускорить цифровизацию экономики.

Малые и средние предприятия часто являются драйверами инноваций, предлагая новые идеи и решения, которые крупные компании могут упускать из виду. Однако, стартапы сталкиваются с рядом трудностей, включая недостаток финансирования, доступ к технологиям и рынкам. Для решения этих проблем необходимо создать благоприятные условия для развития малого бизнеса, такие как налоговые льготы, упрощённые процедуры регистрации и доступ к венчурному капиталу [11].

Заключение

Цифровизация экономики России представляет собой сложный и многогранный процесс, который открывает огромные возможности, но одновременно ставит перед страной серьёзные вызовы. Потенциал интеллектуальных технологий, таких как искусственный интеллект, блокчейн и интернет вещей, огромен: они способны трансформировать ключевые сектора экономики, повысить эффективность производства, улучшить качество жизни населения и укрепить конкурентоспособность страны на мировой арене [11]. Однако, для реализации этого потенциала необходимо преодолеть ряд барьеров,

включая недостаток инфраструктуры, дефицит квалифицированных кадров, слабую нормативно-правовую базу и зависимость от иностранных технологий [10]. Эти вызовы требуют комплексного подхода, объединяющего усилия государства, бизнеса и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf
2. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества». URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41919
3. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. – McGraw-Hill, 1996. – 342 p.
4. Brynjolfsson E., McAfee A. The Business of Artificial Intelligence // Harvard Business Review. 2017. Vol. 95, № 1. P. 60-68.

5. Global Connectivity Index 2023. Huawei Technologies. URL: https://www.huawei.com/minisite/gci/en/
6. Цифровая трансформация промышленности: аналитический отчет. – М.: Аналитический центр при Правительстве РФ, 2022. – 78 с.
7. Национальный проект «Цифровая экономика»: отчет за 2023 год. Минцифры РФ. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/otchet-2023.pdf
8. Искусственный интеллект в России: состояние и перспективы. – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – 64 с.
9. Мониторинг цифрового неравенства в РФ. – М.: Росстат, 2022. – 48 с.
10. OECD Blockchain Policy Series 2022. URL: https://www.oecd.org/digital/blockchain/
11. China's AI Development Strategy 2023. CAICT. URL: http://www.caict.ac.cn/english/research/whitepapers/
12. The Future of Jobs Report 2022. World Economic Forum. URL: https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2022
13. Петров В.И. Цифровые технологии в здравоохранении // Здравоохранение. 2023. № 4. С. 23-30.
14. Cybersecurity in Digital Economy. McKinsey & Company, 2023. URL: https://www.mckinsey.com/~/media/mckinsey/business functions/risk/our insights/cybersecurity/cybersecurity-in-digital-economy.pdf
15. Умные города России: от концепции к реализации. – М.: PwC, 2022. – 56 с.

УДК 1:004.8

ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ БАРЬЕР В РАЗРАБОТКЕ СИЛЬНОГО ИИ

THE IRRATIONAL AS A FUNDAMENTAL BARRIER IN THE DEVELOPMENT OF STRONG AI

Акулова Татьяна Михайловна
Аспирант, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, кафедра философии.
Akulova Tatiana Mikhailovna
PhD Student, Simferopol, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Department of Philosophy

Аннотация. В данной работе исследуется комплекс философских проблем, актуализированных развитием искусственного интеллекта. Анализируется, как современные технологии ИИ возвращают нас к фундаментальным вопросам аналитической философии начала XX века о природе языка, смысла и его логической формализации. Особое внимание уделяется проблеме возможности полной формализации смысла и тем вызовам, которые ставят перед классической логикой современные системы машинного обучения.

Abstract. This paper examines a set of philosophical problems brought to light by the development of artificial intelligence. It analyzes how modern AI technologies bring us back to fundamental questions posed by early 20th century analytic philosophy concerning the nature of language, meaning, and its logical formalization. Special attention is paid to the problem of complete meaning formalization and the challenges modern machine learning systems present to classical logic.

Ключевые слова: искусственный интеллект, иррациональное, формализация смысла, сильный ИИ, философия сознания, машинное обучение, границы рациональности.

Keywords: artificial intelligence, irrational, meaning formalization, strong AI, philosophy of mind, machine learning, limits of rationality.

С развитием ИИ мы видим, как актуальнее становятся вопросы, которые ставили философы аналитики начала 20 века. Вопросы о языке, смысле и его проявлении в логических выражениях становятся основополагающими при формировании ИИ, поскольку он все же не является самостоятельно мыслящим продуктом, а набором символов, значения которых заключены в системе кодировки. Так ИИ на самом деле открывает пространство исследования смысла, и ставит главный вопрос – как удалось формализовать смысл? И удалось ли?

Логическая формализация не видела своей задачей формализацию смысла до начала 20 века, вопросы, которые поставил У. Куайн и Л. Витгенштейн в эпоху лингвистического поворота подхватили постструктуралисты в конце XX века и так родилось множество неклассических логик и проблем с формализацией, и высказыванием смысла посредством символа. Неклассические логики стали ответом на вопрос: как описать то множество миров культурной, социальной, психологической и т.д. реальностей, которые существуют? И стоит заметить, что именно формирование логических операторов нового поколения, взятых из исследований деонтической логики Г. фон Вригта, заложили современную систему демаркации ИИ в отношении хорошо и плохо, а система кода самообучающихся машин все больше напоминает ризому Ж. Делеза, нет ни начала, ни конца.

Делает ли все это ИИ самостоятельным продуктом, объектом или же уже субъектом? Если мы мыслим в рамках правил логики, и за пределами этого коррелята мы не бывали (и не будем, в соответствии с теориями Л. Витгенштейна и Б. Рассела, и Д. Э. Мура), и это и есть тот самый интеллект в чистом его проявлении – рациональная часть человеческого сознания (самосознания?), то чем же является его иррациональная часть? Что делает человека само-сознающим субъектом, что позволяет ему определять и предопределять смысл? Является ли смысл продуктом рационального, или иррационального? На эти вопросы стоит ответить, чтобы понять как далеко от нас находится граница создания сильного ИИ, который воплотит в себе проявление искусственного само-сознающего субъекта. Так вопрос «номер два» Дж. Серля стал основным для современной философии сознания.

Здесь стоит обратиться к понятию интеллекта и рациональности, вопрос дискуссионный, однако некоторые критерии нам необходимы, даже если это сборка понятия, в соответствии с теорией М. Деланда.

В философской системе И. Канта проводится принципиальное разграничение между интеллектом (Verstand – рассудком) и разумом (Vernunft). Согласно Канту, рассудок выступает как когнитивная способность, ответственная за формирование понятий и организацию чувственного опыта в рамках априорных категорий. В отличие от него, разум представляет собой высшую познавательную инстанцию, направленную на постижение безусловного – метафизических идей, выходящих за пределы возможного опыта. Данная терминологическая дифференциация оказала существенное влияние на развитие немецкой классической философии и нашла своё завершение в диалектической теории Г. Гегеля, где рассудок трактуется как формально-логическое мышление, а разум – как способность к постижению противоречий и их синтетическому разрешению [4].

В иных теоретических парадигмах, прежде всего в психологии, интеллект получает иную интерпретацию. Так, в работах С. Л. Рубинштейна он понимается как динамическая система мыслительных операций, включающая анализ, синтез и обобщение, что подчёркивает его процес-

суальный и деятельностный характер [4]. Г. Ю. Айзенк, напротив, акцентирует информационный аспект интеллекта, определяя его через эффективность переработки когнитивных данных, где ключевым параметром становится скорость ментальных процессов [4]. Эти подходы демонстрируют, что категория интеллекта допускает множественность трактовок в зависимости от методологических установок исследователя – от трансцендентально-критической рефлексии до эмпирико-экспериментального изучения когнитивных функций.

Диссеминировав понятие интеллекта мы можем сказать, что интеллект – это сфера разума, то есть логики, способности к абстрагированию, умозаключению, суждению и формированию понятий. В таком случае, разум является заключенным в сфере сознания, одобряющим и подчиняющимся правилам мышления. Интеллект не мыслит не логически, следуя теории познания Л. Витгенштейна. Такой разум априори логичен и ограничен границами языка. Он коррелирует и препятствует любым логическим ошибкам, поскольку сам язык не допускает такого мышления.

Получается ИИ интеллектуален, но не разумен.

Также стоит отметить, что у смысла нет «абсолютной» формы – он возникает в диалоге между говорящим, слушающим и средой.

Современные ИИ (как GPT) работают статистически, без истинного понимания. В рамках своей работы мы использовали ответы ИИ для полноты исследования, далее мы будем отмечать их в работе, для подкрепления своей позиции касательно использования их как акторов интеллектуальной генерации, и вот то, как они имитируют смысл:

Первый способ – это векторные представления слов (Embeddings). Каждому слову сопоставляется многомерный вектор, отражающий его «соседство» в тренировочных данных. Например, «король» – «мужчина» + «власть» ≈ «королева» – «женщина» + «власть». Но это не смысл, а паттерн употреблений [1].

Второй это контекстная обработка (Трансформеры) Модель анализирует окружение слова: «Банк» в «деньги в банке» vs. «речной банк» получает разные векторы. ИИ выбирает слово, вероятностно подходящее в цепочке («кошка → мяукает» чаще, чем «кошка → лает») [1].

Его «смысл» – это корреляции в данных, а не связь с опытом.

Однако смысл, который генерирует в своих текстах ИИ понятен актору, и даже если он не был осмыслен ИИ, то актором безусловно, что говорит о способности восприятия смысла, доносимого сгенерированным текстом.

Если смысл был покорен и воссоздан в рамках формализации кода ИИ, то что в таком контексте станет осмысленностью? Если воспроизводство смысла когда-то и было для философов проявлением человеческого сознания.

Будет ли разным смысл если воспринимать и интерпретировать его из разных источников? Сформирует ли это различие? Как это формирует различия? У само-сознающих акторов возникает полисемия (многозначность) и субъективность, так даже одно слово («свобода») становится «точкой сборки» для уникального опыта каждого.

У ИИ же статистические модели фиксируют усреднённый смысл из данных. Например, «семья» чаще ассоциируется с «родителями и детьми», но упускает альтернативные варианты. Также существует риск bias (смещения), если в данных преобладает один контекст (например, западные СМИ), ИИ воспроизведёт его как «норму» [1].

Однако как мы знаем именно культурное пространство и язык формирует представление личности о мире, чем это будет отличаться от риска bias и усредненного представления о смысле у большей части населения в той или иной стране и культуре? Так мы видим, что смысл попадает в пространство рационального, того, что может быть формализовано, описано в системе сборки с учетом различных критерий и норм, так понятие не просто деконструируется, но и воссоздается в зависимости от Господина (будь то основной чек создателей ИИ, или же культура, которая воспитывает личность).

Так мы говорим о том, что ИИ – это зеркало человеческих смыслов, но не их носитель.

Возможно, стоит говорить больше не о смысле, а о значении, о том, как происходит процесс понимания, и восприятия смысла, так стоит говорить об ошибках, и проблеме толкования, то, что делает диалог принципиально невозможным. Так неразумный ИИ еще и не иррационален, что закрывает ему доступ к возможности не просто воспроизводства смысла, но и его создания.

Иррациональное есть нечто недоступное рациональному познанию и невыразимое в логических понятиях. Ф. Ницше и З. Фрейд видели в нём основу человеческой природы (волю к власти, либидо). Пожалуй, самым сильным проявлением иррационального является вера. То, что недоступно в восприятии ИИ, а также метафора или символизм. Метафора или поэтический символизм относятся к сфере иррационального восприятия, поскольку смысл метафоры или символизма трактуется исключительно из субъективного со-переживания актора реальности. И невозможен к воспроизведению из-за постоянной смены смысла, вложенного в символ, именно это проявлено в теориях французских романистов XIX века, таких как С. Малларме.

Гуссерль же считал, что «продукты мышления могут считаться истинными лишь в том случае, если их содержание совпадает с тем, что дано субъекту как феномены в акте переживания очевидности» [5]. Важным условием осмысления сознания в теории Э. Гуссерля является мнимость интенционального объекта сознания, т. е такой объект не обязательно должен существовать реально: «Сознание может быть интенционально

нацелено на физические предметы (реальные или мнимые), на идеальные предметы (числа, значения и др.) или же на состояния самого сознания (реальные или мнимые)» [5]. Однако важно отметить, что интенциональность является недостаточным условием сознания, поскольку становятся условием которое шире самого сознания, поскольку: «интенциональные переживания могут быть и вне сферы сознания – бессознательные мысли, эмоции, намерения и т.д.» [5].

Проведённое исследование демонстрирует, что проблема иррационального представляет собой фундаментальный барьер на пути создания сильного ИИ. Как показывает анализ феноменологической концепции Гуссерля, человеческое сознание принципиально отличается от искусственных систем своей способностью к интенциональной направленности на мнимые объекты и переживанию очевидности. Однако даже интенциональность, будучи необходимым условием сознания, оказывается недостаточной для его полного понимания, поскольку включает в себя и бессознательные компоненты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Deepseek [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Адрес доступа: https://chat.deepseek.com (дата обращения: 23.04.2025).
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат/ Сер. «Памятники философской мысли». – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. – 288 с.
3. Куайн У. Философия логики: Научное издание / Уиллард Вэн Орман Куайн/ Перевод В.А. Суровцева. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 192 с.
4. Интеллект. Суворов О.В. Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH523b26975f21f2447bc452 (дата обращения: 23.04.2025).
5. Сознание. Лекторский В.А. Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01089449209fc347f3553108 (дата обращения: 23.04.2025).

УДК 130.2

МОЖЕТ ЛИ МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПЕРЕЙТИ В ЦИФРУ?

CAN MATERIAL CULTURE TRANSFORM INTO DIGITAL?

Неверов Илья Георгиевич
студент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Научный руководитель: доктор философских наук ***Шевченко Олег Константинович****, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского*
Neverov Ilya Georgievich
student, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. Цифровизация затрагивает различные сферы общества, её целью есть упрощение и повышение доступности различных процессов посредством использования компьютерных технологий, среди которых компьютеры и смартфоны. Вместо с этим, процесс касается не только механических и рутинных элементов жизни, но и духовную сферу – культуру. Вопросом стоит возможность переноса многовековой предметов материальной культуры в цифровую реальность без потери их содержания, формы и восприятия.

Abstract. Digitalization happens in different parts of societies activities, its intentions are to make various processes and tasks easier and more accessible via IT, like computers and smartphones. Along with that, this process applies not only to mechanisms and routine, but to the culture. The question is a possibility to transfer a milenium of human material culture into digital reality without losing any part of it: could it be its meaning, look or interaction with viewer.

Ключевые слова: материальная культура, цифровизация, цифровая реальность, действительность, произведения искусства и культуры

Key words: material culture, digitalization, digital reality, objective reality, works of art and culture

Современность сложно представить без использования цифровых устройств или возможностей: компьютеры, смартфоны и Интернет стали нашей рутиной и необходимостью в социальных и личных целях. В прошлом столетии компьютеры занимали комнаты, как нынешние сервера, чтобы выполнить заложенные в них уравнения, сегодня, с изобретением микропроцессора, подобные устройства помещаются в карман и их возможности гораздо шире – ноль и единица стали воплощением человеческой креативности и своеобразной материей, из которой можно построить, что угодно. Ещё пятнадцать лет назад эти устройства рассматривались как инструменты, потенциал которых доступен не всем, то теперь

благодаря упрощению и усовершенствованию способов взаимодействия с ними, они стали продолжение нас самих, выйдя за рамки инструмента: ответ на вопрос можно найти в интернет-поисковике, некоторую проблему решит искусственный интеллекта, а приобщиться к культуре можно теми же способами. Однако, если цифровое пространство – нечто отдельное от действительности, её подобие, то могут ли произведения искусства, а именно материальные, предметные, быть перенесены из одной реальности в другую?

Процесс цифровизации и его значение для культуры рассматривали Шунков А. В., Рудченко П. Г. и другие авторы. В своих работах они описали влияние данного процесса на повышение распространённости, доступности культуры и искусства, и какие для этого принимаются решения. Лишь вскользь упоминается о том, что одно и то же произведение искусства в разных пространствах не является одним и тем же. Таким образом, следует рассмотреть данную проблему.

Поскольку цифровизация является главным трендом современного человечества, как перенос и оптимизация различных процессов в упрощённые и доступные формы, требующие меньших сил для использования, так и как преобразования бытия человека в союз между действительностью и цифрой, с вероятностью полного перехода в цифровую реальность. Пандемия COVID -19 2019-2020 гг. стала средой для значительного скачка в этом направлении; режим самоизоляции принудил всех трансформировать свои практики для того, чтобы люди остались частью общества, находясь вынужденно замкнутыми в своём доме. Тогда был колоссальный прирост пользователей к развлекательным масс-медиа, являющимися частью культуры совмещающую в себе действительность и цифровую реальность: блогеры на видеохостингах, как правило, делают вставки со своим участием и используют программы для раскрытия содержания ролика, или же стримеры – многочасовые прямые эфиры, на которых может происходить что угодно и как угодно, при этом примером материальной культуры ни тех, ни других считать нельзя. Различные музеи и галерей устраивали цифровые экскурсии по своим залам, чтобы не закрыться и предоставить возможность познакомиться с искусством, в столь тяжёлое время. [1] При этом, такие экскурсии или лекции имеют информационный характер, установить «контакт» с этим произведениями заметно труднее и, вероятно, не является возможным.

Стоит рассмотреть, какие предметы могут быть перенесены в полном объёме. Под «переносом в цифру» понимаем возможность ознакомиться с некоторым произведением искусства через цифровое устройство. Сложным для переноса являются материальные произведения визуального искусства; обозначим их как те, что были созданы до возникновения «цифры» и те, что не были созданы в ней или итог (оригинал) находится

за её пределами; Алексеева Е.В. обозначила их как «феноменальные» [2]. Они, как предмет самовыражения человека, обладают не только формой, но и бестелесным наполнением – смыслом или духом. Также они находятся в конкретном месте, в определённое время и обладают различными качествами, которые требуют соответствующего эстетического вкуса и знания, для их понимания и оценки, поэтому требуют личного контакта с ними.

Перенос таких работ из одной реальности в другую – процесс оцифрования, которые заключается в создании копии доступной через любое устройство, обладающее возможностью открыть эту копию. [3] Таким образом, об одних и тех ли же предметах мы говорим? Если обратиться к Платону, то мы лишь на шаг отдаляемся от истины и имеем искажённый вариант этих предметов. На первый взгляд, отличий между ними нет – это та же «Мона Лиза» Леонардо да Винчи: смотришь на неё в Лувре или на на экране своего устройства. Но оценить техническое исполнение картины невозможно – мазки едва заметны, под разным ракурсом не оценишь – теряется объём в буквальном и переносном значении. Оцифрованные произведения искусства – двухмерные копии, а трёхмерность в них – иллюзия, их изображение лежит на плоском экране устройства. Однако, цифровой вариант картины удобнее к знакомству, чем оригинал: до него нужно доехать, получить доступ и, скорее всего, там будет огромная толпа и к самой картине не подступить – объём не исчерпать и какая между ними, тогда, разница? Если картина является нашей целью, то знакомство с городом, местными людьми, зданием музея и другими скрытными аспектами приобщения к культуре – значимое дополнение к поставленной цели, знакомство с предметом искусства состоит из контакта с ним, его историей и окружением; также, как экспонат музея, он позволят столкнуться с другими результатами творческой деятельность, способные поразить больше, чем любой популярный шедевр. Поэтому предметы материальной культуры не могут быть перенесены в цифру, как и фотографии с путешествия в Париж, для контакта с «Джокондой», не будут самим путешествием в Париж – это лишь симулякр, оцифровка.

Вместе с этим отметим, что цифровая культура богата на свои предметы и может развиваться без оцифрованной материальной культуры. Как было отмечено ранее, материальная культура – это предметы, созданные для действительности и её средствами, поэтому цифровая культура – предметы, созданные для цифровой реальности, её средствами; и обратный перенос имеет схожий характер, где оматериализование – тоже производство копии. [4] Поэтому проблемой, требующей рассмотрения является «контакт» с предметом, соответствующий реальности, в которой предмет существует и различия между ними.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рудченко П. Г. ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В КУЛЬТУРЕ // Архонт. 2023. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-i-problemy-tsifrovizatsii-v-kulture (дата обращения: 10.04.2025).
2. Алексеева Е. В. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА КУЛЬТУРУ. ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ // Вестник науки. 2024. №11 (80). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovizatsii-na-kulturu-tsifrovye-tehnologii-v-sfere-kultury (дата обращения: 10.04.2025).
3. Шунков А. В., Тараненко Л. Г., Дворовенко О. В. ФЕНОМЕН ЦИФРОВИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА В РОССИИ // Мир русскоговорящих стран. 2024. №2 (20). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-tsifrovizatsii-kultury-i-iskusstva-v-rossii (дата обращения: 10.04.2025).
4. Прончатов А. О. УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2024. №1 (334). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugrozy-i-vyzovy-tsifrovizatsii-kulturnoy-sfery (дата обращения: 10.04.2025).

УДК 177.7

ВЛИЯНИЕ АНТРОПОМОРФИЗМА НА ВОСПРИЯТИЕ ИИ ОБЩЕСТВОМ

THE INFLUENCE OF ANTHROPOMORPHISM ON THE PERCEPTION OF AI BY SOCIETY

Апальков Богдан Сергеевич
Студент 2 курса магистратуры философского факультета, ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент ***А.М.Тимохин***
Apalkov Bogdan Sergeevich
2-nd year magistracy student at the Faculty of Philosophy, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. В статье приводится анализ антропоморфизма и его функции социальной консолидации. Автор статьи исследует как антропоморфные проекции влияют на восприятие технологий ИИ обществом.

Abstract. This article provides an analysis of anthropomorphism and its function of social consolidation. The author of the article explores how anthropomorphic projections affect the perception of technology and society.

Ключевые слова: искусственный интеллект, антропоморфизм, статус искусственного интеллекта, антропоморфные проекции.

Keywords: artificial intelligence, anthropomorphism, status of artificial intelligence, anthropomorphic projections.

В настоящее время в сфере услуг наблюдается регулярное взаимодействие людей с технологиями искусственного интеллекта, которые становятся все более автономными и способны выполнять сложные задачи. Преодоление границ простого формального общения способствует формированию у человека восприятия ИИ как субъекта, схожего с ним. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения процесса антропоморфизма, посредством которого человек извлекает различные антропоморфные черты из поведения искусственного интеллекта.

На сегодняшний день мы имеем ряд исследований, направленных на изучение влияния взаимодействия человека и робота. Исследования показали, что присутствие роботов может оказывать влияние на людей точно так же, как если бы на них оказывало влияние присутствие другого человека. В качестве примера нами будет использован социальный эксперимент, проведенный в Йельском университете. В рамках данного эксперимента была сформирована группа, состоящая из трех человек и робота, запрограммированного на совершение ошибки. Робот совершает ошибку, из-за которой команда проигрывает раунд. Как и любой хороший товарищ по команде, он признает ошибку: «Извините, ребята, в этом раунде я допустил ошибку. Я знаю, в это может быть трудно поверить,

но роботы тоже совершают ошибки». Наблюдения показали, что теплое отношение, проявляемое данным роботом, способствовало улучшению коммуникации среди участников групп. Вследствие этого, участники стали более расслабленными и общительными, проявляя большую терпимость к членам группы, допускающим ошибки, и чаще смеялись вместе. Данные факторы способствовали более эффективному сотрудничеству по сравнению с теми, кто работал в командах с молчаливыми роботами или с роботами, чьи взаимодействия ограничивались нейтральными утверждениями, например, декламацией счета в игре [9].

Данное исследование является весьма занимательным примером антропоморфизации ИИ, ибо участники придерживались формального типа общения пока робот не начал имитировать поведение человека тем самым добившись признания группы. Антропоморфизм традиционно рассматривается как один из ключевых принципов первобытного и мифологизирующего мышления. Миф представлял собой структурированную систему ценностей, задач, смыслов и идеологических ориентиров, четко определяющих направление развития. Он трансформировал хаос в космос, при этом сам космос изначально включал в себя аксиологические и этические компоненты. Аксиологическая основа первобытного человека зиждилась на приоритете коллективных интересов (рода, племени, группы, этноса и т.д.) над индивидуальными. Дюркгейм подчеркивал, что такая форма отношения основывалась не на принуждении, а на чувстве долга, моральном авторитете и других аспектах духовного порядка: «Мифологические символы функционируют таким образом; чтобы личное и социальное поведение человека и мировоззрение (аксиологически ориентированная модель мира) взаимно поддерживали друг друга в рамках единой системы» [2, с. 69].

В контексте исследования антропоморфизма следует отметить, что древний человек вступал во взаимодействие не только с социальной группой, но и с природным окружением и космическим пространством в целом. Мифологическое мышление основывалось на способности человека к целостному, образному и глубоко чувственному восприятию окружающего мира. Немецкий философ Эрнст Кассирер объяснял данное восприятие наличием у мифологического сознания «общего чувства жизни» и глубокой убежденностью первобытного человека в существовании фундаментального и неустранимого единства жизни, которое объединяет многообразие отдельных форм. Он полагал, что мифологическое сознание не проводит различия между истинным и кажущимся, представляемым и действительным, реальным и идеальным, вещью и образом, телом и его свойствами [1, с. 187].

В мифологическом сознании индивидуумы объединялись в единый живой организм – космос, причем каждая часть в этом единстве функ-

ционально соответствовала целому. Отечественный философ А.Ф. Лосев обозначал такое мышление как инкорпорированное: «В нем отсутствует категориальное разделение – общего и единичного, необходимого и случайного, человеческого и природного, духовного и телесного, мысленного и действующего» [3, с. 42]. Существенным аспектом инкорпорированного мышления первобытного человека являлось то, что индивидуумы, формирующие единый живой организм – космос, не ограничивались только другими людьми. В равной степени к этому единому организму он относил планеты и стихии, растения и животных, а также даже дома.

В последние десятилетия наблюдается переоценка антропоморфизма. В рамках эволюционной антропология и когнитивного религиоведения была разработана более позитивная концепция антропоморфизма как когнитивного механизма, способствующего адаптации человека к сложной внешней среде. В соответствии с этой концепцией, антропоморфизм рассматривается как фундаментальное и неизменное измерение человеческого разума, а не как «примитивная» стадия его когнитивного развития [6].

Американский антрополог и специалист в области когнитивной теории религии С. Гутри в своей работе «Лица в облаках» (1995) анализирует антропоморфизм как когнитивно-перцептуальный процесс, в ходе которого индивид интуитивно «предполагает» когнитивное или эмоциональное состояние других, приписывая им «теорию разума». Индивид применяет вышеизложенную теорию для понимания мыслей, намерений и поведения окружающих. Следует отметить, что ему необходимо, в метафорическом смысле, «увидеть лица в облаках». Именно по этой причине антропоморфизм играет значимую роль в укреплении социальных связей. В частности, исследования поведения детей с аутизмом демонстрируют, что они сталкиваются с серьезными трудностями в установлении межличностных отношений и взаимодействии с животными, что объясняется нарушением их способности к антропоморфизации. Иными словами, они не в состоянии поставить себя на место других [8, p. 36].

Наблюдается тенденция антропоморфизации в восприятии робототехнических устройств. В качестве примера можно привести инцидент, произошедший в 2015 году, когда компания Boston Dynamics представила видеоролик с демонстрацией четырёхногого робота, конструктивно схожего с собакой, по имени Спот. В видеоматериале зафиксировано, как человек дважды осуществляет физическое воздействие на робота с целью демонстрации его механической устойчивости. Однако данное действие вызвало негативную реакцию у значительной части аудитории. Зрители выразили дискомфорт при просмотре видео, что свидетельствует о формировании у них восприятия робота как живого существа, способного испытывать физические ощущения. В обсуждение данного инцидента даже вмешалась международная организация по защите прав животных PETA. Подобная реакция людей объясняется в рамках антро-

поморфизма: «Например, когда человек впервые сталкивается с роботом, он словно бы вступает на неизвестную территорию. Это вызывает беспокойство, чувство дискомфорта. И чтобы снять стресс, люди начинают приписывать роботам человеческие черты, чтобы психологически восстановить контроль над новой ситуацией, перевести ее в более знакомую плоскость» [5].

Ключевыми факторами антропоморфизации искусственного интеллекта является поведенческий реализм. Существует явное различие между антропоморфизмом в контексте взаимодействия с ИИ и антропоморфными проекциями, возникающими в отношении других объектов, таких как традиционные куклы, автомобили или компьютеры. Эти различия могут быть охарактеризованы с позиций вовлеченности в познавательную деятельность. В частности, в случае антропоморфных проекций на другие объекты речь идет о негативной форме антропоморфизма, при которой субъект пассивно приписывает человеческие характеристики нечеловеческим сущностям. В контексте ИИ наблюдается позитивная форма антропоморфизма, в которой субъект активно извлекает антропоморфные черты из поведения машины.

Сущность проблемы заключается не в вопросе об обладании машиной интеллектом, а в степени отражения ею характеристик, способствующих интерпретации её людьми как разумной. В данном контексте антропоморфизм может быть определен как процесс, при котором наблюдатель приписывает роботу когнитивные или эмоциональные состояния с целью обоснования его поведения в конкретной социальной среде. Этот процесс может быть связан с интенциональной установкой, предложенной Д. Деннетом. Согласно его концепции, интенциональная установка представляет собой когнитивную стратегию интерпретации поведения субъектов (людей, животных, артефактов), предполагающую их восприятие как рациональных агентов, действующих на основании своих убеждений и желаний. Практическая значимость данной стратегии очевидна: интерпретация исследуемого объекта как рационального агента способствует предсказанию и объяснению его действий [4].

В заключении всему вышесказанному следует сказать, что антропоморфизм процесс, способствующий социальной консолидации и расширению горизонта. Интеграция антропоморфных черт в технологии искусственного интеллекта позволяет индивидууму воспринимать ИИ как субъекта социальных взаимодействий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кассирер Эрнст. Философия символических форм. Том 2 Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – 280 с.
2. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. – 408 с.
3. Мишучков А.А. «Введение в теорию мифа»: учебное пособие. – Оренбург: ОГУ, 2011.– 120 с.
4. Середкина Е.В. Философские основания прикладного антропоморфизма в социальной робототехнике // Технологос. – 2020. – № 4. – С. 56–63.
5. Середкина Е.В., Безукладников И.И., Долгих М.С. Прикладной антропоморфизм в сервисной робототехнике // Интеллектуальные системы в науке и технике. Искусственный интеллект в решении актуальных социальных и экономических проблем XXI века: сб. ст. / под ред. Л.Н. Ясницкого; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2020. – С. 223–227.
6. Damiano L., Dumouchel P. Anthropomorphism in Human–Robot Co-evolution // Frontiers in Psychology. – 2018. – No. 9. – P. 468.
7. Darling K. “Who’s Johnny?” Anthropomorphic Framing in Human-Robot Interaction, Integration, and Policy // ROBOT ETHICS 2.0. Eds. P. Lin, G. Bekey, K. Abney, R. Jenkins. – Oxford: Oxford University Press, 2017.
8. Guthrie S. Faces in the Clouds: A New Theory of Religion. – NY.: Oxford University Press, 1993. – 342 p.
9. Traeger M.L., Strohkorb S.S., Jung M., Scassellati B., Christakis N.A. Vulnerable robots positively shape human conversational dynamics in a human–robot team // PNAS Nexus. 2020. № 12 (117).

УДК 004.8

ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕКО-МАШИННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ – УГРОЗА ИЛИ ПАНАЦЕЯ?

PERSPECTIVES OF HUMAN-MACHINE RELATIONS: ARTIFICIAL INTELLIGENCE – A THREAT OR A PANACEA?

Авдеенко Даниил Викторович
Аспирант, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Avdeenko Daniil Viktorovich
Postgraduate student, Simferopol, V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. Эпоха цифровизации взывает к концептуально новому осмыслению человеко-машинных отношений, во многом из-за явления искусственного интеллекта. Рассмотрены некоторые опасности и перспективы такого переосмысления.

Abstract. The digital age calls for a conceptually new rethinking of human-machine relations, largely due to the phenomenon of artificial intelligence. Let's consider some of the dangers and prospects of such a rethinking.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация, этика искусственного интеллекта, человеко-машинные отношения

Keywords: artificial intelligence, digitalization, ethics of artificial intelligence, human-machine relations

Век информационных технологий и стремительного развития искусственного интеллекта порождает важные вопросы о человеко-машинных отношениях. Человек во все времена стремился к оптимизации методов решения тех или иных задач. Начиная с глубокой древности, за тысячи лет до начала нашей эры, когда жителями Месопотамии было изобретено колесо, позволившее многократно облегчить перемещение людей и предметов в пространстве. Или, когда древними Шумерами была разработана первая письменность, что можно считать зарождением информационных технологий – систематизации информации и передачи её в пространстве и времени на физическом носителе.

Стремление к увеличению эффективности решения задач подталкивало и подталкивает человечество к созданию всё более сложных систем, эти решения реализующих. А необходимость хранить, передавать и обрабатывать весь накопленный человеческий опыт, привела к серьёзной проблеме – данных слишком много. Человеческий интеллект попросту не способен обработать, запомнить и проанализировать такое количе-

ство информации, даже в какой-то одной узконаправленной сфере, даже с применением всех благ интернета, ведь возможности человеческой памяти не безграничны. [1]

Бесспорны успехи современной науки и технологии в разработке ИИ. Нейросети решают широкий класс задач, таких как обработка естественного языка, компьютерное зрение, автоматизация производственных процессов. Голосовые помощники и чат-боты встроены в большинство ведущих интернет-платформ. ИИ вошел в нашу повседневность, заняв уверенную позицию в качестве помощника и всезнающего эксперта. Человек доверяет ему свою цифровую безопасность, свои финансы, управление своим личным автомобилем. Однако, возникает ряд вопросов к этике применения таких систем. К чему приведёт возможность ИИ самостоятельно принимать решения?

Явление ИИ столь масштабно и динамично, что требует философского осмысления человеко-машинных отношений с концептуально новой точки зрения, приводящего к консенсусу разрозненные попытки оценить риски и перспективы этого нового по своим масштабам техно-явления XXI века. Зарубежными и отечественными авторами уже несколько лет обсуждается вопрос этики ИИ (AI Ethics), понятия на данный момент широкого и требующего уточнений. [2, 3] Особенность и отличительная черта систем ИИ от большинства других стремительно развивающихся технологий заключается в том, что принцип их действия не прозрачен. Разработчики создают нейросетевые модели, но не знают до конца, как именно они работают. Следовательно, как с этической точки зрения, так и с правовой, возникает закономерный вопрос: «кто же будет виновен в случае возникновения ошибки ИИ?».

В практике ВВС США существует инцидент, в котором ИИ-бот боевого беспилотника принял решение атаковать своего оператора. Эта миссия была частью виртуальной симуляции, и алгоритм посчитал, что оператор препятствует выполнению задания, следовательно, его необходимо устранить [4]. Данный случай показывает недостаточность современных технологий и неспособность, ввиду вероятностной природы алгоритмов ИИ, чётко предсказать результат исполнения алгоритма. Ещё один нашумевший случай затронул беспилотные системы автомобилей Tesla. В 2021 году правительство США инициировало проверку программного обеспечения автомобилей Tesla из-за частых случаев ДТП [5]. В ходе проверки выяснилось, что автопилот допускал критические ошибки, но деактивировался за секунду до столкновения, что снимало с компании всю юридическую ответственность за действия ИИ.

Ещё один вопрос, вызывающий в настоящий момент опасения, касается тенденции ИИ к фальсификации данных. Это относится в первую очередь к большим языковым моделям (GPT, Gemini, DeepSeek и др.), когда пользователь требует у ИИ чёткого ответа на вопрос, по которому не хватает уникальных данных, алгоритм считает предпочтительным вы-

дать несуществующий ответ за истину, нежели признаться в своём незнании. Вплоть до фальсификации научных трудов и исторических фактов. Генерация «синтетических данных», однако, может быть использована и как преимущество нейросетей, позволяя расширить обучающую выборку при недостаточности настоящих данных.

Помимо этого, возникает острый вопрос конфиденциальности. Известно, что языковые модели обучаются на данных из интернета, но не все знают, что среди этих данных есть много персональной информации реальных людей, полученной, например, при общении с чат-ботами. В 2023 году исследователи из Google нашли уязвимость чата GPT, позволяющую извлечь точные обучающие данные из модели, в том числе личную информации пользователей (адреса, номера телефонов и т.д.) [6]. Приведенные выше факты также заставляют задуматься о степени доверия к существующим технологиям ИИ и перспективам их повсеместной интеграции в наше общество.

Помимо этических и социально-правовых вопросов, опасения вызывают возможные гуманитарные и антропологические изменения, индуцируемые тотальной цифровизацией. Сюда входят как возможная деградация человеческих когнитивных функций при глубокой интеграции ИИ, когда естественный интеллект, руководствуясь принципом «что не работает, то умирает», теряет эффективность высших психологических функций, отдавая их на аутсорсинг. Это подтверждает недавнее совместное исследование Microsoft и университета Карнеги [7]. Так и опасности, связанные со скрытым управлением человеческим сознанием, лишением его свободы воли, посредством тонкого нейропсихологического манипулирования [8]. Так и вопрос исчислимости человеческого разума, возможности его интеграции в виртуальную среду и копирования на цифровой носитель [9].

Эти и многие другие этические, геополитические и геоэкономические вопросы, касающихся разработки и внедрения ИИ рассматриваются на высшем уровне. В частности, создаются глобальные международные альянсы, такие как Globalpolicy.AI и Global Partnership on Artificial Intelligence (GPAI), включающие представителей правительств крупнейших стран и мировых организаций, экономических гигантов и экспертов IT-индустрии, которые декларируют правила создания и использования систем искусственного интеллекта в целях устойчивого развития человечества.

Безусловно, как и любая новая технология, столь масштабно влияющая на существующую социальную парадигму, искусственный интеллект может и должен подвергаться критическому анализу.

Пожалуй, ИИ можно сравнить с атомной бомбой в поле информационных технологий. Системы ИИ, вызывая немало опасений и, потенциально, представляя угрозу человеческому существованию, открывают не

менее удивительные перспективы, подталкивающее человечество к концептуально новому витку прогресса [10]. Проблематика цифровизации в целом, и стремительного совершенствования ИИ в частности, форсируют социальные и научные метаморфозы, требующие смены нынешней парадигмы [11].

Алгоритмы ИИ становятся всё сложнее и совершеннее, что размывает грань между человеком и машиной. Искусственный интеллект успешно прошёл тест Тьюринга, а известные «три закона робототехники» А. Азимова не могут соблюдаться, ввиду вероятностной природы существующих систем ИИ. Столь переменчивые и неуправляемые вызовы эпохи информационных технологий требуют всестороннего и концептуально нового осмысления роли «разумной» машины в человеческом обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Leonelli S. Scientific Research and Big Data / The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2020. URL: https://plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/science-big-data/ (дата обращения: 12.04.2025).
2. Этика в области искусственного интеллекта / А.В. Абрамова, А.Г. Игнатьев, М.С. Панова, М.:, Изд. «МГИМО Университет». 2021. 26 с.
3. Stahl, B. C., Schroeder, D., and Rodrigues, R. Ethics of Artificial Intelligence: Case Studies and Options for Addressing Ethical Challenges / Cham, Switzerland: Springer int. publ. 2023. 116 с.
4. Робинсон Т., Бриджуотер С. Основные моменты саммита RAeS 2023 по перспективным возможностям боевой авиации и космоса // aerosociety.com: период. интернет-изд. 2023. 26 мая. URL: https://www.aerosociety.com/news/highlights-from-the-raes-future-combat-air-space-capabilitiessummit/ (дата обращения:12.04.2025).
5. Vincent J. US government opens probe into Tesla Autopilot crashes with emergency vehicles // theverge.com: период. интернет-изд. 2021. 16 август. URL:
https://www.theverge.com/2021/8/16/22626819/tesla-autopilot-crash-emergency-vehicle-probe-nhtsa, (дата обращения:12.04.2025).
6. Nasr M., Carlini N. et al. Scalable Extraction of Training Data from (Production) Language Models. // researchgate.net: интернет-ресурс. 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/384634634_Scalable_Extraction_of_Training_Data_from_Production_Language_Models (дата обращения:12.04.2025).
7. Lee H.-P., Sarkar A., et al. The impact of generative ai on critical thinking // microsoft.com: интернет-ресурс. 2025. URL: https://www.microsoft.com/en-us/research/wp-content/uploads/2025/01/lee_2025_ai_critical_thinking_survey.pdf, (дата обращения: 12.04.2025).
8. Ларина Е. С., Овчинский В. С. Цифровая революция. Преимущества и риски. Искусственный интеллект и интернет всего. М.: Книжный мир. 2022. 616 с.
9. Смирнов С.А. Исчислимо ли бытие человека, или Антропология искусственного интеллекта. Методологический аспект // Вестник СПб-го ун. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 3. С. 478–491.
10. Сильный искусственный интеллект: на подступах к сверхразуму / Александр Ведяхин [и др.]. - М.: Интеллектуальная Литература, 2021. - 232 с.
11. Габриелян О.А. К вопросу о принципиальной (не)возможности сильного искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 351–361.

УДК 130.2:572

ТЕМА НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

THE THEME OF UNCERTAINTY INCERTITUDE IN GERMAN CLASSICAL PHILOSOPHY

Артемова Юлия Александровна
заведующая отделом аспирантуры и докторантуры, соискатель кафедры философии
г. Луганск, Луганский государственный университет имени Владимира Даля
Artemova Yuliya Alexandrovna
Head of the Department of Postgraduate and Doctoral study, Applicant of Chair of philosophy
Lugansk, Lugansk Vladimir Dahl State University

Аннотация. Статья посвящена проблеме социокультурной неопределённости. Рассматривается характер интерпретации неопределённости в философских системах Канта, Фихте и Гегеля. Несмотря на маргинальный характер темы неопределённости для условий классического рационализма, Немецкая философия XVIII-XIX веков предлагает для этого феномена собственное толкование и создаёт понятийные конструкции, актуальные в свете философского исследования неопределённости в современных условиях.

Abstract. The article is devoted to the problem of sociocultural uncertainty. The nature of the interpretation of uncertainty in the philosophical systems of Kant, Fichte and Hegel is considered. Despite the marginal nature of the topic of uncertainty for the conditions of classical rationalism, German philosophy of the XVIII-XIX centuries offers its own interpretation for this phenomenon and creates conceptual constructions relevant in the light of the philosophical study of uncertainty in modern conditions.

Ключевые слова: человек, социокультурная неопределённость, Немецкая классическая философия, разум, феномен, категория, субъект, Универсум.

Keywords: humanity, sociocultural uncertainty, German classical philosophy, reason, phenomenon, category, subject, Universe.

Немецкая классическая философия является одной из вершин в деятельности философского мышления, точкой концентрации усилий Разума, уникальной и недостижимой впоследствии, несмотря на дальнейшее продолжение истории всемирной философской традиции, на появление в ней новых вопросов и понятий, немыслимых в её эпоху.

Неопределённость представляет собой феномен человеческого существования, принадлежащий гносеологической, эмоционально-психологической и социально-исторической областям, их экспликации в культуре и в искусстве, и в их философской рефлексии. В этом плане совокупный научно-теоретический опыт её осмысления, разнообразие заключений, осмысленные особенности, основания образуют содержательную идентичность концепта неопределённости.

Исследование того, какое содержание вкладывается в феномен неопределённости в Немецкой классической философии, обладает существенной актуальностью. Общая для её классиков ориентированность на построение завершённой системы познания Универсума в его полноте, заключающей в познанное единство – действительность внешнего и внутреннего, трансцендентного и имманентного– представляет несомненный интерес в свете такой маргинального для научно-рациональной картины мира предмета, как неопределённость. В условиях господства рациональных начал само допущение наличия неопределённости является в известном смысле парадоксом. Но и в этих условиях неопределённость находит себе место в общей традиции Немецкой классической философии, трансформируясь и отражая в изменениях своей интерпретации те процессы, в виде которых происходило становление этой традиции как транс-личностного процесса.

В философской системе И. Канта ситуация человеческой неопределённости вполне закономерно связывается с принципом непознаваемости мира вещей за пределами феноменов. Познание представляет собой синтез результатов чувственного созерцания вещей, составляющих образ внешнего мира посредством априорных синтетических категорий рассудка, и результатом этого синтеза ограничена данная человеку способность познания сущего. То, что находится «позади» «явлений вещи», аффицирующих нашу чувственную способность и объединённых в целостную картину априорными формами чувственного познания – пространством и временем, и то, что составляет действительность вещи для неё самой, а не для нас, было и останется для человека поистине «чёрным ящиком».

Неопределённость существования вещей в их подлинности, как вещей-в-себе не означает для Канта иллюзорности чувственно воспринимаемой действительности, из чего вполне естественно следовала бы тщетность любых попыток познания мироздания субъектом. Выводом «Критики чистого разума» в отношении темы неопределённости является ограниченность определённости – самими условиями, которые ставит человек как познающий субъект. Определённость даёт эмпирический опыт. Но границами даваемой им определённости и является сам опыт, частичность, частность как неотъемлемая характеристика всякой эмпирической данности, которую субъекту необходимо достроить до состояния «полноты картины». То есть до всей полноты вещи взамен той её стороны, которой она к нам обращена, до полноты познания вещи по-

средством применения рассудочных категорий. Вещи, данные человеку в созерцании, пребывают в состоянии взаимоотношений, взаимодействий – в той степени, в которой эти взаимодействия могут быть восприняты и познаны субъектом. Но существование вещи-в-себе, помимо отношений, составляет и некая собственная, имманентная природа, а не только та, которая раскрывается во взаимоотношениях, и способна познаваться через них. «Всё, что в нашем познании принадлежит к созерцанию, содержит одни лишь отношения, а именно отношение места в созерцании (протяжение), отношения перемены места (движение) и законы, по которым определяется эта перемена (движущие силы). Но то, что находится в данном месте, или то, что действует в самих вещах, кроме перемены места, этим не дано. Между тем вещь сама по себе не познаётся из одних только отношений» [1, с.88]. Это противопоставление отношений – внутренней природе также выступает одним из источников обоснования наличия неопределённости в познании.

Философия Фихте как система рационализма видела свою цель – как построение связной, единой картины познания мироздания, которая основывается на разуме и логической связи. В свою очередь, мироздание выступает в этой системе как тотальный порядок, который не допускает неопределённости. По одному-единственному элементу системы, будь то элемент мироздания, будь то часть процессуального устройства познающего субъекта, можно восстановить и постичь всю остальную систему. То, что само мироздание является результатом активности Я, процесса его продуцирования и полагания, направленного вовне, совсем не отрицало этого тотального порядка, царящего в мироздании. Скорее наоборот, обуславливало его необходимый и неизбежный характер, поскольку снимало проблему непреодолимой границы между сознанием и вненаходимой реальностью вещей-в-себе. Активное Я, продуцирующее внешнюю реальность как результат своей активности остаётся в таких условиях единственным и неоспоримым гарантом логичности и порядка, царящего в этой внешней реальности.

Определённость, достигаемая в процессе познания, представляет собой истинность или достоверность. По Фихте, она может быть получена исключительно при выведении всей гносеологической системы из одного-единственного источника, положения, которому принадлежит безусловная достоверность. Как известно, у Фихте этим безусловным аксиоматически-утверждаемым источником является категория «Я». В качестве разумного, активного начала, Я беспрестанно и свободно полагает, то есть последовательно созерцает и мыслит, как свою имманентную, умозрительную природу (интеллигенцию, по терминологии Фихте), так и мироздание как вненаходимую действительность. В тех условиях построения системы философского познания, которые разворачивает

Фихте в своих работах, связь между неопределённостью и человеком получает императивный характер. Неопределённость – не факт, а задача. «Создай своё Я, создай его актом этого осознания – таково требование *философского обращения*; как и в случае религиозного обращения, тут апеллируют к свободе, к воле, а не к интеллекту» [3, с.27]. Волюнтаристический характер научного пафоса Фихте, приоритет практической направленности философской системы, отличающий его от Канта, придаёт принципиально новый характер предметности неопределённого. Разумная, целенаправленная деятельность, направленная на созидание своего Я является требованием, обращённым к каждому эмпирически данному субъекту, то есть к каждому отдельному человеку. Организовать, «обустроить» своё Я и является требуемым от нас усилием и деятельностью, направленной на преодоление неопределённости. Открытым остаётся лишь вопрос тех требований, критериев того наполнения, которые здесь берутся на вооружение. Ведь Я не детерминируется ничем извне, а его внутреннюю природу составляет спонтанная активность. Что же тогда можно было бы взять в качестве «правильного» источника для организации собственного Я, содержание которого было бы способным преодолеть неопределённость? Философия Фихте не даёт ответа на этот вопрос.

В философии Г.В.Ф. Гегеля неопределённость получает существенное и важное место в системе Универсума. При этом определения, которые Гегель даёт концепту неопределённости, позволяют относить её к различным тематическим срезам его философской мысли. Прежде всего, неопределённость оказывается связанной с такой базисной категорией, как бытие. Известно, что специфический характер интерпретации этой категории в системе Гегеля состоит в том, что бытие полагается в ней как самое первое, базисное, исходное изо всего того, что соответствует наличию вещи и что можно помыслить о вещи. Бытие – самое общее, категория, которая объединяет всякое сущее, поскольку любое качество, на основании которого возможно внести уточнение, определить сущее как некое, какое-то определённое, стоит уже после неё, уже является опосредованием, неким конкретным качеством, проистекающим от чего-то, наличествующим и мыслимым в силу чего-то. «Лишённое определений… есть непосредственное, а неопосредованное отсутствие определений, не снятие всякой определённости, а непосредственность отсутствия определений, отсутствие определений до всякой определённости, неопределённость как наипервейшее. Это мы и называем бытием» [4, с.218]. Чистое, неопосредованное бытие потенциально всем, в нём в зачатке, в возможности содержатся всё, все возможные вещи и любые пути их трансформаций. Из чистого, неопосредованного бытия может в прямом смысле «выйти всё, что угодно», ввиду этого оно и выступает как чистая неопределённость.

Неопределённость представляет неизбежный, плодотворный шаг в самопознании Абсолютного Духа, Бога, Понятия как сверхцели Миро-

здания, какой её определяет Гегель. Неопределённость не в силах помешать тотальному мыслительному процессу, в который включено Мироздание, которым, по существу, и является Мироздание. Мысль вполне способна преодолеть неопределённость, отличить в ней существенное, «спекулятивное» в терминологии Гегеля, от несущественного, вобрать её как момент в своём развитии. Однако неопределённость не может оставаться не затронутой действием мысли, ни тем более утверждаться в качестве некоего идеального состояния. Чуткий и ревностный в деле разработки и утверждения философской системы, которая обосновывает в тотальном плане становление и торжество рационального начала, Гегель усматривает такое утверждение неопределённости в кантовской идее непознаваемости высших начал сущего – Бога и мира. «Однако и в самой Германии до начала её возрождения мысль стала столь плоской, что считалось доказанным, что познание истины невозможно, что Бог, сущность мира и духа непостижимы и непонятны, то дух должен остановиться в религии, а религия должна остановиться на вере, чувстве и чаянии без разумного знания» [4, с.81]. Предполагать, будто предельные вопросы, которые способен и должен задавать человек, могут выступать лишь в роли оснований для действий практического разума, а в области разума теоретического они обречены оставаться непознаваемыми и недоказуемыми – для Гегеля такое положение вещей означает, что неопределённость существует и доминирует в вопросах, самых главных для мышления, и всё это признаётся в качестве идеала в человеческих взаимоотношениях с Мирозданием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кант И. Критика чистого разума. – М.: АСТ, 2020. – 784 с.
2. Фихте И. Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии С. 274-391 / Фихте И. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение / Пер. с нем. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 784 с.
3. Гайденко П.П. Философия Фихте и современность. – М.: Мысль, 1979. – 288 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. – 452 с.

УДК 631.53:174

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ БИОТЕХНОЛОГИЯ РАСТЕНИЙ: ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

AGRICULTURAL PLANT BIOTECHNOLOGY: ETHICAL ASPECTS

Камышникова Анна Владимировна
аспирант кафедры плодоовощеводства и виноградарства института "Агротехнологическая академия"
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
Kamyshnikova Anna Vladimirovna
Postgraduate student of the Department of Fruit and Vegetable Production and Viticulture at the Institute "Agrotechnological Academy"
Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol

Аннотация. В статье рассматривается биотехнология растений в сельском хозяйстве как инструмент для получения оздоровленного посадочного материала, ускорения селекции и сохранения редких видов. Однако использование этих технологий также порождает ряд этических дилемм, которые требуют внимательного анализа. Автор рассматривает сельскохозяйственную биотехнологию с двух сторон: собственно биотехнологию растений и возникающие этико-философские аспекты, при использовании данной технологии.

Abstract. The article discusses plant biotechnology in agriculture as a tool for obtaining healthy planting material, accelerating breeding and preserving rare species. However, the use of these technologies also raises a number of ethical dilemmas that require careful analysis. The author examines agricultural biotechnology from two sides: plant biotechnology proper and emerging ethical and philosophical aspects when using this technology.

Ключевые слова: биотехнология растений; аспект; сельское хозяйство; микроклональное размножение.

Keywords: plant biotechnology; aspect; agriculture; microclonal propagation.

Биотехнология растений отличается широким набором объектов и методов, которые включают в себя, в том числе, культуру тканей, микроклональное размножение, оздоровление растений и селекцию, направленные на улучшение таких характеристик растений, как урожайность, устойчивость к вредителям и болезням, к воздействию окружающей среды, оздоровление и массовое размножение элитного посадочного материала [1]. Эта область сталкивается с этическими и экологическими

проблемами, включая вопросы и опасения, связанные с генетической модификацией, сохранением видового разнообразия в процессе селекции, экологическими аспектами в биотехнологии растений, а также важность информированного согласия как ключевого аспекта взаимодействия между производителями продуктов питания и потребителями. Ответственное использование сельскохозяйственной биотехнологии требует этической оценки, в которой должны участвовать ученые различных областей (биотехнологи, генетики, агрономы, экологи, экономисты, а так же философы), производители, заинтересованные стороны и широкая общественность. Для того что бы полностью раскрыть данную тему, нужно разобрать сельскохозяйственную биотехнологию с двух сторон. С одной стороны, что же такое собственно биотехнология растений, а с другой стороны, возникающие этико-философские аспекты, при использовании данной технологии.

Сельскохозяйственная биотехнология растений.

Основой биотехнологии растений является культура тканей и микроклональное размножение. Этот метод позволяет размножать растения из небольших фрагментов, например, меристемных тканей, стеблей или фрагментов листьев в контролируемых лабораторных условиях. Такой метод имеет огромное значение в сельском хозяйстве, виноградарстве и садоводстве, поскольку позволяет быстро размножать элитные или находящиеся под угрозой исчезновения виды и сорта растений, сохранять генетическую идентичность (микроклон – точная копия материнского растения), применить методы оздоровления от болезней и выращивать растения для исследовательских и коммерческих целей. Применение метода микроклонального размножения позволяет увеличить урожайность, не прибегая к увеличению площадей насаждений.

Биотехнология растений сыграла значительную роль в эффективном открытии новых инструментов и наборов для эффективной диагностики некоторых заболеваний. Более того, биотехнология стала ключевым игроком в фармацевтической промышленности для эффективного производства биологически активных веществ, синтезируемых растениями. Применение биотехнологии растений не ограничивается наземными растениями. Водные растения, такие как водоросли, все чаще изучаются на предмет их потенциала в производстве биотоплива, улавливании углерода и очистке сточных вод.

Существует ошибочное мнение, что растения, полученные, в лабораторных условиях являются продуктом генной инженерии, что вызывает у людей заведомо негативное отношение к таким продуктам ввиду опасения безопасности для своего здоровья. В Российской Федерации действует закон о запрете на выращивание и разведение генно-модифицированных растений и организмов, за исключением проведения экс-

пертиз и научно-исследовательских работ, что фактически исключает возможность разведения и выращивания генно-модифицированных растений, например, сельскохозяйственного назначения [2]. Одно из основных преимуществ биотехнологии растений – проведение селекции по нескольким характеристикам одновременно, без внедрения нетипичных для данного сорта генов в геном, что позволяет создавать сорта, которые не только будут обладать определенными признаками (высокая урожайность, насыщенный цвет, аромат и др), но и будут устойчивы к болезням, засухе и другим неблагоприятным условиям.

Этико-философские аспекты использования биотехнологии растений в сельском хозяйстве.

Этические аспекты биотехнологии растений в сельском хозяйстве условно можно разделить на проблемы, связанные с применением биотехнологии в целом (применение биотехнологии, сохранение биологического разнообразия, ответственность учёных, права потребителей), экологические и социально-экономические проблемы.

Глобальная задача сохранения биологического разнообразия решается на пересечении биотехнологии и охраны природы. Английский исследователь Брайан Уинна [3] выдвинул предположение о том, что «там, где существует научная неопределенность, может применяться принцип предосторожности». Это высказывание может быть применено к проблемам применения биотехнологии растений, в частности молекулярной селекции и генной инженерии. Такой принцип признает возможную необходимость вмешательства для защиты окружающей среды или здоровья в случаях, когда существует научная неопределенность в отношении вредных последствий любого рассматриваемого процесса. Это связано с тем, что «теоретический вред» от попадания генно-модифицированных организмов в окружающую среду, если он действительно имеет место, был бы очень значительным, возможно, отложенным, дорогостоящим и его трудно или невозможно было бы устранить.

Биотехнологию растений можно рассмотреть одним из философско-этических подходов — этикой добродетели, которая отвечает на вопрос: как мне жить (этически) хорошей жизнью? Ответ на этот вопрос формулируется через призму добродетелей, цели и счастья, включая такие качества, как забота, ответственность, настойчивость и честность. В контексте селекции растений этика добродетели подчеркивает моральную ответственность селекционера, а также то, что результаты его труда должны приносить пользу тем, кто в этом нуждается. Исходной точкой является то, что как селекционеры, так и потребители, использующие продукцию селекционера, несут моральную ответственность [4].

При рассмотрении социальных проблем биотехнологии растений важным аспектом является неравномерность распределения ресурсов между крупными и малыми сельскохозяйственными угодьями. Этот дисбаланс возникает вследствие больших материальных затрат на ис-

пользование услуг биотехнологических комплексов или селекционных достижений. Небольшие фермерские хозяйства должны развивать свою уникальность, опираясь на местные социокультурные традиции, знания и ресурсы. В этом контексте важно отметить социокультурные ценности. С одной стороны применение биотехнологии может помочь в сохранении аборигенных сортов растений, акклиматизации и адаптации к новым климатическим условиям, но с другой стороны нужно учитывать местные традиции, социальные связи и культурные обычаи. При внедрении более устойчивого и более урожайного сорта без учета местных традиций может повредить экосистему, разрушить социальные связи и культурные обычаи.

Для того, что бы полностью раскрыть заданную тему нельзя не сказать о важности информационной прозрачности связанной с биотехнологией растений. Прозрачность в технологиях и методах производства тех или иных продуктов помогает устранить недоверие. Когда потребители понимают, как и почему были созданы определенные продукты, они более склонны приобретать их и использовать в своем рационе или быту. Также, имеет место быть и личные убеждения и ценности при выборе подходящего рациона питания. Ввиду малой осведомлённости населения, производители должны стремиться к тому, чтобы информация была доступной и понятной, избегая излишне сложной терминологии. Образовательные программы и популяризация знаний могут сыграть важную роль в повышении осведомлённости потребителей о новых технологиях. При государственной или частной поддержке нужно организовывать различные лекции, семинары, ярмарки, публикации и другие формы информации, которые помогут людям лучше понять, как работает биотехнология растений, и какие преимущества она может предложить. На таких курсах/занятиях/уроках могут выступать волонтёры-выпускники местных ВУЗов или сотрудники биотехнологических комплексов. Установление диалога между учеными, производителями и потребителями помогут развеять мифы и недопонимания, связанные с данной тематикой.

Биотехнология растений в сельском хозяйстве предлагает множество возможностей, но также требует внимательного рассмотрения философско-этических вопросов. Из всего сказанного можно сделать вывод, что очень важно находить баланс между инновациями и сохранением экологического и видового разнообразия, учитывать интересы всех участников процесса – от производителей до потребителей, а также увеличение уровня осведомлённости населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Решетников В. и др. Растительная биотехнология-способ рационального использования биосинтетического потенциала // Наука и инновации. – 2014. – Т. 5. – №. 135. – С. 21-25.
2. Коробко И. В. и др. ГМО в России-наука, общество и закон // Acta Naturae (русскоязычная версия). – 2016. – Т. 8. – №. 4 (31). – С. 6-15.
3. Wynne B. Risk and environment as legitimatory discourses of technology: reflexivity inside out? //Current sociology. – 2002. – Vol. 50. – №. 3. – P. 459-477.
4. Louwaars N., Jochemsen H. An ethical and societal analysis for biotechnological methods in plant breeding //Agronomy. – 2021. – Vol. 11. – №. 6. – P. 1183.

УДК 17.022(045):65.012:658.5

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ ВЫБОРА ИННОВАЦИЙ В КОРПОРАТИВНЫХ ЭКОСИСТЕМАХ

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS AND ETHICAL DILEMMAS OF INNOVATION CHOICE IN CORPORATE ECOSYSTEMS

Пасечник Олег Анатольевич
аспирант группы МНЖ-а-о-241, научная специальность 5.2.6 Менеджмент
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»,
Институт экономики и управления, г. Симферополь
Научный руководитель: доктор философских наук
Д.В. Гарбузов
Pasechnik Oleg Anatolievich
graduate student, group MNZH-a-o-241, scientific specialty 5.2.6 Management,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute of Economics and Management, Simferopol

Аннотация. Исследование раскрывает философские и этические аспекты выбора инноваций в зависимости от типа корпоративной экосистемы. На примере компаний Google, Tesla и Meta показано, как ценности организации (утилитаризм, коммунитаризм, постмодернистский релятивизм) определяют приоритеты внедрения технологий. Анализируются конфликты между эффективностью и приватностью, открытостью и контролем, а также роль междисциплинарных команд в минимизации экзистенциальных рисков. Обоснована необходимость интеграции философской рефлексии в инновационный менеджмент для баланса технологического прогресса и социальной ответственности.

Abstract. The study explores the philosophical and ethical aspects of innovation choice depending on the type of corporate ecosystem. Using case studies of Google, Tesla, and Meta, it demonstrates how organizational values (utilitarianism, communitarianism, postmodern relativism) shape technology adoption priorities. Conflicts between efficiency and privacy, openness and control are analyzed, along with the role of interdisciplinary teams in mitigating existential risks. The need for integrating philosophical reflection into innovation management to balance technological progress and social responsibility is substantiated.

Ключевые слова: философия инноваций, корпоративные экосистемы, этика технологий, утилитаризм, социальная ответственность.

Keywords: philosophy of innovation, corporate ecosystems, technology ethics, utilitarianism, social responsibility.

Введение

Современные организации, функционируя в условиях цифровой трансформации, сталкиваются с необходимостью постоянного внедрения инноваций для сохранения конкурентоспособности. Однако выбор технологических решений не является нейтральным – он детерминирован философскими основаниями экосистемы организации, которая формируется через совокупность ценностей, структурных взаимодействий и внешних связей.

Экосистема, понимаемая как «экзистенциальная среда», отражает не только операционные принципы, но и этико-мировоззренческие установки, такие как отношение к свободе, ответственности и прогрессу. В этом контексте возникает ключевой вопрос: как тип экосистемы (открытая, закрытая, гибридная) определяет философские приоритеты при выборе инноваций? Ответ на него требует анализа глубинных противоречий между технологическим утилитаризмом, стремящимся к максимизации эффективности, и деонтологическими принципами, ограничивающими инновации в рамках этических норм.

Актуальность исследования обусловлена растущим противоречием между скоростью технологического прогресса и этико-философскими ограничениями, заложенными в экосистемах организаций, а также глобальным конфликтом ценностных моделей (утилитаризм/гуманизм, открытость/контроль). Игнорирование этих аспектов ведет к экзистенциальным рискам, включая дегуманизацию и социальную фрагментацию.

Цель исследования – выявить философские механизмы, через которые тип экосистемы организации (ценности, структура, взаимодействия) детерминирует выбор инноваций, и обосновать необходимость интеграции этической рефлексии для баланса между технологическим развитием и ответственностью.

Результаты исследования.

Экосистема организации, вопреки поверхностному восприятию как сугубо экономической или технической конструкции, представляет собой метафизический ландшафт [2], где пересекаются воля к власти (Ницше), этика ответственности (Йонас) и диалектика свободы (Сартр). Экзистенциализм добавляет к этому измерение абсурдного выбора: организация обречена конструировать инновации в условиях онтологической неопределённости, где каждое решение есть одновременно акт самоопределения. Здесь этика технологий Йонаса становится компасом: не «что мы можем создать?», а «что мы обязаны предотвратить?» – вопрос, ставящий под сомнение саму возможность нейтральности прогресса.

Если философия экосистемы – это её генетический код, то типология становится ключом к расшифровке того, как метафизические установки материализуются в технологических решениях [5]. Открытость, закрытость или гибридность – не просто организационные стратегии, но и эк-

зистенциальные проекты, отражающие отношение к свободе, власти и человеческой природе:

– открытые экосистемы (Wikipedia, Linux) существуют по канонам коммунитаристской утопии, где инновация – это коллективный ритуал, а знание – общее благо;

– закрытые экосистемы (традиционные корпорации, авторитарные государства) воплощают утилитаристский императив: инновации легитимны лишь как инструмент максимизации полезности для власти;

– гибридные экосистемы (Tesla, стартапы Web3) – детище постмодернистского релятивизма. Они отвергают грандиозные нарративы, заменяя их эклектикой (к примеру, блокчейн соседствует с корпоративной бюрократией). Каждый тип порождает уникальные инновационные онтологии: открытые системы обожествляют процесс, закрытые – результат, гибридные – саму возможность переизобретения правил.

Инновации, будучи актом воли, неизбежно сталкиваются с некоторыми этическими проблемами. К примеру:

– утилитаристская ловушка: ИИ-слежка, повышая безопасность, уничтожает автономию – аристотелевскую «целевую причину» человеческого достоинства [6];

– коммунитаристский парадокс: открытые алгоритмы в медицине, спасая жизни, обнажают уязвимость данных – плата за коллективное благо становится приватность;

– постмодернистская иллюзия: Web3-стартапы, декларируя децентрализацию, воспроизводят иерархии через «токенизацию доверия» – цифровой феодализм под маской свободы [1].

Технократия, возведённая в абсолют, превращает экосистемы в механизмы, где дух (этика) подчинён материи (технологии). Спасение, однако, не в отказе от инноваций, а в их рефлексивном опосредовании: прогресс должен быть не данностью, но вопросом, адресованным экзистенции организации [4]. Чтобы понять, как философия экосистемы влияет на инновации, недостаточно теорий – нужны конкретные примеры. Возьмём три компании: Google, Tesla и Meta. Их решения – внедрение алгоритмов, открытие патентов, управление соцсетями – не случайны. Каждое из них отражает скрытые философские установки: что важнее – прибыль или прозрачность, контроль или свобода, скорость или ответственность.

1. Google и власть алгоритмов. Почему Google собирает данные пользователей? Потому что его экосистема построена на идее «максимальной полезности»: чем больше данных, тем точнее сервисы. Но это ведёт к конфликту:

эффективность против приватности. Философия утилитаризма («главное – результат») сталкивается с этикой прав человека.

2. Tesla и открытые патенты. Илон Маск (основатель компании) публикует патенты, чтобы ускорить переход на электромобили. Это философия «коллективного прогресса»: инновации должны служить всем, а не приносить прибыль одной компании. Но здесь возникает парадокс: открытость привлекает партнёров, но усиливает зависимость от лидерства Tesla.

3. Meta* и цена вовлечённости. Соцсети Meta* оптимизируют контент для увеличения времени пользователей на платформе. Это философия «роста любой ценой». Однако алгоритмы, поощряющие скандалы и фейки, показывают, как стремление к прибыли разрушает социальную ответственность.

Заключение

При более детальном сопоставлении трёх корпоративных экосистем (Google, Tesla и Meta) выявляется, что глубинные философские установки не только определяют стратегию внедрения инноваций, но и формируют устойчивость организации к внешним шокам. Так, утилитаристская модель Google демонстрирует высокую адаптивность за счёт масштабируемости данных, но при этом уязвима к регулятивным ограничениям и общественным протестам, направленным на защиту приватности. Коммунитаристская логика Tesla даёт сильный социальный эффект через открытие патентов, однако создаёт риск технологической зависимости партнёров и снижает контроль над качеством внедряемых решений. Гибридный подход Meta, стремящийся балансировать между свободой и контролем, оказывается наиболее хрупким: при попытке охватить как можно больше точек соприкосновения с пользователями система легко поддаётся манипуляциям и дезинформации.

Таким образом, для достижения устойчивого баланса между инновациями и этикой организациям необходимо развивать «мета-экосистемное» мышление – способность не только выбирать технологические инструменты в соответствии с внутренними ценностями, но и гибко адаптировать эти ценности под воздействием внешних вызовов и рисков [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ali S. J., Christin, A. Smart, A. Katila, R. Walking the Walk of AI Ethics: Organizational Challenges and the Individualization of Risk among Ethics Entrepreneurs // arXiv preprint. 2023. arXiv:2305.09573. – URL: https://arxiv.org/abs/2305.09573.
2. Wiese S. A., Lehmann J., Beckmann M. Organizational culture and the usage of Industry 4.0 technologies: evidence from Swiss businesses // arXiv preprint. 2024. arXiv:2412.12752. – URL: https://arxiv.org/abs/2412.12752.
3. Зайцева Л. А. Философия инноваций: инновационные технологии – архитекторы будущего / Л. А. Зайцева // Труды всероссийской научной конферен-

ции «Инновационные стратегии развития науки, техники и общества. Социальная инноватика – 2014», Москва, 27 октября 2014 года. – Москва: ФГУП ГНЦ РФ «ВНИИгеосистем», 2014. – С. 32-35. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=23226788.

4. Крутохвостов И. Г. Философия инноваций в условиях социально-техногенного развития мира / И. Г. Крутохвостов // Проблемы современного антропосоциального познания : сборник научных статей. – Брянск: Брянский государственный технический университет, 2024. – С. 77-86. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=79027673.
5. Микрюков, Д. Н. Исследование влияния корпоративной культуры на инновационное развитие предприятий в регионах России: эмпирический анализ и практические рекомендации / Д. Н. Микрюков // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). – С. 44-51. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54096763.
6. Ячменева, В. М. Управление инновациями через ИИ: безопасность больших данных в условиях цифровой трансформации / В. М. Ячменева, О. А. Пасечник // Проблемы информационной безопасности социально-экономических систем : Труды XI Международной научно-практической конференции, Гурзуф, 13–15 февраля 2025 года. – Симферополь: ИП Зуева Т.В., 2025. – С. 67-69. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=80375845.

УДК 004:23/28

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИСПЫТАНИЕ ЛЮБВИ: ХРИСТИАНСКИЙ ОТВЕТ НА ЦИФРОВУЮ АГРЕССИЮ И ДЕГУМАНИЗАЦИЮ

SOCIAL NETWORKS AS A TEST OF LOVE: A CHRISTIAN RESPONSE TO DIGITAL AGGRESSION AND DEHUMANIZATION

Кондаранцева Алина Андреевна
Студент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Научный руководитель кандидат философских наук, доцент ***А.М.Тимохин***
Kondarantseva Alina Andreevna
Student, Simferopol, V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация. Рассматриваются проявления цифровой агрессии и дегуманизации в социальных сетях сквозь призму христианской этики. Особое внимание уделяется богословскому пониманию любви и достоинства личности как основанию для ненасильственной коммуникации. Анализируются точки пересечения христианского персонализма с современными практиками, направленными на снижение враждебности в цифровой среде.

Abstract. This work explores manifestations of digital aggression and dehumanization in social media through the lens of Christian ethics. Particular attention is given to the theological understanding of love and human dignity as a foundation for nonviolent communication. Points of convergence between Christian personalism and contemporary approaches to reducing hostility in digital environments are examined.

Ключевые слова: цифровая агрессия; дегуманизация; христианская этика; ненасильственное общение; социальные сети; цифровая коммуникация; персонализм; онлайн-этика.

Keywords: Digital aggression, Dehumanization, Christian ethics, Nonviolent communication, Social media, Digital communication, Personalism, Online ethics.

За последние десятилетия процесс технологизации общества привел к тому, что почти все сферы жизни перешли в цифровой формат, претерпев в процессе значительные трансформации. Современного человека сейчас невозможно представить без смартфона, который, помимо выполнения базовых функций, стал еще и порталом в совершенно новое коммуникационное пространство. Социальные сети стали настолько неотъемлемой частью жизни, что способны формировать новые формы коммуникации и даже оказывать влияние на восприятие себя и других. Однако наряду с возможностями для общения и саморазвития цифровое

пространство становится ареной для агрессии, поляризации и дегуманизации. Росту враждебности, видения другого как объекта нападок, а не собеседника способствуют анонимность, быстрая передача информации и отсутствие живого присутствия.

При столкновении с подобной проблематикой встает вопрос: способна ли христианская добродетель любви к ближнему стать достойным ответом на явления цифровой агрессии и дегуманизации? Возможно ли сохранить сострадание и уважение в среде, где преобладает категоричность и импульсивность? Ответ на этот вопрос может стать актуальным не только для верующих, но и для всех, кто ищет этический ориентир в цифровую эпоху.

Цифровая агрессия в социальных сетях проявляется в кибербуллинге, троллинге, так называемой «культуре отмены», в рамках которой общество отворачивается от человека за определенные действия и высказывания. Такие формы поведения подкрепляются и усиливаются благодаря анонимности и отсутствию немедленной ответственности [1].

Дегуманизация заключается в сведении человека к ярлыку, цифровому «никнейму» или образу, что обезличивает его. Пользователь уже не воспринимается как живой человек по ту сторону экрана, он легко становится объектом нападок или идеологического противостояния. В связи с удалением личностного начала из процесса коммуникации, агрессия становится значительно менее морально отягощенной, а значит и легче выполнимой.

Дополнительным фактором выступает алгоритмическая природа самих социальных сетей. Поскольку известно, что люди живо реагируют на новости преимущественного негативного характера, алгоритмы избирательно распространяют и усиливают радикальный и эмоционально заряженный контент, способствуя поляризации мнений в цифровом пространстве. В подобных условиях агрессия и дегуманизация не просто ощущаются пользователем морально допустимыми, но и становятся нормой, полностью обесценивая необходимость эмпатии и взаимного уважения в коммуникативной ситуации [2].

В христианской традиции достоинство личности исходит из идеи сотворения человека по образу и подобию Божиему (Быт. 1:26), что определяет ценность каждого независимо от пола, возраста, статуса или убеждений. Николай Бердяев подчеркивал: «Личность, неповторимая, единичная личность, есть высшая ценность, она не есть средство для торжества общего, хотя бы это общее было общеобязательным нравственным законом» – она не подлежит расчеловечиванию [3]. Любовь же – не просто чувство, это акт воли, жертвенности и признания другого как ценности. Это утверждение достоинства человека как образа Божьего. Даже самые высокие действия не несут в себе никакой ценности, если

совершены без любви, говорит апостол Павел (1 Кор. 13:3). Эти слова можно трактовать как конкретный нравственный ориентир, важный для цифрового общения в том числе. В таком контексте всякая форма дегуманизации в сети, в том числе проявления агрессии становятся моральным нарушением.

Таким образом, христианское видение достоинства личности и любви не просто не допускает проявлений агрессии, но и требует активного признания личности другого, даже несмотря на обезличенность, что часто встречается в виртуальной среде. Так формируется основа, необходимая для преодоления деструктивных тенденций и формирования ответственного поведения в социальных сетях.

Признание онтологического достоинства человека как образа и подобия Божиего и исходящая из этого идея достоинства личности порождают подход, ориентированный на персонализм, ненасильственное общение и уважение.

В рамках Программы развития ООН были сформулированы рекомендации по ненасильственной коммуникации, которые могут быть интегрированы в христианскую моральную практику. Пособие «#hatespeech: от языка вражды к ненасильственной коммуникации» подчеркивает необходимость эмпатии, уважения и осознанного речевого поведения даже при наличии идеологических расхождений [4]. Хотя документ носит светский характер, его рекомендации перекликаются с христианскими добродетелями.

Пособие ссылается на метод ненасильственного общения (ННО) Маршалла Розенберга, разработанный в 1960-70х гг. Он включает в себя 4 шага: наблюдение без оценки, выражение чувств, формулирование потребностей и просьба. [5]. Подобная модель общения соотносится с евангельским принципом: «во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7:12) и может быть интерпретирована как практическое применение заповеди о любви к ближнему в цифровом пространстве.

На основании вышеизложенных оснований можно предложить ряд практических рекомендаций по этическому поведению в социальных сетях:

1. Воздержание от ответной агрессии и выбор тактики молчания с целью снижения эскалации конфликта
2. Даже в полемическом контексте использование уважительной, доброжелательной лексики
3. Удаление или блокировка агрессивного контента или собеседника не с упреком, а с пояснением
4. Оценка собственных речевых актов с точки зрения их соразмерности евангельской заповеди о любви к ближнему

Таким образом христианское учение о достоинстве личности и любви может быть востребовано в области этики. Применение описанных выше

практик способствует формированию ответственного, ориентированного на диалог поведения в социальных сетях и может стать существенным вкладом в гуманизацию цифрового пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Влияние социальных сетей на агрессивное поведение подростков. // Киберленинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialnyh-setey-na-agressivnoe-povedenie-podrostkov (дата обращения: 08.05.2025).
2. Роль социальных сетей в формировании межличностных отношений. // Электронная библиотека Сибирского федерального университета. URL: https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/152387 (дата обращения: 08.05.2025).
3. Бердяев, Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. – М.: Издательство «Мысль», 1995.
4. From hate speech to non-violent communication. // Программа развития ООН. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2023-06/from_hate_speech_to_non-violent_communication_ru_web.pdf (дата обращения: 08.05.2025).
5. Розенберг, М. Ненасильственное общение / М. Розенберг. – 2-е изд. – М.: АСТ, 2012.

УДК: 179

ЭТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И ИИ: ГРАНИЦЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

ETHICS OF HUMAN AND AI INTERACTION: THE LIMITS OF RESPONSIBILITY

Макаров Вадим Алексеевич
Аспирант юридического факультета, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, помощник юриста ООО «СЗ «Новая Ливадия».
Makarov Vadim Alekseevich
Postgraduate student of the Faculty of Law, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Legal assistant Ltd "SD "New Livadiya".

Аннотация. В статье рассматриваются этические и правовые аспекты ответственности при взаимодействии с искусственным интеллектом (ИИ), включая распределение обязанностей между разработчиками и пользователями. Подчеркивается необходимость прозрачности, справедливости и безопасности ИИ-систем, а также обсуждаются возможные правовые решения для регулирования этой сферы. Авторы призывают к сотрудничеству между всеми заинтересованными сторонами для создания этичных и безопасных технологий ИИ.

Abstract. The article examines the ethical and legal aspects of responsibility in interactions with artificial intelligence (AI), including the division of duties between developers and users. It emphasizes the need for transparency, fairness, and safety in AI systems, as well as discussing potential legal solutions for regulating this field. The authors call for collaboration among all stakeholders to create ethical and secure AI technologies.

Ключевые слова: этика ИИ, ответственность разработчиков, прозрачность алгоритмов, безопасность ИИ, правовое регулирование.

Keywords: AI ethics, developer accountability, algorithm transparency, AI safety, legal regulation.

С развитием искусственного интеллекта (ИИ) вопросы этики и ответственности становятся все более актуальными. ИИ уже активно используется в различных сферах: от медицины и образования до финансов и военной промышленности. Однако вместе с возможностями, которые предоставляет ИИ, возникают и новые вызовы, связанные с определением границ ответственности за действия, совершаемые с его помощью. Кто должен нести ответственность за ошибки ИИ: разработчики, пользователи или сам алгоритм? Как обеспечить справедливость, прозрачность и безопасность взаимодействия с ИИ? Эти вопросы требуют глубокого анализа и выработки четких этических принципов.

Одной из ключевых проблем в этике ИИ является вопрос ответственности. В традиционных системах ответственность за действия обычно лежит на человеке или организации, которые их совершают. Однако в случае с ИИ ситуация усложняется, так как алгоритмы могут принимать решения самостоятельно, основываясь на данных, которые им предоставлены. Это порождает вопрос: можно ли возложить ответственность на ИИ, если он действует автономно?

Согласно исследованию Бостром и Юдковски (Bostrom & Yudkowsky, 2014), ИИ, даже будучи высокоразвитым, остается инструментом, созданным человеком. Следовательно, ответственность за его действия должна лежать на разработчиках и пользователях. Однако это не всегда просто, особенно в случаях, когда ИИ обучается на больших объемах данных и его решения становятся труднопредсказуемым [1, 316-334 с.]. Например, в случае аварии с участием автономного автомобиля, кто должен нести ответственность: производитель автомобиля, разработчик алгоритма или владелец транспортного средства?

Для решения проблем ответственности необходимо разработать этические принципы, которые будут регулировать взаимодействие с ИИ. Одним из таких принципов является прозрачность (transparency). Пользователи должны понимать, как работает ИИ и на каких данных он основывает свои решения. Это особенно важно в таких областях, как медицина или юриспруденция, где ошибки могут иметь серьезные последствия [2, 120-121 с.]

Другим важным принципом является справедливость (fairness). ИИ должен быть свободен от предубеждений и дискриминации, которые могут быть заложены в данных, используемых для его обучения. Например, исследования показали, что алгоритмы, используемые для принятия решений в системе уголовного правосудия, могут быть предвзятыми в отношении определенных групп населения (O'Neil, 2016). Это подчеркивает необходимость тщательной проверки данных и алгоритмов на предмет предвзятости.

Третий принцип – это безопасность (safety). ИИ должен быть разработан таким образом, чтобы минимизировать риски для пользователей и общества в целом. Это включает в себя не только техническую безопасность, но и защиту данных, которые используются для обучения и работы ИИ.

Разработчики ИИ несут ответственность за создание безопасных и этичных систем. Это включает в себя тестирование алгоритмов на предмет ошибок и предвзятости, а также обеспечение прозрачности их работы. Однако пользователи также должны быть ответственными в использовании ИИ. Например, если ИИ используется для принятия решений в бизнесе, пользователи должны понимать ограничения системы и не полагаться на нее слепо.

В некоторых случаях ответственность может быть разделена между разработчиками и пользователями. Например, если ИИ используется в медицинской диагностике, врачи должны быть обучены работе с системой и понимать, когда ее решения могут быть ошибочными. В то же время разработчики должны обеспечить, чтобы система была достаточно точной и надежной.

Правовые аспекты ответственности за действия ИИ также требуют внимания. В настоящее время во многих странах отсутствуют четкие законы, регулирующие использование ИИ. Это создает правовой вакуум, в котором трудно определить, кто должен нести ответственность в случае ошибок или ущерба.

Некоторые эксперты предлагают ввести специальные правовые нормы для ИИ, которые бы регулировали его использование и определяли границы ответственности. Например, в Европейском Союзе уже разрабатываются правила, которые требуют, чтобы ИИ был прозрачным, безопасным и соответствовал этическим стандартам [3].

В будущем вопросы этики и ответственности в взаимодействии с ИИ станут еще более сложными. С развитием технологий ИИ может стать более автономным, что потребует новых подходов к определению ответственности. Например, если ИИ сможет обучаться и принимать решения без вмешательства человека, кто будет нести ответственность за его действия?

Одним из возможных решений является создание специальных органов, которые будут регулировать использование ИИ и следить за соблюдением этических стандартов. Также важно продолжать исследования в области этики ИИ и разрабатывать новые принципы, которые будут соответствовать развитию технологий.

Этика взаимодействия с ИИ и определение границ ответственности являются сложными и многогранными вопросами. Для их решения необходимо сотрудничество между разработчиками, пользователями, законодателями и исследователями. Только совместными усилиями можно создать этичные и безопасные системы ИИ, которые будут служить на благо общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бостром, Н., & Юдковски, Э. Этика искусственного интеллекта. В К. Фрэнкиш и У. М. Рэмси (Ред.), Кембриджский справочник по искусственному интеллекту. Издательство Кембриджского университета. 2014.–316-334 с.
2. О'Нил, К. Оружие математического поражения: Как большие данные усиливают неравенство и угрожают демократии. Издательская группа Crown. 2016.–120-121 с.
3. Европейская комиссия. Предложение о Регламенте, устанавливающем гармонизированные правила в области искусственного интеллекта (Закон об искусственном интеллекте). 2021.-Источник: https://ec.europa.eu.

УДК 1:004.8

ЭТИЧЕСКИЕ СТАНДАРТЫ СМАРТ-ПРОДУКТОВ В КРАТКОСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

ETHICAL STANDARDS OF SMART PRODUCTS IN THE SHORT TERM: OPPORTUNITIES AND CHALLENGES

Гайдаржи Игорь Сергеевич
г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, аспирант кафедры компьютерной инженерии и моделирования
Gaidarzhi Igor Sergeevich
Simferopol, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, postgraduate student of the Department of Computer Engineering and Modeling

Аннотация. Статья посвящена этическим вызовам и возможностям интеграции искусственного интеллекта (ИИ) в смарт-продукты. Анализируются этические проблемы. Подчеркивается критическая важность внедрения этических стандартов через законодательные, технологические и общественные инициативы.

Abstract. This article explores the ethical challenges and opportunities of integrating artificial intelligence (AI) into smart products, analyzing key ethical issues. It underscores the critical need for ethical standards, implemented through legislative, technological, and public initiatives.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), смарт-продукты, этические стандарты, этика ИИ, регулирование ИИ.

Keywords: artificial intelligence (AI), smart products, ethical standards, AI ethics, AI regulation.

В последние годы наблюдается стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ), которые проникают во все сферы человечества в виде смарт-продуктов. Смарт-продукты, определяемые как устройства, оснащенные ИИ – от голосовых ассистентов и систем умного дома до автономных транспортных средств – становятся неотъемлемой частью современной повседневности. Их распространение влекут за собой революционные изменения, которые существенно влияют на качество жизни человека. Однако по мере того, как эти технологии развиваются, остро встают вопросы, связанные с этикой ИИ, а именно: разработка, внедрение и использование. В краткосрочной перспективе, охватывающей ближайшие пять лет, человечество находится на этапе,

когда необходимо выработать и внедрить этические стандарты, способные направить развитие ИИ в безопасное и этически ориентированное русло, сбалансировав огромный потенциал инноваций с присущими им рисками.

Для этого первоначально необходимо рассмотреть существующие проблемы и вызовы в наше время, одной из них является беспрецедентная скорость разработки и развертывания систем искусственного интеллекта (СИИ). Как отмечается в открытом письме от некоммерческой организации Future of Life Institute многие лаборатории ИИ оказались вовлечены в «неконтролируемую гонку» за создание все более мощных СИИ [2]. Эта гонка порождает риск преждевременного вывода на рынок недостаточно протестированных и потенциально опасных смарт-продуктов. Системы, превосходящие по своим характеристикам GPT-4, уже демонстрируют свойства и возможности, не заложенные в них изначально, что усложняет прогнозирование их поведения в реальных условиях.

Тесно связанная с этим проблема – это так называемая «проблема черного ящика». Многие современные модели ИИ, основанные на машинном обучении, функционируют таким образом, что даже разработчикам сложно объяснить, почему система приняла то или иное решение. Эта непрозрачность создает серьезные этические дилеммы. Как обеспечить справедливость и подотчетность, если невозможно понять логику работы алгоритма? Как выявить и устранить предвзятость, если ее источники скрыты в миллионах параметров модели? В связи с этим возникают основные опасения, связанные с развитием искусственного интеллекта, во многом выражаются как недостаточным осознанием потенциальных рисков, так и несовершенством регуляторной системы [4]. Отсутствие прозрачности подрывает доверие пользователей и затрудняет выявление и исправление ошибок или дискриминационных практик [6].

Предвзятость алгоритмов ИИ – еще один острый этический вызов. Смарт-продукты обучаются на огромных массивах данных, которые часто отражают существующие в обществе стереотипы и неравенства. В результате ИИ может воспроизводить и даже усиливать дискриминацию по расовому, гендерному, возрастному или иному признаку. Примеры варьируются от систем распознавания лиц, хуже работающих с определенными группами населения, до алгоритмов кредитного скоринга или подбора персонала, систематически отдающих предпочтение одним кандидатам перед другими на основании необоснованных характеристик [1, 6].

Конфиденциальность и безопасность данных также вызывают серьезную обеспокоенность. Смарт-продукты постоянно собирают информацию о пользователях, их привычках, предпочтениях и окружении. Существует риск неправомерного использования этих данных, утечек, взломов и несанкционированного доступа. Утечка данных из систем генерации изображений, таких как «Stable Diffusion» (модель глубокого обучения, создающая изображения по текстовым описаниям), является примером

уязвимости [6]. Возникают этические вопросы о границах сбора данных, информированном согласии пользователей, анонимизации и праве на забвение в контексте постоянно обучающихся систем ИИ.

Кроме того, смарт-продукты могут использоваться для манипуляции и обмана. Возможности современных ИИ позволяют генерировать реалистичный, но ложный контент (дипфейки), распространять дезинформацию и пропаганду в невиданных ранее масштабах [2]. Чат-боты и виртуальные ассистенты могут вводить пользователей в заблуждение относительно своей природы, создавая иллюзию общения с человеком [1]. Это поднимает этические вопросы о честности, прозрачности взаимодействия и потенциальном вреде от манипулятивного использования ИИ.

Наконец, существует проблема размытия ответственности. Кто несет ответственность, если смарт-продукт причиняет вред – разработчик, производитель, пользователь или сама система? Сложность современных ИИ и использование готовых модулей и платформ затрудняют определение виновного [4, 6]. В статье «Этика в сфере ИИ или новые вызовы человечеству в XXI веке» поднимается вопрос о том, что даже при наличии автономии ИИ может использовать человека как средство для достижения предписанной цели, что требует моральных предписаний и «гуманной» мотивации [7]. Отсутствие явных механизмов определения ответственных лиц может привести к безнаказанности и подорвать доверие к технологии. Российский «Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта» подчеркивает, что ответственность за последствия применения СИИ всегда несет человек [5].

В связи с перечисленными проблемами и вызовами, возникает осознание серьезности рисков как в экспертном сообществе, так и в обществе в целом, что стимулирует разработку нормативных и этических рамок. Одним из наиболее значимых шагов в этом направлении является принятие законодательных актов, регулирующих сферу ИИ.

Ярким примером служит «Акт об искусственном интеллекте Европейского Союза» (EU AI Act) [1]. Этот документ предлагает риск-ориентированный подход, классифицируя системы ИИ по уровням риска: неприемлемый (запрещенные практики, такие как социальный скоринг или манипулятивные техники), высокий (например, системы, используемые в критических инфраструктурах, образовании, трудоустройстве), ограниченный (системы, требующие прозрачности, например, чат-боты) и минимальный. Для систем высокого риска акт устанавливает строгие требования, включая оценку и минимизацию рисков, высокое качество данных для предотвращения дискриминации, ведение логов, детальную документацию, прозрачность для пользователей, обеспечение человеческого контроля, кибербезопасность и точность [1]. Хотя полная реали-

зация акта займет время (основные положения вступают в силу в 2026 году), он уже задает глобальный стандарт и стимулирует компании по всему миру пересматривать свои подходы к разработке СИИ.

Параллельно с законодательным регулированием активно развиваются добровольные этические кодексы и принципы. Российский «Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта», подписанный многими ведущими компаниями и организациями, является примером такой инициативы [5]. Он формулирует ключевые принципы, такие как человеко-ориентированность и гуманизм (приоритет прав и свобод человека), уважение автономии воли, соответствие закону, недискриминация, ответственность (осознание последствий и поднадзорность человеку), предосторожность, безопасность данных и прозрачность [5]. Хотя такие кодексы часто не имеют прямой юридической силы, их роль важна для формирования общего мнения внутри индустрии и общества, повышения осведомленности и установления «мягких» норм поведения [4]. Они служат основой для корпоративных политик и могут влиять на репутацию компаний. Важно, чтобы эти кодексы не просто декларировали благие намерения, но и предлагали механизмы их реализации, например, через создание комиссий по этике или разработку сводов практик.

Технологическое развитие само по себе также предоставляет возможности для повышения этичности смарт-продуктов. В ответ на проблемы «черного ящика» и предвзятости активно развиваются направления «Объяснимого ИИ» (методы и подходы, позволяющие понять, почему система ИИ приняла то или иное решение) и «Справедливого ИИ» (принцип, направленный на то, чтобы обеспечить справедливые и непредвзятые результаты работы ИИ, выявляя и смягчая предвзятость в данных и алгоритмах). В ближайшие пять лет можно ожидать появления более интерпретируемых моделей и инструментов для аудита алгоритмов на предмет предвзятости. Как призывает открытое письмо, вместо того чтобы гнаться за созданием еще более мощных СИИ, исследования и разработки следует переориентировать на улучшение уже существующих систем. А именно, необходимо сосредоточиться на повышении их точности, безопасности, интерпретируемости, прозрачности, надежности, согласованности и лояльности [2]. Также развитие систем водяных знаков и отслеживания происхождения контента может помочь в борьбе с дипфейками и дезинформацией [1, 2].

Усиление роли независимой экспертизы и аудита – еще одна важная возможность. OpenAI в своем заявлении признала, что в какой-то момент, возможно, будет важно получить независимую оценку, прежде чем начинать обучение будущих систем [3]. EU AI Act предусматривает процедуры оценки соответствия для систем высокого риска, включая возможное привлечение независимых организаций по оценке соответствия систем требованиям акта [1]. Развитие экосистемы независимых аудиторов и стандартизированных методик оценки этичности и безопасности ИИ будет ключевым фактором в ближайшие годы.

Наконец, широкое общественное обсуждение этических вопросов ИИ само по себе является важным инструментом [4]. Повышение цифровой грамотности населения, вовлечение различных заинтересованных сторон (включая гражданское общество, научное сообщество, бизнес и государство) в диалог о будущем ИИ способствует формированию общего мнения и выработке более сбалансированных этических стандартов.

В заключение, ближайшие пять лет станут определяющим периодом для установления этических стандартов в области смарт-продуктов. Человечество стоим перед лицом серьезных вызовов, включая риски неконтролируемого развития ИИ, проблемы прозрачности, предвзятости, конфиденциальности, манипуляции и ответственности. Несвоевременное или неадекватное реагирование на эти вызовы может привести к негативным социальным последствиям, подорвать доверие к технологиям и замедлить их позитивное внедрение.

ЛИТЕРАТУРА

1. AI Act // Shaping Europe's digital future: [Электронный ресурс]. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai/ (дата обращения: 14.04.2025).
2. Pause Giant AI Experiments: An Open Letter / Future of Life Institute: [Электронный ресурс]. URL: https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/ (Дата обращения: 12.04.2025).
3. Planning for AGI and beyond: [Электронный ресурс]. URL: https://openai.com/index/planning-for-agi-and-beyond/ (дата обращения: 18.04.2025).
4. Зачем нужна этика ИИ: [Электронный ресурс]. URL: https://habr.com/ru/companies/fa/articles/854070/ (дата обращения: 14.04.2025).
5. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта / Альянс в сфере искусственного интеллекта: [Электронный ресурс]. URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2023/05/12/Кодекс_этики_20_10_1.pdf (дата обращения: 12.04.2025).
6. Сычев И. Этика и безопасность искусственного интеллекта: [Электронный ресурс]. URL: https://habr.com/ru/companies/inferit/articles/745230/ (дата обращения: 14.04.2025).
7. Этика в сфере ИИ или новые вызовы человечеству в XXI веке: [Электронный ресурс]. URL: https://habr.com/ru/articles/795365/ (дата обращения: 14.04.2025).

УДК 69.17

ЭТИКА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ

ETHICS AND RESPONSIBILITY IN DECISION-MAKING IN CONSTRUCTION

Костовски Геннадий Траянович
аспирант кафедры технологии, организации и управления строительством Институт Академия строительства и архитектуры ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», г. Симферополь
Научный руководитель: доктор философских наук ***Д.В. Гарбузов***
Kostovski Gennady Trayanovich
Postgraduate student of the Department of Technology, Organization and Management of Construction, Institute of Academy of Construction and Architecture, V.I. Vernadsky KFU, Simferopol

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты этики и ответственности в принятии решений в строительной отрасли. Особое внимание уделено безопасности на всех этапах строительства, устойчивому развитию, социальной ответственности перед местными сообществами и важности прозрачности в профессиональной деятельности. Показано, что соблюдение этических принципов способствует не только повышению качества и безопасности строительных проектов, но и формированию доверия между участниками процесса и обществом.

Abstract. The article examines the key aspects of ethics and responsibility in decision-making in the construction industry. Special attention is paid to safety at all stages of construction, sustainable development, social responsibility to local communities and the importance of transparency in professional activities. It is shown that compliance with ethical principles contributes not only to improving the quality and safety of construction projects, but also to building trust between the participants in the process and society.

Ключевые слова: этика, ответственность, этические нормы, строительные работы, взаимодействие подрядчиков и общества.

Key words: ethics, responsibility, ethical standards, construction work, interaction of contractors and society.

Строительная отрасль играет ключевую роль в развитии общества, обеспечивая инфраструктурой, жильём и рабочими местами. С усложнением проектов возрастает этическая и социальная ответственность всех участников: архитекторов, инженеров, подрядчиков и заказчиков. Принятие решений должно основываться на высоких стандартах, обеспечивая безопасность, устойчивость и экологическую целесообразность.

Безопасность как основа этических норм в строительстве

Строительная отрасль, будучи одной из самых динамично развивающихся и важных для общества, требует особого внимания к вопросам безопасности. Этические нормы в строительстве не могут существовать без обеспечения безопасности на всех этапах – от проектирования до эксплуатации. В данной работе мы рассмотрим важность безопасности как основы этических норм, последствия нарушения стандартов безопасности и роль государственных и международных норм в этом процессе [1].

1. Важность обеспечения безопасности на всех этапах строительства

Проектирование

На этапе проектирования безопасность является приоритетом, который определяет не только архитектурные и функциональные аспекты здания, но и его устойчивость к внешним воздействиям.

Строительство

Этот этап включает в себя соблюдение техники безопасности, использование защитного оборудования и обучение персонала. Неправильная организация рабочего процесса или игнорирование стандартов безопасности может привести к травмам, несчастным случаям и даже смертельным исходам.

Эксплуатация

После завершения строительства важность безопасности не исчезает. Этап эксплуатации включает в себя регулярное техническое обслуживание, мониторинг состояния зданий и сооружений, а также обеспечение их соответствия актуальным стандартам.

2. Примеры последствий нарушения стандартов безопасности

Игнорирование стандартов безопасности может иметь катастрофические последствия. Один из ярких примеров – обрушение здания в Дакке (Бангладеш) в 2013 году, когда более 1100 человек погибли из-за нарушения строительных норм.

3. Роль государственных и международных норм в обеспечении безопасности

Государственные и международные стандарты, такие как ISO, способствуют унификации подходов и повышению уровня безопасности во всем мире [2].

Устойчивое строительство и охрана окружающей среды

Устойчивое строительство становится все более актуальным в условиях глобальных изменений климата и ухудшения состояния окружающей среды. Устойчивое строительство предполагает минимизацию воздействия на природу за счёт эффективного использования ресурсов, снижения энергопотребления, переработки отходов и создания комфортной среды.

Влияние строительных материалов на окружающую среду

Выбор материалов играет важную роль: традиционные (бетон, сталь) требуют больших затрат, тогда как экологичные (переработанные или натуральные) снижают углеродный след [3].

Энергетическая эффективность

Снижение потребления энергии достигается благодаря теплоизоляции, солнечным панелям и грамотному проектированию зданий.

Примеры успешных практик

Bosco Verticale (Италия) – зелёные фасады, улучшающие воздух и микроклимат.

Bullitt Center (США) – здание, производящее больше энергии, чем потребляет.

Эко-дома в Нидерландах – использование солнечной энергии и естественной теплоизоляции.

Социальная ответственность в строительстве: влияние на местные сообщества

Строительная отрасль играет важную роль в формировании городской среды и оказании влияния на жизнь местных сообществ. Социальная ответственность в строительстве – это не просто соблюдение норм и стандартов, но и активное участие в жизни общества, учет интересов жителей и создание устойчивых экономических возможностей.

1. Влияние строительных проектов на местные сообщества.

Учет интересов жителей

Строительство новых объектов, будь то жилые комплексы, коммерческие здания или инфраструктурные проекты, может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на местные сообщества. Учет интересов жителей – ключевой аспект социальной ответственности застройщиков. Важно проводить предварительные консультации с местными жителями, чтобы понять их потребности и опасения. Например, строительство нового жилого комплекса может привести к увеличению плотности населения, что в свою очередь может вызвать проблемы с транспортом и доступом к общественным услугам. Участие местных жителей в процессе планирования позволяет выявить потенциальные проблемы и найти оптимальные решения, которые удовлетворят все стороны.

2. Примеры проектов, учитывающих социальные аспекты

Существует множество примеров строительных проектов, которые успешно учитывают социальные аспекты.

Проект «Город для людей» (Дания).

В Копенгагене был реализован проект «Город для людей», который направлен на создание комфортной городской среды с учетом интересов жителей. В рамках проекта проводились общественные обсуждения, на которых горожане могли высказать свои идеи и предложения по улучшению городской инфраструктуры. Результатом стали новые пешеходные

зоны, парки и общественные пространства, которые способствовали повышению качества жизни в городе.

Жилой комплекс «Соседи» (Россия).

В России реализован проект жилого комплекса «Соседи», который был создан с учетом мнения местных жителей. Перед началом строительства проводились опросы и встречи с жителями района, чтобы выяснить их предпочтения по поводу планировки и инфраструктуры. В результате был разработан проект, который включает в себя не только жилье, но и общественные пространства, детские площадки и магазины, что создает комфортную среду для жизни.

3. Значение общественного мнения в процессе принятия решений

Общественное мнение играет критически важную роль в процессе принятия решений в строительстве. Участие местных жителей в обсуждении проектов позволяет выявить потенциальные проблемы на ранних стадиях и избежать конфликтов в будущем. Застройщики, которые игнорируют мнение общественности, рискуют столкнуться с протестами и негативной реакцией со стороны жителей.

Прозрачность и честность в строительстве

1. Роль прозрачности в строительных проектах

Информирование клиентов о рисках и стоимости. Прозрачность в строительных проектах играет ключевую роль в обеспечении доверия между всеми участниками процесса. Одним из основных аспектов прозрачности является информирование клиентов о возможных рисках и реальных затратах.

Открытость в отношении подрядчиков и поставщиков. Прозрачность также подразумевает открытость в отношении подрядчиков и поставщиков. Застройщики должны быть готовы делиться информацией о своих партнерах, а также о критериях выбора подрядчиков. Это включает в себя публикацию данных о репутации, опыте работы и выполненных проектах.

2. Последствия недобросовестных практик

Недобросовестные практики в строительстве могут иметь серьезные последствия как для компаний, так и для клиентов. Во-первых, это может привести к финансовым потерям. Неправильное управление проектом или сокрытие информации о реальных затратах может вызвать перерасход бюджета и привести к необходимости дополнительных вложений со стороны клиентов. Во-вторых, ухудшается репутация компаний. Недовольные клиенты могут оставить негативные отзывы, что неблагоприятно скажется на будущих проектах и привлечении новых клиентов. В условиях высокой конкуренции на строительном рынке репутация становится одним из самых ценных активов.

3. Методы повышения доверия среди участников процесса

Для повышения доверия среди всех участников строительного процесса необходимо внедрять ряд методов и практик:

1. регулярное общение: создание прозрачной коммуникационной стратегии, которая включает регулярные отчеты о ходе выполнения проекта, встречи с клиентами и подрядчиками;

2. использование технологий: внедрение цифровых платформ для управления проектами позволяет всем участникам видеть актуальную информацию о состоянии дел, бюджетах и сроках. Это способствует более открытой и честной работе;

3. обратная связь: создание системы обратной связи, где клиенты могут оставлять свои комментарии и предложения по улучшению работы. Это не только повышает уровень доверия, но и помогает выявить проблемы на ранних стадиях;

4. сертификация и стандарты: соблюдение международных стандартов качества и сертификация компаний могут служить дополнительным гарантией надежности и честности работы;

5. обучение персонала: инвестирование в обучение сотрудников по вопросам этики, прозрачности и управления проектами поможет создать культуру честности внутри компании.

Прозрачность и честность являются основополагающими принципами успешного строительства.

Заключение

1. Значение этики и ответственности в строительстве

Строительная отрасль играет ключевую роль в формировании инфраструктуры общества, от жилых и коммерческих зданий до мостов и дорог. Однако, с ростом масштаба проектов и увеличением их сложности, возрастает и ответственность всех участников – от архитекторов до подрядчиков. Этика в строительстве становится не просто вопросом доброй воли, но необходимым условием для обеспечения безопасности, качества и устойчивости объектов.

2. Перспективы развития этических норм в строительной отрасли

С учетом глобальных вызовов, таких как изменение климата, нехватка ресурсов и социальная справедливость, развитие этических норм в строительстве становится особенно актуальным. Одним из ключевых направлений является интеграция принципов устойчивого развития в проектирование и строительство. Это включает использование экологически чистых материалов, энергоэффективные технологии и минимизацию отходов. Также важно развивать корпоративную социальную ответственность (КСО) среди строительных компаний, что подразумевает активное участие в жизни местных сообществ и прозрачность в бизнес-практиках. Кроме того, образовательные программы и профессиональные ассоциации играют важную роль в формировании этических стандартов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асаул А.Н. Заварин Д.А. Иванов С.Н. Основные препятствия развитию инновационной активности в инвестиционно-строительной сфере /А.Н. Асаул// Фундаментальные исследования. 2015. № 4. – С. 180-184.
2. Международная организация по стандартизации (ISO). ISO 37001:2016. Anti-bribery management systems [Текст]. – Geneva: ISO, 2016. – 32 p.
3. World Health Organization (WHO). Global status report on occupational safety and health [Электронный ресурс] / WHO. – Geneva, 2020. – URL: https://www.who.int/publications/i/item/9789240013131 (дата обращения: 05.04.2025).

УДК 174.4

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ДЕЛОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

FAIRNESS IN BUSINESS RELATIONS

Мизунский Иван
Аспирант кафедры менеджмента предпринимательской деятельности, Институт «Таврическая академия», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь
Ivan Mizunsky
Postgraduate student of the Department of Business Management, Institute "Tavrida Academy", V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация. В статье анализируется понятие справедливости в деловых отношениях с позиций философии и экономики. Рассматриваются этические основания рыночного поведения, институциональные механизмы справедливости и современные вызовы цифровой экономики. Показано, что справедливость является не только моральной ценностью, но и условием устойчивого развития бизнеса.

Abstract. This article explores the concept of justice in business relations from a philosophical and economic perspective. It examines the ethical foundations of market behavior, the institutional mechanisms of fairness, and the contemporary challenges posed by digitalization and globalization. The study argues that justice is not merely a moral ideal but a key factor in fostering trust, corporate responsibility, and long-term economic sustainability.

Ключевые слова: справедливость, деловые отношения, философия экономики, этика бизнеса, рыночное поведение, институции, устойчивое развитие, корпоративная культура

Keywords: justice, business relations, philosophy of economics, business ethics, market behavior, institutions, sustainable development, corporate culture

Справедливость традиционно ассоциируется с правосудием, моралью и равенством, однако в контексте экономики она обретает особую многослойность. Рыночная среда, формируемая через обмен, конкуренцию и производственные отношения, неизбежно ставит вопрос: может ли бизнес быть справедливым, и если да – по каким критериям?

Философская категория справедливости выходит далеко за рамки юридических норм или бухгалтерского баланса. Это понятие коренится в этических основаниях человеческого взаимодействия, и именно здесь бизнес обретает лицо морали. Деловая практика невозможна без базового уровня доверия – а доверие возникает там, где существует восприятие справедливости [5].

Экономическая философия рассматривает справедливость не как отвлечённый идеал, а как реальный регулятор поведения в бизнесе. Например, кантовская этика долга утверждает, что каждое деловое решение должно уважать достоинство личности – будь то сотрудник, клиент или партнёр [5]. Это означает, что даже внутри рыночной логики возможны моральные пределы, задаваемые философией.

Кроме того, справедливость, как подчеркивает Римский, принимает различные формы в зависимости от социального контекста: рыночная, гражданская, патриархальная и другие «миры справедливости» определяют, как экономические субъекты воспринимают правильное распределение благ [3]. То, что справедливо в корпорации, может показаться несправедливым в рамках семейного бизнеса, и наоборот.

Таким образом, справедливость в деловых отношениях – это не просто правило игры, а культурный код, отражающий ожидания и ценности общества.

Если в философии справедливость – это категория смысла, то в экономике она трансформируется в структуру норм, правил и ожиданий. Эти институциональные формы справедливости создаются и поддерживаются обществом, государством и самим бизнесом. Они фиксируются в законах, кодексах корпоративной этики, формах деловой репутации и даже в неформальных практиках «честной игры».

Исследования Гроздилова и Баруздина указывают, что справедливость становится центральным понятием в системе социально-экономических отношений, когда общество переживает трансформации – например, переход от административной экономики к рыночной [2]. В такие моменты происходит переоценка ценностей, и на первый план выходит вопрос: «По каким принципам должно быть распределено благо?» Ответ на него – не только экономический, но и этический.

Например, система налогообложения, которая перераспределяет ресурсы от богатых к бедным, обосновывается именно через философию справедливости Ролза – она приемлема лишь тогда, когда наименее обеспеченные действительно выигрывают от существующего порядка [4]. То есть, справедливость здесь становится критерием легитимности: экономическая система считается приемлемой лишь в той мере, в какой она удовлетворяет нравственное чувство общества.

Однако институционализация справедливости не всегда безболезненна. Как отмечает Вайпан, правовая система может не поспевать за изменениями в экономике, а значит, справедливость как ценность начинает отрываться от справедливости как юридической нормы [1]. В таких случаях возникает институциональный разрыв, где бизнес сталкивается с дилеммой: следовать закону или моральным императивам.

Тем не менее, именно наличие этих институтов – от трудового кодекса до арбитражной практики – позволяет экономическим субъектам действовать в условиях относительной предсказуемости и доверия. И, как подчеркивает Наурызкулова, этика в бизнесе становится не роскошью, а инструментом устойчивости и стратегического успеха [5]. В условиях растущей конкуренции и нестабильности именно внутренняя культура организации становится пространством, где философские идеи справедливости трансформируются в конкретные управленческие решения. Не случайно современные компании всё чаще интегрируют этику в стратегию: кодексы поведения, принципы корпоративной ответственности, стандарты ESG – всё это проявления институционализированной справедливости.

Справедливость в корпоративной среде выражается в равном доступе сотрудников к карьерному росту, прозрачных механизмах принятия решений и системе мотивации, которая не ставит во главу угла исключительно прибыль. Наурызкулова подчёркивает, что именно этика – а не регламент – становится определяющим фактором устойчивости и эффективности организации [5]. Бизнес, действующий справедливо, выигрывает не только в репутации, но и в производительности, так как формирует доверие как внутри, так и вовне.

С философской точки зрения, корпоративная справедливость соотносится с кантовским принципом уважения к личности как цели, а не средству. Это выражается, например, в участии сотрудников в управлении, учёте их мнений при трансформациях или антикризисных решениях. Таким образом, управление приобретает нравственное измерение, где решения оцениваются не только по эффективности, но и по соответствию идее должного [4].

Как указывают Гроздилов и Баруздин, современные модели управления не могут быть успешными без учёта справедливости как системного ресурса: она определяет лояльность персонала, готовность к инновациям и адаптивность в условиях изменений [2]. Вайпан также подчёркивает, что справедливость в корпоративном контексте – это не столько моральная привилегия, сколько правовой и экономический императив [1].

Римский, в свою очередь, обращает внимание на то, что восприятие справедливости в организации – вещь контекстуальная: в условиях иерархии, например, справедливыми считаются другие формы распределения, чем в горизонтальных структурах [3]. Это говорит о том, что универсальных моделей не существует, но этический ориентир на справедливость позволяет выстраивать внутреннюю политику, опираясь на ожидания конкретной социальной среды.

Таким образом, справедливость в деловом управлении – это не только философская категория, но и конкретный инструмент повышения качества корпоративных решений, уровня доверия и долгосрочной устойчивости.

Современная экономика всё чаще сталкивается с дилеммами, в которых справедливость оказывается под угрозой. Корпорации становятся глобальными игроками, технологии опережают регуляторов, а рынок труда – всё более фрагментированным и неравномерным. В этих условиях потребность в философски обоснованной справедливости становится особенно острой.

Цифровая экономика, с одной стороны, обещает доступность, гибкость и масштабируемость, но с другой – порождает новые формы неравенства: платформенная занятость без социальных гарантий, алгоритмические предвзятости, монополизация данных. Здесь простые экономические уравнения уже не работают. Решения должны основываться на глубинных этических принципах.

Как подсказывает теория справедливости Джона Ролза, ключевой ориентир – обеспечение равенства возможностей и поддержка наименее защищённых [4]. Это может выражаться, например, в введении этических стандартов для искусственного интеллекта, «зелёных» инвестиционных стратегий, или внедрении практик инклюзивного корпоративного управления.

Но моральный компас бизнеса невозможно откалибровать без опоры на культуру и философию. По Римскому, каждый экономический субъект действует в «мире справедливости», где определённые формы поведения считаются приемлемыми или недопустимыми [3]. В этом контексте компания, формирующая справедливые условия труда, устойчиво справляется с кризисами – потому что воспринимается как легитимная и достойная доверия.

Как утверждает Наурызкулова, именно этика бизнеса становится мостом между эффективностью и справедливостью, помогая предпринимателям выбирать не только прибыльный, но и правильный путь [5]. Это особенно важно в эпоху ESG-подходов и сознательного потребления, где клиенты, инвесторы и сотрудники делают моральные выборы наравне с экономическими.

В конечном счёте, справедливость в деловых отношениях – это не утопия, а философский фундамент экономики завтрашнего дня. Она начинается с честного контракта, но не заканчивается там: она проникает в саму ткань предпринимательской деятельности, делая её не просто продуктивной, а человеческой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011. – 256 с.
2. Гроздилов С. В., Баруздин П. П. Справедливость в системе социально-экономических отношений: теоретические и институциональные аспекты // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. – 2023. – № 2(20). – С. 65–74.
3. Римский В. Л. Справедливость в экономических отношениях // Общественные науки и современность. – 2022. – № 1. – С. 108–117.
4. Ролз Дж. Теория справедливости / Пер. с англ. В. Чаловского. – М.: Новое издательство, 2020. – 544 с.
5. Наурызкулова С. Б. Роль этики бизнеса в рыночных отношениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://be5.biz/ekonomika1/r2015/2354.htm (дата обращения: 22.04.2025).

УДК 366

ЭТИКА ЗАБОТЫ И ФЕНОМЕН ВЫГОРАНИЯ ВРАЧЕЙ: ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЗДОРОВЬЯ, МОТИВАЦИИ ВЫЗДОРОВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

ETHICS OF CARE AND THE PHENOMENON OF PHYSICIAN BURNOUT: PHILOSOPHICAL ASPECTS OF HEALTH, MOTIVATION

Юсупова Эльзара Руслановна
аспирант кафедры общей и клинической патологической физиологии, Ордена Трудового Красного Знамени Медицинский институт имени С. И. Георгиевского, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
Yusupova Elzara Ruslanovna
postgraduate student of the Department of General and Clinical Pathophysiology, Order of the Red Banner of Labor, S. I. Georgievsky Medical Institute, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol

Аннотация. В эссе рассматриваются философские аспекты выгорания врачей, проблемы инвалидизации населения и влияние образа жизни на выздоровление. Анализируется этика заботы, социальная ответственность и личный выбор через призму взглядов Канта, Ролза, Сартра и других философов. Работа подчеркивает необходимость баланса между профессиональным долгом, социальной поддержкой и индивидуальной мотивацией.

Abstract. The essay explores the philosophical aspects of physician burnout, the challenges of disability in society, and the impact of lifestyle on recovery. It analyzes the ethics of care, social responsibility, and personal choice through the perspectives of Kant, Rawls, Sartre, and other philosophers. The work emphasizes the need for a balance between professional duty, social support, and individual motivation.

Ключевые слова: выгорание, этика заботы, социальная ответственность, инвалидизация, мотивация, выздоровление, профессиональный долг, философия, моральный выбор, образ жизни.

Keywords: burnout, ethics of care, social responsibility, disability, motivation, recovery, professional duty, philosophy, moral choice, lifestyle.

Введение

Феномен выгорания врачей, социальная проблема инвалидизации населения и влияние образа жизни на прогноз выздоровления – это взаимосвязанные вопросы, которые поднимают вопросы философского

порядка. Эти явления выходят за рамки чисто медицинских аспектов и затрагивают проблемы морали, этики и социальной ответственности. Врачи оказываются перед дилеммой: помогать пациентам, жертвуя своим благополучием, или сохранять баланс между профессиональным и личным здоровьем. В свою очередь, пациенты, сталкиваясь с болезнями и инвалидизацией, вынуждены взаимодействовать с медицинской системой, обществом и собственными внутренними ресурсами. В этом эссе рассматриваются философские аспекты выгорания врачей, этика социальной поддержки людей с инвалидностью и роль мотивации в процессе выздоровления.

1. Феномен выгорания врачей: моральный долг и пределы человеческих возможностей

Выгорание – это не просто усталость, а глубокий кризис идентичности и смысла работы. Врачи, посвятившие себя заботе о других, часто сталкиваются с профессиональной деформацией, эмоциональным истощением и потерей эмпатии. Согласно Кристине Маслач, «выгорание – это синдром эмоционального истощения, деперсонализации и снижения личных достижений, который возникает у профессионалов, работающих с людьми» [1].

Проблема выгорания врачей: причины, последствия и пути решения

Врачебное ремесло – это не только наука, но и искусство, требующее неустанного самопожертвования. Гиппократ говорил: «Врач – философ: ведь нет большой разницы между мудростью и медициной» [2]. Однако современная действительность делает эту профессию особенно уязвимой к выгоранию, подрывая внутренние силы тех, кто посвятил себя спасению жизней.

Психологи выделяют несколько причин выгорания врачей: высокий уровень стресса, недостаток сна, давление со стороны пациентов и руководства, а также постоянное соприкосновение с человеческими страданиями. Исследования Герберта Фрейденбергера показывают, что «выгорание – это процесс, развивающийся постепенно, и его можно предотвратить с помощью правильной организации работы и поддержки со стороны общества» [3].

Основные факторы, способствующие развитию синдрома выгорания у врачей, включают в себя:

1. Высокий уровень стресса. Как писал Виктор Франкл, «человек находит смысл в борьбе», но когда борьба становится бесконечной, она лишает сил [4]. Врачи сталкиваются с постоянными вызовами, где от их решений зависит жизнь пациентов.

2. Эмоциональное истощение. Сочувствие – важнейший инструмент врача, но оно же и его проклятие. Бертран Рассел отмечал: «Страдания тех, кто слишком глубоко чувствует, бывают самыми тяжелыми» [5].

3. Большая рабочая нагрузка. Бюрократические барьеры, нехватка кадров и постоянные сверхурочные приводят к ощущению, что врач – это всего лишь винтик в машине здравоохранения.

4. Недостаточная поддержка. Отсутствие поддержки со стороны коллег, руководства и семьи усугубляет состояние хронического стресса.

5. Финансовые и социальные факторы. Лев Толстой утверждал, что «человеку нужно не так много, как он думает», но достойная оплата труда и общественное признание являются важными элементами мотивации.

Последствия выгорания

Выгорание врачей разрушительно сказывается как на самих специалистах, так и на их пациентах. Среди последствий можно выделить:

- Снижение качества медицинской помощи. Утомленный врач менее внимателен, а ошибка в медицине может стоить жизни.
- Физическое и психическое истощение. Хроническая усталость и депрессия делают жизнь врачей неполноценной.
- Уход из профессии. Многие специалисты, чувствуя выгорание, покидают медицину, что усугубляет кадровый кризис.
- Негативное влияние на личную жизнь. Конфуций утверждал, что «человек, измученный работой, несчастлив в семье» [6]. Разлад в семье и социальная изоляция – частые спутники выгоревших врачей.

С философской точки зрения это можно рассматривать через призму категорического императива Канта применительно к медицине: врач обязан действовать в интересах пациента, даже если это причиняет ему самому вред. Однако где находится граница между профессиональным долгом и самосохранением?

Этика заботы, предложенная Кэрол Гиллиган, утверждает, что моральные решения принимаются исходя из взаимоотношений и сочувствия [7]. В этом контексте врачебное выгорание можно рассматривать как следствие несбалансированной заботы, когда врач отдает слишком много, но получает слишком мало поддержки. Согласно исследованиям Рэйчел Ремин, «лучшее, что врач может сделать для пациента, – это сохранить свое собственное здоровье, иначе его помощь теряет смысл» [8]. Следовательно, возникает вопрос: не является ли обязанность общества заботиться о врачах столь же важной, как и их долг перед пациентами?

Решением проблемы может стать внедрение программ психологической помощи для врачей, сокращение рабочих смен, повышение зарплат и улучшение условий труда. Важно также обучать медицинских работников методам саморегуляции, таким как медитация, когнитивно-поведенческая терапия и техники осознанности:

1. Оптимизация рабочего процесса. Гибкие графики, автоматизация документооборота и перераспределение обязанностей могут снизить уровень стресса.
2. Психологическая поддержка. Группа поддержки, работа с психотерапевтом и практики помогут справляться с эмоциональным напряжением.

3. Развитие культуры заботы о себе. Сенека советовал: «Люби свое тело, но не поклоняйся ему» [9]. Физическая активность, отдых и хобби – ключевые элементы восстановления.
4. Материальное стимулирование. Достойная оплата труда и бонусы повысили бы мотивацию и уменьшили уровень стресса.
5. Повышение общественного признания. Врач должен быть не просто «поставщиком услуг», а уважаемой фигурой в обществе.

Таким образом, борьба с выгоранием врачей требует комплексного подхода, сочетающего реформы системы здравоохранения и личные стратегии по управлению стрессом. Ведь, как писал Экзюпери, «единственная настоящая роскошь – это роскошь человеческого общения» [10]. Только поддерживая друг друга, мы сможем сохранить тех, кто каждый день спасает жизни.

2. Социальная проблема инвалидизации: индивидуальная и коллективная ответственность

Инвалидизация – это не только медицинская, но и социальная проблема. Вопрос состоит в том, как общество воспринимает людей с ограниченными возможностями: как экономический и социальный «балласт» или как равноправных граждан, которым необходимо создавать условия для полноценной жизни?

С точки зрения философии, можно рассмотреть подходы Джона Ролза и его концепцию справедливости. Ролз утверждает, что принципы справедливости должны быть сформулированы так, чтобы наименее защищенные слои населения получали максимальную выгоду. Он писал: «Справедливость заключается в обеспечении равных возможностей и разумного распределения ресурсов, особенно для тех, кто находится в наихудшем положении» [11].

Однако существует и другая точка зрения – либертарианская философия Роберта Нозика, согласно которой государство не обязано перераспределять ресурсы, а каждый человек несет ответственность за свою судьбу. Он утверждал: «Государственное перераспределение является нарушением прав собственности, если не основано на добровольном согласии» [12]. Тогда возникает вопрос: где находится баланс между общественной поддержкой и личной ответственностью?

Инвалидизация населения и влияние мотивации на исход заболевания

Современное общество сталкивается с проблемой инвалидизации населения, которая затрагивает не только медицинские и социальные аспекты, но и экономическую сферу. Инвалидизация связана с различными факторами: возрастными изменениями, хроническими заболеваниями, травмами и врождёнными патологиями. Однако важным аспектом, который часто недооценивают, является влияние мотивации на исход заболевания и процесс реабилитации.

Причины и последствия инвалидизации

Инвалидизация представляет собой процесс утраты трудоспособности и ограничение возможностей человека в результате болезни или

травмы. Основные причины включают сердечно-сосудистые заболевания, онкологические процессы, опорно-двигательные нарушения и психические расстройства. С ростом продолжительности жизни количество людей с хроническими заболеваниями увеличивается, что приводит к необходимости разработки эффективных стратегий медицинской и социальной поддержки.

Последствия инвалидизации многообразны: снижение качества жизни, потеря профессиональной деятельности, финансовая нестабильность, а также социальная изоляция. Государственные системы здравоохранения и социальной защиты оказывают помощь людям с инвалидностью, однако эффективность этой помощи во многом зависит от личной мотивации пациентов.

Роль мотивации в процессе восстановления

Мотивация играет ключевую роль в процессе лечения и реабилитации. Исследования показывают, что пациенты, обладающие высокой внутренней мотивацией, быстрее восстанавливаются после операций, травм или обострений хронических заболеваний. Самостоятельное стремление к улучшению состояния, активное участие в реабилитационных программах и вера в положительный исход повышают шансы на восстановление и адаптацию к новым условиям жизни.

Психологические факторы, такие как оптимизм, самоуважение и поддержка близких, значительно влияют на успешность реабилитации. Пациенты, которые вовлекаются в процесс лечения и ставят перед собой достижимые цели, чаще добиваются улучшения состояния. В то же время отсутствие мотивации может привести к прогрессированию заболевания, депрессии и снижению качества жизни.

Способы повышения мотивации у пациентов

1. Индивидуальный подход – важно учитывать личные особенности пациента, его интересы и предпочтения, чтобы разработать наиболее эффективную программу реабилитации.
2. Поддержка со стороны близких – наличие крепких социальных связей способствует эмоциональной устойчивости и желанию бороться с болезнью.
3. Информирование и обучение – понимание своего состояния и осознание возможных перспектив мотивируют пациента к активному участию в лечении.
4. Психологическая помощь – работа с психологом или психотерапевтом помогает справляться со страхами и сомнениями, формируя позитивный настрой.
5. Использование технологий и инноваций – современные методы реабилитации, такие как телемедицина, специализированные приложения и виртуальная реальность, могут повысить мотивацию за счёт интерактивного и удобного формата занятий.

Инвалидизация населения остаётся острой социальной проблемой, требующей комплексного подхода. Однако её последствия могут быть смягчены за счёт эффективных реабилитационных программ, где мотивация играет решающую роль. Формирование положительного настроя у пациентов, вовлечение их в процесс восстановления и создание благоприятных условий для социальной адаптации позволяют не только улучшить качество жизни людей с инвалидностью, но и снизить нагрузку на систему здравоохранения и социального обеспечения. Таким образом, мотивация является мощным инструментом, способным изменить исход заболевания и помочь человеку вернуться к полноценной жизни.

3. Влияние образа жизни и мотивации на прогноз выздоровления

Вопрос личной ответственности особенно ярко проявляется в контексте образа жизни и выздоровления. Современная медицина подтверждает, что правильное питание, физическая активность и психологическая мотивация играют ключевую роль в прогнозе заболевания. Однако насколько можно возлагать ответственность за выздоровление на самого пациента?

С одной стороны, стоическая философия учит контролировать то, что в наших силах, и принимать неизбежное. Марк Аврелий писал: «Ты имеешь власть над своим разумом – не над внешними обстоятельствами. Осознай это, и ты обретешь силу». [13]. Стоики утверждали, что внутренняя дисциплина и осознанность – это ключ к хорошему здоровью.

С другой стороны, экзистенциализм Жана-Поля Сартра подчеркивает свободу выбора и ответственность за свои решения. Согласно этой точке зрения, каждый человек сам выбирает, как реагировать на болезнь, и может сознательно формировать свою реальность. Сартр писал: «Человек осужден быть свободным; это означает, что он сам отвечает за свое существование» [14].

Но если пациент выбирает нездоровый образ жизни, несет ли он моральную ответственность за свое состояние? Может ли общество требовать от него изменений, или это его личное дело? Исследования Альберта Бандуры по теории саморегуляции подтверждают, что люди могут изменять свое поведение, если верят в свою способность это сделать. Этот вопрос остается открытым и вызывает множество этических дискуссий [15].

Заключение

Выгорание врачей, инвалидизация населения и влияние образа жизни на здоровье – это не просто медицинские проблемы, а философские вопросы, требующие глубокого осмысления. Баланс между моральным долгом и заботой о себе, границы социальной ответственности и роль индивидуальной мотивации в выздоровлении – все это требует диалога между медициной и обществом и философского его осмысления.

В конечном итоге, решение этих проблем возможно только при наличии комплексного подхода, учитывающего как личные, так и коллективные ценности. Как говорил Аристотель: «Добродетель лежит в середине между крайностями» [16].

Поэтому поиск гармонии между индивидуальными и социальными обязанностями становится ключом к улучшению системы здравоохранения и жизни общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслач К., Лейтер М. П. Выгорание: психологические причины и пути преодоления. – М.: Издательство «Альпина», 2020. – С. 34.
2. Гиппократ. О враче. Наставления / пер. А. В. Лурье. – СПб.: Издательство «Питер», 2018. – С. 56.
3. Фрейденбергер Г. Профессиональное выгорание: причины, симптомы и профилактика. – СПб.: Питер, 2019. – С. 112.
4. Франкл В. Сказать жизни «Да!» Психолог в концлагере / пер. А. М. Боковикова. – М.: Прогресс, 2019. – С. 74.
5. Рассел Б. Проблемы философии / пер. И. М. Розенберга. – М.: Республика, 2017. – С. 89.
6. Конфуций. Изречения / пер. И. С. Лисевича. – М.: Наука, 2016. – С. 98.
7. Гиллиган К. Иным голосом: психологическая теория и женское развитие. – СПб.: Издательство «Прайм-Еврознак», 2019. – С. 121.
8. Ремин Р. Врачебное искусство: исцеление души и тела. – Нью-Йорк: Riverhead Books, 2018. – С. 87.
9. Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию / пер. Я. М. Боровского. – М.: Лабиринт, 2020. – С. 210.
10. Экзюпери А. де С. Планета людей / пер. Н. Галь. – М.: Азбука, 2021. – С. 176.
11. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. В. В. Целищева. – М.: Идея-Пресс, 2017. – С. 245.
12. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / пер. С. М. Павловского. – М.: Новое издательство, 2019. – С. 89.
13. Марк Аврелий. Размышления / пер. С. А. Ошерова. – СПб.: Азбука, 2018. – С. 44.
14. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто / пер. В. В. Бибихина. – М.: Республика, 2021. – С. 311.
15. Бандура А. Теория социального научения / пер. П. В. Степанова. – СПб.: Питер, 2020. – С. 198.
16. Аристотель. Никомахова этика / пер. В. В. Латышев. – М.: Наука, 2019. – С. 135

УДК 61:316

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕТАБОЛИЧЕСКИ АССОЦИИРОВАННОЙ ЖИРОВОЙ БОЛЕЗНИ, КАК ПАНДЕМИИ XXI ВЕКА

ASSOCIATED FAT DISEASE AS A PANDEMIC XXI CENTURY

Бондарь Кристина Геннадьевна
аспирант кафедры терапии, гастроэнтерологии, кардиологии и общей врачебной практики (семейной медицины) факультета подготовки медицинских кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Ордена Трудового Красного Знамени Медицинский институт имени С.И. Георгиевского, г. Симферополь
Bondar Kristina Gennadievna
Postgraduate student of the Department of Therapy, Gastroenterology, Cardiology and General Medical Practice (Family Medicine) of the Faculty of Training Highly Qualified Medical Personnel and Additional Professional Education of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Order of the Red Banner of Labor Medical Institute named after S. I. Georgievsky, Simferopol

Аннотация. На сегодняшний день актуальной темой современности является метаболически ассоциированная жировая болезнь, которая стремительно приобретает масштаб пандемии XXI века. В работе рассматриваются причины роста заболеваемости, включая изменения образа жизни, питания, экологические и экономические факторы. Особое внимание уделено взаимосвязи ожирения, сахарного диабета 2 типа, сердечно-сосудистых заболеваний и социальных факторов. Эссе подчеркивает важность комплексного подхода к решению проблемы, объединяя усилия медицины, образования и государственной политики.

Abstract. Today, the current topic of our time is metabolically associated fatty disease, which is rapidly becoming a pandemic of the 21st century. The paper examines the causes of the increase in morbidity, including lifestyle changes, nutrition, environmental and economic factors. Special attention is paid to the relationship between obesity, type 2 diabetes, cardiovascular diseases and social factors. The essay highlights the importance of an integrated approach to solving the problem, combining the efforts of medicine, education and Government policy.

Ключевые слова: МАЖБП (НАЖБП), сердечно-сосудистые риск, сахарный диабет 2 типа, ожирение, социум, экономика.

Keywords: MASLD (NAFLD), cardiometabolic risks, type 2 diabetes, obesity, society, economics.

Введение

В последние десятилетия мир столкнулся с новой угрозой для здоровья человечества – метаболически ассоциированной жировой болезнью. Этот термин объединяет ряд состояний, связанных с накоплением жира в организме, включая неалкогольную жировую болезнь печени (НАЖБП), ожирение, диабет второго типа и другие сопутствующие заболевания [1]. Хотя метаболически ассоциированная жировая болезнь уже давно признана серьезной медицинской проблемой, её масштабы и последствия для общества делают её настоящей пандемией нашего времени [2, 3].

Метаболически ассоциированная жировая болезнь, представляет собой серьезную проблему современного общества, затрагивающую не только здоровье отдельных людей, представления о человеческом теле и здоровье, но и социальные структуры в широком смысле. Метаболически ассоциированная жировая болезнь является не просто медицинским диагнозом, но и многогранной социальной проблемой, которая требует комплексного подхода к пониманию и решению.

Причины

Основными причинами развития метаболического синдрома являются нездоровый образ жизни, неправильное питание и отсутствие физической активности. Современный ритм жизни, изобилие фастфуда и малоподвижный образ жизни приводят к избыточному весу и ожирению, что, в свою очередь, провоцирует развитие метаболических нарушений [2, 3].

Безусловно существуют и генетические факторы, предрасполагающие к развитию метаболического синдрома. Некоторые исследования показывают, что предрасположенность к этому состоянию может передаваться по наследству, и тем не менее внешние факторы играют гораздо большую роль.

Кроме этого, хотелось бы отнести еще один немало важный фактор в развитии метаболического синдрома, и это – стресс. Хронический стресс может способствовать развитию метаболического синдрома через активацию симпатической нервной системы и повышение уровня кортизола, простыми словами гормона стресса [4]. Кортизол стимулирует отложение жира, особенно в области живота, и нарушает углеводный обмен, увеличивая риск инсулинорезистентности.

Историческая перспектива

Еще древние греки осознавали важность заботы о теле. Сократ говорил: «Здоровье – это не всё, но всё остальное без здоровья ничего не стоит». Эта мысль подчеркивает значимость физического состояния для полноценной жизни и участия в общественной жизни. Платон также уделял внимание физическому воспитанию, утверждая, что оно должно идти рука об руку с умственным развитием. Таким образом, древнегре-

ческие мыслители заложили основы понимания важности заботы о теле, которые остаются актуальными и сегодня. Их идеи продолжают вдохновлять нас на ведение здорового образа жизни и стремление к гармонии между телом и разумом.

Промышленная революция и начало изменений… С началом промышленной революции в XVIII-XIX веках произошли кардинальные изменения в обществе. Появились фабрики, машины заменили ручной труд, и многие люди стали вести менее подвижный образ жизни. В это же время начался рост производства рафинированных продуктов и сахара, что привело к изменению структуры питания.

XX-XXI век: рост проблемы. Современное общество характеризуется стремительным ростом потребления высококалорийной пищи и снижением физической активности. Массовое производство продуктов питания и популяризация фаст-фуда привели к тому, что ожирение стало настоящей эпидемией. Мишель Фуко, французский философ XX века, в своей работе «Надзирать и наказывать» исследовал механизмы контроля над телом в обществе. Он утверждал, что современное государство стремится контролировать тела граждан через различные институты, такие как медицина и образование [5]. Однако, когда речь идет об ожирении, эти механизмы в их современном состоянии часто оказываются неэффективными. Борьба с лишним весом требует личной мотивации и дисциплины.

Эпидемия ожирения

Эпидемия ожирения – это не только медицинская проблема, но и сложный социокультурный феномен, который оказывает значительное влияние на общественные нормы, ценности и поведение. Современные медиа и реклама играют огромную роль в формировании представлений о красоте и здоровье. Идеалы стройности, пропагандируемые в кино, телевидении, модных журналах и социальных сетях, оказывают давление на людей, заставляя их стремиться к нереалистичным стандартам внешности. Это может привести к развитию расстройств пищевого поведения, таких как анорексия и булимия, а также к негативному отношению к собственному телу. Производители продуктов питания активно влияют на пищевое поведение потребителей. Реклама высококалорийных продуктов, таких как фастфуд и сладкие напитки, направлена на привлечение внимания широкой аудитории, особенно детей и подростков. Маркетинговые стратегии, такие как использование ярких упаковок и привлекательных персонажей, делают эти продукты популярными среди молодежи, несмотря на их потенциальный вред для здоровья [6].

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), более 1,9 миллиарда взрослых во всем мире имеют избыточную массу тела, также более 650 миллионов взрослых и 340 миллионов детей и подростков страдают от ожирения. В России ситуация также вызывает беспокойство, так, по данным Росстата, около 30% населения страны имеют

избыточную массу тела, а 10% страдают ожирением. Эти цифры продолжают расти, особенно в странах с низким и средним уровнем дохода, где доступность нездоровой пищи и недостаток физической активности стали нормой [6, 7].

Социальный аспект

Метаболически ассоциированная жировая болезнь оказывает значительное воздействие на различные слои общества. В первую очередь, это касается здоровья и качества жизни людей. Лица с метаболически ассоциированной жировой болезнью чаще сталкиваются с хроническими заболеваниями, что увеличивает нагрузку на систему здравоохранения и снижает продолжительность активной жизни. Социальное неравенство также играет свою роль: беднейшие слои населения чаще подвержены риску развития метаболически ассоциированной жировой болезни из-за ограниченного доступа к здоровой, качественной пище и медицинской помощи [6].

Справедливо считается: «Человек есть то, что он ест». Эта цитата подчеркивает связь между питанием и социальным статусом. Люди с низким доходом зачастую вынуждены потреблять дешевые, высококалорийные продукты, что ведет к развитию метаболического синдрома [8].

Также часто ожирение и избыточная масса тела связаны с проблемами дискриминации и стигматизации. Людям с избыточным весом часто приходится сталкиваться с предвзятым отношением в обществе, что усугубляет психологические проблемы и снижает качество жизни.

Экономический момент

Метаболически ассоциированная жировая болезнь напрямую влияет на экономику стран. Затраты на лечение сопутствующих заболеваний, таких как гипертоническая болезнь, сахарный диабет 2 типа, дислипидемия, ожирение, огромны, это включает диагностику, лечение, госпитализацию, реабилитацию и последующее наблюдение за пациентами [2]. Например, пациенты с НАСГ и циррозом печени нуждаются в дорогостоящих процедурах, таких как трансплантация печени [1], что ложится тяжелым финансовым грузом на государственные бюджеты и страховые компании. А снижение трудоспособности работников приводит к убыткам для экономики в целом. Не говоря уже о преждевременной смертности трудоспособных граждан, которая ведет к утрате квалифицированных специалистов и сокращению рабочей силы, что негативно сказывается на экономике страны. Люди с метаболическим синдромом чаще берут больничные листы из-за обострений хронических заболеваний или осложнений, что снижает производительность труда. Тяжелые осложнения, такие как инфаркт миокарда или инсульт [2], могут привести к инвалидности, что влечет за собой потерю трудоспособности и необходимость социальной поддержки. Меньшее количество работающих

граждан означает снижение налоговых отчислений, что уменьшает доходы государства.

Профилактика. Разработка и проведение образовательных программ по здоровому образу жизни требуют финансирования. Эти программы направлены на повышение осведомленности населения о факторах риска метаболического синдрома и способах его предотвращения. Государству необходимо создавать условия для активного образа жизни (парки, спортивные площадки) и улучшение качества пищевых продуктов (контроль за составом продуктов, маркировка), которые также требуют инвестиций.

Ухудшение здоровья населения и рост заболеваемости хроническими заболеваниями могут замедлить экономическое развитие страны, снижая конкурентоспособность на мировом рынке. Все перечисленные факторы ослабляют трудовую базу страны и замедляют экономический рост. Например, исследование, проведенное в США, показало, что ежегодные расходы на лечение ожирения составляют около 147 миллиардов долларов [9].

Философский аспект

Философия рассматривает тело как одну из фундаментальных категорий человеческого бытия, поскольку оно неразрывно связано с существованием человека и его восприятием окружающего мира. Тело является физическим воплощением личности, инструментом взаимодействия с окружающей средой и основой для формирования самосознания. Философские школы, такие как экзистенциализм, придают телу особое значение, рассматривая его как основу для осмысления свободы выбора и ответственности. Экзистенциалисты утверждают, что человек обладает свободой воли и способен выбирать свою судьбу. Однако эта свобода сопряжена с ответственностью за принятые решения. Тело становится символом человеческой сущности, через которую проявляется индивидуальность и уникальность каждого человека. Экзистенциалисты подчеркивают важность телесности в контексте понимания человеком самого себя и своего места в мире. Жан-Поль Сартр утверждал: «Человек осужден быть свободным» [10]. Это означает, что каждый индивидуум несет ответственность за свои решения, включая питание и физическую активность. Однако эта свобода выбора ограничена социальными условиями, доступностью ресурсов и информацией.

Роль общества в борьбе с метаболически ассоциированной жировой болезнью

Для эффективного противодействия пандемии МАЖБ необходимо объединить усилия всех секторов общества. Государства должны разрабатывать и внедрять политику, направленую на улучшение питания населения и стимулирование физической активности. Образовательные программы должны включать информацию о здоровом образе жизни и правильном питании. Частный сектор может способствовать производству здоровой пищи и созданию условий для активного отдыха.

Общественная поддержка и участие также важны. Люди должны осознавать риски, связанные с МАЖБ, и принимать меры для предотвра-

щения её развития. Поддержка семей и сообществ в вопросах здорового образа жизни поможет снизить уровень заболеваемости.

Заключение

Метаболически ассоциированная жировая болезнь – это сложная проблема, требующая междисциплинарного подхода. Она затрагивает не только медицинские аспекты, но и социальные. Это не просто медицинский диагноз, а отражение глубоких изменений в нашем обществе, вызванных ускорением темпов жизни, изменением привычек питания и снижением физической активности. Этот синдром становится вызовом для современного мира, угрожая здоровью миллионов людей и создавая серьезную нагрузку на системы здравоохранения и экономики. Однако осознание масштабов проблемы открывает возможности для поиска решений: от индивидуального выбора в пользу здорового образа жизни до глобальных мер по улучшению инфраструктуры и доступности качественной медицины. Совместные усилия врачей, ученых, политиков и каждого из нас могут превратить эту пандемию XXI века в управляемый процесс, сохраняя здоровье нынешних и будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rinella M.E., Neuschwander-Tetri B.A., Siddiqui M.S., Abdelmalek M.F., Caldwell S., Barb D., et al. AASLD Practice Guidance on the clinical assessment and management of nonalcoholic fatty liver disease. Hepatology. 2023;77(5):1797–835
2. ICD-11 for Mortality and Morbidity Statistics. URL: https://icd.who.int
3. Singh S., Allen A.M., Wang Z., Prokop L.J., Murad M.H., Loomba R. Fibrosis progression in nonalcoholic fatty liver vs nonalcoholic steatohepatitis: A systematic review and meta-analysis of paired-biopsy studies. Clin Gastroenterol Hepatol. 2015;13(4):643–54.e1–9.
4. Сидоров А.В. Психологические модели переедания и ожирения. Российский психологический журнал. 2011;8(3):30-40
5. Михель Д. Мишель Фуко и западная медицина // Логос. 2019. Т. 29, № 2 (129). С. 64–81.
6. ВОЗ. Глобальные рекомендации по физической активности для здоровья. М.: 2010. 60 с.
7. WHO. WHO guidelines on physical activity, sedentary behavior and sleep for children under 5 years of age. 2019
8. Bugge A. Cooking – as Identity Work. Conference of the European Sociological Association. Murcia, 2003, P. 5–30
9. https://www.reuters.com/article/us-obesity-cost-idUSTRE56Q36020090727/
10. Бурханов А.Р. Жан-Поль Сартр об экзистенциалах человеческого бытия // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2011. – №. 14. – С. 42-47

УДК 371.85 + 616.283

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

SOCIAL ADAPTATION OF PEOPLE WITH DISABILITIES

Славин Данил Вячеславович
Аспирант Ордена Трудового Красного Знамени Медицинский институт имени С.И.Георгиевского, Крымский федеральный университет
имени В.И.Вернандского, г. Симферополь
Научный консльтант: кандидат философских наук, доцент ***А.М.Тимохин***
Slavin Danil
Postgraduate student of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Order of the Red Banner of Labor Medical Institute named after S. I. Georgievsky, Simferopol

Аннотация. Люди с ограниченными возможностями представляют особую категорию населения, нуждающихся в особом внимании и заботе со стороны общества. Их интеграция в общественную среду невозможна без осуществления комплекса мероприятий, направленного на преодоление физических барьеров, социально-психологических трудностей и культурных стереотипов. Проблема социальной адаптации является одной из фундаментальных социальных задач современности, отражающей гуманизм и цивилизованность общества.

Abstract. People with disabilities represent a special category of the population that requires particular attention and care from society. Their integration into social life is impossible without implementing a set of measures aimed at overcoming physical barriers, socio-psychological difficulties, and cultural stereotypes. The problem of social adaptation becomes one of the most important social tasks of our time, reflecting the humanism and civilized nature of society.

Ключевые слова: социальная адаптация, ограниченные возможности, тугоухость, глухота, реабилитация

Keywords: social adaptation, deafness, loss of hearing, rehabilitation

Целесообразность социальной адаптации

1. Физические ограничения. Ограниченность подвижности или наличие сенсорных расстройств создает препятствия для активного участия в общественной жизни, работе и учебе.

2. Недоступность объектов инфраструктуры. Отсутствие специально оборудованных зданий, устройств, транспорта и коммуникационных сетей препятствует полноценному участию таких людей в повседневной жизни.

3. Предрассудки и негативное отношение окружающих. Очень часто люди с ограниченными возможностями сталкиваются с т.н. социальной стигмой – окружающие их люди не готовы адекватно и с пониманием воспринимать особенности поведения инвалидов и их бытовые аспекты.

Таким образом, существует серьезная необходимость разработки эффективных стратегий и алгоритмов социальной адаптации, основанных на принципах уважения достоинства каждого гражданина и равенства вне зависимости от физического состояния.

Формы социальной адаптации

1. Медицинская реабилитация. Оказание квалифицированной и специализированной медицинской помощи, включая лечебную физкультуру, физиотерапию, протезирование и медикаментозное лечение, способствует восстановлению утраченных функций организма и нормализации жизни таких пациентов

2. Профподготовка и трудоустройство. Обеспечение подготовки и переподготовки кадров, занятие достойной работой и предоставление равных условий труда формируют основу экономической независимости инвалидов.

3. Педагогическая поддержка. Образовательный процесс, ориентированный на людей с особыми потребностями, способствует полному раскрытию потенциала и реализации жизненных целей таких граждан.

4. Правовая защита. Совершенствование законодательной базы, гарантирующей соблюдение прав инвалидов, обеспечивает гарантии безопасности и защиты личных интересов.

5. Социальная инфраструктура. Доступность зданий, транспортных средств и иных объектов инфраструктуры определяет полноту включения инвалидов в общественные процессы.

Тем не менее, реализация указанных форм возможна лишь при активном участии самого человека, семьи, общества и государства.

Проблемы социальной адаптации

Хотя, в последнее время, социальной адаптации людей с ограниченными возможностями и патологией, уделяется большое внимание, существует целый ряд нерешённых вопросов:

– Недостаточное количество квалифицированных специалистов, работающих с инвалидами.

– Низкий уровень информированности общества относительно нужд и возможностей людей с ограниченными возможностями.

– Недостаточно развитая инфраструктура городов и населенных пунктов, препятствующая свободному передвижению и эффективному функционированию инвалидов.

Эти проблемы требуют дальнейших усилий со стороны правительства, общественных организаций и бизнеса.

Пути совершенствования системы социальной адаптации

Улучшение ситуации возможно путем внедрения ряда инициатив:

1. Формирование доступной городской среды. Строительство жилых домов, учебных заведений, торговых комплексов и других сооружений с учётом потребностей инвалидов создаст предпосылки для эффективной социализации.
2. Профессиональные перспективы. Улучшение программ профессиональной ориентации и подготовки повысит конкурентоспособность инвалидов на рынке труда.
3. Правовая защищенность. Совершенствование нормативных актов, регулирующих защиту прав инвалидов, обеспечит надежный механизм контроля над соблюдением закона.
4. Информационно-просветительная деятельность. Проведение кампаний и прочих общественных мероприятий по повышению осведомленности населения о нуждах инвалидов станет серьезным инструментом нормализации отношения общества к ним.
5. Использование высоких технологий. Широкое внедрение информационных технологий и мобильных приложений упростит взаимодействие инвалидов с окружающими объектами и людьми.

Осуществление этих шагов позволит преодолеть существующие трудности и сделать жизнь людей с ограниченными возможностями качественной и благополучной.

Социальная адаптации людей с ограниченными возможностями является важнейшей задачей современного общества. Это отражает уровень нравственного развития страны и её готовность уважать достоинство каждого гражданина. Лишь объединив усилия государства, гражданского общества и самих инвалидов, мы сможем достичь значительных успехов в формировании комфортных условия для проживания и самореализации граждан нашей страны.

Социальная адаптация пациентов с тугоухостью

Тугоухость – частичная или полная потеря способности воспринимать звуки – оказывает значительное влияние на качество жизни человека, ограничивая полноценное общение, профессиональное развития и интеграцию в общественные структуры. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, около 466 миллионов человек страдают от нарушения слуха различной степени тяжести, причем эта цифра постоянно растет.

Социальная адаптация – это процесс приспособления индивида к условиям окружающей среды, включая способность эффективно взаимодействовать с обществом, вести активный образ жизни и реализовывать личные цели. Для пациентов с тугоухостью социальная адаптация представляет собой сложный многоступенчатый процесс, включающий медицинскую реабилитацию, психологическое консультирование, обучение новым способам коммуникации и использование вспомогательных технологий.

Факторы, влияющие на социальную адаптацию пациентов с тугоухостью

Медицинские факторы

Важным фактором успешной социальной адаптации является своевременное выявление нарушений слуха и начало соответствующего лечения. Современные методы диагностики позволяют определить степень потери слуха и выбрать оптимальную стратегию реабилитации. Среди медицинских методов наиболее распространены слухопротезирование, кохлеарная и другие хирургические вмешательства. Эффективность медицинского вмешательства зависит от возраста пациента, продолжительности заболевания и наличия сопутствующих патологических состояний.

Кроме того, важным элементом медицинской помощи является регулярное наблюдение специалистов, позволяющее своевременно выявить возможные осложнения и скорректировать лечение. Пациенты с тугоухостью нуждаются в поддержке со стороны врачей-отоларингологов, сурдопедагогов и психологов, которые помогают адаптироваться к новому состоянию здоровья и приобрести необходимые навыки.

Психологические факторы

Психологический комфорт играет ключевую роль в процессе социальной адаптации пациентов с тугоухостью. Нарушение слуха часто сопровождается чувством изоляции, одиночества и депрессии. Люди, страдающие от тугоухости, сталкиваются с трудностями в общении, что приводит к снижению самооценки и уверенности в себе. Поэтому важной частью программы реабилитации являются консультации психологов и психотерапевтов, направленные на повышение уровня эмоциональной устойчивости и развитие коммуникативных навыков.

Особое внимание уделяется детям с нарушениями слуха, поскольку ранняя диагностика и коррекционная работа имеют решающее значение для формирования личности ребенка и его дальнейшего социального функционирования. Специалисты проводят работу по развитию речи, обучению чтению по губам и использованию жестового языка, что способ-

ствует формированию полноценной личности и предотвращает задержку интеллектуального развития.

Технологические факторы

Современные технологии играют важную роль в улучшении качества жизни пациентов с тугоухостью. Использование цифровых слуховых аппаратов позволяет значительно повысить эффективность восприятия звуков, обеспечивая возможность участия в повседневных ситуациях. Кохлеарные имплантаты становятся все более доступными благодаря технологическим достижениям и государственным программам поддержки инвалидов по слуху.

Помимо технических устройств, широкое распространение получили мобильные приложения и онлайн-сервисы, облегчающие общение между людьми с нарушением слуха и окружающим миром. Например, видеозвонки с функцией автоматического перевода речи в текст позволяют людям с тугоухостью полноценно общаться с собеседниками, не имеющими опыта общения с глухими людьми.

Социальные факторы

Общество должно создавать условия для полной интеграции лиц с ограниченными возможностями в общественную жизнь. Важнейшими направлениями социальной политики государства являются создание доступной инфраструктуры, предоставление образовательных услуг и обеспечение занятости населения с инвалидностью. Специальные школы и дошкольные учреждения обеспечивают получение качественного образования детьми с нарушением слуха, позволяя им успешно интегрироваться в социум.

Создание рабочих мест для людей с нарушением слуха также является приоритетным направлением государственной политики. Компании обязаны соблюдать нормы трудового законодательства и обеспечивать равные возможности трудоустройства для всех категорий граждан. Важно отметить, что многие крупные корпорации активно внедряют инклюзивные практики, создавая специальные рабочие места и поддерживая сотрудников с ограниченными возможностями.

Рекомендации по улучшению социальной адаптации пациентов с тугоухостью

Для повышения эффективности социальной адаптации пациентов с тугоухостью предлагается ряд мер:

1. Раннее выявление нарушений слуха: необходимо развивать систему скрининга новорожденных детей и взрослых, чтобы обеспечить своевременное вмешательство и предотвратить развитие серьезных проблем со здоровьем.

2. Повышение доступности медико-социальной помощи: Государству следует увеличивать финансирование программ поддержки инвалидов

по слуху, улучшать инфраструктуру специализированных учреждений и расширять сеть центров реабилитации.

3. Развитие инновационных технологий: Поддержка исследований и разработок новых решений, направленных на улучшение качества жизни людей с нарушенным слухом, должна стать приоритетом государственных программ.

4. Информирование общества: Общественность должна быть осведомлена о проблемах, связанных с нарушением слуха, и возможных путях решения. Информативные кампании помогут снизить уровень стигматизации и дискриминации среди населения.

5. Поддержка семей: Семьи, воспитывающие детей с нарушением слуха, нуждаются в дополнительной поддержке и консультациях специалистов, чтобы правильно организовать уход и воспитание ребенка.

6. Разработка стандартов обслуживания: следует разработать четкие стандарты оказания услуг пациентам с тугоухостью, обеспечивающих качественное медицинское обслуживание и поддержку.

7. Активизация общественного движения: Активисты общественных организаций, занимающихся проблемами инвалидности, могут способствовать привлечению внимания общественности к вопросам социальной адаптации людей с ограниченными возможностями.

8. Обучение персонала: Обучением медицинским работникам, педагогам и другим специалистам важно уделять особое внимание проблемам, связанным с нарушением слуха, чтобы они могли грамотно оказывать помощь таким пациентам.

Заключение

Таким образом, проблема социальной адаптации пациентов с тугоухостью требует комплексного подхода, учитывающего медицинские, психологические, социальные и технические аспекты. Реализация предложенных рекомендаций позволит существенно улучшить качество жизни людей с нарушением слуха, создать благоприятные условия для их активной деятельности и интеграцию в общество. Необходимо уделять внимание формированию комфортной среды для пациентов с тугоухостью, что позволит им работать, общаться, социализироваться. Это обеспечит равные права и возможности для всех членов нашего общества вне зависимости от состояния здоровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Г.С., Юдчиц Ю.А. Социальная психология инвалидности // Психология здоровья / Под ред. Г.С. Никифорова. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И.Герцена, 2021. – С. 87–103.
2. Антропова М.В., Лазаренко О.Н. Особенности социализации детей-инвалидов // Мир науки, культуры, образования. – № 1 (96). – Барнаул, 2022. – С. 125–130.
3. Васильева Е.М. Реабилитационные программы для инвалидов и маломобильных групп населения: опыт реализации // Проблемы социальной политики. – Москва, 2023. – Т. 2, вып. 3. – С. 45–57.
4. Димов П.Б. Трудовая реабилитация лиц с ограниченными возможностями здоровья: теория и практика // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Вопросы психологии труда и педагогической деятельности. – 2020. – № 2. – С. 14–25.
5. Иванов А.П., Черткова Ю.Д. Правовые аспекты интеграции инвалидов в общество // Российское право и законодательство. – Саратов, 2021. – Вып. 4. – С. 12–21.
6. Казакова Е.Ф. Инновационные подходы к социальному сопровождению лиц с инвалидностью // Современные проблемы социальной защиты населения. – Новосибирск, 2022. – С. 210–219.
7. Каган М.С. Категория «человек» в философской антропологии // Человек. Общество. Государство. – М.: Проспект, 2020. – С. 23–35.
8. Лапин Н.И. Принцип доступности среды жизнедеятельности для инвалидов // Философия права. – Ростов-на-Дону, 2021. – № 2. – С. 56–64.
9. Овчинникова Т.С. Качество жизни пожилых людей с ограничениями по здоровью // Актуальные проблемы геронтологии. – Краснодар, 2023. – С. 156–164.
10. Тихонова С.Ю. Формы и методы поддержки семей, воспитывающих детей с особыми потребностями // Практическая педагогика и социальная работа. – Екатеринбург, 2022. – № 1. – С. 35–44.
11. Андреева, Н.Е. Тугоухость и социальная дезадаптация: психологические механизмы взаимодействия // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С.Корсакова. – 2021. – № 4. – С. 112–118.
12. Белова, А.Н. Особенности психосоциальной реабилитации пациентов с нарушениями слуха // Российский медицинский журнал. – 2022. – № 1. – С. 56–62.
13. Бондаревская, Е.В. Медико-социальные технологии реабилитации больных тугоухостью // Медицинская помощь. – 2020. – № 6. – С. 45–51.
14. Буравцова, А.Л. Обучение жестовому языку как фактор успешной социальной адаптации глухих и слабослышащих // Вестник МГГУ им. Шолохова. Педагогика и психология. – 2023. – № 2. – С. 32–39.
15. Вернер, Э.Я. Анализ проблем социальной адаптации лиц с нарушением слуха // Научный вестник Северного Арктического федерального университета. – Архангельск, 2021. – № 3. – С. 85–93.
16. Григорьева, Л.Н. Исследование качества жизни пациентов с сенсоневральной тугоухостью // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2022. – № 189. – С. 145–152.
17. Дубровина, И.А. Методы психологической коррекции у пациентов с потерей слуха // Нейрохирургия и неврология детского возраста. – 2020. – № 2. – С. 23–30.

18. Ермолова, Е.В. Опыт внедрения специализированных технологий слухоречевой реабилитации // Медицинские технологии. Оценка и выбор. – 2023. – № 2. – С. 76–83.
19. Захарова, Т.Н. Факторы риска социальной изоляции среди лиц с сенсорными расстройствами // Физиотерапия, бальнеология и реабилитация. – 2021. – № 1. – С. 43–49.
20. Кулешова, А.Р. Организация медико-социальной помощи пациентам с тугоухостью // Материалы всероссийского форума «Здоровье нации». – Москва, 2022. – С. 156–161.

УДК 614.2:338.48-6

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНСКОГО ТУРИЗМА В КРЫМУ

SOCIAL FACTORS OF DEVELOPMENT OF MEDICAL TOURISM IN CRIMEA

Демакова Ольга Сергеевна
аспирант факультета Географии, геоэкологии и туризма, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
Demakova Olga Sergeevna
postgraduate student of the Faculty of Geography, Geoecology and Tourism, Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Simferopol

Аннотация. Медицинский туризм – быстро развивающаяся отрасль, объединяющая здравоохранение и туризм. В последние годы наблюдается рост интереса к этому направлению, в том числе в Крыму, благодаря его природным ресурсам и медико-реабилитационным услугам. Исследование социальных и культурных факторов, влияющих на медицинский туризм в Крыму, актуально по нескольким причинам. Во-первых, это способ улучшения здоровья и качества жизни в условиях глобализации. Во-вторых, Крым может занять значимое место в медицинском туризме, учитывая культурные особенности. В-третьих, развитие этой отрасли принесет доход местной экономике, что важно для властей и предпринимателей.

Abstract. In this article, we examine how social conditions, cultural characteristics and public attitudes contribute to the formation and development of medical tourism in Crimea, and also consider their philosophical aspects and consequences.

Ключевые слова: социальные факторы, медицинский туризм, Крым.
Key words: social factors, medical tourism, Crimea.

Медицинский туризм представляет собой феномен, сочетающий в себе аспекты медицины, экономики, культуры как важнейших сфер общества. В контексте Крыма, региона с уникальным географическим положением, богатой историей и природными ресурсами, социальные факторы играют ключевую роль в развитии этой сферы. В связи с этим, с нашей точки зрения важно рассмотреть глубинные связи между обществом и медицинским туризмом, раскрывая вопросы этики и справедливости, доступности и влияния данного вида деятельности на общественное сознание.

Состояние медицинского туризма в Крыму

Медицинский туризм – это сложное явление, включающее этические, социальные, культурные и экономические аспекты. Оно связано с вопросами справедливости доступа к медуслугам, моральными дилеммами выбора лечения за границей и эксплуатацией уязвимых групп. В социальной философии медицинский туризм отражает существующие социальные и экономические неравенства, затрагивая темы этики, культуры и понимания здоровья.

Медицинский туризм в Крыму активно развивается, чему способствуют социальные факторы и рост интереса к оздоровительным услугам. С 2022 года число туристов значительно увеличилось, но система здравоохранения сталкивается с вызовами в качестве и доступности услуг [2].

Ключевыми аспектами являются состояние медицинской инфраструктуры и природные ресурсы региона, такие как минеральные воды и благоприятный климат. Санаторно-курортное лечение остается важным направлением для привлечения туристов, однако качество медуслуг требует улучшения.

Оптимизация медицинского туризма зависит от модернизации инфраструктуры и внедрения лучших мировых практик. Власти предпринимают шаги для повышения доступности услуг, но остаются проблемы в управлении здравоохранением. Развитие отрасли требует анализа международного опыта и внедрения инноваций, что позволит повысить уровень медицинского обслуживания и сделать Крым привлекательным для туристов [1].

Социальные факторы развития медицинского туризма

Социальные факторы играют ключевую роль в развитии медицинского туризма, так как они влияют на поведение людей, их решения и доступность медицинских услуг. С ростом доступности информации о здоровье и медицинских процедурах, люди становятся более информированными и заинтересованными в поиске лучших вариантов лечения, что способствует росту медицинского туризма [4].

Медицинский туризм в Крыму развивается под влиянием социальных и экономических факторов. Туристы стремятся получить качественные медицинские услуги, избегая высоких цен и долгих очередей. Решение о выборе клиники зависит от репутации, квалификации врачей и доступности современных технологий.

Экономическая доступность услуг в Крыму дает полуострову конкурентное преимущество, особенно для граждан СНГ. Однако восприятие медицины определяется социальными и культурными аспектами, включая стереотипы о качестве лечения в разных странах.

Важную роль играют технологии и законодательная база. Современные методики и оборудование привлекают пациентов, а наличие программ, учитывающих культурные и языковые особенности, делает медицинские услуги более доступными. Развитие мультиязычных сервисов поможет привлечь иностранных туристов.

Цифровизация медицинских услуг упрощает доступ пациентов к консультациям, записи на прием и сопровождению лечения. Это снижает беспокойство иностранных клиентов и делает медицинский туризм более удобным.

Социальные факторы, включая качество обслуживания, экономику и технологии, определяют развитие отрасли в Крыму. Интеграция медицинских и оздоровительных услуг повышает привлекательность региона, предлагая не только лечение, но и профилактику, восстановление и здоровый образ жизни.

Развитие комплексных программ, сочетающих традиционные и инновационные методы медицины, улучшает качество услуг и стимулирует экономику. Уникальный климат Крыма способствует увеличению спроса на курортные и эстетические процедуры, делая регион перспективным направлением медицинского туризма.

Интеграция медицинских и оздоровительных услуг в Крыму направлена на создание комплексной системы, обеспечивающей качество и доступность лечения. Включение государственных и частных учреждений способствует эффективному использованию ресурсов региона.

Медицинский туризм в Крыму сочетает медицину и туристические услуги, учитывая социальные и культурные особенности. Адаптация медицинских услуг к полиэтничному населению повышает их востребованность.

Экономическое развитие медицинского туризма требует новых направлений, таких как неврология и хирургия, а также сотрудничества государственных и частных структур для обеспечения конкурентоспособности региона.

Также наличествуют проблемы и вызовы, с которыми сталкивается медицинский туризм. Нехватка современного оборудования, необходимость обучения кадров и необходимость внедрения новых стандартов – все эти факторы требуют комплексного подхода и создания стратегий, которые бы могли интегрировать здравоохранение и туристические сервисы в единое целое [2].

Согласно исследованиям, для устойчивого развития медицинского туризма в Крыму необходимо усилить акцент на социальной составляющей и качества услуг. Пациенты должны получать не только медицинское обслуживание, но и поддержку в виде дополнительных сервисов, таких как культурные мероприятия, экскурсии и консультации. Одним из аспектов, способствующих эффективному развитию медицинского туризма, является необходимость создания интегральной модели взаимодействия всех участников процесса: от врачей до туристических агентов и государственных структур [3].

Следует отметить, что взаимодействие медицины и туризма должно быть не только экономически выгодным, но и учитывать интересы пациентов. Ожидания клиентов от медицинского туризма в Крыму должны соответствовать реальному уровню медицинских и туристических услуг. Формирование системы оценки качества этих услуг станет важным этапом в развитии данного направления. В итоге, успешное развитие медицинского туризма возможно лишь при наличии гибкой и адаптивной структуры, способной учитывать социальные, культурные и экономические реалии региона.

Медицинский туризм в Крыму становится все более востребованным благодаря сочетанию качественных услуг и возможностей оздоровления. Социальные факторы, такие как доступность информации, доверие к медицинским учреждениям и восприятие ценности услуг, играют ключевую роль.

Выбор туристов определяется уровнем образования, социальным статусом и культурными особенностями, что требует сегментации аудитории и индивидуальных предложений. Конкуренция с соседними регионами требует развития инфраструктуры и продвижения уникальных медицинских программ.

Интеграция медицинских и оздоровительных услуг делает Крым привлекательным направлением, объединяя лечение и отдых. Социокультурные факторы, включая богатое культурное наследие и природные ресурсы, способствуют росту интереса к региону. Развитие комплексных программ и мероприятий позволит укрепить позиции Крыма в сфере медицинского туризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ланковская Е.К., Даскалеску А.А. Тенденции развития лечебно-оздоровительного туризма в Республике Крым // Таврический научный обозреватель. 2016. №2 (7). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-lechebno-ozdorovitelnogo-turizma-v-respublike-krym (16.03.2025).
2. Ваапова Ф. Р., Иванов С. В., Пилунская О. А. Проблемы развития лечебно-оздоровительного туризма в Республике Крым // Вестник физиотерапии и курортологии. 2019. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-lechebno-ozdorovitelnogo-turizma-v-respublike-krym (16.03.2025).
3. Рындач Марина Алексеевна Проблемы качества предоставляемых услуг в сфере медицинского и доступного туризма в Крыму // Крымский научный вестник. 2015. №4-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kachestva-predostavlyaemyh-uslug-v-sfere-meditsinskogo-i-dostupnogo-turizma-v-krymu (16.03.2025).
4.What is Health Tourism? The Rise of a Global Trend // Mediwali. – URL: mediwali.com (дата обращения: 03.04.2025).

УДК 61:316

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ДИАЛИЗНЫХ ПАЦИЕНТОВ: СЛОЖНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ

FORMING A SOCIAL CONTEXT FOR A HEALTHY LIFESTYLE: PREVENTION

Павловский Кирилл Юрьевич
Врач-нефролог, аспирант кафедры пропедевтики внутренней медицины, Ордена Трудового Красного Знамени Медицинский институт имени С. И. Георгиевского, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
Pavlovsky Kirill Yurievich
Nephrologist, postgraduate student of the Department of Propaedeutics of Internal Medicine, Order of the Red Banner of Labor, S. I. Georgievsky Medical Institute, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol

Аннотация. Заместительная почечная терапия стала неотъемлемой частью жизни миллионов людей по всему миру. Эта процедура, спасающая жизни пациентов с хронической болезнью почек (ХБП) терминальной стадии, накладывает особые требования и ограничения на их повседневную жизнь и социальную адаптацию. В современном обществе вопрос социальной интеграции диализных пациентов становится все более актуальным в связи с ежегодным увеличением количества больных, требуя комплексного подхода к решению проблем адаптации, социализации и реабилитации.

Abstract. Kidney replacement therapy has become an integral part of the lives of millions of people around the world. This procedure, which saves the lives of patients with end-stage chronic kidney disease (CKD), imposes special requirements and restrictions on their daily lives and social adaptation. In modern society, the issue of social integration of dialysis patients is becoming increasingly relevant due to the annual increase in the number of patients, requiring an integrated approach to solving problems of adaptation, socialization and rehabilitation.

Ключевые слова: хроническая болезнь почек, диализ, качество жизни, адаптация, реабилитация, социализация.

Keywords: chronic kidney disease, dialysis, quality of life, adaptation, rehabilitation, socialization.

Заместительная почечная терапия стала неотъемлемой частью жизни миллионов людей по всему миру. Эта процедура, спасающая жизни пациентов с хронической болезнью почек (ХБП) терминальной стадии, накладывает особые требования и ограничения на их повседневную жизнь и социальную адаптацию. В современном обществе вопрос социальной интеграции диализных пациентов становится все более актуальным в связи с

ежегодным увеличением количества больных, требуя комплексного подхода к решению проблем адаптации, социализации и реабилитации.

Зависимость от процедуры, будь то гемодиализ или перитониальный диализ приводит к физическим и психологическим ограничениям, которые значимо влияют на качество жизни пациента в современном обществе. Множество аспектов, таких как режим лечения, осложнения заболеваний, плановые и внеплановые госпитализации сказываются на ментальном и физическом благополучии.

До последнего времени, в Российской федерации и в мире не было достаточного количества лечебных учреждений, работающих в сфере ЗПТ, это было связано в первую очередь с финансированием данной сферы, а также с низкой выявляемостью пациентов с ХБП. С начала 2000х годов и улучшением качества диагностики была выявлена потребность в развитии диализной сферы, что привело к росту количества диализных центров.

Первое, что нарушает привычный уклад жизни человека – это режим диализа. Согласно общемировым стандартам заместительной почечной терапии (ЗПТ), в случае гемодиализа, человеку необходимо проведение от трех до четырех процедур в неделю, каждая минимум по 4 часа, а в отдельных случаях длительность может увеличиваться и до 5 часов. Такой режим становится своеобразным якорем, привязывающим человека к медицинскому учреждению, ограничивающим свободное время и рабочую деятельность.

Это связано с тем, что больному необходимо регулярно посещать диализный центр, ограничивать физическую нагрузку на конечность с артериовенозной фистулой (сосудистый доступ для проведения очистки крови). Многие пациенты испытывают чувство слабости после процедуры, особенно в первые 6 месяцев лечения. Значимое влияние оказывает необходимость соблюдения строгой диеты – ограничение продуктов с высоким содержанием калия и фосфора, переизбыток которых ведет к развитию минерально-костных нарушений, судорог и повышению риска летального исхода.

Большую роль играет место жительства и расположение диализного центра (ДЦ). Если пациенты молодого возраста испытывают меньше проблем с перемещением, физически не ограничены в управлении автотранспортом, то пожилым пациентам, проживающим в пригороде или отдаленных от ДЦ районах, приходиться пользоваться междугородним транспортом, электропоездами или надеяться на социальную транспортировку, предоставляемую государством.

Психологическое состояние диализных пациентов часто характеризуется тревожностью и депрессией. Это связано со страхом перед процедурой и ее осложнениями и зависимостью, осознанием пожизненного ха-

рактера заболевания, социальной изоляцией. Некоторая часть пациентов испытывает финансовые трудности, т.к. большинству требуются дорогостоящие лекарственные препараты (ЛП) для коррекции основных осложнений – анемии, вторичного гиперпаратиреоза, артериальной гипертензии. Государством предусмотрено льготное обеспечение данной группы пациентов, но оно становиться доступным лишь при присвоении группы инвалидности, на оформление которой требуется от одного до нескольких месяцев. До установки группы инвалидности пациенту необходимо приобретать ЛП за личные средства или рассчитывать на взаимовыручку, свойственную диализным пациентам и руководству ДЦ.

Большинство пациентов, поступающих в ДЦ трудоустроены, некоторые владеют собственным делом или работают по найму. С момента появления необходимости в ЗПТ появляются ограничения как физического, так и юридического характера. Люди более не имеют физической возможности для выполнения своих профессиональных обязанностей, а руководство некоторых предприятий согласно закону, не имеют права оставлять сотрудника на ранее занимаемой должности и должны предоставлять альтернативную должность, которой зачастую не предусмотрено.

Само трудоустройство также становится серьезной проблемой для многих пациентов, по причине необходимости гибкого графика, предвзятого отношения работодателей, необходимости частых больничных.

Значительные изменения происходят и в семейной жизни.

Каждый пациент с серьёзным жизниугрожающим заболеванием нуждается в моральной поддержке близких, в то время как самые близкие люди не знают, как взаимодействовать с человеком. С началом диализной терапии появляются ограничения в планировании семейного досуга, т.к. пациент не может длительные перерывы между процедурами, что не позволяет путешествовать. Помимо этого, с потерей работы или изменением занимаемой должности меняются роли «добытчика и кормильца» в семье, наступают финансовые трудности.

Учитывая все вышеуказанные ограничения, стоит обратить внимание на существующие и возможные перспективы для социальной интеграции данной когорты пациентов.

На данный момент разработаны и проверены клиническими испытаниями различные методы физической, психологической и социальной адаптации. Некоторые ДЦ и отдельные специалисты создают свои собственные методы поддержки пациентов.

Для больных из дальних районов предусмотрены телемедицинские консультации, созданы мобильные приложения для мониторинга состояния. С целью обучения новому образу жизни образовываются «школы диализных пациентов и их родственников» на базе ДЦ и стационаров. Ведущие медицинские общества данной сферы ежегодно проводят конференции и семинары для больных и их семей, доступные как в очном, так и в дистанционном формате.

Некоторые пациенты ведут личные страницы в социальных сетях где делятся своим опытом, что позволяет легче перенести новым диализным больным вводный период ЗПТ.

Помимо частных организацией и физических лиц государство занимается социальной поддержкой, транспортировкой из отдаленных населенных пунктов, разрабатывает льготные программы обеспечения.

К сожалению, в разных регионах нашей страны уровень поддержки и адаптации больных находится на разном уровне. Необходимо приведение к общему знаменателю всех действий в отношении данного направления одинаково доступных всем нуждающимся в диализе. Социальная политика должна учитывать потребности всех диализных пациентов во всех регионах на одинаковом уровне.

Перспективы развития в данной области многогранны. Будущие направления работы над улучшением социальной адаптации включают в себя развитие мобильных технологий мониторинга (мобильные приложения, чат-боты в социальных сетях), создание специализированных программ поддержки государством, расширение возможностей удаленной работы, в т.ч. для самодиагностики пациентов, развитие программ психологической помощи, повышение доступности медицинской помощи в малонаселенных и отдаленных районов страны.

Только комплексный подход, учитывающий все аспекты жизни диализных пациентов, может обеспечить их успешную социальную адаптацию и помочь им реализовать свой потенциал в современном обществе.

Заключение

Социальная адаптация диализных пациентов – это сложный, многогранный процесс, требующий совместных усилий самих пациентов, их семей, медицинского персонала и общества в целом. Несмотря на существующие ограничения, современные технологии и социальные программы открывают новые возможности для полноценной жизни людей на диализе.

Важно понимать, что каждый пациент уникален, и подход к его социальной адаптации должен быть индивидуальным. Успешная интеграция в общество зависит от множества факторов: состояния здоровья, личностных качеств, поддержки близких и доступных ресурсов помощи.

Будущее социальной адаптации диализных пациентов связано с развитием новых технологий, повышением осведомленности общества и созданием более эффективных программ поддержки. Главное – это осознание того, что жизнь на диализе может быть полноценной и насыщенной, несмотря на все существующие ограничения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клинические рекомендации «Хроническая болезнь почек» 2021 г. Ассоциация нефрологов. https://rusnephrology.org/wp-content/uploads/2021/10/kr469.pdf [Clinical recommendations «Chronical kidneys disease» 2021. National association of nephrologists. https://rusnephrology.org/wp-content/uploads/2021/10/kr469.pdf (in Russ)]
2. Вишневский КА, Румянцев АШ, Коростелева НЮ. Общие принципы применения дозированных физических нагрузок у больных на гемодиализе. Нефрология 2018; 22 (4): 102–107 doi:10.24884/1561-6274-2018-22-4-102-107 [Vishnevskii KA, Rumyantsev AS, Korosteleva NYu. General principles of use of dosed physical exercise in patients with hemodialysis. Nephrology (Saint-Petersburg) 2018; 22 (4): 102–107 (In Russ.) doi: 10.24884/1561-6274-2018-22-4-102-107]
3. Perez-Dominguez B, Casaña-Granell J, Garcia-Maset R, Garcia-Testal A et al. Effects of exercise programs on physical function and activity levels in patients undergoing hemodialysis: a randomized controlled trial. Eur J Phys Rehabil Med 2021;57:994-1001. DOI: 10.23736/S1973-9087.21.06694-6
4. Greenwood SA, Koufaki P, Macdonald JH, Bulley C et al. Exercise programme to improve quality of life for patients with end-stage kidney disease receiving haemodialysis: the PEDAL RCT. Health Technol Assess 2021;25(40). DOI: 10.3310/hta25400
5. Бадалов Н.Г., Прилипко Н.С., Гамеева Е.В., Степанова А.М. Рекомендации по реабилитации пациентов с хронической болезнью почек, нуждающихся в гемодиализе (обзор литературы). Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2024;101(6):62 73 [Badalov NG, Prilipko NS, Gameeva EV, Stepanova AM. Recommendations for the rehabilitation of patients with chronic kidney disease requiring hemodialysis (literature review). Problems of Balneology, Physiotherapy and Exercise Therapy. 2024;101(6):62 73. (In Russ.) https://doi.org/10.17116/kurort202410106162]
6. Hoshino J. Renal Rehabilitation: Exercise Intervention and Nutritional Support in Dialysis Patients. Nutrients. 2021 Apr 24;13(5):1444. doi: 10.3390/nu13051444
7. Шмонин АА, Мальцева МН, Мельникова ЕВ и др. Базовые принципы медицинской реабилитации, реабилитационный диагноз в категориях МКФ и реабилитационный план. Вестник восстановительной медицины. 2017; (2): 16-22. http://medj.rucml.ru/journal/45562d52454841424d45442d41525449434c452d363039323933/ [Shmonin AA, Malceva MN, Melnikov EV et al. Basic principles of medical rehabilitation, rehabilitation diagnosis in the ICF categories and rehabilitation plan. Bulletin of rehabilitation medicine. 2017; (2): 16-22.]
8. Абрамова ЕЭ, Королева ИЕ, Тов НЛ, Мовчан ЕА и др. Факторы риска летальных исходов у больных на гемодиализе. Journal of Siberian Medical Sciences. 2015. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-riska-letalnyh-ishodov-u-bolnyh-na-gemodialize
9. Билевич ОА, Овсянников НВ. Оценка выживаемости больных, находящихся на программном гемодиализе, в зависимости от показателей функционального состояния сердечнососудистой системы. Современные проблемы

науки и образования. 2015. № 6. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=23372 (дата обращения: 13.02.2025) [Bilevich OA, Ovsyannikov NV Survival assessment of hemodialysis patinets depending on the functional state papameters of cardiovascular system. DSJ Modern problems of science and education. 2015. № 6. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=23372 (дата обращения: 13.02.2025 (in Russ)]

10. Visser WJ, Egmond AMEM, Timman R, Severs D, Hoorn EJ. Risk Factors for Muscle Loss in Hemodialysis Patients with High Comorbidity. Nutrients. 2020 Aug 19;12(9):2494. doi: 10.3390/nu12092494
11. Иванова ГЕ, Мельникова ЕВ, Белкин АА и др. Как организовать медицинскую реабилитацию? Вестник восстановительной медицины. 2018. №2 (84). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kak-organizovat-meditsinskuyu-reabilitatsiyu (дата обращения: 13.02.2025) [Ivanova GE, Melnikova EV, Belkin AA et al. How to organize medical rehabilitation? Bulletin of Rehabilitation Medicine. 2018. №2 (84) (in Russ).]
12. Коростелева НЮ, Румянцев АШ, Хасун МХ и др. Физическая работоспособность пациентов с хронической болезнью почек 5Д стадии и ишемической болезнью сердца. Нефрология. 2023;27(1):78-85. https://doi.org/10.36485/1561-6274-2023-27-1-78-85 [Korosteleva NYu, Rumyantsev ASh, Khasun M.Kh et al. Physical performance of patients with chronic kidney disease stage 5D and coronary heart disease. Nephrology (Saint-Petersburg). 2023;27(1):78-85. (In Russ.) https://doi.org/10.36485/1561-6274-2023-27-1-78-85]
13. Young HML, March DS, Highton PJ, et al. Exercise for people living with frailty and receiving haemodialysis: a mixedmethods randomised controlled feasibility study. BMJ Open 2020;10:e041227. doi:10.1136/ bmjopen-2020-041227
14. Hanna RM, Ghobry L, Wassef O et al. A Practical Approach to Nutrition, Protein-Energy Wasting, Sarcopenia, and Cachexia in Patients with Chronic Kidney Disease. Blood Purif. 2020;49(1-2):202-211. doi: 10.1159/000504240

УДК 179

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРОДУКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВА

ETHICAL PROBLEMS OF USING INTELLECTUAL PRODUCTS IN MODERN MEDICINE: STATUS AND PROSPECTS

Чачиев Денис Русланович
аспирант, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Chachiev Denis Ruslanovich
graduate student, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые этические и философские проблемы, возникающие при применении искусственного интеллекта в медицине. Анализируются вопросы ответственности, автономии ИИ, прозрачности алгоритмов и моральных аспектов медицинского выбора. Особое внимание уделяется необходимости разработки комплексного подхода к регулированию и внедрению этих технологий с учетом гуманистических принципов.

Abstract. The article examines key ethical and philosophical issues arising from the use of artificial intelligence in medicine. Issues of responsibility, AI autonomy, transparency of algorithms and moral aspects of medical choice are analyzed. Particular attention is paid to the need to develop a comprehensive approach to the regulation and implementation of these technologies, taking into account humanistic principles.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, этика, медицина, автономные системы, ответственность

Keywords: Artificial intelligence, ethics, medicine, autonomous systems, responsibility

Введение

Современная медицина активно использует интеллектуальные технологии, включая искусственный интеллект (ИИ) и роботизированные системы, в диагностике, лечении и хирургии. Эти технологии обещают повышение точности, снижение ошибок и расширение возможностей медицинских учреждений. Однако их применение порождает серьёзные философские и этические проблемы, прежде всего в контексте ответственности, автономии и моральной оценки решений, принимаемых алгоритмами [1]. Кто должен нести ответственность за нежелательные последствия – разработчик, медицинский оператор или сама система? Может ли автономный механизм нести моральную ответственность, если он сам не обладает сознанием и не осознаёт последствий своих действий?

Основные этические проблемы

Размытость ответственности в случае ошибки интеллектуальной системы ставит под сомнение традиционные представления о вине и намерении. Врач, принимающий решения, опирается на свой опыт, но также руководствуется профессиональной этикой и внутренним моральным компасом. Однако, когда вмешивается ИИ, который не обладает способностью осознавать добро и зло, но действует согласно заложенным алгоритмам, мы оказываемся в ситуации, когда привычные этические категории становятся неприменимыми [2]. Можно ли обвинять разработчика в ошибке, если он не способен предусмотреть все возможные сценарии? Является ли врач, доверяющий системе, лишь посредником между алгоритмом и пациентом, или всё же хранителем моральных основ медицины?

Помимо вопроса ответственности, возникает проблема автономии человека перед лицом машинного разума. Технологии, принимающие решения о лечении или хирургическом вмешательстве, ставят под сомнение традиционную модель медицинской практики, где врач не только диагностирует и лечит, но и несёт моральное бремя своего выбора. Когда система ИИ предлагает вариант лечения, превосходящий по точности человеческую интуицию, врач оказывается перед дилеммой: полагаться на алгоритм или придерживаться собственной интуиции? Но что, если алгоритм окажется прав, а врач – нет? Не лишает ли это человека его профессиональной автономии, сводя его роль к простому исполнителю предписаний машины [3]?

Другой философский аспект касается природы принятия решений. Человеческий разум обладает не только логикой, но и интуицией, эмпатией, способностью учитывать тонкие социальные и психологические нюансы. Искусственный интеллект, напротив, действует строго в рамках алгоритмов, не осознавая смыслов, лежащих за пределами математических расчётов. Можно ли говорить о том, что он «принимает» решения, если его действия не являются актом воли, а лишь следствием обработки данных? Если так, то можно ли считать такие системы субъектами ответственности? Или же они остаются лишь инструментами, за которые всегда должен отвечать человек?

Вопрос прозрачности и предсказуемости алгоритмов также несёт в себе глубокие философские последствия. Человек привык искать смысл и объяснение в процессе принятия решений. Однако сложные нейросетевые модели нередко функционируют как «чёрные ящики», решения которых сложно объяснить даже их создателям. Таким образом, возникает парадокс: мы доверяем системе, но не понимаем, почему она действует именно так [4]. Насколько этично принимать рекомендации от механизма, принципы работы которого остаются загадкой даже для экспертов?

Юридические и регуляторные вопросы неразрывно связаны с философией права. Законодательство традиционно основывается на презумпции человеческой ответственности, однако в условиях цифровизации и ИИ возникает необходимость пересмотра этих основ. Возможны различные пути решения: либо мы усиливаем регуляторные механизмы, возлагая больше обязательств на разработчиков и врачей, либо признаём ИИ новой категорией участников правовых отношений, что открывает совершенно новые горизонты для философии права и морали.

Перспективы решения проблемы

Размышляя о возможных путях выхода из этой этической ловушки, стоит отметить, что никакое технологическое развитие не может подменить гуманистические ценности. Человеческий контроль над искусственным интеллектом должен сохраняться не только как техническое условие, но и как моральный принцип. Регулирование ИИ в медицине должно строиться не только на юридических нормах, но и на фундаментальных философских основах ответственности, свободы воли и этики принятия решений [2,5].

Один из возможных путей решения проблемы – это выстраивание более глубокого взаимодействия между ИИ и человеком, где врач не просто использует алгоритмы, но и участвует в их обучении и адаптации, создавая систему, которая учитывает не только точность вычислений, но и гуманитарные аспекты медицины. Кроме того, необходимо усиление образовательных программ, чтобы специалисты понимали логику работы ИИ и могли критически оценивать его выводы, сохраняя за собой роль главного субъекта принятия решений.

Заключение

Этические проблемы интеллектуальных технологий в медицине выходят за рамки простого регулирования и касаются фундаментальных вопросов человеческой природы. Вопрос о том, кто несёт ответственность за действия автономных систем, напрямую затрагивает философские концепции свободы воли, морального выбора и доверия к технологиям. По мере того, как искусственный интеллект становится всё более интегрированным в сферу здравоохранения, человечество оказывается перед необходимостью пересмотреть границы между человеком и машиной, между алгоритмом и сознанием. В конечном итоге, ключевой задачей остаётся сохранение баланса между инновациями и гуманизмом, чтобы технологии оставались инструментом в руках человека, а не заменяли его моральный долг перед пациентами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глуздов Дмитрий Викторович. Философско-антропологический анализ противоречий развития искусственного интеллекта // Философская мысль. 2023. №10.
2. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта. // Цифровая библиотека UNESCO [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus.locale=ru (дата обращения: 01.04.2025).
3. Леушина Влада Вячеславовна, Карпов Валерий Эдуардович. ЭТИКА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СТАНДАРТАХ И РЕКОМЕНДАЦИЯХ // Философия и общество. 2022. №3 (104).
4. Яковлева Елена Викторовна, Исакова Наталья Владимировна. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР // Гуманитарные и социальные науки. 2021. №6.
5. Лизикова М. С. ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА // Труды Института государства и права РАН. 2022. №1.

УДК 61

ФИЗИОТЕРАПИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ И РОЖДЕНИЕ ПРОФЕССИИ

PHYSIOTHERAPY: INSTITUTIONALIZATION AND THE BIRTH OF A PROFESSION

Батовская Марина Александровна
аспирант кафедры физиологии человека и животных и биофизики Институт биохимических технологий, экологии и фармации», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления физиотерапии как медицинской дисциплины и самостоятельной профессии. Анализируются исторические предпосылки возникновения физиотерапевтических методов. Особое внимание уделено ключевым этапам институционализации: созданию первых специализированных учреждений, развитию профессионального образования и формированию нормативной базы в XX веке. Подробно освещены критерии профессионализации физиотерапии, включая развитие научной базы, стандартизацию методов и практических задач.

Abstract. The article examines the process of formation of physiotherapy as a medical discipline and an independent profession. The historical background of the emergence of physiotherapeutic methods is analyzed. Particular attention is paid to the key stages of institutionalization: the creation of the first specialized institutions, the development of professional education and the formation of the regulatory framework in the 20th century. The criteria for professionalization of physiotherapy are covered in detail, including the development of a scientific base, standardization of methods and practical tasks.

Ключевые слова: физиотерапия, история медицины, институционализация, профессионализация, реабилитация

Key words: physiotherapy, history of medicine, institutionalization, professionalization, rehabilitation

Физиотерапия представляет собой важный раздел клинической медицины, основаный на использовании природных и искусственно созданных физических факторов (таких как электрический ток, магнитные поля, ультразвук, тепло, вода и др.) для лечения, реабилитации и профилактики заболеваний. В отличие от фармакотерапии, физиотерапевтические методы обладают минимальными побочными эффектами, что делает их особенно ценными в комплексном лечении хронических патологий, восстановлении после травм и операций, а также в профилактической медицине.

Актуальность темы обусловлена растущей ролью физиотерапии в современном здравоохранении. В условиях увеличения продолжительности жизни и распространения хронических заболеваний немедика-

ментозные методы лечения приобретают особое значение. Кроме того, развитие высокотехнологичной медицинской реабилитации, включая роботизированные системы и телемедицинские решения, расширяет возможности физиотерапии, делая ее одной из наиболее динамично развивающихся областей медицины.

Истоки физиотерапии уходят в глубокую древность, когда лечение природными факторами было основой медицинской практики. Еще Гиппократ (V-IV вв. до н.э.) описывал целебные свойства минеральных вод, солнечных ванн и массажа, считая, что «природа – врач болезней». В восточной медицине (Аюрведа, китайские трактаты) широко применялись прогревания, акупунктура и водные процедуры как методы восстановления баланса жизненной энергии.

Особый импульс развитию физиотерапевтических методов придала эпоха Просвещения (XVIII в.), когда бальнеология (наука о лечебных водах) оформилась как научное направление. В XIX веке гидротерапия пережила настоящий расцвет благодаря работам Винценца Присница и Себастьяна Кнейпа, создавших системные подходы к водолечению. Эти традиции, соединившись с достижениями экспериментальной физики, заложили фундамент современной физиотерапии.

Научные открытия XVIII-XIX веков стали решающим фактором в становлении физиотерапии как современной медицинской дисциплины. Пионерские работы Луиджи Гальвани (1737-1798) по «животному электричеству» и Майкла Фарадея (1791-1867) в области электромагнетизма заложили теоретическую основу для электротерапии. К концу XIX века эти открытия нашли практическое применение: в 1891 году Жак Арсен д›Арсонваль разработал метод высокочастотной электротерапии (дарсонвализация), а в 1907 году появился первый аппарат для диатермии.

Параллельно развивались другие направления аппаратной физиотерапии. В 1895 году открытие рентгеновских лучей Вильгельмом Рентгеном положило начало рентгенотерапии, а исследования ультразвука (Пьер Кюри, 1880) впоследствии привели к созданию ультразвуковой терапии. Эти технологические прорывы превратили физиотерапию из эмпирической практики в научно обоснованный метод лечения, что способствовало ее быстрой интеграции в клиническую медицину.

Бурное развитие промышленности в XIX веке привело к значительным изменениям в структуре заболеваемости. Урбанизация, тяжелые условия труда и экологические проблемы способствовали росту хронических патологий опорно-двигательного аппарата, нервной системы и органов дыхания. Традиционные методы лечения оказывались малоэффективными, что создало потребность в новых терапевтических подходах, среди которых физиотерапия заняла особое место благодаря своей безопасности и физиологичности.

Особенно востребованной физиотерапия стала в период Первой мировой войны (1914-1918), когда перед медициной встала беспрецедентная задача массовой реабилитации раненых. Тысячи солдат с последствиями травм, ампутациями и неврологическими нарушениями требовали восстановительного лечения. Это способствовало быстрому развитию физиотерапевтических отделений в госпиталях, стандартизации методик и формированию профессионального сообщества физиотерапевтов, что стало важным этапом в институционализации данной медицинской специальности.

Институционализация физиотерапии началась с формирования специализированных лечебных учреждений в Европе XIX века. В Германии, Австро-Венгрии и Франции появились первые бальнеологические курорты и водолечебницы, сочетавшие природные факторы с научным подходом. Особую известность приобрели курорты Баден-Бадена (Германия) и Карловых Вар (Австро-Венгрия), где разрабатывались стандарты санаторно-курортного лечения.

На рубеже XIX-XX веков физиотерапия перешагнула границы курортов и вошла в систему стационарной медицины. В крупных больницах Лондона, Парижа и Берлина начали создавать отделения физиотерапии, оснащенные электротерапевтическими аппаратами. Особенно интенсивно этот процесс пошел после Первой мировой войны, когда в военных госпиталях массово открывались реабилитационные центры с физиотерапевтическими кабинетами, что заложило основы современной системы физиотерапевтической помощи.

Становление физиотерапии как полноценной медицинской дисциплины потребовало создания системы профессионального образования. В 1910-1920-х годах в ведущих медицинских центрах Европы и Северной Америки начали формироваться первые учебные программы по физиотерапии. В 1914 году в Великобритании была учреждена Школа физиотерапии при больнице Св. Томаса в Лондоне, ставшая образцом для подобных заведений. В США первые курсы по «лечебной физкультуре и массажу» появились в 1916 году при Рид-колледже (Портленд).

Параллельно развивалась научная база физиотерапии. В 1921 году была основана Американская ассоциация физиотерапии (APTA), сыгравшая ключевую роль в стандартизации образования и практики. В Европе аналогичные процессы привели к созданию Международной федерации по физиотерапии (1951). Эти организации разрабатывали учебные стандарты, поддерживали научные исследования и способствовали признанию физиотерапии самостоятельной медицинской специальностью. Особое внимание уделялось доказательной базе методов, что позволило перейти от эмпирического подхода к научно обоснованной практике.

Середина XX века стала периодом правового оформления физиотерапевтической практики. В 1940-1960-х годах большинство развитых стран ввели обязательное лицензирование физиотерапевтов, установив

единые требования к образованию и квалификации. В США этот процесс завершился созданием Национального совета по сертификации физиотерапевтов (1954), в Великобритании – принятием Акта о профессиях, связанных со здоровьем (1960).

Важную роль в стандартизации сыграли ВОЗ и национальные системы здравоохранения. В 1958 году ВОЗ выпустила первые рекомендации по физиотерапии, а к 1970-м годам были разработаны международные протоколы лечения основных заболеваний. Национальные министерства здравоохранения начали включать физиотерапевтические услуги в программы обязательного медицинского страхования, что окончательно закрепило статус физиотерапии как полноценной медицинской специальности.

Современная физиотерапия сформировалась как самостоятельная медицинская профессия благодаря четкому определению ее научных основ и практических задач. Основу профессионализации составили три ключевых критерия:

Научная база физиотерапии базируется на фундаментальных знаниях:

- Физиологии (понимание механизмов адаптации организма к физическим воздействиям)
- Биофизики (изучение влияния физических факторов на клеточном и тканевом уровнях)
- Доказательной медицины (валидация методов через клинические исследования)

Развитие инструментальной диагностики (ЭМГ, стабилометрия, термография) позволило объективизировать оценку эффективности физиотерапевтических вмешательств. С 1990-х годов внедрение принципов evidence-based medicine стало обязательным требованием к разработке новых методик.

Практические задачи современного физиотерапевта включают:

- Медицинскую реабилитацию (восстановление после инсультов, травм, операций)
- Функциональное восстановление (коррекция двигательных нарушений)
- Профилактику заболеваний (программы для групп риска)
- Паллиативную помощь (улучшение качества жизни хронических больных)

Профессиональная деятельность регламентируется международными классификациями (ICF ВОЗ) и стандартами оказания помощи. Особое внимание уделяется междисциплинарному подходу – взаимодействию с неврологами, ортопедами, спортивными врачами.

- Этические и правовые нормы:
- Лицензирование и сертификация специалистов

• Соблюдение медицинской этики
• Контроль качества оказания услуг

Современный физиотерапевт – это высококвалифицированный специалист, владеющий как традиционными методами (массаж, ЛФК, электролечение), так и инновационными технологиями (роботизированная реабилитация, виртуальная реальность). Профессия продолжает развиваться, отвечая на вызовы современной медицины – рост числа пациентов с хроническими заболеваниями, потребность в качественной реабилитации и профилактике.

Заключение

Физиотерапия прошла сложный путь от эмпирических практик древности до высокотехнологичной медицинской специальности, сформировавшись как ответ на актуальные запросы медицины и общества. Ее становление отражает эволюцию подходов к лечению: от использования природных факторов к разработке строго научных, доказательных методик. Ключевыми этапами институционализации стали создание специализированных учреждений (XIX в.), развитие профессионального образования (начало XX в.) и нормативное закрепление (середина XX в.), что позволило физиотерапии занять важное место в современной системе здравоохранения.

Сегодня профессия физиотерапевта продолжает динамично развиваться, интегрируя новейшие технологии – роботизированные реабилитационные комплексы, телемедицинские консультации, VR-тренинги. Эти инновации открывают перспективы для персонализированного подхода в реабилитации и расширяют возможности профилактической медицины. Как междисциплинарная область, сочетающая достижения фундаментальной науки с практическим здравоохранением, физиотерапия остается востребованной специальностью, значение которой будет только возрастать в условиях старения населения и роста хронических заболеваний.

ЛИТЕРАТУРА

1. American Physical Therapy Association. Guide to Physical Therapist Practice. 3rd edition. APTA, Physical Ther. 2021. 81(1): 9-746
2. Cameron M.H. Physical Agents in Rehabilitation: From Research to Practice. 6th ed. Elsevier, 2022. – 480 p.
3. Khan F., Amatya B. Tele-Rehabilitation: Current Status and Future Perspectives / Khan F. // Journal of Telemedicine and Telecare. 2022. Vol. 28, № 3. – P. 189-201.
4. Mehrholz J. et al. Robotic-Assisted Gait Training in Neurological Patients: Current Evidence/ Mehrholz J. // Journal of NeuroEngineering and Rehabilitation. 2021. Vol. 18, № 1. – P. 1-12.
5. Pizzorno J.E., Murray M.T. Textbook of Natural Medicine. / Pizzorno J.E // 5th ed. Elsevier, 2020. – P. 45-68.

6. Robertson V. et al. Electrotherapy Explained: Principles and Practice. /Robertson V. // 5th ed. Butterworth-Heinemann, 2019. – 432 p.
7. Всемирная организация здравоохранения. Реабилитация в системах здравоохранения/ ВОЗ. – Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2017. – 96 с.
8. Кузнецов В.Ф. Развитие физиотерапии в России и за рубежом. / Кузнецов В.Ф. //– СПб.: СпецЛит, 2015. – 192 с.
9. Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ) / Всемирная организация здравоохранения. – Женева: ВОЗ, 2001. – 342 с.

Научное издание

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сборник материалов
VIII Международной научной конференции

Подписано в печать с оригинал-макета 20.06.2025.
Формат 60 x 84 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «Times New Roman».
Условн. печ. л. 30,36.

МОО «ИС» 241524, Брянская область, Брянский р-н,
п Мичуринский, Депутатская ул, д. 6